ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ „КАПИТАЛА"

(Экономические рукописи
К. Маркса
1857–1859 годов)

ИНСТИТУТ МАРКСИЗМА-ЛЕНИНИЗМА
при ЦК КПСС

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ „КАПИТАЛА"

(Экономические рукописи
К. Маркса
1857–1859 годов)

Москва
Издательство
политической
литературы
1987

ББК 11.25
П26

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. С. Выгодский, Л. Р. Миськевич,
М. П. Мчедлов (ответственный редактор),
М. В. Терновский, А. Ю. Чепуренко

В редактировании ряда глав принимали участие
Л. Л. Васина, В. Н. Кузнецов

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ:

канд. филос. наук И. К. Антонова — гл. XI, разд. 3, 4; *канд. экон. наук Л. Л. Васина* — гл. I, разд. 1; гл. IV, разд. 1, 3; *докт. экон. наук В. С. Выгодский* — введение; гл. I, разд. 2; гл. III, V; гл. VIII, разд. 1, 3; гл. XI, разд. 1, 2; заключение; *докт. экон. наук А. М. Коган* — гл. XIV; *докт. экон. наук Томас Марксхаузен* (ГДР) — гл. VII; гл. XII, разд. 2; *канд. экон. наук Л. Р. Миськевич* — гл. I; гл. II, разд. 2; *канд. экон. наук Р. М. Нуреев* — гл. VIII, разд. 2; *канд. экон. наук Д. Г. Плахотная* — гл. V, разд. 1; *канд. экон. наук М. В. Терновский* — гл. VI, разд. 2; гл. XI, разд. 3; *канд. экон. наук Рольф Хеккер* (ГДР) — гл. IV, разд. 2, 3; *канд. экон. наук А. Ю. Чепуренко* — введение; гл. VI, разд. 1; гл. XI, разд. 2, 3; гл. XII, разд. 1; гл. XIII; заключение; *докт. экон. наук В. П. Шкредов* — гл. V, разд. 1; гл. IX, X; *докт. экон. наук Вольфганг Ян* (ГДР) — гл. II, разд. 1. В монографии также использованы материалы *Вольфганга Баумгарта* (ГДР) — в гл. II (разд. 2), *канд. истории. наук Н. С. Румянцевой* — в гл. I (разд. 1), *канд. истории. наук В. А. Смирновой* — в гл. III (разд. 1), гл. IV (разд. 1).

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

докт. экон. наук В. С. Афанасьев,
канд. экон. наук И. А. Болдырев

П26 **Первоначальный вариант «Капитала» (Экономические рукописи К. Маркса 1857—1859 годов) / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; Редкол.: В. С. Выгодский и др.— М.: Политиздат, 1987.— 463 с.**

В книге впервые в советской литературе осуществлено научное исследование истории создания, теоретического и методологического значения рукописи К. Маркса «Критика политической экономии» (1857—1858 гг.) и ее места в идейном наследии основоположников научного коммунизма. В этой рукописи материалистическое понимание истории превратилось из гипотезы в научно обоснованную теорию прежде всего благодаря раскрытию закона прибавочной стоимости. Она явилась итогом почти 15-летних экономических занятий Маркса. В книге впервые на русском языке публикуется рукопись Маркса «Слиток. Завершенная денежная система» (1851 г.).

Адресована научным работникам, преподавателям-обществоведам, аспирантам и студентам.

$\text{П}\frac{0102010000-151}{079(02)-87}\,60-87$

ББК 11.25+65.011.5+65.02

© ПОЛИТИЗДАТ, 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

120 лет тому назад, в сентябре 1867 г., увидел свет I том «Капитала» К. Маркса, появление которого ознаменовало собой революционный переворот в политической экономии. Была создана экономическая теория, дающая целостное понимание закономерностей функционирования капиталистического способа производства и тенденций его развития, изменений в его экономическом строе, были, по словам В. И. Ленина, «открыты *законы* этих изменений, показана в главном и основном *объективная* логика этих изменений и их исторического развития» [1].

Ход мировой истории подтвердил правильность Марксова анализа. Он и ныне «поражает своей исторической масштабностью, меткостью и глубиной,— говорилось в Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии.— Применительно к буржуазной действительности двадцатого века он, пожалуй, стал еще более актуальным, чем в веке девятнадцатом» [2]. В современных условиях, когда перед советскими учеными-обществоведами стоят крупномасштабные задачи по изучению диалектики исторического процесса, путей совершенствования социалистических производственных отношений, кризисной эволюции современного капитализма, всестороннее осмысление великого наследия Маркса, Энгельса, Ленина, обращение к «Капиталу», его теории и методологии остается, наряду с изучением и обобщением общественной практики, важнейшим условием творческого развития марксистско-ленинской экономической теории.

В последние десятилетия советские и зарубежные ученые-марксисты значительно расширили и углубили исследование теоретического наследия Маркса в области политической экономии, перешли от изучения идейного богатства марксистского экономического учения по преимуществу в том виде, как оно изложено в «Капитале», к разработке истории становления Марксовой теории и выработки его метода [3]. Необходимость такого перехода от осмысления Марксова экономического учения в «статике» к выяснению внутренних закономерностей его динамики не вызывает сомнения. «Не голые выводы,— подчеркивал в свое время Ф. Энгельс,— а, наоборот, *изучение* — вот что нам больше всего нужно: выводы — ничто без того развития, которое к ним привело... и выводы более чем бесполезны, если они превращаются в нечто

самодовлеющее, если они не становятся снова посылками для дальнейшего развития» [4].

Разумеется, изучение истории становления экономической теории Маркса, базирующееся прежде всего на глубоком освоении всего богатства содержания «Капитала», началось не вчера. Первым историком «Капитала» был Ф. Энгельс. В. И. Ленин в таких своих работах, как «Три источника и три составные части марксизма», «Карл Маркс» и др. сформулировал научные основы периодизации развития марксизма, в том числе и пролетарской политической экономии. Многое было сделано советскими учеными в 30—60-е гг. [5] Однако приступить к решению столь большой и ответственной задачи, как целостное, комплексное исследование всей 40-летней истории занятий Маркса и Энгельса политической экономией,— занятий, которые и привели к появлению «Капитала», стало возможно лишь сравнительно недавно, в 70—80-е гг.

В этот период, благодаря большой подготовительной работе по собиранию, хранению, расшифровке рукописного наследия основоположников научного социализма, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС смог опубликовать в дополнительных томах 2-го издания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке первый (1857—1858 гг.), второй (1861—1863 гг.) [6] и частично третий (1863—1865 гг.) черновые варианты «Капитала»; кроме того, были опубликованы некоторые важнейшие разночтения между немецким и авторизованным французским изданиями «Капитала», а также приложение к первому немецкому изданию I тома «Капитала» под названием «Форма стоимости» [7]. Были — в основном также впервые — опубликованы на русском языке Марксовы конспекты статьи Энгельса «Наброски к критике политической экономии», работы Дж. Милля «Основы политической экономии», небольшая рукопись «Размышления», которые, как и конспект книги Д. Рикардо «О началах политической экономии» [8], отражают первые шаги Маркса в освоении поначалу новой для него науки — политической экономии.

Дальнейший шаг в этом направлении сделан в настоящей монографии. Здесь впервые на русском языке публикуется в виде приложения рукопись Маркса «Слиток. Завершенная денежная система» (1851 г.), отражающая качественно новый этап исследований по теории денег и денежного обращения — постепенный переход от количественного накопления материала к его обобщению. В ходе систематизации материала Маркс сформулировал также некоторые важные положения по проблемам стоимости и кризисов. Поэтому данная рукопись является ценным источником для характеристики периода, непосредственно предшествующего созданию рукописи 1857—1858 гг. и наименее исследованного в истории «Капитала».

В 70 — первой половине 80-х гг. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС и Институт марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ

развернули работу над новым изданием — Полным собранием сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на языках оригинала (МЭГА). Во II отделе МЭГА, документирующем собственно историю работы Маркса над «Капиталом», уже опубликованы первые два и ведется издание третьего рукописного варианта «Капитала» [9]. Публикация в МЭГА рукописи 1857—1858 гг. позволила в ряде случаев уточнить расшифровку текста, усовершенствовать научно-справочный аппарат, частично пересмотреть хронологию работы Маркса в конце 50-х и начале 60-х гг. Воспроизведение в рамках МЭГА всех прижизненных изданий I тома «Капитала» открывает большие возможности для исследования творческой лаборатории Маркса. Уже вышел в свет том с первым немецким изданием [10], и развернулась работа над вторым, третьим и четвертым немецкими, французским и английским изданиями I тома [11]. В IV отделе, отражающем предысторию «Капитала» — экономические занятия Маркса и Энгельса 40 — первой половины 50-х гг.,— публикуются конспекты и выписки по различным вопросам политической экономии, экономической истории и т. д. [12]

Таким образом, существенно расширилась источниковая база для изучения экономического наследия Маркса, основных этапов его идейного развития, предшествовавших выходу в свет «Капитала». Созданы необходимые предпосылки для дальнейшего развития экономического марксоведения.

* * *

Предлагаемая монография является первой в советской литературе попыткой комплексного систематического исследования экономических рукописей 1857—1859 гг., впервые полностью опубликованных ИМЛ при ЦК КПСС в 1939—1941 гг. на языках оригинала под общим редакционным названием «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf)» («Основные черты критики политической экономии (черновой набросок)», в буквальном переводе с немецкого). Речь идет о двух небольших незавершенных фрагментах — «Бастиа и Кэри», «Введение» — и большой рукописи «Критика политической экономии», состоящей из двух глав — «Главы о деньгах» и «Главы о капитале» и являющейся, по существу, первым черновым вариантом будущего труда [13]. К экономической рукописи 1857—1858 гг. примыкают и написанное несколько позднее начало главы I «Стоимость», фрагмент первоначального текста первого выпуска «К критике политической экономии», созданного по материалам «Grundrisse», а также некоторые другие наброски Маркса, которые также в той или иной степени анализируются в настоящей работе.

«Grundrisse» во многих отношениях уникальное произведение.

Прежде всего, здесь дан первый набросок марксистской теории стоимости, на ее основе в общих чертах сформулирована теория прибавочной стоимости, и тем самым заложен «краеугольный

камень экономической теории Маркса» [14], совершено второе великое открытие, превратившее — вслед за открытием материалистического понимания истории — социализм из утопии в науку, хотя многое Марксу еще лишь предстояло решить.

«Grundrisse» отличаются от «Капитала», однако, не только степенью детализации, уровнем научного обоснования. Различия между ними связаны не в последнюю очередь и с тем, что, как писал Маркс в Послесловии ко второму немецкому изданию I тома своего труда, «способ изложения не может с формальной стороны не отличаться от способа исследования. Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» [15]. Именно изучение «Grundrisse», как и других черновых вариантов «Капитала», и позволяет лучше понять, что у Маркса речь идет не о диалектике категорий, а о диалектике предмета — капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена, не об «априорной конструкции».

В данной рукописи отчетливо отразилась и другая особенность экономического учения Маркса, а именно то обстоятельство, что оно на всех этапах разработки создавалось в неразрывной связи с двумя другими теоретическими составными частями марксизма — марксистской философией и теорией научного коммунизма. Это внутреннее единство всех частей теоретического наследия Маркса — показатель замечательной целостности марксистской теории, оно обусловлено уже той главной задачей, которая ставилась в ходе ее разработки: превращение социализма из утопии в науку, его научное обоснование.

Рассмотрение Марксова экономического учения в общем контексте марксистской теории как единого целого не слишком часто встречается даже и в современной марксистской литературе [16], а между тем для Маркса, Энгельса, Ленина указанный аспект был наиважнейшим. Не случайно Маркс называл свое учение «политической экономией рабочего класса», а Ленин в этой же связи говорил о «социалистической экономии» [17] Маркса.

Данный аспект имеет, помимо всего прочего, важное значение для борьбы с теми критиками марксизма, которые отрицают революционные выводы марксистской теории, отрывают марксистскую философию и научный коммунизм от экономического учения Маркса, противопоставляют Марксу-ученому Маркса-революционера. Лучшим опровержением подобных утверждений является глубокое исследование генезиса экономической теории Маркса, позволяющее раскрыть органическое единство между этой теорией и революционными выводами научного коммунизма.

В экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс показал неизбежность революционного превращения буржуазного общества в общество коммунистическое. Это стало возможным только в ре-

зультате принципиальной установки Маркса на разработку политической экономии в «широком смысле», когда каждая экономическая общественная формация рассматривается как исторически обусловленное звено в развитии человеческого общества. Отсюда — то внимание к докапиталистическим формациям и к будущему коммунистическому обществу, которое Маркс уделяет им в первоначальном варианте «Капитала». Взгляды Маркса на коммунистическую экономику, высказанные в данной рукописи, его методологический подход к выяснению основных черт нового общества имеют непреходящее значение, служат надежным компасом при выработке конкретных путей дальнейшего продвижения человечества к коммунизму.

По мере разработки экономической теории Маркс поневоле должен был все больше внимания уделять специальным вопросам капиталистической экономики, тогда как на стадии первоначального варианта «Капитала» он еще рассматривал экономические проблемы в значительно более широком плане, в плане общей теории капиталистического способа производства, охватывающей все важнейшие стороны буржуазного общества. Это же касается и диалектико-материалистического метода Маркса. В «Капитале», где на первый план выдвинулась задача *изложения* полученных научных результатов, Маркс убрал те «методологические леса», которые помогли ему создавать свое учение. В «Grundrisse» же, напротив, наиболее рельефно выступает сам метод *исследования*. Материал рукописи 1857—1858 гг. позволяет также в деталях проследить сложный процесс разработки структуры будущего «Капитала» на его начальной стадии, что, в свою очередь, дает возможность ясно увидеть тот чрезвычайно высокий уровень абстракции, на котором был написан «Капитал». Именно мощная «сила абстракции», примененная Марксом в процессе создания экономической теории, позволила ему раскрыть глубинные тенденции развития капиталистической экономики. В этой связи материал рукописи содержит важные отправные пункты, помогающие в исследовании современного капитализма.

* * *

Работу Маркса над первоначальным вариантом «Капитала» необходимо исследовать как один из этапов в развитии марксизма. При этом, справедливо считая период 50—60-х гг. центральным в истории создания экономического учения Маркса, тем не менее необходимо рассматривать его как *непосредственное продолжение* предыдущего периода — 40-х гг. Различные этапы в истории марксизма, и в частности в истории «Капитала», тесно связаны между собой, так как это различные ступеньки *одной* лестницы. Достижения Маркса в 40-е гг.— в разработке метода экономического исследования, экономической теории, в экономическом обосновании научного коммунизма — явились той отправной точкой, с которой в 1850 г. начался новый этап в создании «Капитала».

Уже в начале 40-х гг. Марксу стал ясен утопический характер предшествующих социалистических и коммунистических воззрений, и тогда же им была поставлена задача «*теоретического обоснования* коммунистических идей» [18]. Однако такое обоснование стало возможным только в результате разработки (совместно с Энгельсом) диалектико-материалистического понимания истории и создания теории прибавочной стоимости. «Благодаря этим открытиям,—писал Энгельс,— социализм стал наукой» [19].

Материалистическая концепция исторического процесса была создана Марксом и Энгельсом в 1843—1846 гг. на основе проведенных ими философских, исторических и экономических исследований. Тогда же, в качестве главного вывода из данной концепции, были сформулированы общие положения теории научного коммунизма, сутью которых, по характеристике Ленина, является «выяснение всемирно-исторической роли пролетариата как созидателя социалистического общества»; выяснение этого Ленин считал «главным в учении Маркса» [20]. Действительно, в 1843—1844 гг. в работе «К критике гегелевской философии права. Введение» Маркс впервые пришел к следующему выводу: если пролетариат хочет освободить себя от угнетения, которому он подвергается в буржуазном обществе, от капиталистической эксплуатации, он должен уничтожить само это общество, основанное на частной собственности, и построить общество без классов, коммунистическое общество. С тех пор, говоря словами Энгельса, «теоретическое выражение позиции пролетариата» в классовой борьбе с буржуазией, «теоретическое обобщение условий освобождения пролетариата» [21] становится центральной задачей всего марксистского учения. Энгельс обращал особое внимание на революционный характер тех выводов, которые следовали из материалистического понимания истории: «...при дальнейшем развитии нашего материалистического тезиса и при его применении к современности нам сразу открывается перспектива великой, величайшей революции всех времен» [22].

Однако разработка материалистического понимания истории, так же как и вытекающей из него теории научного коммунизма, отнюдь не была завершена в 40-е гг.; напротив, она была в то время лишь начата. «*Пока* это была еще только гипотеза, но,— подчеркивал Ленин,— такая гипотеза, которая впервые создавала возможность строго научного отношения к историческим и общественным вопросам» [23]. В частности, материалистическая концепция истории указывала пути дальнейшей разработки и обоснования теории научного коммунизма.

Для того чтобы выяснить действительное положение рабочего класса в буржуазном обществе и дать научный прогноз того будущего, которое его ожидает, необходимо было вскрыть коренные тенденции развития данного общества, механизм его функционирования. Из материалистического понимания истории следовало, что основой буржуазного общества является его экономика, капита-

листический способ производства, поэтому первоочередной задачей стало открытие и исследование «экономического закона движения» [24] этого общества. «Признав, что экономический строй является основой, на которой возвышается политическая надстройка,— отмечал Ленин,— Маркс всего более внимания уделил изучению этого экономического строя» [25]. Разработанная в «Капитале» теория прибавочной стоимости, создание которой Энгельс считал «полной и законченной научной революцией» [26] в политической экономии, позволила раскрыть механизм функционирования капиталистического способа производства и обнаружить коренные тенденции его развития. Ленин подчеркивал, что «неизбежность превращения капиталистического общества в социалистическое Маркс выводит всецело и исключительно из экономического закона движения современного общества» [27]. Создание основ экономической теории марксизма в «Grundrisse» означало, таким образом, экономическое обоснование теории научного коммунизма, а вместе с тем и завершение процесса превращения социализма из гипотезы в «научно доказанное положение» [28].

Экономическое учение Маркса неотделимо и от марксистского диалектико-материалистического метода, конкретизацией которого, применением «к фактам определенной эмпирической науки, политической экономии» [29] явилось создание логики «Капитала» [30] — метода экономического исследования Маркса. «Выработку метода, который лежит в основе марксовой критики политической экономии,— писал Энгельс,— мы считаем результатом, который по своему значению едва ли уступает основному материалистическому воззрению» [31].

Экономическое учение Маркса явилось обоснованием теории научного коммунизма не только и не столько потому, что те выводы, к которым пришел Маркс в ходе разработки этого учения, полностью подтвердили ранее сформулированные основные положения научного коммунизма. Самое важное заключается в том, что разработка экономического учения дала Марксу возможность существенно *дополнить* и *развить* указанные основные положения, настолько конкретизировать теорию научного коммунизма, что ее выводы смогли получить всестороннюю *практическую* проверку в ходе классовой борьбы пролетариата. Теория научного коммунизма, а тем самым и ее теоретическая основа, в первую очередь материалистическое понимание истории, была проверена ходом исторического процесса уже в революционных битвах 1848—1849 гг. История I Интернационала также свидетельствует о том, что теория Маркса в 60-е гг. XIX в. становилась для рабочего класса подлинным руководством к действию в его политической и экономической борьбе с классом капиталистов. Стимулируя дальнейшее развитие марксистского экономического учения, указанная историческая проверка вместе с тем показала, что это учение адекватно раскрывает структуру капиталистической экономики, механизм ее функционирования, коренные тенденции ее развития. Ленин

отмечал, что «наиболее глубоким, всесторонним и детальным подтверждением и применением теории Маркса является его экономическое учение»[32].

* * *

Свою задачу в настоящей монографии авторский коллектив видел в том, чтобы раскрыть сформулированные выше тезисы и таким образом показать, в чем заключалась научная революция, которую осуществил Маркс в объемистой рукописи, не увидевшей света при его жизни.

Эта революция была подготовлена пятнадцатилетними интенсивными занятиями в библиотеках Парижа, Манчестера, Брюсселя, Лондона. Поэтому авторы считали необходимым также — в той мере, в какой позволяет сегодня источниковая база,— осветить и этот, до сих пор малоисследованный, этап его творческой биографии. В то же время, поскольку произведения того периода — «Экономическо-философские рукописи 1844 года», «Немецкая идеология», «Нищета философии», «Манифест Коммунистической партии», «Наемный труд и капитал» и некоторые другие,— где формулируются первые, пока еще не вполне самостоятельные, суждения Маркса в области политической экономии, достаточно хорошо изучены и освещены в советской литературе, им уделено относительно меньше внимания при рассмотрении предыстории «Капитала».

«Grundrisse» завершают предысторию главного произведения Маркса, и в то же время с них начинается его собственная история.

Глава I

ЗАНЯТИЯ МАРКСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ в 40-е гг.

1. ИНТЕНСИВНОЕ ИЗУЧЕНИЕ РАБОТ БУРЖУАЗНЫХ ЭКОНОМИСТОВ

Вывод о том, что «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [1], сделанный под влиянием опыта публицистической и научной деятельности начала 40-х гг., неизбежно привел Маркса к осознанию необходимости заняться новой для него наукой. Переезд в Париж (осень 1843 г.), знакомство с рабочим движением во Франции, статья Ф. Энгельса «Наброски к критике политической экономии» в журнале «Deutsch-Französische Jahrbücher», одним из редакторов которого был Маркс, а также изучение социалистической и коммунистической литературы во многом способствовали тому, что Маркс занялся изучением политической экономии.

Открытие исторической роли пролетариата неизбежно требовало осмысления экономических условий его существования. Центральным пунктом размышлений Маркса в этот период становится проблема частной собственности. И это не случайно. Идеологи буржуазии исходили из законности и незыблемости этой основы капиталистического общества. Признание «естественности» частной собственности означало бы для пролетариата увековечивание его рабского положения, тогда как провозглашение ее несправедливости и неправомерности было первым шагом на пути к научному обоснованию исторической неизбежности перехода к коммунизму. Отмена частной собственности была требованием всех коммунистических течений того времени. Поэтому понятно, что, приступив к изучению экономической литературы, Маркс стремится, в частности, уяснить для себя вопрос: каким образом буржуазные экономисты обосновывают правомерность частной собственности?

1.1. Парижские эксцерптные тетради (1843—1845 гг.)

Систематические экономические занятия Маркса начались примерно в конце 1843 — начале 1844 гг. в Париже серией конспектов и выписок по политической экономии, получивших в современной литературе название парижских эксцерптных [2] тетрадей. Уже в них наметились основные направления исследований

Маркса не только в 40-х гг., но и на более длительную перспективу. Круг его интересов с самого начала был достаточно широким. Выяснение законов развития буржуазного производства требовало *всестороннего* изучения экономической теории, уяснения систем и категорий политической экономии, разграничения различных школ и направлений. Наряду с интересом к общетеоретическим, фундаментальным проблемам политэкономии у Маркса уже в Париже наметились отдельные конкретные направления, которые в последующем получат более глубокое развитие.

Парижские эксцерптные тетради свидетельствуют, что Маркс быстро продвигался в освоении политической экономии. Во всяком случае ясно, что к августу 1844 г., ко времени знаменательной встречи Маркса и Энгельса в Париже, политическая экономия уже стала основной сферой научных интересов Маркса. Энгельс впоследствии писал об этом периоде: «Свои экономические занятия Маркс начал в 1843 г. в Париже изучением великих англичан и французов» [3].

Среди изученных и законспектированных Марксом в Париже произведений были основные работы видных английских экономистов, создателей классической буржуазной политической экономии А. Смита и Д. Рикардо, сочинения их последователей, интерпретаторов и противников — английских и французских экономистов Дж. Милля, Мак-Куллоха, Сэя, Дестюта де Траси, Прево, Скарбека, которых Маркс оценит впоследствии в основном как вульгаризаторов учения классиков, книга французского социалиста Бюре о положении пролетариата в Англии и Франции и работы немецких экономистов Шюца, Листа, Озиандера и, наконец, «Наброски к критике политической экономии» Энгельса.

Даже простой перечень сочинений и имен экономистов, изученных Марксом в Париже, свидетельствует о его намерении проследить развитие буржуазной экономической мысли в достаточно широком историческом диапазоне, проанализировать взгляды экономистов разных эпох и различных направлений. Маркс в это время еще не проводит различия между отдельными направлениями в буржуазной политической экономии и выбирает, скорее всего, тех авторов и те работы, которые имели тогда наибольшее распространение. Немалое влияние на выбор авторов оказали и «Наброски к критике политической экономии» Энгельса.

Изучая и конспектируя книги буржуазных экономистов, Маркс знакомится с основами буржуазной политической экономии, с ее категориями. Первые его конспекты (выписки из книг Смита и Сэя) являются в большинстве своем простым отражением содержания этих книг. Выписки из книг Сэя делаются преимущественно на французском языке, лишь с отдельными немецкими словами, служащими связками. Только в одном месте они сопровождаются собственными замечаниями Маркса. Выписав из сэевского «Трактата по политической экономии» краткие определения «принципов, управляющих природой и обращением богатства»,

Маркс делает весьма характерное замечание относительно буржуазной политической экономии, связанное с его тогдашними взглядами на основу буржуазного общества: «*Частная собственность* есть факт, обоснованием которого политическая экономия не занимается, но который составляет ее основу.

Нет ни одного *богача* без частной собственности, и политическая экономия по своей сути есть *наука обогащения.* Следовательно, нет никакой политической экономии без частной собственности. Вся политическая экономия покоится, таким образом, на факте, который не обязателен». Буржуазной политической экономией при определении богатства «подставляется понятие *стоимости,* которое еще не развито; поэтому богатство определяется как «сумма стоимостей», «сумма ценных вещей», которыми владеют» [4].

Уже следующая тетрадь с выписками из французского издания книги Смита «Исследования о природе и причинах богатства народов» показывает, насколько Маркс продвинулся в овладении экономической терминологией. Этот конспект написан в основном по-немецки, лишь некоторые цитаты даны по-французски. Попутно Маркс делает отдельные критические замечания. Уже на 4-й странице конспекта I тома Маркс замечает, что Смит в своих объяснениях замыкается в порочном кругу: «Чтобы объяснить разделение труда, он подставляет обмен. Но чтобы обмен был возможен, он должен уже предполагать разделение труда, различие человеческой деятельности» [5]. И в ряде других мест своего конспекта Маркс также отмечает ошибки и противоречия в объяснениях Смита.

Сразу после этого Маркс предпринял первую попытку обобщить материал и создал первую из «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Эта попытка убедила его в недостаточности знаний. Он продолжил знакомство с экономической литературой. Он читает Рикардо, Милля, Мак-Куллоха. Чем дальше продвигается Маркс в изучении политической экономии, тем больше в его эксцерптных тетрадях становится замечаний, собственных комментариев, отражающих его отношение к тем или иным положениям буржуазных экономистов.

Все парижские экономические эксцерпты Маркса проникнуты одной идеей: буржуазная политическая экономия базируется на ложной основе — на признании незыблемости частной собственности, но не объясняет ее, не раскрывает ее социального содержания. Для Маркса все буржуазные экономисты, независимо от того, к какой экономической школе они относились, выступают защитниками частной собственности, отличаются между собой лишь по форме ее защиты. Их точке зрения он противопоставляет свою точку зрения — точку зрения коммуниста, считающего частную собственность фактом «отнюдь не обязательным». В домарксовой социалистической литературе частная собственность была подвергнута острой критике. Однако критика ее Марксом

существенно отличается от критики социалистов-утопистов, так как он ведет ее с позиций материализма и коммунизма.

Маркс показывает в своих парижских эксцерптах, что именно признание буржуазными экономистами незыблемости частной собственности не позволяет им правильно решить целый ряд проблем, ставит их в заколдованный круг тех непреодолимых противоречий, из которого они не могут найти выхода.

С еще большей силой Маркс разоблачал стремление буржуазных экономистов скрыть антагонистические противоречия капиталистического общества. «Подлость политической экономии,— критикует Маркс рикардианцев,— заключается в том, что, взяв в качестве предпосылки созданную частной собственностью враждебную противоположность интересов, она строит свои спекулятивные рассуждения так, будто интересы не разобщены, а собственность — общее достояние. Таким образом, она способна доказать, что, если я все потребляю, а ты все производишь, с точки зрения общества производство и потребление находятся в надлежащем порядке» [6]. Так уже в своих первых критических замечаниях к выпискам из работ буржуазных экономистов Маркс вскрывает апологетический смысл их теорий.

Под углом зрения критики частной собственности Маркс рассматривает в парижских эксцерптах и все остальные связанные с нею и определяемые ею проблемы и категории — такие, как стоимость, деньги, кредит и т. д. Причем в своем подходе к этим категориям Маркс исходит из того, что они являются не только следствием частной собственности, но, в свою очередь, воздействуют на нее, увеличивая ее общественную силу и господство над людьми.

Конспектируя работы буржуазных экономистов, Маркс заметил, что центральное место в их теориях занимает проблема стоимости, вопрос о том, что лежит в ее основе, чем определяется величина стоимости товаров и каков механизм их обмена — закон стоимости. При этом он сразу отметил, что разные экономисты по-разному трактуют эту проблему. В первоначальных выписках из работ Сэя, Скарбека и Смита Маркс аккуратно заносит в тетради даваемые ими определения стоимости [7], но уже в комментариях к выпискам из книги Рикардо «О началах политической экономии и налогового обложения» он записывает: «Рикардо фиксирует в определении стоимости лишь издержки производства, Сэй — полезность/потребность. У Сэя конкуренция заступает место издержек производства» [8]. Такое же сопоставление определений стоимости у разных экономистов Маркс находит и в статье Энгельса и составляет ее краткий конспект. В это время Маркс, как и Энгельс, отрицательно относится к рикардовской трудовой теории стоимости — на том основании, что в условиях частной собственности стоимость не имеет реального существования, она абстрактна, реальны же лишь рыночные цены, определяемые конкуренцией.

Кроме того, Маркс считал в 40-е гг., что при господстве частной собственности превышение цены над стоимостью обусловлено данью владельцам земли и капитала. Он писал: «Рикардо развивает ту мысль, что труд охватывает всю сумму цены, потому что капитал есть тоже труд... он позабыл включить сюда прибыли капитала и земли, которые никогда не предоставляются даром. Прудон справедливо заключает отсюда, что там, где существует частная собственность, вещь *стоит* больше своей стоимости, это и есть дань частному собственнику» [9].

Но постепенно Маркс отказывается от безоговорочного отрицания закона стоимости. В своих обширных комментариях к конспекту книги Дж. Милля «Основы политической экономии» он продолжает считать трудовую теорию стоимости абстракцией, но критикует школу Рикардо уже лишь за односторонность этой абстракции [10].

Важное место в парижских тетрадях занимает проблема денег — одной из категорий, трактуемых во всех изучаемых Марксом книгах. Первоначально Маркс лишь выписывает из книг без всяких комментариев цитаты о деньгах.

Первые выписки по проблеме денег Маркс сделал уже в конспекте работы Сэя. Они свидетельствуют, что хотя Сэй и называл себя последователем Смита и повторял вслед за ним положение о товарной природе денег, однако отказ от трудовой теории стоимости повлек за собой и вульгарное определение стоимости денег соотношением спроса и предложения. «Стоимость денег,— выписывает Маркс,— всегда прямо пропорциональна потребности в них и обратно пропорциональна их наличному количеству» [11].

Вслед за первым определением Маркс записал важный вывод Сэя, что «деньги не служат ни *знаком,* ни мерилом», ибо «для этого нужно было бы иметь некую неизменную стоимость, а таковой не существует» [12].

Поскольку именно с высказываний Сэя о деньгах началось знакомство Маркса с трактовкой денег в буржуазной политэкономии, то, не имея пока представления о взглядах других авторов на эту проблему, Маркс не делает по поводу приведенных цитат каких-либо замечаний.

Значительно больший интерес представляют выписки по проблеме денег в конспекте книги А. Смита. Хотя Маркс строго следовал за содержанием самой работы, вместе с тем он предпринимает здесь попытку собственной систематизации материала. Так, законспектировав главы книги 1 о развитии разделения труда, Маркс переходит к теории стоимости Смита, изложение которой начинается с рассмотрения вопроса о происхождении и функциях денег. Стремясь отразить весь материал по теории денег в одном месте, он включил в этот раздел конспекта выписки из главы 1 книги 2, где Смит рассматривал деньги как часть общих запасов общества. И только после этого Маркс возвратился к проблема-

тике книги 1, законспектировав разделы о заработной плате, прибыли на капитал, земельной ренте и т. д.

В конспекте «Богатства народов» Маркс проследил, как классик английской политической экономии решал проблему происхождения денег и определял сущность этой экономической категории. Смит, как известно, связывал появление денег с коллективным процессом развития разделения труда, превращения общества в «торговый союз», каждый член которого начинает все более специализироваться на производстве какого-либо «специального продукта», а свои потребности в других продуктах может удовлетворить, только «обменяв избыток своей продукции на продукт чужого труда» [13]. Маркс выписывает определения Смита по-французски, переводит часть их на немецкий язык. Он прослеживает, какие исторические стадии, по Смиту, проходят в своем развитии деньги, пока функции денег не берут на себя благородные металлы. Он не видит еще ограниченности такого анализа развития денежной формы стоимости, на этом этапе его, по всей видимости, удовлетворяет объяснение Смита.

Следующая выписка обращает на себя внимание: «Чтобы не очутиться в неудобном положении, когда избыточный товар одного другому не нужен, каждый разумный человек, естественно, должен был стараться так устроить свои дела, чтобы постоянно наряду,— подчеркивает Маркс,— *с особыми продуктами своего собственного промысла* иметь *некоторое количество* такого товара, который... никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла».

В этой цитате Маркс отмечает тонкое наблюдение Смита: по мере развития разделения труда и обмена деньги отделяются от всех других товаров, выделяются из товарного мира. Из этого положения вытекало следующее выписанное Марксом определение денежных функций: «У всех цивилизованных народов деньги стали *всеобщим орудием торговли,* при посредстве которого продаются и покупаются товары всякого рода или же *обмениваются один на другой*» [14]. Таким образом, зафиксировав выделение денег из мира товаров, Смит прямо переходил к определению функции денег как простого посредника обмена, средства обращения, не задаваясь вопросом о том, почему такое выделение происходит.

Важное место в смитовском анализе денежных функций занимала функция денег как меры стоимости. «*Реальной ценой* товаров» является труд, а «*деньги* — лишь их *номинальная стоимость*»,— выписывает Маркс. «Но при купле и продаже... происходящих в одно и то же время и в одном и том же месте, реальная цена и номинальная цена товара идентичны. В этом случае,— выделяет Маркс слова Смита,— деньги представляют собой *точное мерило меновой стоимости всех товаров*» [15].

Выражение стоимости товара в деньгах в теории Смита было связано с его определением стоимости покупаемым трудом. Эту характерную особенность смитовского подхода к деньгам Маркс так-

же отметил в своем конспекте: «С того момента как... *деньги* стали всеобщим орудием торговли, каждый отдельный товар обменивается чаще на деньги, чем на любой другой товар. Отсюда обычай определять меновую стоимость каждого товара количеством денег, которое можно получить на него в обмен, а не количеством труда или любого другого товара» [16]. Включение денег в определение стоимости покупаемым трудом свидетельствовало о том, что Смит улавливал важный момент теории стоимости и денег: общественное признание продукта индивидуального труда связано с его обменом на особый товар, деньги.

Противоречивые определения стоимости в системе Смита в какой-то мере отражали противоречивость и специфику создающего стоимость труда. Смит приближался к правильному пониманию связи денег со стоимостью товара, но не смог развить до конца и осознать значение своей гениальной догадки. Уровень Марксовых экономических знаний не позволил ему тогда должным образом оценить важность выписанного положения. Но сам факт включения высказывания Смита в конспект можно расценить как понимание Марксом того, что в теории Смита указанное определение играло существенную роль. Какую — этого Маркс пока еще не мог установить.

Систематизируя высказывания Смита о деньгах, Маркс конспектирует в этом разделе основные положения главы 2 книги 2, где деньги рассматриваются как часть оборотного капитала страны. Здесь приводится известное определение денег как колеса обращения [17].

Обратившись к книге Рикардо, Маркс выписывает из нее высказывания о деньгах в той же последовательности, что и в самой книге, т. е. без какой бы то ни было попытки их систематизации. Теория денег Рикардо была, как известно, внутренне противоречивой. Наряду с правильным рассмотрением денег как товара, стоимость которого определяется затратами труда, Рикардо разделял и точку зрения количественной теории денег, полагая, что стоимость денег зависит от их количества. Непоследовательность взглядов Рикардо на деньги отчетливо прослеживается и в конспекте Маркса, поскольку отмеченные в нем одни положения тут же отрицаются другой цитатой. Так, он выписывает положение о невозможности переполнения каналов денежного обращения, которое играло существенную роль в количественной теории: «Находящиеся в обращении деньги никогда не могут быть в таком изобилии, чтобы переполнить рынок; уменьшая их стоимость, вы в той же самой пропорции увеличиваете их количество; увеличивая их стоимость, вы пропорционально уменьшаете их количество». И сразу же вслед за этим зафиксировано правильное положение теории денег Рикардо: «Золото и серебро имеют стоимость соответственно количеству труда, необходимого для их производства и доставки на рынок. Золото в 15 раз дороже серебра, так как требует в 15 раз бóльших затрат труда» [18].

Конспект рикардовских «Начал» показывает, что Маркс в этот период некритически подходит к теории денег Рикардо, не видит отождествления в ней закономерностей металлического и бумажно-денежного обращения и противоречия ее трудовой теории стоимости. Выписки о деньгах носят фрагментарный характер и не отражают всей совокупности взглядов Рикардо.

В конспекте книги Милля Маркс, отталкиваясь от определения денег как посредника обмена, углубляет это положение и развивает высказанную еще в статье «К еврейскому вопросу» идею об отчуждающей силе денег в буржуазном обществе. Однако там, где Милль видел лишь обмен продуктов труда, опосредуемый деньгами, Маркс говорит об извращенно представляемых в деньгах отношениях буржуазного общества. Вследствие господства частной собственности сами производственные связи обособленных индивидов проявляются и осуществляются только в движении вещей. «Сущность денег заключается прежде всего не в том, что в них отчуждается собственность, а в том,— подчеркивает Маркс,— что здесь *отчуждается* и становится свойством *материальной вещи,* находящейся вне человека, свойством денег, та *опосредствующая деятельность* или то опосредствующее движение, тот *человеческий,* общественный акт, в результате которого продукты человека взаимно восполняют друг друга» [19]. Маркс образно называет деньги *«действительным богом».* Его «культ становится самоцелью».

В этом конспекте Маркс впервые задается вопросом о происхождении денег. Их возникновение он связывает с развитием разделения труда и обмена. «Почему частная собственность неизбежно должна развиваться в *деньги?* — спрашивает Маркс.— Потому, что человек как существо общительное неизбежно должен прийти к *обмену,* а обмен — при наличии частной собственности как своей предпосылки — неизбежно должен привести к *стоимости... Деньги* только и являются действительным существованием стоимости как стоимости» [20]. В трактовке этой проблемы прослеживается связь с конспектом «Богатства народов» Смита. Как и Смит, Маркс считает деньги продуктом стихийного развития разделения труда и обмена. Несомненной заслугой Смита было установление связи между стоимостью и деньгами как воплощением стоимости. Но почему стоимость с необходимостью приобретает внешнее существование в образе денег? Неразработанность этого вопроса в теории стоимости буржуазной политэкономии не давала Марксу возможности углубить понимание проблемы происхождения денег.

Между тем эта проблема его серьезно занимала. Не случайно связи денег со стоимостью товара Маркс уделяет большое внимание в замечаниях к конспекту Милля. В буржуазном обществе, отмечает он, продукт отдельного товаропроизводителя все больше приобретает для него значение эквивалента, он производится как стоимость, а не как продукт для его личного потребления. Из этого наблюдения Маркс делал вывод о том, что в развитом товарном

производстве для товаропроизводителя в конечном счете безразлично, какой товар он производит, для него важен лишь обмен товара на деньги. Это позволило Марксу говорить о существовании «денежной души, которая пронизывает все звенья производства и все движения буржуазного общества» [21]. Понимание того, что только в деньгах товар, стоимость, получает общественное признание, было шагом к уяснению сущности денег как всеобщего эквивалента и их места в капиталистической экономике.

Резюмируя результаты своего изучения взглядов буржуазных экономистов на деньги, Маркс в замечаниях к конспекту Милля наряду с определением денег как товара подчеркивал их особое положение в буржуазном производстве. Он разграничивает сущность денег как общественного отношения и предметную форму их существования. При этом, предвосхищая некоторые явления современного денежного обращения, он подчеркивает, что чем более в ходе своего развития деньги утрачивают конкретную натуральную форму своего бытия, тем более адекватное выражение получает общественная сущность денег. Здесь сделан существенный шаг вперед по сравнению с первыми выписками Маркса по проблеме денег из Сэя: утрата деньгами конкретной натуральной формы, а не «некая неизменная стоимость», позволяет им исправно выполнять свою роль «мерила», полагает теперь Маркс. Поэтому бумажные и кредитные деньги он рассматривает как более совершенные формы денег и как необходимый момент в их прогрессирующем развитии. Рассмотрение денег как развивающегося феномена отличало подход Маркса к анализу денег от буржуазных экономистов и придавало ему новаторский характер. В основе этого подхода лежал вырабатываемый в процессе теоретических занятий Маркса принципиально новый метод исследования экономических явлений.

Критика теорий буржуазных политэкономов у Маркса неразрывно связана с критикой капитализма, с выявлением антагонизмов капиталистического общества. Характеризуя эти неразрешимые противоречия, с особой силой проявляющиеся на примере кризисов перепроизводства, он пишет: «В политической экономии бывают разные чудеса: наряду с перепроизводством — крайняя нищета; наряду с ростом капиталов и способов их применения, с одной стороны, и благодаря тому же росту — ограниченная возможность производительного их применения, с другой» [22].

Буржуазные экономисты, не мыслящие общество вне частной собственности, считали общество частных собственников единственно нормальным обществом. По словам Маркса, они рассматривали *«отношения человека к человеку* как отношения *частного собственника к частному собственнику»* [23], связи и отношения которых устанавливаются при посредстве обмена. Однако при этом они забывали тот факт, что частная собственность, обособляя людей друг от друга, противопоставляя их друг другу, не может уничтожить общественной сущности человека. «От человека

не зависит,— размышляет Маркс, подходя тем самым к одному из важных своих открытий этого времени,— быть или не быть этой общественной связи; но до тех пор, пока человек не признает себя в качестве человека и поэтому не организует мир по-человечески, эта *общественная связь* выступает в форме *отчуждения*... его деятельность оказывается в силу этого мукой, его собственное творение — чуждой ему силой, его богатство — его бедностью... его власть над предметом оказывается властью предмета над ним, а сам он, властелин своего творения, оказывается рабом этого творения» [24],— резюмирует Маркс. Такой труд он называет «отчужденным трудом». Это место перекликается с известными положениями концепции отчуждения, изложенной Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года».

Только упразднением частной собственности, считал Маркс, можно положить конец отчужденному труду, отчуждению человека от его родовой сущности, взаимному отчуждению людей. Только тогда труд станет источником наслаждения, первейшей жизненной потребностью, основой братского сотрудничества людей [25].

Уже в парижских эксцерптах Маркс начинает изучать историю экономических учений. Правда, на данной стадии превалируют еще по большей части моральные оценки экономистов. Но вместе с тем, уловив, что развитие политической экономии в основном отражает экономическое развитие буржуазного общества, Маркс определил воззрения представителей монетарной системы, явившихся идеологами раннего капитализма, еще только пробивавшего себе дорогу в недрах феодального общества, как «грубое политэкономическое суеверие», а теории «новейших политэкономов» — Рикардо и его последователей — он называл «суеверием утонченным» [26].

Таким образом, парижские эксцерпты демонстрируют тот этап в становлении Маркса как экономиста, когда он приступил к изучению и критике буржуазной политической экономии, стал нащупывать в ней отдельные важные проблемы, требующие дальнейшей разработки из-за отсутствия удовлетворительного решения их буржуазными экономистами, и начал делать лишь самые первые шаги в разработке своей собственной экономической теории.

В «Экономическо-философских рукописях 1844 года», являющихся первой попыткой самостоятельной разработки политико-экономических проблем с позиций нового пролетарского мировоззрения, Маркс сформулировал ряд положений о принципах исследования экономики буржуазного общества. Сделанные, как правило, в форме критики буржуазной политэкономии, они имеют общеметодологический характер и принципиальное значение для оценки степени зрелости экономических взглядов Маркса в то время и тех исходных позиций, с которых он подходил к изучению буржуазной экономической мысли, к анализу капиталистической действительности. Он намечает первые подходы к рассмотрению основных экономических категорий, таких, как стоимость, цена,

труд, разделение труда, обмен, кредит, и подчеркивает, что любые экономические явления могут быть поняты только в их взаимосвязи, взаимодействии. При этом важнейшую задачу экономической теории он видит в выяснении общей основы существования этих явлений, которая, по его мнению, заключается в господстве частной собственности. Исходя из этой общей основы, Маркс поставил перед собой задачу осмысления существенной взаимосвязи «между частной собственностью ...отделением друг от друга труда, капитала и земельной собственности, между обменом и конкуренцией... между монополией и конкуренцией и т. д., между всем этим отчуждением и *денежной* системой» [27]. В этом отрывке сформулирована своего рода программа дальнейших экономических исследований, предполагающая детальный анализ экономических условий существования и отношений трех основных классов буржуазного общества с целью научного обоснования коммунистического мировоззрения. Исследование отношения между капиталом и трудом должно стать, по мысли Маркса, исходным пунктом всех социалистических и коммунистических теорий. «Все революционное движение находит себе как эмпирическую, так и теоретическую основу в движении *частной собственности,* в экономике». Коммунизм Маркс определяет как «*положительное* выражение упразднения частной собственности» [28] и пытается теоретически охарактеризовать процесс устранения капитализма коммунизмом. Таким образом, необходимость отмены частной собственности доказывается научно, анализом экономических отношений.

В намеченном ключе продолжались экономические занятия Маркса с февраля 1845 г. в Брюсселе, куда он вынужден был переехать. В течение первых четырех месяцев пребывания там им было заполнено несколько тетрадей выписками из работ французских и английских авторов (во французских переводах) — Луи Сэя, Ферье, Сениора, Сисмонди, Чайлда, Вильгарделя, Ганиля, итальянца Пинто, русского экономиста Шторха. Эти работы представляют собой в основном общие трактаты по политической экономии и истории экономических учений. Особо следует отметить выписки из книг о машинах, машинном производстве — Баббеджа, Жирардена, Юра. Они отражают первое знакомство Маркса с проблемой, более обстоятельно и на новом теоретическом уровне исследованной в 50-е гг. [29] Изучение достаточно широкого круга экономических источников позволило Марксу составить представление о постановке в буржуазной политэкономии основных проблем экономической теории — стоимости, денег, прибыли, земельной ренты, заработной платы и т. д., дать первые оценки значения наиболее известных в то время представителей буржуазной экономической мысли (Смит, Рикардо, Милль, Мак-Куллох, Сэй), сделать первые выводы в отношении применявшегося ими метода исследования, научного значения трудовой теории стоимости. Одним из важных теоретических итогов парижских занятий был

постепенный отход Маркса от первоначально резко негативного отношения к трудовой теории стоимости. Подтверждением этого является следующая формулировка Маркса из «Святого семейства»: *«...рабочее время,* которое нужно *затратить* на производство какого-нибудь предмета, принадлежит к *издержкам производства* этого предмета... *издержки производства* какого-нибудь предмета и составляют то, чего он *стоит,* т. е. то, за что он может быть *продан,* если исключить влияние *конкуренции».* Это место В. И. Ленин расценивал как свидетельство того, что Маркс *подходит* к теории трудовой стоимости [30].

1.2. Манчестерские эксцерпты Маркса (1845 г.)

Еще в процессе экономических занятий в Париже у Маркса зародился замысел большой работы, содержащей критику буржуазной политэкономии с позиций материализма и коммунизма. 1 февраля 1845 г., буквально накануне отъезда в Брюссель, Маркс заключил договор с немецким издателем Леске об издании двухтомного сочинения под названием «Критика политики и политической экономии» объемом более 20 печатных листов каждый том. На протяжении 1844—1846 гг., как свидетельствует переписка Маркса, эта работа продолжала оставаться в центре его научных замыслов, хотя ему не раз приходилось прерывать свои занятия политической экономией, например, в связи с подготовкой «Святого семейства», «Немецкой идеологии» и «Нищеты философии».

Значение «Критики» для разработки научных основ рабочего движения неоднократно подчеркивал Энгельс, убеждая Маркса как можно скорее опубликовать результаты своих исследований. Так, 20 января 1845 г. он писал Марксу: «Нам теперь нужно прежде всего выпустить несколько крупных работ — они послужили бы основательной точкой опоры для многих полузнаек, которые полны добрых намерений, но сами не могут во всем разобраться. Постарайся скорее кончить свою книгу по политической экономии; даже если тебя самого она во многом еще не удовлетворяет,— все равно, умы уже созрели, и надо ковать железо, пока оно горячо... Время не терпит. ...Важно, чтобы книга появилась как можно скорее» [31]. О том же свидетельствует и письмо Марксу немецкого публициста Г. Юнга, который подчеркивал: «Совершенно необходимо, чтобы такая книга появилась. Борьба с религией закончена, и ее вполне можно предоставить самой широкой публике; но что касается политики и политической экономии, то здесь отсутствует всякая определенная точка опоры» [32].

Но дела с книгой по политической экономии, которую так ждали соратники и друзья Маркса, обстояли не так-то просто. Уже 16 марта 1846 г. издатель сообщил ему, что полицейские власти в Берлине потребовали прекратить выпуск социалистических и

коммунистических работ. Испугавшись возможных полицейских репрессий, Леске предупреждал Маркса, что сможет опубликовать его работу только при условии, что она будет «чисто научной» и предложил ему искать другого издателя [33]. Маркс и его друзья принялись за поиски нового издателя, но эти попытки ни к чему не привели. Поэтому 1 августа 1846 г. Маркс вынужден был снова написать Леске и объяснить ему, что книга, которую он хочет издать, «научна, но она научна не в том смысле, как это понимает прусское правительство» [34]. Он рассказывал о неудачных поисках издателя и объяснял причины задержки с рукописью: «Дело в том, что мне казалось крайне важным *предпослать* моему *положительному* изложению предмета полемическую работу, направленную против немецкой философии и против возникшего за это время *немецкого социализма*. Это необходимо для того, чтобы подготовить публику к моей точке зрения в области политической экономии, которая прямо противопоставляет себя существовавшей до сих пор немецкой науке» [35]. Но и эта полемическая работа, о которой пишет Маркс, «Немецкая идеология», так и не была опубликована.

В том же письме Маркс сообщает, что том II его работы будет носить «преимущественно исторический характер» [36], из чего можно сделать вывод, что в томе I Маркс предполагал в большей степени сосредоточиться на анализе политических и теоретических вопросов.

Накопленный в парижских и брюссельских эксцерптах материал оказался, по-видимому, недостаточным для реализации этого плана. В процессе исследования Маркс, видимо, убедился в том, что без привлечения английской экономической литературы невозможно ни дать научного анализа актуальных экономических проблем, раскрыть экономические законы развития буржуазной экономики, ни показать в полной мере историческое развитие буржуазной экономической мысли. В Королевской библиотеке Бельгии, в Брюсселе, в которой работал Маркс, произведения английских авторов (как показали специальные исследования) практически отсутствовали [37]. С целью сбора материала для «Критики политики и политической экономии» и изучения английского капитализма, условий жизни английского пролетариата Маркс предпринял в июле — августе 1845 г. совместно с Энгельсом поездку в Манчестер.

План этой поездки вызрел, по-видимому, также в связи с намерением Энгельса написать специальную работу «об историческом развитии Англии и английского социализма» [38]. Известно, что упомянутый выше издатель Леске обратился через Маркса 14 мая 1845 г. к Энгельсу с предложением издать задуманное произведение [39]. Неофициальной, но не менее важной для Маркса в то время целью этой поездки было установление при посредничестве Энгельса личных контактов с лондонской организацией Союза справедливых, левым крылом чартистов и оуэнистами.

Так чисто научные интересы Маркса с самого начала были самым тесным образом переплетены с практическими задачами рабочего движения.

В непосредственной связи с эксцерптными тетрадями 40-х гг. находятся многочисленные библиографические списки в записной книжке Маркса 1844—1847 гг. В нее он заносил названия книг, которые разными путями попадали в поле зрения — из каталогов библиотек, в которых Маркс работал, из конспектируемых источников и пр. Некоторые из особенно интересовавших его книг Маркс намеревался приобрести, другие фиксировались в записной книжке с целью последующего нахождения данного источника и его изучения. Не случайно многие из фигурирующих в ней имен и названий (всего около 450) появляются потом в эксцерптах. Практически ко всем этим авторам Маркс будет обращаться позднее.

Особенностью манчестерских эксцерптных тетрадей является то, что они отражают первое знакомство Маркса с оригинальными произведениями английских экономистов, которых до этого он знал только во французских переводах. В течение очень короткого времени (пребывание Маркса и Энгельса в Манчестере составило около месяца) им было изучено и законспектировано около 30 работ английских экономистов разных направлений, социалистов-утопистов, политических деятелей и историков. Это свидетельствует о чрезвычайной напряженности и интенсивности манчестерских занятий, тем более что, в отличие от Энгельса, Маркс еще не очень хорошо владел английским языком.

Свои экономические занятия в Манчестере Маркс начал с изучения досмитовского периода развития английской буржуазной политэкономии. В первую тетрадь вошли эксцерпты работ У. Петти, Ч. Давенанта, Э. Мисселдена и др. За исключением Петти все авторы этой группы являлись меркантилистами. Строго говоря, следы меркантилистских воззрений, особенно в понимании денег, еще не вполне исчезли и у Петти. Выражая взгляды своей эпохи, меркантилисты отразили процесс становления капитализма. Неразвитость промышленности, узость внутреннего рынка при одновременном росте внешней торговли как главного канала обогащения обусловили специфичность проблематики их произведений. Маркс видит ее, как свидетельствуют эксцерпты, в преимущественном рассмотрении денег, а именно благородных металлов как универсального богатства, внешней торговли, активный баланс в которой обеспечивал приток в страну золота и серебра, народонаселения, рост которого рассматривался как необходимое условие увеличения общественного богатства. Вместе с тем он обращает внимание на наличие у первых теоретиков буржуазного производства практически всех основных понятий, которыми оперировала впоследствии буржуазная политэкономия — деньги, богатство, капитал, стоимость, земельная рента, прибыль, процент и т. д.

Материалы первой манчестерской тетради могли сыграть определенную роль в оценках Марксом буржуазного производства и состояния экономической теории в XVII в., сделанных впоследствии в «Grundrisse», «К критике политической экономии», рукописи 1861—1863 гг. и, наконец, в «Капитале». Об этом свидетельствуют выдержки из работ Петти, Давенанта и Мисселдена в названных работах [40].

С точки зрения оценки уровня развития экономических взглядов Маркса в середине 40-х гг. XIX в. в рассматриваемой группе выписок большой интерес представляет изучение творчества Петти, которого он, как известно, определит позднее как родоначальника английской классической буржуазной политэкономии.

Уже при первом знакомстве с работами Петти Маркс приближается к сформулированной им впоследствии в «Капитале» его оценке как «отца политической экономии и в некотором роде изобретателя статистики» [41]. Анализируя предпринятые Петти попытки прогнозировать рост численности населения Англии, Маркс замечает: «Попытка обосновать *статистику*» [42]. Вместе с тем он видит, что неразработанность при жизни Петти методов статистического анализа и отсутствие достоверных исходных данных о динамике населения предопределили ошибочный, и даже предвзятый, «апологетический», как выражается Маркс, характер некоторых его расчетов, несмотря на ценность впервые примененного Петти «нетрадиционного» метода исследования, послужившего прообразом аналитического метода. Петти, отмечает Маркс, «пытается везде привести Священное писание в соответствие со статистикой и рассматривает его в качестве статистического источника» [43].

В осознании Марксом значения работ Петти определенную роль могло сыграть изучение двухтомного сочинения «Рассуждения об общественных доходах и о торговле Англии», принадлежащего перу Давенанта — последователя Петти в разработке статистического метода и одновременно критика некоторых его выводов. Подобного рода оценки экономистами творчества друг друга, их критические замечания в адрес своих предшественников представляли для Маркса всегда большой интерес. Но они имели особенное значение в период формирования марксистской политэкономии, когда только начинало оформляться собственное представление Маркса об истории развития буржуазной политэкономии. Маркс выписал характеристику Петти как «основателя политической арифметики», науки, которая, по определению автора, «одна может показать звенья и цепи, связывающие одни торговые операции с другими, а также зависимость всех наших сделок друг от друга» [44]. Это было одно из первых определений статистики, той первой формы, в которой появилась политическая экономия как наука.

Конспектируя «Политическую арифметику», наиболее значительное сочинение Петти, Маркс заинтересовался многими мысля-

ми автора о сущности и происхождении общественного богатства, деньгах, земельной ренте, проценте и кредите, народонаселении, делении общества на производящие материальные ценности полезные и паразитические классы. Он обращал также внимание на пропаганду Петти веротерпимости, требования свободы совести и вероисповедания, в чем убедительно проявлялся дух утверждавшегося капитализма.

Важно, что решающее значение для оценки места Петти в досмитовской буржуазной политэкономии имело для Маркса уже в то время отношение этого автора к трудовой теории стоимости. Анализ «Политической арифметики» показал Марксу, что Петти, пытаясь найти общую, единую основу измерения стоимостей товаров, еще не в полной мере осознал значение труда как единственного источника общественного богатства и стоимости. Это проявлялось, в частности, как устанавливает Маркс, в отождествлении им дохода, доставляемого человеческим трудом, и получаемого с земли, т. е. с земельной рентой. «Петти,— резюмирует Маркс,— исчисляет стоимость людей подобно стоимости земли, капитализируя ее доход» [45].

Маркс не развивает далее этот комментарий, поэтому его оценку можно трактовать двояко. С одной стороны, как заблуждение, ошибку Петти. С другой — как несомненное его достижение, заключающееся в поиске единой основы для измерения стоимостей. Развитие этой мысли можно проследить в «Анти-Дюринге», где Маркс замечает, что «само заблуждение Петти гениально» [46].

Центральное место в манчестерских тетрадях занял анализ состояния послерикардовской политэкономии 20—40-х гг. XIX в.

Много лет спустя в рукописи 1861—1863 гг., опираясь на свои многочисленные экономические эксцерпты, в том числе и манчестерского периода, Маркс оценит период 20—40-х гг. как весьма знаменательный в истории английской буржуазной политэкономии. «Перед нами проходит теоретическое сражение за и против теории Рикардо, ряд анонимных полемических сочинений. ...Все они фактически вращаются лишь вокруг определения понятия стоимости и ее отношения к капиталу» [47]. Безусловно, данная характеристика определяла генеральную линию развития английской буржуазной политэкономии в указанный период, однако она не исчерпывала всего круга проблем, разрабатывавшихся в литературе тех лет. Не меньшее внимание она уделяла проблемам денежного обращения и кризисов перепроизводства. Не случайно большинство ранних работ Рикардо было посвящено проблеме упорядочения денежного обращения. Особенно актуальными эти проблемы стали после того, как, начиная с 1825 г., экономические кризисы приобрели периодический характер и поражали уже не отдельные отрасли, как это было ранее, а экономику страны в целом. В этой связи Маркс заметит впоследствии, что «заслуживающая упоминания экономическая литература с 1830 г. сводится

главным образом к литературе о currency, кредите, кризисах» [48]. Впервые проявившиеся в конце XVIII в., экономические кризисы воспринимались современниками как серьезное бедствие, затрагивающее жизненные интересы широких слоев населения. Но особенно тяжелые последствия они имели для пролетарских масс. Разорение и нищета, ставшие постоянным спутником промышленного развития, достигали небывалых масштабов именно в периоды экономических кризисов, угрожая самой стабильности капиталистической системы. Поэтому проблема пауперизма рассматривалась не только в социалистической и коммунистической литературе того времени, но и в работах буржуазных экономистов, которые стремились доказать, что тяжелое положение пролетарских масс никак не связано с действием внутренних законов капитализма.

Для Маркса уже в этот период было ясно, что причины кризисов не могут лежать в расстройстве денежного обращения, в нарушении соответствия между спросом и предложением [49] или же в воздействии политических факторов — наполеоновских войн, континентальной блокады и т. п., как утверждали многие изучаемые им авторы, а связаны с противоречиями буржуазного производства.

Ценным источником для изучения экономических кризисов оказалась для Маркса двухтомная «История цен и состояния обращения» Т. Тука, к которой он обратился, видимо, по совету Энгельса [50]. Это было первое знакомство Маркса с автором, исследования которого он впоследствии отнесет к числу немногих, «где действительно были сделаны новые открытия» [51]. Изучение последующих, третьего и четвертого, томов этого труда в 1850 г. наряду с другими источниками послужит для Маркса отправным пунктом для критики и пересмотра количественной теории денег Рикардо [52].

Тук считал себя последователем Рикардо и вовсе не ставил своей задачей оспаривать его теорию денег. Однако он не разделял и позиции так называемой денежной школы, объяснявшей, опираясь на теорию денег Рикардо, кризисные колебания экономики изменениями количества денег в обращении, расстройством денежно-кредитной системы. Собранный и обстоятельно изложенный Туком большой материал о движении цен на основные предметы потребления, прежде всего зерно, на протяжении более чем 50 лет неопровержимо свидетельствовал об отсутствии прямой связи между состоянием денежного обращения и ценами, служившими наиболее чутким барометром изменений рыночной конъюнктуры. В каждом отдельном случае — для кризисов 1797, 1815, 1819, 1825, 1837 гг.— Тук находил конкретные причины, обусловливавшие падение цен и накладывавшие отпечаток на ход кризиса. Маркс резюмировал объяснение Туком причин кризиса 1819 г. следующим образом: «Кризис с лета 1818 до 1819 г. был порожден наводнением Англии сырьевыми продуктами и спекуляцией,

которую торговцы вели на собственный страх и риск, не принимая во внимание промышленность» [53].

Изучение Марксом описаний Туком конъюнктуры накануне каждого кризиса, картины его развития, перехода от послекризисной депрессии к процветанию, т. е., по существу, фаз производственного цикла, создавало предпосылки для последующего вывода о неизбежности кризисов перепроизводства как одной из существенных закономерностей буржуазного способа производства. На материале книги Тука Маркс овладевал столь пригодившимися ему впоследствии приемами анализа рыночной конъюнктуры, учился выявлять признаки, предвещавшие наступление кризиса, убеждался в необходимости учета всего многообразия факторов, влияющих на развитие кризиса. Он отмечает, что уже на стадии процветания создаются условия для следующего за ним кризиса: «Во время процветания *спрос* вызывает *спекуляцию* — величина действительного спроса — (определяет) кризис» [54]. Краткие ремарки, которые Маркс делал в процессе конспектирования, были еще незрелы, общи, однако уже на этой стадии формируются его подходы к проблеме кризисов.

Для понимания специфики буржуазной экономики важно было выяснить сущность денежной системы. Исследование этой темы нашло отражение в выписках из Т. Купера, У. Коббета, Д. Гильбарта, Д. Браунинга. Маркс стремился зафиксировать определения денег, понять различие между металлическими, бумажными и кредитными деньгами, знакомился с разного рода проектами усовершенствования денежной системы буржуазного общества, историей банков. Интерес Маркса к этой теме, возможно, был связан с полемикой в английской экономической литературе вокруг банковского законодательства Р. Пиля 1844—1845 гг. В нем нашли выражение практические интересы финансовых групп английской буржуазии, рассчитывавших путем жесткой регламентации банкнотной эмиссии контролировать объем денежной массы и покупательную силу денег.

Большое место в манчестерских тетрадях занимает исследование отношения между трудом и капиталом. Эта тема является стержневой и проходит красной нитью через все тетради. Изучая такие теоретические проблемы, как стоимость, капитал, прибыль, заработная плата, рента и т. д., Маркс неизменно останавливался на воздействии внутренних законов буржуазного производства на положение пролетариата. Так, делая выписки по проблеме капитала, Маркс акцентировал внимание на его противоположности интересам рабочих; при выяснении вопросов, связанных с развитием машинного производства, упор делался на губительных последствиях этого развития для пролетарских масс, а при анализе прибыли неизменно подчеркивалась ее противоположность заработной плате и т. п.

Значительное внимание Маркс уделяет анализу сущности капитала как отношения классового господства. В выписках из кни-

ги Дж. Ст. Милля «Очерки о нерешенных вопросах политической экономии» он обращает внимание, например, на следующее определение капитала: «*Капитал,* строго говоря, не обладает *производительной силой... «Производительная сила капитала»* — это не что иное, как «количество действительной производительной силы, которым капиталист может распоряжаться благодаря своему капиталу»» [55]. Исследуя далее влияние машинного производства на положение рабочего класса, он находит у Купера, Садлера, Аткинсона свидетельства, подтверждавшие неумолимо действующую закономерность: развитие машинной промышленности неизбежно ведет к массовому разорению лиц, занятых ручным трудом, росту конкуренции на рынке труда, ухудшению положения рабочего класса. Маркс отмечает выводы Купера о том, что усовершенствования машин вызывают перепроизводство и рост нищеты, что обремененный семьей рабочий не может, подобно любому другому товару, праздно лежать, дожидаясь благоприятной для себя рыночной конъюнктуры. «Если он не может получить требуемого, он вынужден довольствоваться меньшим, поскольку сила и все преимущества всегда на стороне капиталиста» [56]. Этим достаточно правдивым наблюдениям Маркс противопоставляет утверждения откровенных защитников промышленного производства, которые пытались представить внедрение машин и накопление капитала как благо для рабочих. Так, он замечает иронически в адрес Мак-Куллоха: «Г-н Мак-Куллох полагает ...что число заболеваний (с внедрением машин.— *Авт.*) в Манчестере и других фабричных городах уменьшилось; это значит, что острые заболевания превратились в хронические, подобно тому как очевидная жестокость первых мануфактуристов — в хроническую.

У Мак-Куллоха прямо-таки гимн преимуществам, которыми наслаждаются рабочие» [57]. Утверждения Мак-Куллоха о благоприятном влиянии машинного производства на рабочих Маркс сопоставлял с выводами А. Смита о том, что появление крупных мануфактур делает рабочего «настолько тупым и невежественным, насколько это только возможно» [58]. Это сравнение, в свою очередь, показывало, насколько с развитием капитализма утрачивалась способность буржуазной политэкономии объективно исследовать реальные экономические явления, особенно если дело касалось отношения между капиталом и трудом.

Изучение Марксом в манчестерских тетрадях различных аспектов взаимоотношения труда и капитала имело важное значение для понимания законов капиталистической эксплуатации, раскрытия сущности прибыли как присвоения неоплаченного труда рабочих.

В дополнение к выпискам, касающимся экономического анализа положения рабочего класса в буржуазном обществе, Маркс в одной из тетрадей сделал своего рода краткие «выжимки» из энгельсовских конспектов работ Идена, Дефо, Гизборна, Эйкина, анонимного памфлета «О профессиональных союзах». Эксцерпт

работы Идена «Положение бедных» при этом сопоставляется с собственными выписками Маркса из книги Уэйда «История среднего и рабочего классов». Этот комплекс эксцерптов содержит разнообразный, яркий материал, освещающий различные стороны исторического процесса формирования английского пролетариата и развития других классов буржуазного общества. Эти выписки воспроизводят яркую картину разложения феодального общества, свидетельствуя, что класс наемных рабочих сформировался в основном из крестьян, живших до перехода в ряды пролетариата в условиях натурального и полунатурального хозяйства. Особое внимание Маркс уделил анализу роли государственного законодательства на стадии формирования класса наемных рабочих. Собранный здесь большой конкретный материал наряду с конспектом самого Энгельса лег в основу 24-й главы I тома «Капитала», в которой раскрыта сущность процесса так называемого первоначального накопления.

С анализом положения рабочего класса в буржуазном обществе и перспектив его освобождения от гнета капитала был тесно связан критический разбор Марксом в манчестерских тетрадях мальтузианской теории народонаселения. Весьма распространенные в то время положения Мальтуса о том, что нищета трудящихся классов обусловлена самой природой, а именно действием роковой закономерности — все возрастающим разрывом между производством продуктов питания и ростом населения,— необходимо было опровергнуть в процессе обоснования программы революционного переустройства общества на коммунистических началах. Большую роль в решении этой задачи сыграло изучение двухтомной работы Т. Садлера «О законах народонаселения». Вслед за автором Марксом была обстоятельно изучена аргументация Мальтуса, его выводы сопоставлены с конкретными, в том числе историческими, данными. Марксу, который всегда стремился выяснить первоисточник тех или иных взглядов, было очень интересно установить благодаря Садлеру, что пресловутая теория народонаселения, носящая имя Мальтуса, была до него исчерпывающе развита Таунсендом, Уоллесом и др. Маркс присоединяется к выводу Садлера о том, что Мальтус в данном вопросе является скорее «компилистом», чем «оригинальным писателем». «Садлер показывает,— отмечает Маркс в своем конспекте,— что еще Таунсенд... до Мальтуса разработал все основные положения» [59].

Большое значение для критики теории Мальтуса имел проведенный Садлером на основе большого числа самых разнообразных источников (только в эксцерпте Маркса упоминается и цитируется 44 автора и названия) анализ условий жизни и изменения численности населения Северной Америки и Китая, служивших своего рода моделями для теоретических построений Мальтуса.

Маркс, например, нашел у Садлера убедительные свидетельства того, что быстрый рост населения Северной Америки, на осно-

ве которого строились пропорции Мальтуса, был связан со значительным притоком иммигрантов и практически полным отсутствием эмиграции из страны. Что же касается Китая, который, как иронически замечает вслед за Садлером Маркс, «стал просто раем для наших противников роста населения и где, как они полагают, их теория расцветает в полную силу» [60], то и здесь фактические данные свидетельствовали об обратном, т. е. об отсутствии прямой связи между ростом населения и его благосостоянием. Напротив, Садлер свидетельствовал, что с ростом населения благосостояние здесь в определенные периоды даже возрастало.

Интересный материал для критики мальтузианской теории народонаселения Маркс также нашел в работе Аткинсона «Принципы политической экономии». В противоположность Мальтусу Аткинсон признает, что пауперизм неразрывно связан с ростом промышленного производства и вызываемыми им неизбежными изменениями в промышленном труде. Маркс обращает внимание и на то, что даже сам Мальтус не мог совершенно не учитывать влияния развития промышленности и усиливающейся конкуренции на положение рабочих. Применение каждого нового капитала в отдельной отрасли, выписывает Маркс вслед за Аткинсоном вывод Мальтуса, «редко может не нанести некоторый ущерб тем, кто был занят там до этого» [61].

Сделанные Марксом в манчестерских тетрадях выписки давали материал для всесторонней, аргументированной критики мальтузианства. Их содержание нашло отражение в сформулированном Марксом в рукописи 1861—1863 гг. выводе: «Сочинение Мальтуса о народонаселении... не содержит ни одного *нового* научного *слова;* это сочинение следует рассматривать лишь как назойливую капуцинскую проповедь, как ...вариант рассуждений Таунсенда, Стюарта, Уоллеса, Эрбера и т. д.» [62].

Естественно, критика мальтузианства требовала ознакомления и с трактовкой земельной ренты в политической экономии. К этой проблеме в манчестерских тетрадях Маркс проявляет также немалый интерес. Ренту в буржуазном обществе он понимает как экономическую реализацию земельной собственности, а ее устранение связывает в тот период с окончательным втягиванием земельной собственности в орбиту капиталистических отношений. Его отношение к классу земельных собственников раскрывается в их характеристике как «самого недалекого класса человеческого общества» [63].

Ряд собственных высказываний Маркса по проблеме земельной ренты позволяет сделать вывод о полном признании им в этот период теории ренты Рикардо, согласно которой худшие условия производства определяли стоимость (Маркс отождествляет ее с издержками производства) производимого в сельском хозяйстве продукта. В небольшом, оставшемся незавершенным отрывке «Расчеты земельной ренты» Маркс попытался даже проиллюстрировать, насколько наличие ренты удорожает для общества цену

земледельческих продуктов, собираясь, видимо, показать, какова была бы их общественная стоимость при условии уничтожения земельной частной собственности. С этим отрывком непосредственно перекликается критическое замечание Маркса в адрес Мак-Куллоха и других буржуазных экономистов, пытающихся вывести ренту из естественной производительности земли или же представить ее как процент на вложенный в землю капитал и совершенно элиминирующих роль земельной собственности. Маркс называет подобный взгляд «чистой софистикой» [64]. Ссылаясь на теорию Рикардо, он подчеркивает, что именно частная собственность имеет следствием такое положение, когда при переходе к производству на наихудшем участке вследствие роста населения за продукт всех остальных земельных участков «должны оплачиваться издержки производства самой худшей земли, что означает для цены зерна, как если бы в стране существовала *только* самая плохая земля» [65]. Ликвидация частной собственности, по мнению Маркса, привела бы к тому, что переход к обработке худшей земли поднял бы издержки производства только для этой группы производителей, не влияя на издержки производства всех остальных участков, фигурирующих в рассматриваемом им примере.

Сделанные в Манчестере выписки по проблеме земельной ренты — о зависимости ренты не только от различия в плодородии, но и от местоположения земельных участков, стоимости сельскохозяйственных продуктов, естественного и искусственного плодородия и т. д.— позволили Марксу в «Нищете философии» уже не просто воспроизвести выводы Рикардо, но и дать самостоятельный разбор целого ряда вопросов, касающихся теории земельной ренты.

Важное место в манчестерских тетрадях занимает проблема стоимости. В этой связи интересны выписки из работ представителей рикардовской школы — Мак-Куллоха и Дж. Ст. Милля. В законспектированных Марксом книгах отчетливо видны попытки их авторов найти ответы на вопросы, не решенные либо неудовлетворительно решенные Рикардо и обсуждавшиеся в экономической литературе 20—30-х гг. XIX в.

Полемика вокруг Рикардо была объективно связана со слабыми, уязвимыми положениями его теории. Рикардо так и не удалось решить проблему соотношения стоимости и потребительной стоимости товара, что давало повод для критики со стороны сторонников теории полезности. Оставался необъясненным обмен между трудом и капиталом на основе трудовой теории стоимости. Это означало, в свою очередь, нерешенность проблемы происхождения прибыли, хотя ценнейший вывод Рикардо о противоположности движения прибыли и заработной платы в известной мере раскрывал эксплуататорскую природу прибыли [66]. Рикардо не различал прибыль и прибавочную стоимость и не сумел объяснить, почему капиталы равной величины, но отличающиеся

различным количеством применяемого живого труда, получают тем не менее равную прибыль. На первый взгляд, это противоречило и трудовой теории стоимости.

Изучению работ Мак-Куллоха и Милля в манчестерских тетрадях предшествовал анализ взглядов некоторых из критиков теории Рикардо — американского экономиста Т. Купера, У. Аткинсона, Н. У. Сениора. Все они оспаривали с различных точек зрения трудовую теорию стоимости Рикардо, отождествляя стоимость с меновой стоимостью и издержками производства. Отмечая значение реализации товара, без которой он остается «лишенным стоимости», Купер сводил определение меновой стоимости товара к колебаниям спроса и предложения. С тех же позиций критиковал определение стоимости товара рабочим временем Аткинсон. В свою очередь, Сениор считал вообще невозможным понять, что́ сообщает товару полезность в условиях ограниченного предложения [67]. Замечания Маркса свидетельствуют о его достаточно критическом отношении к этому направлению в буржуазной политэкономии.

Выписки Маркса в манчестерских тетрадях отражают попытки рикардовской школы совместить решение проблемы источника стоимости (труд) и центра колебаний цен (издержки производства). Характер выписок Маркса по проблеме стоимости здесь существенно иной, нежели в парижских тетрадях. Здесь нет ни одного резкого замечания в адрес теории стоимости Рикардо, скорее, Маркс солидаризируется с нею и, видимо, еще не вполне осознает различие между стоимостью и издержками производства. Его интересуют попытки последователей Рикардо объяснить, опираясь на рикардовскую теорию стоимости, сущность прибыли и нормы прибыли. Маркс внимательно фиксирует попытки Мак-Куллоха разграничить действительную стоимость и «*относительную*, или *меновую стоимость*», которую он определял как «покупательную силу определенного количества труда или других товаров» [68]. Автор, таким образом, не видел разницы между обменом различных товаров и обменом товаров на труд. Между тем Рикардо, у которого было заимствовано различение между действительной и меновой, или относительной, стоимостью, не распространял понятие относительной стоимости на труд. Ведь в этом последнем случае, если рассматривать обмен товаров (включая «товар-труд») как обмен эквивалентов, исчезал источник прибыли, т. е. сама основа капиталистического производства. Примечательно, что в самом эксцерпте Маркс непосредственно соотносит даваемое Мак-Куллохом определение стоимости с объяснением им источника прибыли (в книге Мак-Куллоха эти положения разделены другим материалом), из которого следовало, что прибыль возникает из постоянного превышения меновой стоимости над стоимостью [69]. Хотя эта выписка никак не прокомментирована в эксцерпте и выделена лишь отчеркиванием на полях тетради (которое могло быть сделано и значительно позднее, например, когда Маркс работал

над рукописью 1861—1863 гг.), для данного этапа исследований важен сам факт указания на тесную взаимосвязь понятий стоимости и прибыли (по существу, понимаемой в смысле прибавочной стоимости).

Дж. Ст. Милль пытался обосновать эквивалентность обмена между трудом и капиталом путем сведéния стоимости товара к величине выплачиваемой рабочему заработной платы. Определяя величину стоимости издержками производства, он сначала доказывал, что возмещение капитала, затраченного на производство товара, тождественно возмещению заработной платы. Затем же, верно понимая прибыль не в отношении к заработной плате, а «*в отношении,*— подчеркивал Маркс,— между ценой труда, машин и т. д. и их продуктом» [70], он все-таки выводил норму прибыли непосредственно из рикардовского закона о противоположности между движением прибыли и заработной платы. Он только, по его мнению, уточнял закон Рикардо, включая в понятие прибыли не только «избыток, остающийся после возмещения издержек», но и часть прибылей других капиталистов. Маркс выписывает его вывод, что хотя какой-либо предмет и остается продуктом того же количества труда, что и ранее, тем не менее «издержки производства предмета уменьшаются, если оказывается возможным сэкономить какую-нибудь часть той прибыли, которую последний производитель должен уплатить предшествующим производителям». Не замечая вроде бы очевидной противоречивости своих суждений, Милль продолжал повторять, что «остается правильным утверждение, что норма прибыли изменяется в обратном отношении к издержкам производства заработной платы» [71].

Анализируя впоследствии эти выписки, Маркс придет к выводу, что в основе этих противоречий у Милля лежит отождествление прибавочной стоимости и прибыли [72].

Подробно воспроизводя миллевскую трактовку нормы прибыли, объяснение ее тенденции к понижению, Маркс, как свидетельствует характер этих выписок, был еще не готов в манчестерский период к критическому восприятию попыток экономистов рикардовской школы развить теорию Рикардо, которые привели в конечном итоге к ее вульгаризации и разложению. Тем более не мог Маркс в тот период дать собственный ответ на поднимавшиеся Мак-Куллохом и Миллем сложнейшие вопросы экономической теории. Этот ответ мог быть дан только на базе марксистской теории стоимости и прибавочной стоимости, средней прибыли и цены производства.

Среди манчестерских эксцерптов Маркса специфический характер носит одна из тетрадей, содержащая выписки из работы Мак-Куллоха «Литература по политической экономии». Это был своего рода каталог публикаций по основным разделам этой науки с начала XVII в., сопровождаемый историческими экскурсами и критическими оценками различных авторов и самих сочинений. Он давал широкое представление о конкретных разделах эко-

номической теории, сообщал массу фактов из экономической истории разных стран. Как свидетельствует содержание тетради, Маркса в наибольшей степени интересовали источники по общим проблемам политической экономии, истории торговли, и в частности хлебной торговли, проблемам земельной ренты, народонаселения, истории промышленности, денег и денежного обращения. Безусловно, Маркса привлекала не история торговли как таковая. Он проявляет интерес к этой теме, поскольку именно эта отрасль рассматривалась на раннем этапе развития английской политэкономии в качестве единственного источника общественного богатства, и работы самых ранних английских экономистов посвящались почти исключительно этому вопросу.

Маркс по меньшей мере дважды проанализировал книгу Мак-Куллоха, дополняя и уточняя свои выписки, делая разного рода сопоставления. Так, например, выписывая сведения об анонимной работе «Выгоды ост-индской торговли», охарактеризованной Мак-Куллохом как первое произведение, в котором доказывались преимущества разделения труда, Маркс, сопоставив эту информацию с собственной выпиской из У. Петти, помечает: «Г-н Мак-Куллох вообще ничего не знает» [73]. Такого рода сопоставления с результатами собственных исследований позволили Марксу сделать обоснованные выводы об ограниченном характере этой работы, ошибочности некоторых оценок ее автора.

Особое внимание у Маркса вызвали также указанные Мак-Куллохом сочинения по вопросам теории денежного обращения. Возможно, именно при изучении этой книги Маркс впервые, пусть в самых общих чертах, познакомился с развернувшейся в конце 30 — начале 40-х гг. XIX в. в английской экономической литературе полемикой между денежной и банковской школами. Обстоятельное изучение этой полемики займет важное место в исследованиях Маркса начала 50-х гг. [74] и приведет его к ряду важных выводов в области теории денег. На данном этапе Маркс зафиксировал работы авторов обоих направлений и проследил историю принятия в 1844 г. закона Р. Пиля. Марксу пока, видимо, была не столь уже важна позиция самого Мак-Куллоха в этих спорах, но в I томе «Капитала» именно об этом разделе он скажет: «Некритичность и даже прямая недобросовестность этого каталога достигает своего апогея в отделах, посвященных истории теории денег; тут Мак-Куллох виляет хвостом перед лордом Оверстоном (экс-банкиром Лойдом), сикофантом которого он является и которого он именует «facile princeps argentariorum» [«несомненным князем банкиров»]» [75].

Выделение Марксом вопросов хлебной торговли, которые завершают эти выписки, становится понятным, если учесть, какую роль борьба вокруг хлебных законов и за полную свободу торговли играла в политической жизни Англии в первой половине XIX в. Эта борьба, в которой интересам землевладельцев

противостояли интересы промышленной буржуазии, определяла в немалой степени и теоретические позиции английских экономистов. Рабочий класс был также кровно заинтересован в отмене хлебных законов, способствовавших сохранению высоких цен на хлеб.

Особый цикл материалов манчестерских тетрадей Маркса составляют выписки из работ английских социалистов-утопистов — У. Томпсона, Т. Эдмондса, Р. Оуэна и Д. Ф. Брея.

Изучение взглядов английских социалистов-утопистов имело для Маркса в то время не только теоретическое, но и практическое значение. Он уяснял теоретические основы и существо разрабатывавшихся английскими социалистами планов социального переустройства общества, выявлял противоречивость и эклектичность их воззрений, приходя к выводу об ограниченности выдвигавшихся ими программ преобразования общества. Отмечая необходимость революционного изменения существующих отношений, Маркс подчеркивает, что сами по себе произносимые социалистами-утопистами «религиозные фразы и угрозы не помогут» [76] изменить существующий общественный порядок. Свое критическое отношение к проекту социальной системы У. Томпсона Маркс выразил в кратком, но емком замечании: «Томпсон полагает, что все можно сделать с помощью фраз «равная безопасность», «добровольный обмен» и т. д.» [77].

Выписки Маркса из работ английских социалистов-утопистов позволили ему проследить «уравнительное» применение рикардовской теории для обоснования социалистических выводов. Наряду с выписками из работ буржуазных представителей рикардовской школы они не могли не способствовать более глубокому пониманию Марксом трудовой теории стоимости Рикардо.

Конечно, на основании выписок самих по себе трудно установить, в какой мере Маркс преодолел уже негативное отношение к трудовой теории стоимости. Бесспорно, однако, другое: изучение им в Манчестере английской буржуазной политэкономии 20—40-х гг. XIX в., с одной стороны, дало ему много нового ценного материала для уяснения противоположности между трудом и капиталом, анализа кризисов, конкуренции, денег и т. д. Оно, с другой стороны, ввело Маркса в новый круг сложнейших теоретических проблем, решить которые он был объективно в тот период не в состоянии. Между тем без их решения, вероятно, было затруднительно, если вообще возможно, написание теоретической части «Критики политики и политической экономии». Это была, видимо, одна из причин, не последняя по своему значению, объясняющая, почему Маркс, несмотря на все планы, неоднократные требования издателя Леске, настойчивые пожелания Энгельса и т. д., так и не приступил по возвращении из Манчестера к работе над «Критикой».

Экономические эксцерпты 40-х гг. носят на себе многочисленные следы неоднократного возвращения Маркса к ним в более

позднее время, использования этих выписок в экономических рукописях. Они составили в своей совокупности ту прочную основу, на которой мог быть начат революционный переворот Маркса в политической экономии.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ РАБОТЫ МАРКСА 40-х гг.: ПОДХОДЫ К ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Высшим (с точки зрения разработки экономической теории) достижением периода 40-х гг. явились две работы Маркса — «Нищета философии», опубликованная в Париже и Брюсселе на французском языке в 1847 г., и его лекции о «Наемном труде и капитале», прочитанные в декабре 1847 г. в Немецком рабочем обществе в Брюсселе и опубликованные в апреле 1849 г. в виде серии передовых статей в «Neue Rheinische Zeitung».

В этих работах, опираясь на созданное совместно с Энгельсом материалистическое понимание истории, Маркс уже приступил к разработке своей экономической теории. Энгельс впоследствии писал, что в это время «Маркс окончательно уяснил себе основные черты своих новых исторических и экономических воззрений» [78].

В «Нищете философии» Маркс публично представляется немецким экономистом [79], а много позднее сам так оценил эту книгу: «...в этой книге содержится в зародыше то, что после двадцатилетнего труда превратилось в теорию, развитую в «Капитале»» [80]. Разработка экономической теории велась Марксом параллельно с критикой буржуазных экономистов. Начало этой критике, как мы уже говорили, было положено парижскими эксцерптными тетрадями, продолжено в Брюсселе и Манчестере. В «Нищете философии» Маркс вскрыл основной методологический порок всей буржуазной политической экономии — ее антиисторизм, стремление представить экономические законы капитализма как вечные законы природы. «Экономисты,— писал Маркс,— изображают отношения буржуазного производства... как застывшие, неизменные, вечные категории... Экономисты объясняют нам, как совершается производство при указанных отношениях; но у них остается невыясненным, каким образом производятся сами эти отношения, т. е. то историческое движение, которое их порождает» [81].

Давая в этой связи оценку книги Прудона, Маркс показывает, что последний не выходит за рамки ограниченного воззрения на экономическую жизнь общества, развиваемого буржуазной политэкономией. Поэтому Маркс, прежде дававший довольно высокую оценку его критическим выступлениям против частной собственности, теперь вступает в открытую полемику с экономической концепцией мелкобуржуазного прудоновского социализма, причем прежде всего вскрывает несостоятельность ее методологических принципов.

Так наряду с мыслью о необходимости исторического подхода к общественным отношениям Маркс в «Нищете философии» формулирует важнейшее положение своего экономического учения: производственные отношения — это не отношения между вещами, как их изображают буржуазные экономисты, а отношения между людьми по поводу вещей. Такое понимание производственных отношений позволило Марксу преодолеть как антиисторизм буржуазной политэкономии, так и присущий ей эмпиризм, неспособность за внешней видимостью явлений разглядеть их сущность, а также фетишизм, овеществление ею производственных отношений. Лейтмотивом полемики Маркса с Прудоном является идея о том, что экономические категории суть не произвольные конструкции мыслящей личности, а теоретическое выражение, научная абстракция реальных отношений производства и обмена. Маркс указал на исторический, преходящий характер капитализма, разъяснил, что развитие общества определяется внутренними законами экономической жизни, диалектикой развития производительных сил и производственных отношений. «Общественные отношения тесно связаны с производительными силами,— писал Маркс.— Приобретая новые производительные силы, люди изменяют свой способ производства, а с изменением способа производства, способа обеспечения своей жизни,— они изменяют все свои общественные отношения. Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница — общество с промышленным капиталистом» [82].

Ко времени написания «Нищеты философии» Маркс уже вполне уяснил себе действительное место А. Смита и Д. Рикардо в истории экономической науки и показал, что экономическое учение Прудона, претендующего на последнее слово в политической экономии, на самом деле является регрессом, шагом назад по сравнению со Смитом и Рикардо. «Теория стоимости Рикардо,— отмечал он,— есть научное истолкование современной экономической жизни; теория стоимости г-на Прудона есть утопическое истолкование теории Рикардо» [83].

Отношение Маркса к трудовой теории стоимости значительно изменилось по сравнению с парижскими эксцерптами. Там в комментариях к работам Смита и Рикардо он отвергает трудовую теорию стоимости. К 1847 г. Маркс полностью преодолел это заблуждение. В «Нищете философии» он как бы наметил исходный рубеж для дальнейших исследований в политической экономии: критическое рассмотрение теории Смита и Рикардо и вообще изучение английских экономических отношений, ибо английская буржуазия «является воплощением современной буржуазии» [84]. Маркс в это время уже вполне уяснил себе место трудовой теории стоимости в политической экономии буржуазного общества, но с английской экономической литературой он был знаком недостаточно. (Энгельс впоследствии отмечал: «В то время Маркс еще ни разу не бывал в читальном зале Британского музея» [85].) В це-

лом он стоял на почве рикардовской теории стоимости и именно с позиций этой теории вел в «Нищете философии» полемику с Прудоном.

В «Нищете философии» все основные определения стоимости, приводимые Марксом, вполне соответствуют рикардовским. В данной работе еще отсутствует то основное, что отличает теорию стоимости Маркса от теорий его предшественников — определение стоимости затратами общественно необходимого труда, который в процессе обмена доказывает свою общественную природу; здесь еще отсутствует понятие абстрактного труда.

Разделяя в основном рикардовскую теорию стоимости, Маркс разделял и его количественную теорию денег. «...Из всех товаров,— писал Маркс,— именно золото и серебро в качестве денег являются единственными товарами, не определяющимися издержками их производства; и это до такой степени верно, что в обращении они могут быть заменены бумагой» [86]. В «Нищете философии» уже поставлен вопрос о том, почему необходимы деньги в условиях такого способа производства, который базируется на индивидуальном обмене продуктов труда. Вместе с тем Маркс подчеркнул, что вопрос, волновавший Прудона,— почему именно золото и серебро выполняют функции денег — есть вопрос «вторичного порядка, и его объяснение следует искать уже не в общей системе производственных отношений, а в специфических свойствах, присущих золоту и серебру как определенного рода материи» [87].

Проблема необходимости денег в условиях товарного хозяйства в «Нищете философии» еще не получает решения (для этого надо было разработать теорию стоимости), Маркс только подчеркивает, что она вытекает из общей системы производственных отношений буржуазного общества, что деньги соответствуют капиталистическому способу производства. Но что такое капитализм? Это общество, где господствует наемный труд.

Вместе с Рикардо Маркс исходит из того, что все современное общество основано на «труде-товаре», т. е. наемном труде.

Здесь мы подходим к вопросу о том, в какой мере приблизился Маркс в 40-е гг. к теории прибавочной стоимости.

С самого начала своей исследовательской работы в области политической экономии Маркс поставил задачу объяснить тот глубинный механизм, который регулирует основное производственное отношение буржуазного общества — отношение между трудом и капиталом, лежит в основе эксплуатации рабочего класса классом капиталистов. Уже в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» им была сформулирована фундаментальная проблема, которая требовала объяснения при анализе положения рабочего класса в буржуазном обществе,— созданный рабочим продукт труда отчужден от него [88], принадлежит не ему, а капиталисту. В отличие от домарксова социализма, провозглашавшего неправомерность присвоения капиталистом продукта труда рабочего,

Маркс с самого начала указывал на закономерный, в рамках капитализма, процесс эксплуатации рабочего, стремился представить его как выражение «некоторого необходимого развития» [89]. В соответствии с разработанным к тому времени положением о примате материального производства в общественном развитии Маркс совершил в «Экономическо-философских рукописях» переход от анализа отчуждения продукта труда к рассмотрению самого труда, трудовых отношений в буржуазном обществе. Специфика этих отношений характеризуется Марксом как «самоотчуждение труда», являющееся результатом собственной деятельности рабочего: «В отчуждении предмета труда только подытоживается отчуждение в деятельности самого труда» [90].

Данный Марксом в «Экономическо-философских рукописях» анализ отчужденного труда при капитализме стал важнейшей предпосылкой, а затем и органической составной частью его экономической теории, прежде всего теории прибавочной стоимости. В рамках концепции самоотчужденного труда Маркс уже дал самую общую характеристику механизма капиталистической эксплуатации, положения рабочего класса в буржуазном обществе. Он показал, что рабочий относится к продукту своего труда, а в результате этого и ко всему внешнему миру, «как к миру чуждому, ему враждебно противостоящему», что труд рабочего выступает как вынужденный, *«принудительный труд»*, что его деятельность «не есть его самодеятельность» [91], она не является добровольной деятельностью по внутреннему побуждению, а является лишь средством для поддержания его существования. Его человеческая сущность вследствие этого чрезвычайно обеднена, его потребности обеднены и подавлены.

В «Нищете философии», полемизируя с Прудоном, Маркс не только исходит из полученных в предшествующий период теоретических результатов, но и существенно развивает их дальше, разрабатывая отдельные элементы будущей теории прибавочной стоимости. Так, Прудон полагал, что принудительное установление эквивалентного обмена способно уже в рамках буржуазного общества ликвидировать капиталистическую эксплуатацию. Полемизируя с этой точкой зрения, Маркс приходит к противоположному выводу, высказывает важное для будущей теории прибавочной стоимости положение: «Обменивая... равные количества рабочего времени, мы еще не изменяем взаимного положения производителей, точно так же как не изменяем ничего во взаимоотношениях рабочих и фабрикантов. Утверждать, что этот обмен продуктов, стоимость которых измеряется рабочим временем, ведет к равному вознаграждению всех производителей, это значит предполагать, что равное участие в продукте существовало еще до обмена» [92].

Еще в «Экономическо-философских рукописях» Маркс показал, что сущность капиталистической эксплуатации следует искать в самом процессе капиталистического производства. Теперь это

положение приобретает более конкретные черты: процесс эксплуатации осуществляется, а стало быть, и должен быть раскрыт в рамках эквивалентного обмена между рабочим и капиталистом.

Но Маркс не ограничился здесь одной постановкой вопроса. Уже в «Нищете философии», а затем в «Наемном труде и капитале» он сделал первые шаги к решению поставленной таким образом проблемы. Он показал, что Прудон, который сводил стоимость товаров к «стоимости труда», делает шаг назад по сравнению со Смитом и особенно Рикардо: «Адам Смит принимает за меру стоимости иногда рабочее время, необходимое для производства товара, а иногда стоимость труда. Рикардо раскрыл эту ошибку, ясно показав различие между этими двумя способами измерения. Г-н Прудон усугубляет ошибку Адама Смита, отождествляя эти две вещи, в то время как у Адама Смита они только ставятся рядом» [93].

Действительно, классической школе в буржуазной политической экономии не только принадлежала постановка вопроса о природе капиталистической эксплуатации — ею были сделаны важные шаги в решении этой проблемы. Классикам удалось показать, что источником прибавочной стоимости (в форме прибыли) является прибавочный труд; тем самым ее происхождение было объяснено присвоением классом капиталистов неоплаченного труда рабочих. Буржуазные экономисты пытались также анализировать обмен между трудом и капиталом — живым и овеществленным трудом, но они не смогли найти важнейшее посредствующее звено в этом обмене, перейти от анализа труда к исследованию товара рабочая сила.

Во второй половине 40-х гг. Маркс тоже рассматривал труд в качестве товара, предмета сделки между рабочим и капиталистом. В «Нищете философии» в полемике с Прудоном Маркс, однако, явным образом осознает недостаточность такой трактовки, но еще не может дать собственного, принципиально отличного от предшествующей ему политической экономии решения проблемы. В работе «Наемный труд и капитал», где ясно прослеживается связь между теорией прибавочной стоимости и теорией отчужденного труда, сделан новый шаг в решении этой проблемы. Так как труд отчужден от рабочего, рассуждает Маркс, и не является частью его жизни, то и продукт этого труда не может быть целью последнего. Таковой является заработная плата, воплощенная в определенном количестве жизненных средств. Для того чтобы их приобрести, рабочий и продает свою жизнедеятельность. Так Маркс — пока еще в рамках концепции отчужденного труда — переходит от общей характеристики капиталистической эксплуатации к объяснению ее сущности.

Маркс приходит к выводу, что рабочий продает капиталисту не свой труд и не продукт этого труда; он прямо говорит о том, что собственностью рабочего является лишь «способность к труду», что в результате обмена между капиталом и трудом в распо-

ряжение капиталиста переходит «воспроизводящая сила» рабочего, его «рабочая сила». «В обмен на свой труд,— пишет Маркс,— рабочий получает жизненные средства, а капиталист в обмен на принадлежащие ему жизненные средства получает труд, производительную деятельность рабочего, творческую силу, посредством которой рабочий не только возмещает то, что он потребляет, но и придает накопленному труду бóльшую стоимость, чем этот труд имел прежде» [94].

Таким образом, во второй половине 40-х гг. Маркс уже вплотную подошел к решению основной проблемы теории прибавочной стоимости — выяснению на основе закона стоимости обмена между трудом и капиталом. Он уже употребляет здесь и соответствующие термины — «способность к труду» (Arbeitsfähigkeit) и «рабочая сила» (Arbeitskraft), сыгравшие впоследствии столь важную роль при формулировании основных положений теории прибавочной стоимости. (Заметим, что термин «рабочая сила» использован уже в «Немецкой идеологии» (1845—1846 гг.): «Собственность есть распоряжение чужой рабочей силой»,— пишут Маркс и Энгельс, отмечая при этом, что таково определение буржуазных экономистов [95].) В главе V мы увидим, что решающий шаг в объяснении механизма капиталистической эксплуатации в первоначальном варианте «Капитала» сопровождался применением термина «способность к труду» (Arbeitsvermögen, Arbeitsfähigkeit).

«Наемный труд и капитал» — работа, представляющая цикл лекций, прочитанных Марксом для рабочих,— свидетельствует о дальнейшем развитии экономических взглядов Маркса. В то же время она является образцом популяризации сложных научных проблем. Марксу удалось в ней с исключительной простотой и ясностью разъяснить рабочим многие сложные политико-экономические проблемы.

Поставив перед собой цель исследовать «отношение *наемного труда к капиталу,* рабство рабочего, господство капиталиста», Маркс начал с наиболее близкого и понятного рабочим вопроса: ***„Что такое заработная плата? Как она определяется?“*** Подробно и тщательно разобрав на конкретных примерах различные формы заработной платы, он подводит слушателей, а затем и читателей к выводу: «*заработная плата* есть *цена* определенного товара — труда» [96]. Далее Маркс выясняет, чем определяется цена любого товара, рассказывает о конкуренции, разъясняет понятия прибыли и издержек производства. Он дает характеристику общественных производственных отношений и показывает, что они изменяются с развитием производительных сил, поэтому буржуазное общество есть лишь «особая ступень в историческом развитии человечества» [97], оно не вечно. В противоположность буржуазной политической экономии Маркс доказывает, что капитал — это не вещь, а *буржуазное производственное отношение,* другой стороной которого является наемный труд. «Буржуа и их эконо-

мисты»,— замечает Маркс,— утверждают, что «интересы капиталиста и рабочего *одни и те же*». Маркс тщательно разбирает на конкретных примерах различные ситуации отношений между капиталом и наемным трудом и приходит к выводу, прямо противоположному тому тезису, который выдвигали буржуазные экономисты: *«интересы капитала и интересы наемного труда диаметрально противоположны»*. Отношения капиталиста и рабочего Маркс образно характеризует так: рабочий «сам кует золотые цепи, на которых буржуазия тащит его за собой» [98].

Примыкающая к этой работе рукопись «Заработная плата», созданная в декабре 1847 г., отражает важный аспект экономической теории Маркса, его отношение к борьбе рабочего класса за повышение заработной платы и к профсоюзам. Рукопись эта — конспект будущих лекций для рабочих. Сначала Маркс в тезисной форме повторяет основные положения лекций о наемном труде и капитале. В разделе «Добавления» он приводит высказывания популярных буржуазных экономистов о заработной плате, о бедственном положении рабочих. Подборка цитат составлялась Марксом по его эксцерптным тетрадям, заполненным в Брюсселе и Манчестере. Этот материал был использован им при написании следующего раздела, представляющего собой тезисы лекции. Маркс в конспективной форме исследует, «как влияет рост производительных сил на заработную плату», говорит о колебаниях заработной платы, ее минимуме. Заработную плату он рассматривает как необходимую категорию буржуазного производства. Но коль скоро «буржуазное производство в целом есть преходящая историческая форма производства», то и система наемного труда тоже не вечна. «Она может исчезнуть при другой организации общества» [99].

Маркс разбирает также «предложения для облегчения положения рабочих», выдвигаемые буржуазными и мелкобуржуазными экономистами. Формулируя для себя этот раздел плана, Маркс указывает, что здесь он разберет и подвергнет критике предложения буржуазных экономистов Мальтуса, Росси и т. д., мелкобуржуазного социалиста Прудона, а также представителя «рабочего коммунизма» В. Вейтлинга. Разобрав предлагаемые меры — организация сберегательных касс для рабочих, производственное образование рабочих, создание рабочих союзов и др.,— Маркс подводит своих слушателей к важному выводу, что *коренное* улучшение их положения в условиях капитализма невозможно. Если бы рабочие союзы, указывает он, занимались, как это предлагают буржуазные филантропы, лишь регулированием заработной платы, то они потерпели бы крушение. Истинный их смысл состоит в том, что «они являются средством объединения рабочего класса, средством подготовки к ниспровержению всего старого общества с его классовыми противоречиями» [100].

Первые результаты, полученные Марксом на пути к созданию теории прибавочной стоимости, послужили фундаментом экономи-

ческого обоснования научного коммунизма. Здесь прежде всего следует сказать о разработке вопроса о диалектике взаимодействия производительных сил и производственных отношений в развитии общества. Маркс ставит перед собой двоякую цель: во-первых, стремится «обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества» [101]. Известно, что именно исследование материальных предпосылок коммунистического общества в первую очередь обусловило научный характер революционных выводов марксистской теории в отличие от различных форм утопического социализма. Однако само это исследование стало возможным лишь после того, как эти материальные предпосылки достигли известного уровня развития в недрах капиталистического производства. Во-вторых, Маркс дает характеристику некоторых основных черт будущей коммунистической формации.

Оба аспекта рассмотрения проблемы тесно связаны: прогнозирование коммунистической экономики опирается именно на анализ тех процессов, которые выражают материальные предпосылки будущего общества. Это обстоятельство в полной мере проявилось на стадии первоначального варианта «Капитала», о чем подробнее будет сказано в главе VIII настоящей работы.

Первой и важнейшей материальной предпосылкой уничтожения капитализма, считает Маркс, является развитие рабочего класса. Закон стоимости, необходимым проявлением которого выступает тенденция заработной платы к минимуму, обусловливает неизбежную нищету рабочего класса, «оказывается формулой современного рабства рабочего» [102]. Рабочие могут и закономерно пытаются бороться с капиталистической эксплуатацией, поэтому коалиции, объединения рабочих представляют собой объективное следствие развития капиталистического способа производства. Выдвинутое в конце 40-х гг. положение о закономерном характере объединений рабочих для борьбы с классом капиталистов получило практическое подтверждение в ходе экономической борьбы английских рабочих в первой половине 50-х гг. (Маркс это зафиксировал в лондонских эксцерптных тетрадях и в публицистических статьях), а всестороннюю теоретическую разработку получило уже в 60-е гг.

Буржуазные экономисты, а вслед за ними и мелкобуржуазные социалисты, утверждали, что объединения рабочих невыгодны для них. Это объяснялось тем, как пишет Маркс, что, «начиная с 1825 г., почти все новые изобретения были результатом конфликтов между рабочими и предпринимателями, которые всеми силами старались обесценить специальную подготовку рабочих. После каждой новой, сколько-нибудь значительной стачки появлялась какая-нибудь новая машина» [103]. В данный период Маркс еще не мог опровергнуть этот тезис буржуазных экономистов, согласно которому «возмущение против вечных законов политической экономии так же смешно, как и опасно». В защиту коалиций он вы-

двигает то положение, что достигаемое с их помощью политическое объединение рабочих более необходимо, «чем охрана заработной платы» [104].

В работах второй половины 40-х гг. Маркс существенно углубил свой анализ положения рабочего класса в буржуазном обществе, экономическое обоснование противоположности классовых интересов рабочих и капиталистов. Он показал, что с развитием производительных сил происходит относительное ухудшение положения рабочего класса по сравнению с классом капиталистов, так как уменьшается доля живого труда в авансируемом капитале. Маркс указывает на 4 следствия развития производительных сил для рабочих: 1) «положение рабочего по сравнению с положением капиталиста относительно ухудшается»; 2) труд рабочего «все более и более превращается в простой труд»; 3) заработная плата и положение рабочих все более зависят от колебаний мирового рынка, становятся все более неустойчивыми; 4) «всеобщий закон, необходимо вытекающий из природы отношения между капиталом и трудом, таков, что при росте производительных сил та часть производительного капитала, которая превращается в машины и в сырье, т. е. капитал как таковой, возрастает несоразмерно по сравнению с той частью, которая предназначается на заработную плату» [105]. Это уже весьма высокая степень приближения к формулировке всеобщего закона капиталистического накопления.

Важной стороной исследования проблемы создания материальных предпосылок будущего общества был вопрос о судьбах и дальнейших путях развития разделения труда. Маркс отмечает, что капиталистическая фабрика, капиталистический способ применения машин создает в тенденции «потребность в универсальности, стремление к всестороннему развитию индивида. Фабрика устраняет обособленные профессии и профессиональный идиотизм» [106]. Анализируя разделение труда, как оно существует внутри капиталистической фабрики, Маркс приходит к выводу, что этот тип разделения труда, освобожденный от антагонистической формы, как раз и представляет собой прообраз организационной структуры будущего общества, в первую очередь в отношении централизованного управления им. «Общество, наилучшим образом организованное для производства богатств, бесспорно должно было бы иметь лишь одного главного предпринимателя, распределяющего между различными членами общественного коллектива их работу по заранее установленным правилам» [107]. Разумеется, это общество мыслится Марксом как общество бесклассовое. «Рабочий класс,— отмечает он,— поставит, в ходе развития, на место старого буржуазного общества такую ассоциацию, которая исключает классы и их противоположность» [108].

Эти положения нашли свое яркое воплощение в первом программном документе марксизма — «Манифесте Коммунистической партии».

Таким образом, в работах второй половины 40-х гг. Марксом уже была поставлена задача объяснения капиталистической эксплуатации в рамках закона стоимости и сделаны первые шаги в ее решении, проведено фактическое различение между трудом и рабочей силой. От общей характеристики капиталистической эксплуатации как отчужденного труда Маркс перешел к выяснению механизма его функционирования. По мнению Энгельса, Маркс в этот период уже «очень хорошо знал не только *откуда*, но и *как* «происходит прибавочная стоимость капиталиста»» [109]. Первые важные шаги были также сделаны и в разработке проблем научного коммунизма. Однако решающий прорыв был совершен Марксом в ходе работы над первоначальным вариантом «Капитала», которому предшествовали годы интенсивных экономических занятий в Лондоне, где Марксу удалось значительно углубить свои представления об «анатомии гражданского общества».

Глава II

НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Переезд Маркса в Лондон в 1849 г., после поражения европейских революций, стал прологом нового этапа в развитии марксистской экономической теории. Революции 1848—1849 гг. подтвердили выдвинутый Марксом и Энгельсом в середине 40-х гг. тезис о всемирно-исторической роли пролетариата. Разработка Марксом экономического учения в 50—60-е гг. явилась теоретическим обоснованием этого вывода.

Реалистическая оценка экономического развития убеждала в том, что с оживлением конъюнктуры в революционном движении наступил спад. В период наступившей реакции на европейском континенте Маркс и Энгельс считали своей главной задачей подготовку рабочего класса к новым революционным битвам. В противоположность мелкобуржуазным демократам, которые продолжали «играть» в революцию, организовывали революционные займы, создавали «революционные правительства», Маркс и Энгельс считали необходимым использовать этот период для дальнейшей разработки теории [1].

Маркс и Энгельс полагали в то время, что наступление революционной ситуации будет непосредственно связано с экономическим кризисом. *«Новая революция возможна только вслед за новым кризисом. Но наступление ее так же неизбежно, как и наступление этого последнего»,*— писал Маркс в 1850 г. [2]

В период революции 1848—1849 гг. Маркс и Энгельс видели свою главную задачу в участии в политической борьбе и в решении связанных с этим теоретических проблем. К тому времени ими уже были созданы основы диалектического и исторического материализма. В свою очередь, материалистическое понимание истории создавало теоретические и методологические предпосылки для подъема политической экономии рабочего класса на качественно новый уровень. Уже в экономических произведениях 40-х гг.— «Экономическо-философских рукописях 1844 года», «Нищете философии», «Наемном труде и капитале» — наметились отправные пункты революции в экономической науке, которую Маркс впоследствии осуществил, последовательно отстаивая классовые интересы пролетариата. Но решающие открытия были еще впереди.

С одной стороны, материалистическое понимание истории нужно было еще доказать путем выяснения экономического закона движения капиталистической формации. С другой стороны, на основе обобщения опыта революции Маркс пришел к убеждению, что научная теория рабочего движения нуждается в более высоком уровне развития политической экономии.

В Лондоне Маркс, как он об этом сам писал позже, решил «приняться за изучение предмета с начала и критически переработать новый материал» [3].

Лондон как нельзя лучше подходил для подобной работы. Будучи столицей наиболее развитой в промышленном отношении державы, центром мировой торговли и обширной колониальной империи, он располагал к тому же уникальной библиотекой Британского музея — самым обширным в мире книжным собранием, включающим литературу по политической экономии, экономической политике, истории техники и т. д.

Маркс снова, как и в 40-е гг., ставит задачу выпустить книгу по политической экономии. Ожидание кризиса, а вслед за ним революции побуждает Маркса торопиться. Он считает необходимым закончить свою работу до этого события. Поэтому в его письмах часто звучат опасения, что он может не успеть, а сделать это обязательно надо. Уже 15 сентября 1853 г. он пишет своему американскому другу А. Клуссу: «Как бы то ни было, движение началось раньше, чем я этого ожидал и желал (я полагаю, что торговый спад начнется весной, как в 1847 г.). Я все еще надеюсь, что до этого времени как-нибудь сумею уединиться месяца на два и разработать свою «Политическую экономию»» [4]. Четыре года спустя, уже приступив к работе над рукописью 1857—1858 гг., он пишет Энгельсу: «Я работаю, как бешеный, ночи напролет над подытоживанием своих экономических исследований, чтобы до потопа иметь ясность по крайней мере в основных вопросах» [5]. Немного погодя, он снова объясняет Энгельсу, почему так напряженно работает: «Совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей...» [6]

В 1851 г. Маркс взялся за поиски издателя для своей будущей книги. Он обращается к друзьям и знакомым с просьбой начать переговоры с различными немецкими издателями. Но все эти хлопоты ни к чему не привели. Как писали ему друзья из Германии, издателей не устраивало «направление» Маркса, они согласились бы, по их словам, издать «историю политической экономии», но не «критику» [7].

Результаты интенсивной работы Маркса в этот период воплотились в его эксцерптных тетрадях и публицистических статьях, а также в письмах Энгельсу, в которых он нередко впервые высказывал те или иные результаты своих исследований.

1. ЛОНДОНСКИЕ ЭКСЦЕРПТНЫЕ ТЕТРАДИ (1850—1853 гг.) КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ БАЗА «GRUNDRISSE»

Первым итогом исследований Маркса по политической экономии в этот период явились 24 лондонские тетради, содержащие около 1300 страниц, густо исписанных мелким, трудно читаемым почерком. Эти эксцерптные тетради почти полностью сохранились [8] и представляют собой важнейший источник для исследования той научно-теоретической базы, на которой возникли позднее «Grundrisse». Отражая поистине титаническую работу Маркса по сбору и критической переработке огромного числа источников для создания собственной экономической теории, эксцерптные тетради существенно расширяют наши представления об источниковой базе экономического учения марксизма.

Вместе с тем изучение Марксовых эксцерптов данного периода значительно обогащает наши знания о путях развития домарксовой экономической мысли. Непосредственное сопоставление источников, осмысление которых в той или иной степени способствовало выработке положений марксистской политэкономии, с собственными положениями Маркса дает возможность глубже понять содержание совершенного им переворота в политической экономии.

Этот момент особенно важен с точки зрения критики современных буржуазно-реформистских интерпретаций экономического учения Маркса. В «марксологической» литературе нередки попытки затушевать различия между марксистской и буржуазной политической экономией, всячески преуменьшить заслуги Маркса в создании подлинно научной экономической теории. Стремление отождествить взгляды Маркса с воззрениями предшественников нередко сочетается с прямыми обвинениями в заимствовании им многих элементов своей теории у буржуазных авторов [9].

Характерной чертой работы Маркса над изучением экономической литературы является стремление на основе детального изучения материала нащупать внутреннюю связь между различными экономическими явлениями, ускользающую от буржуазных экономистов. На этой основе продолжается критика предшествующей и современной политической экономии. Лондонские эксцерпты 1850—1853 гг. показывают, с какой тщательностью Маркс подходил к оценке достижений предшественников и современников. При этом для него была важна не только внутренняя логика рассуждений буржуазных экономистов, но и соотношение полученных выводов с практикой как главным критерием истины. Не случайно эксцерптные тетради этого периода содержат так много эмпирического материала — выписки по истории денег и денежного обращения, конкретный материал из текущей прессы об экономическом положении и условиях жизни и труда рабочих.

Разумеется, эти тетради создавались прежде всего для уяснения вопросов самому себе, не предназначались для публикации, а потому не имеют строго выраженного плана изложения. Однако сам процесс исследования обусловил определенную последовательность заполнения тетрадей, внутреннюю логику расположения материала.

В основной группе лондонских эксцерптных тетрадей 1850—1853 гг. можно выделить *четыре* различных этапа исследования и вместе с тем *четыре* важнейших круга проблем.

На *первом этапе,* который отражают первые семь тетрадей, главное место принадлежало проблемам денежно-кредитного обращения и кризисов перепроизводства в буржуазной экономической литературе, выяснению взаимосвязи между деньгами, кредитом и кризисами. Это объяснялось в первую очередь той ролью, которую Маркс в то время отводил кризисам в общественной жизни, но не в последнюю очередь и активным обсуждением этого круга вопросов в английской политической экономии первой половины XIX в. [10]

Указанные тетради содержат богатейший материал по экономической истории Англии первой половины XIX в.: о развитии капиталистического производства, торговли, железнодорожного строительства, конкретные данные о денежно-кредитной сфере, о протекании экономических кризисов 1825, 1837, 1846—1847 гг. Они объединяют выписки приблизительно из 90 сочинений более чем 70 авторов, одни из которых были изучены и законспектированы Марксом весьма подробно, другие — фрагментарно, выборочно, третьи — лишь резюмированы в самых общих чертах. Одной из самых значительных тем в этих тетрадях стал анализ полемики между представителями двух ведущих в Англии направлений денежно-кредитной политики — денежной школой, опиравшейся на количественную теорию денег Рикардо, и ее критиками — так называемой банковской школой.

Сторонники денежной школы отстаивали ту точку зрения, что, коль скоро в ходе промышленного цикла цены колеблются, обращающаяся масса денег оказывается то слишком мала, то слишком велика. При чисто золотом обращении, утверждали они, масса денег автоматически регулировалась бы импортом или экспортом золота. Этот автоматизм, однако, подрывается чрезмерным выпуском бумажных денег и банкнот. Государственная политика в области валютно-денежных отношений, по их мнению, должна быть направлена на то, чтобы металлическое и банкнотное обращение вместе взятые не превышали необходимых размеров оборота золотых денег.

Предложения сторонников денежной школы легли в основу банковского акта Р. Пиля 1844 г. Но уже во время кризиса 1847 г. этот закон обнаружил свою непригодность, ибо кредит был искусственно ограничен именно в тот момент, когда спрос на него стал наибольшим. Представители банковской школы обоснованно

критиковали своих противников за то, что они не поняли специфики обращения банкнот как формы кредитных денег, которые управляются иными законами, чем металлические деньги.

Маркс в основных вопросах этого спора, как свидетельствуют эксцерпты, склонялся к точке зрения банковской школы, но в то же время показывал, что ее объяснение причин кризисов столь же недостаточно, как и предлагаемое представителями денежной школы. Суть их ошибок Маркс видел в отождествлении денег и капитала.

Расхождения банковской и денежной школ Маркс свел к их основе — отношению к количественной теории денег Рикардо. Таким образом, наметились предпосылки для преодоления его прежних ошибочных взглядов: в «Нищете философии», как было уже показано в главе I, Маркс в данном вопросе еще некритически следовал за Рикардо. Отказ же от точки зрения Рикардо открывал возможность для создания научной теории денег. Тем самым прокладывался путь к преодолению дуализма концепции Рикардо,— дуализма, который позволял противникам английского экономиста сомневаться в истинности трудовой теории стоимости вообще.

Ошибочность количественной теории денег была выявлена не только благодаря раскрытию ее логических противоречий и несостоятельности попыток ее практической реализации. Маркс основательно изучал практику денежного и кредитного дела и накапливал фактический материал по истории добычи благородных металлов, их применения в качестве денег либо предметов роскоши. Он прослеживал направление основных потоков товаров и денег в мировой торговле и основательно знакомился с техникой банковских операций, торговли деньгами, кредитования, чеканки денег, вексельных операций и т. д. В результате он собрал большой эмпирический материал, что не могло не сказаться и на разработке трудовой теории стоимости.

В письме Энгельсу 3 февраля 1851 г. Маркс подытожил первые результаты своих исследований в этой области: «...я утверждаю, *что и при чисто металлическом обращении количество металлических денег, его увеличение и сокращение не связано с отливом или притоком благородных металлов... с благоприятным или неблагоприятным вексельным курсом...* Тук выставляет такое же утверждение, но я не нашел никаких доказательств в его «Истории цен» за 1843—1847 годы.

Как видишь, вопрос этот важный. Во-первых, тем самым в корне опровергается вся теория обращения. Во-вторых, это доказывает, что течение кризисов, хотя *кредитная система* и является одним из их условий, лишь постольку связано с *денежным обращением,* поскольку нелепое вмешательство государственной власти в дело регулирования этого денежного обращения может сделать данный кризис более тяжелым, как это и было в 1847 году» [11].

Весной 1851 г. Маркс полагал, что он уже окончательно разобрался в проблеме денег и через несколько недель сможет приступить к написанию запланированного им экономического произведения.

Начать его он намеревался, очевидно, именно с данного вопроса. Вероятно, с этой целью Маркс и завел специальную тетрадь, в которой сгруппировал все свои эксцерпты по вопросам теории денег, созданные в Париже, Брюсселе, Манчестере, Лондоне, по авторам и произведениям, произвел вторичную их обработку, а местами и подробно их прокомментировал. Возникшая таким образом тетрадь «Слиток. Завершенная денежная система» свидетельствует о том, что рикардовская количественная теория денег к этому времени уже была в основном преодолена [12].

В то же время Маркс, по всей видимости, стремился добиться большей ясности в понимании внутренней связи денег с другими отношениями буржуазного способа производства, о чем говорит то обстоятельство, что через несколько недель после заполнения указанной тетради он создает небольшой фрагмент, озаглавленный им «Размышления». Фрагмент этот содержится в VII эксцерптной тетради. Он написан Марксом именно для уяснения самому себе теоретической связи между деньгами, кредитом и кризисами.

«Размышления» отражают ту ступень в развитии марксистской политэкономии, когда от накопления фактического материала Маркс начинает переходить к теоретическим обобщениям [13]. Непосредственным толчком к написанию «Размышлений» явился конспект работы Тука «Исследование принципа денежного обращения», предшествующий этой рукописи. Тук в своей книге впервые подверг всесторонней критике количественную теорию денег и денежную школу. На основе проработанного им огромного материала о полемике между денежной и банковской школами Маркс в «Размышлениях» переходит от разрозненных критических замечаний в адрес банковской школы к критике ее концепции в целом.

Исходным пунктом «Размышлений» стал один из основных тезисов банковской школы о различии между деньгами и капиталом. Полемизируя с ее представителями, проводившими резкую грань между сферами обращения денег и капитала, Маркс рассматривает здесь деньги с точки зрения их функциональной роли в процессе производства. Во взаимосвязи и различии денег и капитала он видит проявление глубокой взаимосвязи и в то же время противоположности денег и товара. Замечание о том, что стоимость товара требует отличной от него самого особой формы выражения,— свидетельство подхода к пониманию денег как *особого* товара [14]. В противоположность как банковской, так и денежной школам, которые усматривали причины экономических кризисов в конечном счете в нарушениях в сфере обращения, Маркс трактует кризис как нарушение в самом производственном механизме. Он пишет: «Действительной трудностью является *необратимость*

товаров, т. е. *действительного капитала,* в золото и банкноты... Смешно изображать деньги как нечто побочное там, где как нечто *побочное* предстает капитал» [15].

Здесь же Маркс развивает выдвинутую в «Нищете философии» мысль о том, что деньги являются необходимой экономической формой организации буржуазного общества. Отсюда — вывод об утопизме разного рода попыток реформировать современное общество путем преобразования денежного обращения. Критикуя в этой связи прудонистскую концепцию кризисов, Маркс пишет: «...они хотят устранить необратимость капитала посредством того или иного искусственного конструирования и модификации *денежной системы*... В *бытии денежной системы* дана не только возможность, но уже и действительность отделения [товаров от денег], и то, что это имеет место, доказывает, что невозможность реализации стоимости капитала именно по той причине, что он соразмерен с деньгами, дана уже капиталом, а следовательно, всей организацией производства» [16].

Хотя Марксу предстояло еще пройти долгий путь до создания научной теории капиталистического воспроизводства, в «Размышлениях» следует отметить первую попытку рассмотреть деньги, кредит и кризисы через призму процесса воспроизводства. Возможность кризисов дана уже в товаре и деньгах, указывает Маркс, предвосхищая таким образом известные формулировки «Капитала». Вследствие обнаруживающихся в ходе воспроизводства противоречий эта возможность становится действительностью в движении капитала на мировом рынке. К числу решающих Маркс в «Размышлениях» относит противоречие между производством и потреблением.

Новый, *второй* этап процесса исследования отражают конец VII тетради и VIII тетрадь. Поскольку Маркс надеялся в самом скором времени приступить к написанию своего экономического произведения, то становится понятным особый интерес к систематическому построению политической экономии. С этой целью он вновь обращается к трудам наиболее значительных систематизаторов среди представителей классической буржуазной политической экономии — Джемса Стюарта, обобщившего теоретические представления меркантилизма; Адама Смита, создавшего систему, отражавшую взгляды периода мануфактурного капитализма; Давида Рикардо, чья система составила высшее достижение буржуазной экономической мысли начала периода промышленного капитализма. Таким образом, известный пассаж о методе политической экономии во «Введении», написанном в 1857 г., в значительной мере основывался на содержании эксцерптных тетрадей 1851 г.

Книгу Смита «Богатство народов» Маркс изучает не в первый раз, причем в данном случае он пользуется английским изданием 1835—1839 гг., подготовленным Уэйкфилдом, который снабдил подробнейшими комментариями текст Смита, проведя сопоставление системы шотландского экономиста с экономическим

развитием капитализма после смерти автора, а также отразил реакцию последующих экономистов, в особенности Рикардо, на труд Смита. При этом Уэйкфилда занимал также вопрос, действительно ли Рикардо удалось добиться большего, нежели Смиту, в научном обосновании трудовой теории стоимости? Именно здесь Маркс впервые фиксирует две антиномии в буржуазной экономической науке [17], полное значение которых для развития политической экономии было осознано им лишь позднее. В рукописи 1861—1863 гг. он определил эти антиномии, неспособность разрешить которые приводит к разложению рикардианскую школу: «1) Обмен между капиталом и трудом соответственно закону стоимости. 2) Образование общей нормы прибыли. Отождествление прибавочной стоимости и прибыли. Непонятое отношение между стоимостями и ценами издержек» [18]. В комментарии Уэйкфилда Маркс не нашел разрешения этих антиномий, он отметил лишь возвращение к экзотерическому варианту теории стоимости Смита, который позднее стал исходным пунктом вульгарной политэкономии.

Для Маркса уже не могло быть речи об отказе от научных достижений Рикардо,— напротив, необходимо было развить трудовую теорию стоимости, преодолеть указанные антиномии на ее основе. Однако на данном этапе Маркс мог лишь их зафиксировать.

Новая проработка рикардовских «Начал политической экономии» (на этот раз уже английского издания 1821 г.) в VIII тетради представляет собой *третий* этап исследований Маркса первой половины 50-х гг. Обширные, довольно подробно прокомментированные, расположенные систематически выписки демонстрируют стремление Маркса найти решение противоречий теории Рикардо, свидетельствуют о том, что ему удалось добиться определенных успехов в выработке теории стоимости и прибавочной стоимости,— успехов, создавших предпосылки для новых открытий в «Grundrisse». В то же время решающего прорыва за пределы рикардовской теории здесь еще нет.

Маркс фиксирует тот шаг вперед, который был сделан Рикардо в разработке теории стоимости: «У Рикардо важно то, что, в то время как даже А. Смит и Сэй все еще принимают за регулятор [стоимости] некий *определенный продукт,* он повсюду берет [в качестве регулятора] труд, деятельность, само производство — не продукт, а производство, акт создания. С этим связана целая эпоха буржуазного производства» [19].

Конспектируя книгу Рикардо и выделяя определение им стоимости как независящей от ее отношения к любому другому товару, Маркс подчеркивает, что стоимость товара (употребляя терминологию Рикардо, он говорит здесь о «реальной цене», т. е. об издержках производства товара) «не зависит также от труда в той мере, в какой он оплачивается... в какой он сам является товаром», но она зависит «от труда, поскольку он является производительным... поскольку он создает товары» [20]. В этом намечается

дальнейшее развитие положений о «труде-товаре», сформулированных еще в 40-е гг., постепенный подход к открытию товара рабочая сила, специфики его потребительной стоимости и стоимости.

Маркс выделяет в качестве важного аспекта теории стоимости, не учитывавшегося в теории классика буржуазной политэкономии, то обстоятельство, что «*обмен* является существенным условием... определения» стоимости, открывающим *«возможность реализации стоимости товара»* [21]. Только обмениваемость делает товар стоимостью, т. е. превращает его из потенциальной стоимости в реальную меновую стоимость. Здесь уже содержатся ростки понимания различия между стоимостью и меновой стоимостью, но Марксу предстояло проделать еще значительный путь (который не завершился и в «Grundrisse»), прежде чем он пришел к выводу: обмен товара на деньги означает, что затраченный на его производство частный, особенный труд получил признание в качестве труда общественного.

В своих комментариях к выпискам из работы Рикардо Маркс намечает главную проблему: объяснение избытка, создаваемого рабочим классом сверх заработной платы и безвозмездно присваиваемого капиталистами. В этой связи он пишет: «Большинство противников Рикардо... утверждают, что он не может объяснить избытка [стоимости]» [22]. Маркс отвергает попытки вульгарных экономистов вывести прибыль из перераспределения стоимости, ибо «для распределения должно быть в наличии нечто, подлежащее распределению» [23]. Он доказывает, что «избыток» не может возникнуть в простом товарообмене, но представляет собой специфическое отношение к чему-то третьему, а этим «третьим может быть только рабочий класс» [24].

Хотя специфика товара рабочая сила (или способность к труду) была в основных чертах раскрыта лишь в «Grundrisse», когда было также дано и объяснение происхождения прибавочной стоимости, определенный шаг в этом направлении Маркс сделал, развивая положения из «Наемного труда и капитала», уже в VIII лондонской эксцерптной тетради. Критикуя рикардовскую концепцию избытка, Маркс верно определил вещественное содержание прибыли, *выделил прибавочный труд* в чистом виде, который капиталист присваивает как неоплаченный труд наемного рабочего. Проблема теперь заключалась в том, чтобы показать, *как* и *почему* данное вещественное содержание принимает социальную форму прибыли (прибавочной стоимости). Эту задачу еще предстояло решить [25].

Если Маркс в рассматриваемый период так и не приступил к написанию своего экономического труда, как он поначалу надеялся, то, очевидно, отнюдь не только из-за отсутствия издателя. Причины были глубже и заключались в том, что его понимание проблем вследствие нового обращения к Рикардо значительно углубилось, и он убедился в необходимости дальнейшего исследования нерешенных еще вопросов.

Тетрадь IX (май — июнь 1851 г.) ознаменовала начало нового, *четвертого* этапа процесса исследования. В центре его находились вопросы, ответ на которые вплотную подводил к теории прибавочной стоимости. В IX и X тетрадях содержатся многочисленные эксцерпты, отражающие дискуссию в буржуазной экономической литературе вокруг рикардовской теории. Здесь сосредоточены выписки из работ многих экономистов, взгляды которых впоследствии в «Теориях прибавочной стоимости» Маркс будет рассматривать как свидетельство разложения школы Рикардо. Особенно интересовал Маркса вопрос, каким образом буржуазные экономисты пытаются решить проблему обмена между наемным трудом и капиталом. Тетрадь XI (июль 1851 г.) можно было бы озаглавить «Изменения в положении рабочего класса». В ней содержатся преимущественно выписки о заработной плате, рабочем дне, условиях труда и жизни рабочих, роли и истории профсоюзного движения. Достаточно подробно Маркс разбирает памфлет «Письма о фабричном акте» Сениора — работу откровенно апологетическую, призванную оспорить необходимость законодательного ограничения рабочего дня. Именно здесь была сформулирована догма о «последнем часе», подвергнутая Марксом впоследствии уничтожающей критике в рукописи 1861—1863 гг. и в I томе «Капитала». Изучение памфлета позволило Марксу значительно уточнить собственное отношение к проблеме рабочего дня, стало шагом к созданию теории абсолютной прибавочной стоимости.

В этой же тетради законспектирован ряд работ по проблемам профсоюзного движения. Маркс и Энгельс всегда высоко оценивали роль тред-юнионов как классовых организаций пролетариата. Однако в 40-х гг., как уже отмечалось в главе I данной монографии, они еще отрицали их способность добиться устойчивого улучшения экономического положения рабочего класса. В XI тетради Маркс постепенно начал уточнять свои взгляды на возможность и значение экономической борьбы рабочего класса за сокращение рабочего дня, за повышение заработной платы и улучшение условий труда. Это в первую очередь было обусловлено преодолением господствовавшей тогда в буржуазной экономической теории догмы о фиксированном «рабочем фонде».

Данная концепция покоилась, во-первых, на законе народонаселения Мальтуса, согласно которому в силу естественных причин действует устойчивая тенденция к ограничению жизненных средств рабочих абсолютным минимумом. Во-вторых, она основывалась на том положении, что накопление капитала, хотя и увеличивает массу производимых предметов потребления, тем не менее лишь в жестких рамках так называемого закона убывающего плодородия почвы. Критике этих двух положений посвящены тетради XII и XIII (июль — август 1851 г.). В законспектированных Марксом работах Мальтуса, Таунсенда и других авторов, отстаивавших пресловутый закон народонаселения, страшная нищета английского рабочего класса в начале XIX в. трактовалась имен-

но как следствие того, что население росло быстрее, чем производство жизненных средств. Дополняя материал манчестерских тетрадей по этому вопросу, Маркс тщательно выписал аргументы и фактический материал из работ тех авторов, которые опровергали эту догму. Для него не было никакого сомнения в том, что прямой связи между ростом населения и производством предметов потребления не существует,— напротив, связь эта опосредована рядом других экономических отношений.

Много внимания уделяет Маркс в лондонских эксцерптах опровержению тезиса об убывающем плодородии почвы. Исследуя взаимосвязь денег, кредита и кризисов, он натолкнулся в журнале «Economist» от 14 декабря 1850 г. на статистические данные, анализ которых привел его к формулировке вопроса: каким образом возможно, чтобы *«цена зерна падала и одновременно возрастала рента,* и при этом не происходило переворота в рикардовском законе?» [26]

Как отмечал впоследствии Маркс в рукописи 1861—1863 гг., Рикардо при анализе этого вопроса опирался на статистические данные о соотношении цен на зерно и земельной ренты за период 1770—1815 гг.[27], когда в условиях начавшейся промышленной революции городское население быстро увеличивалось, вследствие чего устойчиво рос спрос на продукты питания. Урожайность же за этот период не повысилась пропорционально росту городского населения, а потому цена на зерно и земельная рента поднялись.

Как уже отмечалось в главе I настоящей монографии, в «Нищете философии» Маркс еще некритически заимствовал утверждение Рикардо о том, что в результате роста спроса на продукты сельского хозяйства совершается переход к худшим землям с более низкой урожайностью. Однако приводимые в «Economist» данные о движении цен на зерно и земельной ренты после 1815 г. убедили его в том, что Рикардо возвел временную тенденцию в ранг закона. В письме Энгельсу от 7 января 1851 г. Маркс писал: «Закон ренты, в виде простейшего тезиса, выдвинутого Рикардо, если мы оставим в стороне дальнейшие выводы из него, вовсе не предполагает убывающего плодородия земли, а только то обстоятельство, что, *несмотря на всеобщее возрастание плодородия земли, которым сопровождается развитие общества,* плодородие разных участков земли все же *различно* или что при последовательном применении капитала к одному и тому же участку земли результат получается различный» [28].

Вывод о неправильности рикардовского тезиса о снижении плодородия почвы был важен в том отношении, что тем самым Маркс оспорил положение, играющее в системе Рикардо ключевую роль: на нем покоилась не только теория ренты, но и теория заработной платы, прибыли, накопления [29].

В XII и XIII тетрадях содержатся обширные выписки по проблемам сельскохозяйственного производства из работ различных авторов, придерживавшихся различных концепций земельной

ренты. Особенно внимательно Маркс изучал новое прогрессивное направление тогдашней науки о земле — агрохимию, основные положения которой развивали немецкий ученый Либих и англичанин Джонстон. В их работах, так же как и в работе Р. Джонса «О ренте», Маркс нашел подтверждение вывода о том, что не существует никаких естественных пределов возрастания производства продуктов питания, необходимо лишь преодолеть те ограничения, которые порождены капиталистическими производственными отношениями.

Уже в брюссельских и манчестерских эксцерптных тетрадях были сделаны выписки по истории развития естествознания и техники. XV лондонская тетрадь заполнена исключительно выписками из новой литературы по этим проблемам. Маркс интересуется вопросами возникновения системы машин и крупной промышленности как выражения технологического применения естественнонаучных открытий, историей и практикой машиностроения. Все эти выписки составили надежную базу для обобщающих выводов, которые были сделаны в рукописи 1857—1858 гг. о важнейших тенденциях развития производительных сил, для выработки теории относительной прибавочной стоимости.

Начиная с XVII тетради содержание выписок меняется. Наряду с расширением круга привлекаемой экономической литературы Маркс изучает вопросы, выходящие за рамки собственно политической экономии. Он конспектирует работы по проблемам экономической истории буржуазного общества и докапиталистических формаций, политической истории, истории искусства и культуры, эмансипации женщин и т. д. Значительное место в тетрадях занимает история колониальных завоеваний, колониальной эксплуатации и жестокого угнетения зависимых народов. Эти эксцерпты, с одной стороны, были материалом для целого ряда публицистических статей Маркса, с другой стороны, следы этой группы эксцерптов видны во «Введении», в основном тексте «Grundrisse», в частности в исследовании докапиталистических формаций. Впоследствии они были также использованы Марксом для критики буржуазной теории колонизации в I томе «Капитала».

Осенью 1853 г. Маркс завершил XXIV тетрадь. Однако подготовительная работа на этом не окончилась. В последующие годы Маркс постоянно следит за новейшей экономической литературой. Обобщая вновь материал своих эксцерптных тетрадей, он составил в конце 1853 — начале 1854 гг. тематическую подборку «Деньги, кредит, кризисы», где дал обзор своих лондонских тетрадей, начиная с VII, а затем вновь обратился к первым шести тетрадям, а также к манчестерским и брюссельским эксцерптам.

Следующая подборка материалов, осуществленная Марксом в эти же годы, называется «Заметки» и охватывает материалы как лондонских, так и более ранних эксцерптных тетрадей. Несомненно, Маркс снова и снова обдумывал вопрос о том, как следует расчленить и структурно организовать материал. 13 февраля 1855 г.

он писал Энгельсу: «...я перечитывал свои собственные тетради по политической экономии — если не с целью обработки материала, то, во всяком случае, с целью овладеть им и иметь в готовом для обработки виде»[30].

Результаты напряженной работы, проделанной Марксом в первой половине 50-х гг. по изучению и осмыслению достижений предшественников в области политической экономии, воплотились в рукописи 1857—1858 гг. Но прежде они прошли «опытную проверку» в публицистических выступлениях Маркса, в его многочисленных статьях, написанных в середине 50-х гг. для периодической печати.

2. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ МАРКСА 50-х гг.

Важнейшим средством пропаганды идей научного коммунизма становятся в 50-е гг. выступления Маркса и Энгельса в периодической печати. В период реакции, когда число органов печати рабочих организаций сокращалось, уменьшилось их распространение, Маркс и Энгельс широко использовали для изложения своих взглядов прогрессивные буржуазные газеты[31].

Необходимость найти более или менее постоянный источник средств существования заставила Маркса принять предложение стать корреспондентом американской буржуазной газеты «New-York Daily Tribune». С осени 1851 по март 1862 г. Маркс был ее постоянным сотрудником. За эти годы им при сотрудничестве Энгельса были написаны сотни корреспонденций по самым жгучим проблемам современности. Он стремился использовать и другие открывавшиеся ему возможности. Так, в 1855 г. он посылал статьи в немецкую буржуазно-демократическую «Neue Oder-Zeitung», в 1852—1856 гг. регулярно сотрудничал в еженедельной чартистской газете «People's Paper», а в 1853—1854 гг. посылал статьи в немецкую рабочую газету «Die Reform», выходившую в Нью-Йорке.

Выступая в буржуазной печати, Маркс в текущих корреспонденциях сумел поднять многие важные вопросы, всегда стремясь вскрывать пороки капиталистического общества и резко критиковать политику правящих классов. Тематика статей во многом определялась важнейшими событиями в Европе. Начав сотрудничество в «New-York Daily Tribune» с серии статей о революции и контрреволюции в Германии (статьи эти, как известно, были написаны Энгельсом[32]), Маркс постепенно расширяет их тематику; главным предметом его исследований становится Англия. Источниками для многих статей послужили сделанные им выписки из трудов буржуазных экономистов, из текущих журналов, газет.

Научные исследования и публицистическая деятельность составляли неразрывное целое. Многие статьи содержали теоретические обобщения, делавшиеся на основе уже проведенных иссле-

дований. Поэтому нередко тематика экономической публицистики перекликается с теми проблемами, которые уже были зафиксированы в эксцерптных тетрадях. С другой стороны, постановка актуальных политических проблем влияла на круг его научных изысканий.

Центральное место в публицистике, как и в эксцерптных тетрадях, занимала проблема кризисов. Исходя в то время из посылки о решающем значении кризисов для развития революции, Маркс в своих статьях тщательно прослеживает и выявляет признаки и ход надвигающегося кризиса, исследует особенности каждого этапа промышленного цикла. Именно в статьях, посвященных анализу кризисных явлений в экономике Англии и других европейских стран, Маркс делает теоретические обобщения, сыгравшие важную роль в марксистской теории кризисов и промышленного цикла.

Так, в работе «18 брюмера Луи Бонапарта» (декабрь 1851 — март 1852 гг.) Маркс, рассматривая особенности кризиса 1851 г., показал его влияние на французскую промышленность и отметил, что английской буржуазии, находящейся на более высоком уровне развития, удалось легко преодолеть этот промежуточный кризис. «...Кажущийся кризис 1851 г. представлял не что иное, как заминку, которая постоянно происходит с перепроизводством и чрезмерной спекуляцией в течение промышленного круговорота, прежде чем с напряжением всех сил они лихорадочно не пробегут последнюю часть цикла и снова не возвратятся к своей исходной точке, *всеобщему торговому кризису*» [33]. Разницу в экономическом положении Англии и Франции Маркс видит в том, что «во Франции был промышленный кризис, а в Англии — торговый» [34].

Но уже в октябре 1852 г. Маркс приходит к выводу, что более высокий уровень промышленного развития не может предохранить от воздействия действительного кризиса перепроизводства: «Современная промышленность и торговля проделывают в своем развитии, как это хорошо известно, периодические циклы продолжительностью от пяти до семи лет, проходя с регулярной последовательностью через различные состояния — затишья, затем известного улучшения дел, растущей уверенности, оживления, процветания, лихорадочного возбуждения, чрезмерного расширения торгово-промышленной деятельности, потрясения, угнетенного состояния дел, застоя, истощения и, наконец, снова затишья» [35]. Это еще практически воспроизведение взглядов буржуазных экономистов, скорее эмоциональная оценка. Спустя полтора года Маркс несколько уточняет данную характеристику, выделяя фазы «застоя, процветания, лихорадочного возбуждения, кризиса и крайнего упадка, через которые проходит современная промышленность в своих периодически повторяющихся циклах» [36].

Тщательное изучение экономической ситуации, прежде всего в Англии, дало Марксу возможность предвидеть и предсказать тот «момент, когда торгово-промышленный цикл вступит в стадию *лихорадочного возбуждения*» [37]. Вопреки утверждениям буржу-

азных экономистов об эре процветания, Маркс верно оценивал ситуацию и отметил целый ряд признаков приближающегося кризиса. С иронией он замечал: «Имел ли место хотя бы один случай... когда бы... буржуазные оптимисты предугадали или предсказали кризис? Наоборот, не было еще ни одного периода процветания, когда бы они не воспользовались случаем для утверждения, что *на этот раз* медаль не имеет оборотной стороны, что *на этот раз* неумолимый *рок* побежден» [38]. Спустя два с лишним года он повторяет: «Нет ничего удивительного в том, что официальные теоретики английского фритредерства изо всех сил пытаются доказать, будто нынешний кризис является не порождением нормального функционирования существующего в Англии строя и не имеет ничего общего с теми кризисами, которые приблизительно с конца XVIII в. наблюдались через определенные промежутки времени, а, напротив, порожден случайными и исключительными обстоятельствами» [39]. Разбор аргументов буржуазных экономистов относительно возможности безкризисного развития капиталистического общества привел Маркса к выводу, что «фритредерские лекари не более как шарлатаны» [40]. Однако собственного анализа причин кризисов он пока не дает — для этого еще не сложились теоретические предпосылки. В 1858 г., в период работы над «Grundrisse», Маркс, критикуя взгляды буржуазных экономистов на кризис, уже отмечает, что основным их недостатком является то, что они «трактуют каждый новый кризис как изолированное явление, впервые возникающее на социальном горизонте». Там же он ставит задачу — «...выявить законы, от которых зависят кризисы мирового рынка... дать объяснение не только периодическому характеру последних, но также и точным датам этой периодичности» [41]. Решена она была в рукописи 1861—1863 гг.

В отличие от буржуазных экономистов Маркс постоянно подчеркивал, что кризисы внутренне присущи капитализму и являются необходимой фазой его развития, выражением внутренних противоречий капиталистической экономики. Его интересует механизм развития кризиса, выявление первых признаков и симптомов нарушения цикла. Он раскрывает роль обращения в подготовке кризиса. Как отмечал Маркс, оно не может быть его причиной, но его нарушения могут быть сигналами подготовки и наступления кризиса. «Повышение учетного процента не причина, а скорее симптом того, что «гнило что-то в королевстве датском»»,— пишет он в сентябре 1853 г.[42] Анализируя ход событий, Маркс внимательно следит за деятельностью банков и развитием спекуляции. В 1856 г. он посвящает этой проблеме серию статей о деятельности французского банка «Crédit Mobilier», характерной чертой операций которого является «спекуляция не по одной определенной линии, а всеобщая спекуляция и распространение мошенничества на все отрасли хозяйства» [43], и предсказывает его крах.

Там, где буржуазные экономисты видели признаки процветания, Маркс обращал внимание на приметы приближающегося кри-

зиса. «Мы часто обращали внимание наших читателей на беспримерный рост британской промышленности после 1850 г.,— пишет он в мае 1853 г.— Среди самого поразительного процветания нетрудно было усмотреть явные симптомы приближающегося промышленного кризиса... В надлежащее время все же должен наступить момент, когда расширение рынков не в состоянии будет угнаться за расширением британской промышленности, и это несоответствие с такой же неизбежностью, как и в прежние времена, должно будет вызвать новый кризис» [44]. Правда, Маркс переоценивал значение заминок в развитии английской экономики, роста цен, неурожаев; так, приняв признаки приближающегося кризиса за самый кризис, в январе 1855 г. он заявил: «Торгово-промышленный кризис в Англии, первые предвестники которого уже давно отмечались на страницах нашей газеты, стал теперь фактом» [45]. Между тем кризис разразился только двумя годами позже.

Маркс в это время по-прежнему связывает экономический кризис с политическим — революцией, считая, что «надвигающиеся экономические бедствия и социальные потрясения — вот что является верным предвестником европейской революции», тогда как «торговое и промышленное процветание» он называет тем «ложем, на котором безмятежно покоилась контрреволюция» [46].

В центре внимания Маркса по-прежнему находится Англия, но это не мешает ему заметить, что кризисы принимают мировой характер, ибо «Англия в периоды затруднений на своем денежном рынке расстраивает все прочие рынки мира и периодически разрушает промышленность других стран, бомбардируя их английскими промышленными товарами, продаваемыми по пониженным ценам» [47]. Развитие капитализма, создание мирового рынка вело к расширению сферы действия экономических законов капитализма, в мировой оборот вовлекались все новые страны.

Разразившийся в 1857 г. кризис подтвердил этот прогноз, став первым мировым кризисом, охватившим все промышленные страны и все отрасли производства. Маркс внимательно следит за его ходом и раскрывает в своих статьях его всеобщий характер. В декабре 1857 г. он сообщает Энгельсу, что об этом кризисе, «кроме статей для «Tribune»», он решил написать брошюру и с этой целью завел «три больших регистрационных книги — Англия, Германия, Франция» [48]. Однако намерение это не было реализовано, материалы же были использованы в статьях для газет.

В статье «Потрясение британской торговли» Маркс приходит к выводу: в силу того что «кризис должен был наступить уже в октябре 1855 г.», но «был отсрочен рядом временных потрясений», следует полагать, что «его конечный взрыв и по интенсивности симптомов и по степени заразительности превзойдет все кризисы, наблюдавшиеся когда-либо раньше» [49]. Поэтому он приступает к интенсивной работе над «подытоживанием своих экономических исследований» [50] в «Grundrisse».

Одновременно с этим Маркс в публицистике все больше сосредоточивается на экономических проблемах, в первую очередь связанных с разразившимся кризисом. 6 ноября 1857 г. Маркс послал в Нью-Йорк первую из целой серии корреспонденций статью «Закон 1844 г. об Английском банке и денежный кризис в Англии», в которой он рассматривал самые различные аспекты наступившего кризиса. В первую очередь Маркс дает оценку представлениям буржуазных теоретиков и практиков банковского дела о возможности предотвратить кризисы путем регулирования денежного рынка. В этой связи он касается закона 1844 г. об Английском банке, введением которого, по замыслу его авторов, «навсегда устранялась возможность каких бы то ни было денежных кризисов» [51].

В этой статье Маркс показал, что этот закон «в нормальное время вообще не действует» [52], а во времена кризисов настолько обострял ситуацию на денежном рынке, что должен был быть дезавуирован правительством. Опираясь на содержащийся в лондонских эксцерптах 1850—1853 гг. материал о действии данного акта в период кризиса 1847 г., Маркс в своей статье предсказал его провал в условиях нового кризиса. Он напомнил ситуацию, сложившуюся к 25 октября 1847 г. (высшая точка кризиса), когда тогдашний премьер-министр Джон Рассел и канцлер казначейства под давлением крупнейших лондонских банкиров обратились к руководителям Английского банка с предложением «увеличить выпуск банкнот и тем превысить установленный законом максимум денежного обращения». Далее следует прогноз Маркса: «Тот же самый фарс будет разыгран и теперь, после того как положение вещей станет таким же...» [53] Ровно шесть дней спустя предсказание Маркса сбылось. События разворачивались по аналогичному сценарию: последовало послание премьер-министра лорда Пальмерстона и канцлера казначейства руководителям Английского банка, снова означавшее приостановку действия Банковского акта 1844 г.

Марксов прогноз вызвал в США возражения. Газета «New-York Times», в своем номере от 24 ноября, отвечая «Tribune», которая опубликовала статью Маркса в качестве передовой, писала о том, что, во-первых, «приостановки действия закона о Банке *не* будет» и, во-вторых, «объявила разговоры о «промышленном крахе» в Англии «просто абсурдными»». Но через день «она получила по телеграфу с «Атлантика» сообщение, что действие закона о Банке *приостановлено,* и одновременно — сведения о промышленном кризисе» [54].

Анализ положения дел в Англии все более убеждал Маркса в том, что следует ожидать кризис перепроизводства, так как «состояние британской промышленности настолько напряженное, что при сузившихся иностранных рынках неизбежен всеобщий крах» [55]. Это утверждение было им вновь подчеркнуто неделю спустя: «...нынешнее потрясение более чем когда-либо прежде носит

характер промышленного кризиса и поэтому поражает самые корни национального благосостояния» [56].

Сравнение движения учетной ставки Английского банка в периоды 1826—1836, 1837—1847, 1848—1857 гг. обнаружило поразительное сходство. Маркс охарактеризовал 10-летний период 1848—1857 гг. на основе развития кредита и движения учетной ставки, которые наглядно отражали ход промышленного цикла: «Полное сокращение кредита в год паники, затем постепенное расширение его, которое достигает своего максимума, когда процентная ставка падает до своей низшей точки; тогда снова начинается обратное движение, то есть постепенное сокращение, которое достигает своей высшей точки, когда процент поднимается до своего максимума и снова наступает год, отмеченный паникой» [57].

Как Маркс и предполагал, вслед за денежной паникой на первый план выступил промышленный кризис. Тем самым были опровергнуты утверждения, сводившие причины кризиса к чрезмерной спекуляции. Эта последняя «зародилась в предшествующих фазах того же периода и потому сама является следствием и проявлением, а не конечной причиной и сущностью» [58].

Между 27 ноября и 25 декабря 1857 г. корреспонденции Маркса имели характер еженедельных хроник [59]. При этом в его поле зрения все более и более попадали вопросы, связанные с положением промышленных предприятий Великобритании и с международным распространением кризиса. Важные указания получал он по этим вопросам от Энгельса, например по поводу оценки тенденций рынка и положения трудящихся [60]. «Паралич промышленной деятельности и, как следствие этого, нужда рабочего класса» были отмечены Марксом в статье «Потрясение британской торговли» [61] и в целом ряде других статей.

В последующие месяцы Маркс посвятил анализу кризиса несколько меньше внимания. И лишь появление отчета особой комиссии парламента, созданной, цитирует Маркс, «для расследования действия законов 1844 и 1845 гг. об Английском банке, а также причин недавнего торгового кризиса» [62], снова побудило его вернуться к рассмотрению кризиса, так же как и упоминавшегося закона об Английском банке. Он изучил объемистый трехтомный отчет и в статье «Закон 1844 г. об Английском банке» проанализировал вслед за комиссией следующие вопросы: «Во-первых, о принципах закона 1844 г. об Английском банке; во-вторых, о влиянии на торговые кризисы выпуска банкнот, оплачиваемых по требованию, и, наконец, об общих причинах недавнего кризиса» [63]. В соответствии с этим в августе и сентябре 1858 г. Маркс опубликовал три статьи, в которых дал собственную оценку этих вопросов. В первой из этих корреспонденций он еще раз отметил, «как вредна и бесполезна была попытка сэра Роберта Пиля «урегулировать» денежное обращение» [64]. Использование материалов парламентской комиссии позволило ему в статье «Торговые кризисы и денежное обращение в Англии» опровергнуть утверждение, буд-

то «банки, чрезмерно расширяя выпуск денег в обращение, вызывают тем самым инфляционный рост цен, насильственно устраняемый лишь в результате последующего краха» [65].

Наконец, в корреспонденции «Британская торговля и финансы» Маркс, подводя итоги своего анализа упомянутого отчета, констатирует, что кризисы «присущи нынешней системе производства», что «до тех пор, пока существует данная система, они будут неизбежно порождаться ею, подобно тому как происходит естественная смена времен года» [66]. Маркс приходит к выводу, что мировой рынок периодически сотрясается от кризисов. При этом конечной причиной возвращения кризисов является не чрезмерная спекуляция или фиктивный кредит, но социально-экономические отношения капиталистического общества.

В связи с данным анализом Маркс начинает преодолевать свои прежние представления о непосредственной связи революции с промышленным кризисом, указывает на внутренние возможности дальнейшего развития капитализма. Разоблачая махинации финансовых магнатов, Маркс в то же время указывал на роль акционерных обществ, которые являются «могущественным рычагом в развитии производительных сил современного общества» [67].

Корреспонденции Маркса в «New-York Daily Tribune» привлекали к себе пристальное внимание американской публики. Это проявилось, в частности, в уже упоминавшейся полемике с газетой «New-York Times». Показательна в этой связи также относящаяся к сентябрю 1858 г. дискуссия, которую Маркс описывает следующим образом: «С «Tribune» у меня вышел недурной анекдот. Я послал ей несколько статей с критикой «Отчета комиссии» о последнем кризисе... в частности о банковом деле, денежном обращении и т. д. И вот появляется некий банкир, провозглашающий себя «сторонником металлического денежного обращения», с письмом в «Tribune», в котором он: 1) говорит, что никогда еще не было написано столь сжатого изложения всего вопроса и т. д., 2) но делает различные возражения и просит редакцию ответить ему. Итак, бедняги вынуждены были отвечать; усилия их дали поистине плачевные результаты. Но для меня такие инциденты выгодны» [68].

В целом ряде статей Маркс обращался к конкретному анализу современных экономических и политических отношений Англии, самой передовой капиталистической страны тогдашнего мира. Он исследует положение английского рабочего класса, подвергает скрупулезному анализу государственный бюджет Англии, отчеты фабричных инспекторов, сопоставляет данные об экспорте и импорте, интересуется статистикой пауперизма и приводит факты увеличения количества машин, разоблачает лицемерие правящих классов и вскрывает сущность соперничества между вигами и тори — двумя правящими буржуазными партиями. Обобщение этого огромного материала во многом определило вывод, сформулирован-

ный Марксом в Предисловии к первому изданию I тома «Капитала»: «Предметом моего исследования... является капиталистический способ производства... Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия. В этом причина, почему она служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов» [69].

Анализ английского бюджета, содержащийся во многих статьях Маркса, приводил к выводу о его классовой направленности. Вместе с тем им прослеживается противоречивость предлагаемых мер. Уже в 1852 г. Маркс подчеркивает, что проповедуемая правительством свобода торговли требует перехода к прямым налогам, но последовательное проведение подобных мер, которые способствовали бы этому, «явилось бы покушением на собственность, конфискацией, революционным мероприятием» [70].

В статьях, предназначенных для «People's Paper», Маркс имел возможность более остро формулировать свои выводы. Так, в связи с комментированием очередного бюджета он подчеркивает: ««Государство» — это воплощение совместного господства объединившихся земельных и денежных магнатов — нуждается в деньгах для того, чтобы осуществлять угнетение внутри страны и за ее пределами». Он разъясняет, что любой государственный долг в конечном счете падает на плечи трудящихся, ибо средства для выплаты такого долга государство «выжимает из рабочего класса посредством налогов и, таким образом, народ является поручителем за своих угнетателей перед людьми, которые ссужают этим угнетателям деньги для того, чтобы они душили народ» [71]. Маркс раскрывает суть предложений правительства Гладстона — свести к минимуму тяжесть бремени государственного долга для фабрикантов и лендлордов [72]. Приход к власти нового правительства ничего не меняет в существе бюджета: независимо от того, кто представляет бюджет — Гладстон или Дизраэли, указывает Маркс, классовая его направленность сохраняется. В ходе анализа государственных бюджетов Англии он вновь формулирует положение о том, что «политическая власть является лишь порождением экономической власти» [73].

Вместе с тем Маркс стремился показать как постепенную подвижку власти от одних эксплуататорских слоев и классов к другим под влиянием изменений экономических отношений, так и обратное воздействие политики на экономику. Говоря об отмене хлебных законов в 1846 г., Маркс замечает, что она вскрыла «во всей наготе те *материальные классовые интересы,* которые составляют *действительную основу* партии тори» [74], активно выступавшей за этот шаг и добившейся его. Отмена хлебных законов легализировала те изменения, которые уже произошли в английском обществе, а именно подчинение «интересов землевладения интересам денежных кругов, земельной собственности — торговле, сельского хозяйства — фабричной промышленности, деревни — городу» [75].

Много места в статьях Маркс уделял положению трудящихся Англии. Он отмечал, что «с развитием современной торговли и промышленности... ухудшалось материальное положение народа» [76]. Маркс подчеркивает, что «при существующей у нас в настоящее время социальной системе предпринимателей и наемных рабочих» [77] в любых случаях буржуазия всегда находит путь увеличить прибыль — понижением ли заработной платы или повышением цен. При разборе финансовых мероприятий правительства он прежде всего ставит вопрос: «Какова реальная польза от него, каково то действительное облегчение, которое он принесет рабочему классу Англии» [78] и именно под таким углом зрения критикует эти мероприятия.

Опираясь на манчестерские эксцерпты, на выписки в X и XI лондонских тетрадях, Маркс в своих статьях подробно излагает историю борьбы за законодательное ограничение рабочего дня, в частности историю акта об установлении 10-часового рабочего дня. «...Я добросовестно изучил бурные парламентские прения, из которых вышли ныне действующие фабричные законы», пишет он и делает вывод, что «фабричные законы были составлены с явным намерением предоставить всяческие возможности для их нарушения и обхода» [79]. Он разоблачает увертки правящих классов, попытки фабрикантов обойти закон о 10-часовом рабочем дне, подчеркивая, что этот закон, «подобно всем остальным фабричным законам,— только фиктивная уступка рабочим со стороны правящих классов» [80], а потому борьба рабочих за соблюдение этого закона есть борьба за его реальность.

Маркс придавал большое значение официальным документам английского правительства, где можно было почерпнуть данные о положении рабочих. Он высоко ценил подвиг фабричных инспекторов, искренне стремившихся способствовать соблюдению фабричных законов. «Я охотно пользуюсь случаем,— писал он,— чтобы выразить уважение тем британским фабричным инспекторам, которые, наперекор всемогущим классовым интересам, стали на защиту угнетенных масс с нравственным мужеством, с упорной энергией и с умственным превосходством» [81]. «Отчеты фабричных инспекторов» неоднократно давали ему богатый материал для статей, они неоспоримо доказывали, что «гнусности в британской фабричной системе растут по мере роста самой системы; что законы, изданные с целью обуздания жестокой алчности фабрикантов, являются не чем иным, как обманом и фикцией» [82]. В рукописи 1861—1863 гг. и в I томе «Капитала» Маркс широко использовал отчеты фабричных инспекторов в качестве фактических иллюстраций в разделах о рабочем дне и машинах, равно как и материалы своих статей.

Маркс останавливается и на особенностях развития рабочего класса Англии. В марте 1853 г. он пишет, по сути дела повторяя известное положение из «Манифеста Коммунистической партии»: «Сельское население, наиболее неподвижный и консервативный

элемент современного общества, исчезает, в то время как промышленный пролетариат, именно в результате развития современного способа производства, сосредоточивается в крупнейших центрах, где вокруг собраны огромные производительные силы» [83]. Эту тенденцию Маркс исследовал далее в своих экономических рукописях.

Во многих статьях Маркс разбирает данные о росте пауперизма в Англии, о положении пауперов. В октябре 1852 г. он пишет: «Британский пауперизм усиливается и ослабевает вместе со сменяющимися периодами застоя и процветания» [84], то «обстоятельство, что миллион пауперов прозябает в британских работных домах... неразрывно связано с британским процветанием» [85]. Спустя несколько лет Маркс подводит читателей к выводу: «Должно быть, есть что-то гнилое в самой сердцевине такой социальной системы, которая увеличивает свое богатство, но при этом не уменьшает нищету, и в которой преступность растет даже быстрее, чем численность населения» [86]. Впоследствии эти положения вошли в характеристику относительного перенаселения в I томе «Капитала».

Изменение отношения Маркса к деятельности тред-юнионов, к экономической борьбе рабочего класса, которое уже нашло отражение в его эксцерптах [87], сказалось и на содержании публицистики. Маркс в своих статьях положительно оценивает требования рабочих о повышении заработной платы. В феврале 1853 г. он рассказывает о возобновлении борьбы промышленного пролетариата Англии «за проведение билля о десятичасовом рабочем дне и за отмену *системы фабричных лавок* и *оплаты труда товарами*» [88]. Он регистрирует все случаи стачечной борьбы и отмечает особенности каждого этапа этой борьбы: «Отличительной чертой нынешних забастовок является то, что они начались среди низших слоев неквалифицированных (не фабричных) рабочих... лишь позднее забастовки охватили фабричный пролетариат крупных промышленных центров Великобритании» [89].

Основываясь на выводах, сделанных им при изучении положения рабочего класса, Маркс пока еще видит в стачках главным образом средство сплочения масс. Однако, вопреки мнению «филантропов и даже социалистов», считающих экономическую борьбу вредной для рабочих, Маркс отстаивает убеждение, что «попеременные повышения и падения заработной платы и возникающие на этой почве постоянные конфликты между хозяевами и рабочими являются при современной организации производства необходимым средством для того, чтобы пробудить энергию трудящихся, сплотить их в единый великий союз на борьбу против посягательств правящего класса и не допустить их превращения в апатичные, тупые, более или менее сытно накормленные орудия производства» [90].

В августе 1853 г. Маркс рассказывает о забастовке рабочих лондонских доков, углекопов в Южном Уэльсе, рабочих железных рудников, всеобщей забастовке британских моряков. «Сражение

между трудом и капиталом, между заработной платой и прибылью продолжается» [91],— отмечает он.— «*Забастовки* все еще составляют и довольно долго будут составлять важную особенность нашего промышленного развития» [92].

Маркс защищает право рабочих на забастовку и объясняет, что «при известных обстоятельствах для рабочего единственный способ удостовериться в том, действительно ли он получает рыночную стоимость своего труда,— это забастовка или угроза прибегнуть к забастовке» [93]. Таким образом, речь пока идет о стоимости «труда», причем анализ ведется в рамках выделенной еще Рикардо противоположности между заработной платой рабочих и прибылями капиталистов. Право рабочих на бóльшую заработную плату Маркс обосновывает тем, что разница между ценой сырья и ценой готового товара возросла, а следовательно, выросли и прибыли. Стремлению капиталистов свести уровень заработной платы к стоимости предметов первой необходимости рабочие по праву противопоставляют требование повышения заработной платы.

На основе анализа экономической ситуации Маркс предсказывает, и этот прогноз в дальнейшем оправдался, что рабочие сильнее всего пострадают от надвигающегося кризиса, и тогда им придется бороться не за повышение, а против снижения заработной платы. В одной из своих статей Маркс констатирует: «Как я неоднократно указывал, стачки рабочих, начавшиеся слишком поздно, когда благоприятные возможности, созданные небывалым процветанием, уже исчезали, не смогли оказаться успешными с экономической точки зрения или с точки зрения достижения их непосредственной цели. Но они сделали свое дело. Они революционизировали промышленный пролетариат...» [94] Уже здесь видно некоторое развитие взглядов Маркса на роль забастовок: теперь он доказывает, что забастовки могут иметь непосредственный экономический успех в тех случаях, когда удачно выбрано время для них, но для такого выбора необходимо более глубокое знание тенденций экономического развития.

Рассмотрев перипетии стачечной борьбы, Маркс приходит к выводу: «Рабочие убедились, что единственным средством противостоять непомерной власти капитала является объединение их собственных рядов» [95]. (Несколько лет спустя он повторяет эту мысль: для рабочих «отказ от «общества», отказ от любой организации означал бы превращение в подлинных крепостных капиталистов и привел бы к утрате той небольшой доли независимости, которой располагает еще современный пролетарий» [96].) Поэтому Маркс высоко оценивает деятельность тред-юнионов. Он приветствует создание Рабочего парламента, организации, долженствующей объединить разрозненные до тех пор организации рабочего класса.

Основной целью газетных статей Маркса было освещение текущих событий, однако они отражают хорошее знание им буржуазной политической экономии. В своих статьях он использовал

работы Рикардо и Тука, Мана и Чайлда, критиковал Сисмонди и Мальтуса, манчестерскую школу и журнал «Economist». Помимо опровержения взглядов буржуазных экономистов на природу кризисов, Маркс подвергал критике их взгляды на земельную ренту, на роль машин в обществе. Особенно резко он выступал против Мальтуса, против калеченья душ рабочих его «вредоносными теориями» [97].

Маркс отмечал непоследовательность, а потому во многих случаях ненаучность, ошибочность буржуазной политической экономии. «Как могло случиться,— писал он,— что современная политическая экономия, начав свой поход против меркантилизма с доказательства, что прилив и отлив золота не имеет значения для страны, что продукты обмениваются лишь на продукты, а золото такой же продукт, как и все другие, как могло случиться, что эта же самая политическая экономия ныне, в конце своего жизненного пути, с величайшей тревогой следит за приливом и отливом золота?» [98]

Говоря о бедственном положении рабочего класса Англии, Маркс замечает: «Я не разделяю ни мнения Рикардо, считавшего «чистый доход» Молохом, которому должны быть принесены в жертву — и притом совершенно безропотно — целые народы, ни мнения Сисмонди, который... стремился насильственно сохранить отжившие методы ведения сельского хозяйства и изгнать науку из промышленности...» [99]

В одной из статей в «New-York Daily Tribune» Маркс дает общую характеристику современной буржуазной политической экономии и раскрывает ее основной недостаток — антиисторизм, состоящий «попросту в превращении преходящих общественных отношений, свойственных определенной исторической эпохе и соответствующих данному уровню материального производства, в вечные, всеобщие, незыблемые законы, в естественные законы, как их называют экономисты. Коренное преобразование общественных отношений, обусловленное революциями и эволюциями в процессе материального производства, считается экономистами чистой утопией. Они не видят дальше экономических границ данной эпохи» [100]. Этот вывод Маркс развил затем в «Grundrisse».

Обращаясь непосредственно к рабочим, Маркс имел возможность более откровенно формулировать свои взгляды. В речи на юбилее «People's Paper» в 1856 г. Маркс дал яркую всестороннюю характеристику современного капитализма: «В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации... Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества» [101].

В тех случаях, когда Марксу представлялась возможность высказывать свои мысли о будущем устройстве общества, он показывал, что именно при капитализме создаются материальные предпосылки для этого нового общества. В связи с анализом бюджета 1853 г. в «People's Paper» он замечает: «Когда... механизм для взимания прямого подоходного налога будет создан и как следует налажен, народу, взявшему политическую власть в свои руки, будет достаточно привести его в движение, чтобы создать *бюджет рабочего класса*»[102].

Впоследствии Маркс сам так оценивал свою публицистическую деятельность в этот период: «Мое теперь уже восьмилетнее сотрудничество в «New-York Daily Tribune», первой англо-американской газете (собственно газетные корреспонденции я пишу только в виде исключения), делало необходимым чрезвычайно частые перерывы в моих научных занятиях. Однако статьи о выдающихся экономических событиях в Англии и на континенте составляли настолько значительную часть моей работы для газеты, что я принужден был познакомиться с практическими деталями, лежащими за пределами собственно науки политической экономии»[103].

Вместе с тем богатый фактический материал, который Маркс освещал в своих статьях, не мог не получить отражения в «Grundrisse». Здесь можно указать на цепочку исследования, протянувшуюся от эксцерптных тетрадей и статей к рукописи 1857—1858 гг. Это наглядно иллюстрируют, например, рассмотренные выше корреспонденции, связанные с историей действия закона 1844 г. об Английском банке.

Опираясь на отчет парламентской комиссии, анализировавшей воздействие этого закона на ход кризиса 1857 г., Маркс опроверг позицию буржуазных экономистов, утверждавших, что «эмиссионные банки способны будто бы влиять на общий уровень цен посредством расширения или сокращения денежного обращения»[104]. В «Grundrisse», при анализе взглядов Даримона, он вновь возвращается к этому вопросу: «Одно уже теперь ясно: цены стоят на высоком или низком уровне не потому, что в обращении много или мало денег, а наоборот, в обращении находится много или мало денег потому, что цены стоят на высоком или низком уровне. И далее: не скорость обращения денег зависит от их количества, а количество обращающихся средств зависит от скорости их обращения...»[105]

Иллюстрацией этого теоретического вывода могли для него послужить те конкретные данные, которые он сам приводил в своих статьях, в частности,— это обзор доходов и расходов одной крупной лондонской фирмы, из которого следовало, что в крупных торговых сделках почти нет «наличных денег, золота и банкнот Английского банка». Напротив, он констатирует, что «около 90% всех поступлений и около 97% всех платежей производится за счет кредита и капитала самих торговцев»[106]. При возрастании объема торговли и общем росте цен Маркс отмечал уменьшение количе-

ства банкнот в обращении. Таким образом, рост цен в период кризиса ни в коей мере не мог быть результатом возросшего выпуска банкнот. Указанный обзор впоследствии неоднократно фигурировал в исследованиях Маркса, касающихся товара и денег [107]. Это обстоятельство лишний раз свидетельствует, насколько переплетались его теоретическая и публицистическая деятельность.

Можно привести и другие примеры, иллюстрирующие, насколько Маркс использовал материалы своих статей в «Grundrisse». В статье «Причины возникновения денежного кризиса в Европе» он писал: «Едва ли существует что-либо более смешное, чем горестные жалобы французов по поводу бегства их капиталов в Германию, после высокопарных уверений, которые мы слышали от г-на Исаака Перейры, великого учредителя Crédit Mobilier, будто французский капитал наделен особым космополитическим свойством» [108]. В «Grundrisse», рассматривая позицию Даримона, Маркс замечает, что последний «забывает про крупные спекулятивные операции за границей, которые проводили Crédit Mobilier и его соперники, чтобы, как говорит Исаак Перейр, показать, что французский капитал точно так же выделяется среди других капиталов своим космополитическим характером, как французский язык выделяется своим космополитическим характером среди других языков» [109].

В связи с критикой позиции Даримона на причину отлива благородных металлов из Французского банка, Маркс указывает среди прочих причин в «Grundrisse» на «резкое уменьшение сбора шелка и необходимость массовой его закупки в Китае» [110]. В этой своей аргументации он во многом опирался на анализ торгового баланса между Европой и Азией, который был проведен им в статье «Денежный кризис в Европе.— Из истории денежного обращения» [111]. Можно также указать на использование Марксом примера денежной системы Шотландии в статье «Потрясение британской торговли» [112] и в «Grundrisse» [113].

Многие статьи в «New-York Daily Tribune» представляют собой специальные исследования, содержание которых было важно и для разработки экономической теории, для уточнения или иллюстрации ее отдельных положений. Характерно, что в период наиболее интенсивной работы над рукописью 1857—1858 гг. (с середины октября 1857 до февраля 1858 г.) Маркс писал статьи, посвященные исключительно экономическим проблемам.

Публицистика Маркса 50-х гг. хотя и давала рабочему классу ответы на многие злободневные вопросы политической и экономической жизни, тем не менее не могла заменить обобщающего труда, в котором была бы сформулирована научная теория, выводившая необходимость социалистической революции из всестороннего анализа буржуазного способа производства. Решение подобной задачи было подготовлено всем ходом предшествовавшей работы Маркса в 40-е и 50-е гг. и была впервые реализована в «Grundrisse».

Глава III

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВАРИАНТА «КАПИТАЛА»

Хотя в начале 50-х гг. Маркс полагал, что основная работа по накоплению фактического материала им уже выполнена, однако вплотную приступить к созданию первоначального варианта своего экономического труда ему удалось только в 1857 г.,— уже после того как им был собран и частично обработан огромный теоретический и фактический материал, содержащийся в лондонских эксцерптных тетрадях [1].

1. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ДАРИМОНА

10 января 1857 г. Маркс сообщил Энгельсу: «У меня имеется здесь новое сочинение одного ученика Прудона: «О реформе банков» *Альфреда Даримона,* 1856 год. Мудрость старая. Демонетизация золота и серебра, или превращение всех товаров в орудия обмена наравне с золотом и серебром. Сочинение снабжено предисловием Эмиля Жирардена и преисполнено восхищения перед Исааком Перейрой. Поэтому оно позволяет до некоторой степени судить о том, к каким «социалистическим» авантюрам все еще способен прибегнуть Бонапарт в последнюю минуту» [2].

Внимание к финансовым проектам прудонистов и к Даримону было не случайным. О прудоновском плане банковской реформы Маркс и Энгельс критически высказались еще во время революции 1848—1849 гг. в «Neue Rheinische Zeitung». Свое суждение об утопической банковской системе Прудона Маркс мог составить, в частности, на основе его книги «Резюме социального вопроса. Обменный банк», вышедшей в 1848 г. с предисловием Даримона. (Книга эта была в библиотеке Маркса в Кёльне до его отъезда из этого города в мае 1849 г.) Прудон внимательно следил за выступлениями Даримона, видя в нем верного последователя и пропагандиста своих взглядов. Для критического анализа прудонистской концепции денежного обращения и «рабочих денег» Маркс, кроме того, мог почерпнуть в книге Даримона гораздо больше фактического материала, чем в достаточно абстрактных рассуждениях самого Прудона. Очевидно, к моменту написания процитированного письма Маркс уже успел основательно изучить книгу Даримона

и, следовательно, вполне мог приступить к ее критическому разбору, которым начинается рукопись 1857—1858 гг.

Январь 1857 г. выступает поэтому как весьма вероятное начало работы Маркса над рукописью. Эта дата и была указана в редакционном предисловии к осуществленной в 1933 г. первой публикации «Главы шестой» I книги «Капитала» (рукопись 1863—1864 гг.) в «Архиве Маркса и Энгельса», а также в изданной в 1934 г. хронике жизни Маркса [3]. Но в 1935 г., в первой публикации на русском и немецком языках «Главы о деньгах» рукописи 1857—1858 гг. в «Архиве Маркса и Энгельса», вместо даты «январь 1857 г.» появилась новая дата начала работы Маркса: «октябрь 1857 г.» [4]. С тех пор эта новая датировка фигурировала и в первом полном издании первоначального варианта «Капитала» на языках оригинала (1939—1941 гг.), и в первом полном русском издании (1968—1969 гг.), и, наконец, в издании MEGA [5]. Ниже мы приведем соображения авторов новой датировки; однако, на наш взгляд, целый ряд фактов, напротив, подтверждает правильность прежней датировки [6]. Остановимся на этих фактах.

Текст рукописи содержится в семи тетрадях, пронумерованных Марксом римскими цифрами от I до VII. Каждая тетрадь имеет собственную пагинацию. Тетрадь I была образована из 18 двойных листов, сложенных вдвое и прошитых посередине. Первый лист служит обложкой тетради. На второй, внутренней, странице этой обложки стоит дата, написанная рукой Маркса: «*1857*. (Январь.)». Данное обстоятельство является, на наш взгляд, первым подтверждением указанной датировки. На третьей, также внутренней, странице обложки содержится набросок части письма Маркса к Энгельсу от 16 февраля 1857 г., а на 1-й и 4-й (внешних) ее страницах имеются схемы и примеры звуковых изменений, заимствованные из книги Якоба Гримма «История немецкого языка» (2-е изд., 1853 г.), которую Маркс усердно штудировал и конспектировал, начиная с мая 1856 г. (подробный конспект этой работы содержится в особой тетради с выписками).

Тетрадь I не содержит сквозной пагинации. Первые шесть ее страниц, пронумерованных чужой рукой карандашом, содержат написанный Марксом набросок статьи, которая была направлена главным образом против двух брошюр Бруно Бауэра; об этих брошюрах идет речь в уже цитированном письме Маркса Энгельсу от 10 января 1857 г. Очевидно, данный набросок критической статьи, с которого началось заполнение тетради I, также был написан в январе 1857 г. Исключительно с этим наброском сторонниками второй датировки начала работы Маркса над рукописью 1857—1858 гг. и была соотнесена эта дата. Следующая страница тетради I осталась незаполненной и непронумерованной. Далее следуют страницы 7—17, также пронумерованные карандашом чужой рукой и содержащие конспект книги Сегюра «История России и Петра Великого» (1829 г.). Страницы 18—19 снова пронумерованы чужой рукой карандашом и содержат краткий конспект глав XII—XIV

названной работы Якоба Гримма. Следующие четыре страницы тетради I первоначально оставались незаполненными, а текст, открывающий рукопись 1857—1858 гг., начинался с пятой страницы, обозначенной Марксом как первая.

Первоначально Маркс написал — вместо заголовка — название книги Даримона, а затем, позднее, написал сверху заголовок «Глава о деньгах». С этой страницы начинается новая, Марксова, пагинация чернилами от 1 до 44, которая продолжается до конца тетради. В конце 44-й страницы Маркс сделал такую же пометку, что и на первой из оставшихся пустыми четырех страниц, после чего он перешел к их заполнению и пронумеровал их цифрами 45—48.

Отсюда можно, на наш взгляд, сделать вывод, что критический разбор книги Даримона, так же как и проведенный в июле 1857 г. анализ взглядов Бастиа и Кэри, *первоначально* не относился к задуманной Марксом большой работе по политической экономии. В то же время он был включен в структуру этой работы не позднее, чем Маркс перешел к заполнению тетради II, первая страница которой озаглавлена: «Глава о деньгах. (Продолжение)».

На 18-й странице тетради I находятся выписки из журнала «Economist» от 24 января и газеты «Morning Star» от 12 февраля 1857 г.[7] То обстоятельство, что выписки эти непосредственно не связаны с контекстом рукописи, а кроме того, отсутствуют в экскерптных тетрадях,— позволяет с достаточной долей вероятности заключить, что они были сделаны Марксом в процессе заполнения I тетради. Это соображение служит вторым существенным аргументом в пользу датировки начала работы Маркса над рукописью январем 1857 г.

В конце I тетради, на 46-й ее странице, содержится выписка из газеты «Weekly Dispatch» от 8 ноября 1857 г.[8], однозначно свидетельствующая о том, что *конец* этой тетради был заполнен Марксом после 8 ноября. Это обстоятельство и послужило единственным основанием для указанного пересмотра датировки начала работы Маркса над «Grundrisse»: если конец I тетради был написан после 8 ноября 1857 г., то ее начало — в середине октября. Однако это соображение не учитывает возможного перерыва в работе Маркса над рукописью. Кроме того, можно с большой долей вероятности заключить, что Маркс обратился к разбору книги Даримона непосредственно после письма к нему В. Шили от 28 декабря 1856 г.[9]

Если сопоставить все приведенные факты, а также вспомнить, что в июле 1857 г. Маркс написал отрывок «Бастиа и Кэри», а в августе — «Введение» (оба этих отрывка датированы самим Марксом), то его работа над рукописью 1857—1858 гг. на ее начальной стадии представляется следующим образом.

Приблизительно в январе 1857 г. Маркс приступил к критическому разбору недавно вышедшей книги Даримона «О реформе банков», имея в виду таким путем «заглянуть в ту глубочайшую тайну, которая связывает прудоновскую теорию обращения с его

общей теорией — его теорией определения стоимости» [10]. Дойдя после 12-го февраля 1857 г. до 18—20-й страниц I тетради, Маркс *прервал* эту работу и возобновил ее скорее всего в октябре. Причиной указанного перерыва в работе над рукописью может служить то обстоятельство, что Маркс в тот период еще не увидел в этом критическом разборе подлинного начала своего экономического труда. Другое объяснение может заключаться в том, что как раз в то время, в феврале 1857 г., «появились два последние тома «Истории цен» *Тука, начиная с 1849 года*» (Маркс Энгельсу, 16 февраля) [11], и Маркс принялся основательно изучать их. «Важны два только что вышедших в свет тома *«Истории цен»* Тука», подчеркивает он в письме к Энгельсу 23 апреля 1857 г.[12] Первые следы знакомства с новым материалом видны уже на 1-й странице III тетради, где Маркс констатирует, что исследования Тука явились шагом вперед в разработке теории обращения. Ранее Маркс считал работы Тука фактическим опровержением рикардовского учения о деньгах. Маркс прямо не называет Тука, но обращает внимание на то, что «во времена Рикардо еще не было никаких детальных исследований относительно явлений денежного обращения» [13].

Наряду с выписками из работы Тука Маркс в той же эксцерптной тетради 1857 г. сделал выписки из книги Маклеода «Теория и практика банкового дела» (том I, 1855 г.), иными словами, продолжил изучение материалов по теории денежного обращения.

Прежде чем снова приступить к работе над рукописью 1857—1858 гг., Маркс между февралем и октябрем написал два уже упоминавшихся отрывка, которые — независимо от первоначального предназначения первого из них — вполне можно трактовать как новые варианты начала рукописи.

В незаконченном наброске о вульгарных экономистах Бастиа и Кэри Маркс впервые строго очерчивает рамки классической буржуазной политической экономии, начало которой положили в конце XVII в. работы Петти и Буагильбера и которая завершилась в первой трети XIX в. трудами Рикардо и Сисмонди. Последующие экономисты, отмечает Маркс, либо эпигоны классиков, либо их реакционные критики. Тем самым были точно определены рамки историко-критического анализа, который должен был явиться органической составной частью марксистской политической экономии.

Для того чтобы определить место Бастиа и Кэри в истории буржуазной политической экономии, Марксу пришлось дать сравнительный анализ уровней развития капитализма в различных странах с точки зрения капиталистического мира в целом, отметить разлагающее воздействие развитого капитализма на отсталые формы производства как внутри страны, так и за ее пределами. Маркс раскрыл двуединый «процесс разложения»: с одной стороны, «концентрация капитала внутри какой-нибудь страны» вытесняет патриархальное производство, заменяя его промышленным; с другой

стороны, «английская крупная промышленность разлагает патриархальные или мелкобуржуазные или другие стоящие на более низкой ступени развития формы чужого национального производства», оказывает «разлагающее воздействие на менее крупные национальные капиталы других народов» [14]. Генезис капитализма показан здесь во времени и в пространстве, капитализм в целом соотнесен как с докапиталистическими отношениями, так и с различными национальными уровнями. Важной темой данного очерка — в связи с критикой антиисторизма Бастиа — является также рассмотренный в общих чертах генезис наемного труда [15].

Маркс проанализировал различные экономические условия, породившие взгляды двух названных экономистов. Противопоставляя американские экономические отношения английским, Кэри утверждал, что в Англии буржуазное общество существует не в чистом виде, его развитие стеснено и нарушено ограничениями, унаследованными от эпохи феодализма и проявляющимися главным образом в государственном вмешательстве в экономическую жизнь страны. Отсюда антагонизмы, раздирающие английское общество. Отсюда те дисгармонии, которые привносятся Англией на мировом рынке. В Америке, где отсутствовали феодальные пережитки, производственные отношения, по мнению Кэри, развивались вполне гармонично.

Речь здесь шла, таким образом, о всеобщем характере действия экономических законов капиталистического способа производства. Опровергая Кэри, Маркс подчеркнул, во-первых, что американский капитализм, несмотря на определенные специфические условия своего развития, по существу повторяет путь капитализма английского. Во-вторых, те дисгармонии мирового рынка, о которых говорит Кэри, являются лишь наивысшим выражением внутренних противоречий капиталистической экономики в той или иной стране, в том числе и в США.

В отличие от Кэри, Бастиа объяснял антагонизмы французского буржуазного общества отсталым характером экономических отношений во Франции и, напротив, считал Англию идеалом гармоничного развития капитализма. Однако и Кэри, и Бастиа одинаково антиисторичны, так как считают капиталистическое производство вечным естественным идеалом гармоничного развития общества. «И тот и другой понимают,— пишет Маркс,— что противники [буржуазной] политической экономии — социализм и коммунизм — находят свою теоретическую предпосылку в трудах самóй классической политической экономии, особенно в трудах Рикардо, которые надо рассматривать как ее наиболее законченное и последнее выражение. Поэтому и тот и другой считают необходимым объявить ошибочным и подвергнуть нападкам то теоретическое выражение, которое буржуазное общество исторически получило в современной политической экономии, и доказывать гармонию производственных отношений там, где экономисты-классики наивно обрисовывали их антагонистичность» [16].

Взглядам вульгарных экономистов Маркс противопоставил впоследствии учение об общественно-экономических формациях, из которого следовало, что «страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего»[17]. Именно поэтому экономическая теория Маркса, разработанная им преимущественно на материале экономического развития Англии, имела всеобщее значение. Это было подтверждено последующим развитием капитализма во всемирном масштабе.

Критический разбор книги Бастиа «Экономические гармонии» по широте охвата материала фактически перерос в историко-критическое введение к собственным исследованиям Маркса. Однако очерк не удовлетворил Маркса. Прерывая работу над ним, он заметил: *«Нет возможности прослеживать дальше эту нелепицу. Поэтому мы оставляем г-на Бастиа»*[18]. Впоследствии в ходе работы над рукописью 1857—1858 гг. Маркс в связи с рассмотрением тенденции нормы прибыли к падению сделал пометку: «Можно в этом месте вставить кое-что о противоположности Кэри и Бастиа из третьей тетради»[19], указав тем самым место данного очерка в структуре первоначального варианта «Капитала».

Название второго, методологического очерка — «Введение» — говорит само за себя. В Предисловии к первому выпуску работы «К критике политической экономии» Маркс указал, по какой причине он прервал работу над ним: «Общее введение, которое я было набросал, я опускаю, так как по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны, может помешать, а читатель, который вообще захочет следовать за мной, должен решиться восходить от частного к общему»[20].

Исходя из развитого еще в «Немецкой идеологии» представления о примате общественного производства, понимаемого как диалектическое единство производительных сил и производственных отношений, Маркс во «Введении» охарактеризовал общественно определенное (конкретно — буржуазное) производство в качестве предмета своего исследования; научным методом политической экономии был назван метод последовательного восхождения от абстрактного к конкретному, причем он дал его материалистическую интерпретацию. Маркс показал, во-первых, что предпосылкой восхождения от абстрактного к конкретному в мышлении служит обратный процесс — переход от конкретного, данного в представлении, к простейшим абстрактным определениям. Таким образом, конкретное в мышлении (т. е. понятие) есть результат, тогда как исходный пункт исследования образует эмпирически конкретное.

Прежде чем приступить к научному изложению *результатов* исследования, к логическому воспроизведению (в процессе перехода от абстрактного к конкретному) объективной структуры исследованного объекта, необходимо было осуществить само исследование; эта работа была проделана Марксом в ходе историко-критического анализа буржуазной политической экономии.

Материалистическая интерпретация метода восхождения от абстрактного к конкретному заключалась, во-вторых, в том, что, как показал Маркс, указанное восхождение представляет собой отражение действительного движения: «...ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу» [21]. Это обстоятельство создавало возможность проверки, подтверждения правильности построения научной теории систематическим обращением к собственной истории капиталистического способа производства, равно как и к истории науки о нем, на каждом этапе восхождения. Историко-критический анализ, явившийся необходимым *исходным пунктом* в разработке теории, вместе с тем представляет собой существенный момент в историческом обосновании экономического учения Маркса и поэтому является его необходимым *завершением*.

Наконец, важной методологической предпосылкой создания экономической теории явилась разработка Марксом ее структуры, отраженная в приведенном во «Введении» наброске плана «расчленения предмета» [22]. Среди трех фундаментальных категорий, обусловливающих классовые отношения буржуазного общества (капитал, наемный труд, земельная собственность), Маркс выделяет капитал как господствующую над всем экономическую силу буржуазного общества. «Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт» [23]. Дальнейшая разработка экономической теории полностью подтвердила этот тезис.

2. КАК СОЗДАВАЛИСЬ «GRUNDRISSE»

Осенью 1857 г. (по всей вероятности, в октябре) под непосредственным влиянием разразившегося экономического кризиса и ожидавшейся вслед за ним революции Маркс, наконец, приступил к подведению итогов своих исследований 50-х гг. «Переживаемый сейчас торговый кризис,— писал он Лассалю 21 декабря,— побудил меня серьезно приняться за обработку моих основ политической экономии» [24].

Грандиозная рукопись объемом в 50 печатных листов была создана Марксом в кратчайшие сроки, да еще в условиях, когда нужда прямо-таки душила Маркса и его семью. В это трудное время Энгельс, как и всегда, оказывал своему другу неизменную поддержку. Не будь ее, Маркс, по словам Ленина, «не только не мог бы кончить «Капитала», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты» [25]. Маркс очень спешил со своей работой. «Работаю я колоссально много, большей частью до 4 часов утра»,— сообщал Маркс Энгельсу 18 декабря, и добавлял, что речь идет о «выработке основных положений политической экономии»: «...совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей» [26].

Прежде всего Маркс возвратился к анализу прудонистских взглядов, но продолжил его уже на совершенно ином уровне рассмотрения: большой раздел рукописи, скорее всего написанный

Марксом сразу же по возобновлении работы, посвящен общей характеристике буржуазного общества в его отличии как от докапиталистических формаций, так и от будущего коммунистического общества [27]. Для того чтобы обрисовать ход этой работы, рассмотрим остальные тетради рукописи 1857—1858 гг.

Тетрадь II рукописи состоит из 28 пронумерованных Марксом страниц. Обложка ее не сохранилась, а вместе с ней пропала и 29-я страница текста, написанная на 3-й странице обложки. В начале 1-й страницы тетради, как уже отмечалось, помещена заметка «*Глава о деньгах.* (Продолжение.)», с 8-й страницы начинается *«Глава о деньгах как капитале»,* которая, начиная с III тетради, имеет заголовок *«Глава о капитале».* Однако *действительное* начало этой главы находится не на 8-й, а на 12-й странице II тетради. Текст, содержащийся на страницах 8—12, представляет собой фактически дополнение к «Главе о деньгах», что подтверждается также и последующей Марксовой группировкой материала «Grundrisse» [28].

На обложке тетради III имеются две даты. Первая из них — *«Лондон. Июль. 1857»* — соответствует, очевидно, первым семи страницам, содержащим отрывок «Бастиа и Кэри», вторая дата — *«Ноябрь и декабрь (1857.)»* — относится к страницам 8—45, на которых написан дальнейший текст рукописи 1857—1858 гг. При этом на 8-й странице тетради имеется пометка *«29, 30 ноября и декабрь»* и далее заголовок: «*Глава о капитале. (Продолжение.)* (тетради II)».

Первая страница тетради IV открывается записью Маркса *«Тетрадь 4. Декабрь. 57»*; далее следует: «*Глава о капитале.* (Продолжение.)». Среди текста, написанного на 24-й странице, имеется авторская пометка *«Январь. (1858)»,* фиксирующая то место рукописи, над которым работал Маркс в момент наступления нового, 1858 г. [29] В письме к Энгельсу от 11 января 1858 г. Маркс жалуется на то, что «при разработке основ политической экономии» его «чертовски задерживают ошибки в подсчетах» [30]. Немного ранее, в декабре 1857 г., заполняя 2-ю страницу тетради IV, Маркс в сердцах заметил: «Черт бы побрал эти проклятые ошибки в расчетах!» [31] (В этом разделе рукописи рассматривалось соотношение между нормой прибавочной стоимости и нормой прибыли.) Необходимо указать также на письмо Маркса Энгельсу от 14 января 1858 г., в котором он сообщает о своих успехах в разработке экономической теории: «Я достиг хороших результатов. Например, я опрокинул все учение о прибыли в его прежнем виде» [32].

На первой странице обложки тетради V Маркс написал: *«Тетрадь V. Январь 1858 Лондон. (Начато 22 января.)»* Первая страница тетради VI начинается пометкой: «*Тетрадь VI. Глава о капитале. Лондон.* Февраль. *1858.*».

Первые 64 страницы тетради VII содержат заключительную часть текста рукописи 1857—1858 гг., остальную часть данной тетради (страницы 63а, 64а и 65—277) Маркс использовал для выпи-

сок, сделанных им в период с 28 февраля 1859 г. приблизительно до 1862 или 1863 г.; 18 страниц из этой, эксцерптной, части тетради VII не сохранилось. На второй странице обложки имеется запись: «*Тетрадь VII* (Критика политической экономии) (Продолжение.) *Лондон.* Конец февраля. Март». На 1-й странице текста рукописи сверху написано: *«Глава о капитале. (Продолжение.) (Эта тетрадь начата в конце февраля '58.)»*; 5-я страница содержит дату *«Март. 1858»*. На 15-й странице совершен переход «к *третьему отделу*», озаглавленному *«Капитал как приносящий плоды (процент, прибыль, издержки производства и т. д.)»* [33]. Наконец, необходимо указать на то, что на 62-й странице текста цитируется журнал «Economist» от 15 мая 1858 г. [34], а также на то, что на предпоследней, 63-й, странице рукописи содержится набросок начала первой главы, озаглавленной Марксом «1) *Стоимость.*» Набросок начинается словами: «Этот раздел надо добавить к предыдущим» [35].

Из приведенных данных можно, на наш взгляд, сделать следующие выводы.

Во-первых, работа над рукописью продолжалась до мая 1858 г. В мае же был написан набросок начала главы I и тем самым закреплено членение на три главы, или раздела. (Римская цифра II появилась перед заголовком «Глава о деньгах», вероятно, не позднее этого же времени.) Но еще раньше, 11 марта 1858 г., в письме к Лассалю Маркс указал на три раздела, из которых должен был состоять первый выпуск его труда: «1) стоимость, 2) деньги, 3) капитал вообще», причем последний раздел также подразделялся на три части: «процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство того и другого, или капитал и прибыль (процент)» [36]. Это хорошо согласуется с тем, что, по всей вероятности, в марте 1858 г., в самом начале работы над третьим отделом «Главы о капитале», Марксом была зафиксирована трехчленная структура этой главы, в то время как первые два отдела в период их создания еще не были обозначены как 1-й и 2-й и не были снабжены заголовками. (Трехчленная структура первого выпуска охарактеризована Марксом также в письме к Энгельсу от 2 апреля 1858 г. [37])

Во-вторых, в самом начале заполнения тетради VII, т. е. в феврале 1858 г., появился заголовок всей рукописи — «Political Economy Criticism of» («Критика политической экономии»), корреспондирующий со следующим местом из письма Маркса Лассалю от 22 февраля: «Работа, о которой идет речь в первую очередь,— это *критика экономических категорий*, или, если угодно, система буржуазной экономики, критически представленная. Это одновременно изложение системы и критика ее в процессе изложения» [38]. На этом основании при публикации рукописи 1857—1858 гг. на русском языке в 46-м томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса она и была озаглавлена «Критика политической экономии» — в отличие от двух ее публикаций на языках оригинала (в 1939—

1941 гг. и в издании МЭГА), где рукописи был дан редакционный заголовок «Основные черты критики политической экономии» («Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie»). При этом в публикациях 1939—1941 гг. (на языках оригинала) и 1968—1969 гг. (на русском языке) к основному заголовку были добавлены подзаголовки соответственно «Черновой набросок» и «Черновой набросок 1857—1858 годов». Во всех этих случаях публикаторы рукописи опирались на собственные высказывания Маркса: 1) на его запись на обложке тетради VII: «Критика политической экономии» (см. об этом выше); 2) В письме к Энгельсу от 29 ноября 1858 г. Маркс называет свою работу «черновой рукописью» [39], черновым наброском (Rohentwurf); 3) в уже цитировавшемся письме к Энгельсу от 8 декабря 1857 г.[40] Маркс говорит о своем стремлении добиться ясности «в основных вопросах» (damit ich... die Grundrisse im klaren habe).

Рукопись 1857—1858 гг. не предназначалась Марксом для печати — она должна была послужить лишь основой для будущей публикации. В письме к Энгельсу от 31 мая 1858 г. Маркс отмечал, что «в этой рукописи (которая составила бы в печати толстый том) все перемешано в беспорядке, многое предназначено лишь для дальнейших частей» [41]. В самом деле, Маркс работал над текстом в рамках составленного им «плана шести книг», отражавшего объективную структуру буржуазного общества. «Все в целом,— писал он Лассалю 22 февраля 1858 г.,— подразделяется на шесть книг: 1) О капитале (содержит несколько вводных глав). 2) О земельной собственности. 3) О наемном труде. 4) О государстве. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок» [42]. В свою очередь, книга «О капитале», по мысли Маркса, высказанной в письме к Энгельсу от 2 апреля 1858 г., помимо «вводных глав» — о стоимости и о деньгах, распадалась «на четыре отдела: *a*) Капитал вообще. (Это — *содержание первого выпуска.*) *b*) *Конкуренция* или действие многих капиталов друг на друга. *c*) *Кредит... d*) *Акционерный капитал*» [43]. И хотя рукопись в целом представляет собой разработку темы «капитал вообще», в ней содержатся многочисленные «отступления», относящиеся к другим разделам и книгам, к «дальнейшим частям» «плана шести книг». Поэтому прекращение работы Маркса по созданию текста рукописи закономерно явилось в то же время началом его работы по мобилизации и обработке содержащегося в ней богатейшего материала, по дальнейшей подготовке экономического труда.

3. РАБОТА МАРКСА В ПЕРИОД МЕЖДУ ПЕРВЫМ И ВТОРЫМ ЧЕРНОВЫМИ ВАРИАНТАМИ «КАПИТАЛА»

По тогдашним планам Маркса выход в свет его труда предполагался в виде отдельных выпусков, первый из которых по требованию издателя Дункера должен был быть представлен к концу мая 1858 г.[44] 31 мая Маркс писал Энгельсу о том, что он тотчас же

принимается за подготовку первого выпуска к печати. Для этой цели он решил перечитать весь текст рукописи 1857—1858 гг. «от начала до конца» и «составить указатель, в какой тетради и на какой странице быстро найти ту дрянь, которая в первую очередь нужна... для работы» [45].

По всей вероятности, в июне 1858 г. Маркс составил два наброска «Указателя к семи тетрадям (к первой части)» [46]. В первом из них группировка материала будущего первого выпуска была доведена до раздела «Процесс обращения капитала», второй набросок охватывал материал по теории денег.

В период примерно с августа до конца октября 1858 г. Марксом был написан первоначальный текст первого выпуска, из которого до нас дошла лишь часть, включающая последние $^3/_4$ второй и начало третьей главы [47]. Работа эта шла достаточно тяжело, прежде всего из-за плохого состояния здоровья Маркса. Первоначально [48] он собирался в сентябре или октябре отослать издателю текст, включавший три главы, в том числе главу о капитале, но затем его намерения изменились. «Жена моя переписывает рукопись,— сообщал Маркс Энгельсу 29 ноября 1858 г.,— ...первый отдел стал более обширным, так как пришлось развить подробнее, чем я первоначально имел в виду, две первых главы, из которых *первая, «Товар»,* вовсе не была написана в черновой рукописи, а *вторая, «Деньги, или простое обращение»,* имелась лишь в виде совсем краткого наброска» [49]. (Заметим, что в этом письме впервые появилось новое название 1-й главы — «Товар» вместо «Стоимость».) Лишь 26 января 1859 г. [50] Маркс отправил издателю рукопись первого выпуска «К критике политической экономии», содержавшего лишь две указанные главы; однако заголовок данного выпуска гласил: «Книга первая. О капитале. Отдел первый. Капитал вообще». Предисловие к этой работе, написанное в основной своей части, по-видимому, в январе [51], было отослано Дункеру 23 февраля [52]. Корректуры Маркс вел в период с 7 марта по май. Книга вышла в свет в июне 1859 г. В трех письмах — Лассалю от 12 ноября 1858 г., Вейдемейеру от 1 февраля и Энгельсу от 22 июля 1859 г.— Маркс дал ее характеристики, отметив при этом следующие моменты: это сочинение «является результатом пятнадцатилетних исследований»; оно «впервые научно выражает имеющий важное значение взгляд на общественные отношения»; в этих двух главах «вместе с тем разбивается наголову модный теперь во Франции прудоновский социализм, который хочет сохранить частное производство, но *организовать* обмен частных продуктов, хочет *товара, но* не хочет *денег.* Коммунизму необходимо избавиться прежде всего от этого «лжебрата»»; в данной работе «уже в простейшей форме, в форме *товара*, выяснен *специфически* общественный, а отнюдь не *абсолютный* характер буржуазного производства» [53].

В письме к Энгельсу от 21 января 1859 г. Маркс сообщает о намерении дать себе «недельный отпуск, прежде чем взяться за *про-*

должение рукописи», а в письме от 27 февраля констатирует: «...я теперь обрабатываю «Капитал»» [54]. (В черновом наброске первого выпуска данная глава носила то же название [55].) Постараемся выяснить, в чем заключался этот новый этап теоретической работы Маркса.

Бесспорный, на наш взгляд, факт заключается в том, что в начале 1859 г., после завершения работы над первым выпуском «К критике политической экономии», Маркс ощутил недостаток теоретического материала для третьей главы своего труда — «Капитал» и сразу же приступил к заполнению этого пробела. Для этой цели он составил две тетради с выписками: тетрадь первого порядка (выше она упоминалась нами как эксцерптная часть тетради VII рукописи 1857—1858 гг.), в которой Маркс делал выписки, начиная с февраля 1859 г. (эта дата стоит на странице 63а, с которой начинается эксцерптная часть) и кончая 1862 или 1863 г., и тетрадь второго порядка, обозначенная Марксом как «Тетрадь с цитатами» и представляющая собой группировку по определенному плану цитат, извлеченных Марксом из тетрадей с выписками 40-х и 50-х гг., а кроме того, и из эксцерптной части тетради VII. Уже после заполнения «Тетради с цитатами» Маркс пропагинировал ее и составил к ней «Указатель», дающий новую группировку входящих в эту тетрадь цитат [56]. Вероятнее всего, заполнение обеих тетрадей велось более или менее одновременно: «Тетрадь с цитатами» была завершена в первые месяцы 1860 г.— перед тем, как наступил длительный перерыв в экономических занятиях Маркса, вызванный подготовкой памфлета «Господин Фогт».

К рассматриваемому отрезку времени, помимо названных, относятся еще две рукописи Маркса: набросок плана третьей главы «Капитал» [57] и составленные летом 1861 г. «Рефераты к моим собственным тетрадям» [58], представляющие собой постраничный обзор содержания рукописей, созданных Марксом в 1857—1858 гг.— того материала, который не был им использован в первом выпуске «К критике политической экономии». Существенным подтверждением приведенной датировки «Рефератов» является то обстоятельство, что на 193-й странице эксцерптной части VII тетради Маркс написал слово «Рефераты», которое тотчас же зачеркнул, видимо, решив написать их в другой тетради. Вслед за этим вычеркнутым словом идут выписки из ирландских статистических отчетов, опубликованных в июле 1861 г., и из газеты «Standard» от 25 февраля 1862 г. (Непосредственно перед «Рефератами» в той же тетради находится упоминавшийся выше «Указатель» к «Тетради с цитатами».)

Более трудным, однако, является вопрос о датировке наброска плана третьей главы, которая в первоначальном тексте первого выпуска называлась «Капитал», а в рукописи 1861—1863 гг.— «Капитал вообще». Разобраться в этом вопросе тем более важно, что именно «Набросок» отразил (за одним исключением) тот новый материал, который был освоен Марксом в период 1859—1861 гг.

Что же касается «Рефератов», то хотя они и были написаны, по-видимому, в самом конце этого периода, в них адекватно отразился содержательный уровень рукописей 1857—1858 гг.

О каком новом теоретическом материале идет речь?

Во-первых, в «Наброске» впервые выделены три стадии производства относительной прибавочной стоимости: «α) *Кооперация масс...* β) *Разделение труда...* γ) *Машины*» [59]. Материал рукописи 1857—1858 гг. давал возможность лишь для выделения второй и третьей названных стадий. Об этом наглядно свидетельствуют «Рефераты». Понятие «кооперация» впервые было выделено Марксом в процессе заполнения 16-й и 73-й страниц «Тетради с цитатами», причем во втором случае это выделение было воспроизведено и в «Указателе» [60]. (Впоследствии, в рукописи 1861—1863 гг., Маркс процитировал выражения Поттера и Скропа о *«согласовании* и *кооперации»* и Уэйкфилда о *«кооперации многих пар рук»* [61], давшие ему в период 1859—1861 гг. импульс к выделению этого понятия уже в качестве структурного элемента раздела об относительной прибавочной стоимости.)

Отметим в этой связи, что анализ простой кооперации содержится и в рукописи 1857—1858 гг. [62], более того, там цитируется и указанное положение Уэйкфилда [63], однако данное понятие еще не соотносилось Марксом с определенной стадией производства относительной прибавочной стоимости и соответственно не выступало в качестве структурного элемента экономической теории. Кроме того, в процессе заполнения обеих тетрадей с выписками Маркс получил большой дополнительный материал, например по проблеме разделения труда.

Во-вторых, в «Наброске» выделены в качестве специальных пунктов раздела о превращении денег в капитал — «Процесс труда» и «Процесс увеличения стоимости» [64]. Если второй пункт уже был детально разработан в рукописи 1857—1858 гг. (см. «Рефераты» [65]), то понятие «процесс труда» там не анализируется; вместо этого Маркс говорит о процессе производства [66]. Правда, в данной рукописи Маркс вскользь замечает, что выражение «процесс труда» является более точным, чем «процесс производства» [67], однако осознание важности этого положения для экономической теории произошло позднее — в процессе заполнения эксцерптной части VII тетради. На 151-й странице этой тетради Маркс записал фрагмент начала третьей главы о «капитале вообще»: «A) *Превращение денег в капитал.* a) Общее понятие капитала; b) Процесс труда; c) Процесс увеличения стоимости». На наш взгляд, приведенная запись однозначно свидетельствует о том, что общего наброска плана главы о «капитале вообще» в этот момент у Маркса еще не было. В противном случае трудно было бы представить себе, зачем Марксу понадобилось записывать этот фрагмент при наличии гораздо более полного плана. Заметим, далее, что если пункт «Общее понятие капитала» уже фигурировал в одном из предыдущих планов Маркса [68], то пункт «Процесс труда» был вы-

делен здесь впервые и вместе с пунктом «Процесс увеличения стоимости» был впоследствии включен в «Набросок».

Можно довольно точно установить дату заполнения 151-й страницы эксцерптной части VII тетради, так как на ее страницах 157—166 находятся выписки — в том числе и из работы Энгельса «Положение рабочего класса в Англии»,— которые были сделаны незадолго до середины января 1860 г., как это следует из письма Маркса Энгельсу, написанному около 11 января; далее, на 175-й странице этой тетради имеется выписка из газеты «Daily Telegraph» от 17 января, а на 169-й странице — из журнала «Economist» от 21 января 1860 г. Это означает, на наш взгляд, что указанный фрагмент, записанный на 151-й странице, следует датировать декабрем 1859 — январем 1860 гг. Соответственно, рассматриваемый нами «Набросок» был написан Марксом *не раньше* этой даты.

Наконец, в-третьих, на 33-й и 59-й страницах «Тетради с цитатами» Маркс впервые выделил понятия «средний минимум заработной платы» и «средняя заработная плата», тогда как в «Рефератах», и соответственно в рукописи 1857—1858 гг., он говорит еще о «минимуме заработной платы» [69]. На основе указанного выделения впоследствии появился пункт «Наброска»: *«Средняя заработная плата»* [70]. Добавим еще, что понятие «средняя заработная плата» нашло отражение и в «Указателе» к «Тетради с цитатами» [71]. Впоследствии Маркс использовал эту запись в рукописи 1861—1863 гг. и потому вычеркнул ее в «Указателе» [72].

Мы постарались показать, ранее какого времени *не могло* начаться составление «Наброска». Теперь следует попытаться определить тот момент времени, когда Маркс *уже мог* приступить к этой работе: к обобщению всего накопленного им теоретического материала и фиксированию его в виде структурных элементов плана главы о «капитале вообще». Сделать это нам поможет следующее наблюдение: есть, по меньшей мере, один весьма важный в теоретическом отношении пункт, по которому «Набросок» обнаруживает решительное «отставание» по сравнению с «Тетрадью с цитатами» и «Указателем» к этой тетради. На 36-й странице данной тетради, и соответственно в «Указателе» [73], Маркс впервые сформулировал тезис *«Общая форма капитала. Д — Т — Д»*, ставший фактическим началом рукописи 1861—1863 гг.: *«Д — Т — Д. Наиболее общая форма капитала»* [74]. Формулировка же соответствующего пункта «Наброска» — «Переход» (т. е. переход от денег к капиталу) — соответствует написанным в 1858 г. первому наброску «Указателя к семи тетрадям» и первоначальному тексту первого выпуска «К критике политической экономии» [75]. Мы видели, что на 151-й странице эксцерптной части VII тетради Маркс также выделил в качестве начального пункта «Общее понятие капитала», однако эта формулировка, происходящая из понятия «капитал вообще», еще очень далека от той, которая приведена на 36-й странице «Тетради с цитатами». К этой последней формулировке гораздо ближе положение, содержащееся в первом выпуске

«К критике политической экономии»: «Если, однако, выразить $Д — Т — Д$ формулой: *купить* для того, чтобы *продать*... то мы тотчас же узнаем в ней господствующую форму буржуазного производства»[76].

Исходя из приведенных соображений, мы приходим к выводу, что «Набросок» уже мог быть написан Марксом *до* соответствующей записи на 36-й странице «Тетради с цитатами». Если верно то, что эта тетрадь была завершена в первые месяцы 1860 г., то «Набросок» уже мог быть написан Марксом в начале 1860 г., т. е. еще до длительного перерыва в его экономических занятиях.

К сказанному можно еще добавить следующее соображение. На 170-й странице эксцерптной части VII тетради находится выписка из работы Тюрго «Размышления о создании и распределении богатств», воспроизведенная затем на 36-й странице «Тетради с цитатами» и, по-видимому, побудившая Маркса сформулировать вывод о форме $Д — Т — Д$ как всеобщей форме капитала. Можно уверенно утверждать, что 170-я страница эксцерптной части VII тетради была заполнена Марксом в январе 1860 г. Следовательно, запись на 36-й странице «Тетради с цитатами» была сделана после января.

Таким образом, периоду 1859—1861 гг. принадлежит важное место в истории разработки Марксом его экономической теории, так же как и в создании структуры будущего «Капитала». Проштудировав большое количество новых для него политико-экономических сочинений и мобилизовав материал, уже изученный им прежде, Маркс получил ряд существенно новых теоретических результатов: выделил три стадии в процессе производства относительной прибавочной стоимости; представил процесс капиталистического производства в качестве единства процесса труда и процесса увеличения стоимости; преодолев буржуазную концепцию минимума заработной платы, сформулировал понятие «средняя заработная плата»; сформулировал положение о $Д — Т — Д$ как всеобщей форме капитала.

Что же касается хронологической последовательности работы Маркса в рассматриваемый период, то она, на основе сказанного выше, рисуется следующим образом. В феврале 1859 г. Маркс приступил к составлению эксцерптной части VII тетради и параллельно с этим — «Тетради с цитатами». На этой основе, а также на основе материала тетрадей II—VII рукописи 1857—1858 гг. Маркс в начале 1860 г. составил набросок плана главы о «капитале вообще». В ходе дальнейшей работы — может быть, еще до перерыва в исследованиях, связанного с созданием «Господина Фогта»,— был составлен «Указатель к тетради с цитатами», а летом 1861 г., теперь уже на основе просмотра всех рукописей периода 1857—1858 гг., были написаны «Рефераты к моим собственным тетрадям». К августу 1861 г. завершился подготовительный этап в работе, и Маркс приступил к созданию рукописи 1861—1863 гг.— второго чернового варианта «Капитала».

Глава IV

НА ПУТИ К СОБСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ И СТОИМОСТИ

Каждый из черновых вариантов «Капитала» имеет свои содержательные и структурные особенности. Своеобразие «Grundrisse» придает уже самое начало рукописи: в отличие от всех последующих подготовительных вариантов «Капитала», первый черновой набросок начинается «Главой о деньгах». Причины этого, как и то, почему глава начинается с критики книги Даримона, были выяснены в предыдущей главе данной монографии. Но почему Марксу было важно в своем, казалось бы, сугубо теоретическом труде размежеваться с проектом практических реформ в банковской сфере, выдвигаемым мелкобуржуазным социализмом? Почему Маркс посчитал, что критика прудонизма могла послужить исходным пунктом для изложения собственных политико-экономических воззрений? В настоящей главе мы попытаемся ответить на сформулированные вопросы [1].

1. ПЕРВЫЙ ШАГ В РАЗРАБОТКЕ МАРКСИСТСКОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ — КРИТИКА ПРУДОНИСТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ «РАБОЧИХ ДЕНЕГ»

Полученные Марксом в начале 1857 г. сведения об издании на французском языке, а также о подготовке немецкого перевода сочинения Прудона «Руководство для биржевого спекулянта» (книга вышла в Париже в 1857 г.), преподносимого автором в качестве некоей «экономической библии» [2], наряду с попавшей в руки Маркса в это же время книгой прудониста Даримона свидетельствовали о живучести мелкобуржуазных форм критики капиталистического общества и прудонистских иллюзий о возможности разрешения его противоречий путем реорганизации кредитно-денежной системы. В основе представлений прудонистов лежало непонимание глубокого противоречия между частным и общественным трудом, из которого проистекало ошибочное представление о субстанции стоимости. Отсюда — утопические иллюзии о возможности выражения стоимости товаров непосредственно в часах рабочего времени.

Борьба с прудонизмом, который, по словам Маркса, был «в целом в первую голову полемикой против коммунизма» [3], оставалась на протяжении 50-х гг. для Маркса и Энгельса одной из важней-

ших теоретических и политических задач. «Чтобы расчистить путь социализму критическому и материалистическому, стремящемуся сделать понятным действительное историческое развитие общественного производства, надо было резко порвать с той идеалистической политической экономией, последним воплощением которой был, сам того не сознавая, Прудон»,— писал Маркс в 1880 г.[4]

Критика социологических и экономических взглядов Прудона, предпринятая Марксом в «Нищете философии», бесспорно, сохраняла свое значение. Уже в этом произведении Маркс показал, что вопрос о месте денег в буржуазном обществе можно решить лишь в связи с анализом всей совокупности общественных отношений капиталистического производства. Это положение логически подводило к выводу о невозможности ликвидировать одно из звеньев системы экономических отношений капитализма, деньги, не затрагивая одновременно другие ее звенья[5].

В противоположность Прудону Маркс еще в 40-е гг. трактовал деньги как необходимую и обособленную форму выражения стоимости в виде всеобщего средства обмена, он показал полную несостоятельность идеи Прудона о возможности товарообмена без участия денег. Выделение проблемы необходимости денег в условиях буржуазного товарного производства в качестве ключевого вопроса научной теории денег имела принципиальное значение для дальнейших исследований в этой области.

Однако поскольку в понимании проблемы стоимости и денег взгляды Маркса в 40-е гг. еще не выходили за пределы теории классиков буржуазной политэкономии, он не мог в полной мере раскрыть несостоятельность прудонистской концепции. Достигнутый Марксом ко второй половине 50-х гг. уровень понимания этих проблем создавал предпосылки для более зрелого анализа взглядов Прудона и прудонистской концепции в целом.

Следовало также учитывать, что Марксова «Нищета философии», вышедшая буквально накануне революции 1848 г., не получила широкого распространения ни во Франции, ни в Германии[6]. Попытки Маркса в начале 50-х гг. издать своего «Анти-Прудона» в немецком переводе также успеха не имели[7]. Прудоновские идеи, воспринимаемые определенными слоями пролетариата, в первую очередь бывшими ремесленниками, продолжали распространяться. Активная политическая деятельность Прудона в годы революции 1848 г. способствовала росту популярности его самого, как и его реформистских идей[8]. Такая ситуация представляла серьезную опасность для развития революционных традиций пролетарского движения. Критика теоретической системы Прудона становилась поэтому одной из важных предпосылок утверждения в рабочем движении подлинно революционного мировоззрения.

Экономическая платформа прудонизма отличалась крайним эклектизмом. В сущности, она представляла собой доведенные до логического завершения буржуазные представления о сущности денег и кредита. Вслед за буржуазными экономистами прудонисты

не проводили различия между простыми деньгами и кредитными деньгами, не видели разницы между деньгами и капиталом, сводили кризисы перепроизводства к расстройству денежного обращения, преувеличивали роль банков в его регулировании, неверно понимали в целом связь производства и обращения. Последнему они приписывали определяющую роль по отношению к производству. Борьба с прудонизмом, проповедующим «низвержение *денег* и превознесение *товара* в качестве сущности социализма» [9], требовала разработки научной экономической теории, выяснения сущности и места денег в системе капиталистического товарного производства.

Острый денежный кризис, разразившийся во Франции в сентябре 1856 г., вызвал резкое ухудшение положения Французского банка и вынудил его принять ряд ограничительных мер для защиты своего металлического запаса: повысить учетную ставку до 6%, принимать к учету векселя только со сроком не более 60 дней, выдавать авансы под залог государственных ценных бумаг не более 40% их курса и т. п. [10] В условиях расстройства денежно-кредитного механизма прудонисты вновь выступили с предложениями реорганизации сферы обращения на безденежной основе. Прудонисты видели причину кризисов в господствующем положении благородных металлов и потому для их предотвращения считали достаточными ликвидацию «привилегий» золота и серебра по выполнению денежных функций и передачу последних всем товарам [11].

Особенно остро необходимость размежеваться с этим «лжебратом» научного социализма стала ощущаться Марксом и Энгельсом в 1857 г., когда они ожидали революционного взрыва в связи с появившимися симптомами очередного экономического кризиса [12]. На этом фоне понятен становится проявленный Марксом интерес к книге Даримона, суждения которого о деньгах, кредите, причинах кризиса денежного рынка были экономическим переложением философско-социологических построений Прудона.

В этой связи можно говорить о том, что начало «Grundrisse» как бы фиксирует переход от той ступени в развитии взглядов Маркса, на которой еще превалировал критический разбор одного из направлений в политической экономии,— как это уже было в «Нищете философии»,— к систематическому отражению собственных теоретических взглядов на рассматриваемый предмет.

В экономической литературе существует точка зрения, «теоретически» объясняющая, почему рукопись 1857—1858 гг. начинается с анализа денежной проблематики. «К. Маркс начинает разработку экономической теории с анализа производственного отношения, которое первоначально представлялось ему исторически и логически исходным»,— замечает современный исследователь [13]. Однако для Маркса данная рукопись не была изложением уже сложившейся теоретической системы экономических категорий, речь шла первоначально о критическом разборе работы Даримона, в

ходе которого он излагал собственное понимание проблемы денег. Лишь по мере того как полемика против Даримона превращалась в положительную критику всей предшествующей политической экономии по этой проблеме, Марксу (что, впрочем, было подготовлено всем ходом его экономических занятий в первой половине 50-х гг.) становилось все яснее, что именно правильное понимание денег должно стать одной из важнейших предпосылок создания собственной экономической теории.

Одной из важнейших, но не первой: вспомним, что «Глава о деньгах» носит порядковый номер II. Таким образом, Маркс предполагал, что деньгам должна в его складывающейся теоретической системе предшествовать еще одна — исходная — категория. Какая же? Об этом позволяет судить «Введение», где, говоря о двух исторических этапах развития метода политической экономии: восхождение от конкретного к абстрактному в представлении и от абстрактного к конкретному в понятии, от простейшего к наиболее сложному, Маркс признает последний метод «правильным в научном отношении» и фиксирует следующую последовательность расположения категорий: труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т. д., в конце — государство, международный обмен и мировой рынок [14].

Таким образом, приступая к работе над первым наброском «Капитала», Маркс считал правильным начинать анализ экономических категорий с рассмотрения «труда вообще».

Что же касается денег, то, как замечает Маркс во «Введении», «эта совершенно простая категория исторически выступает в своей полной силе только в наиболее развитых состояниях общества. Она отнюдь не проникает во все экономические отношения» [15]. То есть категория денег на этой ступени анализа не отвечала требованиям, предъявляемым к исходной категории как к простейшей абстракции, выражающей «древнейшее отношение, имеющее силу для всех форм общества», но выступающей «тем не менее в этой абстрактности практически истинной только как категория наиболее современного общества» [16].

Значит, Маркс предполагал перейти к исследованию денег после выяснения содержания понятия «труд вообще», во всяком случае на начальном этапе работы над рукописью. Однако проведенное в ходе полемики с Даримоном исследование продукта как противоречивого единства потребительной и меновой стоимости, из которых могут быть выведены все остальные противоречия буржуазного производства, заставило Маркса усомниться в правомерности рассмотрения «труда вообще» как исходной категории экономической системы и поставить следующий вопрос: «Не представляет ли сама по себе стоимость как таковая нечто всеобщее по отношению к потребительной и меновой стоимости, как к ее *особенным* формам?» [17] Дальнейшее исследование стоимости как необходимой предпосылки анализа капитала и двойственного характера труда, создающего товар, привело Маркса в конце работы над

рукописью к выводу, что «первая категория, в которой выступает буржуазное богатство, это — *товар*» [18].

Примененный Марксом в «Главе о деньгах» метод критического анализа прудонистской концепции вырабатывался в 50-е гг. во время работы над эксцерптами. В процессе изучения буржуазной и мелкобуржуазной литературы по проблемам денежно-кредитного обращения в серии лондонских эксцерптных тетрадей Маркс всесторонне проанализировал понимание ими денег и кредита, капитала, кризисов денежного рынка и т. д. Владея огромным фактическим материалом, Маркс сначала, оперируя теми же данными, что и Даримон, словно бы изнутри показал несостоятельность его аргументации.

Критику прудонизма Маркс начал с рассмотрения приводимых Даримоном сведений о соотношении банковского металлического запаса с «колебаниями портфеля», т. е. массой производимых банком учетных операций. Такое сопоставление должно было, по мнению Даримона, показать, какое воздействие банк оказывает на денежное обращение, размеры которого отражала стоимость находящихся во владении банка ценных бумаг. Сравнивая указанные величины, Даримон приходил к выводу, что они находятся в обратном отношении друг к другу, и, следовательно, банк принимает разного рода рестриктивные меры для защиты своего металлического запаса именно тогда, когда потребности обращения достигают наибольшей величины. Исходя из этого, прудонисты заключали, что нарушения денежного обращения, нехватка денежных средств во время кризиса и сам кризис непосредственно связаны с политикой организованных на основе золота и серебра банков.

При анализе рассуждений Даримона Маркс сначала выделил смешение им денежного обращения с кредитным, увидев в этом смешении всю «тайну прудоновской премудрости» [19]. Он показал неправомерность сведения денежного обращения к массе предъявляемых к учету векселей. «Масса учтенных векселей и ее колебания,— писал Маркс,— выражают потребности кредита, тогда как масса обращающихся денег определяется совершенно иными влияниями» [20]. Дополнив таблицу Даримона двумя новыми графами — «обращением банкнот» и «вкладами»,— он пришел к противоположному, в сравнении с Даримоном, заключению, что металлический запас и объем денежного обращения изменяются в самых разных направлениях. Отсюда следовал важный теоретический вывод о том, что банк в действительности не контролирует количество денег в обращении.

В представлениях прудонистов о всемогуществе банков нашло своеобразное преломление широкое развитие в середине XIX в. кредита, явившегося мощным катализатором процесса накопления капитала, его концентрации и централизации, развития производительных сил капиталистического общества в целом. Придавая этим явлениям всеобъемлющий характер, прудонисты рассчитыва-

ли посредством банковской реформы не только ликвидировать кризисы, но и создать совершенно новые общественные отношения.

В этой связи Маркс поставил в четкой форме имеющий первостепенное значение для революционной практики вопрос: возможно ли путем изменения организации обращения революционизировать существующие производственные отношения и соответствующие им отношения распределения буржуазного общества? Конкретизируя постановку этой проблемы, Маркс выясняет, «могут ли различные цивилизованные формы денег — металлические, бумажные, кредитные, рабочие деньги (последние как социалистическая форма) — достичь того, чего от них требуют, без уничтожения самого производственного отношения, выраженного в категории денег?» [21].

Постановка проблемы в такой форме предполагала рассмотрение денег как производственного отношения, органически связанного со всей системой отношений буржуазного общества. Именно такой подход к деньгам Маркс последовательно проводил во всех своих работах, начиная с 1844 г. Применение этого важнейшего методологического принципа анализа денег при капитализме в рукописи 1857—1858 гг. позволило ему показать бесплодность попыток мелкобуржуазных критиков капитализма решить проблему денег, рассматривая их изолированно, в отрыве от совокупности производственных отношений капиталистического строя.

Раскрыв слабость прудонистской концепции в методологическом отношении, Маркс пришел в процессе дальнейшего рассмотрения теоретических построений Даримона к выводу, что утопизм предложений прудонистов о придании всем товарам денежных свойств был обусловлен непониманием ими того, что существование денег с необходимостью вытекает из производственных отношений буржуазного общества. «Действительный вопрос заключается в следующем: не вызывает ли сама буржуазная система обмена необходимости в специфическом орудии обмена? Не создает ли она необходимым образом особого эквивалента для всех стоимостей?» [22]

Таким образом, в «Grundrisse» Маркс вернулся к поставленному в «Нищете философии» вопросу о необходимости денег в буржуазном обществе. Но в отличие от работ 40-х гг. решение вопроса дается на совершенно ином уровне — на базе разрабатываемой здесь марксистской теории стоимости. Лишь в ходе критического анализа прудонистской концепции в экономической рукописи 1857—1858 гг. было впервые установлено, что ошибочность теории «часового бона» вытекает из прудоновской теории стоимости [23]. Но Маркс не только констатировал данное обстоятельство — он показал, почему в условиях буржуазного производства стоимость продукта не может быть непосредственно выражена в часах рабочего времени, а требует опосредованного выражения через деньги. Тем самым был сделан значительный шаг в разработке собственной теории стоимости.

Допустив в качестве предположения существование рабочих денег, Маркс показал, как функционировала бы эта форма денег в условиях изменяющейся производительности труда. Вначале он прослеживает судьбу золотых рабочих денег, условно обозначенных им как «x рабочих часов». Проведенный анализ показал, что если исходить из количественной определенности стоимости как воплощения требующегося на воспроизводство товара рабочего времени, величины, постоянно изменяющейся вследствие роста или падения производительности труда, то оказывается, что рабочие деньги, в которых зафиксировано определенное количество часов рабочего времени, должны были бы обмениваться соответственно на меньшую или большую стоимость.

Таким образом, для того чтобы такие деньги выражали действительную стоимость продукта, требовалось бы допустить, что производительность рабочего часа остается неизменной. Маркс показывает утопичность такого допущения. «В силу всеобщего экономического закона, по которому издержки производства постоянно падают, а живой труд постоянно становится производительнее и, стало быть, овеществленное в продуктах рабочее время постоянно обесценивается,— неизбежной судьбой этих золотых рабочих денег было бы постоянное обесценение» [24]. Соответственно, бумажные рабочие деньги, часовые боны, постоянно повышались бы в цене. Прудонисты рассматривали это явление как свидетельство роста покупательной способности рабочих денег, а следовательно, и благосостояния рабочих. Маркс, напротив, доказывал, что повышение цены бумажных рабочих денег должно привести к дальнейшему обнищанию рабочего и росту богатства класса капиталистов. Осуществление прудонистского проекта в условиях буржуазного способа производства при сохранении прежних контрактов, обязательств и накопления денег означало бы, что накопленные бумажные рабочие деньги повышались бы в цене в той же мере, что и выпускаемые, и, следовательно, с повышением производительности труда росли бы также и обязательства по ранее заключенным контрактам, таким образом, от повышения производительности труда выигрывал бы только имущий класс. Введение рабочих денег, как показывает Маркс, вместо установления «новых форм производства и общения» способствовало бы закреплению и дальнейшему развитию капиталистических производственных отношений.

Углубляя анализ «рабочих денег», Маркс рассматривает их с точки зрения соотношения между стоимостью и ценой товара. Как и другие явления обмена, прудонисты объясняли несовпадение цены со стоимостью участием в нем денег, которое якобы нарушает соответствие между спросом и предложением и ведет к отклонению цены от стоимости. Ликвидация денег, по их мнению, восстановила бы равенство спроса и предложения и уравняла бы цену со стоимостью.

Таким образом, Прудон и его последователи фактически отождествляли цену и стоимость товара. В противоположность прудонистам Маркс исходил из принципиального различия между этими категориями. Характеризуя стоимость с количественной стороны, он определяет ее как абстрактную, но вместе с тем реально существующую среднюю величину, лежащую в основе колебательных движений цены.

Цена, подчеркивает Маркс, уже потому не может равняться стоимости, что она помимо средних затрат общественно необходимого труда отражает также текущие колебания спроса и предложения. Кроме того, различие между стоимостью и ценой товара обусловливается также действием закона роста производительности труда. В соответствии с этим законом выражающий стоимость часовой бон фактически обменивался бы то на большее, то на меньшее количество действительного рабочего времени. «Различие между ценой и стоимостью,— резюмирует Маркс,— между товаром, измеренным в том рабочем времени, продуктом которого он является, и тем рабочим временем, на продукт которого этот товар обменивается, это различие требует третьего товара как меры, в которой выражается действительная меновая стоимость товара» [25].

Анализ «рабочих денег» с точки зрения количественной характеристики стоимости дал возможность Марксу, с одной стороны, показать классовую сущность предлагавшейся прудонистами реформы денежного обращения, с другой — выяснить, что необходимость денег как меры стоимости вытекает из объективно существующего несовпадения цены и стоимости товара. Однако в процессе дальнейшего исследования Маркс абстрагируется от этого различия и доказывает необходимость денег также при допущении, что «меновая стоимость равна рыночной стоимости, а реальная стоимость равна цене» [26]. Это допущение Маркс впоследствии примет и в I томе «Капитала».

Решающий шаг в объяснении необходимости денег в условиях товарной формы производства Маркс сделал в процессе исследования стоимости, раскрыв деньги как результат развития противоречия между абстрактным и конкретным, частным и общественным трудом товаропроизводителей. Характер «Grundrisse» как черновой рукописи проявляется в том, что Маркс не излагает здесь учение о двойственном характере труда в систематизированном виде, как в последующем в работе «К критике политической экономии» (1859 г.) и в I томе «Капитала». К уяснению противоречивой природы товара, а потом и двойственного характера труда, его создающего, Маркс приходит, отвечая на вопрос о том, почему стоимость товара должна получить выражение в деньгах.

Установление «двойного существования» товара — натурального (как вначале Маркс характеризует потребительную стоимость) и стоимости как экономической, общественной характеристики товара — позволило объяснить казавшийся непонятным факт обмениваемости качественно разнородных товаров. «Как стоимости,

все товары качественно одинаковы и различаются лишь количественно...» [27] Анализ стоимости показал, что внутреннее противоречие между качественной однородностью всех товаров как стоимостей и их натуральным различием как потребительных стоимостей находит необходимое выражение в том, что в процессе реализации товара его стоимость отделяется от потребительной стоимости и получает автономное существование в деньгах. «Противоречие между особыми натуральными свойствами товара и его всеобщими социальными свойствами с самого начала содержит возможность того, что эти две раздельные формы существования товара не обратимы друг в друга» [28]. Если природные качества непосредственно выражены в товаре, то общественный характер стоимости требует соответственно признанной обществом формы выражения, символа, обладающего общественной силой. Деньги есть «меновая стоимость, отделенная от самих товаров и существующая наряду с ними как самостоятельный товар» [29].

Дальнейшее исследование товара как противоречивого единства стоимости и потребительной стоимости выявило, что различие, а потом и противоречие между натуральными свойствами товара и его общественным качеством как стоимости связаны с характером труда при капитализме. Каждый товар, приходит к выводу Маркс, выступает, с одной стороны, как продукт натурально определенного труда, качественно отличного от других видов труда. С другой стороны, в его стоимости воплощен отделенный от своего качества труд, различающийся лишь количественно. В стоимости как общественном отношении находит свое выражение общественная связь производителей. Необходимость денег связана с противоречием между частным и общественным трудом в капиталистическом обществе, заключает Маркс. «Сама необходимость предварительно превратить продукт или деятельность индивидов в форму *меновой стоимости*, в *деньги*,— пишет он,— дабы в этой *вещной* форме они приобрели и доказали свою общественную *силу*, доказывает два положения: 1) что индивиды производят только для общества и в обществе, 2) что их производство не является *непосредственно* общественным». Критическое рассмотрение концепции «рабочих денег» показало, что предложение прудонистов ликвидировать деньги означает, по существу, установление такой организации производства, при которой труд с самого начала выступает как непосредственно общественный. В ходе анализа прудонистской теории Маркс сделал вывод, что, поскольку деньги порождаются меновой стоимостью продукта, «не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе *меновой стоимости* и *денег* предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством» [30].

Опираясь на создававшуюся им теорию стоимости, Маркс, таким образом, выяснил, что деньги в условиях товарного хозяйства есть следствие стоимости как основы общественного производства и потому могут быть ликвидированы только с уничтожением этой основы.

Итак, первый этап в анализе денег в «Grundrisse» связан с выяснением теоретической несостоятельности прудонистской концепции [31]. В процессе критики теории «рабочих денег» был впервые разработан ряд важнейших положений марксистской теории стоимости, раскрыта связь стоимости с деньгами, доказана необходимость денег в буржуазном обществе как формы разрешения противоречия между потребительной стоимостью товара и его стоимостью, частным и общественным трудом товаропроизводителей. Установление соподчиненности теории стоимости и теории денег имело решающее значение для создания теории денег. Связав теорию денег с теорией стоимости, Маркс тем самым создал основу для правильного решения ключевой проблемы теории денег — вопроса о необходимости денег в товарном хозяйстве.

2. РАЗВИТИЕ ТРУДОВОЙ ТЕОРИИ СТОИМОСТИ В «GRUNDRISSE»

Итак, особенностью рукописи 1857—1858 гг. является то, что разработка собственной теории стоимости ведется Марксом в ходе исследования денег, капитала в процессе производства, т. е. по мере и в результате углубления представлений о более конкретных отношениях буржуазного способа производства. Итогом этого процесса стал вывод о необходимости начать изложение выработанной теории с главы о стоимости, о чем уже шла речь выше.

Важнейшие положения марксистской трудовой теории стоимости были сформулированы в «Grundrisse», прежде всего в «Главе о деньгах». Последовательность изложения в ней в общем такова: критика взглядов Даримона и Прудона — деньги как товар — товар (стоимость) — обмен товаров — деньги — капитал. Структура рукописи отражает тем самым движение от конкретного к абстрактному и восхождение от абстрактного к конкретному.

Первое определение стоимости, которое Маркс дает в «Grundrisse», звучит следующим образом: «Его (товара.— *Авт.*) стоимость — то отношение, в котором этот товар обменивается на другие товары или другие товары обмениваются на него,— равна овеществленному в нем количеству рабочего времени» [32]. Иначе говоря, стоимость — это отношение, которое существует в *обмене* товаров, причем под обменом Маркс подразумевает здесь не только обмен в собственном смысле, но и обмен деятельностью в процессе производства. Обмен же происходит только при условии, что существуют как минимум два товара. Фактически в данном определении содержится мысль, зафиксированная уже в «Нищете философии»: стоимость существует, поскольку наличествуют товары. Стоимость товара может быть определена только *на рынке* при обмене (в отношении) с другими товарами: «Стоимость товара отлична от самого товара. Стоимостью (меновой стоимостью) товар является только в обмене...» [33]

Различие между двумя категориями — товар и стоимость — состоит в том, что товары имеют неодинаковые свойства, высту-

пают как различные *потребительные стоимости* для покупателя, тогда как в категории «стоимость» стираются все специфические потребительные свойства и товар сводится к одному специфическому его качеству — обмениваемости: «Стоимость — это общественное отношение товаров, их экономическое качество».

В то же время стоимость, однако, есть «количественно определенная обмениваемость товара» [34]. Так Маркс переходит к проблеме величины стоимости. Величина стоимости измеряется количеством рабочего времени, причем не индивидуальными затратами рабочего времени, а его средним общественным количеством, которое выражается в стоимостном отношении товаров. Маркс отмечает: «Товар сперва должен быть превращен в рабочее время, т. е. в нечто качественно от него отличное {качественно отличное, ибо, во-первых, товар не есть рабочее время как таковое, а есть материализованное рабочее время; рабочее время не в форме движения, а в состоянии покоя; не как процесс, а как результат; а во-вторых, он есть не овеществление рабочего времени вообще, которое существует лишь в представлении (и которое само есть лишь отделенный от своего качества, различающийся лишь количественно труд), а определенный результат определенного, натурально определенного труда, качественно отличного от других видов труда},— чтобы затем в качестве определенной величины рабочего времени, определенного количества труда быть сравниваемым с другими величинами рабочего времени, с другими количествами труда» [35]. Таким образом, здесь подчеркивается, что определение стоимости товара рабочим временем происходит не в самом процессе производства, а лишь a posteriori, в стоимостном отношении, в обмене. Задача на данном этапе, следовательно, не в том, чтобы исследовать индивидуальный процесс труда или его продукт, а в том, чтобы через призму отношений обмена рассмотреть рабочее время вообще как общественную величину.

Здесь уже определенно можно сказать, что Маркс приближается к развитому затем в работе «К критике политической экономии» понятию «общественно необходимого рабочего времени» [36]. Он указывает на то, что в этом своем качестве рабочее время, труд определены иначе, нежели труд, создающий потребительную стоимость. Различие этих определений Маркс связывает с двояким неодинаковым существованием товара как особенного продукта, с одной стороны, и как меновой стоимости — с другой [37]. По существу, здесь уже сформулировано положение о связи двойственной природы товара («противоречии между особенной природой товара как продукта и его всеобщей природой как меновой стоимости») с двойственным характером заключенного в товаре труда,— положение, являющееся фундаментом Марксовой теории стоимости [38].

Тот факт, что в «Grundrisse» впервые дана характеристика двойственного характера труда, имеет принципиальное значение. Смит и Рикардо различали меновую стоимость и потребительную

стоимость, но не свели осознанно двойственность товара к двойственному характеру его субстанции — труда как труда абстрактного и конкретного. Более того, они постоянно смешивали обе эти определенности товаропроизводящего труда. Поэтому решающе важным является вывод, что субстанция стоимости — это труд, который «представляет собой не такой-то или такой-то определенный труд, а *просто труд,* абстрактный труд, труд, абсолютно безразличный по отношению к своей особенной *определенности...*» [39]. Это был решающий шаг Маркса в разработке теории стоимости.

Разумеется, в «Grundrisse» нет еще той терминологической четкости в отображении абстрактного и конкретного труда как субстанции стоимости и потребительной стоимости, которая появляется в «Капитале». Хотя сами эти понятия фактически уже существуют, терминологически они еще не закреплены, подвижны, изменчивы. Маркс употребляет в различных местах рукописи для характеристики абстрактного труда термины «всеобщий труд», «*просто труд,* абстрактный труд»; для характеристики конкретного труда — «натурально определенный труд», «особый труд», «определенный труд» [40].

Еще более важной особенностью «Grundrisse» по сравнению с «Капиталом» в разработке теории стоимости является то, что товар и деньги с самого начала рассматриваются не изолированно, а в движении обращения. Рассмотрение меновой стоимости во всех ее аспектах является тем общим «эфиром», в котором осуществляется выработка основных положений теории стоимости [41].

Маркс подробно раскрывает количественные пропорции процесса обмена, рассматривая различную роль стоимости и потребительной стоимости через призму процесса обмена товаров. Потребительная стоимость представляет собой натуральную форму, выражает специфические свойства продукта, меновая стоимость опосредствует количественные пропорции обмениваемых продуктов. В этой связи встает вопрос о том, является ли вообще потребительная стоимость предметом политической экономии? Маркс приходит к выводу, что потребительная стоимость при определенных обстоятельствах становится предметом политической экономии: речь идет о потребительной стоимости, в виде которой существует *капитал,* а также вступающий в обмен с ним *труд* [42]. Однако в процессе обращения именно меновая стоимость «есть преобладающее определение», она направляет движение потребительной стоимости. «Как стоимость товар остается одним и тем же, сколько бы метаморфозов и форм существования он ни проходил; в действительности товары обмениваются лишь потому, что они неодинаковы и соответствуют различным системам потребностей» [43]. Важнейшей потребностью капитала является между тем потребность в самовозрастании его стоимости. Но капитал — господствующая сила в буржуазном обществе. В таком случае «не следует ли понимать *стоимость* как единство потребительной и меновой стоимости?» [44].

Этот вопрос, свидетельствующий о постепенном приближении Маркса к действительному исходному пункту создаваемой им теоретической системы, мог быть, и был поставлен уже в связи с рассмотрением в «Главе о капитале» процесса превращения денег в капитал, т. е. ретроспективно.

Ближайшим же образом товар, в образе которого по видимости совпадают потребительная стоимость и меновая стоимость, есть деньги. Поэтому Маркс переходит к анализу денег, подчеркивая: «Меновая стоимость товара как особое наряду с самим товаром существование есть *деньги*, та форма, в которой все товары приравниваются друг к другу, сравниваются, измеряются, в которую все товары превращаются и которая превращается во все товары,— всеобщий эквивалент» [45].

Здесь осуществляется прямой переход от меновой стоимости товара к деньгам, и деньги предстают как развернутая, всеобщая форма стоимости. Это — первый шаг к анализу формы стоимости (последний в скрытом виде присутствует уже в работе «К критике политической экономии» и развит в I томе «Капитала»). В настоящей же рукописи уже дано следующее определение денежной формы стоимости: «...общая для всех товаров форма, в которую они превращаются как меновые стоимости... всеобщий товар» [46]. Маркс уже в этой рукописи показывает, как противоречия, вытекающие из двойственного характера товара, развиваются дальше и находят свое выражение в деньгах. Он объясняет, что в товаре и деньгах происходит овеществление общественных отношений, и тем самым формулирует начала теории товарного фетишизма [47]. «Так как обращение представляет собой некоторую целостность общественного процесса, то оно является также и той первой формой, в которой в качестве чего-то независимого от индивидов выступает уже не просто общественное отношение, как это имеет место, например, у монеты или у меновой стоимости, а само общественное движение в целом. Общественная связь индивидов между собой как ставшая самостоятельной, властвующая над индивидами сила, как бы ее ни представлять себе... есть необходимый результат того, что исходным пунктом здесь не является свободный общественный индивид. Обращение, как первая целостность среди экономических категорий, весьма подходит для того, чтобы сделать это наглядным» [48]. Таким образом, Маркс отмечает, что сфера обмена, во-первых, является той областью общественных отношений, в которой обращение «на поверхности буржуазного общества выступает как нечто непосредственно данное» [49], а потому и нечто порождающее фетишистские иллюзии; во-вторых, он показывает, что фетишизация порождена именно тем, что обращение выступает как некая самостоятельная тотальность. Эта тотальность положена самой формой движения обращения как всеобщего присвоения и всеобщего отчуждения [50].

В чем состоит движение обращения? В бесконечной цепи актов обмена постоянно меняются товар на деньги, деньги на товар.

Первым моментом является обмен товара на другой товар посредством денег, т. е. *Т — Д — Т*. Столь же постоянно осуществляется обмен денег на товар и товара на деньги, т. е. *Д — Т — Д*. Элементы кругооборота, подчеркивает Маркс, имеют, однако, разное назначение: товар выбрасывается из кругооборота в определенном пункте и исчезает (в процессе производства или в личном потреблении), а деньги остаются в обращении как его двигатель, постоянно снова начинают кругооборот [51]. В этих условиях меновая стоимость как цена становится движущим мотивом процесса обращения. Существование стоимости как цены является одновременно предпосылкой обмена, но также и результатом общественного процесса производства [52], т. е. цены как денежные выражения меновой стоимости представляют собой общественные величины, являющиеся предпосылкой и результатом общественного процесса производства.

Простое обращение — это та сфера, в которой осуществляется движение меновой стоимости, товарный и денежный обмен. В этом процессе индивиды противостоят друг другу как владельцы товаров или денег. Товары обмениваются соответственно определенному количеству содержащегося в них всеобщего (абстрактного) труда, общественно необходимого рабочего времени [53]. В этом — содержание процесса обмена. В ходе этого процесса продукт становится товаром, товар — меновой стоимостью, последняя получает особенное существование в виде денег [54]. Однако каковы внутренние причины, в силу которых постоянно возобновляется это движение? Решение данного вопроса выходило за рамки исследования обращения и непосредственно подводило Маркса к анализу капитала, что будет рассмотрено в пятой главе настоящей монографии.

3. ДЕНЬГИ, ИХ СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ

Критика прудонистской концепции денег, исследование внутренних определений товара, прежде всего товарной стоимости, и движения обращения — таковы были предпосылки разработки Марксом вопросов о сущности, природе и функциях денег в капиталистическом обществе.

Их выяснение в «Grundrisse», как впоследствии и в «Капитале», основывалось на ряде предпосылок. Прежде всего, развиваемую в рукописи концепцию сам Маркс охарактеризовал как «теорию металлических денег» [55]. Тем самым он подчеркнул, что при анализе денег отвлекается от многообразных конкретных форм обращения денег на капиталистическом рынке в середине XIX в. и исходит из обращения только полноценных металлических денег, золота и серебра.

Во-вторых, денежный товар, золото и серебро, хотя формально и находился в обращении, реально выполнял в то время преимущественно лишь две функции: меры стоимости и сокровища.

Другие функции выполнялись им уже эпизодически и все чаще передавались знакам и символам. Маркс строит свою теорию металлических денег, предполагая, что благородные металлы в равной мере выполняют все денежные функции.

В процессе последовательного перехода от глубинных сущностных категорий капиталистического способа производства к формам, в которых они проявляются на поверхности капиталистической экономики, Маркс конкретизировал и свою теорию денег[56].

Исходными при изложении теории денег в рукописи 1857—1858 гг. стали прежде всего выводы, к которым Маркс пришел в ходе предшествующих исследований,— определение денег как общественного отношения между товаровладельцами, трактовка их как особого товара, рассмотрение денег как объективного результата исторического развития обмена. «Деньги столь же мало возникают путем соглашения, как и государство. Они стихийно возникают из обмена и в обмене, они его продукт»[57],— пишет Маркс.

Качественно новый момент, привнесенный Марксом в анализ денег в «Grundrisse», связан с решением проблемы необходимости денег в условиях товарного производства, их выведением из стоимости товара. Достигнутые в процессе критического разбора концепции «рабочих денег» результаты анализа стоимости товара Маркс резюмировал следующим образом: «Продукт становится товаром. Товар становится меновой стоимостью. Меновая стоимость товара получает (в деньгах.— *Авт.*) особое существование наряду с товаром»[58]. Цепочку «товар — меновая стоимость — деньги» Маркс выделяет, таким образом, в качестве ключевого вопроса денежной теории. Проблема выведения денег из стоимости была решена в «негативном» разделе главы, посвященном критике взглядов Даримона. Поэтому в «позитивной» части «Главы о деньгах» Маркс сосредоточивает внимание на других, либо вовсе не решенных, либо решенных буржуазной политэкономией неудовлетворительно, проблемах теории денег.

Устоявшемуся в буржуазной политэкономии представлению о том, что роль денег сводится к устранению сложностей обмена, он противопоставил принципиально иное понимание значения денег в процессе товарообмена. Как прослеживается в рукописи, деньги, разрешая, с одной стороны, противоречие между стоимостью и потребительной стоимостью товара, вместе с тем не ликвидируют противоречий товарного производства. Усложнение обмена, обособление купли от продажи товара, возможность их разрыва во времени и пространстве — таков новый круг противоречий, порождаемых деньгами. В характере денег как особого товара Маркс видит новый источник противоречий товарного производства.

Специфическая особенность «Grundrisse» заключается, в частности, в том, что большое место в ней занимает анализ благородных металлов как конкретных носителей денежного отношения.

Маркс впервые в экономической теории поставил эту проблему на научную основу.

Сложность вычленения проблемы благородных металлов как субъектов денежных отношений обусловливалась тем, что функция денежного товара настолько прочно срослась с золотом и серебром, что последние словно бы по самой своей природе становятся деньгами. «Быть деньгами не является природным свойством золота и серебра»,— замечает в связи с этим Маркс; но вместе с тем очевидно, что «деньги — это непосредственно золото и серебро» [59]. В основе этого противоречия лежит общественный процесс, но он остается скрытым. Процесс, говорил Маркс, угасает в своем результате. Домарксова политэкономия молчаливо исходила из положения, что деньги — это золото и серебро, и не ставила вопроса о генетическом выведении из стоимости денег в их конкретной металлической форме. Постановка этой проблемы Марксом, напротив, с необходимостью вытекала из применения разработанного им диалектико-материалистического метода к анализу экономических явлений и категорий, в частности к стоимости товара.

В полной мере проследить генезис денег вплоть до появления их металлической формы Маркс смог, лишь разработав учение о форме стоимости [60]. Иные подходы к этой проблеме намечены в «Grundrisse». Речь идет о проведенном Марксом политико-экономическом анализе благородных металлов как денег. Этот раздел рукописи носит достаточно черновой характер, здесь предпринята попытка систематизировать выписки, касающиеся физических свойств золота и серебра, истории их открытий и применения человеком. «Исследование благородных металлов как субъектов денежного отношения, как воплощения последнего, вовсе не лежит вне области политической экономии, как полагает Прудон»,— считал Маркс, приступая к этому фрагменту рукописи [61]. Маркс исследует золото и серебро как носителей денежного отношения в неразрывной связи с вопросом о необходимости денег в буржуазном обществе. Первоначально, писал он, нужно выяснить, почему деньги должны быть символизированы в определенном товаре. На этом, однако, нельзя ставить точку. Вслед за этим нужно исследовать и сам товар, выполняющий роль общественного эквивалента, поскольку выбор общественного символа далеко не случаен, и он связан не только с природными особенностями денежного товара, а в первую очередь с определенными требованиями, порождаемыми производственными отношениями товарного хозяйства.

Естественные свойства денежного товара должны соответствовать тем общественно-экономическим функциям, которые он выполняет. Опираясь на материалы своих эксцерптных тетрадей начала 50-х гг. по денежному обращению и привлекая конкретные данные своих предшественников в этом вопросе — Джейкоба, Рейтемейера, Дюро де ла Малля, Летрона, Бёка, Гарнье и др.,—

Маркс досконально проанализировал, совокупность каких свойств обусловила в процессе исторического развития выдвижение золота и серебра на роль всеобщего эквивалента. Природные качества — однородность, делимость, портативность, длительная сохраняемость,— присущие благородным металлам, были хорошо известны буржуазным экономистам. Но выявление и рассмотрение этих свойств с точки зрения стоимостных характеристик товара было впервые осуществлено Марксом именно в «Grundrisse».

Примечательно, что позднее — уже в первом выпуске «К критике политической экономии» — Маркс уделил данной проблеме лишь короткий параграф «Благородные металлы» в главе 2 «Деньги», причем в самом его начале заметил: «Вопрос, почему денежным материалом служат золото и серебро, а не другие товары, выходит за пределы буржуазной системы. Поэтому мы лишь кратко изложим наиболее существенные положения» [62]. В I томе «Капитала» данный вопрос вообще уже не рассматривается: Маркс берет в качестве эмпирической предпосылки то обстоятельство, что золото представляет собой основу денежной системы тогдашней Англии.

Такое изменение отношения Маркса к значению вопроса о благородных металлах в последующих работах вполне объяснимо. Ведь рассмотрение истории трансформации денежной системы в лучшем случае может дать ответ на вопрос о том, как стало деньгами *золото*. Между тем задача, которую не смогла решить предшествующая наука и которую ставил перед собой Маркс [63], заключалась в том, чтобы показать, как деньгами становится *товар*. Анализ в I томе «Капитала» товара и его внутренних противоречий привел, между прочим, к тому результату, что Маркс раскрыл объективные основы товарного фетишизма, т. е. показал, в силу каких обстоятельств общественные отношения выступают в буржуазном обществе как природные свойства вещей. Вместе с тем поскольку деньги были определены как особый товар, постольку решена была и проблема денежного фетишизма: Маркс отмечает в «Капитале», что «загадка денежного фетиша есть лишь ставшая видимой, слепящая взор загадка товарного фетиша» [64]. Поэтому, видимо, отпала и необходимость в детальном объяснении того, в силу каких своих природных свойств и как благородные металлы становятся деньгами.

Внимательный анализ показывает, что уже в самих «Grundrisse» были заложены предпосылки для такого последующего изменения отношения Маркса к данной проблеме. Не случайно он замечает, что, заняв место денежного товара благодаря своим специфическим природным качествам, золото в своей общественной роли всеобщего эквивалента утрачивает связь со своими изначальными свойствами. «Понимание золота и серебра в качестве денег тем труднее, что их непосредственная потребительная стоимость для живого индивида никак не связана с этой их ролью и что вообще в них, как воплощении чистой меновой стоимости,

стерто всякое воспоминание о потребительной стоимости в отличие от меновой стоимости» [65]. Таким образом, потребительная стоимость денег как всеобщего эквивалента есть нечто пассивное: не она выражает себя в стоимостях всех других товаров, а, напротив, эти товары выражают свою стоимость в потребительной стоимости денег. Маркс подходил к пониманию того, что специфика денег, в том числе и золотых, может быть раскрыта не на пути исследования особенностей их потребительной стоимости, а лишь через посредство рассмотрения общественного отношения всего товарного мира к деньгам.

С другой стороны, такое пристальное внимание к проблеме благородных металлов, т. е. потребительной стоимости денег буржуазного общества, которое проявлено Марксом в «Grundrisse», позволило ему предельно отчетливо сформулировать некоторые характеристики, отсутствующие в позднейших работах. Так, он отметил, что, относительно обособляясь от других товаров, золото в то же время остается таким же товаром, как и другие товары. «Деньги выдают себя за всеобщий товар, но, ввиду своей натуральной особенности, они в свою очередь являются некоторым особенным товаром, стоимость которого зависит от спроса и предложения и изменяется вместе с изменением их специфических издержек производства»,— писал Маркс [66]. Тем самым «деньги вступают в противоречие с самими собою и со своим определением в результате того, что они сами являются *особым* товаром...» [67]. В этой двойственности монетарного товара Маркс вскрыл еще один важный источник противоречий капиталистического способа производства [68].

К числу важных вопросов теории денег, разработанных в «Grundrisse», относится вопрос о функциях денег. Его исследование занимало существенное место в экономических эксцерптах Маркса начала 50-х гг. Уже тогда, ознакомившись с тем, как решали этот вопрос его предшественники, Маркс, как отмечалось, фактически выявил все функции денег: меры стоимости, средства обмена, средства платежа, сокровища, мировых денег. Но установить их взаимную обусловленность, проследить их развитие и соотношение между ними удалось впервые только в «Grundrisse». Это обусловлено тем обстоятельством, что систематический анализ функций денег мог быть осуществлен только на базе исследования товара и стоимости.

Вначале функции рассматриваются Марксом в качестве однопорядковых свойств денег: «1) как меры товарного обмена, 2) как средства обмена, 3) как представителя товаров (поэтому как предмета контрактов), 4) как всеобщего товара, существующего наряду с особенными товарами...» [69], т. е. без проведения разграничения между сущностной характеристикой денежного товара как всеобщего эквивалента и его функциями. Однако по мере углубления анализа денег функции выделяются как предмет специального исследования.

В субординации денежных функций, их логическом порядке Маркс находит отражение логического развития определений денег, которое, в свою очередь, связано с развитием определений стоимости. Диалектический анализ функций денег, т. е. показ их внутреннего развития, выведение одних функций из других, требовал выявления исходной функции. Маркс впервые устанавливает в рукописи, что таковой является функция меры стоимости. Функциональное место денег как меры стоимости определяется у Маркса не историческими факторами, хотя этот момент и принимается во внимание [70]. Маркс называет ее исходной прежде всего потому, что именно в мере стоимости непосредственно выражается сущность денег как всеобщего эквивалента, как отделившейся от товара стоимости. Следовательно, именно функция меры стоимости ближайшим образом связана со стоимостью товара и потому является базисной по отношению к другим функциям.

Существенная черта исследования функций денег в рукописи 1857—1858 гг. состоит в выявлении внутренних противоречий каждой функции, разрешением которых становится следующая функция. Так, противоречивость функции меры стоимости заключалась в том, что, выражая стоимость товара, будучи абстрактным бытием всеобщего общественного труда, деньги выступают в этом качестве идеально. Это противоречие разрешает функция средства обращения. Исторически же ее развитие, как прослеживает Маркс, связано с углублением общественного разделения труда и развитием обмена, постепенным превращением товарного производства во всеобщую форму. Если в непосредственном товарообмене складывается лишь функция денег как меры стоимости, то умножение количества обменов и усложнение товарных связей требуют всеобщего средства обмена, опосредствующего реализацию товарных стоимостей. Функция средства обращения неотделима, следовательно, от функции меры стоимости, но по отношению к последней она носит производный характер.

Рассмотрение процесса обращения товаров как многократно повторяющегося процесса позволило Марксу выйти на третью функцию денег — сокровища. В кругообороте $Д — Т — Т — Д$ деньги функционируют не только как мера стоимости и средство обращения. Они явственно выступают здесь как непосредственная цель обмена, реализация которой означает уход денег из сферы обмена. «Суть заключается в том, что золотом *не* пользуются как деньгами; здесь важна форма, противоположная обращению» [71].

Таким образом, третья функция денег представляет собой, в понимании Маркса, диалектическое отрицание своего определения как средства обращения и своего определения как меры. Она, с одной стороны, подразумевает потенциально выполнение деньгами двух первых функций, а с другой,— поскольку деньги выходят из обращения, их отрицает. Поэтому для характеристики функции денег как сокровища по отношению к функциям как меры стоимости и средства обращения Маркс употребляет тер-

мин «отрицательное единство». Являясь в функции сокровища всеобщей формой богатства, его материальным представителем и действительным бытием стоимости товара, деньги уже не могут одновременно быть идеальной мерой стоимостей. «Определение меры должно быть здесь положено в них самих» [72].

Если для денег как меры стоимости не имело значение их количество, а для функции средства обращения было безразлично их материальное содержание, то в функции сокровища, как устанавливает Маркс, количество денег как определенной части всеобщего богатства играет уже существенную роль. Умножение размеров этого богатства, *накопление* денег, становится определяющим мотивом поведения как отдельного индивида, так и отдельных наций в целом. «Это изъятие денег из обращения и *накопление* их выступают как существенный объект жажды обогащения и как существенный процесс обогащения» [73].

Анализ функции денег как сокровища занимает важное место в «Главе о деньгах», поскольку именно с бытием денег в этом качестве связан непосредственный переход денег в капитал также и исторически. «Накопление золота и серебра, денег,— пишет Маркс,— есть первое в истории появление собирания капитала и первое мощное средство для этого собирания» [74]. Маркс показывает, что хотя функция сокровища отражает более высокую ступень в развитии денег как самостоятельного бытия стоимости, ею не завершается поступательное развитие денег.

Функция сокровища, так же как предшествующие ей функции меры стоимости и средства обращения, характеризуется новыми противоречиями. Деньги в этой функции должны представлять стоимость как таковую, быть *всеобщим* бытием общественного богатства, а в действительности они оказываются *определенным количеством* благородного металла, стоимость которого подобно любому товару подвержена изменениям. Будучи изъятыми из обращения, деньги противостоят реальному богатству капиталистического общества. Если же они обмениваются на отдельные *особые* виды богатства, т. е. реализуются, то они исчезают в обмене и перестают быть самостоятельным бытием всеобщего общественного богатства. Поэтому Маркс пишет об отрицании денег как таковых в функции сокровища, их уничтожении как меновой стоимости.

Накопление денег как самоцель, если за ним не стоит умножение реальных материальных ценностей, оказывается, как говорит Маркс, «чистой абстракцией», «химерой». Но для осуществления процесса увеличения общественного богатства необходимо, чтобы деньги не оседали вне обращения, а вновь непрерывно поступали в него, отрицали себя как сокровище, как всеобщую форму богатства. Это противоречие находит разрешение в превращении денег в капитал.

Таким образом, глубокий и всесторонний анализ трех основных функций денег, выявление их внутренних противоречий позволили Марксу установить единство и различие этих функций,

проследить диалектику перерастания одних функций в другие вплоть до перехода денег в капитал. Капитал в результате этого анализа предстает как качественно новое состояние самой стоимости, в котором она, наконец, получает свое наиболее полное развитие. То есть в процессе разработки теории денег в «Grundrisse» Маркс впервые детально проследил развитие денег в капитал, подтвердив вывод о генетическом единстве этих категорий с точки зрения диалектического развития стоимости. С другой стороны, в «Главе о деньгах» очевидным образом прослеживается стремление Маркса обосновать каждый шаг, каждый переход в рассмотрении функций денег также и историческим путем.

Однако основная задача исследования заключалась в выяснении внутренней структуры *капиталистического* способа производства.

В экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс сделал, таким образом, важнейшие шаги в разработке своей теории денег. Была впервые теоретически обоснована необходимость получения стоимостью обособленной формы выражения в условиях капиталистического хозяйства, проанализированы функции денег как меры стоимости, средства обращения и сокровища, установлено, почему функция денежного товара закрепляется в процессе исторического развития обмена за благородными металлами. Таким образом, Маркс существенно продвинулся в понимании места денег в системе капиталистических производственных отношений.

Вместе с тем отсутствие в первом варианте «Капитала» развернутого анализа товара и производящего его труда, формы стоимости не позволяло систематически проследить, как развитие противоречия между общественным и частным трудом привело к появлению денежной формы. В стадии выработки находилась и терминология; Маркс отождествляет пока «стоимость» и «меновую стоимость», что сказывается на четкости формулировок, их адекватности существу содержащихся выводов. К числу почти не затронутых им в рукописи частных вопросов теории денег относились функции денег как средства платежа и мировых денег, формулировка закона, определяющего количество денег в обращении.

В этой связи интерес представляет написанный на основе рукописи 1857—1858 гг. первоначальный вариант «К критике политической экономии», где Маркс впервые рассматривает функции денег как средства платежа и мировых денег. Появление функции средства платежа выступает здесь как закономерный этап в поступательном развитии денег, связанный с укрупнением масштабов капиталистического производства, усложнением обмена, развитием кредита. Сопоставляя функции денег как средства обращения и средства платежа, Маркс делает вывод, что обращение капитала требует функционирования денег в качестве платежного средства, поэтому последней принадлежит будущее, в то время как обращение денег в качестве простого посредника купли-продажи будет все более сокращаться. Следует подчеркнуть, что у

Маркса речь идет не о докапиталистических формах товарного производства, а о внутренних изменениях капиталистического товарообмена, когда товарная форма стала всеобщей формой производства. Дальнейший путь развития денег подтвердил этот вывод Маркса.

Анализ функции денег как средства платежа позволил Марксу конкретизировать сформулированный в самой общей форме в рукописи 1857—1858 гг. закон необходимого количества денег в обращении [75]. Он установил, что сумма требующихся в каждый отдельный момент наличных денег определяется только теми платежами, по которым наступил срок оплаты. Функция средства платежа играет, таким образом, важную роль в экономии наличных денежных средств общества [76].

Завершение исследования денежных функций на внутреннем капиталистическом рынке позволило Марксу перейти в первоначальном тексте «К критике политической экономии» к анализу мировых денег. Материальную основу их возникновения Маркс видит в расширении международных связей, выхода товарного производства за национальные границы. Этот процесс, по существу, стал развиваться только в 30—40-е гг. XIX в. Поэтому, замечает Маркс, даже такой глубокий исследователь капитализма, как Рикардо, не подозревал, какое значение приобретут деньги как международное покупательное и платежное средство [77].

Мировые деньги Маркс рассматривает здесь не как качественно новое определение денег. «Напротив, это лишь те же деньги в той универсальности их проявления, которая соответствует всеобщности их понятия; это их наиболее адекватный способ существования, в котором они на деле являют себя как *универсальный товар*» [78]. В мировой торговле деньги поэтому выполняют те же функции, что и на внутреннем рынке. Вместе с тем, показывает Маркс, выход денег на международный рынок вносит определенные модификации в их функционирование как международного средства обмена. В мировой торговле золото и серебро оцениваются только по своему весу, без учета их национальной чеканки. В этом смысле Маркс говорит о фактической демонетизации денег на мировом рынке [79].

В этой части первоначального текста «К критике политической экономии» Маркс затрагивает также и ряд других проблем денежной теории. Он выявляет новые грани в анализе функций меры стоимости, средства обращения и сокровища в связи с характеристикой функций средства платежа и мировых денег, создает новый вариант раздела о благородных металлах как носителях денежного отношения, углубляет исследование проблемы перехода от денег к капиталу.

Таким образом, завершение анализа денег непосредственно подводило Маркса к рассмотрению капитала как основы буржуазного общества, к раскрытию процесса производства прибавочной стоимости.

Глава V

РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ

1. РАЗРАБОТКА ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Создание теории прибавочной стоимости, анализ механизма капиталистической эксплуатации — главное достижение Маркса в рассматриваемый период. Отправным пунктом для него послужила разработка теории денег и стоимости в рукописи 1857—1858 гг., которая дала возможность перейти к анализу отношений между наемным трудом и капиталом. В самом деле, двойственный характер того специфического товара, который является предметом обмена между рабочим и капиталистом, мог быть исследован только после того, как был проанализирован двойственный характер товара вообще и на этой основе совершен переход к двойственному характеру труда. Что же касается выяснения различной роли постоянного и переменного капитала в процессе производства, то оно было осуществлено Марксом уже в ходе непосредственной разработки теории прибавочной стоимости.

1.1. Переход от денег к капиталу и товар «способность к труду»

Маркс отмечал, что в теории, так же как и в капиталистической действительности, именно «понятие стоимости предшествует понятию капитала» [1]. Поэтому, продолжает он, «для того чтобы развить понятие капитала, нужно исходить не из труда, а из стоимости, и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения» [2]. Но анализ процесса обращения, так же как и его простых форм, показал Марксу, что *«обращение в себе самом не несет принципа своего самовозрастания. Моменты обращения предпосланы обращению,* а не создаются им самим... обращение, которое на поверхности буржуазного общества выступает как нечто непосредственно данное, существует лишь постольку, поскольку оно всегда опосредовано... Непосредственное бытие обращения оказывается поэтому чистой видимостью. *Обращение есть внешнее проявление процесса, протекающего позади обращения»* [3]. Этим процессом является процесс производства. «Таким образом,— констатирует Маркс,— мы опять добрались до исходного пункта, до полагающего, создающего меновые стоимости *производства...»* [4]

Рассмотрение обращения под этим углом зрения приводит к тому пункту, где исследование должно выйти за рамки этой поверхностной сферы и углубиться в сферу производства. Обращение возвращается к производству «как к своей основе» [5]. В качестве таковой производство представляет собой, с одной стороны, абстрактный труд, «производство товаров трудом», а с другой — «производство их в качестве меновых стоимостей» [6].

Вместе с тем Маркс, опираясь на весь предшествующий анализ в рукописи 1857—1858 гг., подчеркивает необходимость *выведения* капитала из меновой стоимости. «Капитал есть сумма стоимостей, употребляемая для производства стоимостей... это означает, что капитал есть сама себя воспроизводящая меновая стоимость» [7]. Дальнейшее движение заключается в том, что меновая стоимость получает в сфере производства новые определения: «*Наемный труд,* с одной стороны, *капитал* — с другой, представляют собой лишь другие формы развитой меновой стоимости и денег как ее воплощения» [8].

Уже здесь намечены многие важные посредствующие звенья для определения труда, рабочей силы как такого товара, посредством которого капитал становится самовозрастающей стоимостью. Тем не менее следует констатировать, что анализ перехода от денег к капиталу в самом тексте рукописи 1857—1858 гг. проведен достаточно схематично. Во многом это объясняется тем, что Маркс в это время еще до конца не решил судьбу главы о производстве вообще.

С завершением «Grundrisse», когда все более становилось ясным, что анализ необходимо начинать с товара как элементарной формы буржуазного богатства, важность данного отдела в теоретическом отражении буржуазного способа производства становилась для Маркса все более очевидной. И он в первоначальном варианте «К критике политической экономии» возвращается к этой проблеме. Но здесь он дает ее решение в развернутой, систематической форме.

Необходимость рассмотреть данную рукопись, которая создавалась непосредственно на основе «Grundrisse», обусловлена еще и тем, что в окончательном тексте I тома «Капитала» переход от денег как таковых к их превращению в капитал выражен лишь в предельно сжатой, концентрированной форме и в сочетании с указанием на исторический генезис капитала [9].

Эмпирической предпосылкой исследования превращения денег в капитал является господство в обществе капиталистического способа производства. «...Вся система буржуазного производства является предпосылкой для того, чтобы меновая стоимость выступала на его поверхности как простой исходный пункт, а процесс обмена — в том виде, в каком он раскрывается в простом обращении — как простой, но *охватывающий как все производство, так и все потребление, общественный обмен веществ*» [10].

Без названной эмпирической предпосылки диалектическое рассмотрение предмета как живого конкретного целого было бы невозможным. И только потому, что с самого начала развертывания теоретической системы «как в действительности, так и в голове» дано зрелое буржуазное общество, переход от товара и денег к отражению процесса превращения денег в капитал (а затем и к анализу непосредственного процесса капиталистического производства) оказывается внутренне необходимым, соответствующим связям между объективными экономическими отношениями развитого капитализма.

Непосредственными объектами исследования в первых двух главах «К критике политической экономии» являлись товар (как покоящееся бытие), отношение товара к деньгам (т. е. меновое отношение) и процесс простого товарного обращения, которому в буржуазной действительности соответствует мир товаров, как он предстает на поверхности явлений, на рынке, в сфере обращения, в его внешней самостоятельности от процесса производства. Поскольку товарное обращение рассматривается в качестве одностороннего, абстрактного отношения буржуазного общества, его и можно определить как *простое,* отличающееся от других, *сложных,* более конкретных отношений и процессов *данного* реального субъекта. Но это простое отношение не отрывается от связей с последними. Более сложные производственные отношения составляют предпосылку «простых отношений покупок и продаж», однако, как отмечал Маркс, *«с точки зрения простого обращения эти отношения стерты»* [11]. Под более сложными отношениями понимаются прежде всего купля-продажа рабочей силы и процесс пропзводства товаров, которые составляют непосредственный предмет анализа в дальнейшем изложении.

Рассматриваемый переход трактуется Марксом как отрицание «формального характера» простого обращения и его «непосредственного бытия». Его непосредственность, равно как и самостоятельность денег, оказывается «чистой видимостью», внешним проявлением «процесса, проистекающего позади обращения». Поскольку обращение как таковое не может самовоспроизводиться, оно необходимо должно перейти в такую форму, которая создает предпосылки для дальнейшего его возобновления. «Простое обращение является... абстрактной сферой буржуазного процесса производства в целом, которая посредством своих собственных определений показывает себя как момент, как всего лишь форму проявления некоторого лежащего позади обращения, из него вытекающего и его производящего более глубокого процесса — промышленного капитала» [12].

$Т — Д — Т$ как обмен наличных товаров является таким формальным процессом, в результате которого происходит, по выражению Маркса, «снятие определений формы». Товар как потребительная стоимость, переходя в сферу потребления, заканчивает свое обращение и не порождает дальнейших определений эконо-

мических форм. Что касается стоимости, то в процессе товарного метаморфоза она получает лишь самостоятельную форму в виде денег. Обращение $Т — Д — Т$ со стороны потребительной стоимости товара заканчивается, таким образом, превращением товара в реальный предмет потребления, а со стороны стоимости — ее обособлением в форме денег. «Поэтому,— заключает Маркс,— для того, чтобы проследить дальнейшее определение формы, возникающее из самого движения обращения», необходимо придерживаться такого процесса, в котором стоимость «получает свое дальнейшее развитие; получает через посредство самого процесса обращения более глубокие определения», т. е. необходимо «придерживаться стороны развития денег, формы $Д — Т — Д$» [13]. В этой форме сама стоимость выступает как процесс, как «отношение к самой себе через посредство процесса обращения» [14].

Обращение перестает быть лишь формальным движением стоимостей товаров, заранее ему предпосланных. Оно утрачивает формальный характер, превращаясь в процесс производства и воспроизводства стоимостей. После этого производство «уже не наличествует до своих результатов, т. е. оно не предположено заранее, а выступает как такое производство, которое... само порождает эти результаты...» [15]. Потребление товара становится «полаганием стоимости». Но это «возможно лишь постольку, поскольку товар потребляется трудом, поскольку его потребление выступает как опредмечивание... труда и поэтому — как созидание стоимости» [16].

Так доказывается Марксом в первоначальном варианте «Первого выпуска» необходимость перехода к рассмотрению обмена между овеществленным и живым трудом. Единственной противоположностью деньгам как опредмеченному, овеществленному труду является лишь «субъективный труд», живой труд. Но такой труд может быть налицо «только как *сила,* возможность, способность, *рабочая сила* живого субъекта» [17]. Поэтому деньги становятся капиталом лишь благодаря обмену между владельцами денег и владельцами живой рабочей силы.

В связи с рассмотрением этого перехода от простого товарного обращения к превращению денег в капитал Маркс писал: «В этом пункте обнаруживается с полной определенностью, что диалектическая форма изложения верна только в том случае, если она знает свои границы» [18]. Дело в том, что из денег как самостоятельной формы стоимости и простого товарного обращения непосредственно невозможно генетически вывести капитал как самовозрастающую стоимость. Анализ денег и простого обращения приводил лишь к выводу о том, что возрастание стоимости возможно, если товар «потребляется трудом», поскольку только в таком случае потребление выступает как «опредмечивание труда», как процесс созидания стоимости. Но на предшествующей ступени объектами анализа были только товары вообще и деньги как таковые и их отношение друг к другу (простое обращение).

При такой предпосылке самовозрастание стоимости объективно оказывается невозможным. Если из внутренних противоречий товара и простого обращения с необходимостью выводились деньги, то из противоречий, присущих деньгам, непосредственно не вытекает процесс превращения денег в капитал, процесс самовозрастания стоимости. В этом здесь и обнаруживается граница диалектической формы изложения.

Преодоление этой границы без какого-либо нарушения внутренне необходимых связей исследуемого предмета стало возможным благодаря тому, что заранее предположено существование внутри зрелого буржуазного общества рынка труда. Только через посредство рынка труда простое товарное обращение может привести к превращению денег в капитал. И если при простом обращении содержание потребительных стоимостей товаров было, по выражению Маркса, безразличным и «выпадало из экономического определения формы», то при определении капитала как самовозрастающей стоимости содержание потребительной стоимости, в которую превращаются деньги, становится «существенным экономическим моментом самого определения формы» [19]. Таким специфическим содержанием обладает, как показал Маркс, потребительная стоимость товара рабочая сила.

Поскольку владелец денег находит на рынке, «в пределах обращения», рабочую силу как товар, постольку и деньги превращаются в капитал. Такие условия существуют в буржуазном обществе и как таковые составляют готовую, фактически данную предпосылку исследования. Маркс как раз и придерживается этой предпосылки, так же, как из нее «исходит в своем процессе производства буржуазное общество» [20]. В этом заключается одна из особенностей диалектико-материалистического метода развертывания теоретической системы. Но принятые вначале без доказательства, просто как известные факты, предпосылки в дальнейшем изложении получают теоретическое научное объяснение, поскольку они становятся результатом определенных экономических процессов, внутренне присущих капиталистическому способу производства.

В самом тексте рукописи 1857—1858 гг. Маркс всесторонне рассматривает отношение, в которое вступают капитал и наемный труд. Трудность анализа капиталистического производственного отношения, обмена между рабочим и капиталистом, заключается в том, что по видимости рабочий продает свой труд; иными словами, видимость данного явления резко противоречит сущности. (Впрочем, как метко заметил впоследствии Маркс, «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня» [21].) Неэквивалентный, по существу, обмен между рабочим и капиталистом осуществляется, а следовательно, и должен быть объяснен, в рамках закона стоимости, на основе обмена эквивалентов. Маркс замечает, что капитал «представляет собой силу, присваивающую себе чужой труд *без обмена,*

без эквивалента, однако под видом обмена»[22]. Анализ обмена между трудом и капиталом в рукописи 1857—1858 гг. построен на выясненном прежде — в «Главе о деньгах» — двойственном характере товара, выступающего в качестве диалектического единства потребительной стоимости и стоимости. В обмене между капиталом и трудом Маркс выделяет два качественно различных, но внутренне связанных процесса: 1) собственно обмен между рабочим и капиталистом, в ходе которого последний «получает в обмен такую производительную силу, которая сохраняет и умножает капитал»[23]; 2) самый процесс труда, в котором происходит это сохранение и умножение капитала. Проведенное различение сразу же позволило установить, что первоначальным объектом сделки между рабочим и капиталистом не является труд рабочего, выражающий потребительную стоимость продаваемого товара и происходящий на второй стадии данного обмена деятельностью. К тому же рабочий, не являясь собственником средств производства, не может быть также и хозяином процесса труда, а следовательно, и собственником продукта труда. Все это принадлежит капиталисту, выступающему организатором и руководителем процесса труда.

Что же в действительности продает рабочий капиталисту? *«При обмене между капиталом и трудом,*— пишет Маркс,— *первый акт представляет собой обмен, всецело относится к обыкновенному обращению»*[24]. Маркс исходит из того, что первая стадия в обмене между капиталом и трудом является товарной сделкой, совершающейся на основе строго эквивалентного обмена. Анализируя товар, являющийся объектом этой сделки, Маркс формулирует следующее положение: «В отношении между капиталом и трудом... одна сторона (капитал) противостоит другой прежде всего как *меновая стоимость,* а другая сторона (труд) противостоит капиталу прежде всего как потребительная стоимость»[25]. Здесь Марксом сделан существенный шаг в переходе от обычной формулы буржуазных экономистов о «труде — товаре», о «продаже труда» к товару рабочая сила. Труд в этом рассуждении Маркса выступает уже не как товар, а всего лишь как потребительная стоимость того товара, который рабочий продает капиталисту.

Что же является для капиталиста потребительной стоимостью покупаемого у рабочего товара? Очевидно, способность рабочего в процессе труда создавать новые стоимости, не только сохранять, но и увеличивать капитал. Живой труд рабочего, как было показано Марксом далее, как раз и является реализацией такой потребительной стоимости. Ее специфическая особенность заключается в том, что она «не материализована в продукте, вообще не существует вне рабочего, следовательно, существует не действительно, а лишь в возможности, как его способность»[26]. В этом положении развита мысль, впервые сформулированная, как было показано в главе I, уже в «Наемном труде и капитале»: рабочий продает капиталисту не «труд», а свою «способность к труду».

Уяснение данного вопроса позволило Марксу закрепить его и терминологически. Изучение текста рукописи 1857—1858 гг. позволяет наглядно увидеть это. В словах «рабочий за [стоимость] своей способности к труду, выступающую как некоторая наличная величина», Маркс последовательно заменяет термин «Arbeit» термином «Arbeitsvermögen», а этот последний — термином «Arbeitsfähigkeit» [27]. (Впоследствии Маркс отдавал предпочтение термину «Arbeitsvermögen», а затем, как отмечалось,— термину «Arbeitskraft».)

На основе выделения товара «способность к труду» возможно стало рациональное объяснение того факта, что «в качестве необходимого закона... обмена между капиталом и трудом выступает *отделение собственности от труда*» [28]. Если исходить из продажи труда, то результат обмена кажется парадоксальным: рабочий является собственником «труда» и в то же время не является собственником продукта труда; налицо явное нарушение эквивалентного обмена, вызвавшее, как впоследствии показал Маркс в «Теориях прибавочной стоимости», немало споров и волнений как в буржуазной, так и в социалистической литературе [29].

Выяснив в общих чертах специфическую особенность потребительной стоимости товара «способность к труду», Маркс переходит к рассмотрению его стоимости, определяемой тем количеством труда, которое требуется для производства и воспроизводства рабочего и его семьи; ведь данный товар неотделим от него самого.

В «Grundrisse» заработная плата впервые выступает как цена товара «способность к труду», адекватно выражающая его стоимость. Характеризуя круг жизненных средств рабочего, Маркс, во-первых, отмечает, что «относительное, только количественное, а не качественное, и лишь через посредство количества становящееся качественным, ограничение круга потребления рабочих придает им и как потребителям совсем иное, более важное значение агентов производства»; во-вторых, Маркс говорит о «физических, социальных и т. д.» потребностях рабочего, удовлетворяемых его заработной платой. Маркс отмечает как «существенный момент цивилизации» ту сторону отношения между трудом и капиталом, которая связана с ростом потребностей рабочего, с тем участием, «которое рабочий принимает в потреблении более высокого порядка, а также и в духовном потреблении,— агитация за свои собственные интересы, выписка газет, посещение лекций, воспитание детей, развитие вкуса и т. д.» [30]. (Подходы к такой постановке вопроса уже содержатся в небольшой рукописи «Размышления», созданной Марксом в 1851 г. [31])

Таким образом, в первоначальном варианте «Капитала» Маркс окончательно отказался от концепции минимума заработной платы. Полемизируя с буржуазными экономистами, призывающими рабочих делать сбережения, Маркс пишет, что «это есть требование того, чтобы рабочие всегда придерживались минимума в пользовании жизненными благами» [32]. Правда, в самой рукописи

1857—1858 гг., так же как и в составленных на ее основе «Рефератах к моим собственным тетрадям», Маркс говорит о том, что «рабочий всегда получает лишь необходимый минимум заработной платы» [33], по-видимому, имея в виду не то, что она в принципе не может подняться выше, как он полагал ранее, а то обстоятельство, что к такому минимуму ее стремятся свести (и, как правило, добиваются этого) капиталисты. Однако в одной из тетрадей с выписками, относящейся к рассматриваемому периоду («Тетрадь с цитатами», с. 33 и 59), Маркс уже выделил два понятия: «средний минимум заработной платы» (Average Minimum des Salairs) и «средняя заработная плата» (Durchschnittsarbeitslohn); в наброске плана третьей главы «К критике политической экономии» он следующим образом определил соотношение между ними: *«Средняя заработная плата...* При нашем рассмотрении [этого вопроса] необходимо *исходить из минимума»* [34].

Впоследствии — в рукописи 1861—1863 гг. и в работе «Заработная плата, цена и прибыль» — Маркс уточнил свою позицию по данному вопросу. Кроме того, категория заработной платы была представлена им как иррациональная форма стоимости рабочей силы, с необходимостью породившая извращенные представления буржуазной политической экономии и рикардианского социализма.

1.2. Исследование процесса производства капитала

Итак, в результате первой стадии обмена между капиталом и трудом в распоряжение капиталиста перешел живой труд рабочего, причем для капиталиста нужен просто труд, «...абстрактный труд, труд, абсолютно безразличный по отношению к своей особенной *определенности,* но способный к любой определенности» [35]. В этом заключается экономическая основа всесторонней подвижности рабочего, которой Маркс придавал большое значение. «Быть носителем труда как такового — т. е. труда как *потребительной стоимости* для капитала — вот в чем состоит экономический характер рабочего...» [36] Потребительная стоимость товара «способность к труду», приобретаемая капиталистом, заключается в способности рабочего создавать в процессе труда новую стоимость, не только сохранять, но и увеличивать капитал. Реализация этой потребительной стоимости происходит в процессе живого труда, который, по определению Маркса, выступает «...не как предмет, а как деятельность; не как то, что само есть *стоимость,* а как *живой источник* стоимости» [37].

Анализ второй стадии в рассматриваемом обмене привел Маркса к научному обоснованию прибавочной стоимости, к объяснению механизма капиталистической эксплуатации. Для этого были созданы все предпосылки, включая разделение капитала на различные компоненты, сообразно их роли в процессе создания стоимости. Маркс выявил принципиально различную роль постоянного и переменного капитала в процессе формирования стоимости про-

дукта. Это, в свою очередь, оказалось возможным только в результате уже исследованного в рукописи 1857—1858 гг. двойственного характера труда: конкретный труд переносит на продукт стоимость средств производства, абстрактный труд создает новую стоимость. Маркс показывает, что «овеществленное в капитале рабочее время является... суммой, состоящей из трех частей: *a)* из рабочего времени, овеществленного в сырье; *b)* из рабочего времени, овеществленного в орудии; *c)* из рабочего времени, овеществленного в цене труда. Части *a* и *b* остаются в качестве частей капитала неизменными; хотя в ходе процесса они и меняют свой вид, свой материальный способ существования, но как стоимости они остаются неизменными. Только часть *c* обменивается капиталом на нечто качественно другое: данное количество овеществленного труда обменивается на некоторое количество живого труда» [38]. Этот обмен и интересует Маркса в первую очередь.

Он рассматривает избыток стоимости продукта над стоимостью средств производства, получающийся в результате затраты живого труда, и ставит вопрос о соотношении между той стоимостью, которую капиталист выплачивает рабочему в виде заработной платы, и той, которую живой труд создает в процессе производства: «...разграничение между неизменяющейся стоимостью, как такой частью капитала, которая просто сохраняется... и между той частью капитала, которая производится вновь,— существенно важно». Таким образом, Марксом фактически уже проведено различие между постоянным капиталом *(c)*, переменным капиталом *(v)* и вновь созданной стоимостью *(v+m)*. Очевидно, что прибавочная стоимость *(m)* существует только в том случае, если вторая величина меньше третьей. Прибавочная стоимость и определяется Марксом как разность между той стоимостью, которую живой труд создает в процессе производства, и той стоимостью, которую капиталист уплачивает рабочему в виде заработной платы. Критикуя попытки буржуазных экономистов вывести прибавочную стоимость не из процесса капиталистического производства, а из простого обращения, интерпретировать ее в качестве «прибыли от отчуждения», Маркс пишет: «Прибавочная стоимость была бы тогда чисто номинальной, фиктивной, условной, была бы просто фразой» [39]. Первоначально в тексте рукописи был употреблен термин «прибыль» (Profit), замененный Марксом на впервые примененный здесь термин «прибавочная стоимость» (Mehrwert) [40].

Этот термин применялся Марксом и прежде, но в ином значении. В одной из своих ранних статей, написанной в октябре 1842 г., Маркс несколько раз использует термин «Mehrwert» для обозначения добавочной стоимости, штрафа, получаемого лесовладельцами за кражу у них леса [41]. В парижских выписках из работ Смита и Рикардо Маркс также употребляет данный термин, причем во французском издании работ Смита и Рикардо в этих случаях фигурируют термины «стоимость» (valeur) и «бóльшая стоимость» (plus de valeur) [42]. Английский и французский варианты

термина «прибавочная стоимость» (surplus value и plus-value), но не в Марксовом его значении, как отмечал Энгельс, применялись соответственно в научной литературе и в повседневной деловой жизни [43].

Разумеется, открытие и исследование Марксом категории прибавочной стоимости не сводится к созданию соответствующего термина, хотя правильная терминология играет, как известно, огромную роль в развитии научного мышления. Энгельс обращает внимание на то, что «даже классическая политическая экономия... никогда не исследовала... неоплаченной части продукта... в ее совокупности, как целое. Поэтому она никогда не доходила до ясного понимания... ее происхождения и природы» [44]. Отсутствие у буржуазных экономистов термина «прибавочная стоимость» — свидетельство их неспособности выделить соответствующую категорию «в чистом виде» [45].

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс впервые провел указанное выделение. «Прибавочная стоимость,— писал он,— в той мере, в какой она хотя и является основой прибыли, но также и отличается от того, что обычно называют прибылью,— au fond [в сущности] никогда еще не была раскрыта» [46]. Впоследствии, в рукописи 1861—1863 гг.[47], Маркс подробно показал, какую путаницу вносило в теорию то обстоятельство, что буржуазные экономисты, как и их противники, исходившие из рикардовской теории, рассматривали прибавочную стоимость лишь в категориях прибыли, процента или ренты.

Капиталистический способ производства, как показал Маркс, покоится на производстве прибавочной стоимости, создает необходимые и достаточные условия для ее реализации классом капиталистов. Во-первых, капиталистические производственные отношения с необходимостью приводят к отчуждению рабочим своего труда: «Рабочий *отчуждает* [entäußert] от себя труд как производящую богатство силу; капитал присваивает себе труд как такого рода производительную силу» [48]. Во-вторых, закон стоимости, предполагающий обмен эквивалентов, вполне допускает, чтобы новая стоимость, созданная в результате затраты живого труда рабочего, превышала стоимость его способности к труду. Эти две величины, как показал Маркс, вообще независимы друг от друга; механизм обмена между трудом и капиталом таков, что стоимость способности к труду и стоимость, создаваемая рабочим в процессе труда, не находятся между собой ни в какой внутренней взаимосвязи. «Рабочий,— пишет Маркс,— обменивает создающую стоимость деятельность на некоторую, заранее определенную, стоимость, независимо от результатов своей деятельности» [49]. Наконец, в-третьих, капиталистический способ производства характеризуется таким уровнем развития производительных сил, при котором возможность присвоения прибавочного продукта классом капиталистов в виде прибавочной стоимости превращается в действительность [50].

Маркс впервые рассматривает в рукописи 1857—1858 гг. две формы производства прибавочной стоимости, абсолютную и относительную, и вскрывает в этой связи двоякую тенденцию капитала — к удлинению рабочего дня и сокращению необходимого рабочего времени. «Капитал имеет... тенденцию,— пишет Маркс,— соединять абсолютную прибавочную стоимость с относительной; т. е. имеет тенденцию к *максимальному удлинению рабочего дня при максимальном количестве одновременных рабочих дней, наряду со сведением к минимуму необходимого рабочего времени и числа необходимых рабочих*» [51]. Таким образом, объективная тенденция капиталистического способа производства к увеличению прибавочной стоимости в обеих ее формах оборачивается столь же объективной тенденцией к ухудшению положения рабочего класса посредством удлинения рабочего дня, сокращения общего количества рабочих и уменьшения их доли во вновь созданной стоимости, а стало быть, увеличения доли прибавочной стоимости. Впоследствии Маркс связал абсолютную и относительную прибавочную стоимость соответственно с формальным и реальным подчинением труда капиталу и показал, что именно производство относительной прибавочной стоимости связано со специфически капиталистическим способом производства. Вместе с тем методы производства относительной прибавочной стоимости распространяются и на абсолютную прибавочную стоимость: чрезмерное удлинение рабочего дня выступает как характерный результат развития крупного машинного производства.

На данном этапе Маркс не пришел еще к систематическому анализу трех стадий в развитии относительной прибавочной стоимости — простой капиталистической кооперации, мануфактурного разделения труда и крупной машинной индустрии. Капиталистическое применение машин рассматривается в первоначальном варианте «Капитала» в разделе об обращении капитала. Поэтому система машин выступает, по мысли Маркса, «как наиболее адекватная форма *основного капитала*», а этот последний — «как *наиболее адекватная форма капитала вообще*» [52]. Именно анализ основного капитала привел Маркса к открытию тенденции к превращению науки, всеобщего общественного знания, «в *непосредственную производительную силу*» [53]. (В условиях современной научно-технической революции эта тенденция выступала на первый план.) Анализ основного капитала, его роли в общественном производстве (в данной связи Маркс отмечает, что «...те размеры, которыми уже обладает основной капитал, и та доля, которую производство основного капитала имеет в совокупном производстве, являются *мерилом развития* богатства, основанного на капиталистическом способе производства») позволил сформулировать закон преимущественного роста производства средств производства, выступающий как результат и выражение роста производительности труда [54]. Изучение этих положений Маркса особенно актуально в настоящее время, когда на первый план вы-

ходят социально-экономические проблемы научно-технического прогресса.

Далее, необходимо отметить тот факт, что в «Grundrisse» — в полном соответствии с методом различения вещественного содержания и социальной формы экономических процессов — впервые были выделены две стороны процесса капиталистического производства. «До сих пор,— пишет Маркс,— капитал рассматривался с его вещественной стороной как *простой процесс производства.* Однако со стороны определенности формы этот процесс есть *процесс самовозрастания стоимости.* Самовозрастание стоимости включает в себя как сохранение существовавшей ранее стоимости, так и умножение ее» [55]. В третьей главе говорилось о том, что уже в «Grundrisse» Маркс сделал первый шаг к переходу от процесса производства к процессу труда в качестве указанного вещественного элемента. Окончательно этот переход был зафиксирован в 1860 г. в наброске плана третьей главы «К критике политической экономии».

Все исследование процесса производства капитала опирается на понятие «капитала вообще». Подробное рассмотрение этой категории, сыгравшей фундаментальную роль в создании экономической теории Маркса, дано в ряде последующих глав. Здесь мы приведем лишь исходную характеристику Маркса. «Капитал,— пишет он,— поскольку мы рассматриваем его здесь как такое отношение, которое надлежит отличать от стоимости и денег, есть *капитал вообще,* т. е. совокупность тех определений, которые отличают стоимость как капитал от нее же как простой стоимости или денег... мы не имеем еще здесь дела ни с какой-нибудь *особой* формой капитала, ни с *отдельным капиталом,* отличающимся от других отдельных капиталов, и т. д. Мы присутствуем при процессе его возникновения. Этот диалектический процесс возникновения капитала есть лишь идеальное выражение того действительного движения, в котором возникает капитал» [56].

1.3. Научная постановка вопроса о производительном и непроизводительном труде, накоплении капитала

Теория прибавочной стоимости, разработанная в общих чертах в «Grundrisse», дала критерий для решения еще одной широко обсуждавшейся буржуазными экономистами проблемы — о производительном и непроизводительном труде в буржуазном обществе, также впервые выясненной в первоначальном варианте «Капитала». Свой анализ производительного труда Маркс начал здесь почти одновременно с введением самого термина «прибавочная стоимость». В первом же фрагменте, посвященном данной проблеме, Маркс констатировал: «Во всем *существенном* в учении о *производительном* и *непроизводительном* труде прав был, с точки зрения буржуазной политической экономии, *А. Смит*». Впоследст-

вии Маркс еще решительнее подчеркивал, что смитовская характеристика производительного труда как труда, создающего прибыль, «...остается основой всей политической экономии буржуазного общества...» [57]. Таким образом, с самого начала Марксов анализ производительного труда исходил из специфики труда в условиях капиталистического способа производства. Маркс отмечал в этой связи свойственное вульгарным экономистам «смешение продукта в его натуральном и в экономическом смысле» [58]. Впрочем, «примитивное воззрение, согласно которому прибавочная стоимость непременно должна быть выражена в каком-нибудь материальном продукте...» [59] встречалось, как показал Маркс, также и у А. Смита, который заимствовал его у физиократов.

Первоначально Маркс определяет производительный труд как *«труд, создающий стоимости»* [60]. Он замечает в этой связи, что рабочие капиталистических мастерских, изготовляющих предметы роскоши, производительны только в капиталистическом смысле, «но они непроизводительны в отношении материального результата своего труда»[61]. Оба эти тезиса были существенно уточнены на следующем этапе исследования, в рукописи 1861—1863 гг. По существу, пока Маркс пришел к тому выводу, что производительным в узком смысле слова (политэкономическом) является лишь тот труд, который воспроизводит специфическую форму богатства общества (при капитализме — товар), а в широком (философском) — труд, воплощающийся в материальном продукте.

В следующем фрагменте рукописи 1857—1858 гг. производительный труд уже характеризуется как «такой труд, который производит *капитал*»; «производительный рабочий — тот, кто непосредственно увеличивает капитал» [62]. Очень важен подчеркнутый здесь момент увеличения капитала как необходимое условие производительного труда. Маркс отмечает далее, что различение производительного и непроизводительного труда стоит в связи с производством, но отнюдь не с потреблением. Поэтому соображение полезности труда не может служить критерием его производительности. «Производство для непроизводительного потребления точно так же производительно, как и производство, рассчитанное на производительное потребление,— при неизменном условии, что как то, так и другое производство производит или воспроизводит капитал» [63].

В связи с характеристикой производительного труда Маркс говорит о различного рода «непроизводительных классах». Производительный труд, выступающий как труд прибавочный, порождает «минус-труд», «относительное безделье», либо всякого рода непроизводительный труд тех, кто живет на счет прибавочной стоимости: *«обслуживающего* класса», военных, «государственных служащих, врачей, адвокатов, ученых и т. д.» [64].

На примере дорожного строительства Маркс рассматривает в рукописи 1857—1858 гг. «такие общеполезные работы, которые

являются вместе с тем *всеобщими* условиями производства и которые поэтому не являются *особенным* условием для какого-нибудь отдельного капиталиста; и до тех пор пока капитал не принял форму акционерного общества, он стремится всегда лишь к достижению *особенных* условий увеличения своей стоимости, а *общие для всех* условия он в качестве национальных потребностей взваливает на всю страну. Капитал предпринимает только *выгодные* — с его точки зрения — операции» [65]. Здесь ясно выступает ограниченность капиталистического критерия производительного труда. Труд, необходимый для всего общества, не является таковым для капитала. При этом, как показывает Маркс, в рассматриваемом случае может выполняться не только необходимый, но также и прибавочный труд, который, однако, не реализуется в прибавочной стоимости: дорога, особенно на начальной стадии, может быть нерентабельной. Впоследствии, в I томе «Капитала» [66], Маркс обратил внимание и на ограниченный характер капиталистического применения машин.

Анализируя развитие общественного характера труда в капиталистическом обществе, «превращение непосредственного труда в общественный труд», Маркс приходит к важному выводу, что «единичный труд как таковой вообще перестает быть производительным, а, наоборот, является производительным лишь в рамках совместного труда многих, подчиняющего себе силы природы» [67]. Это важное положение впоследствии — в рукописи 1861—1863 гг.— нашло свое воплощение в категории «совокупного рабочего».

Раскрыв в «Главе о капитале» содержание капиталистической эксплуатации, Маркс сделал в «Grundrisse» и следующий важный шаг, изобразив механизм самовоспроизводства отношения между капиталом и наемным трудом. Он представил накопление капитала как экономический процесс, в котором вместе с тем формируются материальные предпосылки нового общественного строя.

Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» Маркс комментировал и анализировал взгляды буржуазных экономистов на накопление капитала, обращая внимание на противоречия крупного и мелкого капитала, выявляющиеся в этом процессе, на связь накопления и конкуренции капиталов, на то влияние, которое накопление оказывает на норму прибыли. Маркс подчеркивал, что накопление «при господстве частной собственности является *концентрацией* капитала в руках немногих» [68], но источник противоречий накопления в этой ранней рукописи он, следуя за Смитом и Рикардо, видел в конкуренции капиталов.

На основе проникновения в тайну прибавочной стоимости и критического переосмысления наследия классиков Маркс в первоначальном варианте «Капитала» подходит к процессу накопления более глубоко, выводя его закономерности из внутренних противоречий денег и капитала, противоречий процесса производства и процесса обращения капитальной стоимости.

Уже в «Главе о деньгах» Маркс ставит вопрос о разграничении понятий «первоначальное накопление капитала» и «накопление денег», обращая особое внимание на характер и роль накопления денег в буржуазном обществе. Хотя внешне оно (поскольку речь идет о накоплении золота и серебра) совпадает с добуржуазным накоплением, однако в капиталистическом обществе накопление не есть простое «собирание», «выставление напоказ изобилия... богатства, как какой-то... праздничной вещи» [69]. При ближайшем рассмотрении ни одна предметная форма буржуазного накопления не является самодовлеющей — ни накопление денег, ни накопление товаров. Накопление в буржуазном обществе, осуществляющееся на основе развитого товарного обращения, выражает потребности капиталистического производства и потребления: «Уничтожение накопленного... есть его реализация» [70].

Накопление есть момент воспроизводства, эта его роль в тексте «Главы о деньгах» прямо связана со спецификой буржуазного производства, где господствует меновая стоимость и где «обращение положено... как акт производства» [71].

В системе буржуазных отношений, где деньги служат материальным представителем всеобщего богатства, уже в простом определении денег заложено, пишет Маркс, «что они в качестве развитого момента производства могут существовать лишь там, где существует *наемный труд*» [72]. Отсюда следует, что в накоплении денег «уже содержится в скрытом виде их определение как *капитала*» [73]. В то же время Маркс последовательно разграничивает накопление «капитала как капитала» и накопление денег: в простом накоплении денег «еще нет отношения капитализации» [74].

Разграничение накопления денег и накопления капитала становится важным моментом анализа как в «Grundrisse», так и в последующих рукописях и вариантах «Капитала». Это разграничение было важно, во-первых, для исследования накопления денег как собственной предпосылки капитала (превращение денег в капитал); далее, для правильного понимания отличий движения капитала на собственной основе от процесса его первоначального накопления; наконец, его значение обнаружилось, когда в связи с анализом обращения капитала как кругооборота его функциональных форм возникла необходимость выявить особенности обращения капитальной стоимости, отличающие его от простого товарного обращения (последний момент особенно важен для Маркса при рассмотрении перехода капитала из процесса производства в процесс обращения и возникающего на этой стадии исследования противоречия между процессом увеличения стоимости капитала и его обесценением, о чем речь еще пойдет ниже).

В «Grundrisse» еще не разграничены отдельные уровни абстракции в рассмотрении накопления, и это понятно: формирование понятия накопления в «Главе о капитале» тесно связано с формированием понятия капитала, которое в «Grundrisse» проходило

в несколько этапов (подробнее см. главу XI, раздел 3 данной книги). Уточняя содержание понятия «капитал», Маркс вместе с тем очерчивает границу понятия «накопление капитала», отделяет его от внешне сходных форм — от накопления денег и первоначального накопления; в то же время в «Главе о капитале» формулируется принципиально важное положение об отношении накопления капитала к этим формам как к своим предпосылкам [75]. Отделив понятие накопления капитала от других форм накопления, Маркс вместе с тем определяет в общем виде и содержание понятия: накопление капитала подразумевает, помимо отношения капиталов, также и «отношения капитала к труду, к ценам... к проценту и прибыли» [76].

В связи с рассмотрением процесса производства Маркс дает глубокое обоснование источника накопления капитала и его границ. Если количественную границу накопления, пишет он, можно определить на основе формы дохода на капитал, например на основе процента, то качественную его границу (т. е. источник, основу) образует прибавочное рабочее время, «*рабочий день*... степень развития производительной силы и население, которое определяет количество функционирующих одновременно рабочих дней...» [77], т. е. живой труд, присваиваемый капиталом.

Тезис об источнике (качественной границе) накопления находит продолжение в той части рукописи 1857—1858 гг., где рассматривается предел развития производительных сил на основе капитала. Здесь формулируется Марксом важная зависимость между соотношением необходимого и прибавочного труда и «той частью прибавочного продукта», которая «снова превращается в капитал...». Маркс раскрывает здесь значение накопления «капитала как капитала» для процесса производства прибавочной стоимости: «...без накопления капитал не может образовать основу производства», следовательно, «если бы прибавочная стоимость была... потреблена, то *не* было бы увеличения стоимости капитала и производства его как *капитала,* т. е. как стоимости, производящей стоимость» [78].

Для выработки диалектического воззрения на содержание и значение накопления капитала особенно важна была та часть «Главы о капитале», где Маркс исследовал процесс обращения капитала. Именно здесь были, по существу, намечены уровни рассмотрения капиталистического воспроизводства в формирующейся теоретической системе «Капитала», а следовательно, и отдельные уровни анализа накопления. Маркс не сразу выделил и определил «чистую форму» накопления, лишь постепенно подходя к мысли о необходимости и возможности исследования этого процесса как момента непосредственного процесса производства.

Этот вывод был обусловлен рассмотрением различия и единства процесса производства и процесса обращения капитала. Накопление капитала выступает, по существу, как некая равнодействующая двух процессов, сил, между которыми на деле, как

показал Маркс, существует глубокое внутреннее единство, взаимосвязь (эта линия исследования отчетливо проходит через весь отдел об обращении капитала, продолжается она и в отделе о капитале и прибыли «Главы о капитале», о чем еще будет сказано подробнее в главе VI настоящей монографии). Поскольку на определенном этапе исследования обращение выступает как наличная предпосылка процесса производства капитала, порожденная им самим, постольку возникает возможность рассмотреть накопление капитала в абстрактной форме уже в связи с анализом непосредственного процесса производства, с точки зрения тех отличий, которые обнаруживают его результаты в сравнении с его предпосылками.

С другой стороны, накопление капитала есть внутренне противоречивый процесс, и это находит выражение в разнонаправленных тенденциях капитала. «Рикардо,— замечает Маркс,— больше понял универсальную тенденцию капиталистического производства, Сисмонди — его специфическую ограниченность» [79]. Ни тот, ни другой при этом не смогли определить «положительную сущность капитала» и его «отрицательную односторонность» [80].

Противоречия процесса производства и процесса обращения обнаруживаются как «живое противоречие» [81] в перепроизводстве, кризисах, связь которых с накоплением Маркс ясно намечает.

Это «живое противоречие» в «Grundrisse» снимается категорией «добавочный капитал». Первое ее определение — присвоенная без эквивалента прибавочная стоимость. Маркс не анализирует пока процесса капитализации прибавочной стоимости, не проводит различия между простым повторением процесса производства и расширением его масштаба, но лишь выясняет, что «в *добавочном капитале* все его моменты представляют собой продукт *чужого* труда, т. е. превращенный в капитал *чужой прибавочный труд*...» [82]. (Работая уже над третьим черновым вариантом «Капитала» (1863—1865 гг.), Маркс развил этот тезис, по-видимому, в главе 5, трактовавшей процесс накопления капитала [83], а затем вернулся к нему в «Главе шестой. Результаты непосредственного процесса производства» [84] I книги своего труда.) Здесь отпадает вопрос о внешних, не им самим созданных, предпосылках капитала, «существовавшая еще при первом рассмотрении процесса производства видимость того, что капитал со своей стороны будто бы привнес некоторую стоимость из обращения» [85],— наоборот, добавочный капитал не только как стоимость, но и со стороны вещественной формы есть продукт чужого труда. Отсюда следует, что как вещественные условия нового использования труда — средства производства, так и рабочий фонд выступают «как *чужая собственность*, обладающая самостоятельно противостоящим живому труду способом существования...» [86].

Таким образом, Маркс указал важнейшую черту воспроизводства капитала как капитала — превращение первоначально аван-

сированной капитальной стоимости в присвоенную без эквивалента, т. е. накопленную прибавочную стоимость. Другим важным результатом является вывод о том, что рабочий только в том случае сможет получить необходимые ему жизненные средства, если будут воспроизведены условия для производства прибавочной стоимости и «объективные условия для осуществления нового прибавочного труда и добавочного производства...» [87]. Необходимость добавочного производства, следовательно, заложена в природе воспроизводства капитала, а «добавочный капитал сам есть реальная возможность как нового прибавочного труда, так и нового добавочного капитала» [88].

Отсюда уже понятно, почему по мере постоянного возобновления и расширения производства, основанного на капитале, «в результате самого труда все более и более расширяется объективный мир богатства, противопоставляя себя труду как чуждая ему сила и приобретая все более... полное существование, так что относительно, по сравнению с созданными стоимостями или реальными условиями созидания стоимости, нищая субъективность живой рабочей силы образует все более разительный контраст» [89].

Нетрудно видеть, что Маркс формулирует здесь важнейший момент всеобщего закона капиталистического накопления: взаимная зависимость труда и капитала, рассмотренная в движении, в воспроизводстве и накоплении, проявляется в нарастающем отчуждении труда от объективных условий его осуществления и воспроизводства, в поляризации нищеты и богатства. Вместе с тем раскрыта объективная связь процесса производства прибавочной стоимости и процесса накопления капитала, воспроизводство охарактеризовано как «новое производство *самого отношения между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим.* Это социальное отношение, производственное отношение фактически является еще более важным результатом процесса, чем его материальные результаты» [90]. (Этот «социальный результат» непосредственного процесса производства Маркс впоследствии рассмотрел в 5-й главе I книги, а затем вновь вернулся к нему в пункте 3 «Главы шестой» [91] третьего чернового варианта «Капитала». В окончательном тексте I тома связанные с этим вопросы изложены, как известно, в 21-й главе VII отдела.)

Все эти положения легли впоследствии в основу трактовки процесса накопления в «Капитале», причем сохранена была в общем и целом и та последовательность рассмотрения отдельных моментов накопления, которая определилась в итоге работы над «Grundrisse»: во-первых, выявление существенных черт процесса накопления вне и до анализа форм обращения капитала, взаимодействия капиталов и т. д.; во-вторых, рассмотрение воспроизводства поначалу в «чистой форме» простого воспроизводства капиталистического отношения. Первая составила предмет всего заключительного VII отдела I тома «Капитала», вторая — предмет главы «Простое воспроизводство» этого отдела.

2. РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВЫВОДЫ ИЗ ТЕОРИИ ПРИБАВОЧНОЙ СТОИМОСТИ

Решив в рукописи 1857—1858 гг. на основе закона стоимости проблему обмена между трудом и капиталом, Маркс создал теорию прибавочной стоимости, краеугольный камень всего своего экономического учения. Прибавочная стоимость определяет «экономический закон движения» буржуазного общества, неизбежность его гибели и перехода к коммунизму.

В письме к Энгельсу от 2 апреля 1858 г. Маркс, резюмируя результаты своего исследования, отмечал неизбежное перерастание присвоения посредством труда в капиталистическое: «Законом присвоения» в сфере товарного обмена «является присвоение посредством труда, обмен эквивалентов... здесь все «прекрасно», но вместе с тем все придет к ужасному концу, и именно вследствие закона эквивалентности» [92]. Капиталистический способ производства обусловливает неизбежность социалистической революции, разрушающей буржуазные производственные отношения и ликвидирующей тем самым капиталистическую эксплуатацию.

В рукописи 1857—1858 гг. было показано, что присвоение классом капиталистов прибавочной стоимости, созданной рабочим классом, капиталистическая эксплуатация совершается в полном соответствии с внутренними законами капитализма, в первую очередь с законом стоимости, вытекает из самого существа капиталистических производственных отношений. Отсюда прямо следовало, что освобождение рабочих от эксплуатации не может быть осуществлено в рамках капитализма; это было экономическим обоснованием вывода о *необходимости* социалистической революции.

Данное положение явилось теоретической основой той критики реформизма (в частности, прудонизма), которая содержится в рассматриваемой рукописи. Следует вместе с тем подчеркнуть, что из полученных Марксом результатов вовсе не следовало отрицание возможности и необходимости экономических реформ, проводимых в рамках капитализма, их существенного влияния на производственные отношения буржуазного общества. Вывод, к которому пришел Маркс, требовал лишь ясного понимания того, что любые реформы такого рода принципиально не в состоянии изменить *основы* капиталистического строя. (В признании или отрицании этого положения и пролегает в методологическом, теоретическом плане водораздел между революционным марксизмом и реформизмом.) «Необходимо ясно понимать это,— подчеркивал Маркс,— чтобы не ставить перед собой неразрешимых задач и знать, в каких границах денежные реформы и преобразования обращения могут видоизменять производственные отношения и покоящиеся на них общественные отношения» [93]. (Маркс имеет здесь в виду прудонистские проекты перехода к социализму посредством банковских реформ.)

Из теории прибавочной стоимости вытекала, далее, объективная тенденция капитализма к всемерному усилению эксплуатации рабочего класса — по мере развития производительных сил. «Капитал,— писал Маркс,— будучи беспредельным стремлением к обогащению, стремится к беспредельному увеличению производительных сил труда и вызывает к жизни такое увеличение их» [94].

Опираясь на развитую в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» концепцию самоотчуждения труда в процессе капиталистического производства, Маркс показывает, что уже самый обмен между трудом и капиталом объективно неблагоприятен для рабочего: в результате этого обмена «рабочий должен обеднеть, так как творческая сила его труда теперь противостоит ему как сила капитала, как *чуждая сила*. Рабочий *отчуждает*... от себя труд как производящую богатство силу; капитал присваивает себе труд как такого рода производительную силу... Успехи цивилизации лишь увеличивают *объективную власть* капитала над трудом» [95]. Мы видели, что эта фундаментальная тенденция капитала реализуется путем присвоения классом капиталистов абсолютной и относительной прибавочной стоимости. Существование первой — увеличение продолжительности рабочего дня за пределы необходимого рабочего времени — имеет в качестве своей предпосылки определенный *исходный* уровень производительности труда. Увеличение же второй — сокращение необходимого и рост прибавочного рабочего времени — выражает *динамику* роста производительности труда.

Далее, объективно присущее капиталу стремление к созданию максимума прибавочной стоимости реализуется, с одной стороны, в росте численности рабочего класса, но с другой — в постоянном существовании избыточного населения.

Антагонистический характер капиталистического способа производства проявляется, как показывает Маркс, в существовании предела, свойственного *«не производству вообще, а производству, основанному на капитале»*. Наличие данного предела свидетельствует о том, что капитал «не является абсолютной формой развития производительных сил» [96]. Маркс анализирует в этой связи четыре фактора, в совокупности показывающих, каким образом вещественное содержание процесса общественного производства втискивается в прокрустово ложе капиталистических производственных отношений. Во-первых, это ограничение стоимости товара «способность к труду» строгими рамками необходимого труда. Во-вторых, необходимость превращения прибавочного рабочего времени в прибавочную стоимость. Исследовав влияние роста производительности труда на величину прибавочной стоимости, Маркс показал, что по мере этого роста происходит уменьшение прироста относительной прибавочной стоимости. «Чем более уже́ развит капитал,— пишет Маркс,— чем больше им уже́ создано прибавочного труда, тем яростнее вынужден он развивать производительную силу, чтобы, хоть и в меньшей пропорции, увеличивать свою

стоимость, т. е. присоединять прибавочную стоимость» [97]. На основе этих соображений он охарактеризовал закон тенденции нормы прибыли к понижению как «во всех смыслах важнейший закон современной политической экономии» [98]. В-третьих, границей капиталистического производства выступает необходимость реализации товара, превращения его в деньги. (Здесь Маркс, вероятно, имел в виду заложенную в этом акте возможность разрушительных кризисов.) В-четвертых, ограничение производства потребительных стоимостей меновой стоимостью, т. е. то обстоятельство, что буржуазное производство обслуживает не потребности индивидов, а интересы капитала. Заключительный пункт одного из набросков плана своего исследования Маркс сформулировал следующим образом: «Разложение способа производства и формы общества, основанных на меновой стоимости» [99].

Нетрудно видеть, что все названные четыре фактора в совокупности характеризуют капиталистические производственные отношения, вообще говоря, как не соответствующие развитию производительных сил, а на определенном этапе вступающие в антагонистическое противоречие с этим развитием. Маркс характеризует перепроизводство как «внезапное *напоминание*» о перечисленных выше факторах. «Чем выше развитие капитала,— продолжает он,— тем в большей степени он оказывается пределом производства,— а потому также и пределом потребления,— не говоря уже о других противоречиях, которые делают капитал обременительным пределом для производства и общения» [100].

Всему сказанному нисколько не противоречит решительно подчеркиваемый Марксом исторически прогрессивный характер капитализма по сравнению с докапиталистическими формациями; этот вывод представляет собой один из самых важных результатов, полученных им из анализа экономического закона движения буржуазного общества. Только капитализм сумел обеспечить такое развитие производительных сил, которое является необходимым для перехода к коммунизму и всестороннего развития всех членов общества [101]. Этим теория Маркса существенно отличается от утопических воззрений мелкобуржуазного социализма. «Следует признать заслугой Маркса по сравнению с обыкновенными социалистами то,— писал Энгельс,— что он показывает наличие прогресса и там, где крайне одностороннее развитие современных условий сопровождается ужасными непосредственными последствиями. Это имеет место везде при изображении вытекающих из фабричной системы в целом контрастов богатства и бедности и т. д.» [102].

До каких же пор возможно прогрессивное развитие капитализма? Отвечая на этот фундаментальный вопрос, Маркс в первоначальном варианте «Капитала» формулирует общий закон развития экономической общественной формации, в том числе, разумеется, и капитализма. Наивысшее развитие базиса, отмечает он, «есть тот пункт, где сам базис приобретает такую форму, в которой он

совместим с *наивысшим развитием производительных сил,* а потому также — с наиболее богатым развитием индивидов [в условиях данного базиса]. Как только этот пункт достигнут, дальнейшее развитие выступает как упадок, а новое развитие начинается на новом базисе» [103]. Критерий развития производительных сил был, таким образом, положен Марксом в основу при решении вопроса о жизнеспособности общественных формаций. «Ни одна общественная формация,— писал он в первом выпуске «К критике политической экономии»,— не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого́ старого общества» [104].

С развитием буржуазного общества нарастает процесс разложения капитала как господствующей формы производства.

Во-первых, капитал стремится свести к минимуму рабочее время, но сохраняет его в качестве единственной меры и источника богатства. «С одной стороны, капитал вызывает к жизни все силы науки и природы, точно так же как и силы общественной комбинации и социального общения,— для того чтобы созидание богатства сделать независимым (относительно) от затраченного на это созидание рабочего времени. С другой стороны, капитал хочет эти созданные таким путем колоссальные общественные силы измерять рабочим временем и втиснуть их в пределы, необходимые для того, чтобы уже созданную стоимость сохранить в качестве стоимости» [105].

Во-вторых, развитие производительных сил в рамках капитализма ведет к тому, что непосредственный труд теряет свой характер частного труда, который лишь путем обмена выступает в качестве частицы труда общественного. В условиях крупной промышленности *«труд отдельного индивида в его* [*труда*] *непосредственном бытии положен как снятый отдельный труд, т. е. положен как общественный труд. Таким образом, отпадает и другой базис этого способа производства»* [106].

Так внутри буржуазного общества создаются материальные условия — вещественные и социальные,— необходимые для того, чтобы взорвать его экономическую основу. Те же самые условия представляют собой исходный пункт для развития коммунистической общественной формации, для научного прогнозирования коммунистической экономики [107].

Глава VI

ПРОБЛЕМАТИКА БУДУЩИХ II И III ТОМОВ «КАПИТАЛА» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РУКОПИСИ 1857—1858 гг.

1. ОБРАЩЕНИЕ КАПИТАЛА (ПРООБРАЗ II ТОМА «КАПИТАЛА»)

Исследованию процесса обращения капитала Маркс отводил значительную роль в рамках «Главы о капитале» рукописи 1857—1858 гг. Созданный в декабре 1857 — марте 1858 гг.[1], этот отдел занимает немногим менее трети общего объема первого чернового варианта «Капитала» (включая, впрочем, и многочисленные, и часто довольно обширные отступления).

Глубокий научный анализ обращения капитала в данной рукописи был подготовлен всем предшествующим ходом экономических занятий Маркса, а его непосредственные предпосылки сложились уже в ходе работы над «Введением».

Во «Введении», развивая собственные взгляды на диалектическую взаимосвязь между абстрактными моментами общественного производства, Маркс формулирует ряд исходных методологических предпосылок исследования обращения. Во-первых, он отмечает, что обращение выступает двояким образом: и как «определенный момент обмена», и как «обмен, рассматриваемый в целом». Во-вторых, «обмен... заключен в производстве как его момент», а потому Маркс приходит к заключению, что «определенное производство обусловливает... и *определенные отношения этих различных моментов друг к другу*»[2]. Отсюда ясно, что в теоретической системе обращение капитала должно быть рассмотрено в единстве различных его определений, причем последние следует выводить из специфического отношения обращения к составляющему его основу процессу производства капитала.

Поэтому отнюдь не случайно именно в ходе исследования капиталистического *производства* в «Главе о капитале» Маркс в одном из набросков плана своего труда не только впервые намечает то трехчленное деление материала, из которого он исходил в работе над всеми последующими вариантами «Капитала», но и определяет основные вопросы, выяснению которых он посвящает раздел об обращении капитала[3].

1.1. Обращение как внешний предел капиталистического производства

Сама внутренняя логика движения капиталистического производства обусловливает необходимость выхода за пределы сферы производства, ибо метаморфоз стоимости завершен, как результат капиталистического процесса производства выступает его продукт — «сама *стоимость*, и притом *бо́льшая стоимость*, чем та, которая первоначально послужила исходным пунктом...» [4]. Тем самым намечен «Переход капитала из процесса производства в процесс обращения».

Этот переход определен самодвижением предмета — самовозрастающей стоимости. Выход капитала из сферы производства в сферу обращения есть необходимый момент его жизнедеятельности, и в то же время он чреват новым противоречием, разрешение которого, по мысли Маркса, и должно определить содержание и внутреннюю структуру раздела о процессе обращения капитала. Продукт капиталистического процесса производства есть *стоимость* лишь *идеально. Реально* же он по выходе из производственного процесса представляет собой *потребительную стоимость*, которая еще только должна в обмене на деньги доказать, что она является вещественным носителем стоимости. Иначе говоря, на этой стадии вновь обнаруживает себя противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью, но теперь уже как противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью не *товара*, а *капитала*.

Подобно тому, как в основе двойственности товара лежит двойственная природа заключенного в нем труда, это внешнее противоречие также есть проявление внутреннего противоречия, заключающегося в том, что «*процесс увеличения стоимости* капитала... выступает вместе с тем как *процесс уменьшения стоимости* капитала, как его обесценение...» [5]. Увеличив свою стоимость, капитал «при этом... до некоторой степени утратил *форму* стоимости», отмечает Маркс [6]. Таким образом, выход капитала в сферу обращения позволяет увидеть новую сторону процесса капиталистического производства, которая не могла быть замечена до тех пор, пока капитал оставался в самой сфере производства. Однако при этом первом появлении в обращении капитал «выступает лишь как момент обращения» [7] и само обращение в целом на данном этапе исследования противостоит ему как нечто внешнее, не им самим положенное. Поэтому и пределы процесса производства, создаваемые обращением, представляются для капитала *внешними*, не им самим установленными пределами.

Каковы эти внешние пределы? Для того чтобы избежать реального обесценения, продукт капиталистического производства должен, во-первых, удовлетворять определенную *потребность*, должен войти в потребление. Во-вторых, должен найтись *эквивалент для вновь созданной прибавочной стоимости*. Иначе говоря, внеш-

ними пределами непосредственного процесса производства капитала выступают платежеспособная потребность и широта денежного обращения.

Но, как показывает Маркс, сами методы производства прибавочной стоимости создают возможность и требуют снятия этих пределов. Создание капиталом абсолютной прибавочной стоимости, т. е. большего количества овеществленного труда, предполагает *«создание все расширяющегося круга обращения,* все равно, расширяется ли этот круг непосредственно *или же в большем количестве его пунктов создаются пункты производства»* [8]. Отсюда — так называемая «пропагандистская тенденция капитала» (так ее называет Маркс в более позднем наброске плана третьей главы «К критике политической экономии» [9]). С другой стороны, производство относительной прибавочной стоимости требует, чтобы «потребительский круг внутри обращения... расширялся» [10] — за счет ли существующих или новых потребностей. (Это имманентное капиталу стремление Маркс характеризует как его «цивилизующую тенденцию» [11].) Иными словами, капиталу присуще стремление снять внешние преграды на своем пути, превратив само обращение в момент движения самовозрастающей стоимости.

Необходимо, однако, отметить следующее. Во-первых, рассмотрение указанных тенденций капитала предполагает наличие *многих* потребителей, *многих* отраслей производства, вообще *многих капиталов.* Но, как неоднократно подчеркивает Маркс, многие капиталы в их отношении друг к другу могут быть рассмотрены лишь на более поздней стадии исследования.

Во-вторых, определение этих тенденций именно как *тенденций,* а не как универсальных законов, предполагает также анализ некоторых противодействующих факторов. И Маркс в связи с этим подчеркивает, что если капитал «идеально» преодолевает пределы, положенные обращением, то это вовсе не означает, что он преодолел их «реально»: «...капиталистическое производство движется в противоречиях, которые постоянно преодолеваются, но столь же постоянно полагаются» [12]. Иначе говоря, для того чтобы определить действие названных тенденций как тенденций, необходимо более подробно и конкретно рассмотреть границы, которые обращение ставит на пути движения капиталистического производства. Между тем это предполагает специальное исследование спроса и предложения, а также проблемы реализации.

В отношении места анализа спроса и предложения в будущем труде у Маркса в данный момент, как явствует из текста [13], были определенные сомнения. В известном смысле он допускал возможность абстрактного их определения уже в первых главах книги [14]. Что же касается проблемы реализации, то она здесь сразу сформулирована как проблема перепроизводства, теоретическому анализу причин которого, равно как и критическому разбору взглядов на перепроизводство буржуазных экономистов, в данной связи уделено большое внимание [15].

Обширный пассаж о перепроизводстве и кризисах [16] исключительно интересен и имеет самостоятельное теоретическое значение, поскольку ни в последующих вариантах (даже в экономической рукописи 1861—1863 гг., где эта проблема также рассматривается), ни в окончательном тексте «Капитала» перепроизводство, его причины, сущность и влияние на развитие капиталистического способа производства не были проанализированы в такой систематической и стройной форме [17]. И все же бóльшую часть данного раздела рукописи следует охарактеризовать, скорее, как отступление от развиваемой далее линии анализа [18]. Это касается таких вопросов, как возможность и неизбежность перепроизводства [19] (существующую в буржуазной политэкономии путаницу Маркс связывает с непониманием либо противоречия между потребительной стоимостью и меновой стоимостью, либо действительного соотношения между спросом и предложением, природы конкуренции — тех тем, которые сюда не относятся); отрицание экономистами перепроизводства; утверждение Прудона о невозможности для рабочего выкупить продукт его труда; образование общей нормы прибыли [20].

Разумеется, такой вывод возможен лишь при ретроспективном рассмотрении рукописи как до некоторой степени завершенного целого, где внутренняя логика подсказывает некоторые неизбежные перестановки материала. Маркс очень скоро приходит к этому выводу: составляя уже упоминавшийся выше «Набросок плана третьей главы», помечает лишь 22, 24 и 25 страницы IV тетради рукописи как имеющие отношение к проблеме обращения капитала, опустив все остальное, что было выяснено в связи с проблемой перепроизводства на 26—39 страницах данной тетради. О чем же идет речь на этих страницах? Маркс в «Наброске плана» дает лаконичную формулировку: «Противоречие между процессом производства и увеличением стоимости» [21]. Иными словами, перепроизводство должно рассматриваться на стадии исследования обращения капитала только под углом зрения этого противоречия: «...здесь пока еще речь идет не о том, чтобы рассмотреть перепроизводство в его определенности, а только о том, чтобы проанализировать зародыши перепроизводства в том виде, в каком они первоначально содержатся в самóм капиталистическом отношении» [22].

Противоречие между процессом производства как таковым и процессом увеличения стоимости как специфической формой организации производственного процесса при капитализме выражается прежде всего в том, что *«имеется предел, присущий не производству вообще, а производству, основанному на капитале»* [23], т. е. кризисам подвержено не производство вообще, а капиталистически организованное производство.

Однако, строго говоря, и указанное противоречие, и выводимые из него Марксом четыре «необходимых границы» капиталистического производства [24] также не относятся к обращению

капитала, ибо не требуют для своего рассмотрения выхода за пределы собственно сферы производства прибавочной стоимости. Скорее, это продолжение исследования противоречий процесса капиталистического производства, которое могло бы послужить резюме раздела о процессе производства капитала.

Характерно, что и весь процесс обращения капитала в целом в данной рукописи Маркс не выделил в отдельный самостоятельный раздел «Главы о капитале», снабженный особым заголовком, а исследовал его *в рамках раздела о процессе производства капитала* (хотя, конечно, и последний из приводимых в «Главе о капитале» набросков плана работы [25], и та трехчленная структура ее «первого выпуска», о которой он сообщал несколько позднее Ф. Лассалю [26], наконец, тот факт, что «Капитал и прибыль» фигурирует в рукописи как третий отдел — все свидетельствует о том, что Маркс к тому времени достаточно ясно представлял себе, что исследование процесса обращения капитала есть относительно самостоятельный, особый этап разработки внутренней структуры буржуазного способа производства). Думается, это отнюдь не случайность. В первом черновом варианте будущего «Капитала», где процесс изложения еще тесно переплетен с процессом исследования, внутренние границы между различными уровнями анализа еще подвижны, изменчивы. Поэтому при рассмотрении более развитых отношений возможно выявление некоторых более простых, абстрактных сторон предмета.

С другой стороны, целый ряд категорий здесь выступает сразу как совокупность конкретных определений. Между тем в более поздних черновых вариантах «Капитала» и окончательном его тексте они раскрываются постепенно, начиная с наиболее простых и абстрактных моментов и кончая рассмотрением многообразных, усложняющих картину реальных обстоятельств на стадии исследования процесса производства и процесса обращения капитала в целом, в их единстве. Именно так обстоит дело с анализом воспроизводства и обращения совокупного общественного капитала [27].

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс впервые после физиократов дал набросок простого и расширенного воспроизводства капитала [28]. Он занимает всего две с половиной рукописных страницы [29], но уже здесь, по существу, сформулированы некоторые важнейшие положения теории воспроизводства. Хотя Маркс исходит из схемы, в которой фигурируют пять капиталистов *(A, B, C, D, E)*, но нетрудно убедиться, что *A, B, C* являются производителями средств производства, а *D* и *E* — предметов потребления [30], так что схема легко может быть сведена к двухсекторной модели, причем получаются следующие случаи:

Простое воспроизводство

I. $180c+60v+60m=300$
II. $120c+40v+40m=200$

Расширенное воспроизводство

I. $180c+60v+60m=300$
II. $90c+30v+30m=150$

Легко заметить, что, хотя числовые примеры и пропорции между I и II подразделениями несколько отличаются от принятых во II томе «Капитала», тем не менее как общие предпосылки (I>II, равенство, говоря языком «Капитала», органического строения и нормы прибавочной стоимости в I и II подразделениях), так и принципиальные соотношения между подразделениями, например между I $(v+m)$ и II c, Марксом уже установлены [31].

Таким образом, с одной стороны, важная проблема теории воспроизводства впервые была в общих чертах сформулирована и рассмотрена уже здесь. С другой стороны, парадоксальным — для знакомого со II томом «Капитала» читателя — образом Маркс приходит к выводу, что «этот пример впоследствии можно подробно развить, а можно и не развивать. Сюда он, собственно говоря, не относится» [32]. Иными словами, проблема воспроизводства, обращения и накопления капитала выносится Марксом за рамки исследования процесса обращения капитала.

Сразу возникают два вопроса. Во-первых, почему Маркс, дав удачный набросок одной из проблем, решение которой традиционно считается его важнейшим теоретическим достижением во втором томе «Капитала» в связи с исследованием процесса обращения капитала, тем не менее полагает, что анализ ее должен быть дан за пределами рассмотрения данной темы? Во-вторых, почему тем не менее во всех подготовительных вариантах, начиная с «рукописи I» (1865 г.), и в самом втором томе «Капитала» все же исследуется воспроизводство и обращение всего общественного капитала?

Отвечая на первый вопрос, следует указать, что тема простого и расширенного воспроизводства капитала в «Grundrisse» затрагивается в связи с выяснением образования общей нормы прибыли [33], а потому проблема реализации выступает ближайшим образом как проблема реализации *прибыли* — конкретной превращенной формы прибавочной стоимости. (Внешне это связано с тем, что, разбирая неудачную попытку объяснения перепроизводства у Прудона, который смешивает цену и стоимость и привносит в рассмотрение «отношения, не имеющие касательства к определению стоимости как таковому» [34], Маркс сам вынужден затрагивать вопросы, которые, как отмечалось выше, еще не могут быть здесь до конца выяснены.) Кроме того, Маркс в данной рукописи исходит из того, что обращение капитала исследуется на уровне «капитала вообще», всеобщего понятия капитала. Между тем воспроизводство предполагает обмен *многих* капиталов, т. е., строго говоря, требует перейти от «капитала вообще» к «особенным капиталам» [35].

Почему же впоследствии Маркс обращается к воспроизводству всего общественного капитала именно в связи с анализом процесса обращения капитала? Во-первых, на наш взгляд, потому, что это возможно при предпосылках, из которых Маркс фактически исходит уже в этой рукописи, и прежде всего при равном строении всех капиталов.

Такое допущение устраняет всякое различие между прибылью и прибавочной стоимостью, первая выступает всего лишь как денежное выражение последней. Это позволяет рассмотреть данную проблему еще *до* превращения прибавочной стоимости в прибыль, т. е. именно на том уровне абстракции, на каком она решается в окончательном тексте «Капитала». Далее, в черновых рукописях II тома и в самом «Капитале» Маркс различает уже не «капитал вообще» и «реальное движение капитала», а общественный и индивидуальный капитал [36]. Это позволяет преодолеть определенное противоречие. Оно заключалось в том, что обращение в «Grundrisse» необходимо было проанализировать в рамках «капитала вообще» и в то же время нельзя было рассмотреть, не выходя за его рамки [37]. Наконец, в этом проявилось и отличие «Капитала» от его первоначального чернового варианта: в рукописи 1857—1858 гг. наряду с преобладающим восхождением от абстрактного к мысленно конкретному отчетливо наблюдается и противоположное движение — от эмпирически конкретного к абстрактному; в более поздних черновиках и окончательном тексте «Капитала» последнее отходит на задний план. В данном случае это значит, что если в «Grundrisse» на проблему воспроизводства Маркс выходит через феномен перепроизводства и кризисов (и поэтому считает, возможно, анализ воспроизводства составной частью исследования «зародышей» кризисов «в том виде, в каком они первоначально содержатся в само́м капиталистическом отношении» [38]), то впоследствии именно данное обстоятельство побуждает его подойти к проблеме воспроизводства *до и независимо от* проблемы перепроизводства и кризисов.

Впрочем, уже в данной рукописи для этого создаются необходимые предпосылки, поскольку после обширного пассажа о перепроизводстве и кризисах Маркс приходит к принципиально важному выводу: «...то движение, в котором все это происходит в действительности, может быть рассмотрено только после того как рассмотрен *реальный* капитал, т. е. конкуренция и т. д.». А значит, «сюда это еще не относится» [39]. Иначе говоря, все реальные превратности, действительные затруднения процесса обращения капитала «на той стадии исследования, на которой мы теперь находимся, рассматривая лишь капитал вообще,— существуют только как *возможности,* а потому и снимаются тоже как *возможности*... теперь продукт полагается вновь превращенным в деньги» [40].

По существу, теперь только и начинается собственно исследование процесса обращения капитала. «Превращение товара

в деньги» — так сформулировано у Маркса содержание следующего небольшого фрагмента данной рукописи в «Наброске плана» [41].

Здесь, по выходе капитала из сферы производства в сферу обращения, обнаруживаются те новые определения, которые получают деньги, или скорее капитал в качестве денег: во-первых, деньги, возросшие по сравнению с первоначальной суммой, выступают уже не только как мера стоимости, но и как мера *прибавочной* стоимости. Во-вторых, они представляют собой средство обращения капитала, а капитал как деньги может быть определен как оборотный капитал. В-третьих, капитал в форме денег, упрочиваясь в самостоятельный вид капитала, становится ссудным капиталом. Маркс отмечает, что первая и третья особенности здесь еще раскрыты быть не могут, а относятся к проблематике третьего раздела «Главы о капитале» [42], ограничивая, таким образом, предмет исследования на данном этапе деньгами в качестве средства обращения капитала.

Деньги как средство обращения капитала являются таковыми лишь постольку, поскольку они благодаря обмену доставляют капиталу его вещественные элементы — рабочую силу и средства производства. «Таким образом, определение капитала в качестве денег как средства обращения приводит прежде всего только к тому, что мы снова оказываемся перед началом *процесса увеличения стоимости*. Поэтому прежде всего с *этого пункта* мы и продолжим наше рассмотрение капитала», — заключает Маркс [43].

Однако следующий за этим обширный фрагмент рукописи, начиная с 42-й страницы IV тетради и до 16-й страницы V тетради включительно [44], трактует значительно более широкий круг вопросов, нежели этого требует появление в обращении денег в качестве реализованного капитала. Действительно, затрагиваемые здесь проблемы (превращение условий капиталистического производства в результаты самого наемного труда и капиталистическое воспроизводство как воспроизводство отношений между трудом и капиталом [45], т. е. полагание капиталом своих собственных предпосылок, и отличие предпосылок существования капиталистического отношения от предпосылок его возникновения [46]) уже в «Наброске плана» Маркс перенес в раздел о процессе производства капитала, а именно в 4-й и 5-й его пункты [47]. Впоследствии они прочно заняли место в заключительном отделе первого тома «Капитала» [48]. Таким образом, здесь в рукописи вновь имеет место отступление от основной темы, своеобразное продолжение исследования процесса производства капитала в рамках раздела об обращении капитала.

Собственно же к обращению капитала Маркс возвращается на 16-й странице V тетради. Причем можно утверждать, что именно теперь происходит развитие исходных методологических предпосылок исследования процесса обращения. У Маркса складывается в принципе тот подход к пониманию обращения капитала,

который впоследствии будет реализован в черновых вариантах II тома «Капитала» и окончательном тексте данной части Марксова труда.

1.2. Непосредственное единство процесса производства и процесса обращения капитала

«То, что мы теперь должны рассмотреть,— это сам *кругооборот* или *оборот капитала*... обращение, выступающее как обращение капитала...» — пишет он [49]. Здесь важна последняя часть фразы — о том, что обращение выступает как *обращение капитала*. Такой подход к рассмотрению обращения капитала кардинально отличается от предыдущего изложения, где обращение выступало как нечто внешнее по отношению к капиталу.

Действительно, «переход капитала из процесса производства в процесс обращения» до сих пор интерпретировался Марксом, по существу, как выход капитала из сферы производства, демиургом которой он является, в сферу обращения, выступающего как внешняя, не им самим положенная предпосылка. Отсюда вытекала необходимость сразу исследовать все те реальные пределы и ограничения, которые обращение как внешняя сила накладывает на процесс самовозрастания капитала. Такой подход противоречил пониманию «капитала вообще», сложившемуся у Маркса поначалу: «с той точки зрения, на которой мы сейчас находимся в нашем исследовании,— отмечал он,— капиталу не противостоит ничего, кроме наемного труда и его самого» [50]. Противоречил этот подход также тому верному выводу, сформулированному в начале «Главы о капитале», что «обращение... представляет собой опосредствование заранее данных... моментов», но «само оно не создает этих моментов... *Обращение есть внешнее проявление процесса, протекающего позади обращения*» [51].

Это противоречие теперь снимается, поскольку обращение рассматривается как имманентная форма существования капитала, положенная им самим. «Кругооборот капитала... охватывает оба момента. В нем производство оказывается конечным и исходным пунктом обращения и vice versa. Самостоятельность обращения низведена теперь до простой видимости, так же как и потусторонность производства» [52].

Данное определение устанавливает исходные методологические предпосылки и тот уровень абстракции, на котором надлежит рассматривать обращение (кругооборот, оборот) капитала. Видимость внешнего отношения производства и обращения снимается, оба они выступают как моменты одного целого — капитала. «Оборот капитала есть... его жизненный процесс. Если что-либо и следовало бы уподобить кровообращению, то не формальное обращение денег, а полное содержания обращение капитала» [53].

Отсюда сразу возникает важный вопрос: если обращение выступает и как форма процесса жизнедеятельности капитальной

стоимости, и как некоторый особенный его момент, то «не привходит ли... некий момент определения стоимости, не зависящий от труда, не исходящий от него непосредственно, а вытекающий из самого обращения?» [54] И если такое влияние обращения на определение стоимости обнаруживается, то с чем оно может быть связано?

В поисках ответа на поставленные вопросы Маркс приходит к выводу, что необходимо, прежде всего, исследовать такой специфический момент движения капитала, как «превращение продукта в деньги. Продолжительность этой операции» [55]. Иными словами, речь идет, прежде всего, о транспортных издержках и издержках связи.

Доставка продукта на рынок есть необходимое условие его продажи. Собственно говоря, только будучи доставленным туда, где он может быть реализован, превращен в деньги, продукт и становится товаром. Таким образом, Маркс в итоге отмечает, что издержки, связанные со средствами транспорта и связи, представляют собой непосредственное продолжение процесса производства в сфере обращения и являются, скорее, издержками производства, а не обращения [56].

Но, далее, обращение протекает не только в пространстве, но и во времени: оно требует времени на подсчет, взвешивание, измерение и т. п. «Это время относится к *издержкам обращения*»,— подчеркивает Маркс [57]. Вообще, поскольку капитал должен проходить через сферу обращения, постольку все совершаемые в ней операции требуют времени, и «здесь действительно привходит такой момент *определения стоимости,* который не проистекает из непосредственного отношения труда к капиталу». Во всяком случае, «если обращение и не создает никакого момента в самом *определении стоимости,* обусловленном исключительно трудом, то от скорости обращения зависит та скорость, с которой возобновляется процесс производства, с которой создаются стоимости,— зависят, следовательно, если не *стоимости,* то, до известной степени, массы стоимостей, т. е. произведение создаваемых в процессе производства стоимостей и прибавочных стоимостей на число повторений процесса производства в течение данного промежутка времени» [58].

Здесь выясняется и различие между транспортными и им подобными издержками и *издержками* обращения, в том числе временем обращения, как таковыми. Если первые увеличивают стоимость, то время обращения «выступает в качестве *времени уменьшения стоимости»,* или «как *естественная граница* использования рабочего времени... вычет из *прибавочного рабочего времени...*» [59].

Между тем на поверхности представляется, будто время обращения — равноправный с рабочим временем «источник» стоимости. Дело выглядит так, будто «*капитал* способен из ничего создавать нечто, превращать минус в плюс, из минуса прибавочного рабочего времени или минуса прибавочной стоимости делать плюс

прибавочной стоимости — и потому обладает неким *мистическим,* независимым от присвоения чужого труда источником созидания стоимости» [60]. Фетишизм обращения покоится на том обстоятельстве, как показывает Маркс, что сумма стоимостей, производимых за определенный период, зависит не только от величины вновь созданной стоимости, но и от того, насколько часто повторяется в течение данного отрезка времени процесс производства, т. е. от скорости обращения [61]. Видимость «равноправной» роли производства и обращения в процессе создания стоимости усиливается благодаря тому объективному обстоятельству, что в различных отраслях, производящих разные потребительные стоимости, весьма неодинаковым может быть продолжительность необходимого для их производства рабочего времени — какими бы причинами это ни вызывалось [62]. На поверхности дело выглядит так, будто те отрасли, в которых продукт быстрее поступает в обращение и реализуется, производят за то же время бóльшую сумму стоимости, причем именно за счет более высокой скорости обращения. Данное обстоятельство усиливает мистификацию [63].

Таким образом, Маркс уже в данной рукописи не только вскрывает причины господствующего в капиталистическом обществе представления о «творческой» роли обращения, но и — что не менее важно — устанавливает *необходимый* и неустранимый характер подобных иллюзий.

По-видимому, именно исследование причин фетишистских воззрений на обращение и побудило Маркса обратиться к критике буржуазных теорий прибавочной стоимости и прибыли [64], и прежде всего — теории Рикардо, теоретические ошибки которого впоследствии были лишь утрированы многими «фокусниками обращения». Здесь Маркс, впрочем, выходит за рамки поставленного вопроса, разбирая «все учение Рикардо по этому вопросу» [65]. В целом весь этот фрагмент текста следует рассматривать как третье большое отступление от основной темы [66] — исследования процесса обращения капитала, к которому Маркс теперь вновь возвращается, озаглавив следующую часть текста «Основной и оборотный капитал».

Само движение капитала, его кругооборот порождает эти новые определения капитала в обращении. Поскольку обращение капитала выступает двояким образом — и как процесс в целом, и как совокупность расположенных в известной последовательности фаз, стадий,— постольку это различие само подводит к выделению новых определенностей: «Как субъект, как возвышающаяся над различными фазами этого движения, сохраняющаяся и умножающаяся в нем стоимость, как субъект... превращений, которые протекают в процессе кругооборота ...капитал является *оборотным капиталом*... с этой точки зрения каждый капитал... является *оборачивающимся* [*обращающимся*] *капиталом*...» С другой стороны, «капитал в каждой отдельной фазе является отрицанием самого себя как субъекта различных превращений. Он представляет собой

здесь необорачивающийся капитал, *основной* [*fixes*] *капитал*, собственно говоря, *фиксированный* [*fixiertes*] капитал, закрепленный в одной из различных определенностей, в одной из различных фаз, через которые он должен пройти» [67].

Маркс подчеркивает, что эти характеристики выступают не как определения особых форм капитала, а как «различные *формальные определения одного и того же капитала*» [68], причем капитал в каждый данный момент выступает в обоих определениях [69].

Именно такое диалектическое понимание процесса обращения капитала в «Grundrisse» способствует выделению проблематики кругооборота капитала. Действительно, товарный, денежный, производительный капитал суть определенности фиксированного капитала; с другой стороны, то обстоятельство, что фиксированный капитал выступает также и как оборачивающийся, позволяет отличить товарный, денежный и производительный капитал как особенные функциональные формы капитальной стоимости от особых видов капитала обращения — товарно-торгового, денежно-торгового — и промышленного капитала.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс в связи с введенным Т. Чалмерсом понятием «экономического цикла» фактически выделяет фигуру кругооборота денежного капитала [70], приводит он и наброски фигуры кругооборота производительного капитала [71]. Однако терминологический аппарат здесь еще не сложился — во многом вследствие того, что кругооборот и оборот капитала (а во многих местах и обращение капитала) рассматриваются практически как синонимы [72].

Существенно важно, однако, другое — а именно что выделение различных «формальных определений» обращения капитала в «Grundrisse» позволяет говорить о складывании теоретико-методологических предпосылок исследования метаморфозов капитала и их кругооборота [73].

Но обращение не только меняет *форму* — оно оказывает модифицирующее влияние на *величину стоимости*: «...время обращения становится моментом, определяющим рабочее время, определяющим созидание стоимости. Тем самым отрицается самостоятельность рабочего времени, и процесс производства сам выступает как определяемый обменом...» [74] Таким образом, выясняется, что капитал не может существовать без обращения, более того — из самого его определения вытекает необходимость постоянного повторения, возобновления обращения, а «капитал является по существу *оборотным капиталом*» [75]. Тем самым обоснован переход от рассмотрения *одного* оборота капитала к исследованию *ряда* его оборотов в течение определенного *периода*.

Каковы предпосылки исследования оборота капитала, намечаемые Марксом? Они в общем уже те же, что и впоследствии во II томе «Капитала»,— абстрагирование от потребления и от сосуществования многих капиталов. Потребление не может быть проанализировано на данной стадии, ибо «обращение капитала в соб-

ственном смысле... есть... только обращение между различными деловыми людьми. Обращение между деловыми людьми и потребителями, тождественное с розничной торговлей, представляет собой второй кругооборот, который не включен в непосредственную сферу обращения капитала...». В-третьих, наконец, здесь еще не рассматривается, а только предполагается *«одновременность различных кругооборотов капитала»,* ибо реально это требует изложения всех обстоятельств, связанных с наличием многих капиталов [76].

Это важно, ибо привлечение к анализу всевозможных осложняющих картину обстоятельств, рассмотрение оборота капитала, основного и оборотного капитала сразу во всем богатстве их определений, а не как всего лишь различных *формальных* определений *одного и того же капитала* «вызвало большую путаницу в политической экономии» [77]. Маркс же впервые в истории этой науки ставит задачу исследования основного и оборотного капитала как таковых, не привнося сюда вопросов, на которые надлежит ответить в разделе о капитале и прибыли и далее, при анализе реального движения капиталов; но для того чтобы решить эту задачу, он прежде всего дает разбор взглядов, господствующих в буржуазной политэкономии.

Маркс показывает, что в предшествующей экономической науке сложились, по существу, два основных подхода к определению основного и оборотного капитала: с одной стороны, в смысле фиксированного («закрепленного, несвободного, нереализуемого капитала, застрявшего в одной из фаз своего совокупного процесса обращения» [78]) и обращающегося капитала, с другой стороны, в смысле тех различий, которые обнаруживают в обращении те или иные элементы капитала в зависимости от их потребительной стоимости для процесса производства [79]. Эта вторая точка зрения, по Марксу, ухватывает важный момент: «...*особенная природа той потребительной стоимости,* в которой существует стоимость или которая теперь является телом капитала, сама выступает здесь как то, что *определяет форму* и деятельность капитала... Потребительная стоимость сама играет роль экономической категории» [80].

Однако, нащупав правильный подход к определению основного и оборотного капитала, буржуазная политэкономия тут же допускает ошибку, отождествив эти различные определения. Маркс показывает, что существующая здесь путаница связана, во-первых, с неразличением в буржуазной экономической науке особенностей обращения *стоимости* и специфики обращения вещественных элементов капитала, проистекающей из их особой *потребительной стоимости* для процесса производства [81]. Во-вторых, имеет место смешение различных определений самого обращения. Между тем оно выступает: а) как «совокупный процесс — прохождение капиталом его различных моментов, в результате чего капитал выступает как текучий, как обращающийся капитал» [82]; б) как «малое обращение между капиталом и рабочей силой» [83]; в) как

«большое обращение: движение капитала вне фазы производства...» [84].

Здесь, однако, необходимо заметить, что, верно указав источник затруднений буржуазных экономистов в определении основного и оборотного капитала, Маркс сам поначалу впадает в некоторую односторонность, акцентируя внимание только на особенностях обращения потребительной стоимости капитала. Дав характеристику «большого обращения», он пишет: «Из... противоположности между капиталом, находящимся в фазе производства, и капиталом, покидающим ее, проистекает различие *текучего* и *основного капитала*. Последний капитал — это тот, который прикреплен к процессу производства и в нем самом потребляется; хотя он и приходит из большого обращения, но никогда туда не возвращается, и когда он обращается, он обращается только для того, чтобы быть потребляемым в процессе производства, быть прикованным к нему» [85]. Однако основной капитал никогда не возвращается в обращение лишь в своей особенной *натуральной* форме, как потребительная стоимость. Но он обращается, постепенно снашиваясь и перенося свою стоимость на производимый продукт, товар — именно так потом трактует Маркс обращение основного капитала во II томе «Капитала». Приходится признать, что в цитированном выше месте «Grundrisse» в понятие основной капитал вкладывается существенно иной смысл, нежели впоследствии.

Еще больше вопросов вызывает характеристика «текучего» капитала. С одной стороны, если ставить во главу угла потребительную стоимость тех или иных составных частей капитала, то «та часть капитала, которая как таковая принадлежит процессу производства, является такой его частью, которая вещественно служит только *средством производства*...» [86], должна выступать как основной капитал: это прямо следует из предыдущей цитаты. Между тем, хотя уголь, смазочное масло и т. д. «тоже служит только средством производства», Маркс совершенно определенно относит эти вспомогательные материалы к текучему капиталу [87]. (Впрочем, несколькими абзацами ниже они уже фигурируют как основной капитал [88].) Наконец, куда в таком случае отнести сырье?

Видимо, понимая, что содержание пары понятий «текучий» и «основной» капитал сформулировано не вполне ясно, Маркс делает пометку: «Это различие надо будет еще исследовать подробнее» [89]. И хотя тут же он утверждает, что, во всяком случае, оно «не противоречит первому определению», т. е. уже намеченному им в ходе критики взглядов буржуазных экономистов определению основного и оборотного капитала, на самом деле конец этой фразы свидетельствует об обратном. Ибо здесь в рассмотрение входит, наряду с потребительной стоимостью, и стоимость основного капитала, которая «точно так же обращается по мере того как он изнашивается» [90].

Таким образом, Маркс постепенно преодолевает ограниченность противопоставления «текучего» и «основного» капитала, вырабатывая диалектическое понимание основного и оборотного капитала, учитывающее обе стороны — и потребительную стоимость, и стоимость — элементов обращающегося капитала [91].

В результате анализа различия между основным и оборотным капиталом существенно изменяется формула времени оборота совокупного капитала, распадающегося на оборотный и основной, ибо теперь «среднее время оборота равно времени оборота оборотного капитала плюс это же время оборота, деленное на число, показывающее, сколько раз оставшаяся часть основного капитала содержится в общей сумме капитала, оборачивающейся в течение этого времени оборота». Отсюда — укрепление «обычного предрассудка», будто «оборотный капитал или основной капитал приносят прибыль благодаря какой-то таинственной врожденной силе...» [92].

Буржуазная экономическая мысль, как показывает Маркс [93], либо — в лице представителей классической политэкономии — отрицала этот устойчивый предрассудок, либо — как это свойственно вульгарной политэкономии — стремилась обосновать его «теоретически». Причем в этом споре происходила подмена понятий, поскольку основной капитал осознанно или неосознанно отождествлялся с машиной, специфической вещественной формой его существования.

Однако в этом отождествлении основного капитала с машиной, как показывает Маркс, есть и определенный рациональный момент, ибо именно на основе машинной техники «*развитой капитал*... выступает всего разительнее», и именно «в возрастании ее доли по сравнению с формой оборотного капитала... измеряется степень развития капитала как капитала» [94].

Маркс приходит к выводу, что «в различии между оборотным капиталом (сырой материал и продукт) и *основным капиталом* (средства труда) различие между элементами как потребительными стоимостями... выступает как качественное различие самого капитала и как отношение, определяющее движение капитала в целом (оборот капитала)» [95]. Поэтому на данном этапе исследования уже отнюдь не безразлично, какова потребительная стоимость средств производства, насколько она соответствует потребностям движения самого капитала. Адекватной основному капиталу потребительной стоимостью «является *машина* или, вернее, *автоматическая система машин*», ибо «присвоение живого труда посредством овеществленного труда — присвоение силы или деятельности, созидающей стоимость, посредством самодовлеющей стоимости, которое заложено в понятии капитала,— в производстве, основанном на машинах, положено как характер самого процесса производства также и со стороны вещественных элементов производства и его вещественного движения... В системе машин овеществленный труд противостоит живому труду в самом процессе труда как господствующая над ним сила...» [96]. Естественно

поэтому, что степень развития капитала как основного капитала свидетельствует о том, насколько развит капиталистический способ производства, насколько капитал овладел процессом производства [97].

Таким образом, в рукописи 1857—1858 гг. дан уже глубокий и содержательный анализ системы машин как соответствующего капиталу технологического базиса общественного производства. Последовательное различение между системой машин как адекватной капиталу формой «потребительной стоимости внутри процесса производства» [98] и основным капиталом как специфическим общественным отношением позволило Марксу преодолеть теоретическую ограниченность буржуазной политической экономии в данном вопросе. С другой стороны, рассмотрение внутренней тенденции капитала к расширению и постоянному усовершенствованию системы машин, превращению науки в универсальную производительную силу логически привело к тому, что именно здесь, в данной связи, был поставлен и решен вопрос о пределах развития машинного производства на основе капитала, о разложении его как господствующей формы производства по мере развития вызванных им к жизни производительных сил и о складывании экономических предпосылок перехода к высшему, коммунистическому общественному устройству. Представляется, что рассмотрение системы машин не только в ходе исследования процесса производства прибавочной стоимости, как впоследствии в «Капитале», но и в связи с анализом обращения капитала, имеет свои основания. Процесс производства прибавочной стоимости, не опосредствованный процессом обращения, может быть рассмотрен лишь как отдельный акт. Между тем обращение капитала — на той стадии исследования, на которой Маркс теперь находится — есть самовозобновляющийся, повторяющийся процесс. Поэтому здесь роль машин может быть показана не только в статике, с точки зрения их влияния на процесс создания новой стоимости, но и в динамике, с позиции реализуемых с их прогрессирующим внедрением исторических тенденций развития производительных сил и буржуазных производственных отношений.

Именно под этим углом зрения основной капитал, его развитие выступает как самоцель на основе капиталистического способа производства. Поэтому и капитал, занятый в производстве элементов основного капитала, выступает как *«капитал в более высокой степени, чем в производстве оборотного капитала»* [99]. Но этим не исчерпываются различия между ними, не ограничиваются новые моменты, привходящие в рассмотрение обращения капитала. Существенным обстоятельством, в частности, является их взаимовлияние, как оно проявляется с точки зрения продолжительности времени обращения.

Раньше Марксом уже установлено, что величина приносимой капиталом прибыли обратно пропорциональна продолжительности времени обращения и прямо пропорциональна скорости оборота.

Исследование показало, что увеличение массы основного капитала является необходимым проявлением развития капиталистического способа производства. Между тем это ведет к удлинению времени обращения, снижению скорости оборота. Уравновесить эту, сколь необходимую, столь же и опасную для капитала тенденцию может лишь ускорение оборота оборотного капитала, способствующее сокращению времени его оборота до нуля, т. е. непрерывное производство. Поэтому, делает Маркс вывод, «*непрерывность* производства стала крайней необходимостью для капитала вместе с развитием той его части, которая определена как основной капитал» [100].

Еще более важным [101] считает Маркс другое различие между основным и оборотным капиталом, с которым он непосредственно связывает присущий крупной капиталистической промышленности циклический характер развития. Когда оборачивающийся капитал рассматривался как недифференцированный в самом себе, год выступал как некая «естественная» мера процесса производства и воспроизводства. Это остается справедливым в отношении оборотного капитала, но привхождение основного капитала существенно меняет дело: эта единица, мера длительности воспроизводственного процесса, «теперь определяется *временем воспроизводства*, требующимся для воспроизводства основного капитала», указывает Маркс, и замечает: «Не подлежит никакому сомнению, что тот цикл, через который, со времени развития основного капитала в широком масштабе, промышленность проходит приблизительно в течение десятилетнего промежутка времени, связан с этой... *фазой совокупного воспроизводства капитала*» [102]. Таким образом, в указанном месте раздела о процессе обращения капитала Маркс формулирует второе (после необходимости реализации продукта, снятия того обесценения, которому подвергается капитал в процессе производства) обстоятельство, определяющее кризисный характер капиталистического воспроизводства [103].

Выявив действительные различия между основным и оборотным капиталом, Маркс стремится показать, что они носят не абсолютный характер. Но, развивая этот тезис, Маркс обнаруживает все-таки недостаточно четкое пока понимание специфики основного капитала (в отличие от капитала производительного) и оборотного капитала (в отличие от товарного и денежного капитала). Именно об отсутствии такого четкого различения аспектов, вытекающих из рассмотрения отдельных стадий, метаморфозов капитальной стоимости, и тех моментов, которые связаны с исследованием обращения капитала как постоянно повторяющегося, возобновляющегося процесса, т. е. как оборота, свидетельствует следующее обстоятельство. Желая пояснить свою мысль, Маркс говорит, что, с одной стороны, вспомогательные материалы, будучи по сути своей формой оборотного капитала, могут становиться основным капиталом, если они потребляются в процессе производства; с другой стороны, «*всякий капитал возвращается только в*

форме оборотного капитала... основной капитал может обновляться лишь тем путем, что часть оборотного капитала закрепляется...» [104]. Как бы то ни было, однако, главная цель была Марксом все же достигнута. В ходе рассмотрения основного и оборотного капитала ему удалось в общем показать вторичный, производный характер такого деления капитала в обращении. Вместе с тем «те различные виды капитала, которые в политической экономии появляются извне, как будто бы с неба свалившись, выступают здесь как соответствующие порождения движений, вытекающих из самой природы капитала, или, вернее, как соответствующие порождения самого этого движения в его различных определениях» [105].

Завершая раздел о процессе обращения капитала, Маркс намечает целый ряд более конкретных вопросов, которые вытекают из предшествующего изложения, а вместе с тем и уточняет те пределы, в которых возможно их выяснение. В этой связи в рукописи подчеркивается, что сюда не относятся многие, более конкретные отношения, такие, как обращение купеческого или ростовщического капитала [106], индивидуальное потребление [107], различные формы дохода с основного и оборотного капитала [108], равно как и все вообще особенные категории, которые выясняются в учении о конкуренции или о кредите [109]. Здесь еще всюду предполагается та форма, «когда функционирует один капитал... *капитал* как таковой» [110], речь идет лишь о том, чтобы «установить в чистом виде определения формы...» [111].

И, наконец, Маркс дает краткое резюме всего второго отдела «Главы о капитале», где подчеркивается, прежде всего, что рассмотрение обращения как «включенного в капитал» означает переход к процессу воспроизводства: «процесс производства как содержащий в самом себе условия своего возобновления есть процесс воспроизводства...» [112].

Маркс в нескольких абзацах обрисовывает существо тех отношений, которые входят в предмет исследования воспроизводства капитала. Он устанавливает, что в этом процессе происходит воспроизводство стоимости и потребительной стоимости капитала. Поскольку воспроизводится стоимость *капитала*, постольку в ходе этого процесса происходит производство и реализация прибавочной стоимости, являющейся элементом капитальной стоимости. Поскольку же «в рамках воспроизводства капитала... происходит воспроизводство тех потребительных стоимостей, в которых существует капитал...» [113], постольку существенно важной проблемой является воспроизводство постоянного капитала в вещественной форме особенных потребительных стоимостей: «Хотя в одном процессе производства труд лишь сохраняет стоимость того, что мы раньше назвали постоянной частью капитала,— пишет Маркс,— он должен в другом процессе производства постоянно воспроизводить эту часть капитала, так как то, что в одном процессе производства выступает как предпосылка в виде материала и орудия, в другом процессе производства выступает как продукт...» [114]

Наконец, «воспроизводство капитала есть вместе с тем производство определенных... типов отношений, в которых выступает персонифицированный овеществленный труд» [115].

Таким образом, в свернутом виде здесь сформулированы отправные пункты анализа процесса накопления и воспроизводства капитала, которые впоследствии, уже в рукописи 1861—1863 гг., стали предпосылкой развернутого исследования «Обратного превращения прибавочной стоимости в капитал» и процесса воспроизводства, прежде всего — «Возвратных движений денег в капиталистическом воспроизводстве» [116]. Нетрудно убедиться, однако, что такой анализ воспроизводства капитала предполагает отказ от трактовки капитала вообще как некоего «универсального капитала», ибо обращение капитала, когда оно рассматривается уже не только как «смена форм», но и как «обмен веществ», требует — хотя в данном контексте Маркс об этом прямо не говорит — перехода ко *многим* капиталам.

* * *

Резюмируя вышеизложенное, необходимо, прежде всего, ответить на вопрос, есть ли основания для того, чтобы охарактеризовать отдел «Главы о капитале» рукописи 1857—1858 гг., трактующий обращение капитала, как набросок будущего II тома «Капитала»?

Исследование содержания рассматриваемого отдела позволяет заключить, что такие основания имеются. Прежде всего, уже в ходе разработки проблем обращения капитала Маркс приходит к верному методологическому выводу о необходимости исследовать его как собственный процесс капитала, а не как его внешнее условие. Это позволяет сосредоточиться на анализе тех новых моментов, которые обращение привносит в понятие «капитала вообще».

Поэтому снимаются с повестки дня многие вопросы, которые как таковые еще не могут быть выяснены на данном этапе (перепроизводство и кризисы и т. д.). В центре исследования оказывается феномен оборота капитала, но по ходу его рассмотрения Маркс развивает также положения, составившие в более поздних рукописях второй книги «Капитала» [117] предмет первой (метаморфозы капитала и их кругооборот) и третьей (обращение и воспроизводство капитала) глав соответственно. В частности, в связи с анализом различных аспектов обращения капитала выяснен характер издержек обращения, всесторонне освещен вопрос о влиянии времени обращения и времени производства на определение стоимости, содержатся в первом приближении схемы простого и расширенного воспроизводства капитала.

В то же время, и это вполне естественно, первоначальный вариант «Капитала» по глубине, систематичности и последовательности рассмотрения процесса обращения капитала отличается от окончательного текста II тома. Так, некоторые проблемы — переход от процесса производства к процессу обращения капитала [118],

оборот капитала, основной и оборотный капитал — раскрыты подчас полнее, чем в последующих черновых рукописях и последней редакции II тома «Капитала», но нередко в ином контексте, с иных позиций. Именно в силу этого ряд не менее важных в теоретическом отношении вопросов лишь намечен в общих чертах.

В «Grundrisse» просматриваются контуры анализа воспроизводства и обращения не только «капитала вообще», но и многих капиталов, однако детальное изучение этого вопроса на данной стадии с точки зрения тогдашних представлений Маркса о структуре будущего экономического произведения выглядит преждевременным. Это связано с тем, что он рассматривает обращение как процесс, совершаемый «капиталом вообще», тогда как позднее, начиная с «рукописи I» второй книги «Капитала», речь идет, по сути дела, уже об обращении состоящего из многих *индивидуальных* капиталов всего *общественного* капитала.

Далее, хотя в рассматриваемой рукописи, по существу, дано уже определение кругооборота капитала [119], фактически выделены его фазы, или стадии [120], различаются кругооборот товарного, денежного и производительного (промышленного) капитала [121], все же категория «кругооборот капитала» пока выступает лишь как синоним оборота капитала. Она еще не рассматривается как особое — имеющее в рамках исследования обращения капитала собственное, специфическое содержание — теоретическое понятие. Отсюда — двойственность категорий оборота основного и оборотного («текучего») капитала, которые трактуются не только как определенности формы капитала в обращении, но и как синонимы производительного (основной) и денежного и товарного капитала (оборотный, «текучий»).

В рукописях «Капитала» более позднего периода, начиная с «рукописи I» второй книги, Маркс более последовательно проводит различие между определенностями кругооборота и оборота капитала, между *капиталом в обращении* и *капиталом обращения*,— различие, которое в неявной форме заложено уже в «трояком определении обращения» [122]. Расширяя свои первоначальные представления о содержании понятия «капитал вообще», он окончательно решает вопрос о месте исследования воспроизводства капитала,— им отныне завершается книга об обращении капитала.

Этого нет еще в «Grundrisse». Однако бесспорно, именно в данной рукописи Маркс впервые в истории политической экономии осуществил исследование процесса обращения капитала в «чистом» виде, отвлекаясь от многочисленных, более конкретных моментов, причем капитал предстал как непосредственное единство производства и обращения, такое единство, в котором оба эти момента выступают как внутренние, взаимообусловленные предпосылки друг друга. Вместе с тем Маркс совлек покров мистицизма с процесса обращения, показал его действительную роль в процессе самовозрастания капитала и то новое, что он привносит в определение стоимости и прибавочной стоимости. Тем самым

было определено место анализа процесса обращения капитала в формирующейся теоретической системе «Капитала» как звена, опосредствующего переход от внутренних определений (стоимость и прибавочная стоимость) к поверхностным, превращенным формам (цена производства и прибыль).

2. КАПИТАЛ КАК ПРИНОСЯЩИЙ ПЛОДЫ (В НАЧАЛЕ ПУТИ К III ТОМУ «КАПИТАЛА»)

Завершая анализ процесса обращения капитала, Маркс внешне очень просто определяет переход к рассмотрению «капитала вообще» в качестве созидателя прибыли. Отдел об обращении завершается фразой: «Мы переходим теперь к *третьему отделу*» [123].

Некоторая неопределенность перехода, как, по-видимому, и отсутствие полной ясности в отношении последовательности изложения отдельных вопросов отражены и в заглавии этого отдела: «Капитал как приносящий плоды. Процент. Прибыль. (Издержки производства и т. д.)» [124]. Дело не только в том, что основная характеристика капитала как «приносящего плоды» неопределенна (эта характеристика, впрочем, соответствует тогдашнему представлению Маркса о содержании понятия капитала как действительного единства производства и обращения). Большое значение имеет и то, что на втором месте среди конкретных форм капиталистического дохода идет «процент», являющийся иррациональной, хотя, конечно, и более соответствующей определению капитала как приносящего плоды категорией (правда, в самом тексте раздела на первом месте как ближайшая определенность капитала на этом новом этапе стоит уже прибыль, процент же Марксом в «Главе о капитале» практически не рассматривается).

И все же определенная внутренняя логика прослеживается и здесь. Понять это можно, вернувшись к одному высказыванию Маркса в предыдущей части рукописи. В конце раздела об обращении «Главы о капитале» Маркс констатировал неправомерность попытки Смита непосредственно увязать определения основного и оборотного капитала с категорией прибыли [125]. Такая увязка, на его взгляд, невозможна прежде всего потому, что для этого сначала нужно было бы вывести сами определения основного и оборотного капитала, которые Смит использует как нечто заранее данное [126]. (Кроме того, замечал дальше Маркс, «оборотная часть капитала... приносит... не больше прибыли, чем составная часть, образующая основной капитал, и притом прибыль относится одинаково к этим составным частям соответственно их величине» [127].)

Таким образом, непосредственный переход от этих определений капитала в процессе обращения к определению капитала как созидателя прибыли невозможен. Но, с другой стороны, сама по себе идея о том, что именно процесс обращения капитала, затемняя происхождение прибавочной стоимости, является важнейшим звеном метаморфоза «прибавочная стоимость — прибыль», была до-

казана всем предшествующим анализом процесса обращения [128]. Следовательно, необходимо было найти некое опосредствующее этот переход звено. Такой «результирующей» категорией, «продуктом» движения *обращающегося капитала* является годовая прибавочная стоимость. «Так как капиталы 1) делятся на основной и оборотный капитал в неравных пропорциях и 2) обладают фазой производства с перерывами или без перерывов и... имеют неодинаковое время обращения,— то прибавочная стоимость, которая создается за определенное время, например за год, должна быть неодинаковой... Созидание ими (капиталами.— *Авт.*) стоимости определяется не просто трудом, примененным во время непосредственного процесса производства, а возможностью повторения этой эксплуатации труда в течение данного периода» [129]. Несколькими страницами ниже, уже в начале отдела о прибыли, Маркс практически в тех же выражениях снова повторяет мысль о том, что годовая прибавочная стоимость есть итог всего предшествующего анализа: «За определенный период времени, положенный как единица-мера его оборотов... капитал производит определенную прибавочную стоимость, определяемую не только прибавочной стоимостью, которую капитал создает в течение одного процесса производства, но также и количеством повторений процесса производства или количеством актов его воспроизводства за определенный период времени» [130].

И здесь обнаруживается узость категории «капитал вообще» в том ее понимании, которое сложилось на предыдущих стадиях исследования. Оно препятствует теперь поступательному движению, ибо, с одной стороны, Маркс неоднократно отмечал в «Grundrisse», что пока «для нас... не существует множества капиталов...» [131]. С другой стороны, только в том случае, если в исследование будут вовлечены «многие капиталы», годовая прибавочная стоимость и, далее, годовая *норма* прибавочной стоимости способны высветить глубокое внутреннее противоречие капиталистического способа производства, проявляющееся во внешнем неравенстве годовых масс и норм прибавочной стоимости равновеликих капиталов. Тогда и прибыль и норма прибыли могут выступить в своей действительной роли как категории, «снимающие» это противоречие. (Именно таков в общем будет ход развития мысли Маркса в рукописи 1861—1863 гг. и, наконец, рукописи третьей книги «Капитала», созданной в 1864—1865 гг.)

Однако для этого требовалось расширение рамок понятия «капитал вообще». По всей вероятности, в «Grundrisse» Маркс к этому был еще не готов, ибо он обращает внимание на другие моменты. Главное для него на той стадии исследования заключалось, повидимому, в том, чтобы показать, что в годовой прибавочной стоимости присутствуют как бы в снятом виде оба момента движения капитала вообще — и непосредственный процесс производства, и процесс обращения капитала. «Капитал теперь положен как единство производства и обращения...» [132]

Что нового привносит данная характеристика капитала? В самом начале исследования он определялся как *сохраняющая себя в обращении* и посредством обращения *стоимость* [133]. В процессе производства капитал выступает уже как *самовозрастающая стоимость*, на этой стадии он не только сохраняет (воспроизводит) себя, но и увековечивает свое существование в качестве стоимости. Это увековечивание происходит через воспроизводство отношения капитал — наемный труд. Но капитал сам по себе не выступает еще как *полагающий* стоимость, это полагание было функцией труда: «...при рассмотрении простого процесса производства капитал выступает как самовозрастающая стоимость только в его отношении к наемному труду...» [134] Наконец, в анализе процесса обращения капитала выясняется, что «обращение выступает включенным в капитал как $Д — Т — Т — Д$, поскольку процесс исходит из капитала в его денежной форме и потому возвращается к нему в этой же форме. Капитал содержит в себе оба кругооборота, и притом уже не как простую смену форм или простой обмен веществ... а то и другое, включенное в само определение стоимости» [135].

Если на предшествующих стадиях было показано, как капитал последовательно проходит разделенные во времени процесс производства и процесс обращения — стадию полагания *содержания*, а затем стадию полагания *формы* процесса движения капитала,— то теперь, на новой ступени, эти фазы жизнедеятельности капитала фиксируются в снятом виде, всего лишь как его равноправные моменты. Потому-то объективно происходит «сокрытие» действительного источника стоимости: живой труд как созидатель стоимости включен теперь в движение капитала не как *единственный* источник, а как *один из* факторов, определяющих стоимость.

Итак, теперь капитал соотносится не с чем-то *иным*, а лишь *с самим собой* в бесконечном движении. Следовательно, и новые определенности формы, содержательные определения он получает теперь как раз из соотнесенности с самим собой [136]. Поэтому «прибавочная стоимость здесь скорее рассматривается как обмениваемая в процессе производства не на труд, а на самый капитал. Капитал выступает поэтому в качестве капитала, в качестве предпосланной стоимости, относящейся через посредство своего собственного процесса к самой себе как к положенной, произведенной стоимости...» [137]. Капитал как всеобщее, давая себе новые определения прибыли, процента, дохода и т. д., остается в них самовозрастающей стоимостью, но пребывает при этом в рамках своего всеобщего определения, в рамках «капитала вообще».

Отсюда — новое отношение капитала к прибавочной стоимости. Капитал для нее выступает и как предпосылка и как основание. Прибавочная стоимость выступает теперь как *им* положенная и как *им* обоснованная («исчезли», погашены труд, прибавочное рабочее время рабочего как субстанция, как действительное основание прибавочной стоимости). Прибавочная стоимость выступает теперь как продукт капитала, а сам капитал выступает как

субъект движения, от которого должны впоследствии получить новые определенности формы развитые отношения процесса производства и обращения капитала. В этом заключается и момент внутреннего самоопределения капитала — капитал *в самом себе* отличает себя от своего плода, прибавочной стоимости — прибыли. Капитал выступает теперь как *активный* субъект в полагании прибавочной стоимости (раньше как *пассивная* субстанция, которая впитывала в себя, поглощала *активную* субстанцию — живой труд как *непосредственный* источник стоимости). Капитал теперь сам возрастает и в этой своей новой положенности он выступает как прибыль: «...капитал, положенный как возрастающая стоимость — есть *прибыль*...» [138]

В этом новом образе «капитал вообще» выступает, безотносительно к своему прежнему делению на постоянную и переменную часть, как некая сумма стоимости, производящая за определенный промежуток времени определенную прибавочную стоимость. Но одновременно с этим и прибавочная стоимость приобретает здесь форму *прибыли,* в которой скрыт действительный источник ее происхождения. В этой своей наиболее абстрактной форме прибыль отличается от прибавочной стоимости лишь формально: *«В своей непосредственной форме прибыль есть не что иное, как сумма прибавочной стоимости, выраженная в виде отношения к совокупной стоимости капитала»* [139]. Посему анализ прибыли как более развитой формы прибавочной стоимости должен вестись, по замыслу Маркса, на первых порах *в рамках соотношения прибавочной стоимости и нормы прибыли.* Это следует как из замечания Маркса в самом тексте данного отдела, где он сразу после определения нормы прибыли говорит о том, что «значительная часть того, что относится сюда, была уже рассмотрена выше» [140], так и из наброска плана отдела «Капитал и прибыль», написанного после завершения рукописи 1857—1858 гг., где под номером «I» стоит раздел «Норма прибыли и прибавочная стоимость» [141] и указаны страницы рукописи, которые Маркс намеревался использовать в дальнейшем при освещении этой проблемы.

Анализ соответствующих мест показывает, каким образом Маркс раскрывает кажущееся противоречие, фиксируемое в движении нормы прибыли, с одной стороны, и в движении действительной прибавочной стоимости,— с другой. Уже при рассмотрении процесса производства относительной прибавочной стоимости ставится двуединая задача: объяснить эмпирический факт падения нормы прибыли и опровергнуть утверждения вульгарных экономистов — в частности Бастиа и Кэри — о том, что в результате падения нормы прибыли доля рабочего в произведенном продукте увеличивается. Разбор различных возможных вариантов производства прибавочной стоимости, связанных с увеличением производительной силы, позволил Марксу объяснить, каким образом может одновременно происходить увеличение относительной прибавочной стоимости (т. е. усиление эксплуатации труда) и падение

нормы прибыли. «Стало быть,— замечает Маркс,— вот в чем соль знаменитого положения несчастного Бастиа, который крепко вбил себе в голову... что, так как норма прибыли при большем и более производительном капитале представляется меньшей, значит, стала больше доля рабочего, в то время как дело обстоит как раз *наоборот*: больше стал прибавочный труд рабочего» [142].

Одной из характерных особенностей данной рукописи, как уже отмечалось и будет показано в следующей главе, является то, что у Маркса постоянно переплетается решение тех или иных экономических проблем с критикой представлений буржуазных экономистов по этим вопросам. Не является исключением и данный отдел. Сформулированные Марксом на основе предыдущего анализа два закона о соотнесенности прибавочной стоимости и нормы прибыли сопоставляются со взглядами буржуазных экономистов. Отталкиваясь от определения прибыли как пока лишь *формально нового* определения прибавочной стоимости, Маркс указывает на несостоятельность попыток буржуазных экономистов представить прибыль исключительно продуктом капитала (в качестве примеров здесь фигурируют определения Мак-Куллоха, что прибыль есть заработная плата накопленного труда, и Лодерделя, что прибыль проистекает из замены живого труда овеществленным [143]).

Особо следует выделить критику Марксом попыток Мальтуса связать подобное понимание прибыли с определением стоимости товара. Существенным является здесь не только то, что у Мальтуса полностью отсутствует связь прибыли с прибавочным трудом, соответственно и с прибавочной стоимостью. Как неоднократно отмечал в «Grundrisse» Маркс, буржуазная политэкономия даже в лице ее лучших представителей постоянно смешивает прибавочную стоимость с ее производной, вторичной формой — прибылью [144]. Существенным применительно к данной стадии рассмотрения предмета является то, что у Мальтуса фактически речь идет не о *понятии* прибыли, а об эмпирически осязаемой средней прибыли, т. е. о распределении совокупной прибыли, которая не объясняет самое прибыль [145].

С другой стороны, попытка вульгарной политэкономии объявить капитал самостоятельным источником стоимости (прибыли) с еще большей ясностью обнаруживает мистификацию отношения капитал — наемный труд. Маркс указывает в этой связи опять-таки на Мальтуса, который ничего не хочет знать «об относительной (а потому антагонистической) природе заработной платы...» [146]. В свете этих попыток буржуазных экономистов уйти от действительной проблемы Маркс выделяет Рикардо, заслугой которого явилось то, что он в рамках трудовой теории стоимости «провозгласил антагонистическую природу прибыли, труда и капитала...» [147].

Вместе с тем присущие системе и методу Рикардо недостатки, выражавшиеся, по словам Маркса, как в отсутствии у него интереса к проблеме возникновения различия между прибылью и заработной платой, так и в отсутствии стремления вскрыть основу

существования прибавочной стоимости, привели его к отождествлению прибавочной стоимости и прибыли. Этот недостаток системы Рикардо в наиболее зримом виде обнаруживается при решении им проблемы падения нормы прибыли.

Попытка увязать воедино реальные факты падения нормы прибыли и роста земельной ренты, относящиеся к истории развития капиталистической экономики Англии в конце XVIII — начале XIX вв., вылилась в теории в отождествление прибавочной стоимости и прибыли. В этой связи Маркс писал: «Так как Рикардо таким образом просто смешивает прибавочную стоимость и прибыль, а прибавочная стоимость может уменьшаться постоянно, уменьшаться *в виде тенденции,* лишь в том случае, если уменьшается прибавочный труд сравнительно с необходимым трудом, т. е. с трудом, требующимся для воспроизводства рабочей силы, что возможно лишь при уменьшении производительной силы труда,— то Рикардо предполагает, что производительная сила труда растет в промышленности вместе с накоплением капитала, но уменьшается в земледелии» [148].

Маркс специально подчеркивает необходимость рассмотрения феномена падения нормы прибыли как определенности «капитала вообще». Критикуя Смита за его попытку объяснить падение нормы прибыли конкуренцией, т. е. взаимодействием многих капиталов, он замечает, что «всеобщее и перманентное, действующее как закон, падение нормы прибыли существует и может быть понято также и *до* конкуренции и независимо от конкуренции» [149]. Являясь выражением развития производительных сил общества в капиталистической форме, закон падения нормы прибыли выступает в качестве *всеобщего закона капиталистического развития, всеобщего закона движения капиталистического способа производства.*

В связи с рассмотрением данной определенности «капитала вообще» Маркс, как и в предшествующем анализе процесса производства прибавочной стоимости, в весьма общей форме говорит о тех конкретных формах развития производительных сил, которые эксплуатируются капиталом. С одной стороны, он подчеркивает, что разделение и комбинирование труда, наука — словом, все общественные производительные силы труда, материализующиеся в автоматической системе машин как в адекватном капиталу способе производства, воплощающем господство капитала над трудом, ничего не стоят капиталу. Но, с другой стороны, «...поскольку сами эти силы для своего применения в непосредственном процессе производства нуждаются в субстрате, созданном трудом, т. е. существующем в форме овеществленного труда, постольку, следовательно, они сами являются стоимостями...» [150].

Все возрастающая мощь овеществленного труда, соответственно рост стоимости основного капитала, по отношению к которому непосредственный труд рабочего начинает занимать в производстве все более скромное место,— вот тот факт реальной капиталистической действительности, который послужил основанием для

объявления вульгарными экономистами капитала действительным источником стоимости и богатства [151]. Характеризуя в этой связи мистификацию, которую претерпевает отношение труда и капитала, Маркс замечает: «Превращение прибавочной стоимости в форму прибыли, этот способ исчисления прибавочной стоимости со стороны капитала, как бы он ни был основан на иллюзии относительно природы прибавочной стоимости, или, точнее, как бы он ни скрывал эту природу, необходим с точки зрения капитала» [152].

Вместе с тем соотнесение падения нормы прибыли с развитием производительных сил позволило Марксу на данном этапе уточнить то место в системе категорий, отражающих капитал, на котором необходимо впоследствии рассмотреть развитие производительных сил в рамках капиталистического способа производства. А именно, здесь он приходит к выводу, что сделать это нужно уже в ходе анализа непосредственного процесса производства. «Введение машин,— писал Маркс,— нетрудно вывести из конкуренции и навязанного ею закона сокращения издержек производства. Здесь необходимо вывести машины *из отношения капитала к живому труду,* независимо от другого капитала» [153].

Анализ нормы прибыли как первой определенности капитала на этой новой стадии его жизнедеятельности показал лишь одну из сторон прибыли; а именно ее соотнесенность с капиталом как мерой его возрастания. В этом определении прибыль выступает в качестве абстрактного закона движения капитала. Но, хотя в начале данного отдела Маркс выделяет только эту дефиницию прибыли [154], этим не исчерпывается его характеристика всего многообразия определений, которые придает прибыли капитал как положенное единство производства и обращения.

После решения проблемы падения нормы прибыли Маркс как раз и возвращается к раскрытию дальнейших определенностей отношения капитал — прибыль. «Продукт капитала есть... прибыль. Относясь к самому себе как к прибыли, капитал относится к себе как к *источнику производства стоимости*... Но капиталист не сводится к одному капиталу. Он должен жить, а так как он не живет за счет своего труда, то должен жить за счет прибыли, т. е. за счет чужого труда, присваиваемого им» [155]. Как источник богатства, капитал определяется именно таким образом. «Капитал относится к прибыли как к *доходу,* ибо он включил в себя производительность как свое имманентное свойство. Он может потребить часть этого дохода (по видимости, весь доход, но это окажется неверным), не переставая быть капиталом. Съев этот плод, капитал снова может приносить плоды» [156].

Зная ход дальнейшего развития мысли Маркса относительно этой проблемы в III томе «Капитала», можно было бы констатировать тот факт, что прибыль как доход рассматривается «не на своем месте». Взаимообусловленность и соподчиненность отношений производства и распределения, с одной стороны, и ошибочность представлений буржуазных экономистов по поводу «вечно-

го» характера законов производства и «историчности» законов распределения,— с другой, т. е. как раз то, о чем Маркс пишет сразу же после приведенной выше цитаты, могут быть рассмотрены лишь как резюме всего исследования. Не случайно уже в плане главы о «капитале вообще», написанном после завершения «Grundrisse», эта проблема отнесена Марксом в конец отдела «Капитал и прибыль» [157]. Внутренняя связь между производственными отношениями и отношениями распределения, обозначенная здесь через превращение прибыли в капитал и обратно, даже в рамках «капитала вообще» должна была бы явиться итоговым выражением анализа общей структуры буржуазного производства, общего процесса воспроизводства, взятого в абстрактно всеобщей форме. Тем более что характеристика прибыли как дохода в первую очередь определяет лишь отношение прибыли к потреблению капиталиста [158].

Но с точки зрения принятых Марксом предпосылок анализа «капитала вообще» определение прибыли как дохода, который может быть съеден как плод, выступает как следующая ближайшая определенность капитала и объективно вытекает у Маркса из определения капитала как источника производства стоимости, как источника богатства независимо от труда. (Следует лишь заметить, что в данном месте Маркс рассматривает только пару «капитал — прибыль», хотя, исходя из принятых им предпосылок, «капиталу — прибыли» должна соответствовать и другая пара, а именно «труд — заработная плата». Тем более что ранее в рукописи Маркс сам пишет, что в рамках обращения капитала «существует лишь доход... капиталистов и доход рабочих» [159].) И в дальнейшем изложении, когда Маркс отмечает диалектический характер движения капитала, в котором прибыль выступает и как результат этого движения, и как предпосылка образования капитала, он не случайно иллюстрирует это свое положение цитатой из Сисмонди о превращении части *дохода* в капитал [160].

Кратко обрисовав соотнесенность капитала и прибыли как дохода, Маркс переходит к следующему кругу в рассмотрении «капитала вообще». Внимание фиксируется на определении капитала как созидателя прибыли. В этом своем определении капитал выступает как единое целое, и представляется, что все его части одинаково производительны и в равной мере участвуют в создании прибыли.

Здесь, хотя и в неявной форме, у Маркса содержится переход к рассмотрению прибыли как результата движения капитала в этой новой сфере его жизнедеятельности [161]. Фактически речь идет о рассмотрении тех новых определенностей формы кругооборота *Д—Т—Т—Д*, которые вытекают из капитала как *положенного* единства производства и обращения. И под этим углом зрения Маркс вновь возвращается к характеристике исходного пункта и результата движения капитала. При этом акцент делается на их взаимосвязи, как они даны в отношении капитал — прибыль. Связь этих моментов кругооборота определяется через продажную цену:

«Так как прибыль капитала реализуется только в цене... то, следовательно, прибыль определяется *избытком полученной цены над ценой, покрывающей издержки*» [162]. Капитал, выступающий как нераздельное целое, так что все его части в равной мере участвуют в производстве стоимости, выступает как издержки производства. «По отношению к прибыли стоимость капитала, предпосланного в производстве, выступает как *авансы*, как *издержки производства*, которые должны быть возмещены в продукте» [163]. Здесь снова обнаруживается мистификация источника прибыли (прибавочной стоимости). Мистификация проистекает из того, что прибавочный труд рабочего ничего не стоил капиталу и, следовательно, не входит (и не может входить) в его издержки производства, т. е. в ту стоимость, которой он обладал до процесса производства. Тем самым усиливается видимость, будто прибыль проистекает из обращения: «Избыток цены продукта над ценой издержек производства дает ему (капиталу.— *Авт.*) прибыль» [164].

Теперь выясняется, в частности, что продажа с прибылью происходит даже в том случае, если не реализуются полностью действительные издержки производства товара. Подобная *возможность*, хотя и важна с точки зрения дальнейшего рассмотрения действительного движения капитала, не является все же необходимым выводом из предшествующего изложения. Ее рассмотрение здесь, напротив, противоречит собственному указанию Маркса на то, что хотя отдельный капитал может при обмене (а лишь через обмен реализуется прибавочная стоимость) получить прибыль большую, чем его прибавочная стоимость, но в целом для «капитала вообще» это невозможно: «Совокупная прибавочная стоимость, как и *совокупная прибыль*, которая представляет собой *прибавочную стоимость, лишь иным образом исчисляемую*, никогда не могут при этой операции (обмене.— *Авт.*) ни возрасти, ни уменьшиться; *изменяется здесь* не сама прибавочная стоимость, а лишь *ее распределение между различными капиталами*. Однако это относится лишь к рассмотрению многих капиталов, а не сюда» [165].

С другой стороны, разрыв внутренней связи между издержками производства и прибылью, как он представлен здесь, объясняет целый ряд явлений, которые получили превратное толкование в буржуазной политической экономии. Маркс указывает на путаницу, царящую среди буржуазных ученых в споре о том, входит ли прибыль в издержки производства или нет. Неразличение издержек производства капитала и издержек производства товара, что является в конечном счете лишь отражением путаницы в определении действительного источника стоимости, лежит в основе подобного рода представлений экономистов. Этот ошибочный взгляд на издержки производства и прибыль связан, кроме того, с отождествлением буржуазными экономистами прибавочной стоимости и прибыли. Между тем Маркс здесь и ранее в рукописи указывает, что в издержки производства промышленного (производительного) капитала может прямо входить часть прибавочной стоимости в

форме ссудного процента (и, можно добавить вслед за Марксом, в форме компенсации за риск) [166].

В связи с рядом замечаний в рукописи относительно определенности процента можно высказать предположение о том, как представлял себе Маркс место данной проблемы в главе о «капитале вообще».

Во-первых, Маркс рассматривает процент как дальнейшее определение «капитала вообще». В чем же заключается развитие по отношению к предыдущему? Если капитал, приносящий прибыль, не теряет до конца свою связь с трудом, хотя последний и выступает на данной ступени развития «капитала вообще» как всего лишь один из факторов, определяющих стоимость, то «капитал, приносящий проценты, противостоит как особая форма не труду, а капиталу, приносящему прибыль» [167]. Если капитал как созидатель прибыли сохраняет в себе производство как момент своего движения и выступает как стоимость, которая одновременно воспроизводит и умножает себя, то «капитал, приносящий проценты, есть опять-таки чисто абстрактная форма капитала, приносящего прибыль» [168]. И в этой абстрактной форме всеобщность капитала реализуется без опосредствующего движения. Если в прежнем своем движении капитал должен был проходить через свой кругооборот, через смену форм товара и денег, то ссудный капитал помимо непосредственного процесса производства реализуется как капитал, «...капитал может стать как *капитал* товаром» [169].

Однако для этого необходимо с самого начала предположить наличие двух капиталов, или, говоря более конкретно, двух классов капиталистов. «Денежные капиталисты и промышленные капиталисты могут образовать два отдельных класса только потому, что прибыль способна расщепиться на две отрасли дохода» [170]. В другом месте рукописи Маркс подчеркивает, что в ссудном проценте, как и в компенсации за риск, «полагание прибавочной стоимости выступает для капитала как *внешняя необходимость*, а не только как удовлетворение его тенденции к обогащению» [171].

Но и данная характеристика процента как внешней необходимости, и приведенная ранее характеристика ссудного капитала как особой формы капитала уже не укладываются полностью в рамки «капитала вообще». По существу, этот момент в определении капитала и процента как дальнейших определенностей капитала вообще является переходом к рассмотрению действительного движения капитала, реализующегося в накоплении и конкуренции «многих капиталов». В сжатой форме Маркс следующим образом охарактеризовал данный раздел: «Третья форма денег как самостоятельной стоимости, отрицательной по отношению к обращению,— это капитал, но не тот, который в качестве товара снова вступает в обмен после процесса производства, для того чтобы стать деньгами, а такой капитал, который становится товаром в форме самодовляющей стоимости и именно в этой форме поступает в обращение. *(Капитал и процент.)* Эта третья форма предполагает

капитал в его предыдущих формах и вместе с тем образует переход от *капитала* к *особенным капиталам,* к реальным капиталам; ибо теперь, в этой последней форме, капитал по своему понятию распадается... на два самостоятельно существующих капитала. Вместе с этой двойственностью дана также множественность вообще. Таков ход этого развития капитала» [172].

* * *

Итак, выше была предпринята попытка обрисовать в общих чертах Марксову логику рассмотрения «капитала как приносящего плоды». Теперь следует остановиться на некоторых выводах.

В отличие от достаточно подробной и систематической разработки проблем, связанных с движением капитала в сфере непосредственного процесса производства капитала и процессе его обращения, для заключительной части «Главы о капитале» характерна отрывочность и незавершенность изложения, в ткань исследования зачастую вклиниваются обширные пассажи, непосредственно не относящиеся к данному «срезу» объекта исследования. В предшествующем изложении в общем прослеживается движение *предмета,* соответственно ясен и ход процесса *исследования,* что отражено в достаточно строгой системе все более развитых определенностей формы капитала, которые последний приобретает по мере движения в этих фазах его жизнедеятельности. Напротив, отдел «Капитал как приносящий плоды» (или, как его позднее стал называть сам Маркс, «Капитал и прибыль») крайне фрагментарен и, что самое главное, в нем не обнаруживается движение самого *предмета.* Капитал как *«субъект* движения» в данном отделе так и не выступает как самодвижущийся и самоопределяющийся объект. Все те новые характеристики, которые он здесь получает, исходят от исследователя, т. е. являются субъективным полаганием новых определений форм капитала. Как обнаружилось, это в определенной мере связано с исходным методологическим принципом — понятием «капитала вообще» [173].

Выяснилось также, что критика буржуазной политической экономии и на новом этапе развития экономического учения Маркса продолжала играть весьма важную роль в обосновании внутренне необходимых переходов в рамках формирующейся теоретической системы, в более глубоком осмыслении того нового, что вносил сам Маркс в экономическую науку.

В следующей главе более подробно будут рассмотрены место и значение критики буржуазной политической экономии в «Grundrisse», те новые моменты, которыми обогатилось историко-критическое исследование концепций предшественников в ходе и на основе позитивной разработки основоположником пролетарской политэкономии теоретических проблем.

Глава VII

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ

Марксу не удалось реализовать свой план относительно написания истории буржуазной политической экономии [1], однако ее концептуальные основы были заложены в рукописи 1857—1858 гг., в первом выпуске «К критике политической экономии» (1859 г.) — в содержащихся там историко-теоретических отступлениях, и в «Теориях прибавочной стоимости». Причем именно те идеи, которые высказаны в «Grundrisse» в связи с осмыслением истории экономических учений, были отправным пунктом углубленного изучения и систематизации, результатом которого стали созданные несколько лет спустя как часть рукописи 1861—1863 гг. «Теории прибавочной стоимости» — прообраз IV книги «Капитала».

Критика буржуазной политической экономии рассматривалась Марксом как необходимая предпосылка выработки собственного экономического учения. Именно путем критики Маркс впервые довел политическую экономию до диалектического уровня. Изучая историю науки, Маркс не только преодолевал ошибочные теоретические концепции буржуазных экономистов. Существенную роль играла и методологическая критика предшествующих экономических теорий, осуществляемая с позиций диалектико-материалистической теории познания. Таким образом, становление экономической теории Маркса нельзя понять, не учитывая диалектическое взаимодействие формирования собственной экономической теории и критики буржуазной политической экономии, ее методологии. Развивая в полемике с предшественниками свое учение, Маркс понимал, что «подлинные и в силу этого простейшие взаимосвязи нового со старым открываются всегда лишь после того, как это новое само приобретет уже завершенную форму» [2].

Иными словами, критерием оценки предшествующих теорий могла стать лишь детальная разработка собственного экономического учения.

Вообще отношение Маркса к буржуазной политической экономии, в первую очередь к ее классической школе, выступает в качестве критерия зрелости Марксовой экономической теории [3]. Исследование классической политэкономии, одного из источников марксизма, было для Маркса формой исследования реальной действительности. Критика взглядов буржуазных экономистов и разработка

собственной теории — это для Маркса двуединый процесс; лишь после того как его экономическая теория достигла определенного уровня зрелости, стало возможным дать систематический историко-критический анализ всей совокупности взглядов буржуазных экономистов, исследовать историю буржуазной политической экономии в целом. Тем самым критика буржуазных концепций как предпосылка разработки собственной экономической теории Маркса диалектически превращается в завершающую, историко-критическую часть этой теории. Процесс этого превращения прослеживается на протяжении всей истории «Капитала». При этом на каждом этапе взаимосвязь между теорией и историей теории имела свою специфику.

Уже «Экономическо-философские рукописи 1844 года» являются «критикой политической экономии» — в том смысле, что Маркс выступает в них с критическими воззрениями как на социально-экономическую практику капитализма, так и на буржуазную политэкономию.

В «Grundrisse» эта взаимосвязь проявляется на новом качественном уровне. Единство теоретического и историко-критического подхода становится сознательно проводимым через всю структуру его экономического произведения принципом, который является одним из основных отличительных моментов Марксова метода изложения. В своем обращении к буржуазной политэкономии он не ограничивается отныне отдельными ее представителями, но вовлекает в исследование всю предшествующую историю буржуазной экономической мысли.

В рукописи «Бастиа и Кэри», во «Введении» и в ходе рассмотрения процесса производства в «Главе о капитале» рукописи 1857—1858 гг. Маркс намечает основные этапы истории буржуазной политэкономии. Она открывается монетаризмом и меркантилизмом, получает продолжение в трудах физиократов и получает наивысшее развитие у А. Смита и Д. Рикардо [4]. Эта последовательность сама по себе не является открытием Маркса, она была уже раньше обоснована представителями буржуазной экономической мысли, и Маркс воспринял эту периодизацию от них еще в 40-е гг.[5] Новым является понимание того, что история развития экономической теории отражает процесс углубления представлений о труде и богатстве, стоимости и прибавочной стоимости — иначе говоря, в 1857 г. история буржуазной политэкономии представляется Марксу как все углубляющееся проникновение в сущность капитала.

Маркс вскрыл причины, по которым происходит смена одних школ и направлений в экономической науке другими; движущая сила этих изменений стала основанием для периодизации истории экономической мысли. В «Нищете философии» Маркс еще проводил различия между направлениями в буржуазной политэкономии в зависимости от их «фаталистического» или «филантропического» отношения к положению рабочего класса. В ходе интенсивных

занятий 1850—1853 гг. он настолько продвинулся в своих исследованиях, что смог нащупать имманентные движущие силы развития буржуазной политэкономии (а потому и критерии для периодизации этого развития) [6]. Здесь же, в рукописи 1857—1858 гг., зафиксированы некоторые итоги его размышлений.

В рукописи «Бастиа и Кэри» Маркс систематизировал возникшие после Рикардо школы и направления английской политической экономии, их цели, методы, научные результаты. Он писал: «История современной политической экономии заканчивается Рикардо и Сисмонди — двумя антиподами, из которых один говорит по-английски, а другой по-французски,— подобно тому как начинается она в конце XVII века Петти и Буагильбером. Позднейшая политико-экономическая литература сводится либо к эклектическим, синкретическим компендиям вроде произведения Дж. Ст. Милля, либо к более глубокой разработке отдельных отраслей, как например «История цен» Тука и вообще новейшие сочинения об обращении — единственной отрасли, где действительно были сделаны новые открытия, так как сочинения о колонизации, земельной собственности (в ее различных формах), народонаселении и т. д. отличаются от прежних работ, собственно говоря, только бóльшим обилием материала,— либо к воспроизведению старых экономических споров для более широкой публики и для практического разрешения таких злободневных вопросов, как вопросы свободной торговли и протекционизма,— либо, наконец, к тенденциозному заострению классических направлений, как например Чалмерс по отношению к Мальтусу, Гюлих по отношению к Сисмонди и, в известном смысле, Мак-Куллох и Сениор (в их ранних сочинениях) по отношению к Рикардо. Это всецело литература эпигонов...» [7] Столь емкая и всеобъемлющая характеристика явилась результатом экономических занятий Маркса, итогом многолетних раздумий над произведениями всех названных в данном отрывке и многих других авторов. Как видим, Маркс в еще более категоричной форме формулирует вывод, сделанный в 1851 г.: экономическая наука «со времени А. Смита и Д. Рикардо не продвинулась вперед, хотя в области отдельных исследований, часто чрезвычайно тонких, сделано немало» [8].

К числу этих «чрезвычайно тонких» исследований Маркс, как видно из приведенного отрывка из «Бастиа и Кэри», в первую очередь относил работы об обращении. Этот вывод был весьма важен; он свидетельствует, что в 1857 г. Марксу уже было ясно, что послерикардовская политэкономия, за небольшими исключениями, ничего не в состоянии дать ему для продвижения вперед в теоретических вопросах. Явствует отсюда также и то, что к этому времени Маркс, по-видимому, еще не проработал критически работы Джонса и Рамсея, которым он впоследствии дал высокую оценку в рукописи 1861—1863 гг. [9]

Что же касается фразы о «литературе эпигонов», то это — начало пути к будущему разделу «Разложение рикардианской

школы» в «Теориях прибавочной стоимости» [10]. Правда, здесь еще ничего не говорится о причинах того, почему после Рикардо буржуазная экономическая наука не могла больше подняться на тот же уровень теоретических обобщений: Маркс зафиксировал факт, его объяснение оставалось делом будущего. Во многом это объясняется тем обстоятельством, что, как уже было отмечено выше, Маркс еще только начинает в «Grundrisse» выработку имманентных критериев периодизации истории буржуазной политэкономии; это могло быть сделано лишь на основе разработки теории прибавочной стоимости. С одной стороны, важнейшим результатом этого стало появление во фрагменте «Бастиа и Кэри» понятия «*классическая* буржуазная политэкономия». Именно здесь впервые от термина «современная политическая экономия» отпочковывается термин «классическая политическая экономия», и Маркс говорит об «экономистах-классиках». Классическая политэкономия характеризуется, по словам Маркса, тем, что она «наивно» обрисовывает антагонистичность производственных отношений капиталистического общества [11]. Тем самым в исследование входит «классическая политическая экономия», в центре внимания которой находятся «внутренние зависимости буржуазных отношений производства» — в противоположность вульгарной политэкономии, увязнувшей «в области внешних, кажущихся зависимостей» [12]. С другой стороны, Маркс еще не формулирует прямо тезис о том, что главнейшим критерием научности в экономической теории является то, насколько близко тот или иной автор подходит к пониманию источника и сущности прибавочной стоимости.

И все же само по себе выделение классической политической экономии в рамках буржуазной экономической мысли в «Grundrisse» имело важнейшее значение. И конечно, не только потому, что в рукописи названы имена ее основных представителей [13] — разумеется, Маркс не мог считать, что одного перечисления имен достаточно для исчерпывающей научной характеристики целого направления в теории,— но и потому, что теперь создавались предпосылки понимания преемственности между такими внешне противоположными явлениями, как классическая и «новейшая» (читай: вульгарная) политэкономия. Вульгаризацию буржуазной политэкономии Маркс связывает, во-первых, с отказом от «наивного» изображения классового антагонизма между наемным трудом и капиталом, всяческим затушевыванием реальных противоречий между ними; во-вторых, с неспособностью разрешить противоречия рикардовской теории. Иначе говоря, Маркс вплотную подходит к осознанию того обстоятельства, что вульгарная буржуазная политэкономия обнаруживает генетическое родство с концепциями экономистов-классиков, что она являет собой в немалой степени процесс и результат *разложения рикардианства*.

Именно об этом свидетельствует целый ряд историко-критических замечаний Маркса, сделанных им в ходе исследования капитала в рукописи 1857—1858 гг. Основная мысль, прослеживаю-

щаяся в этих замечаниях, заключается в том, что как Рикардо, так и представители его школы не смогли решить целого ряда имеющих принципиальное теоретическое значение вопросов, и прежде всего проблемы обмена труда на капитал. В этом отношении весьма показательна критика Марксом взглядов вульгарного последователя Рикардо Дж. Р. Мак-Куллоха, согласно которому прибыль проистекает из обмена товара на большее количество труда, нежели стоило производство самого этого товара [14].

С другой стороны, на фоне разложения рикардианства «изнутри» появляются и авторы, которых Маркс в «Grundrisse» характеризует не столько как учеников и последователей Рикардо, сколько как его оппонентов, порывающих с научными основами созданной им теории. Так, Р. Торренса Маркс (как впоследствии и в «Теориях прибавочной стоимости») критикует за то, что он оказался не в состоянии провести различение между, используя марксистскую терминологию, $c+v$ и $c+v+m$ [15]. Равным образом и перенятое Торренсом у Смита разграничение между «ранним», добуржуазным, периодом истории, когда действовал закон стоимости, и капитализмом, в условиях которого товарная стоимость определяется не затратами труда, а затратами капитала, подвергается в «Grundrisse» научной критике. Именно в этом решающем пункте Маркс увидел путаницу рикардианцев [16].

Охарактеризованный в лондонских эксцерптных тетрадях как противник Рикардо, Э. Г. Уэйкфилд в рукописи 1857—1858 гг. выступает как прототип того направления, которое стремится избежать противоречий рикардовской теории, делает шаг назад, отступая на позиции, преодоленные самим Рикардо [17].

Таким образом, в «Grundrisse» были созданы необходимые предпосылки для подлинно научного понимания истории буржуазной политэкономии в ее внутренней связи,— созданы в той мере, в какой Маркс, разрабатывая собственную экономическую теорию, подошел к пониманию ключевой роли в ней категории «прибавочная стоимость», а тем самым и к пониманию истории экономической мысли как истории теорий прибавочной стоимости. Именно поэтому он рассматривал «Теории прибавочной стоимости» как основу исторической части «Капитала».

Объективный процесс развития буржуазной экономической мысли, в том числе и обусловленность появления ее классических форм степенью и характером развития общественных отношений, Маркс раскрывает в данной рукописи также впервые, указывая на специфические отличия классической политэкономии в Англии от французской классической политэкономии, характеризуя Петти и Буагильбера, с одной стороны, и Рикардо и Сисмонди — с другой, как «антиподов» [18]. В «Главе о капитале» Маркс возвращается к этой мысли. Он замечает, что «Рикардо больше понял универсальную тенденцию капиталистического производства, Сисмонди — его специфическую ограниченность» [19], и в этом смысле их исследования взаимодополняются. То же имело место и в период

возникновения классической буржуазной политэкономии: в первоначальном тексте «К критике политической экономии» подчеркнуто, что Буагильбер занимает «совершенно такое же значительное место во французской политической экономии, как Петти в английской...» [20]. Эти размышления послужили предпосылкой появления следующей классической формулировки в первом выпуске «К критике политической экономии»: «Сравнительное изучение трудов и личностей Петти и Буагильбера, не говоря уже о том ярком свете, который оно пролило бы на социальную противоположность Англии и Франции в конце XVII и начале XVIII столетий, явилось бы генетическим изложением национального контраста между английской и французской политической экономией. Тот же контраст повторяется в заключение у Рикардо и Сисмонди» [21].

Хотя Маркс впоследствии вынес эту идею за скобки своих историко-теоретических исследований, однако учитывал ее в той мере, в какой основное внимание он уделял *английским* отношениям, достижениям *английской* политэкономии, т. е. исходил из того, что более развитые экономические отношения, свободные от пережитков феодализма, являются предпосылкой появления более глубоких теоретических представлений, в которых рельефно выступают возможности и пределы развития капиталистического способа производства. История буржуазной экономической мысли периода восходящего развития капиталистического общества, когда усилия теоретиков были направлены на проникновение в сущность экономических отношений, свободны от трусливой апологетики, являлась питательной почвой для выработки собственных теоретических воззрений Маркса. С развитием же общественных антагонизмов, усилением вульгарных моментов в буржуазной политэкономии само развитие последней дает свидетельства исторически преходящего характера того общественного класса, выразительницей интересов которого она выступает. На первом этапе развития основные усилия буржуазных экономистов были направлены на теоретическое осмысление экономических процессов, тогда как вульгарная политэкономия, напротив, все более активно обращается к истории буржуазной экономической мысли, однако оказывается не в состоянии дать ее научную интерпретацию.

Экономические рукописи 1857—1858 гг. стали решающей предпосылкой и послужили отправным пунктом дальнейших исследований Маркса в области истории политэкономии, которая все более отчетливо выступает как относительно самостоятельная сфера его научных интересов. Но из вышесказанного следует, что, опираясь на результаты своих предшественников в развитии экономической *теории,* он не имел возможности в полной мере ориентироваться на них в области *истории теории.* Поэтому Маркс, детально изучая труды экономистов XVII—XIX вв., совершенно независимо вырабатывает собственное понимание действительной внутренней, глубинной связи между воззрениями отдельных эко-

номистов, а потому и принципиально новое понимание истории буржуазной политической экономии в целом. Такой подход проявился в «Grundrisse» — в частности, в том месте в самом начале «Главы о капитале», где Маркс дает краткий очерк развития представлений о сущности капитала в буржуазной политэкономии [22]. Пояснение собственных рассуждений ссылками и цитатами из работ буржуазных экономистов становится первой ступенью выявления взаимосвязей между теорией и историей теории.

Цель данного относительно самостоятельного очерка состояла в выяснении того, насколько буржуазная политическая экономия проникла в существо процесса производства капитала. Маркс констатировал, что «из всех экономистов один только Рикардо» понял прибавочную стоимость [23]. Это и определило преимущественное внимание Маркса к Рикардо. Признавая производство прибавочной стоимости основой существования капитала, Рикардо не мог, однако, объяснить механизм ее образования, что повлекло за собой ошибочное толкование более конкретных проблем. Маркс фиксирует их, а также указывает на методологический недостаток теории Рикардо, отмечая, что тот «нигде не исследовал форму опосредования» [24]. До Рикардо трудности в понимании капитала испытала и физиократическая школа. Говоря о более ранних теориях, Маркс показал известное соответствие исторического и логического в познании буржуазной политической экономией возникновения капитала: от анализа «самостоятельности стоимости», денег — к деньгам как капиталу в форме денег.

«В глазах меркантилистов деньги уже выступают как капитал» [25],— отметил Маркс.

Следующий шаг в анализе капитала был сделан физиократами: «Они отличают капитал от денег и берут его в его всеобщей форме, как ставшую самостоятельной меновую стоимость, которая сохраняется в процессе производства... Следовательно, они являются отцами современной политической экономии. Физиократы понимают также, что созидание прибавочной стоимости наемным трудом представляет собой самовозрастание капитала, т. е. его реализацию» [26].

Проблема труда и капитала, ставшая в центре внимания Маркса в период работы над рукописью, приводит его от физиократов к Смиту. В этой связи Маркс излагает также проблему соотношения прибыли, ренты и заработной платы в учении Смита. Возвращаясь затем к теории Рикардо, Маркс говорит о его внеисторическом толковании капитала.

Работая над рукописью, Маркс снова и снова возвращается к анализу взглядов Рикардо [27]: они служат ему источником постановки задач исследования [28]. Рикардовская теория служит отправным пунктом и в том случае, когда Маркс во второй раз в ходе создания рукописи приступил к более или менее систематической критике буржуазной политической экономии, на этот раз по вопросу соотношения прибавочной стоимости и прибыли. Пробле-

мы, затрагиваемые при этом, рассматриваются Марксом в связи с разбором произведений Бейли, Уэйда, Чалмерса, Мальтуса и др. Это — анализ труда, основного и оборотного капитала, конкуренции и нормы прибыли. Одним из выводов, сделанных при этом Марксом, является четкое разграничение прибыли и прибавочной стоимости. Маркс показал, что «учение о прибавочной стоимости не рассматривалось в прежних экономических теориях в чистом виде, а смешивалось с учением о реальной прибыли» [29].

Анализ буржуазной политической экономии был подчинен решению основной проблемы исследования процесса производства прибавочной стоимости; он был связан со стремлением Маркса преодолеть отождествление буржуазными экономистами прибавочной стоимости и прибыли и отвечал насущным задачам исследования. Этим диктовалась и сама логика анализа буржуазной политэкономии, что впоследствии отчетливо проявилось в рукописи 1861—1863 гг.

Историко-критический экскурс как завершение изложения собственных теоретических исследований — это, однако, отнюдь не история буржуазных экономических учений как относительно самостоятельное произведение — такое, каким были задуманы «Теории прибавочной стоимости». Вторая ступень уже качественно отличается от первой, ибо ее предпосылкой является постижение внутренней логики экономической мысли в ее историческом развитии, выяснение диалектики и направлений взаимовлияния экономической теории и экономических и политических процессов. Делая шаг в этом направлении, Маркс ставит уже в «Grundrisse» вопрос о соответствии тех или иных теорий ходу экономического развития. Вот лишь некоторые примеры. «Воззрение, выражающее действительные потребности производства в противовес этой верховной власти денег, всего ярче выступает у *Буагильбера*» [30]. Обосновывая прогрессивный характер учения физиократов, Маркс указывал, что «вывод, который они делают... целиком уже в интересах буржуазного капитала» [31], как и отстаивание ими принципа свободной конкуренции [32].

Маркс не ограничивается выявлением социальной обусловленности буржуазных экономических учений и раскрывает также их методологические основы, апологетический и антиисторический характер. Исследование истории буржуазной политэкономии, критика основополагающих ее идей является у него поэтому критикой одной из форм буржуазного образа мышления вообще. Она предполагает также выявление некоторых общих черт, присущих всем школам и направлениям буржуазной экономической мысли, выяснение социально-философской роли политэкономии в обществе.

В «Grundrisse» сделан решающий шаг в критике данного аспекта методологии буржуазной экономической теории. «Грубый материализм экономистов,— указывает Маркс,— рассматривающих общественные производственные отношения людей и опре-

деления, приобретаемые вещами, когда они подчинены этим отношениям, как *природные свойства* вещей, равнозначен столь же грубому идеализму и даже фетишизму, который приписывает вещам общественные отношения в качестве имманентных им определений и тем самым мистифицирует их» [33]. Выясняются здесь и причины, в силу которых буржуазная политэкономия даже в лице лучших ее представителей не в состоянии выйти за пределы фетишистского понимания экономических отношений. Это, во-первых, присущие всем формам буржуазного сознания неисторизм и антиисторизм [34], когда капитализм представляется венцом исторического развития человеческого общества. Отсюда, во-вторых,— элементы апологетики (вырастающие в систему по мере вульгаризации буржуазной политэкономии), представление о капитализме как о строе, соответствующем «человеческой природе» [35]. В-третьих, это метафизический, или «грубо материалистический», способ рассмотрения действительности, являющийся как предпосылкой, так и результатом фетишизма, неспособность распознать за вещной формой общественный характер отношений в условиях социальной атомизации общества. Такой образ мышления позволил буржуазной политэкономии выявить структурные и функциональные взаимосвязи капиталистического способа производства, однако он закрыл путь к пониманию закона его движения.

Марксова «критика политической экономии», таким образом, уже в «Grundrisse» идет дальше, нежели это выражено в самом данном определении,— она является критикой методологических основ буржуазного образа мышления, буржуазного общественного сознания как такового.

Однако имелся и другой аспект критики методологии буржуазной политической экономии. Маркс фиксирует два этапа в развитии метода политической экономии: «Первый путь — это тот, по которому политическая экономия исторически следовала в период своего возникновения. Например, экономисты XVII столетия всегда начинают с живого целого, с населения, нации, государства, нескольких государств и т. д., но они всегда заканчивают тем, что путем анализа выделяют некоторые определяющие абстрактные всеобщие отношения, как разделение труда, деньги, стоимость и т. д. Как только эти отдельные моменты были более или менее зафиксированы и абстрагированы, стали возникать экономические системы, восходившие от простейшего,— труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость и т. д.— к государству, международному обмену и мировому рынку. Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении» [36].

Маркс обнаруживает связь методологии политической экономии с уровнем развития предмета ее исследования — материального производства. Так, характеризуя недиалектичность метода Смита, он пишет: «У Адама Смита это противоречие еще выступает как некое полагание двух определений рядом друг с другом... Оба определения меновой стоимости выступают у Смита внешне

рядом одно с другим. Сущность товара в целом еще не выступает у него захваченной и пронизанной противоречием. Это соответствует той ступени производства, которую он имел перед собой» [37].

Метафизичность буржуазной политической экономии сказывается и в понимании денег, и в понимании капитала, когда она ошибочно абстрагируется от его существенных сторон [38]. Сведение развитых отношений к простым (например, кредитного обращения к денежному, обмена между капиталом и трудом к «простому обмену товаров как меновых стоимостей» [39]), а затем и отождествление их — таковы некоторые выявленные Марксом типичные проявления ограниченности метода буржуазных экономистов. Марксу было ясно, что преодолеть эту ограниченность можно лишь на основе качественно новой, диалектической методологии политической экономии.

При этом Маркс, однако, не забывал печального опыта Прудона, попытавшегося представить политическую экономию по-гегелевски. Маркс, подробно разобрав суть этой попытки в «Нищете философии», возвращается к этой проблеме в «Grundrisse». Следующее важное в методологическом отношении высказывание носит отчетливо полемический характер: «Речь идет не о том положении, которое экономические отношения исторически занимают в различных следующих одна за другой формах общества. Еще меньше речь идет о их последовательности «в идее» *(Прудон)*» [40].

Разрабатывая конкретные проблемы построения будущего «Капитала», Маркс критически оценивал опыт, накопленный экономистами и в этой области: «Стало модой изложению политической экономии предпосылать общую часть... в которой рассматриваются *общие условия* всякого производства» [41]. Конечно, принципиально иное понимание отношения производства к другим сферам материальной жизни общества — распределению, обмену и потреблению как частям органического целого в решающей степени помогло Марксу разработать общую структуру «Капитала» [42]; но в то же время оно было стимулировано анализом буржуазной политической экономии. «Рикардо, который стремился понять современное производство в его определенной социальной структуре и который является экономистом производства par excellence, именно поэтому объявляет *не* производство, а распределение подлинным предметом... политической экономии» [43]. Маркс выступал как против противопоставления сфер материального производства, так и против внеисторического подхода к ним, что определило в конечном итоге своеобразие их рассмотрения в «Капитале».

Таким образом, очевидна та роль, которую сыграла критика буржуазной политической экономии в формировании экономического учения марксизма. Несмотря на то что не все ее проблемы нашли свое освещение в «Grundrisse», рукопись 1857—1858 гг. является важной вехой в разработке истории политической экономии на подлинно научных принципах.

Глава VIII

СОЗДАНИЕ ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ «В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ»

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ

Одной из характерных особенностей экономической рукописи 1857—1858 гг. является широкое освещение в ней как проблем докапиталистических общественных формаций, так и будущего коммунистического общества. Тем самым Маркс внес существенный вклад в разработку политической экономии в широком смысле.

Впервые интерпретация экономической теории Маркса как политической экономии в широком смысле была дана Энгельсом в «Анти-Дюринге» в связи с конкретизацией принципов материалистической диалектики применительно к политической экономии. Энгельс показал, что «политическая экономия не может быть... одной и той же для всех стран и всех исторических эпох» [1]. При этом Энгельс опирался, в частности, на проведенное Марксом исследование экономики буржуазного общества, которое, как отметил сам Маркс в 1867 г. в Предисловии к I тому «Капитала», показало, что это последнее «не твердый кристалл, а организм, способный к превращениям и находящийся в постоянном процессе превращения» [2]. Отсюда вытекало, что «открытие законов движения» общества, и в частности «открытие экономического закона движения современного общества» [3], закономерно приводит к выводу, что на смену ему придет другой тип общественного устройства. Далее, экономический закон движения современного, т. е. буржуазного, общества, коль скоро он установлен, позволял обнаружить то характерное, специфическое, что присуще только ему и отличает его от предшествующих общественных форм. Тем самым создавались предпосылки и для подлинно научного исследования экономического строя этих добуржуазных обществ,— исследования, свободного как от неоправданной «модернизации» в их истолковании, так и от трактовок, отрицающих наличие всякой вообще преемственности в экономической истории.

Решение этой задачи настоятельно диктовалось также и тем обстоятельством, что марксистская экономическая теория с момента ее возникновения выступила как политическая экономия рабочего класса. Познание экономического закона движения капитализма явилось для нее важнейшей предпосылкой экономического обоснования неизбежности социалистической революции,

всемирно-исторической роли пролетариата как творца нового общества.

Последовательное проведение в экономической науке принципа историзма диктовало необходимость ее превращения в политическую экономию в широком смысле — как науку «об условиях и формах, при которых происходит производство и обмен в различных человеческих обществах и при которых, соответственно этому, в каждом данном обществе совершается распределение продуктов...» [4].

Это определение предмета и задач политической экономии в широком смысле, на наш взгляд, включает в себя три взаимосвязанных момента.

Во-первых, оно предполагает такой способ политико-экономического рассмотрения, при котором анализ каждой экономической общественной формации ведется с непременным учетом того, что данная формация, с одной стороны, лишь звено в историческом развитии общества, а с другой — лишь элемент в системе сосуществующих обществ.

Указанный способ отнюдь не означает рассмотрения в рамках политической экономии лишь того общего, что присуще разным способам производства. Напротив, он требует строго исторического подхода к предмету, т. е. выяснения его специфики. Именно более глубокое проникновение в сущность каждого из выделенных Марксом способов производства позволило ему углубить диалектико-материалистическое понимание исторического процесса. «В общих чертах, азиатский, античный, феодальный и современный, буржуазный, способы производства можно обозначить как прогрессивные эпохи экономической общественной формации» [5]. Этот вывод, сформулированный Марксом в Предисловии к первому выпуску работы «К критике политической экономии» (1859 г.), базировался на его экономических исследованиях 40-х и 50-х гг., и прежде всего на «Grundrisse». В экономическом наследии Маркса содержится большой теоретико-методологический материал, касающийся становления капиталистических отношений, а также влияния развитого капитализма на докапиталистические отношения. Проведенное Марксом теоретическое исследование «добуржуазной экономики» — форм производства, обмена и распределения, которые предшествовали капиталистической экономике или «которые существуют еще рядом с ней в менее развитых странах» [6],— Энгельс впоследствии оценил как большую заслугу Маркса.

Во-вторых, создание теории, объясняющей закономерности функционирования и развития той или иной общественной формации, способствует расширению представлений и о предшествующих ей ступенях общественного развития. Процесс разработки политической экономии капитализма, на что были главным образом направлены усилия Маркса — ведь именно исследование буржуазного производства было его «подлинной темой» [7],— дал сильнейшие импульсы для дальнейшего развития политической эко-

номии в широком смысле. Именно изучение капитализма как наиболее развитой организации общественного производства в рамках «предыстории человеческого общества» [8], позволило Марксу углубить исследование докапиталистических обществ. «Анатомия человека,— писал он в этой связи в 1857 г.,— ключ к анатомии обезьяны» [9]. Вместе с тем параллельно с разработкой политической экономии капитализма и на ее основе Маркс развивал элементы научного прогнозирования коммунистической экономики. «Подобно тому как система буржуазной экономики развертывается перед нами... шаг за шагом,— говорит он в рукописи 1857—1858 гг.,— так же обстоит дело и с ее самоотрицанием, которое является ее конечным результатом» [10]. По мере того как Маркс развивал и углублял свое экономическое учение, главные моменты указанного прогнозирования, основанные, по характеристике Энгельса, на открытии внутри капиталистической системы элементов «будущей, новой организации производства и обмена» [11], также получали свое дальнейшее развитие и обоснование.

Наконец, *в-третьих,* разработка политической экономии в широком смысле приводит к формулировке «немногих, совершенно общих» [12] экономических законов — общих для всех экономических общественных формаций или для какой-то части их. Эту задачу, подчеркивал Энгельс, политическая экономия может выяснить лишь в конце исследования, после того как ею установлены «особые законы каждой отдельной ступени развития производства и обмена» [13]. В «Grundrisse» это исследование было только начато в той мере, в какой, рассматривая во «Введении» внутреннюю диалектику производства, распределения, обмена и потребления, Маркс раскрыл не только их отношение друг к другу в современном ему буржуазном обществе, но и выявил некоторые совершенно общие, присущие всем формам общества, их черты.

Уже в ходе анализа капиталистического способа производства в рукописи 1857—1858 гг. Маркс пришел к выводу, что рассмотрение буржуазной экономической формации в рамках политической экономии в широком смысле диктуется самим *методом* исследования. «...Наш метод,—писал он,— показывает те пункты, где должно быть включено историческое рассмотрение предмета, т. е. те пункты, где буржуазная экономика, являющаяся всего лишь исторической формой процесса производства, содержит выходящие за ее пределы указания на более ранние исторические способы производства... С другой стороны, это правильное рассмотрение приводит к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и в результате этого вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему» [14].

Развивая свою экономическую теорию, Маркс выработал общие принципы перехода от категорий капиталистической экономики к рассмотрению докапиталистических отношений, с одной

стороны, и к прогнозированию коммунистических отношений — с другой. В основе такого перехода лежало различение вещественного содержания и социальной формы экономических процессов и соответствующих этим процессам категорий. «...Если снять с заработной платы,— отмечал Маркс в III томе «Капитала»,— как и с прибавочной стоимости, с необходимого труда, как и с прибавочного, специфически капиталистический характер, то останутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства» [15]. Указанные основы определяются вещественным содержанием названных Марксом категорий, образуют, так сказать, «инвариант» общественного производства, их исследование является предпосылкой создания политической экономии в широком смысле.

* * *

Сформулированные выше методологические принципы отчетливо прослеживаются уже в экономических исследованиях Маркса 50-х гг. Первоначальный вариант «Капитала» явился для Маркса и первым шагом в направлении создания политической экономии в широком смысле. Ее разработка шла по трем основным направлениям: 1) обобщение материала, относящегося к отдельным экономическим общественным формациям, стремление представить их развитие как единую восходящую линию всемирно-исторического процесса; 2) изучение капитализма в широком контексте мировой истории, выяснение его генезиса в ходе разложения докапиталистических форм; 3) открытие в недрах капитализма вещественного содержания экономических категорий, вообще «элементов высшей новой формы» [16], обусловливающих переход к коммунизму, и прогнозирование на этой основе общих черт коммунистической экономики. Первые два момента наиболее отчетливо воплотились в разделе «Формы, предшествующие капиталистическому производству», третий аспект обнаруживается в многочисленных, рассеянных в тексте «Grundrisse» ремарках, и всякий раз тогда, когда исследование капитализма подводит Маркса, как об этом говорилось уже в ряде предшествующих глав, к выявлению неустранимых внутренних пределов, антагонизмов буржуазного общества.

2. АНАЛИЗ ФОРМ, ПРЕДШЕСТВУЮЩИХ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМУ ПРОИЗВОДСТВУ, И ГЕНЕЗИСА КАПИТАЛИЗМА

Особое место в экономической рукописи 1857—1858 гг. занимает раздел «Формы, предшествующие капиталистическому производству». Необходимость написания данного раздела «Grundrisse» диктовалась, по всей видимости, тем, что в ходе исследования процесса обращения (и воспроизводства) капитала все его

предпосылки предстают в равной мере и как его результаты; таким образом, теперь, когда капитал был охарактеризован как непосредственное единство производства и обращения, он выступает как самовоспроизводящееся отношение.

Здесь возникает парадокс в исследовании. С одной стороны, раскрыв тайну происхождения прибавочной стоимости, Маркс вместе с тем определил историческое место буржуазного общества. Это такая форма эксплуататорского общественного строя, которая покоится на присвоении неоплаченного прибавочного труда в виде прибавочной стоимости. С другой стороны, появляется новая трудность: поскольку все предпосылки капитала — товар, деньги, лишенный средств производства и жизненных средств производитель, а также владеющий ими капиталист — являются его же собственными результатами, постольку объективно возникает иллюзия вечности, «естественности» капиталистического способа производства. История совершается как бы по кругу, вечно оставаясь историей *буржуазного* общества. (Именно эту объективную связь явлений, существующую в зрелом капиталистическом обществе, ухватывает буржуазная политэкономия, отсюда и ее антиисторизм.)

Маркс ощущает объективную теоретическую необходимость выхода из этого «порочного круга». Такой выход возможен лишь в том случае, если исследователь отличает внутренние предпосылки капитала от внешних, не им самим созданных, отличает условия его *существования* от условий *возникновения* капитала [17]. Но выделить эти предпосылки возникновения капиталистического способа производства — еще не значит решить проблему. Дело заключается еще и в том, чтобы показать, как и почему в недрах предшествующих общественных форм они складываются. Именно это и стремился, по-видимому, выяснить Маркс, когда, прервав исследование процесса обращения капитала, он создал большой и относительно самостоятельный фрагмент «Формы, предшествующие капиталистическому производству».

Хотя эти вопросы уже были предметом анализа в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и в 1-й главе «Немецкой идеологии» [18], здесь они получают принципиально новое освещение.

2.1. Подходы к разделу «Формы, предшествующие капиталистическому производству» в «Grundrisse»

Уже в «Главе о деньгах» Маркс сформулировал вывод о том, что в своем развитии человеческое общество прошло три ступени, которым соответствуют три основные формы отношений общения: 1) личная зависимость, 2) вещная зависимость, 3) свободная индивидуальность. «Отношения личной зависимости (вначале совершенно первобытные),— пишет Маркс в «Grundrisse»,— таковы те первые формы общества, при которых производительность

людей развивается лишь в незначительном объеме и в изолированных пунктах. Личная независимость, основанная на *вещной* зависимости,— такова вторая крупная форма, при которой впервые образуется система всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций. Свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние,— такова третья ступень. Вторая ступень создает условия для третьей. Поэтому патриархальный, как и античный строй (а также феодальный) приходят в упадок по мере развития торговли, роскоши, *денег, меновой стоимости,* в то время как современный общественный строй вырастает и развивается одновременно с ростом этих последних» [19].

Очевидно, что в данной классификации Маркс выделяет лишь типическое, позволяющее охарактеризовать развитие человеческого общества в целом, выделить в этом развитии основные качественные этапы. Особенности первой стадии Маркс противопоставляет второй стадии, когда целью становится меновая стоимость. «В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей, личная мощь — в некую вещную мощь. Чем меньшей общественной силой обладает средство обмена, чем теснее оно еще связано с природой непосредственного продукта труда и с непосредственными потребностями обменивающихся, тем больше еще должна быть сила той общности, которая связывает индивидов друг с другом — патриархальное отношение, античное общество, феодализм и цеховой строй...» [20].

В процессе работы над рукописью 1857—1858 гг. Маркс специально разбирает такие вопросы, как природные и экономические предпосылки труда, генезис частной собственности, условия формирования наемного труда, исторические предпосылки образования капитала и др. Уже во «Введении», характеризуя капитализм, Маркс указал на ряд специфических черт, отличающих его от докапиталистических форм производства: «В этом обществе свободной конкуренции отдельный человек выступает освобожденным от природных связей и т. д., которые в прежние исторические эпохи делали его принадлежностью определенного... человеческого конгломерата» [21].

С другой стороны, данный раздел является новым шагом и в изучении генезиса капитализма. До этого отдельные аспекты генезиса буржуазного способа производства рассматривались в рукописи по меньшей мере дважды: во-первых, при изучении превращения денег в капитал, во-вторых, при исследовании воспроизводства и накопления капитала в процессе его обращения. Что же дали первые два подхода? Исследуя превращение денег в капитал, Маркс пытался выяснить не только внутреннюю логику этого перехода, но и показать, каким образом исторически возни-

кают капиталистические производственные отношения. Маркс понимал, что в историческом плане превращение денег в капитал заключается не в простом накоплении денег: «Путем простого сложения я не могу от меновой стоимости прийти к капиталу. В простом накоплении денег, как мы видели, еще нет отношения капитализации» [22]. Превращение денег в капитал требовало в реальной действительности качественного скачка в развитии материального производства, ибо «производство, покоящееся на капитале и наемном труде, не только формально отличается от других способов производства, но и предполагает также полную революцию в развитии материального производства» [23]. Как отразить этот переход в системе категорий и законов политической экономии? По-видимому, здесь имеет место несовпадение истории возникновения капиталистического способа производства и логического отображения его собственной истории. «...В системе буржуазного общества за стоимостью непосредственно следует капитал. *В истории этой системе предшествуют другие системы...*» [24] Поэтому возникает вопрос о том, можно ли отобразить переход от докапиталистических систем к капиталистической, рассматривая превращение денег в капитал, и если можно, то в каком виде? Здесь возникает следующее логическое противоречие. Наемный труд появляется в ходе разложения земельной собственности, ее разложение выступает как *предпосылка* образования наемного труда. «Исторически,— пишет Маркс,— переход от земельной собственности к наемному труду бесспорен» [25]. Но, с другой стороны, капитал выступает как *причина* разложения земельной собственности. «Следовательно, *наемный труд* в своей полноте впервые создается в результате воздействия капитала на земельную собственность...» [26]. Получается порочный круг. Капитал предполагает наемный труд; наемный труд появляется в ходе разложения земельной собственности, а земельная собственность разлагается под воздействием капитала.

Уже в той же самой «Главе о капитале», но несколько позже, Маркс, по-видимому, мог бы сформулировать путь выхода из создавшегося затруднения, разграничив первоначальное накопление и собственно накопление капитала [27], т. е. чисто теоретическим путем, через строгое определение понятий. Но для этого было необходимо более полное представление о существе процесса, характеризуемого как накопление капитала, которое пока еще только предстояло выработать.

С другой стороны, возникшая трудность окончательно могла быть разрешена лишь на основе такого теоретического исследования накопления, которое подвело бы к необходимости выхода за рамки исследования зрелого капитализма, исследования отличий условий *возникновения* капитала (разложение земельной собственности *как предпосылка* развития капитала и наемного труда) от условий его *существования* (дальнейшее разложение земельной собственности *как результат* вовлечения в орбиту

капиталистического способа производства). Именно такое исследование и провел Маркс в ходе рассмотрения исторических предпосылок капитала, предваряющего раздел «Формы, предшествующие капиталистическому производству» и дающего ключ к пониманию некоторых особенностей трактовки добуржуазных общественных форм в этом разделе.

Маркс стремится, отталкиваясь от проведенного уже исследования воспроизводства капитала на собственной основе, выделить условия, без которых невозможно превращение денег в капитал: «...правильное рассмотрение и выведение... производственных отношений как исторически сложившихся отношений всегда приводят к таким первым уравнениям, которые — подобно эмпирическим числам, например, в естествознании — указывают на прошлое, существовавшее до этой системы» [28]. Какие же «первые уравнения» устанавливает здесь Маркс?

В их числе прежде всего появление работника, свободного как личность и свободного от средств производства, которому противостоит капитал, т. е. стоимость, обладающая способностью самовозрастать. «Те условия, при которых первоначально выступает это отношение... обнаруживают с первого же взгляда свой двойственный характер: на одной стороне — разложение более низких форм живого труда, на другой — разложение отношений более благоприятных [для непосредственных производителей]» [29].

Маркса интересуют при этом условия возникновения наемного труда не как спорадического явления, а как закономерного этапа исторического развития. Но для этого надо выяснить прежде вопрос о том, чем вообще наемный труд как источник капитала отличается от других исторических типов труда по найму. Маркс детально характеризует личные услуги как противоположность производительного наемного труда.

Найм работников в докапиталистических формациях может осуществляться либо в целях потребления, либо в целях производства. Если *найм* осуществляется *в целях потребления,* то возникающие отношения сводятся к отношению простого товарного обращения. Оба участника сделки, по существу, обмениваются между собой лишь потребительными стоимостями; наниматель дает жизненные средства, нанимаемый оплачивает их своим трудом [30].

Если *найм* осуществляется *с целью производства,* то в докапиталистических формациях и здесь все же конечной целью выступает потребление [31]. Чтобы наемный труд возник не как спорадическое явление, а как закономерный этап развития человеческого общества, необходимо разложение докапиталистических форм собственности, прежде всего — земельной собственности.

2.2. Докапиталистические формы собственности: условия возникновения, этапы развития и причины разложения

Добуржуазные формы собственности, как следует из вышеизложенного, интересуют Маркса в «Grundrisse» не сами по себе, а прежде всего как формы, *предшествующие капиталистическому производству*. В данном разделе рукописи в сжатой форме отражена именно предыстория *капитализма*. Поэтому неудивительно, что анализ начинается как бы в «обратном порядке». Маркс исходит из капиталистического отношения, т. е. из обмена свободного труда на деньги с целью увеличения их стоимости. Но оно предполагает отделение свободного труда от объективных условий его функционирования. Напротив, в добуржуазных формах производства мы наблюдаем единство труда и условий его деятельности. Главным средством производства в докапиталистических формациях была земля. Поэтому Маркс считает необходимым показать процесс разложения «как мелкой свободной земельной собственности, так и общей земельной собственности, покоящейся на восточной общине.

В обеих формах работник относится к объективным условиям своего труда как к своей собственности; это и есть природное единство труда с его вещными предпосылками» [32]. Таким образом, исходным пунктом анализа докапиталистических отношений является исследование природного единства труда с его вещными предпосылками. А для этого необходимо проанализировать две группы отношений: с одной стороны, рассмотреть единство индивида и собственности, единство собственности и труда, а с другой — охарактеризовать единство индивида с другими людьми, единство индивида и общины [33]. Исследование этих двух групп отношений, по мысли Маркса, позволит показать, что «превращение индивида в *рабочего* в этой обнаженности само является продуктом *исторического* развития» [34].

Необходимо отметить, что анализ докапиталистических форм земельной собственности Маркс начинает с характеристики субъективного фактора процесса труда. «Первой предпосылкой первой формы этой земельной собственности,— пишет он,— является прежде всего естественно сложившийся коллектив...» [35]

Маркс, прежде всего, обосновывает эту первую предпосылку *исторически*. Он исходит из того, что кочевой образ жизни предшествовал оседлому, а значит, и общность по племени выступала как предпосылка совместного присвоения земли, а не наоборот. Дальнейшее изменение этого естественно сложившегося первобытного коллектива зависело от различных условий. В числе этих условий Маркс называет как природные условия производства, так и природные задатки людей [36].

Влияние географических условий на развитие человеческого общества исследовалось и до Маркса. Заслугой Маркса является

не анализ природных условий развития человечества как таковых, а то, что он рассматривает природные условия *производства.* В этом вопросе Маркс сделал значительный шаг вперед по сравнению с «Немецкой идеологией». В «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс уделяли больше внимания не субъективному, а объективному фактору производства. В частности, там важное значение придавалось противопоставлению естественно возникших орудий производства орудиям производства, созданным цивилизацией. В «Grundrisse» же на передний план выдвигается не характеристика естественно возникших орудий труда, а характеристика естественно возникшей общности. *Логически* это связано с тем, что принадлежность к общине является главным условием присвоения земли. «Каждый отдельный человек,— пишет Маркс,— является *собственником* или *владельцем* только в качестве звена этого коллектива, в качестве его члена» [37]. В добуржуазных обществах в качестве первой и главной производительной силы выступает сама община, в рамках которой и осуществляется процесс производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Поэтому для Маркса было важно проследить ступени развития (и отрицания) естественно сложившейся общности — азиатскую, античную и германскую формы общины.

В «Немецкой идеологии» в качестве первой формы собственности фигурировала племенная собственность. Акцент при ее характеристике был сделан на форме хозяйствования (охота, рыболовство, скотоводство, земледелие) и на разделении труда, которое было развито еще очень слабо. Главным признаком ее разложения выступало рабство и расширение внешних сношений (в виде войны и меновой торговли) [38].

В «Grundrisse» в центре внимания Маркса оказывается не племенная собственность как таковая, а период ее разложения, которое приводит к образованию «восточного деспотизма». Это не означает, что Маркс «заменил» племенную форму собственности азиатской. Дело в том, что «в условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности фактически в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность, порожденная по большей части сочетанием промышленности и сельского хозяйства в рамках мелкой общины, благодаря чему такая община становится вполне способной существовать самостоятельно и содержит в себе самой все условия воспроизводства и расширенного производства. Часть прибавочного труда общины принадлежит более высокой общине, существующей, в конечном счете, в виде одного *лица,* и этот прибавочный труд дает о себе знать как в виде дани и т. п., так и в совместных работах для прославления единого начала — отчасти действительного деспота, отчасти воображаемого племенного существа, бога» [39].

Признаком, свидетельствующим о разложении племенной собственности, является не рабство как таковое, а наличие *прибавочного продукта* и *эксплуатации.*

Общинная собственность азиатского типа может быть более централизованной или менее централизованной, более деспотичной или более демократичной. Она может действительно реализоваться в труде: в труде по созданию ирригационных каналов и средств сообщения, в труде по созданию общественного запаса (страхового фонда), в труде «для *покрытия издержек общины как таковой,* т. е. для войны, богослужения и т. д...» [40].

Поскольку часть прибавочного труда общины поступает в пользу более высокой общины и в конечном счете в пользу главы государства, то образуются города как своеобразный нарост над системой сельских общин. Эти города возникают в местах, удобных для внешней торговли, либо там, где образуются ставки верховного правителя или его сатрапов, которые обменивают полученную ренту на производимые для них предметы роскоши.

Если для Азии характерно «своего рода нерасчлененное единство города и деревни», то «история классической древности — это история городов, но городов, основанных на земельной собственности и на земледелии...» [41]. Как и азиатская форма собственности, античная форма в качестве исходной предпосылки имеет общину, но общину более высокого рода. «Эта вторая форма,— пишет Маркс,— предполагает в качестве своего базиса не земельную площадь как таковую, а город как уже созданное место поселения (центр) земледельцев (земельных собственников). Пашня является здесь территорией города, тогда как в первом случае село выступало как простой придаток к земле» [42].

Характеристика второй формы собственности как общинной встречалась уже в «Немецкой идеологии». «Граждане государства,— писали Маркс и Энгельс,— лишь сообща владеют своими работающими рабами и уже в силу этого связаны формой общинной собственности. Это — совместная частная собственность активных граждан государства, вынужденных перед лицом рабов сохранять эту естественно возникшую форму ассоциации. Поэтому вся основывающаяся на этом фундаменте структура общества, а вместе с ней и народовластие, приходит в упадок в той же мере, в какой развивается частная собственность, в особенности недвижимая» [43].

В рукописи 1857—1858 гг. уточняется характеристика античной общинной собственности. Маркс приходит к пониманию того, что здесь существует известный дуализм: собственность отдельного человека не является общинной собственностью, как это было в условиях азиатского способа производства. «Общинная собственность — в качестве государственной собственности, ager publicus — отделена здесь от частной собственности» [44].

Государственная собственность является тем источником, который питает частный фонд. Эта государственная собственность пополняется путем завоеваний, и каждый член общины обеспечивает существование данного коллектива, защищая его от других общин [45].

Маркс подробно останавливается на характеристике античной формы собственности эпохи классической древности, потому что ее анализ дает ключ к пониманию возникновения, расцвета и упадка античного общества. Членство в общине выступает в квиритской, римской собственности как условие владения земельным участком — как предпосылка частной собственности. Однако такая форма собственности может существовать лишь при сохранении равенства между входящими в общину членами, лишь при условии, что собственность основана на собственном труде. Между тем, в античном мире воспроизводство общины «*неизбежно является в одно и то же время и производством заново старой формы, и разрушением ее.* Например, там, где каждому из индивидов полагается владеть таким-то и таким-то количеством акров земли, уже рост населения создает для этого препятствие. Если пытаются устранить это препятствие, то прибегают к колонизации, а колонизация вызывает необходимость в завоевательных войнах. В результате — рабы и т. д., а также, например, увеличение ager publicus и, следовательно, усиление патрициев, являющихся представителями общины, и т. д.

Таким образом, сохранение старой общины заключает в себе разрушение тех условий, на которых она покоится, и оно переходит в свою противоположность» [46].

В качестве третьей формы собственности Маркс рассматривает германскую форму. Анализ ее заметно отличается от того, что имело место в «Немецкой идеологии». Там в центре внимания Маркса и Энгельса находился не *генезис* феодализма, а *развитое* феодальное общество. Они подробно характеризовали феодальную (или сословную) собственность, показывая ее отличия от племенной и общинной собственности, с одной стороны, и от античной — с другой. Маркс и Энгельс анализировали собственность *господствующего класса.* «Подобно племенной и общинной собственности,— писали они, характеризуя феодальную собственность,— она покоится опять-таки на известном сообществе, которому, однако, противостоят, в качестве непосредственно производящего класса, не рабы, как в античном мире, а мелкие крепостные крестьяне... Эта феодальная структура, как и античная общинная собственность, была ассоциацией, направленной против порабощенного производящего класса; различны были лишь форма ассоциации и отношение к непосредственным производителям, ибо налицо были различные условия производства» [47].

В «Grundrisse» же, в отличие от «Немецкой идеологии», с ее развернутой характеристикой феодальной структуры землевладения и корпоративной собственности цехов, в первой части «Форм, предшествующих капиталистическому производству» акцент переносится на анализ формы собственности непосредственных производителей, на характеристику *германской общины,* отношений, типичных для раннего периода европейского средневековья.

В центре внимания Маркса не древние германцы, а более поздний период их развития, когда «не собственность отдельного индивида выступает как опосредствованная общиной, а, наоборот, в качестве опосредствованного выступает существование общины и общинной собственности, т. е. их существование выступает как связь самостоятельных субъектов друг с другом. Au fond экономическим целым является каждый отдельный дом, который сам по себе, взятый отдельно, образует самостоятельный центр производства...» [48]. Это означает существенный шаг вперед не только по сравнению с азиатской формой собственности, для которой, по мысли Маркса, действительным, настоящим собственником была община, но и по сравнению с античным миром, в котором функции экономического целого выполнял город с окружающими его и принадлежащими ему землями. Маркс исходит из того, что индивидуальная собственность у германцев развита выше, чем в античном и азиатском мире. Сама же «индивидуальная земельная собственность не выступает здесь ни как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как ею опосредствованная, а, наоборот, община существует только во взаимных отношениях друг к другу этих индивидуальных земельных собственников как таковых» [49]. Хотя и к характеристике германской общины Маркс подходит двойственно, однако это двойственность иного порядка, чем при рассмотрении античного мира. «...Германская община сама по себе, с одной стороны, как общность по языку, по крови и т. д. является предпосылкой существования индивидуальных собственников; но, с другой стороны, она фактически существует только в их *действительном собрании* ради общих целей, и в той мере, в какой она имеет особое экономическое существование в виде совместно используемых районов охоты, пастбищ, и т. п., она используется каждым индивидуальным собственником как таковым, а не как представителем государства (как это было в Риме)» [50].

Таким образом, Маркс рассматривает азиатскую, античную и германскую формы общины как три этапа преодоления естественно сложившейся общности, формирования основанной на личном труде частной собственности. Азиатская община, в которой господствовало коллективное начало, а индивид выступал всего лишь как акциденция, характеризуется им как низшая форма. Античная община, представляющая единство государственного и частного начал, выступает как средняя ступень. Германская форма собственности, в которой община существует лишь чисто внешне, а каждый отдельно взятый дом образует самостоятельный центр производства, рассматривается Марксом на данном этапе исследования как последняя (в рамках докапиталистической эпохи) ступень прогрессивного развития человеческого общества.

В рукописи 1857—1858 гг. Маркс показывает не только то, что различает докапиталистические формы собственности, но и то, что

их объединяет. «Во всех этих формах, в которых земельная собственность и земледелие образуют базис экономического строя, в силу чего экономической целью является производство потребительных стоимостей, *воспроизводство индивида* в тех определенных отношениях его к общине, в которых он образует ее базис — во всех этих формах налицо имеются следующие моменты:

1) Присвоение природного условия труда (*земли* как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, а предшествует труду в качестве его предпосылки... Главным объективным условием труда является не *продукт* труда, а находимая трудом *природа*...

2) Однако это *отношение* к земле как к собственности трудящегося индивида (который поэтому с самого начала выступает не просто как трудящийся индивид в этой абстрактности, а имеет в собственности на землю *объективный способ существования*, являющийся заранее данной *предпосылкой* его деятельности, а не всего лишь ее результатом...) сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизмененным существованием индивида как *члена какой-либо общины*...» [51]

Обе эти предпосылки предопределяют ограниченный характер производственных отношений общинного строя, содержат в себе условия как его воспроизводства, так и разложения. С течением времени изменяется отношение индивида к общине, а потому и сама община и ее экономические предпосылки. Изменения могут происходить и в объективных экономических предпосылках, что также влечет за собой изменения в общине. Эти формы производства как бы обращены в прошлое: они предполагают воспроизводство уже сложившихся, традиционных отношений индивида к общине и условиям труда. Однако воспроизводство не может осуществляться бесконечно в неизменных формах. Даже чисто количественное накопление прежних признаков отрицает старую форму, подготавливая качественные изменения. На это обращает внимание Маркс, подчеркивая ограниченный характер воспроизводства общинного строя, предопределяющий неизбежность его гибели [52].

В период расцвета античного мира философов и политических деятелей интересовали не столько вопросы о путях и способах личного обогащения, сколько о том, как форма земельной собственности способствует воспитанию настоящих граждан государства. Однако сложившиеся в классической древности традиции и нормы поведения препятствуют свободному и полному развитию как индивидов, так и общества в целом. Дело в том, что это развитие неизбежно вступает в противоречие с первоначальным, заранее установленным отношением между индивидом и обществом. Тем не менее, несмотря на все экономические, политические и религиозные ограничения, человек в античном мире выступает как цель производства и это качественно отличает его от капитализма,

«где производство выступает как цель человека, а богатство как цель производства» [53]. Поэтому Маркс считает, что древний мир дает, хотя и ограниченный, прообраз коммунистического общества [54].

Анализ докапиталистических форм производства позволил Марксу решить и еще одну задачу — дать критику воззрений Прудона по вопросу о происхождении собственности. Как известно, Маркс обращался к этой теме еще в «Нищете философии». Уже тогда он отмечал метафизический (внеисторический) и юридический подход Прудона к категории «собственность», стремление охарактеризовать буржуазную собственность как самостоятельную категорию в отрыве от системы капиталистических производственных отношений. «В каждую историческую эпоху,— писал Маркс,— собственность развивалась различно и при совершенно различных общественных отношениях. Поэтому определить буржуазную собственность — это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства. Стремиться дать определение собственности как независимого отношения, как особой категории, как абстрактной и вечной идеи значит впадать в метафизическую или юридическую иллюзию» [55].

Тогда же, в «Нищете философии», Маркс отмечает и такую типичную ошибку Прудона, как характеристика земельной собственности как собственности вообще. Прудон пишет о собственности вообще, тогда как, по существу, он анализирует только земельную собственность или земельную ренту.

В «Grundrisse» предмет исследования другой: взгляды Прудона на *происхождение* собственности. И здесь рассматривается собственность не в условиях капитализма, а в добуржуазную эпоху, и притом не только земельная собственность, но и другие ее виды. Акцент сделан на связи природных условий производства и формы собственности. Поэтому в центре внимания критики Маркса не понятие собственности как таковой, а ее, выражаясь словами Прудона, *«внеэкономическое происхождение»*. Разбирая взгляды Прудона, Маркс показывает, что само понятие «внеэкономическое» употребляется этим теоретиком некорректно. «Внеэкономическое» у него означает и «добуржуазное», и «исторически возникшее». Но с таким же успехом, язвительно замечает Маркс, можно было бы писать и о внеэкономическом происхождении капитала и наемного труда как форм собственности [56]. Критикуя Прудона, Маркс критикует и антиисторизм буржуазной политической экономии. «...*Внеэкономическое происхождение* собственности,— пишет Маркс,— означает не что иное, как *историческое происхождение* буржуазной экономики, т. е. тех форм производства, которые получают теоретическое или идеальное выражение в категориях политической экономии. Но та истина, что добуржуазная история и каждая ее фаза тоже имеют свою *экономику* и *экономическую основу* своего движения, эта истина, в конце концов, сводится к той тавтологии, что жизнь людей искони покоилась на производ-

стве, на того или иного рода *общественном* производстве, отношения которого мы как раз и называем экономическими отношениями» [57].

Если в «Нищете философии» показывается несостоятельность теории Прудона по сравнению с классической буржуазной политэкономией (в частности, с теорией ренты Д. Рикардо), то в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» дается критика антиисторизма уже не только Прудона, но и всей буржуазной политической экономии, из которой заимствовал свои идеи Прудон. Более того, Маркс здесь дает и собственную позитивную разработку вопроса. Критика дается не как самоцель, а в связи с позитивным изложением проблемы, характеристикой действительных предпосылок возникновения собственности. Маркс исходит из того, что первоначальные условия производства не являются результатом производства, не могут быть объяснены из производства. Объяснить нужно не единство людей и природных условий их деятельного существования, а разрыв между условиями деятельности и самой деятельностью человека; разрыв, характерный для отношений наемного труда и капитала. «В отношениях рабства и крепостной зависимости,— считает Маркс,— этого разрыва нет; но здесь одна часть общества обращается с другой его частью просто как с *неорганическим и природным* условием своего собственного воспроизводства. Раб не находится в каком-либо отношении к объективным условиям своего труда; напротив, сам работник, и в форме раба и в форме крепостного, ставится в качестве *неорганического условия* производства в один ряд с прочими существами природы, рядом со скотом, или является придатком к земле» [58].

В отличие от буржуазной политической экономии Маркс последовательно проводит мысль о том, что принадлежность коллективу является главной особенностью земельной собственности в докапиталистических формациях.

Условием производства в добуржуазную эпоху является собственность на природные условия существования. А сами эти природные условия существования человека находятся в двоякой форме: субъективной и объективной. Субъективная форма означает принадлежность определенному коллективу: ведь человек обособляется как индивид лишь в результате исторического процесса. «Чем дальше назад уходим мы в глубь истории,— подчеркивает Маркс,— тем в большей степени индивид, а следовательно и производящий индивид, выступает несамостоятельным, принадлежащим к более обширному целому: сначала еще совершенно естественным образом он связан с семьей и с семьей, развившейся в род; позднее — с возникающей из столкновения и слияния родов общиной в ее различных формах. Лишь в XVIII в., в «гражданском обществе», различные формы общественной связи выступают по отношению к отдельной личности как всего лишь средство для ее частных целей, как внешняя необходимость. Однако эпоха, по-

рождающая эту точку зрения — точку зрения обособленного одиночки,— есть как раз эпоха наиболее развитых общественных (с этой точки зрения всеобщих) отношений» [59]. Чтобы показать, что земельная собственность в докапиталистических формациях опосредована принадлежностью индивида к общине, Маркс проводит интересную аналогию между собственностью и языком. И собственность, и язык усваиваются индивидом в рамках определенного коллектива, являются продуктами его развития. «Язык как продукт отдельного человека — бессмыслица. Но равным образом и собственность» [60].

Природные условия производства присваиваются каждым коллективом непосредственно. Единственным препятствием в этом присвоении может быть лишь другая община. «Поэтому *война* есть один из самых первобытных видов труда каждой из этих естественно сложившихся общин как для удержания собственности, так и для приобретения ее» [61]. Как последствия войны (в качестве побочного результата завоеваний) возникают рабство и крепостная зависимость.

Таким образом, Маркс последовательно проводит мысль о неправомерности сведения докапиталистической собственности лишь к отдельному ее виду — земельной собственности, и даже к собственности на условия производства. Докапиталистическая форма собственности выступает как более богатое, многогранное отношение. Не сводит Маркс докапиталистическую форму собственности и к факту принадлежности земли индивиду. Наоборот, он показывает, что эта принадлежность опосредована отношением индивида к общине, что принадлежность к племени, а не владение землей, является основным условием собственности, покоящейся на племенном строе. Азиатская форма собственности, рабство и крепостная зависимость рассматриваются им как ступени развития (и разложения) собственности, основанной на племенном строе.

В «Grundrisse» проводится различие между экономическим и юридическим содержанием отношений собственности. «Поскольку собственность является только сознательным отношением к условиям производства как к *своим* собственным»,— отмечает Маркс,— т. е. «поскольку существование производителя выступает как существование в объективных условиях, *ему принадлежащих,* постольку она осуществляется только через само производство. Действительное присвоение совершается сперва не в мысленном, а в активном, реальном отношении к этим условиям, это есть действительное использование их человеком как условий своей субъективной деятельности» [62].

Маркс исходит, прежде всего, из экономического содержания отношений собственности. Он раскрывает содержание азиатской, античной и германской форм собственности через производство и в связи с производством. Естественно, что и разложение этих форм необходимо искать в изменении условий производства. Специфика

развития докапиталистических форм такова, что воспроизводство старой формы общины содержит в себе и сохранение, и разрушение тех условий, которые лежат в ее основе. Изменение же объективных условий производства способствует изменению самих производителей: они приобретают новые качества, развиваются, благодаря производству приобретают «новые силы и новые представления, новые способы общения, новые потребности и новый язык» [63].

Маркс показывает, как изменения в способе производства приводят к изменениям в экономической и юридической форме собственности и в общине в целом. И наоборот, «чем дольше сохраняются традиции в самом способе производства... т. е. чем меньшим изменениям подвергается *действительный процесс* присвоения, тем устойчивее старые формы собственности, а следовательно, и община вообще» [64]. Важную роль в этом процессе играет форма организации промышленности и степень развития частной собственности. Поэтому дольше всего традиционный способ производства сохраняется на Востоке, для которого характерно нерасчлененное единство земледелия и промышленности, города и деревни. В античном мире возникают условия для разрушения традиционного общинного строя. Не случайно поэтому промышленность и торговля рассматривались греками и римлянами как пагубные занятия.

Изменение условий производства приводит к изменению производительных сил общины и общинных форм собственности. В свою очередь, уничтожение общинных форм выступает как важнейшее условие дальнейшего развития производительных сил, создает принципиально новые условия для этого развития. «Все те формы...— пишет Маркс,— при которых община предполагает субъектов в определенном объективном единстве с их условиями производства, или при которых определенный способ существования субъектов предполагает саму общину в качестве условия производства, по необходимости соответствуют только ограниченному, и притом принципиально ограниченному развитию производительных сил. Развитие производительных сил разлагает их, и само их разложение является развитием производительных сил людей. Люди начинают трудиться на определенной основе — сперва на естественно возникшей, затем создается историческая предпосылка труда. Но потом сама эта основа, или предпосылка, уничтожается или к ней относятся как к временной предпосылке, ставшей слишком узкой для того, чтобы на ней могла развиваться прогрессивная человеческая масса [Menschenpack]» [65].

Таким образом, прежде чем выявить специфические особенности генезиса капитализма, Маркс выясняет наиболее общие основы добуржуазной экономики, которые должны быть разрушены в процессе становления нового способа производства. Если в докапиталистических формациях объективные условия производства даны природой, то при капитализме они — результат длительного

исторического развития. Исследование этого исторического развития и было осуществлено в ходе рассмотрения предшествующих капиталистическому производству форм [66].

2.3. Две стороны в генезисе капиталистической собственности

К проблеме генезиса капитализма Маркс обратился не впервые. Еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» были рассмотрены условия превращения феодальной частной собственности в капиталистическую [67].

Дальнейшее развитие взгляды Маркса и Энгельса на генезис капитализма получили в «Немецкой идеологии», где они исследовали становление капитализма *с точки зрения* углубления *разделения труда,* развития противоположности между городом и деревней [68]. В «Немецкой идеологии» содержалась развернутая характеристика цехового строя, развития торговли, условий возникновения мануфактур и машинного производства. Все эти процессы трактовались, прежде всего, с точки зрения углубления разделения труда. Крупная промышленность стала продуктом самого широкого разделения труда. Она завершает победу капиталистического города над феодальной деревней.

В «Формах, предшествующих капиталистическому производству» проблема генезиса капитализма ставится по-другому. Здесь Маркс решает двуединую задачу: во-первых, выясняет исторические предпосылки появления рабочего как свободного рабочего и, во-вторых, анализирует условия, необходимые для того, чтобы рабочий нашел противостоящий ему капитал. А так как в рукописи 1857—1858 гг. Маркс рассматривает генезис капитализма через призму отношений собственности, то необходимо было, с одной стороны, провести исследование процессов, которые способствовали разложению принадлежащей работнику собственности на условия его труда и жизнедеятельности, а с другой — анализ процессов приобретения и накопления такой собственности, которая могла быть использована в процессе производства в качестве условия увеличения стоимости капитала (собственность на средства производства и средства существования). Именно эти задачи и реализует теперь Маркс.

Появление свободного рабочего предполагает ликвидацию отношений собственности, типичных для докапиталистических формаций. Прежде всего, необходимо «*разложение* отношения работника к земле как к природному условию производства, к которому он относится как к своему собственному неорганическому наличному бытию...» [69]. А это предполагает, в свою очередь, разложение естественно возникшей общности и общей собственности как ее основы.

Необходимо, далее, *«разложение тех отношений,* при которых работник является *собственником орудия труда»* [70]. Значит, должно произойти разложение ремесленного труда как основы этого

строя и исторически сложившейся общности — цеховой корпорации.

Должно также иметь место разложение отношений, при которых непосредственные производители обеспечены фондом потребления. В докапиталистических формациях и собственник земли, и цеховой мастер, и даже подмастерье так или иначе соединены со средствами существования, поэтому разрыв этой связи выступает как необходимое условие становления наемного труда.

Наконец, Маркс указывает на то, что должно совершиться «*разложение* тех отношений, при которых *сами работники,* сами *живые носители рабочей силы* еще *непосредственно принадлежат к объективным условиям производства* и присваиваются в качестве таковых,— стало быть, являются рабами или крепостными» [71].

Для появления капитала также необходим ряд условий. Они выводятся Марксом из «формулы капитала», в которой «живой труд относится негативно и к сырью, и к орудию, и к жизненным средствам, необходимым в течение работы, относится к ним как к не-собственности...» [72]. Таким образом, чтобы работник нашел противостоящий ему капитал, он должен, по мысли Маркса, *лишиться собственности*: 1) на сырье, 2) на орудия труда, 3) на жизненные средства. Между тем в докапиталистических формациях существуют как раз такие формы производства (исторические состояния), при которых работник имеет собственность либо на один из этих факторов, либо на два, либо на все три. Поэтому становление капитала есть разрушение форм связи (единства) непосредственного производителя с природой.

Для первой формы — собственности работающего индивида на землю («историческое состояние № I») — характерно наиболее полное единство непосредственного производителя с природой. «Отношение к земле как к собственности в самой первоначальной форме,— рассуждает Маркс,— означает: находить в ней сырье, орудие и жизненные средства, созданные не трудом, а предоставленные самой землей» [73]. Становление капитализма означает отрицание этого наиболее полного отношения собственности трудящегося индивида.

Вторая форма предполагает собственность работающего индивида на орудия труда («историческое состояние № II»). Эта форма, составляющая более высокую историческую ступень по сравнению с первой, существует наряду с ней и вне ее. Здесь элемент, конституирующий собственность,— орудия труда — выступает уже не как данный природой, а как результат процесса производства. Поэтому и община существует не как естественная, а как исторически сложившаяся общность, как коллектив, *созданный самими работниками.* Возникновение капитала предполагает разрушение и этой формы.

Третья форма предполагает собственность лишь на жизненные средства (Маркс называет ее «третьей возможной формой» или «третьей формой собственности»). Главным ее признаком являет-

ся то, что «работник относится как собственник только к жизненным средствам, находит их как природное условие работающего субъекта, не относясь ни к земле, ни к орудию, а стало быть и к самому труду, как к своим собственным» [74]. Это форма не только рабства и крепостничества (хотя именно эти формы прежде всего имеет в виду Маркс, когда описывает ее). Эта форма может быть следствием разложения земельной собственности I, когда, в силу тех или иных условий, достижение формы II невозможно (римский люмпен-пролетариат времен «хлеба и зрелищ»). В ходе генезиса промышленного капитала отрицается и эта форма.

Обращает на себя внимание тот факт, что процесс генезиса капитализма рассматривается Марксом в «Формах, предшествующих капиталистическому производству» прежде всего в категориях собственности: для непосредственных производителей — как процесс ликвидации собственности на условия их труда; для будущих капиталистов — как процесс приобретения собственности.

Нельзя не обратить внимания и на другую особенность анализа. Маркс выводит капитализм не столько из разложения феодализма, сколько акцентирует внимание на противоположности всех добуржуазных форм экономики капитализму. Поэтому он ставит более широкую задачу: показать разложение всех докапиталистических форм, в том числе и наиболее устойчивых (а не только наиболее развитых — феодальных), которое должно произойти с тем, чтобы капитал подчинил себе производство вширь и вглубь. Отсюда стремление Маркса выявить, прежде всего, обобщенную логику зарождения капитализма, а не его исторические этапы и формы.

Важным достижением Маркса является доказательство того, что превращение индивидов в свободных рабочих и превращение объективных условий производства в капитал составляют не два разных процесса, а две стороны *единого* процесса. «Тот же самый процесс, противопоставляющий массу в качестве свободных рабочих *объективным условиям труда,*— подчеркивает Маркс,— противопоставил эти условия в качестве *капитала* свободным рабочим. Исторический процесс привел к разъединению элементов, до этого связанных между собой; его результат заключается поэтому... в том, что каждый из них выступает в негативном отношении к другому: с одной стороны — свободный рабочий (потенциальный рабочий), с другой — капитал (потенциальный)» [75].

Рассматривая процесс формирования капиталистического отношения, Маркс большое место уделяет становлению капиталистической формы богатства. Он справедливо обращает внимание на то, что капиталист, начиная производство, должен располагать определенными средствами производства и средствами существования, и прежде всего определенной суммой денег. Такое накопление не является результатом капиталистического процесса производства, а предшествует ему в качестве предпосылки. «...У капиталиста,— пишет Маркс,— должно было произойти такое накоп-

ление (накопление, предшествовавшее [наемному] труду и не [наемным] трудом порожденное), которое позволяет капиталисту заставлять рабочего работать...» [76] Накопление богатства в денежной форме стало возможным благодаря развитию товарно-денежных отношений, купеческого и ростовщического капитала. Однако в этом вопросе у Маркса нет еще полной ясности. С одной стороны, для возникновения капиталистического производства необходима определенная сумма денег, а с другой — наличие этой суммы денег недостаточно для того, чтобы деньги превратились в капитал. Возникает своего рода порочный круг. «...В понятии капитала, в его возникновении заложено, что исходным пунктом его являются *деньги* и потому богатство, существующее в форме денег. Здесь заложено также и то, что капитал, притекая из обращения, выступает как *продукт* обращения. Образование капитала исходит поэтому не от земельной собственности... также и не от цехов... оно исходит от купеческого и ростовщического богатства. Но такого рода богатство только тогда находит условия для покупки свободного труда, когда этот свободный труд в результате исторического процесса отделился от объективных условий своего существования. И лишь тогда этому богатству предоставляется возможность покупать сами эти *условия*» [77]. Таким образом, для того чтобы деньги превратились в капитал, необходимы определенные исторические условия. На это указывает, в частности, исторический опыт Древнего Рима и Византии [78].

Однако, с другой стороны, несомненна роль товарно-денежных отношений и денежного богатства в разрушении потребительского характера докапиталистической экономики и, в известной мере, в формировании рынка труда. «Развитие меновой стоимости (этому развитию способствовали *деньги,* существовавшие в форме купеческого сословия), разлагает производство, имеющее целью производство непосредственной потребительной стоимости, и соответствующие этому производству формы собственности... и таким образом ведет к созданию *рынка труда*» [79]. Получается, что возникновение наемного труда выступает и как предпосылка, и как следствие накопления денежного богатства и превращения денег в капитал. Полностью решить эту проблему в «Grundrisse» Марксу не удается. Он понимает взаимообусловленность этих процессов: отделение объективных условий труда от работника выступает предпосылкой превращения денег в капитал, а превращение денег в капитал способствует углублению отделения труда от собственности, труда от объективных условий производства [80]. Однако у Маркса еще нет полной ясности относительно начала, исходного пункта, причин отделения собственности от труда, механизма протекания процесса первоначального накопления капитала. В рукописи 1857—1858 гг. отсутствует, в частности, такое понятие как «буржуазная аграрная революция», которое лежит в основе процесса так называемого первоначального накопления капитала в I томе «Капитала». Да и сам этот процесс еще не находится в

центре внимания Маркса. Процессы, протекавшие в Англии в XVI—XVIII вв., фигурируют в этом черновом варианте будущего труда лишь в качестве исторического примера [81], хотя в нем уже угадывается прообраз будущей 24-й главы I тома «Капитала».

Но для того чтобы этот пример наполнился плотью и кровью и занял свое место в системе категорий и законов политической экономии буржуазного способа производства, необходимо было сместить акценты с анализа капиталистической собственности на анализ капитала как производственного отношения. К тому же в «Grundrisse», стремясь раскрыть материальные основы преемственности исторического процесса, Маркс, естественно, много внимания уделяет анализу вещественной стороны капитала (капитал как сырье, капитал как орудия производства, капитал как жизненные средства), а не его социальной форме. Видимо, неудовлетворенность анализом генезиса капитализма и заставляет Маркса еще раз вернуться к определению самого понятия «капитал».

Маркс критикует буржуазных экономистов, которые отождествляют капитал с *вещью,* не выходя за горизонт обыденного сознания. «Очевидно, что капитал в этом смысле есть *отношение* и *может быть только производственным отношением*» [82].

Такое понимание капитала смещало акценты в анализе генезиса капитализма с исследования отношений собственности на анализ производственных отношений, открывало путь к дальнейшей конкретизации анализа, давало ключ к тайне первоначального накопления капитала. Эта проблема нашла свое решение в I томе «Капитала».

3. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ В РУКОПИСИ 1857—1858 гг.

Из теории прибавочной стоимости вытекал, как мы видели, вывод о существовании объективной тенденции капитала к всемерному усилению эксплуатации рабочего класса, прежде всего путем гигантского развития производительных сил. Но, как показал Маркс, это последнее сопровождается созданием вещественных и социальных элементов будущего, коммунистического общества, обусловливающих возможность социалистической революции. «...В буржуазном обществе, основанном на *меновой стоимости,*— говорит Маркс,— возникают такие производственные отношения и отношения общения, которые представляют собой одновременно мины для взрыва этого строя... если бы в этом обществе, как оно есть, не имелись налицо в скрытом виде материальные условия производства и соответствующие им отношения общения, необходимые для бесклассового общества, то все попытки взрыва были бы донкихотством...» [83] Марксов анализ как раз и имеет своей целью выявить эти существующие в скрытом виде вещественные и социальные элементы, которые в той или иной форме присутст-

вуют во всех экономических общественных формациях, но свое полное развитие должны получить только при коммунизме.

Первым таким фундаментальным элементом является, как выяснил Маркс, *обмен деятельностей,* образующий всестороннюю общественную связь между индивидами, их взаимозависимость. Во «Введении» Маркс охарактеризовал «обмен деятельностей и способностей, совершающийся в самом производстве» как существенную сторону общественного производства [84]. В самой рукописи, как мы видели в предыдущем разделе, он выделил три исторические ступени в развитии общественных отношений, т. е. в конечном счете обмена деятельностей, причем подчеркнул, что именно в условиях капитализма по мере развития системы «всеобщего общественного обмена веществ, универсальных отношений, всесторонних потребностей и универсальных потенций» складываются необходимые предпосылки для перехода к третьей ступени, на которой появляется «свободная индивидуальность, основанная на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в их общественное достояние...» [85].

Если при капитализме социальной формой обмена деятельностей, придающей труду «характер всеобщности», с необходимостью выступает меновая стоимость, то в коммунистическом обществе «заранее данный коллективный характер труда определял бы участие работника в продуктах». Обмен деятельностей, обусловленный «коллективными потребностями, коллективными целями,— с самого начала включал бы участие отдельного лица в коллективном мире продуктов» [86].

Из этих фундаментальных положений следует данная Марксом развернутая характеристика будущей организации труда [87]. *Во-первых,* коммунистическое производство, в отличие от капиталистического, является «*непосредственно* общественным... представляет собой продукт ассоциации, распределяющей труд среди своих членов». Оно подчинено индивидам, которые управляют им «как своим общим достоянием» [88]. Отсутствие необходимости в опосредствовании между частным и всеобщим трудом делает излишней меновую стоимость, а стало быть и деньги [89]. *Во-вторых,* коммунизм ликвидирует отчужденный характер труда, «колоссальную самостоятельность» его объективных условий «по отношению к живому труду», выражающуюся в том, что «общественное богатство во все более мощных скоплениях противостоит труду как чужая и господствующая сила» [90]. Труд превращается в подлинно свободный труд, который, как подчеркивает Маркс, имея в виду прообраз свободного труда — творческий труд при капитализме, «вместе с тем представляет собой дьявольски серьезное дело, интенсивнейшее напряжение» [91]. *В-третьих,* коммунистическое производство выступает как *«пропорциональное производство»* [92], при котором необходимо определять фактически затраченное рабочее время, а также планировать то время, в течение ко-

торого должны изготовляться продукты при «средних средствах труда», т. е. «ставить производителей в такие условия, чтобы их труд был одинаково производительным (стало быть, также выравнивать и регулировать распределение средств труда)» и, наконец, «определять те количества рабочего времени, которые должны быть затрачены в различных отраслях производства» [93].

Второй фундаментальный элемент, характеризующий коммунистическую экономику, был получен Марксом из анализа вещественного содержания стоимостных отношений, господствующих в буржуазном обществе. Развитие производительных сил подрывает эти отношения, как показал Маркс, уже в рамках капитализма. Тенденция к превращению процесса производства в технологическое применение науки, а этой последней — *«в непосредственную производительную силу»*, к подчинению условий «общественного жизненного процесса... контролю всеобщего интеллекта» [94] имеет своим объективным результатом то, что непосредственный труд как в количественном, так и в качественном отношении все в большей мере становится лишь второстепенным, хотя и необходимым, моментом процесса производства. «Труд,— пишет Маркс,— выступает уже не столько как включенный в процесс производства, сколько как такой труд, при котором человек, наоборот, относится к самому процессу производства как его контролер и регулировщик... Вместо того чтобы быть главным агентом процесса производства, рабочий становится рядом с ним». Основой производства все больше становится развитие общественного индивида и «его понимание природы и господство над ней в результате его бытия в качестве общественного организма...» Маркс приходит к следующему принципиальному выводу: *«Кража чужого рабочего времени, на которой зиждется современное богатство,* представляется жалкой основой... созданной самóй крупной промышленностью. Как только труд в его непосредственной форме перестал быть великим источником богатства, рабочее время перестает и должно перестать быть мерой богатства, и поэтому меновая стоимость перестает быть мерой потребительной стоимости... Тем самым рушится производство, основанное на меновой стоимости...» [95]

Маркс обнаруживает здесь тенденцию к формированию принципиально нового типа труда; «этот труд,— подчеркивает он,— имеет научный характер... он вместе с тем представляет собой всеобщий труд». Его всеобщий характер обусловлен тем, что труд с самого начала фигурирует «как звено *всеобщего производства*». Процесс производства в этих условиях «представляет собой... экспериментальную науку, материально творческую и предметно воплощающуюся науку» [96].

Сформулированная в первоначальном варианте «Капитала» тенденция к превращению непосредственного труда, являющегося лишь средством для жизни, в подлинно творческий, научный труд, выступающий уже, как впоследствии показал Маркс в «Критике

Готской программы» (1875 г.), в качестве первой жизненной потребности, принципиально не может быть реализована в рамках капиталистического способа производства, так как здесь «все это развитие протекает антагонистично и... созидание производительных сил, всеобщего богатства и т. д., знания и т. д. происходит таким образом, что трудящийся индивид *отчуждает* себя самого; к тому, что выработано им самим, индивид относится не как к условиям *своего собственного,* а как к условиям *чужого богатства* и своей собственной бедности. Но сама эта антагонистичная форма преходяща и создает реальные условия своего собственного уничтожения» [97].

Раскрытый Марксом объективный процесс вытеснения рабочего времени в качестве меры общественного богатства вовсе не означал, что время вообще утратило свое значение в общественном производстве. Речь шла лишь о том, что на смену рабочему времени как регулятору капиталистического способа производства приходит при коммунизме свободное время. Отметив, что определение времени сохраняет в условиях коммунизма существенное значение, что «как для отдельного индивида, так и для общества всесторонность его развития, его потребления и его деятельности зависит от сбережения времени», Маркс сделал вывод, что «экономия времени, равно как и планомерное распределение рабочего времени по различным отраслям производства, остается первым экономическим законом на основе коллективного производства. Это становится законом даже в гораздо более высокой степени. Однако это существенно отличается от измерения меновых стоимостей... рабочим временем» [98].

Отсюда можно заключить, что основными функциями закона экономии времени, по мысли Маркса, являются: 1) определение времени, его измерение; 2) его экономия; 3) его планомерное распределение. Впоследствии, конкретизируя в «Критике Готской программы» закон экономии времени применительно к первой фазе коммунизма, Маркс указал на еще одну функцию этого закона: обеспечение эквивалентного обмена трудовой деятельностью.

Необходимо также обратить внимание на то, что закон экономии времени формулируется Марксом в рамках политической экономии в широком смысле — как всеобщий закон, который, однако, всякий раз проявляется по-разному: в условиях капитализма — как экономия на необходимом труде с целью расширения прибавочного труда, являющегося субстанцией прибавочной стоимости, в условиях коммунистического производства — как экономия необходимого труда с целью создания пространства для свободного всестороннего развития личности.

Третьим фундаментальным элементом коммунистического способа производства, как выяснил Маркс, является новое содержание *процесса прибавочного труда.* «...Рабочее время, необходимое для удовлетворения абсолютных потребностей, оставляет *свобод-*

ное время (величина которого различна на различных ступенях развития производительных сил), и в результате этого может быть создан прибавочный продукт, если выполняется *прибавочный труд*» [99]. Капиталистический способ производства превращает этот прибавочный продукт в прибавочную стоимость, но он впервые создает возможность использования прибавочного труда в иных целях, и это обстоятельство Маркс считает великой исторической стороной капитала. «Историческое назначение капитала» Маркс видит также и в том, что тот воспитывает «всеобщее трудолюбие», создает необходимые условия для превращения прибавочного труда как труда «за пределами абсолютно необходимого для жизни» во всеобщую потребность; создает предпосылки, при которых «работающее общество будет по-научному относиться к процессу своего прогрессирующего воспроизводства, своего воспроизводства во все возрастающем изобилии» и «прекратится такой труд, при котором человек сам делает то, что он может заставить вещи делать для себя, для человека». Тем самым «капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведéния рабочего времени всего общества к все сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех [членов общества] для их собственного развития» [100]. Коммунизм уничтожает антагонистическое отношение между необходимым и прибавочным трудом, добивается того, чтобы «прибавочный продукт сам выступал в качестве необходимого продукта и... чтобы материальное производство оставляло каждому человеку избыточное время для другой деятельности» [101]. Впоследствии, в рукописи 1863—1865 гг. и в «Критике Готской программы» Маркс развил этот тезис и показал, что коммунистический способ производства не отменяет прибавочного труда и прибавочного продукта, он лишь сочетает его с максимально возможным ограничением рабочего времени и с соответствующим увеличением свободного времени. Но уже в рукописи 1857—1858 гг. Маркс пришел к выводу, что достигаемый при этом результат — всесторонне развитая «производительная сила всех индивидов» — приобретает статус богатства коммунистического общества, объективной цели общественного производства при коммунизме; при этом свободное время выступает в качестве «меры» этого богатства [102].

Маркс особо подчеркивает то обстоятельство, что свободное и рабочее время при коммунизме находятся между собой не в отношении противоположности, как это имеет место при капитализме, а в отношении взаимодействия: развитие индивида, имеющее место в результате сбережения рабочего времени и увеличения свободного времени, «в свою очередь, как величайшая производительная сила обратно воздействует на производительную силу труда». Коммунизм, пишет Маркс, означает «отнюдь не отказ *от потребления*» (немецкое «Genuβ», переведенное здесь как «потребление», означает также «наслаждение», «удовлетворение»).

«а развитие производительной силы, развитие способностей к производству и поэтому развитие как способностей к потреблению, так и средств потребления» [103].

* * *

Исследуя элементы коммунистического способа производства, интенсивно развивающиеся в недрах капиталистической экономики, Маркс неизменно подчеркивал, что это обстоятельство отнюдь не снимает необходимости *революционного перехода* от капитализма к коммунизму. Он охарактеризовал указанные элементы как антагонистические формы общественного единства, «антагонистический характер которых», обусловленный антагонистическим противоречием между вещественным содержанием данной формы и ее капиталистической оболочкой, деформирующей, искажающей это содержание, «однако, никогда не может быть взорван путем тихой метаморфозы» [104]. Исследование капиталистических отношений, условий капиталистической эксплуатации привело Маркса к выводу, что «индивиды известного класса и т. д. не могут преодолеть эти условия en masse [в массе], не уничтожив их. Отдельное лицо может случайно с ними справиться, но не масса закабаленных ими людей, ибо само существование такой массы выражает подчинение, и притом неизбежное подчинение индивидов этим отношениям» [105].

Таким образом, обнаруженное в ходе исследования «тяготение к принятию некоторой новой исторической формы» не отменяет, по мысли Маркса, необходимости «насильственного свержения капитала» [106].

Прогнозирование коммунистической экономики было интенсивно продолжено Марксом в его последующих экономических исследованиях. В то же время эти исследования подтвердили достаточно высокую зрелость прогнозов, уже осуществленных в рукописи 1857—1858 гг. Именно с разработкой в ней учения о прибавочной стоимости связано революционизирование экономической науки, превращение ее в политическую экономию рабочего класса. Вместе с тем прогнозирование экономики коммунизма в первоначальном варианте «Капитала» явилось существенным этапом в разработке политической экономии в широком смысле.

Глава IX

ИТОГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ МАРКСА в 50-е гг.— «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. ПЕРВЫЙ ВЫПУСК» (1859 г.)

Действительное место «Grundrisse» в истории марксистского экономического учения не может быть вполне понято без обращения к тексту первого выпуска работы Маркса «К критике политической экономии». Говоря о подготовке к печати этой своей работы, Маркс писал 29 ноября 1858 г. Энгельсу: «...первый отдел стал более обширным, так как пришлось развить подробнее, чем я первоначально имел в виду, две первых главы, из которых *первая, «Товар»,* вовсе не была написана в черновой рукописи, а *вторая, «Деньги, или простое обращение»,* имелась лишь в виде совсем краткого наброска» [1].

26 января 1859 г. работа была отослана издателю и 11 августа того же года вышла в свет в Берлине под названием «К критике политической экономии» с подзаголовком: «Книга первая: О капитале. Отдел первый: Капитал вообще». Первый выпуск состоял из заново написанной главы 1, «Товар», и значительно расширенной главы 2, «Деньги, или простое обращение».

Книга «К критике политической экономии» отражала существенно *новый этап* экономических исследований Маркса. В ней впервые публично Маркс изложил собственную теорию товара и денег.

1. ПРОСТОЕ ОБРАЩЕНИЕ И ЕГО МОМЕНТЫ КАК НЕПОСРЕДСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В «ПЕРВОМ ВЫПУСКЕ»

Теория товара и денег в «К критике политической экономии» впервые изложена в строго систематической форме диалектической системы, отражающей внутренние объективные связи исследуемого предмета. Поскольку капиталистический способ производства как конкретное целое представляет собой единство многообразных отношений и процессов, на каждой ступени теоретической системы должны получать отражение те или иные относительно самостоятельные стороны предмета.

Уже из заглавий и первых абзацев 1-й и 2-й глав можно заключить, что объектом исследования и изложения является товар как «элементарное бытие» буржуазного богатства и деньги «в их

чистом виде». Переход от анализа товара к анализу денег отражает внутреннюю объективную связь между меновыми отношениями, совершаемыми в пределах «простого товарного обращения» — абстрактной сферы капиталистической экономики. В то же время начало изложения как нечто непосредственное (ему ничто не предшествует, оно ниоткуда не выведено) отличается известной неопределенностью: самые абстрактные, элементарные, односторонние отношения капиталистического способа производства оказываются внешне подобными тем простым экономическим формам, которые существовали в добуржуазную эпоху как самостоятельные формы, независимые от господствующих способов производства. Это и понятно, когда товар рассматривается как *элементарное* бытие буржуазного богатства, то в нем «погашены» его определения, которые не являются простейшими и связаны с более конкретными отношениями и процессами капиталистического производства и обращения. Здесь речь идет не о произвольной, субъективной абстракции. В реальной действительности готовый товар, который должен быть реализован, не несет на себе видимого отпечатка тех отношений и процессов, продуктом которых он является,— это только товар в его непосредственном бытии.

Однако поскольку предметом исследования является капиталистический способ производства, то и анализ товара покоится на предпосылке господства этого способа производства, а следовательно, и на всеобщем характере товарного производства, что предполагает существование мирового рынка. Сообразно этому товар анализируется в его развитой, всеобщей форме, которая соответствует только условиям экономики зрелого буржуазного общества.

Анализ товара с необходимостью привел к рассмотрению процесса обмена как *действительного* отношения товаров друг к другу [2]. В свою очередь, процесс обмена с объективной необходимостью порождает деньги. «Развивающиеся отношения товаров друг к другу,— писал Маркс, завершая анализ товара,— кристаллизуются как различные определения всеобщего эквивалента, и, таким образом, процесс обмена есть вместе с тем процесс образования денег. В целом этот процесс, выступающий в качестве течения различных процессов, есть *обращение*» [3]. Этот процесс и составляет объект исследования и изложения в главе 2, «Деньги, или простое обращение». Рассматривая простое обращение в его чистом виде, Маркс конкретно раскрывает противоположность товара и денег как всеобщую форму «всех противоположностей, заключенных в буржуазном труде» [4].

Обращение товаров — как ранее и процесс обмена — рассматривается здесь абстрактно, в чистом виде, только как метаморфоз товарных форм. Сфера потребления остается за пределами исследования. Процесс обращения рассматривается, следовательно, независимо не только от того, что происходит с товаром в сфере личного потребления, но и в сфере производительного потребления, т. е. в процессе производства. Как и на предшествующем

этапе, Маркс не проводит еще разграничения потребительных стоимостей товаров на жизненные средства и средства производства. Следовательно, проблема, каким образом производятся и потребляются находящиеся на рынке товары, здесь не только не решается, но и не ставится. Поскольку вещественное содержание обмена остается безразличным, рассмотрение товарного метаморфоза, по существу, является продолжением анализа товара, но уже в единстве с формой денег.

Если непосредственно в товаре стоимость есть нечто идеальное, органически слившееся с потребительной стоимостью, то в деньгах она получает внешне самостоятельное, материально обособившееся от потребительных стоимостей товаров, видимое существование. В качестве такой самостоятельной формы деньги в процессе обмена приобретают специфические определения, непосредственно не свойственные товару. Именно через исследование процесса товарного обращения раскрывается конкретное определение денег. Теперь деньги выступают уже как синтез многих определений (не только как мера стоимости, но и как масштаб цен, средство обращения, сокровище, средство платежа).

Объектом исследования по-прежнему остается товарный мир, но он распался уже на две противоположности (простой товар и денежный товар) и совершает движение в процессе обмена, т. е. происходит превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар. Вещественное содержание данного процесса здесь безразлично, поскольку оно не имеет никакого значения для определения процесса смены форм товара в его чистом виде. С переходом же товара в сферу потребления процесс простого товарного обращения выходит за свои специфические границы, переставая быть таковым.

При этом Маркс строит исследование, исходя из того, что существует необходимость превращения товара в деньги, хотя в действительности это перевоплощение товарной формы не всегда осуществляется. Равным образом не имеет значения пока и отклонение цены от стоимости, так как оно не затрагивает сути — процесса превращения формы стоимости. Данный процесс прослеживается в чистом, простейшем виде лишь в том случае, если его рассматривать как обмен эквивалентов. Вне сферы простого обращения находится и все то, что связано с перепродажей товаров. Предполагается, что проделав полный метаморфоз, товар переходит из сферы обращения в сферу потребления. Если же он перепродается, то в этом случае, как отмечает Маркс, он обращается «не как простой товар, а в таком определении, которого еще нет с точки зрения простого обращения, простой противоположности товара и денег» [5].

Чистую форму процесса обмена не следует, однако, понимать только лишь как продукт «мыслящей головы». Товарное обращение реально относительно обособлено от процесса производства и в этом своем качестве объективно составляет абстрактную сферу

буржуазной экономики. Поскольку обращение как таковое не рассматривается в единстве с процессами, происходящими непосредственно в сфере производства товаров, оказывается возможным выявление внутренних, имманентных законов товарного обращения.

Чистой форме товарного обращения соответствует «поверхностный и формальный характер простого денежного обращения», поскольку оно зависит лишь «от процесса метаморфозов товарного мира». Зависимость же последнего от «общего характера способа производства» и других конкретных обстоятельств (разделения труда, развития средств транспорта, кредита и т. д.) не относится к рассмотрению простого товарного и денежного обращения [6].

Товарное обращение в его чистом виде не отражает, следовательно, все те процессы в сфере непосредственного производства, которые вызывают изменения в распределении труда между отраслями, в соотношении спроса и предложения, и связанную с этими процессами внутриотраслевую и межотраслевую конкуренцию. Поэтому простого обращения не касается, как отмечал Маркс, отклонение рыночных цен от стоимости.

Здесь безразлична также количественная определенность товарных масс различного рода. Объектом анализа является *отдельный* товар, совершающий метаморфоз форм в связи с метаморфозами других отдельных товаров. Опять-таки, это не только прием Маркса. Отдельный товар представляет собой объективную реальность, его внутренняя природа и обнаруживается в простом товарном обращении (хотя по рассмотрении непосредственного процесса капиталистического производства выясняется, что отдельный товар функционирует как элемент количественно определенной товарной массы [7]). Что касается участников экономических отношений и процессов, то в простом обращении они выступают как «абстрактно-общественные люди», олицетворяющие меновую стоимость. Между ними существуют только формальные различия продавцов и покупателей товаров. Это — просто товаровладельцы или владельцы денег.

В противоположности между покупателем и продавцом «антагонистическая природа буржуазного производства» выражена еще поверхностным и формальным образом [8]. Поскольку для существования этой противоположности достаточно, чтобы лица относились друг к другу как владельцы товаров, она имеет место и в добуржуазных формах общества. Но в «Первом выпуске» названная противоположность рассматривается как поверхностная форма выражения скрытых антагонистических противоречий буржуазного производства.

Итак, в работе «К критике политической экономии» последовательно рассматриваются, во-первых, товар в его непосредственности, во-вторых, процесс обмена, результатом которого являются деньги, в-третьих, простое товарное обращение как процесс смены

форм меновой стоимости при неизменной ее величине. Эта последовательность соответствует внутренним объективным связям между отношениями и процессами простого товарного обращения, рассматриваемого в качестве непосредственной, абстрактной сферы экономики зрелого буржуазного общества. Важно обратить внимание на то, как соотносятся друг с другом «процесс обмена» и «процесс обращения». Легче всего представить это себе как две исторические ступени. Но в «Первом выпуске» Маркс называет процесс обмена товаров теоретическим подготовительным процессом «к действительному обращению»; в этом процессе товары создают себе «форму, в которой они идеально выступают по отношению друг к другу как меновые стоимости...» [9]. Первым необходимым актом этого подготовительного процесса является то, что товары выделяют из своей среды один специфический товар в качестве всеобщего эквивалента.

Рассматривая деньги, Маркс писал: «После того как товар в процессе установления цены приобрел свою пригодную для обращения форму, а золото — свой характер денег, обращение стало одновременно представлять и разрешать те противоречия, которые заключал в себе процесс обмена товаров. Действительный обмен товаров, т. е. общественный обмен веществ, происходит в виде перемены форм, в которой развертывается двойственная природа товара как потребительной стоимости и меновой стоимости, но в которой вместе с тем перемена форм самого товара кристаллизуется в определенных формах денег. Представить эту перемену форм значит представить обращение» [10].

Что касается исторического процесса развития товарного обмена (непосредственной меновой торговли) и возникновения денег, то по своему объективному содержанию он не является тождественным внутренней объективной диалектике товара и денег в условиях зрелого буржуазного общества. Как показано в «Первом выпуске», непосредственный обмен исторически был связан с производством, направленным на создание не *меновой* стоимости, а *потребительной* стоимости. Лишь избыток потребительных стоимостей сверх необходимого для собственного потребления их количества, причем лишь в *обмене,* но не благодаря характеру самого процесса производства, становился товаром. Меновая стоимость здесь «не получает еще никакой самостоятельной формы, она еще непосредственно связана с потребительной стоимостью» [11].

Рассматривая же процесс обмена как идеальное отображение товарного обращения в его зрелом и чистом виде, Маркс исходил из того, что для каждого товаровладельца его собственный товар играет роль «всеобщего эквивалента всех других товаров» (а не просто — «средства обмена»), тогда как все чужие товары — роль особенных эквивалентов.

Кроме того, непосредственная меновая торговля как исторически первоначальная форма процесса обмена есть «скорее начало превращения потребительных стоимостей в товары, чем товаров

в деньги» [12]. Между тем в 1-й главе «Первого выпуска» раскрывается именно процесс превращения одного из товаров в деньги. Процесс обмена, как он рассматривается здесь, включает в себя не отдельные единичные товары, а целый товарный мир. Только при такой объективной предпосылке, которая возможна лишь в зрелом буржуазном обществе, порождаемая процессом обмена денежная форма стоимости является действительно всеобщей.

Буржуазные экономисты, как отмечал Маркс, выводили обычно деньги из внешних затруднений, на которые наталкивалась расширяющаяся меновая торговля [13]. Поскольку меновая торговля сопряжена с некоторыми техническими неудобствами, постольку появляются деньги, которые, в их представлении, являются хитроумным средством преодоления возникших неудобств. Буржуазной политической экономии было чуждо понимание того, что затруднения меновой торговли проистекали из развития товара как стоимости и общественного труда как труда всеобщего.

Рассматривая вопрос о соотношении теоретического исследования процесса обмена с историей возникновения денег, необходимо проводить различие между деньгами как собственным продуктом товарного обращения буржуазного общества и деньгами как результатом предшествующего исторического процесса, т. е. между внутренними и внешними для капитализма условиями существования денег. Анализом товара и процесса обращения в «Первом выпуске» теоретически доказано, что деньги есть не готовая форма, а становящийся результат меновых отношений в условиях буржуазного общества. Анализом же исторического процесса развития обмена доказывается другое — *как* и *почему* деньги появились *до* капитализма, т. е. рассматриваются деньги как историческая предпосылка последнего.

Между деньгами как собственным результатом капиталистического способа производства и деньгами как исторической предпосылкой последнего при всем их внешнем сходстве имеется различие по содержанию. Даже на ранних ступенях буржуазной эпохи деньги еще не соответствовали понятию всеобщего эквивалента. Имея в виду XVI—XVII вв., Маркс писал: «Продукты большей частью не превращались еще в товары и, следовательно, в деньги, вообще не вступали во всеобщий общественный обмен веществ, не выступали поэтому как овеществление всеобщего абстрактного труда и не составляли в действительности буржуазного богатства» [14]. Такое состояние отражало неразвитость самого капиталистического производства, его зачаточный характер. Неразвитой форме продукта как товара соответствовала и неразвитая форма денег. Исторический процесс превращения все большей части продуктов в товар сопровождался и развитием денежной формы. Это нашло свое проявление в развитии мировых денег. Золото и серебро, как отмечает Маркс, действительно становятся материализацией всеобщего рабочего времени «в той мере, в какой обмен веществ реальных видов труда охватывает весь земной

шар. Они становятся всеобщими эквивалентами в той степени, в какой развивается ряд особенных эквивалентов, образующих сферу их обмена» [15].

2. ПРОЦЕСС ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ КАК ПРЕДПОСЫЛКА ПРОСТОГО ОБРАЩЕНИЯ

Так как в «К критике политической экономии» исследуется «непосредственный наличный мир товаров», в этом предположении заложено то, что в товарах уже содержится определенное количество труда, а тем самым дана и величина их стоимости. Лишь в дальнейшем — уже за пределами «Первого выпуска» — непосредственное определение товара как продукта труда должно развиться в положенное, опосредованное определение в результате анализа *процесса производства.* Этот принцип исследования товара совершенно отчетливо был выражен Марксом в рукописи 1857—1858 гг.: «В этом первом разделе,— где рассматриваются меновые стоимости, деньги, цены,— товары выступают всегда как уже имеющиеся в наличии. Определение формы просто. Мы знаем, что они выражают определения общественного производства, но само это производство является лишь предпосылкой. Однако они *не положены* в этом определении» [16]. Субъективно производство товаров «витает в нашем сознании», но объективно оно составляет предмет исследования последующих ступеней развертывания системы. На это Маркс прямо указывает, продолжая приведенную выше мысль: «...мир товаров самим своим наличием выходит за свои пределы, указывая на такие экономические отношения, которые положены как *производственные отношения.* Поэтому внутренняя структура производства образует второй раздел» [17].

В тексте «Первого выпуска» употребляются термины «труд», «рабочее время», «разделение труда» и некоторые другие. Но эти категории не тождественны понятиям «процесс труда» и «процесс производства».

Процесс труда предполагает наличие всех трех его простых моментов (предмет труда, средство труда, целесообразная деятельность человека), а процесс производства, сверх того — определенную форму соединения рабочей силы со средствами производства. Все это может быть рассмотрено лишь на последующих ступенях исследования (и действительно, в рукописи 1857—1858 гг. было рассмотрено Марксом после «Главы о деньгах», в разделе о процессе производства капитала «Главы о капитале»). Этим, между прочим, объясняется то, что в тексте первого выпуска «К критике политической экономии» не проводится различие между вновь созданной живым трудом стоимостью и стоимостью потребленных средств производства.

Что касается самого определения понятия стоимости, то здесь речь идет об уже овеществленном в товаре труде. Поскольку стои-

мость это не живой труд как *процесс,* а застывший, овеществленный его *результат,* определение стоимости возможно без обращения к анализу процесса труда и процесса созидания стоимости.

Процесс обмена, превращая один из товаров в деньги, сам не создает стоимости, но порождает специфическую форму стоимости. Процесс производства, напротив, создает стоимость, но не форму стоимости. Маркс отнюдь не игнорирует роль процесса производства, когда анализирует товар как продукт, в котором воплощено определенное количество труда, т. е. как застывший, овеществленный результат процесса производства.

Само рассмотрение мира товаров как разнообразных потребительных стоимостей в работе «К критике политической экономии» основывается на предпосылке существования общественного разделения труда. Но разделение труда рассматривается лишь в том виде, в каком оно обнаруживается в разнообразии мира товаров и в процессе обращения. «В товарном мире... развитое разделение труда... представляется непосредственно в разнообразии потребительных стоимостей... как таковое разделение труда существует, с точки зрения товаров и в самом процессе обмена, только в своем результате, в обособлении самих товаров» [18]. Поскольку товар в исходном пункте «Первого выпуска» выступает как готовый продукт, уже оставивший позади себя процесс производства, величина его стоимости также заранее предпослана процессу обращения. При анализе простого товарного обращения масса и стоимость товаров предполагаются, стало быть, данными.

Это относится и к денежному товару: стоимость золота принимается за величину данную, каковой она и является фактически в момент установления цен. Это значит, что вопрос о производстве золота, как и всех прочих товаров, остается пока за рамками исследования. Вне рассмотрения остается и то, каким образом золото поступает в сферу обращения — заранее предполагается, что оно имеется уже в качестве денежного товара, так же как все остальные представители товарного мира. Соответственно и пропорции обмена также выражают соотношение между товарами с заранее данными величинами стоимости.

При указанных предпосылках совершается и диалектическое отображение процесса обмена и обращения. В противном случае процесс обращения не мог бы рассматриваться в чистом виде. Если бы этот процесс был приведен в связь с процессом производства товаров, он неизбежно утратил бы свою абстрактность, перестал бы быть чистым процессом смены формы стоимости товара. Анализ обращения в связи с процессом производства товаров объективно с необходимостью привел бы уже на данной ступени к тому, что эквивалентный обмен есть лишь видимость. Иными словами, оказалось бы невозможным определение обмена эквивалентов в качестве имманентного закона простого товарного обращения. И тогда пришлось бы, подобно Смиту и Рикардо, непосредственно, без посредствующих звеньев, пытаться совместить обмен эквива-

лентов (обмен по стоимости) с неэквивалентным обменом, т. е. в самом начале исследования согласовать цену производства с определением величины стоимости рабочим временем. Между тем эту задачу Маркс, как следует из текста «Первого выпуска», предполагал уже тогда ставить и решать лишь на гораздо более позднем этапе [19].

Определение понятия меновой стоимости и формы ее выражения возможно без анализа непосредственного процесса производства товаров, оно требует лишь рассмотрения меновых отношений и процесса обмена. Возможность и необходимость рассмотрения процесса обмена при анализе товарной формы обусловливается также тем, что только в меновых отношениях товары выталкивают из своей среды золото как всеобщий эквивалент и приобретают пригодную для обращения форму (цену). Процесс непосредственного производства не может придать товару форму стоимости и выделить один из товаров в качестве всеобщего эквивалента. Маркс всюду характеризует деньги как продукт, необходимый результат именно процесса обращения товаров. «Деньги — это кристаллизация меновой стоимости товаров, создаваемая ими в самом процессе обмена» [20]. Поэтому объективно оправдано определение денег до исследования процесса производства; оно необходимо предполагает лишь анализ товара и процесса обмена.

Возможность же рассмотрения простого товарного обращения без предварительного анализа процесса производства объективно определяется тем, что *непосредственную* предпосылку процесса обращения образует не процесс производства, а готовые товары, уже вышедшие за пределы последнего. «Предпосылку обращения образуют товары (будь то в их особенной форме, будь то во всеобщей форме денег), представляющие собой воплощение определенного количества рабочего времени и в качестве такого воплощения являющиеся стоимостями...» [21] — отмечал Маркс еще в «Главе о капитале» рукописи 1857—1858 гг. Потребительные стоимости товаров также заранее даны, составляют эмпирическую предпосылку анализа. В простом обращении товары «предполагаются как готовые потребительные стоимости. Они должны быть налицо прежде, чем начинается обмен...» [22].

В «Первом выпуске» отсутствуют какие бы то ни было указания на кооперацию и наемный характер труда, создающего товары. В строгом соответствии с исходными предпосылками исследования Маркс определяет стоимость и форму стоимости, исходя из товара и отношений, складывающихся между людьми в процессе обмена.

В 1864 г. Ф. Лассаль в работе «Капитал и труд» пытался, полагая, что он следует за Марксом (о чем речь еще пойдет ниже), вывести понятие меновой стоимости из кооперации труда. Исходя из того, что обособленный, изолированный труд людей создает лишь потребительные стоимости и не имеет общественного характера, он считал кооперацию труда на фабрике той формой, которая

превращает труд в источник меновой стоимости, поскольку в этом случае каждый производит продукты, которые не может потребить сам. Между тем вопрос о кооперации труда на фабрике не имеет непосредственного отношения к определению субстанции и величины стоимости.

Кооперация как таковая характеризует одну из сторон общественной формы процесса производства как процесса производства общественных потребительных стоимостей. Эту особенность конкретного труда Лассаль отнес, однако, к специфике труда, образующего меновую стоимость, который он определял как труд, направленный на производство непотребляемых лично предметов. Привнесение более конкретных отношений преградило путь к решению вопроса об абстрактном характере труда, создающего стоимость. Кооперация указывает на общественный характер процесса труда, на *объединение,* но не на *обособление* лиц. Лишь в сфере обращения рабочие, так же как и капиталисты, выступают как обособленные самостоятельные субъекты. Здесь погашается различие между капиталистами и рабочими, поскольку и те и другие выступают в роли владельцев товаров.

Хотя анализ товарной формы покоится на общем предположении, что товары производятся капиталистически и, следовательно, на базе наемного труда, определение стоимости и ее формы не требуют рассмотрения отношения между наемным трудом и капиталом. *Понятие стоимости связано не с живым, а с овеществленным трудом,* а понятие формы выражения стоимости — с меновыми *отношениями.*

Определение понятия стоимости независимо от отношений между капиталистом и рабочим в процессе производства возможно потому, что выделение в составе стоимости прибавочной стоимости объективно не оказывает влияния на величину созданной товарной стоимости. Распределение труда на оплаченный и неоплаченный безразлично для определения стоимости самого товара.

Определение стоимости не вытекает из наемного характера труда. Оно связано с формой наемного труда и формой средств производства как капитала лишь в том смысле, что только в условиях зрелого буржуазного общества товарное производство становится всеобщим.

Таким образом, в начале теоретической системы в первом выпуске «К критике политической экономии» товар и деньги и товарное обращение непосредственны, т. е. они не выведены из анализа процесса производства товаров. Это и придает товару и товарному обращению характер предпосылки процесса производства. С другой стороны, как замечал Маркс еще в первоначальном тексте «Первого выпуска», «вся система буржуазного производства является предпосылкой для того, чтобы меновая стоимость выступала на его поверхности как простой исходный пункт...» [23]. И в дальнейшем развитии системы Маркс должен был показать, как это уже было им сделано в «Grundrisse», что простое товарное

обращение не является самостоятельным; более того, «это простое обращение... есть поверхность буржуазного общества, где скрыты более глубокие процессы, из которых оно проистекает...» [24]. Эти более глубокие процессы, составляющие действительную основу процессов обращения, могли быть раскрыты лишь при исследовании непосредственного процесса производства капитала. В ходе этого исследования товар и деньги получают новые определения, отличные от их определения в качестве элементарных форм.

3. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ДВОЙСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ СОДЕРЖАЩЕГОСЯ В ТОВАРЕ ТРУДА И НЕОБХОДИМОСТИ ДЕНЕГ

В I томе «Капитала» Маркс обратил внимание на то, что двойственная природа содержащегося в товаре труда впервые критически доказана им в работе «К критике политической экономии» [25]. В «Grundrisse», как мы видели в главе IV, были лишь намечены определения конкретного и абстрактного труда. Там не было пока четкого и развернутого изложения двойственной природы труда, заключенного в товаре. Однако логика исследования уже привела Маркса к выводу о том, что первой категорией экономики буржуазного общества является товар. Имелась в рукописи и характеристика товара как непосредственного единства потребительной стоимости и меновой стоимости. Тем самым была создана предпосылка для доказательства двойственного характера труда, заключенного в товаре.

Первоначально, как об этом еще будет сказано подробнее в главе XI, Маркс предполагал начать изложение с главы «Стоимость» [26]. Новое название первой главы, «Товар», имело не формальное, а принципиальное значение. Оно отражало тот прогресс в развитии теории, который был достигнут Марксом по сравнению с его собственной рукописью 1857—1858 гг. Анализ именно товара как единства потребительной стоимости и стоимости позволил раскрыть специфически исторический характер стоимости и образующего ее труда.

Буржуазной классической политической экономии удалось свести стоимость к труду вообще, к рабочему времени. Но она характеризовала труд, рабочее время как источник стоимости эмпирически, не приводя, в сущности, никаких теоретических доказательств. И только в первом выпуске «К критике политической экономии» Марксом впервые был теоретически доказан благодаря применению диалектического метода двойственный характер труда, заключенного в товаре.

Отправной пункт этого доказательства составляет определение меновой стоимости как количественного соотношения обмениваемых потребительных стоимостей. Из этого определения следует, что, несмотря на свою пеструю внешность, товары представляют

собой «одно и то же единство». В связи с этим возникает вопрос, в чем именно заключается это единство?

Ответ на указанный вопрос требует некоторого развития определения потребительной стоимости товара. Первоначальное определение потребительной стоимости просто как полезности, обусловленной естественными свойствами вещи, дополняется характеристикой ее в качестве продукта труда. «Потребительные стоимости... суть продукты общественной жизни, результат затраченной человеческой жизненной силы — *овеществленный труд*» [27]. Как материализация этого общественного труда, все товары и составляют кристаллы одного и того же единства. Тем самым подготовлена одна из посылок для перехода в дальнейшем к определению характера «этого единства, т. е. труда, который представлен в меновой стоимости» [28].

Определение характера труда, представленного в меновой стоимости, требует, однако, еще одного шага. Маркс указывает на то обстоятельство, что в товарах как эквивалентах стерто качественное различие их потребительных стоимостей. Поэтому в них погашены и те различия в трудовой деятельности, которые вещно выступают в многообразии потребительных стоимостей, т. е. все то, что характерно для любой *особенной* формы труда как труда различных индивидуумов, прилагающих свои силы к производству различных потребительных стоимостей. Поскольку в меновых эквивалентах качественное различие потребительных стоимостей «стерто», то погашаются и «качественно отличные друг от друга виды труда». Как эквиваленты, товары могут представлять лишь одинаковые количества «одного и того же труда». Это есть труд, безразличный к «особенному веществу потребительных стоимостей» и к «особенной форме самого труда» [29]. Поскольку же в товарах, как эквивалентах, погашено различие потребительных стоимостей, то погашены и индивидуальные особенности лиц, продуктом деятельности которых являются различные потребительные стоимости. Одинаковость, односторонность труда, представленного в товаре как меновой стоимости, означает, следовательно, что стерты «индивидуальность работающих», их особенные различия. Таким образом, делается вывод: труд, представленный в меновых стоимостях, есть лишенный всяких различий, одинаковый для всех *абстрактно-всеобщий* труд. Такова логика сведéния меновой стоимости к труду.

Сведéние меновой стоимости к абстрактно-всеобщему труду служит, в свою очередь, основанием выяснения различий величин товарных стоимостей. Если одни количества тех или иных потребительных стоимостей (унция золота, одна тонна железа и т. д.), рассуждает Маркс, составляют *равновеликие* стоимости (эквиваленты), то другие количества тех же самых потребительных стоимостей являются стоимостями *различной* величины. Но поскольку ранее было уже установлено, что в меновой стоимости представлен одинаковый, абстрактный труд, то из этого следует, что коли-

чественное различие есть единственное различие, которое свойственно *товарам как стоимостям,* т. е. товары суть большие или меньшие количества того абстрактно-всеобщего труда, который образует субстанцию стоимости.

Здесь необходимо возникает вопрос: каково количественное бытие этого труда? Иначе говоря, необходимо выяснить, как определяется и чем измеряется количество абстрактно-всеобщего труда, заключающееся в товарах. Поскольку в товарах как стоимостях труд уже овеществлен, кристаллизован, из формы деятельности, процесса он превратился в застывший результат, то в этом результате непосредственно не обнаруживается, сколько труда овеществлено в том или ином товаре. Поэтому необходимо мысленно перейти от определения овеществившегося уже в товаре труда к определению «живого» труда как деятельности, осуществляемой человеком. Но количественное бытие живого труда есть рабочее время.

Различие величин стоимостей сводится, таким образом, к измеряемой в определенных естественных мерах (часах, днях, неделях и т. д.) продолжительности рабочего времени. «Рабочее время суть живое бытие труда, безразличное по отношению к его форме, содержанию, индивидуальности; оно является живым количественным бытием труда и в то же время имманентным мерилом этого бытия» [30]. Товары как количественно определенные меновые стоимости и представляют собой «кристаллы» рабочего времени соответствующей продолжительности. «Рабочее время, овеществленное в потребительных стоимостях товаров, составляет субстанцию, делающую их меновыми стоимостями и поэтому товарами, равно как измеряет определенные величины их стоимостей» [31]. Рабочее время определяется здесь, следовательно, и в качестве субстанции стоимости, и в качестве меры ее величины. Этот вывод дает основания и для дальнейшей, более конкретной характеристики товаров как эквивалентов. Теперь эквиваленты — это не просто «одно и то же единство» равной величины, а вполне определенное единство: «...все потребительные стоимости суть эквиваленты в тех пропорциях, в каких они заключают одинаковые количества затраченного, овеществленного рабочего времени». Таким образом, как качественно определенное количество все товары представляют собой «лишь определенные количества *застывшего рабочего времени*» [32].

Далее Маркс переходит к разъяснению и развитию определения меновой стоимости рабочим временем. Характеристика товаров как эквивалентов (равных величин рабочего времени) предполагает, во-первых, сведе́ние различных видов труда, отличающихся по степени своей сложности, к «бескачественному», лишенному различий простому труду. В результате этого сведе́ния количественное различие становится единственным различием для всех особенных форм труда. Этот простой абстрактный труд представляет собой определенную производительную затрату «челове-

ческих мышц, нервов, мозга и т. д.» [33]. С точки зрения «живого бытия труда» абстракция простого труда существует, как отмечал Маркс, «в среднем труде», который составляет «подавляющую часть общей массы труда в буржуазном обществе». Этому труду может быть обучен любой, он может выполняться всяким «средним индивидуумом» [34]. Во-вторых, определение величины меновой стоимости рабочим временем необходимо связано со сведéнием живого труда одного и того же особенного качества к одному и тому же, равному количеству овеществленного труда, независимо от индивидуальных различий в рабочем времени, которое затрачивается на производство соответствующих товаров. Предполагается, следовательно, что «различные индивидуумы употребляют равное количество рабочего времени для производства одной и той же количественно и качественно определенной потребительной стоимости» [35]. Охарактеризованное указанным образом рабочее время есть время, *необходимое* для производства определенного товара, «при данных общих условиях производства» [36]. Таково более развернутое определение живого труда как субстанции и имманентной меры стоимости.

Достигнутый результат (сведéние меновой стоимости к рабочему времени как живому бытию абстрактно-всеобщего труда) служит основанием для последующей развернутой характеристики специфически общественной определенности представленного в меновой стоимости труда. Из предшествующего анализа товара как меновой стоимости вытекало, что это есть *равный* для всех индивидуумов труд, поскольку в меновой стоимости он «фактически» сведен к однородному труду. «Труд каждого индивидуума обладает этим общественным характером равенства постольку, поскольку он представлен в меновых стоимостях, а в меновых стоимостях он представлен лишь постольку, поскольку он относится к труду всех других индивидуумов как к равному» [37].

Специфически общественный характер этого труда заключается также в том, что в меновой стоимости рабочее время отдельного человека выступает «непосредственно как всеобщее рабочее время». В качестве имманентной меры меновой стоимости рабочее время не является временем живого труда субъектов, отличающихся друг от друга конкретным содержанием труда и индивидуальными различиями в его продолжительности при изготовлении одной и той же потребительной стоимости. «Рабочее время, представленное в меновой стоимости, есть рабочее время отдельного лица, но отдельного лица без всякого отличия от другого отдельного лица; это — рабочее время всех отдельных лиц, поскольку они исполняют равный труд; поэтому рабочее время, требующееся кому-либо одному для производства определенного товара, есть *необходимое* рабочее время, которое затратил бы для производства того же самого товара всякий другой. Это — рабочее время отдельного лица, *его* рабочее время, но только как общее всем рабочее время, для которого поэтому безразлично, рабочим

временем *какого* именно лица оно является» [38]. Существенно то, что в качестве всеобщего рабочее время выступает не непосредственно в форме живого труда, а в форме овеществленного труда. Всеобщее рабочее время «*выражается* во всеобщем продукте, *всеобщем эквиваленте,* в определенном количестве овеществленного рабочего времени...» [39].

Специфическая форма, в которой труд приобретает общественный характер, заключается, таким образом, в том, что определенный живой труд (рабочее время особенного лица) выступает как всеобщее рабочее время, а его особенный продукт — как «всеобщий продукт, всеобщий эквивалент». Труд одного становится трудом для другого и приобретает общественное бытие, лишь будучи опосредован «всеобщим эквивалентом». Для этого труда «безразлична та определенная форма потребительной стоимости», в которой всеобщее рабочее время «выступает непосредственно как продукт отдельного лица» [40].

Общественную связь образует здесь, заключает отсюда Маркс, не особенность, а всеобщность труда. «Труд, который представлен в меновой стоимости, предполагается как труд обособленного отдельного лица. Общественным он становится благодаря тому, что принимает форму своей прямой противоположности, форму абстрактной всеобщности» [41]. Общественный характер труда как равного и всеобщего заключается не в том, что он представлен в какой-либо *особенной* потребительной стоимости, а в том, что он представлен в меновой стоимости *товара.* Именно меновая стоимость, а не потребительная стоимость составляет «предметное выражение специфически общественной формы труда» [42]. Маркс подчеркивает: «Лишь поскольку одна потребительная стоимость относится к другой как меновая стоимость, постольку труд различных лиц взаимно относится как равный и всеобщий» [43].

Поскольку меновая стоимость представляет предметную форму абстрактно-всеобщего труда, то она выступает в качестве «общественной определенности» потребительных стоимостей, присущей им как вещам. Поэтому и общественные отношения людей выступают как «общественные отношения вещей». Маркс таким путем подошел к тому явлению, которое в I томе «Капитала» было определено как товарный фетишизм. По своей внутренней природе меновая стоимость выражает «взаимное отношение труда отдельных лиц в качестве равного и всеобщего», а на поверхности явлений она выступает как отношение определенного количества одной потребительной стоимости к другой, т. е. как эквивалентность различных вещей.

Такова «специфическая общественность» труда, представленного в меновой стоимости, как она определена Марксом в «К критике политической экономии». С точки зрения доказательства принципиально важно то, что все эти «определения общественного труда», или «общественные определения труда», вытекают, как пишет Маркс, «из анализа меновой стоимости», а не наоборот.

Важно также обратить внимание на то, что, говоря о субстанции и о величине стоимости, Маркс не входит в рассмотрение того, каким образом в реальной действительности совершается процесс сведéния сложного труда к простому, как формируется общественно необходимое рабочее время, почему труд отдельных лиц является обособленным, частным трудом. Все это на данной ступени изложения просто предполагается. Поскольку непосредственным объектом анализа здесь является готовый товар, то тем самым заранее даны (как скрытые в товаре) в качестве эмпирической предпосылки стоимость и ее вполне определенная величина. Маркс сперва просто исходит из допущения, что товар фактически уже существует и в нем как в меновой стоимости содержится определенное количество абстрактно-всеобщего труда.

При указанной эмпирической предпосылке из анализа товара, субстанции и величины меновой стоимости выводится *различие* между трудом, поскольку он имеет своим результатом потребительные стоимости, и трудом, поскольку он имеет своим результатом меновые стоимости. Это различие логически (согласно понятию) выводится из данного в предшествующем изложении различия определений потребительной стоимости и меновой стоимости. В этом заключается существенный момент теоретического доказательства в «Первом выпуске» двойственного характера труда.

«Поскольку предполагается потребительная стоимость товара,— пишет Маркс,— постольку предполагается особая полезность, определенная целесообразность затраченного на него труда...» Это есть труд «конкретный и особенный», который, сообразно своей форме и материалу, «подразделяется на бесконечно различные виды труда» и результатом которого является бесконечное разнообразие товаров как потребительных стоимостей. Таков труд как один из источников вещественного богатства (другой его элемент — «природный субстрат»). Противоположный характер имеет труд, представленный в стоимости. Это не конкретный и особенный, а «абстрактно-всеобщий и равный» труд, который «осуществляется в равенстве товаров как всеобщих эквивалентов» и составляет «специфически общественную форму труда» [44].

Таким образом, данное в самом начале определение потребительной стоимости как полезности конкретизируется благодаря ее сведению к двум элементам: веществу природы и труду как особой целесообразной производительной деятельности, а первоначальное определение меновой стоимости как количественного соотношения между обмениваемыми потребительными стоимостями — к одному элементу, к абстрактно-всеобщему труду.

В теоретическом наследии Маркса изложение в «Первом выпуске» вопроса о двойственном характере труда, заключенного в товаре, имеет самостоятельную научную ценность. Оно не утратило этого значения с выходом первой книги «Капитала», в которой названный вопрос рассмотрен более обстоятельно и в более

зрелом виде. Более того, это последнее изложение может быть понято в своей истине лишь в связи с некоторыми внешними обстоятельствами, возникшими после выхода «Первого выпуска».

В книге Ф. Лассаля «Капитал и труд» отмечалось, что основная ее мысль относительно общественного значения рабочего времени как меры стоимостей «целиком заимствована» из сочинения Маркса. Верно указав, что в продукте овеществляется не индивидуальное, а общественно необходимое рабочее время, Лассаль, однако, определял труд, образующий стоимость, как «реальный (т. е. производящий потребительные стоимости) индивидуальный труд всех индивидуумов, иначе: общественно-нормальный (необходимый) труд» [45]. Столь же далеким от подлинного изложения мыслей Маркса было и его представление о стоимости: «...меновая стоимость... только тогда является меновой стоимостью, когда она обращается в потребительную стоимость, в полезный объект для другого», когда, например, произведенные кем-либо булавки «переходят в нежные руки дам» [46]. Такая трактовка стоимости и образующего ее труда, по существу, была прямо противоположна тому, что имелось в сочинении Маркса: меновая стоимость превратилась в «полезность» для другого, а абстрактно-всеобщий труд — в реальный, т. е. конкретный труд всех производителей.

Имея в виду вопрос о «форме и сущности современного труда», Лассаль писал: «...отличительным характером, специфическим определением труда в современном обществе является то, что каждый производит только предметы, которые он не потребляет, т. е. каждый производит меновые стоимости, тогда как прежде каждый производил преимущественно потребительные стоимости» [47]. Именно в том, что каждый производит такие продукты, которые «не может потребить сам», усматривалось отличительное свойство труда, образующего стоимость.

Таким образом, под меновой стоимостью понималась потребительная стоимость, но не сама по себе, а как предназначенная для других. Соответственно этому и специфически общественный характер труда в условиях буржуазного общества, хотя и связывался с производством продуктов как меновых стоимостей, но определялся не как абстрактно-всеобщий, а как конкретный труд, направленный на создание тех или иных потребительных стоимостей для других.

Лассаль верно выделял тот момент общественной природы труда, который характерен для производства потребительных стоимостей в условиях развитого общественного разделения труда. Но у него общественная потребительная стоимость товара оказалась непосредственно тождественной меновой стоимости, а всякий полезный труд в условиях общественного разделения труда — труду, создающему стоимость. Элементарное же определение труда как отношения человека к природе, как целесообразного расходования жизненных сил человека (то, что Маркс *называл особенным*, конкретным трудом) он считал характерным лишь для Робинзона.

Система развитого общественного разделения труда, действительно, придает определенную особенность и конкретному труду. Она проявляется в том, что потребительные стоимости «не потребляются теми, кто их произвел», а служат удовлетворению потребностей других лиц. Но Лассаль принял это за специфику труда, представленного в меновой стоимости, в сущности подменив тем самым абстрактный труд трудом конкретным. В этом заключалась грубая ошибка.

Лассалевская трактовка специфически общественной природы труда в буржуазном обществе основывалась на методе, прямо противоположном тому, который был применен Марксом в первом выпуске «К критике политической экономии». Лассаль пользовался сравнительно-историческим методом: различие потребительной стоимости и меновой стоимости, равно как и различие труда, направленного на производство потребительной стоимости, и труда, направленного на производство стоимости, связывалось им с различием двух специфически исторических форм общественного производства: добуржуазного натурального хозяйства, в котором отличительным признаком труда является производство для собственного потребления, и буржуазным товарным производством, в котором специфическое определение труда заключается в производстве меновых стоимостей (что, по Лассалю, равнозначно производству не для собственного потребления, а для других) [48].

Такой метод позволял установить внешние различия между сравниваемыми предметами (исторически особенными способами производства), но не открывал путь к проникновению во внутреннюю природу каждого из них. И не случайно Лассаль не мог определить двойственный характер труда, представленного в товаре. Напротив, в «К критике политической экономии» Маркса определение меновой стоимости и общественной специфики представленного в ней труда осуществляется не путем сравнения продуктов добуржуазного и капиталистического производства, а путем сравнения продуктов труда одной и той же экономической формации, а именно товаров как элементов богатства буржуазного общества.

Книга Лассаля явилась, по всей видимости, одним из тех внешних факторов, которые побудили позднее Маркса изложить вопрос о субстанции и мере стоимости более популярно, обратив особое внимание на различие конкретного и абстрактного труда. «Это казалось тем более необходимым,— писал Маркс в Предисловии к первому немецкому изданию I тома «Капитала»,— что существенные недоразумения имеются даже в том разделе работы Ф. Лассаля, направленной против Шульце-Делича, где дается, как заявляет автор, «духовная квинтэссенция» моего исследования по этому предмету» [49].

Первоначальные определения потребительной стоимости и меновой стоимости в «Капитале» и в «Первом выпуске» в общем совпадают. Различия между тем и другим текстом становятся более значительны в процессе последующего развития мысли.

Помимо улучшения формы изложения, соответствующая часть текста «Капитала» является более строгой и в теоретическом отношении.

В первом выпуске «К критике политической экономии» не проводилось еще терминологическое различие между меновой стоимостью и стоимостью. Напротив, в «Капитале» этому различию придается существенное значение. Здесь, после того как меновая стоимость сведена к труду, она определяется уже как «стоимость». Более того, во втором издании I тома «Капитала» Маркс сделал даже следующее специальное замечание: «Когда мы в начале этой главы, придерживаясь общепринятого обозначения, говорили: товар есть потребительная стоимость и меновая стоимость, то, строго говоря, это было неверно. Товар есть потребительная стоимость, или предмет потребления, и «стоимость»» [50]. Характерно, что, цитируя в «Капитале» одно определение из «К критике», Маркс заменил в нем термин «меновая стоимость» на термин «стоимость» [51].

В «Первом выпуске» товар в качестве меновой стоимости определяется как «всеобщий эквивалент», а образующий стоимость труд — как «абстрактно-всеобщий». То, что в «Капитале» Маркс не употребляет этих терминов, следует, очевидно, объяснить лишь стремлением к более популярному изложению. Но термин «всеобщее» более точно, адекватно передает суть определения стоимости и образующего ее труда. Во втором издании I тома «Капитала», далее, после определения субстанции стоимости в § 1 главы 1, следует переход к рассмотрению величины стоимости [52], которое предшествует § 2, «Двойственный характер труда, заключенного в товаре». Но первая часть этого § 2 более подробно излагает то, что в § 1 уже рассмотрено в связи с определением субстанции стоимости. Поэтому логически § 2 следует рассматривать не как новую ступень раскрытия предмета, а как более обстоятельное изложение уже выясненного ранее. Помимо желания сделать изложение популярным настолько, насколько это возможно, указанное повторное рассмотрение, как пишет Маркс, вызвано также тем, что впервые критически доказанная им двойственная природа содержащегося в товаре труда составляет «отправной пункт», от которого «зависит понимание политической экономии» [53].

Выяснение внутренне противоречивой природы товара и заключенного в нем труда подготовило теоретическую предпосылку для раскрытия внутренней диалектики *становления* товара как меновой стоимости. Рикардо анализировал стоимость и определяющее ее величину рабочее время как готовый результат, не выясняя присущих товару и создающему его труду противоречий. Напротив, Маркс показывает, что становление товара как меновой стоимости есть результат определенных экономических процессов. В своем непосредственном виде товар представляет лишь овеществленное рабочее время «особенного содержания», но не всеобщее рабочее время. Поэтому, как писал Маркс, он не является еще

действительной меновой стоимостью, а должен еще стать таковой. Точно так же фактический исходный пункт составляет «особенный труд» отдельных частных лиц, а «всеобщий общественный труд есть не готовая предпосылка, а становящийся результат» [54]. Этот диалектический процесс становления товара как меновой стоимости внутренне связан с деньгами, с их становлением в процессе обмена. В «Первом выпуске» обстоятельно выяснено и доказано, что всеобщее рабочее время проявляется в процессе обмена как «особая вещь» и что труд, созидающий меновую стоимость, необходимо должен выразить себя в форме денег как «кристаллизованной» меновой стоимости.

Здесь, в сущности, анализируется форма стоимости. В «Первом выпуске» не употребляется термин «форма стоимости», не проводится терминологическое различие между относительной формой стоимости товара и его эквивалентной формой. Но поскольку здесь подробно рассматривается развитие выражения меновой стоимости одного товара в потребительной стоимости других товаров, то тем самым характеризуется один из существенных специфических моментов формы стоимости. Маркс рассматривает сначала бесконечный ряд уравнений, в которых меновая стоимость товара находит свое выражение. Затем показывается, каким образом один из товаров превращается в общественный результат процесса обмена. «Холст становится здесь *всеобщим эквивалентом* благодаря *всестороннему действию* на него всех других товаров» [55].

В «Первом выпуске», как впоследствии в «Капитале», Маркс последовательно прослеживает развитие внутреннего противоречия товара, в качестве формы разрешения и движения которого выступают деньги. Особенность изложения в «К критике политической экономии» заключается в том, что этот процесс рассматривается не в такой абстрактной форме, как в 1-й главе I тома «Капитала», не *до* исследования обмена, а одновременно с ним [56].

Специфика выражения меновой стоимости более конкретно излагается во второй главе в связи с характеристикой денег как меры стоимости и определением цены в качестве формы, в которой меновая стоимость выступает в процессе обращения. На данной ступени теоретической системы обстоятельно была раскрыта объективная внутренняя связь между становлением товара и становлением денег как его всеобщего эквивалента. «В то время как товары придают самим себе форму меновой стоимости по отношению друг к другу, золоту они придают форму всеобщего эквивалента, или денег» [57].

Характеристика денег в качестве необходимой формы выражения и изменения меновой стоимости, а следовательно и абстрактно-всеобщего труда, знаменовала собой качественно новый этап в истории теории товара и стоимости.

Связь между товаром и деньгами, между трудом как источником меновой стоимости и деньгами в самой общей и краткой форме

была отмечена в «Grundrisse»: «...труд на основе меновых стоимостей как раз и предполагает, что ни труд отдельного лица, ни его продукт не носят *непосредственно* всеобщего характера; что он приобретает эту форму лишь путем *предметного опосредования*, посредством отличных от него *денег*» [58]. Но в «Первом выпуске», в отличие от рукописи 1857—1858 гг., изложение теории денег приобрело строго систематическую и зрелую форму. Здесь содержится конкретное определение денег как специфического товара, воплощающего в себе единство меры стоимостей и средства обращения. Вместе с изменением формы товарного обращения, с развитием продажи в кредит развивается и новая форма денег в качестве «всеобщего платежного средства». Если в рукописи 1857—1858 гг. «деньги как деньги» (сокровище, всеобщий товар контрактов) выводились из формы обращения *Д—Т—Д*, то в «Первом выпуске» говорится о том, что и в этих определениях деньги необходимо «выводить из непосредственной формы товарного обращения *Т—Д—Т*», поскольку кругооборот *Д—Т—Д* является уже отражением «более сложного движения» [59]. Выявление четкого различия между указанными формами обращения имело важное значение для объяснения того, что деньги во всех своих простых определениях вытекают не из движения капитала, а из простого товарного обращения.

Завершающий момент систематического раскрытия теории денег составляет отражение специфики мировых денег. В отличие от внутреннего, в международное обращение золото и серебро поступают из мест их добычи не как деньги, а как товары с особенными потребительскими свойствами. Лишь после обмена на другие товары, пропорционально заключенному в них рабочему времени, они становятся деньгами, т. е. превращенной формой всех прочих товаров [60]. Заканчивается 2-я глава характеристикой тех особенностей благородных металлов, которые выдвинули их на выполнение роли денег. Вообще же ответ на вопрос, почему денежным материалом служат золото и серебро, а не другие товары, Маркс выносил «за пределы буржуазной системы» [61].

Таким образом, в работе «К критике политической экономии» Маркс впервые в систематической форме раскрыл диалектику товара и денег. Характерно, что деньги рассматриваются здесь в их чистом виде и лишь в той их форме, которая вытекает непосредственно из процесса простого товарного обмена. Благодаря такому методу они не смешиваются с другими денежными отношениями буржуазного общества, прежде всего с деньгами как капиталом, и отличаются от других форм денег (кредитных), которые, по выражению Маркса, «принадлежат к более высокой ступени процесса производства» [62]. Объективное основание такой научной абстракции состоит в том, что в процессе своего движения капитал постоянно воспроизводит те элементарные формы (товар, деньги), в которых он выступает непосредственно в сфере простого обращения.

4. ИСТОРИЯ АНАЛИЗА ТОВАРА И ДЕНЕГ

Доказательство двойственной природы труда, заключенного в товаре, и необходимости денег в «Первом выпуске» органически дополняется критическим анализом истории теорий товара и денег. Самостоятельная научная ценность этой работы, предваряющей «Капитал», не в последнюю очередь связана с тем, что только в ней Маркс публично изложил научную историю воззрений по такой важной проблеме политической экономии.

В двух главах «К критике политической экономии» отчетливо выражен принцип ретроспективного рассмотрения истории теории, основывающегося на предварительном раскрытии тех или иных вопросов в сугубо теоретическом аспекте. Очерк «К истории анализа товара» следует после непосредственного исследования товара, включая и его «раздвоение» на товар и деньги. Изложение вопроса о деньгах как мере стоимостей дополняется критикой «Теорий денежной единицы измерения», а завершает исследование функций денег рассмотрение «Теорий средств обращения и денег».

Исторический очерк в первом выпуске опирается на достижение предшествующих лет, но является шагом вперед и по сравнению с лондонскими эксцерптами (в частности, с рукописью «Слиток»), и по сравнению с «Grundrisse», синтезирует их, соединяя детальный разбор взглядов основных представителей буржуазной политической экономии, проведенный в эксцерптах, с выяснением исторического места, методологических особенностей позиций тех или иных теоретиков и т. п. вопросов, в принципе решенных Марксом в рукописях 1857—1859 гг.[63]

Рассматривая важнейшие этапы развития понятий товара, меновой стоимости, заключенного в товарах труда, Маркс главное внимание уделяет критике определений источников богатства буржуазного общества, которые он находит в трудах представителей предшествующей экономической науки, как и самого этого богатства — меновой стоимости.

Основатель классической политэкономии в Англии Петти свел потребительную стоимость к труду, но меновую стоимость представлял в том виде, в котором она в форме денег проявляется в обмене. Он не понимал еще той общественной формы, в которой труд выступает как источник стоимости, поскольку лишь особый вид конкретного труда (в добыче золота и серебра) он рассматривал в качестве труда, создающего стоимость (в той ее форме, в какой она проявляется в обмене, т. е. как деньги). Напротив, сведя меновую стоимость к рабочему времени, француз Буагильбер считал деньги излишними. В то же время он смешивал труд, создающий меновую стоимость, с любым реальным трудом.

Сведéние же меновой стоимости к рабочему времени, к труду вообще было впервые осуществлено Б. Франклином, который, по выражению Маркса, «сформулировал основной закон современной

политической экономии» [64], установив, что стоимость определяется качественно одинаковым и лишь количественно изменяющимся трудом. Благодаря исследованиям Стюарта, Смита, наконец, Рикардо сведéние стоимости к труду получило более развитое, более точное выражение, хотя их учение и не было свободно от противоречий. Но Рикардо ограничивался вопросом о величине стоимости, не анализируя определенностей ее субстанции.

Классическая политическая экономия не могла определить специфически историческую природу товара и создающего его труда. Но она связывала стоимость продукта как товара с условиями буржуазного общества. Если Адам Смит действительность определения стоимости рабочим временем относил, по ироническому выражению Маркса, к доадамовым временам, то Рикардо в своем анализе стоимости исходил из той фактической предпосылки, что производство товаров осуществляется современной промышленностью в условиях господства неограниченной конкуренции. «В действительности это означает,— писал Маркс,— лишь то, что закон стоимости для своего полного развития предполагает общество с крупным промышленным производством и свободной конкуренцией, т. е. современное буржуазное общество» [65]. Но только в произведениях Джемса Стюарта, как отмечал Маркс, более определенно была выражена мысль, что труд в условиях буржуазного общества отличается от труда в античном и феодальном обществах. Вместе с тем Стюарт «хорошо знал, что и в добуржуазные эпохи продукт принимает форму товара, а товар — форму денег, но он обстоятельно доказывает, что товар, как элементарная основная форма богатства, и отчуждение, как господствующая форма присвоения, принадлежит только буржуазному периоду производства, что, следовательно, характер труда, создающего меновую стоимость, является специфически буржуазным» [66].

Следующий этап в критическом доказательстве двойственного характера овеществленного в товаре труда был связан с критикой теорий денежной единицы. Как выяснил Маркс, в цене товар превращается в золото только идеально. Это послужило объективной основой теории идеальной денежной единицы измерения стоимости, нашедшей развитое выражение у Джемса Стюарта, который сводил деньги только к масштабу цен и счетным деньгам. Критическому разбору подобных взглядов посвящен исторический очерк «Теории денежной единицы измерения».

В предшествующем изложении Маркс раскрыл уже существенное различие между мерой стоимости и масштабом цен, а также обосновал положение, согласно которому «в невидимой мере стоимостей скрываются реальные деньги» [67].

Большое место в историческом экскурсе отведено критике учения о рабочем времени как непосредственной денежной единице измерения (теории рабочих денег), которая впервые была выдвинута в 30—40-х гг. XIX в. Дж. Греем, а несколько позже — Прудоном. В основе этой ложной теории, как показал Маркс, находи-

лась трактовка товара как продукта непосредственно общественного труда и прямое признание каждого товара деньгами.

На следующей ступени подробному рассмотрению подвергается характеристика денег в качестве средства обращения, исходя из непосредственной формы товарного обращения *Т—Д—Т*. Анализ процесса обращения строился на предпосылке, что все товары и деньги соотносятся друг с другом как стоимостные эквиваленты. Что касается отклонения рыночных цен от стоимости, то это, как писал Маркс, «не касается простого обращения и относится к совершенно другой сфере, которая подлежит рассмотрению позднее, там, где мы подвергнем исследованию отношение между стоимостью и рыночной ценой» [68]. Как объяснение процесса становления денег, так и дальнейший анализ их сущности и функций покоится в теории Маркса на эмпирической предпосылке металлического обращения, наличия золотых денег. «Это рассмотрение чисто металлического обращения тем более важно,— отмечал Маркс еще в первоначальном тексте «Первого выпуска»,— что все спекуляции экономистов по поводу более высоких, более опосредствованных форм обращения зависят от точки зрения на простое металлическое обращение» [69]. Поскольку, по выражению Маркса, все буржуазные отношения выступают позолоченными или посеребренными, как денежные отношения, сведéние их к самому простому и чистому виду позволило впервые отчетливо определить трудно различимое на поверхности отличие денег в их простых функциях от таких более развитых, более конкретных форм, какими являются кредитные деньги и движение денег в качестве капитала.

Изложение функций денег как средства обращения, сокровища, средства платежа и мировых денег дополняется в «К критике политической экономии» анализом истории теорий средств обращения и денег. Здесь на примере оценки монетаристов и меркантилистов особенно отчетливо обнаруживается характерное вообще для Марксова исследования истории политической экономии выделение не только ограниченности взглядов тех или иных экономистов, но и установленных ими истинных моментов. Провозглашение меновой стоимости в виде золота и серебра единственным богатством, как отмечает Маркс, соответствовало началу буржуазной эпохи. Рассматривая все процессы с точки зрения элементарной сферы товарного обращения, монетарная и меркантилистская система смешивала деньги с капиталом. И тем не менее эта система имела для своего времени не только объективное оправдание, но и сохраняла, по выражению Маркса, «полное право гражданства» в определенных сферах развитой буржуазной экономики, так как «на всех ступенях буржуазного процесса производства, где богатство принимает элементарную форму товара, меновая стоимость принимает элементарную форму денег, и во всех фазах процесса производства богатство постоянно возвращается на какой-то момент ко всеобщей элементарной форме това-

ра» [70]. Поэтому классическая школа ошибалась, трактуя названное направление как полностью ложную теорию.

Маркс, отрицая односторонность меркантилистских взглядов на деньги, сохранил имевшиеся у них элементы истины. Напротив, классическая школа, по существу, вообще вычеркнула монетарную и меркантилистскую систему из науки, ограничив анализ денег, главным образом, лишь их текучей формой средства обращения. Это отразилось не только на ее теории денег, но, прямо или косвенно, и на трактовке других экономических категорий буржуазного общества. Под влиянием факта роста цен в связи с падением стоимости благородных металлов классики выдвинули положение, согласно которому цены зависят от массы обращающихся денег. Самым значительным представителем этой теории в XVIII в. Маркс считал Юма, взгляды которого он подверг развернутой критике. Теория Юма как «абстрактная противоположность монетарной системы» была развита, по выражению Маркса, до последних пределов Рикардо, хотя он нигде не исследовал деньги сами по себе, а лишь в связи с более конкретными отношениями.

Маркс особо отмечает большую заслугу Джемса Стюарта, который, в отличие от Юма, «не ставит механически товары на одну сторону и деньги на другую...» [71], а выводит различные функции денег из самого товарного обмена. Позднее так же дифференцированно, в их различных определениях рассматривали деньги Тук, Уилсон, Фуллартон, однако делали они это «вне всякой живой связи этих моментов как между собой, так и с общей системой экономических категорий» [72]. Но деньги в их отличии от средства обращения, деньги как простую противоположность товару они ошибочно отождествляли с капиталом. Это смешение денег с капиталом объяснялось тем, что, в отличие от Маркса, экономисты указанного направления не рассматривали «деньги сначала в том абстрактном виде, как они развиваются в сфере простого товарного обращения и вырастают из отношений самих товаров, находящихся в движении» [73]. Названное смешение характерно для многих буржуазных экономистов вплоть до сегодняшнего дня.

Таким образом, в исторических экскурсах Маркс, во-первых, указал на моменты преемственности в развитии политической экономии, на те пункты, в которых созданная им теория опиралась на достижения предшественников. Во-вторых, однако, он со всей определенностью подчеркнул принципиальное отличие своего понимания товара и денег от трактовки их в классической буржуазной политической экономии.

* * *

«Первому выпуску» Маркс придавал не только огромное теоретическое, но и важное политическое значение. Ибо с выходом первого выпуска «К критике политической экономии» он связывал идейный разгром Прудона и его последователей, начатый

еще в «Нищете философии». С полным основанием Маркс писал в 1859 г. о своем новом сочинении: «В этих двух главах... разбивается наголову модный теперь во Франции прудоновский социализм, который хочет сохранить частное производство, но *организовать* обмен частных продуктов, хочет *товара,* но не хочет *денег*» [74].

Маркс рассчитывал, кроме того, что в силу самого характера предмета исследования его критики «не смогут ограничиться одной тенденциозной руганью», основательное и строгое научное изложение заставит их достаточно серьезно относиться к его дальнейшим публикациям о капитале. Маркс надеялся также, что, «помимо всяких практических соображений, глава о деньгах будет для знатоков интересна» [75]. Однако по выходе в свет работа не встретила ни понимания, ни действительно научной критики. Те отклики, которые появились в немецкой буржуазной прессе, либо носили сугубо информативный характер, ограничивались общими сведениями об авторе, либо же, совершенно не затрагивая содержательную сторону, упрекали Маркса за «гегелевскую манеру» изложения [76].

На этом фоне, конечно, выделялась рецензия, написанная Энгельсом в августе 1859 г. для редактируемого Марксом органа лондонского Просветительного общества немецких рабочих — газеты «Das Volk». Месяцем раньше Маркс просил своего друга, если он будет писать о его книге, не забыть отметить: «1) что прудонизм уничтожен в корне, 2) что уже в простейшей форме, в форме *товара,* выяснен *специфически* общественный, а отнюдь не *абсолютный* характер буржуазного производства» [77]. Энгельсу не удалось вполне выполнить эту просьбу Маркса. В газете «Das Volk» были опубликованы лишь две первых части его рецензии. В третьей статье Энгельс предполагал изложить основные моменты экономической теории, составляющей содержание «Первого выпуска». Но издание газеты было прекращено.

В опубликованных частях рецензии Маркс характеризовался в качестве основателя «самостоятельной немецкой политической экономии», основанной на материалистическом понимании истории и новом методе критики экономических воззрений. При этом главное внимание уделялось разъяснению различия и связи между «логическим» и «историческим» методами исследования. В статьях Энгельса примененный Марксом метод трактовался как «логический», исходную точку для которого дала философия Гегеля, поскольку в ней материал рассматривался всегда параллельно развитию всемирной истории. В отличие от логического метода, руководящую нить «исторического метода» дает «историческое развитие политико-экономической литературы», которое, как и история буржуазного общества, проходит развитие «от простейших отношений к более сложным». Поскольку же и то и другое историческое развитие идет «скачками и зигзагами», то, руководствуясь историческим методом, «пришлось бы не только поднять

много материала незначительной важности, но и часто прерывать ход мыслей» [78]. Поэтому единственно подходящим Энгельс считал именно «логический» метод, который «в сущности является не чем иным, как тем же историческим методом, только освобожденным от исторической формы и от мешающих случайностей» [79].

У Энгельса трактовка вопроса о методе имела иную нюансировку нежели та, что содержалась в рукописи Маркса «Введение». Дело при этом не только в том, что «Введение» не было известно Энгельсу, но и в иной направленности, адресности его рецензии.

Маркс, говоря о «теоретическом методе», для которого характерно восхождение от простого, абстрактного к конкретному, противопоставлял его методу английских экономистов XVII столетия, начинавших с «живого целого» и затем аналитически восходивших ко все более и более простым понятиям, «тощим абстракциям». Что касается Энгельса, то «логический метод» был для него противоположностью эмпиризму немецкой исторической школы (Листа) и разного рода «некритических собирателей фактов». Да и основное назначение его статей заключалось в том, чтобы привлечь внимание к книге Маркса и по возможности рассеять возникшие среди близких к Марксу людей недоразумения.

Итак, «Первый выпуск», с одной стороны, подвел итоги всего предшествующего исследования, а с другой — составил основу для последующего раскрытия теоретической системы Маркса. Уже в самом его тексте заложены отправные пункты для последующего развития содержания и структуры теоретической системы Маркса.

Завершая 1-ю главу исследования, Маркс сформулировал основные вопросы, которые не смогла решить предшествующая наука и которые станут предметом его рассмотрения в следующих выпусках. Так, Маркс указывал, что прежде всего должен быть дан ответ на вопрос, каким образом можно объяснить на основе определения меновой стоимости рабочим временем заработную плату. Далее, исследования капитала предполагалось посвятить объяснению того результата, что «меновая стоимость труда меньше, чем меновая стоимость его продукта». Учение о конкуренции должно было ответить на вопрос, каким образом «на основе меновой стоимости развивается отличная от нее рыночная цена». Наконец, предстояло объяснить, «каким образом могут товары, вовсе не содержащие в себе труда, обладать меновой стоимостью...» [80].

Вся последующая теоретическая деятельность Маркса, в том числе его работа над «Вторым выпуском», которая переросла в самостоятельное сочинение, и была направлена на выяснение этих вопросов. Так возникли второй (1861—1863 гг.), третий (1863—1865 гг.) черновые варианты «Капитала» и, наконец, появилось первое немецкое издание I тома (1867 г.).

Глава X

ПРЕВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ДИАЛЕКТИЧЕСКУЮ НАУКУ

Научная революция, совершенная Марксом в политической экономии, связана в значительной мере с принципиально новым — диалектическим — методом исследования общественного производства. С этой точки зрения «Grundrisse» занимают особое место в истории Марксовой экономической теории — хотя бы потому, что именно в ходе работы над ними, в начале 1858 г., Маркс выразил желание изложить «на двух или трех печатных листах... то *рациональное,* что есть в методе, который Гегель открыл, но в то же время и мистифицировал» [1], т. е. в диалектическом методе.

Свое намерение Марксу реализовать не удалось, однако текст рукописей 1857—1859 гг. (как и последующих вариантов «Капитала» и окончательного текста) позволяет в известной мере выделить основные принципы диалектического метода, реализованные в экономическом исследовании.

Первую попытку применения к политической экономии гегелевской диалектики сделал Прудон в книге «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1846 г.). Но, по сути дела, диалектика в этой книге была сведена к схематическому приложению к действительности категорий «Логики» Гегеля, как убедительно показал Маркс в «Нищете философии».

В начале 1858 г. намерение изложить политическую экономию «по-гегелевски» было выражено Лассалем, по поводу чего Маркс писал: «...одно дело — путем критики... довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе» [2].

Диалектика не была для Маркса готовой схемой, которая просто налагалась на исследуемый предмет. Он шел по пути превращения политической экономии в диалектическую науку на основе изучения реальных явлений современного ему буржуазного общества и экономической истории.

Составляя предпосылку теоретического исследования буржуазной экономики, диалектический метод Маркса, в свою очередь, развивался в процессе его применения к предмету политической экономии, выступая, таким образом, и как *результат* движения экономической мысли. История разработки теоретической системы

Маркса есть вместе с тем история поступательного развития диалектико-материалистического метода.

Конкретное понимание диалектического метода возможно, лишь когда он рассматривается в единстве с предметом. Но здесь возникают определенные трудности. С одной стороны, раскрытие содержания экономической теории «Капитала» невозможно без знания примененного Марксом диалектического метода. С другой стороны, подлинное понимание Марксовой диалектики предполагает раскрытие содержания «Капитала».

Выход из этого замкнутого круга существенно облегчается, если обратиться к анализу текстов рукописей 1857—1858 гг., прежде всего «Введения». Оно имеет самостоятельную научную ценность, так как представляет собой единственное его произведение, в значительной своей части специально посвященное изложению метода политической экономии. Поскольку здесь речь идет преимущественно о принципах и их обосновании на примере лишь отдельных отношений и категорий, возникает объективная возможность различных интерпретаций. Но рассмотрение этих принципов с точки зрения того, как они реализованы в самих «Grundrisse», позволяет в значительной мере преодолеть отмеченную трудность.

Хотя изложению в «Grundrisse» не могла быть придана строго систематическая форма, основные контуры теоретической системы прослеживаются довольно отчетливо [3]. Это делает объективно возможной единообразную интерпретацию диалектического метода и содержания экономической теории Маркса. Если сама теория сведена в диалектическую систему, в которой проведены четкие различия и установлены взаимосвязи (переходы) между всеми отношениями и категориями, то, придерживаясь принципа этой внутренней взаимосвязи, т. е. не отрывая каждую ступень изложения, каждую категорию от целого, можно установить, каким образом применял Маркс диалектику в экономических исследованиях. Известное несовершенство систематического изложения в рукописи 1857—1858 гг. может быть восполнено с учетом знания той зрелой формы, которую теоретическая система Маркса приобрела затем в трех книгах «Капитала». Ретроспективный взгляд на «Grundrisse» позволяет более точно определить их роль в становлении и развитии диалектического метода Маркса.

1. ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАК «СУБЪЕКТ»: ОБЪЕКТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ДИАЛЕКТИКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ МАРКСА

«Мы в нашем исследовании,— писал Маркс в рукописи 1857—1858 гг. со всей определенностью,— имеем дело с уже сложившимся, движущимся на своей собственной основе буржуазным обществом» [4]. Это-то движение капитала на собственной основе и составляет внутреннюю диалектику исторически сложившегося

капиталистического способа производства. Более конкретное представление о том, как следует отражать в теории движущееся на своей собственной основе буржуазное общество, дает «Введение».

В нем отмечается, что в качестве конкретного целого предмет, здесь — буржуазное общество, в теоретическом мышлении выступает как результат последнего. Целое как *мыслимое* целое (теоретическое) является, таким образом, «продуктом мыслящей головы». В то же время исследуемое общество как «реальный субъект» должно, по выражению Маркса, «постоянно витать перед нашим представлением как предпосылка» [5]. Несколько далее эта мысль повторена и развита: «Как вообще во всякой исторической, социальной науке, при рассмотрении поступательного движения экономических категорий нужно постоянно иметь в виду,— отмечает Маркс,— что как в действительности, так и в голове субъект — здесь у нас современное буржуазное общество — есть нечто данное и что категории выражают поэтому формы наличного бытия, определения существования, часто только отдельные стороны этого определенного общества, этого субъекта... Это соображение следует иметь в виду, потому что оно сразу же дает решающие указания относительно расчленения предмета» [6].

Диалектическое рассмотрение предмета, буржуазного общества, точнее,— капиталистического способа производства, есть его рассмотрение в качестве «реального субъекта». Применение к объективно существующему предмету термина «субъект» может показаться парадоксальным. Но таким образом лучше всего передается активный, диалектический характер капитала — именно то, что в силу внутренних противоречий капитал находится в состоянии постоянно повторяющихся процессов превращений, в результате которых происходит становление и развитие экономических форм (товара, денег, прибавочной стоимости и т. д.) и всего исторически сложившегося капиталистического способа производства как целого. Это есть *внутренняя объективная диалектика* предмета как «реального субъекта». Дело же исследователя как «мыслящего субъекта» заключается в том, чтобы теоретически отразить диалектику этого реального субъекта.

Анализ того, как применен этот принцип в экономической рукописи 1857—1858 гг., свидетельствует, что отражение внутренней объективной диалектики капиталистического способа производства предполагает его рассмотрение как многообразного *процесса,* как его движения на собственной основе, при котором все экономические условия и отношения являются результатом процессов производства и обращения капитала. Соответственно этому и различные экономические формы, категории (товар, деньги и т. д.) отражаются как находящиеся в процессах становления, развития, взаимопревращения, органической, внутренней взаимосвязи.

Важно не смешивать экономические формы как *становящийся* результат собственно капиталистических процессов с их историческим генезисом. В литературе зачастую употребляемые в ру-

кописях и сочинениях Маркса термины «возникновение», «происхождение», «становление» понимаются лишь в этом последнем, историческом смысле. Между тем и в условиях зрелой буржуазной экономики постоянно происходят диалектические процессы «возникновения», точнее становления, всех внутренне свойственных капитализму экономических форм. Когда, например, деньги превращаются в товары рабочая сила и средства производства, совершается процесс «возникновения» капитала, превращение стоимости в самовозрастающую стоимость. Это есть, по выражению Маркса, «диалектический процесс возникновения капитала» [7], его «идеальное» отражение в теории. Аналогично этому в условиях исторически сложившегося капиталистического способа производства постоянно «возникают» товар, деньги, прибавочная стоимость, заработная плата и т. д. Классическая школа буржуазной политической экономии не входила в рассмотрение этих экономических форм в их становлении, постоянном воспроизведении капиталом. Она брала их как готовые формы, аналитический метод не давал ей возможности понять капитал как процесс.

Напротив, в теории Маркса капитал рассматривается как процесс. «Капитал — это вовсе не простое отношение, а *процесс,* в различных моментах которого он всегда остается капиталом» [8]. Всякие экономические процессы совершаются при определенных материальных и социальных условиях. Их сохранение, постоянное повторение предполагает и воспроизведение соответствующих условий. С изменением же условий изменяются и экономические процессы. Поэтому рассмотрение капитала как процесса необходимо включает в себя исследование условий, при которых он функционирует и развивается.

В своем исследовании зрелых капиталистических отношений Маркс придерживался принципа, что капитал, «исходя из самого себя, сам создает предпосылки своего сохранения и роста» [9]. Только такой диалектический подход и позволяет рассматривать предмет как обладающий внутренней, объективной диалектикой. Поскольку капитал сам себя воспроизводит, все характерные для него отношения и формы соотносятся взаимно друг с другом как предпосылки (причины) и как результаты (следствия). «...В законченной буржуазной системе каждое экономическое отношение предполагает другое в буржуазно-экономической форме и таким образом каждое положенное есть вместе с тем и предпосылка...» [10]

В приведенном высказывании Маркса выражены два существенных диалектических момента. Во-первых, в рамках капиталистической системы всем экономическим отношениям присуща «буржуазно-экономическая форма». Сообразно этому и в теоретической системе капиталистического способа производства все категории, начиная с простейших и кончая самыми развитыми, имеют *специфически* исторический, буржуазный характер. Во-вторых, Маркс указывает, что в рамках буржуазного общества каждое экономическое отношение является «положенным», т. е. обуслов-

ленным, порождаемым другим буржуазным же отношением, и вместе с тем «предпосылкой», т. е. условием существования этого иного отношения. Соответственно этой внутренней объективной диалектике предмета и в теоретической системе необходимо проводить различие между категориями как *предпосылками* и ими же как *результатами* определенных экономических процессов. Так, товар и деньги в начале теоретической системы образуют внутренние предпосылки процесса производства капитала, и лишь в дальнейшем изложении они становятся результатами этого процесса, приобретая определения товарной и денежной формы капитала. Это и есть развитие экономических категорий в условиях зрелого капиталистического способа производства. Такое развитие можно представить также как превращение товара и денег в их качестве капитала «в себе», в зародыше, в действительный капитал, что постоянно и происходит в условиях «законченной буржуазной системы», поскольку ежедневно деньги превращаются в товары — рабочую силу и средства производства.

С другой стороны, в рамках теоретической системы необходимо еще проследить, каким образом предпосылки превращаются в результат, в положенное. «Все *твердые* предпосылки,— отмечал Маркс,— сами становятся текучими в ходе дальнейшего анализа. Но лишь благодаря тому, что они твердо устанавливаются в самом начале, возможен дальнейший анализ без перепутывания всего» [11]. В «Grundrisse» в ряде мест проводится, например, различие между одними и теми же деньгами как предпосылкой и как результатом капитала. Если деньги в качестве продукта простого обращения выступали первоначально как «причина» капитала, то затем они выступают «как положенная самим капиталом предпосылка капитала и потому уже *сами по себе* положены как капитал, уже в самих себе содержат идеальное отношение к капиталу» [12].

Таким образом, диалектическое рассмотрение зрелого, исторически сложившегося капиталистического способа производства необходимо предполагает исследование капитала как многообразного процесса, характеризующего его внутреннюю объективную диалектику. Именно процессы производства и обращения капитала выступают в качестве «формообразующих» факторов, в результате которых происходит становление и развитие всех свойственных капитализму экономических форм. Соответственно этому и отражающие их экономические категории не остаются неподвижными, а развиваются, претерпевая различные превращения.

Теоретическое отражение экономики как совокупности диалектических процессов предполагает рассмотрение производственных отношений в органическом единстве с производительными силами. Действительные производственные отношения складываются в реальном процессе производства, который невозможен без фактически функционирующих производительных сил. И наоборот, последние не могут прийти в движение вне исторически определенной формы производственных отношений. В сущности, внут-

ренняя диалектика процессов производства и обращения капитала и есть диалектика производительных сил и капиталистических производственных отношений.

Исторически капитал первоначально овладел теми средствами труда, которые применялись при предшествующих общественных формах производства. Они претерпели, по выражению Маркса, лишь формальное изменение, т. е. прежние вещественные их элементы стали формой существования капитала. Но, будучи включенными в процесс капиталистического производства, они прошли «через различные метаморфозы» и достигли адекватной капиталу ступени развития, которой являются машины, точнее, автоматическая система машин. Средства труда приобрели вещественную форму, «положенную самим капиталом и соответствующую ему» [13].

Точно так же капитал первоначально эксплуатирует рабочую силу, сформировавшуюся при прежней форме производства. Но он превратился в господствующий способ производства лишь в результате того, что не только создал огромную массу продавцов рабочей силы, но и качественно ее преобразовал, приспособил к потребностям производства прибавочной стоимости на базе машин и углубившегося разделения труда.

В принципе теоретическое исследование строится в «Grundrisse», исходя из эмпирической предпосылки — существования производительных сил, соответствующих экономически зрелому буржуазному обществу.

2. ФОРМА ТЕОРЕТИЧЕСКОГО ОТОБРАЖЕНИЯ ПРЕДМЕТА В «GRUNDRISSE»

Сама диалектика капиталистического процесса производства и обращения определяет и ту последовательность, в которой теоретически рассматриваются экономические категории в форме диалектической системы. «...Было бы неосуществимым и ошибочным,— писал Маркс во «Введении»,— трактовать экономические категории в той последовательности, в которой они исторически играли решающую роль. Наоборот, их последовательность определяется тем отношением, в котором они находятся друг к другу в современном буржуазном обществе, причем это отношение прямо противоположно тому, которое представляется естественным или соответствует последовательности исторического развития... Речь идет о том месте, которое они занимают в структуре современного буржуазного общества» [14].

Классическая политическая экономия, как известно, ограничивалась рассмотрением готовых форм (готового товара, имеющихся уже в обращении денег и т. д.) и готовых отношений (между покупателями и продавцами, рабочим и капиталистом, капиталистом и капиталистом). В теоретической системе Маркса на определенных ее ступенях эти формы и отношения также анализируются как таковые, как наличные предпосылки. На этих ступенях

анализа сам исследователь мысленно расщепляет предмет (например, выделяет в товаре потребительную стоимость и меновую стоимость), приводит анализируемые предметы в отношения друг с другом (например, меновое отношение между товарами).

Но теоретическое отражение соответствующих экономических *процессов* (например, процесса обмена, непосредственного процесса производства как единства процесса труда и процесса возрастания стоимости и т. д.) возможно лишь тогда, когда выявлена вся совокупность условий, необходимых для самовоспроизведения этих процессов. Так, для формального процесса обмена необходимо наличие мира товаров (многообразных потребительных стоимостей) и лиц, в которых персонифицированы товары, т. е. множества товаровладельцев. Осуществление процесса производства капитала возможно, если владелец денег купил не только рабочую силу, но и средства производства.

Объективно процессы производства и обмена выступают как нечто активное, формообразующее: процесс обмена порождает деньги, процесс производства капитала — товар и прибавочную стоимость и т. д. Соответственно этой внутренней диалектике предмета Маркс выводит соответствующие категории, раскрывая вместе с тем внутренне необходимые связи между ними и породившими их процессами.

В «Grundrisse» отчетливо видно, особенно в «Главе о капитале», что, в отличие от буржуазных классиков, которые руководствовались односторонне аналитическим методом, Маркс определяет категории как результаты развития противоречий, свойственных самим экономическим процессам, и «генетически» выводит из предшествующего как из зародыша последующее, более конкретное [15].

Поскольку «выведение» отражает внутреннюю диалектику данного предмета как целого, достигается соответствие между теорией и действительностью. При этом на каждом пункте диалектического процесса становления и развития капитала необходимо, как отмечал Маркс, «фиксировать ту определенную форму, в которой капитал выступает...» [16]. Эти «фиксированные» определения понятий (стоимости, денег и т. д.) с точки зрения диалектики в рукописи 1857—1858 гг. рассмотрены как отражение моментов соответствующих экономических процессов.

В ходе реального движения капитала объективные предпосылки экономических процессов превращаются в их результат, и наоборот, результат становится предпосылкой дальнейшего их течения. Поэтому и диалектическое отражение этих процессов в теоретической системе не может совершаться иначе, как в форме круга, в котором «начало» (предпосылка) смыкается с «концом» (результатом), т. е. происходит «возвращение» к началу.

Движение капитала представляет собой единство процессов производства и обращения. При рассмотрении капитала как такого живого конкретного единства процесс обращения составляет

момент процесса производства, а последний — момент процесса обмена (обращения). Поэтому и теоретическое раскрытие процесса производства предполагает знание процесса обращения, а истинное отражение процесса обращения невозможно без предварительного исследования процесса производства. Образуется замкнутый круг, из которого можно выйти, если начать рассмотрение с каких-то моментов (стадий, процессов) как предпосылок, из которых проистекает движение, приводящее к их превращению из предпосылок соответствующего процесса в его результат. Эта исходная предпосылка должна быть своего рода зародышем, «клеточкой» всей системы как живого конкретного целого.

Если начать теоретическое отображение капитала прямо с непосредственного процесса производства, без его связи с процессами обращения (рынком, на котором совершается купля-продажа рабочей силы и средств производства), то объективно возможна его характеристика только как «производства вообще». Последнее — это «абстракция... Определения, имеющие силу для производства вообще, должны быть выделены... для того, чтобы из-за единства, которое проистекает уже из того, что субъект, человечество, и объект, природа,— одни и те же, не были забыты существенные различия»,— отмечал Маркс во «Введении» [17]. Необходимо исследовать именно эти существенные отличия, характеризующие буржуазное производство как особый, специфический тип. Определение же процесса производства как единства процесса труда и процесса возрастания стоимости, т. е. с точки зрения внутренней объективной диалектики капитала, предполагает предварительный анализ процесса товарного обращения. В свою очередь, предпосылками последнего являются товар и деньги. Но что является предпосылкой товара и денег? Процесс производства!

Поэтому постепенно Маркс приходит в «Grundrisse» к выводу, что необходимо начать анализ с уже имеющихся налицо товаров, «вывести» из них деньги, а затем перейти к процессу обращения, приняв процесс производства, включающий в себя и производство продукта как товара, за предпосылку, которая «витает» перед сознанием исследователя буржуазной экономики. Но в таком случае товар и деньги, взятые непосредственно в том виде, в каком они выступают в обращении как поверхностной экономической сфере, объективно не могут быть определены в качестве форм проявления капитала. Их можно охарактеризовать лишь как «простые» товар и деньги, т. е. установить «силой абстракции» только то, что можно непосредственно обнаружить, анализируя наличествующие уже товары и отношения между ними в процессе обмена. Точно так же процесс обмена и обращения с точки зрения объективной диалектики здесь не может быть определен в качестве капиталистического процесса. Но благодаря анализу товара, денег, простого обращения исследована поверхность именно *буржуазного* общества, а вместе с тем создана одна из необходимых теоретических предпосылок для рассмотрения процесса производства капитала.

3. ВНУТРЕННЕ НЕОБХОДИМЫЙ ХАРАКТЕР ПЕРЕХОДОВ ОТ АБСТРАКТНОГО К КОНКРЕТНОМУ

В теории, которая излагается в форме диалектической системы, переход от одной ступени к другой должен быть *внутренне необходимым,* т. е. соответствовать действительным объективным связям предмета как реального субъекта диалектических процессов, имманентных капиталу, функционирующему и развивающемуся на собственной основе.

Диалектическое исследование капиталистического производства как находящегося в постоянном движении предполагает конкретное рассмотрение его как «живого целого», с присущими ему внутренними противоречиями. Такое познание не может остановиться на наблюдении и анализе многообразных экономических процессов в том виде, в каком они обнаруживаются на поверхности. Чтобы найти глубинную основу этих процессов, свойственные им внутренние противоречия и законы, необходимо мысленно, путем научной абстракции проникнуть в их скрытую сущность.

Таким методом определяются и те отношения, с которых начинается развертывание теоретической системы. Во «Введении» Маркс, касаясь предшествующей истории политической экономии, отмечал, что «правильный в научном отношении» метод характерен для тех экономических систем, которые восходили от простейшего, абстрактного, к конкретному [18]. Но не всякий переход от простейших категорий к более развитым свидетельствует о диалектическом характере этого восхождения. Принципиальное значение имеет, во-первых, определение самого́ абстрактного и то, какому исторически конкретному предмету оно соответствует. Во-вторых, абстрактное следует трактовать не только как отношение, но и как процесс. В-третьих, дело заключается еще и в том, отражает или нет синтез внутренне необходимые связи данного предмета, его объективную диалектику, либо он представляет собой произвольное упорядочение экономических категорий, их формальное сведение в одно целое.

Согласно методу Маркса, простая категория может существовать как абстрактное, одностороннее отношение некоторого уже данного конкретного живого целого [19], которое является «единством многообразного». Действительное буржуазное общество как «живое целое» и образует тот предмет, различные стороны которого, условия, «формы бытия» и выражают экономические категории теоретической системы, включая элементарные, самые абстрактные. Особенно важна во «Введении» та мысль, что абстрактное не следует понимать просто как продукт «мыслящей головы», как субъективный прием исследователя, который по своему произволу отвлекается от каких-либо отношений конкретного предмета, сосредоточивая внимание на других отношениях этого же предмета, а потом привлекает к рассмотрению иные, более сложные отношения. Равным образом абстрактное не есть результат срав-

нительного анализа различных общественных форм производства (например, капитализма и добуржуазных форм товарного производства и обмена), с помощью которого выделяются какие-нибудь общие, универсальные категории (например, товар или деньги).

Абстрагирование должно осуществляться таким образом, чтобы простейшие категории не вырывались из связей «данного конкретного живого целого». Только при таком методе абстрактное сохраняется как одностороннее отношение данного конкретного предмета, а само конкретное остается «живым целым» и продолжает «витать» в представлении исследователя как предпосылка, как «реальный субъект», способный совершать многообразные экономические процессы. Лишь в этом случае можно диалектически отобразить предмет в теории. Если же путем абстракции элементарное отношение и соответствующая ему простейшая экономическая категория будут обособлены от связей с живым конкретным целым, то они утратят свою специфически историческую определенность. Тогда окажется невозможным объективно оправданный, *внутренне необходимый* переход от абстрактного к конкретному, поскольку обособленное указанным образом простейшее отношение станет односторонней абстракцией и потому утратит характер теоретического отражения реальных экономических процессов. В таком случае восхождение от абстрактного к конкретному не будет отражать внутреннюю объективную диалектику данного исторически определенного предмета. Место внутренне необходимых связей тогда займут связи внешние, проистекающие из отношений к другому предмету, например к исторически предшествующим формам производства, или из отношения данного предмета к исследователю, который чисто субъективно устанавливает связи между различными категориями силой своего мышления.

Уже содержание начала «Главы о деньгах» свидетельствует о том, что при рассмотрении денег, равно как и стоимости и цены товара, «реальным субъектом» выступает современное Марксу буржуазное общество. Сам вопрос о деньгах встал в связи с критикой прудонистской идеи о возможности преобразования буржуазного общества путем реформ в сфере обращения [20]. Для Маркса важно было обосновать, что в условиях буржуазного общества деньги являются объективной необходимостью. Поэтому было бы, по меньшей мере, странно, если бы идеи прудонистов опровергались путем доказательства необходимости денег в... добуржуазную эпоху. Требовалось как раз доказать, что деньги являются необходимостью именно при капитализме. Эта задача и решается в тексте рукописи.

Хотя в ходе последующего изложения Маркс касается и некоторых моментов истории товара и денег, он вполне определенно отмечает, что в развитой форме деньги — продукт не «предыстории», а собственной истории капитала. Что же касается самого «возникновения» денег, то теоретически они выводятся из внут-

реннего противоречия товара как особенного продукта и его всеобщности как меновой стоимости. «Двоякое» существование товара должно развиться «в *различие,* различие — в *противоположность* и в *противоречие*» [21]. Деньги, таким образом, представлялись в качестве формы разрешения внутреннего противоречия товара [22]. В последующих тетрадях «Grundrisse» отчетливее выступает, что деньги есть продукт процесса простого товарного обращения как поверхностной сферы буржуазного общества. Именно в буржуазном обществе, «взятом в его совокупности, это полагание товаров в качестве цен, их обращение и т. д. выступают как поверхностный процесс, между тем как в глубине, под ним, протекают совершенно иные процессы...» [23]. Такими «иными процессами» являются, как выясняется в ходе дальнейшего изложения, процессы производства капитала, которые включают в себя и производство продуктов как товаров.

При анализе денег, простого обращения процесс производства лишь предполагался. Но товарное обращение, как общественный процесс, охватывающий находящуюся в движении «совокупность покупок и продаж», не может воспроизводить само себя. Оно, по выражению Маркса, не несет принципа своего самовозобновления. «...Обращение, которое на поверхности буржуазного общества выступает как нечто непосредственно данное, существует лишь постольку, поскольку оно всегда опосредствовано» [24]. Этим опосредствованием является процесс производства капитала, результатом которого выступает товар как необходимая предпосылка процесса обращения. «Непосредственное бытие», самостоятельность обращения, оказывается уже чистой видимостью. Вместе с тем «само производство здесь уже не наличествует до своих результатов, т. е. оно не предположено заранее, а выступает как такое производство, которое в то же время само порождает свои результаты...» [25].

В «Grundrisse» речь идет о товаре и деньгах как элементах простого товарного обращения, которое является абстрактной сферой буржуазного общества. Поэтому и переход от денег как простого обращения к анализу превращения денег в капитал совершается в строгих границах буржуазного общества. С еще большей определенностью обнаруживается здесь, что деньги рассматриваются как продукт простого товарного *обращения,* но отнюдь не как продукт «простого товарного *производства*».

Анализ первоначального текста «Первого выпуска» не оставляет никаких сомнений в том, что это есть переход от денег как «самостоятельно обособившейся» в процессе простого обращения меновой стоимости (от «денег как денег») к их превращению в капитал [26]. В свою очередь, «простое обращение» является «абстрактной сферой» буржуазного, а не какого-нибудь другого общества. Оно составляет непосредственную предпосылку процесса производства капитала, имеет характер «непосредственного бытия», ему эмпирически соответствует постоянное наличие множества готовых товаров, которые должны быть реализованы как стоимости.

В буржуазной классической школе с ее односторонне аналитическим методом связь между предшествующим и последующим изложением не отражала внутренне необходимых объективных отношений. Рикардо, например, вообще не интересовало, каким образом можно перейти от стоимости к капиталу. Напротив, в теоретической системе Маркса переход от одних категорий к другим составляет внутренний момент диалектического рассмотрения предмета. Здесь последующее с необходимостью вытекает из предыдущего, служит формой разрешения внутренних противоречий, свойственных соответствующим отношениям и процессам. Это возможно благодаря тому, что в результате исследования уже установлены внутренние взаимозависимости предмета, выступающего в качестве реального субъекта экономических процессов. Внутренне необходимый характер перехода, соответствующий объективной диалектике данного живого, конкретного целого, составляет узловой пункт диалектического процесса развития, «генетического» выведения категорий как становящихся и развивающихся.

Отражение перехода от одного момента к другим как *внутренне необходимого*, т. е. соответствующего объективным связям данного предмета как конкретного целого, имеет решающее значение для диалектического доказательства развиваемых теоретических положений и выводов. При внутренне необходимом переходе предыдущее действительно служит основанием последующего, а последнее, в свою очередь, доказывает истинность предыдущего. Если же последующее, более конкретное, не удается вывести из предыдущего, абстрактного, то это есть верный признак отсутствия внутренне необходимой связи между тем и другим, что, в свою очередь, свидетельствует о несоответствии абстрактного объективной природе конкретного.

В теоретических системах предшественников Маркса простейшее, абстрактное рассматривалось как отношение современного им буржуазного общества. Но сами абстрактные категории определялись так, что их можно было отнести к любой исторической эпохе. Поэтому с точки зрения объективной диалектики абстрактное, в сущности, переставало быть односторонним отношением только буржуазного общества. Принципиально иначе подходит к определению элементарных категорий Маркс. Он исходит из того, что простейшие отношения, «будучи взяты самостоятельно, представляют собой чистые абстракции, а в реальной действительности, напротив, опосредствуются глубочайшими противоположностями и отображают только ту сторону действительности, в которой выражение этих противоположностей затушевано» [27].

Домарксова политическая экономия была также не в состоянии охарактеризовать абстрактное как процесс. Она, по выражению Маркса, хваталась только за конечные результаты (например, факт существования в буржуазном обществе денег), не отражая «опосредствующие их процессы». Вследствие этого исклю-

чался переход от абстрактного к конкретному соответственно внутренней объективной диалектике предмета. Только в теоретической системе Маркса впервые все экономические формы (товар, деньги, прибавочная стоимость, заработная плата, рабочая сила как товар и т. д.) были раскрыты как результаты *«опосредствующих их процессов»* и соответственно объективным связям между процессами производства и обращения капитала определены как *внутренне необходимые* переходы от одной ступени восхождения от абстрактного к конкретному к другой. Внутренняя диалектика простейшего отношения буржуазной экономики заключается в том, что процесс простого обращения переходит через посредство превращения денег в капитал (при условии наличия в сфере обращения товара рабочая сила) — в процесс производства капитала, который, в свою очередь, превращается в процесс обращения капитала (в его единстве с процессом производства), дорастая в конечном итоге до реального движения капитала.

Эта объективная диалектика нашла в сочинениях Маркса свое общее отражение в трехступенчатом изложении теоретической системы, которое зафиксировано в «Капитале», но складываться начало, как было показано в предшествующих главах, уже в «Grundrisse»: процесс производства капитала — процесс обращения капитала — процесс капиталистического производства в целом, в его конкретном единстве.

Диалектический характер изложения теории у Маркса заключается, таким образом, в том, что оно отражает исторически сложившийся капиталистический способ производства в его непрестанном движении, охватывающем многообразные экономические процессы буржуазного общества.

Политическая экономия была превращена в своих основных чертах в диалектическую науку, а вместе с тем в историческую науку. Это нашло свое отражение в точной характеристике подлежащих исследованию экономических категорий, в совершенствовании последовательности их изложения и связей между ними соответственно тому объективному месту, которое они занимают во внутренней структуре экономики исторически сложившегося буржуазного общества.

4. ОТРАЖЕНИЕ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Поскольку капитал сам себя воспроизводит, создает для себя все условия своего существования, теоретическое его отражение в форме диалектической системы экономических категорий не требует рассмотрения исторического генезиса соответствующих экономических отношений и всего капиталистического способа производства в целом. Для того чтобы диалектически отразить исторически уже сформировавшийся капиталистический способ производства, вполне достаточно, как об этом свидетельствует

содержание «Grundrisse», познать внутреннюю объективную диалектику капитала как конкретного единства многообразных процессов производства и обращения. В рукописи отчетливо выражено также то, что исторический генезис капиталистических форм не может быть познан без предварительного определения закономерностей зрелого капитализма. Если, например, под капиталом понимать просто средства производства, «накопленный труд», то его исторические истоки придется отнести к первобытному обществу. В теории же Маркса предпосылкой постижения истории возникновения капиталистических отношений служит определение капитала как самовозрастающей в результате эксплуатации наемного труда стоимости.

Во «Введении» Маркс говорит: «Намеки... на более высокое у низших видов животных могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно. Буржуазная экономика дает нам, таким образом, ключ к античной и т. д. Однако вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех формах общества видят формы буржуазные» [28].

Хотя некоторые из отношений зрелого капиталистического способа производства присущи и другим формациям, все они в условиях буржуазного общества приобрели новую, специфически историческую определенность. «...Если верно,— писал Маркс во «Введении»,— что категории буржуазной экономики заключают в себе какую-то истину для всех других форм общества, то это надо понимать лишь cum grano salis. Они могут содержать в себе эти последние в развитом, в захиревшем, в карикатурном и т. д., во всяком случае в существенно измененном виде» [29]. И только в этом смысле, т. е. с учетом сделанной оговорки, восхождение от абстрактного к конкретному «соответствует действительному историческому процессу».

Это относится и к простейшим отношениям и элементарным формам буржуазной экономики. Товар и деньги как элементы буржуазной экономики по сравнению с исторически предшествующими им формами имеют «существенно измененный», а именно развитой вид. Поэтому с точки зрения объективной исторической действительности их неправомерно отождествлять с неразвитыми товарно-денежными формами, существовавшими до капитализма. Существенные различия между названными простейшими экономическими формами вытекают из того, что в добуржуазную эпоху товар и деньги имели «независимое» от господствующего способа производства существование, тогда как в условиях зрелого буржуазного общества они выражают «подчиненное» отношение «более развитого целого», т. е. капиталистического способа производства. Имея в виду факт существования денег в добуржуазных формациях, Маркс вполне определенно отмечал: «Эта совершенно простая категория исторически выступает в своей полной силе только в наиболее развитых состояниях общества» [30].

Сформулированные во «Введении» черты метода исторического исследования получили конкретизацию и развитие в самом анализе капиталистического способа производства. В рукописи 1857—1858 гг. проведено отчетливое различие между *внутренними,* постоянно воспроизводимыми самим капиталом предпосылками, и *внешними,* или исторически первоначальными, его предпосылками, которые представляют собой результат разложения предшествующих форм производства. Такого рода предпосылки, как писал Маркс, «принадлежат к *истории образования капитала,* но отнюдь не к его *современной* истории, т. е. они не относятся к действительной системе подчиненного ему способа производства» [31]. Поэтому исторически сложившийся капитализм познаваем без обращения к исследованию предшествующей истории. Напротив, «...из простого рассмотрения специфических особенностей капитала,— отмечал Маркс в рукописи,— должны выявиться его исторические предпосылки» [32]. Таков принцип, определяющий, каким образом теория, отражающая действительность экономически зрелого буржуазного общества («логическое», или «теоретическое») соотносится с исследованием истории возникновения капитала.

Исторический процесс возникновения и формирования капиталистического способа производства имеет собственную диалектику. Буржуазная система «как совокупное целое имеет свои предпосылки, и ее развитие в направлении целостности состоит именно в том, чтобы подчинить себе все элементы общества или создать из него еще недостающие ей органы. Таким путем система в ходе исторического развития превращается в целостность. Становление системы такой целостностью образует момент ее, системы, процесса, ее развития» [33]. Те или иные стороны и моменты этого исторического процесса в рукописи подвергались анализу в различных частях текста. Но наиболее подробное и обобщенное отражение история возникновения капитала получила благодаря исследованию его непосредственных исторических предпосылок («первоначального образования капитала») и «форм, предшествующих капиталистическому производству». Познанием указанных процессов доказывалось, что система буржуазной экономики сложилась в результате длительного исторического развития, разложения и гибели предшествующих форм общества [34]. Необходимой теоретической предпосылкой исследования экономической истории служило раскрытое Марксом понятие капитала, поскольку от этого зависел поиск исторически исходного пункта капитала, выяснение самого содержания процесса его первоначального образования и т. д.

Анализ первоначального накопления капитала не может, однако, объяснить, почему постоянно воспроизводится рынок труда. Ответ на этот существеннейший вопрос и на вопрос о правомерности такой предпосылки рассмотрения процесса превращения денег в капитал, как товар рабочая сила, дается анализом воспроизводства и накопления капитала. *«Производство капиталистов и наемных рабочих является... основным результатом процесса*

увеличения стоимости капитала» [35]. Поэтому объективно допустим и теоретически оправдан анализ отношений между трудом и капиталом, включая куплю — продажу рабочей силы, до исследования первоначального накопления капитала.

Капитал и собственно капиталистическое накопление предполагают прибавочную стоимость, а производство прибавочной стоимости, в свою очередь, предполагает капитал и его накопление. С точки же зрения исторического генезиса указанный круг разрывается благодаря ответу на вопрос «откуда и каким путем появились в истории *первые* капиталисты?» — в качестве результата разложения предшествующего общества. Известно, что Маркс дал конкретный ответ на этот вопрос исследованием первоначального накопления капитала.

В историческом процессе превращения капиталистического способа производства в целостную систему Маркс различал, во-первых, *предысторию* капитала, которая охватывала процесс его возникновения в ходе разложения добуржуазной экономики, во-вторых, современную историю капитала, которую можно определить как процесс движения капитала на собственной основе.

Предыстория капитала отражена в «Grundrisse», например в таком относительно самостоятельном очерке, как рассмотрение первоначального «образования капитала» [36]. Отдельные моменты предыстории получали также отражение в форме попутных кратких замечаний или в форме более подробных, но не систематизированных высказываний об истории тех или иных форм (денег и т. д.).

Поскольку такого рода исторические отступления перемежаются с изложением теоретической системы зрелого капитализма, при недостаточно внимательном чтении может сложиться впечатление, будто речь идет об отражении исторического (в смысле предыстории) процесса. Но, как правило, всюду прослеживается — в явной или неявной форме,— что исторические процессы рассматриваются *после* анализа экономических процессов и отношений, характерных для капитала, развивающегося на своей собственной основе.

Что же касается истории возникновения специфически капиталистического способа производства, то исторически капитализм пришел на смену экономике, основанной на земельной собственности и натуральном хозяйстве. Исторически, как отмечал Маркс, капитал исходил не из земельной собственности и ремесленных цехов, а из купеческого и ростовщического богатства [37], из формирующихся на стадии его «предыстории» денег и денежного богатства. Капитал исторически первоначально овладел сферой обращения, затем — сферой промышленного производства, а еще позднее — земледелием.

Что же касается современной истории, то она отражается по мере раскрытия самодвижения буржуазного способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена. Позднее, в первой книге «Капитала», в связи с рассмотрением превра-

щения денег в капитал, Маркс назвал действительную историю капитала историей, которая «ежедневно разыгрывается на наших глазах» [38]. До поры до времени эта история воспроизводится капиталом. Но поскольку совершается капиталистическое накопление и расширенное воспроизводство, происходит изменение условий существования и функционирования капитала, развитие всех внутренне свойственных ему экономических форм.

Если научным проникновением в прошлое, включая предысторию капитала, Маркс собственно исторически доказывал специфически общественный характер капитала и вывод о том, что капитал не является «естественной», извечной категорией, поскольку буржуазной эпохе предшествовали иные способы производства, то применение диалектического метода в процессе экономического исследования современного Марксу буржуазного общества приводило «к пунктам, где намечается уничтожение современной формы производственных отношений и... вырисовываются первые шаги преобразующего движения по направлению к будущему», к созданию исторических предпосылок для «нового общественного строя» [39]. Проанализировав в рукописи 1857—1858 гг. некоторые из этих предпосылок, Маркс создал основу для объяснения исторически преходящего характера буржуазного способа производства. Поскольку анализом накопления капитала и расширенного воспроизводства выявляются объективные исторические тенденции буржуазного общества, раскрывается присущий только ему экономический закон движения и показывается развитие специфических для капиталистического способа производства категорий.

Таким образом, в «Grundrisse» в целом получил развитие и более точное определение изложенный во «Введении» принципиальный вопрос о соотношении между теоретической системой буржуазной экономики и собственно историческим рассмотрением предмета исследования (его прошлого и его тенденций, ведущих к будущему).

* * *

Итак, в «Grundrisse» получили развитие и предметную конкретизацию принципы марксистской диалектики. Благодаря этому впервые в истории этой науки были раскрыты принципиально новые определения ее предмета и задач.

В результате применения диалектического метода произошло превращение политической экономии в науку, изучающую исторически определенное общественное производство как живой организм, находящийся в непрестанном становлении и развитии.

Маркс показал — пока, правда, лишь в общих чертах — как, функционируя на своей собственной основе, капитал воспроизводит и развивает производительные силы и производственные отношения. При этом выяснилось, что именно в силу внутренней объективной диалектики капитализм идет к «самоотрицанию», к превращению в свою противоположность. Эта линия определяет структуру экономической теории Маркса, последовательность ее категорий в общем уже в рукописи 1857—1858 гг.

Глава XI

ВЫРАБОТКА СТРУКТУРЫ БУДУЩЕГО «КАПИТАЛА»

Структура «Капитала» по степени важности может быть поставлена в один ряд с великими открытиями Маркса в области экономической теории. В ней закреплен успех первой в истории экономической науки попытки «применения *диалектического метода* к политической экономии» [1].

Создавая свою экономическую теорию, Маркс одновременно разрабатывал и ее структуру; этот процесс шел особенно интенсивно в период работы над первоначальным вариантом «Капитала».

Выработка структуры экономического труда в «Grundrisse» представляет собой в методологическом плане диалектическое сочетание движения от чувственно конкретного к мысленно абстрактному и от этого абстрактного к конкретному в понятии.

Задача предварительного движения от конкретного к абстрактному в «Grundrisse» заключалась в критическом преодолении воззрений буржуазных теоретиков на капитал, обнаружении исходных «клеточек» будущего изложения. Кроме того, на данном этапе Марксу необходимо было нащупать общую последовательность изложения, которая, разумеется, не была окончательной, а нуждалась в дальнейшей детализации и конкретизации.

В главе III мы видели, что началом рукописи 1857—1858 гг. послужил критический разбор книги Даримона «О реформе банков». Прервав его, Маркс, однако, обратился к критике взглядов представителей вульгарной буржуазной политической экономии, создав фрагмент «Бастиа и Кэри». Затем, в августе 1857 г., последовало «Введение», где идеи методологического характера, высказанные в «Бастиа и Кэри», были углублены и развиты. В частности, Маркс сформулировал первый набросок плана изложения, в котором критический момент опущен и на первый план выходит исследование экономического строя буржуазного общества.

«Расчленение предмета,— писал Маркс,— очевидно, должно быть таково: 1) Всеобщие абстрактные определения, которые поэтому более или менее присущи всем формам общества... 2) Категории, которые составляют внутреннюю структуру буржуазного общества и на которых покоятся основные классы. Капитал, на-

емный труд, земельная собственность. Их отношение друг к другу. Город и деревня. Три больших общественных класса. Обмен между ними. Обращение. Кредит (частный). 3) Концентрированное выражение буржуазного общества в форме государства... «Непроизводительные» классы. Налоги. Государственный долг. Публичный кредит. Население. Колонии. Эмиграция. 4) Международные отношения производства. Международное разделение труда. Международный обмен. Вывоз и ввоз. Вексельный курс. 5) Мировой рынок и кризисы» [2].

Предварительное определение структуры экономической теории было дано Марксом, прежде всего, на основе разработанного совместно с Энгельсом материалистического понимания истории, еще в 40-е гг. примененного ими к анализу буржуазного общества. Маркс тогда установил, что так называемое «гражданское общество», т. е. совокупность «материальных жизненных отношений», является тем фактором, который определяет государство, и что «анатомию гражданского общества следует искать в политической экономии» [3]. Нетрудно увидеть, что все эти положения нашли самое непосредственное выражение в приведенном выше наброске.

Рассматриваемый набросок плана представляет собой, далее, результат предшествующих экономических исследований Маркса, начиная с «Экономическо-философских рукописей 1844 года». Исходя из реального деления буржуазного общества на три основных класса, Маркс сгруппировал собранный им теоретический материал по трем рубрикам — заработная плата, прибыль на капитал, земельная рента,— как раз выражающим классовую структуру буржуазного общества. Из категорий, характеризующих эту структуру, Маркс выделил капитал — центральную категорию капиталистической экономики как «*командную власть* над трудом и его продуктами» [4]. Теперь, во «Введении», он констатирует: «Капитал — это господствующая над всем экономическая сила буржуазного общества. Он должен составлять как исходный, так и конечный пункт...» [5] В рукописи 1857—1858 гг. Маркс неоднократно в той или иной форме возвращается к этому тезису: «Необходимо точно развить понятие капитала,— подчеркивает он,— так как оно является основным понятием современной политической экономии, подобно тому как сам капитал,— абстрактным отображением которого служит его понятие,— является основой буржуазного общества» [6].

В данном наброске плана экономической теории весьма важен вопрос о «всеобщих абстрактных определениях», открывающих этот план. Из текста «Введения» видно, что Маркс имел в виду такие выделенные буржуазной политической экономией категории, как «труд, разделение труда, потребность, меновая стоимость», «продукт вообще», «труд вообще». Этот последний характеризовался Марксом как «исходный пункт современной политической экономии» [7].

1. ПОИСК НАЧАЛА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ: ОТ «ПРОИЗВОДСТВА ВООБЩЕ» К ТОВАРУ

Поиск исходной категории изложения в рукописях 1857—1859 гг. проходил в несколько этапов, причем Маркс двигался от общих представлений об исходном понятии теории, сложившихся у него, прежде всего, под влиянием материалистического понимания истории (примат производства общественной жизни), ко все более четкому его определению.

Первый этап был связан с намерением Маркса начать изложение с раздела о «производстве вообще», причем большую роль в нем должно было играть понятие «труд вообще». Обоснование этого решения представлено во «Введении» к рукописи. Такое начало отвечало в определенной мере традиции изложения экономической системы [8]. На этом этапе Маркс не порывал с ней, хотя и внес в ее понимание существенный момент. Во-первых, он отмежевался от такого рассмотрения производства, которое было бы изолировано от исследования других сфер экономической жизни общества. А во-вторых, он обратил внимание на специфически исторический характер категорий «производство вообще», «труд вообще». «Труд кажется совершенно простой категорией,— отмечал Маркс.— Представление о нем в этой всеобщности — как о труде вообще — является тоже весьма древним. Тем не менее «труд», экономически рассматриваемый в этой простой форме, есть столь же современная категория, как и те отношения, которые порождают эту простую абстракцию... Вместе с абстрактной всеобщностью деятельности, создающей богатство, признается также и всеобщность предмета, определяемого как богатство; это — продукт вообще или опять-таки труд вообще, но уже как прошлый, овеществленный труд». Иными словами, понятие труда вообще есть, по существу, понятие абстрактно-всеобщего труда. Оно *предполагает* «всеобщность предмета, определяемого как богатство», т. е., строго говоря, такая простейшая абстракция, как «труд вообще», может быть верно понята лишь в контексте исследования экономического строя современного буржуазного общества. Маркс формулирует следующий вывод: «Этот пример с трудом убедительно показывает, что даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в само́й определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для этих условий и в их пределах» [9].

Таким образом, для Маркса было совершенно очевидно, что, говоря о производстве вообще и труде вообще, он всюду — в отличие от буржуазных экономистов — ведет речь о понятиях, абстракциях, порожденных изучением капиталистического способа производства. Не вполне пока ясно было другое: во-первых, как показать это отличие в понимании простейших абстракций, не предвосхи-

щая всего дальнейшего изложения; во-вторых, как осуществить диалектический, а не чисто формальный, в духе буржуазной науки, переход от этих простейших абстракций к дальнейшим, более развитым категориям, характеризующим капитал как «исходный... и конечный пункт» теоретической системы.

Выше отмечалось, что, приступив к анализу сочинения Даримона, Маркс, очевидно, через некоторое время прервал его. Теперь Маркс возвращается к нему, причем значительно меняется сам характер полемики с одним из идеологов прудонизма: критика фактических неточностей и теоретических ошибок перерастает в теоретико-методологический очерк, в ходе которого Марксу важно установить определенную связь и соподчиненность категорий: продукт — товар — меновая стоимость — деньги — деньги как капитал. Этот очерк позволил Марксу дать ответ на вопрос о посредствующих звеньях при переходе от производства вообще к капиталу. Ключевая роль в этом переходе, как ему окончательно становится ясно, принадлежит категории денег. Поэтому именно теперь начатый сперва независимо от изложения собственных экономических воззрений Маркса разбор книги Даримона становится «Главой о деньгах» рукописи 1857—1858 гг.

В «Главе о деньгах», в том тексте, который создавался уже заведомо после «Введения» [10], Маркс составил второй набросок плана своего труда, по существу, воспроизводящий первый. Ряд моментов, однако, в нем заслуживают особого внимания, так как высказаны впервые.

Во-первых, предметом первого раздела, или первой главы, следующей за «Введением», выступают меновые стоимости, деньги, цены, которые рассматриваются лишь в качестве «определений общественного производства, но само это производство является лишь предпосылкой» [11].

Во-вторых, Маркс в данном наброске обосновывает необходимость перехода от абстрактных определений товара к анализу внутренней структуры производства. Он отмечает, что в реальной действительности такое положение, когда производство является чем-то внешним по отношению к товарообмену, существует лишь при докапиталистических способах производства, когда обменивается только излишек продукта, обмен не охватывает и не определяет производства в целом, последнее «лежит вне мира меновых стоимостей». В «развитом» же, т. е. капиталистическом, обществе «наличный мир товаров» с необходимостью «выходит за свои пределы, указывая на такие экономические отношения, которые положены как *производственные отношения*» [12]. Исследование этих последних и есть исследование внутренней структуры производства.

Переход от «Введения», где был начат (но не завершен) анализ категории «производство вообще», к «Главе о деньгах» для Маркса был вполне очевиден: через понятие разделения труда. Разделение труда в общественном масштабе порождает обмен,

обмен же, развиваясь, приводит к превращению товара во всеобщую форму продукта труда, а денег — во всеобщую форму общественной связи [13]. Но поскольку деньги есть не что иное, как самостоятельная форма существования стоимости, то Маркс и приходит к выводу: «...в системе буржуазного общества за стоимостью непосредственно следует капитал» [14], т. е. определяет характер перехода от «производства вообще» к понятию капитала.

Этот вывод сделан уже в начале «Главы о капитале», а несколько далее содержится еще одно весьма примечательное высказывание, развивающее ту же мысль: «Для того чтобы развить понятие капитала,— пишет Маркс,— нужно исходить не из труда, а из стоимости, и притом из меновой стоимости, уже развитой в движении обращения» [15].

Данное высказывание Маркса не свидетельствует о его отказе от раздела о «производстве вообще», как и о том, что к началу работы над «Главой о капитале» в качестве исходного пункта формирующейся теоретической системы он уже рассматривал стоимость. Во-первых, «меновая стоимость, уже развитая в движении обращения»,— это определение *денег,* во-вторых, гораздо дальше в тексте той же «Главы о капитале» содержатся весьма недвусмысленные высказывания, из которых следует, что «производство вообще» по-прежнему рассматривается Марксом как неотъемлемый элемент, как *начало* его экономического произведения [16]. Единственное уточнение заключается пока в том, что речь идет уже не об общем введении, а о главе о производстве.

Только к концу работы над «Grundrisse» Маркс вполне определенно пришел к выводу о том, что «первая категория, в которой выступает буржуазное богатство, это — *товар*», причем рассмотрением товара он намеревался открыть теперь уже действительно 1-ю главу — «Стоимость» [17].

Причинами такого существенного пересмотра складывавшегося поначалу представления об исходном пункте теоретической системы были, по мнению авторов, следующие обстоятельства. Во-первых, фундаментальное открытие Маркса, заключавшееся в том, что процесс производства капитала есть нечто двойственное, а именно процесс труда и процесс увеличения стоимости, проведенный в «Главе о капитале» предварительный анализ двух этих сторон процесса капиталистического производства (о чем речь уже шла в V главе) сделали, очевидно, излишними рассуждения о производстве вообще, которые лишь предваряли бы более детальное рассмотрение простых моментов процесса труда в «Главе о капитале». Во-вторых, именно при таком подходе, когда процесс труда (а это, на наш взгляд, и есть «труд вообще») с самого начала выступает как момент общественного производства, покоящегося на капитале, стало возможным решение проблемы, о которой говорилось выше: как показать, что абстракции «производство вообще», «труд вообще» представляют собой мысленные слепки специфически капиталистических производственных

отношений. В-третьих, наконец, именно осознание того, что капиталистический процесс производства есть, с одной стороны, процесс создания потребительной стоимости, а с другой — стоимости (и прибавочной стоимости), побудило Маркса ретроспективно усилить акцент на изображении двойственности самого продукта этого процесса. Так — уже в процессе подготовки первого выпуска «К критике политической экономии» — он приходит к выводу о том, что и называться эта первая глава должна «Товар» [18].

Поиски исходной категории в системе, как мы стремились показать, велись Марксом параллельно и в тесной связи с определением и уточнением общей структуры его экономической теории, формированием плана «шести книг», который теперь будет рассмотрен подробнее.

2. ОБЩИЙ ПЛАН ИССЛЕДОВАНИЯ МАРКСА

Выделив капитал в качестве определяющего отношения буржуазного общества, Маркс последовательно уточнял в рукописи 1857—1858 гг. план его рассмотрения. Ядром этого плана стало понятие «капитал вообще».

В начале «Главы о капитале» содержатся третий и четвертый наброски плана изложения теории (напомним, что первый набросок сформулирован во «Введении», второй — в «Главе о деньгах»), в которых главное место уделено структуре самого понятия «капитал» [19]. Оба наброска поясняют и дополняют друг друга. В третьем наброске весь материал разделен на шесть больших рубрик; в четвертом наброске анализ капитала сведен уже к трем рубрикам: «Всеобщность», «Особенность», «Единичность».

Раздел «Всеобщность» представляет собой прообраз категории «капитал вообще», которая появилась и стала широко применяться именно в рукописи 1857—1858 гг. [20] В этом разделе впервые сложилось то трехчленное деление материала, которое впоследствии легло в основу структуры теоретической части «Капитала». Первый пункт указанной трехчленной схемы (в четвертом наброске — «Всеобщность», в третьем наброске — «Общее понятие капитала») состоит из трех параграфов: «a) Становление капитала из денег. b) Капитал и труд (опосредствование *чужим* трудом). c) Элементы капитала, сгруппированные сообразно их отношению к труду (продукт, сырье, орудие труда)». Во втором пункте — «Обособление капитала» — намечен только первый параграф «Оборотный капитал, основной капитал. Оборот капитала». Наконец, третий пункт «Единичность капитала» раскрыт следующим образом: «Капитал и прибыль. Капитал и процент. Капитал как *стоимость*, отличающийся от самого себя как процента и прибыли».

Следует заметить, что в третьем наброске тему «Капитал и прибыль» Маркс выносил за пределы первого, наиболее общего, раздела, помещая ее во второй раздел вместе с темами «Накопле-

ние капиталов» и «Обращение капиталов». Эта последняя рубрика в третьем наброске делилась на параграфы: «α) Обмен капитала на капитал. Обмен капитала на доход. Капитал и *цены*. β) *Конкуренция капиталов*. γ) *Концентрация капиталов*». В четвертом наброске она исчезла, а темы, связанные с конкуренцией и концентрацией капиталов, стали самостоятельными параграфами второго раздела.

Завершая тему «Капитал», Маркс собирался рассмотреть проблемы кредита, акционерного капитала, денежного рынка и некоторые другие. Далее намечались темы «Земельная собственность», «Наемный труд», «Движение цен как обращение, определяемое теперь в своей внутренней целостности», «Государство», «Внешняя торговля», «Мировой рынок» и др.

22 февраля 1858 г. в письме к Ф. Лассалю Маркс изложил план своего экономического труда, представляющий собой, как нетрудно видеть, резюме и дальнейшее развитие рассмотренных выше набросков структуры экономической теории. «Все в целом,— писал Маркс,— подразделяется на шесть книг: 1) О капитале (содержит несколько вводных глав). 2) О земельной собственности. 3) О наемном труде. 4) О государстве. 5) Международная торговля. 6) Мировой рынок» [21]. (Под «вводными главами» в этот период подразумевались, напомним, «производство вообще» и «меновая стоимость вообще», при этом товар фигурировал в качестве исходного пункта раздела о меновой стоимости [22].)

«Критика и история политической экономии и социализма,— продолжал Маркс в том же письме,— должны составить предмет другой работы. Наконец, краткий *исторический очерк* развития экономических категорий или отношений — третья работа» [23]. Таким образом, и в этот период — так же как и в 40-е гг. [24] — Маркс предполагал разделить свой труд на теоретическую и историческую части, причем последняя, в свою очередь, должна была подразделяться на два раздела: историю политической экономии и социализма, а также историю развития экономических категорий и отношений.

В другом письме к Лассалю (от 11 марта 1858 г.) Маркс приводит план первого выпуска своего труда, в котором была окончательно сформирована трехчленная структура теоретической части будущего «Капитала»: «Первый выпуск при всех условиях должен был бы представлять собой относительно цельную работу... в нем содержится основа для всего изложения в целом... Он содержит: 1) стоимость, 2) деньги, 3) капитал вообще (процесс производства капитала, процесс обращения капитала, единство того и другого, или капитал и прибыль (процент))... Я вовсе и не намерен,— замечает далее Маркс,— одинаково подробно разрабатывать все шесть книг, на которые я делю всю работу; напротив, в трех последних книгах я хочу дать лишь основные штрихи, между тем как в трех первых, где собственно и содержится развитие основных экономических положений, не всегда можно будет

избежать подробных объяснений»[25]. Итак, Маркс постепенно суживал свою задачу, намереваясь на данном этапе разработать намеченные им шесть книг с разной степенью детализации.

В письме к Энгельсу от 2 апреля 1858 г. Маркс перечисляет уже известные нам шесть книг, а содержание первой книги — «О капитале» — разбивает следующим образом: «*Капитал* распадается на четыре отдела: a) Капитал вообще. (Это — *содержание первого выпуска.*) b) *Конкуренция* или действие многих капиталов друг на друга. c) *Кредит...* d) *Акционерный капитал,* как самая совершенная форма (подводящая к коммунизму), вместе со всеми его противоречиями»[26]. Далее Маркс дает логическое и историческое обоснование перехода от капитала (книга первая) к земельной собственности (книга вторая) и наемному труду (книга третья). (В более развернутом виде это обоснование содержится в рукописи 1857—1858 гг.[27]) Затем он дает подробную характеристику глав, посвященных стоимости и деньгам. (В письме к Энгельсу от 29 ноября 1858 г. Маркс уже называет 1-ю главу своей работы «Товар», тогда как в мае — июне 1858 г. она еще фигурирует как «Стоимость»[28].) Главы «Товар» и «Деньги» составили содержание первого выпуска «К критике политической экономии», вышедшего в свет в июне 1859 г. В этой работе исторические (т. е. историко-критические) экскурсы давались в заключение соответствующих глав и параграфов[29].

В Предисловии к этой работе «план шести книг» был представлен не только как выражение структуры экономической теории Маркса (более конкретно — структуры общей теории капитализма), но и как отражение объективной структуры буржуазного общества[30]. Его поэтому нельзя рассматривать просто как один из планов научной работы Маркса, который впоследствии был заменен планом «Капитала»[31]. Это не означает, конечно, что структура будущего «Капитала» не получила своего дальнейшего развития в 60-е и 70-е гг. Так, центральная категория «плана шести книг» — «капитал вообще» претерпела определенную эволюцию еще в ходе работы Маркса над рукописью 1857—1858 гг.

3. «КАПИТАЛ ВООБЩЕ»: СОДЕРЖАНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ

Что же такое «капитал вообще» в первоначальном варианте «Капитала»? Прежде всего, Маркс выделил «капитал вообще» из всей совокупности экономических отношений, чтобы отграничить его от более конкретных отношений, возникающих в результате конкуренции капиталов, в сфере кредита, акционерного капитала, не говоря уже о других отношениях, охватываемых 2—6-й частями плана «шести книг». В то же время понятие «капитал вообще» с самого начала включало изучение отношений, возникающих в процессе его производства, обращения и образования прибыли.

Это были предельно абстрактные рамки данного понятия, которые мало что говорили о его конкретном содержании. Однако их выделение стало условием движения от абстрактного к теоретически конкретному понятию капитала.

В начале этого восхождения «капитал вообще» выступает как всего лишь новая, более сложная определенность стоимости. «Капитал,— пишет Маркс,— поскольку мы рассматриваем его здесь как такое отношение, которое надлежит отличать от стоимости и денег, есть *капитал вообще,* т. е. совокупность тех определений, которые отличают стоимость как капитал от нее же как простой стоимости или денег» [32]. (В этой связи Маркс говорит также о всеобщем понятии капитала.)

Маркс подчеркивает, что «капитал вообще — это такое определение, которое присуще каждому капиталу как таковому, или которое делает капиталом всякую определенную сумму стоимостей» [33]. Познание сущности капитала, капиталистических производственных отношений — сложный, многоступенчатый процесс.

Прежде всего, необходимо было нащупать переход от «меновой стоимости, уже развитой в движении обращения», к капиталу. Этот переход и в самой рукописи 1857—1858 гг., и в написанном на ее основе первоначальном тексте «К критике политической экономии» Маркс строит, исходя из первого определения капитала как денег, *«меновой стоимости, сохраняющейся и увековечивающейся в обращении и посредством обращения»* [34]. Различие между этими двумя текстами сводится лишь к тому, что в рукописи 1857—1858 гг. данный переход рассматривается в «Главе о капитале», тогда как в более позднем варианте — уже в конце «Главы о деньгах» [35].

Капитал как такая самосохраняющаяся *меновая стоимость* находит противостоящую ему *потребительную* стоимость — труд, между ними совершается процесс обмена, рассуждает Маркс, а несколькими страницами дальше уточняет терминологию, говоря уже об обмене между капиталом и «способностью к труду» [36].

Важным с точки зрения формирования структуры понятия «капитал вообще» был сделанный Марксом вывод о том, что «этот обмен распадается на два не только формально, но и качественно различных и даже противоположных друг другу процесса» [37]. В рамках так называемого обмена между капиталом и наемным трудом происходит, во-первых, собственно обмен, во-вторых, процесс производства.

Тем самым в общей форме была предопределена последовательность рассмотрения отдельных сторон капитала вообще. От обмена «способности к труду» на деньги капиталиста и тех отношений, которые при этом складываются, необходимо было в качестве следующего шага перейти к процессу производства капитала.

Различение двух сторон товара (хотя и не исследованное систематически, но вполне, как было показано в главе IV, осознанное Марксом и зафиксированное в «Главе о деньгах») позволило,

однако, Марксу пойти еще дальше и вычленить в рамках самого процесса производства капитала два момента — процесс труда и процесс самовозрастания стоимости. Сам процесс производства «выступает теперь в качестве самодвижущегося *содержания* капитала» [38], а значит, его исследование и определяет структуру понятия капитала.

Теперь, после того как определено содержание процесса обмена между наемным трудом и капиталом и охарактеризованы две стороны процесса капиталистического производства, Маркс ретроспективно уточняет важнейшие моменты, которые «следует рассмотреть в процессе формирования понятия капитала» [39]. Что же это за моменты?

Во-первых, это уже рассмотренное им «*простое понятие* капитала: деньги, непосредственно в их дальнейшем определении — определении капитала». Во-вторых, это капитал как предпосылка производства и его результат. (По всей видимости, этой абстрактной формулой Маркс хотел выразить то, что по мере исследования непосредственного процесса капиталистического производства как процесса труда и процесса увеличения стоимости, роли в нем постоянного и переменного капитала раскрывается действительное содержание обмена между капиталом и рабочей силой, а вместе с тем обогащается «простое понятие капитала».) В-третьих, необходимо раскрыть капитал как определенное единство обращения и производства, т. е. показать, что условие постоянного возобновления сделки между капиталом и трудом, между капиталистом и рабочим «само выступает как результат процесса производства» [40]. Иными словами, Маркс имеет в виду процесс накопления капитала. Наконец, в-четвертых, считает Маркс, речь должна идти о первоначальном накоплении капитала, т. е. об исследовании, вслед за условиями и причинами *существования,* также и условий и причин *возникновения* капитала [41] (подробнее об этом говорилось в заключительном разделе предыдущей главы настоящей монографии).

«Простое понятие капитала» было раскрыто в связи с рассмотрением перехода от денег к капиталу. Что же касается капитала как предпосылки производства и его результата, то его понимание было бы неполным без выяснения конкретных методов и форм производства прибавочной стоимости, роли и соотношения постоянного и переменного капитала в непосредственном процессе капиталистического производства. Они и составляют новый крупный «блок» структурных элементов понятия капитала.

Далее, однако, Маркс не придерживался сформулированной здесь, и впоследствии выдержанной в «Капитале», последовательности рассмотрения, а, в общем выяснив для себя основные аспекты внутренней структуры капиталистического процесса производства, перешел непосредственно к процессу обращения капитала, и лишь затем, прерывая анализ последнего, вернулся к накоплению и первоначальному накоплению капитала. Однако в первом на-

броске «Указателя к семи тетрадям», составленном по окончании работы над рукописью, конкретизируя формулировки, Маркс в целом воспроизводит те же основные моменты структуры раздела о процессе производства капитала: a) Обмен капитала с рабочей силой; b) Абсолютная прибавочная стоимость; c) Относительная прибавочная стоимость; d) Первоначальное накопление [42]. Накопление капитала больше не фигурирует как таковое среди важнейших элементов исследования процесса производства капитала, но некоторые аспекты этой темы, судя по тем отсылкам на текст рукописи, которые сделаны здесь Марксом, должны теперь, по его мнению, быть выяснены *после* первоначального накопления капитала в новом пункте «e) Переворот в законе присвоения» [43].

Так, в общих чертах, складывалась структура первого, наиболее важного раздела «Главы о капитале» — раздела о процессе производства капитала. В его тексте Маркс писал: «Обращение... нас еще не касается, так как мы имеем здесь дело с капиталом вообще...» [44] Почему же тем не менее он далее уделяет столь большое внимание процессу обращения капитала и что это означает с точки зрения содержания и судьбы понятия «капитал вообще»?

Рукопись 1857—1858 гг. примечательна прежде всего тем, что переход от исследования процесса производства капитала к анализу его обращения по видимости противоречит тому пониманию «капитала вообще», которое отражает следующая формулировка в начале раздела об обращении капитала: «...с той точки зрения, на которой мы сейчас находимся в нашем исследовании, капиталу не противостоит ничего, кроме наемного труда и его самого...» [45] Почему противоречит? Да потому, что, как пишет Маркс, выходя из процесса производства «в своем качестве продукта, товара, капитал выступает как зависимый от обращения, лежащего вне процесса производства». Более того, Маркс высказывается еще определеннее: «На той ступени исследования, которой мы пока достигли, капитал еще не выступает в качестве обусловливающего само обращение (самый обмен), а выступает лишь как момент обращения, и капитал здесь перестает быть капиталом как раз в ту минуту, когда он вступает в обращение» [46]. Иными словами, концепция «капитала вообще» требует на данном этапе трактовать капитал как целостность, которая сама полагает все свои предпосылки, в том числе и обращение, однако Маркс «нарушает» при переходе от процесса производства к процессу обращения капитала этот принцип, рассматривая обращение как нечто самостоятельное.

Коль скоро это так и обращение выступает как внешняя капиталу сила, в исследование привходят те реальные ограничения, которые обращение накладывает на процесс самовозрастания капитала. В качестве таких ограничений в рукописи 1857—1858 гг. фигурируют потребности, т. е. соотношение спроса и предложения, перепроизводство и кризисы как наиболее зримая форма проявления самостоятельности (но и взаимозависимости) обращения

и производства. Однако их рассмотрение во всей полноте здесь еще невозможно: «...пока еще речь идет не о том, чтобы рассмотреть перепроизводство в его определенности, а только о том, чтобы проанализировать зародыши перепроизводства в том виде, в каком они первоначально содержатся в самóм капиталистическом отношении» [47].

Таким образом, переход от анализа процесса производства к обращению капиталов как выход капитала «вовне», помимо всего прочего, порождает вопросы, которые могут быть разрешены лишь на гораздо более конкретном уровне исследования.

И Маркс отказывается от такого перехода. Как отмечалось в главе VI, после нескольких обширных отступлений, содержащихся в тексте отдела об обращении капитала [48], он приходит к выводу: «То, что мы теперь должны рассмотреть,— это сам *кругооборот* или *оборот капитала*... обращение, выступающее как обращение капитала...» Таким образом, «самостоятельность обращения низведена теперь до простой видимости...» [49], оно выступает всецело как положенное самим капиталом, процессом производства капитала.

На первый план выходят на этот раз именно те вопросы, которые, как мы видели, были сформулированы как ключевые для исследования обращения капитала еще в набросках плана рассмотрения «капитала вообще», содержащихся в самом начале «Главы о капитале» рукописи 1857—1858 гг.: «оборотный капитал, основной капитал, оборот капитала» [50]. По существу, выяснению содержания этих понятий и критике в данной связи воззрений буржуазной политэкономии на основной и оборотный капитал посвящена вся эта завершающая часть отдела об обращении капитала в «Grundrisse».

Итак, в рукописи 1857—1858 гг. можно выделить два этапа в разработке структуры отдела об обращении капитала. Сначала Маркс попытался наметить весь тот круг реальных отношений, которые неизбежно вовлекаются в орбиту исследования, коль скоро процесс обращения капитала входит в него во всей своей полноте. Затем, убедившись, видимо, в невозможности всеобъемлющего рассмотрения обращения капитала на данном этапе, а заодно установив те важнейшие вопросы, на которые необходимо будет ответить на более поздних стадиях, Маркс возвращается к исследованию его в рамках «капитала вообще». (Примечательно, однако, что и впоследствии, в 1865 г., создавая первоначальный вариант будущего II тома «Капитала», Маркс — теперь уже в связи с анализом метаморфозов капитала — вновь затрагивает проблему перепроизводства и кризисов, исследует кредит как форму разрешения противоречия между производством и потреблением [51].)

Другая важная особенность «Grundrisse» в плане разработки проблематики обращения капитала фактически также уже указана выше. Речь идет о том, что в рукописи 1857—1858 гг.

раздел об обращении «капитала вообще» посвящен, по существу, лишь одной, хотя и центральной, проблеме — обороту капитала. Между тем впоследствии всюду, начиная с первоначального варианта II тома «Капитала», Маркс последовательно разрабатывает трехчленную структуру процесса обращения капитала: метаморфозы капитала и их кругооборот, оборот капитала, воспроизводство и обращение всего общественного капитала.

Нельзя сказать, что в рукописи 1857—1858 гг. ничего не говорится о смене форм и обмене веществ, происходящих в процессе кругооборота капитала[52]. Мы видели также, что именно в этой рукописи Маркс впервые дал набросок схемы воспроизводства и обращения совокупного общественного капитала[53] (хотя и полагал, что рассмотрение данного вопроса сюда еще не относится). Но все же единственной из основных проблем II тома, раскрытой в максимальной полноте, является в первоначальном варианте «Капитала» проблема оборота капитала. Почему это так?

На наш взгляд, здесь и проявилась узость понятия «капитал вообще» в том виде, как Маркс сформулировал его поначалу в рукописи 1857—1858 гг. Понимая «капитал вообще» как некое общее понятие, в котором погашены индивидуальные особенности капиталов, Маркс не мог в рамках данной категории рассматривать ни кругооборот капитала, ни воспроизводство совокупного общественного капитала, ибо с ними в исследование необходимо привносятся «многие капиталы». Впрочем, строго говоря, и оборот капитала не укладывается в рамки той концепции «капитала вообще», которая начала складываться в разделе о процессе производства капитала. Это, по-видимому, осознавал и сам Маркс, о чем свидетельствует следующее его высказывание: «Так как основой капитала является стоимость и, следовательно, капитал не может существовать иначе, как посредством обмена на *эквивалент своей стоимости,* то он неизбежно отталкивает себя от самого себя. Поэтому *универсальный капитал,* без противостоящих ему чужих капиталов, с которыми он совершает обмен,— а с той точки зрения, на которой мы сейчас находимся в нашем исследовании, капиталу не противостоит ничего, кроме наемного труда и его самого,— есть нелепость. Уже в капитале как реализованной меновой стоимости заложено отталкивание капиталов друг от друга»[54].

Между тем «капитал вообще» трактуется Марксом (как можно понять из отдельных высказываний в тексте) все же преимущественно как некий универсальный капитал, как нечто общее, что в равной мере присуще и совокупному общественному капиталу, и всем его индивидуальным компонентам — промышленным капиталам.

Резюмируя изложенное выше, можно сказать, что в исследовании процесса обращения капитала понятие «капитал вообще» сыграло двоякую роль. С одной стороны, оно позволило в рукописи 1857—1858 гг. выработать общий подход к изложению обращения

капитала, определить его место в формирующейся теоретической системе. С другой стороны, выявилась и известная ограниченность первоначальной концепции «капитала вообще» с точки зрения теоретических задач исследования внутренней структуры буржуазного способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена.

То же можно сказать и о трактовке в рукописи 1857—1858 гг. проблемы превращения прибавочной стоимости в прибыль. Несмотря на фрагментарность и краткость изложения в заключительном отделе «Капитал как приносящий плоды», оно в целом «вписывается» в рамки рассмотренного выше плана исследования «капитала вообще», который был составлен Марксом в ходе создания рукописи [55]. И хотя неразработанность проблем заключительного отдела (в частности, отсутствие анализа капитала и процента) затрудняет раскрытие логики Марксовой мысли в данной части рукописи, тем не менее беглый, эскизный характер рассмотрения имеет и свою положительную сторону. В наброске более выпукло и наглядно прослеживается недостаток исходной формулировки понятия «капитала вообще».

Переходя от анализа процесса обращения капитала к исследованию капитала как приносящего плоды, Маркс определяет последний как действительное «единство производства и обращения» [56]. Главное, что отличает капитал на данном этапе его рассмотрения от всех предшествующих определений,— это то, что его продуктом выступает не прибавочная стоимость как таковая, а ее производная, более развитая форма — прибыль: «Продукт капитала есть *прибыль*» [57].

Подчеркивая коренное отличие своего решения проблемы капитал — прибыль от интерпретаций данной проблемы буржуазными экономистами, Маркс неоднократно указывает на то, что у него прибыль сохраняет связь с предшествующими стадиями движения капитала. Эта связь выражается, прежде всего, в том, что прибыль как более развитая форма прибавочной стоимости постоянно соотносится с прибавочной стоимостью через норму прибыли. *«В своей непосредственной форме прибыль есть не что иное, как сумма прибавочной стоимости, выраженная в виде отношения к совокупной стоимости капитала»* [58]. Определенная таким образом, норма прибыли, с одной стороны, удерживает в себе связь с предшествующим, является всего лишь формально другим способом исчисления прибавочной стоимости (т. е. сохраняется, хотя и в снятом виде, связь с действительным источником стоимости — трудом рабочего), с другой стороны, весь капитал выступает теперь как источник стоимости, прибыль исчисляется на весь капитал и в силу этого становится новой мерой его увеличения.

В связи с определением нормы прибыли как новой меры самовозрастания капитала Маркс останавливается на соотношении нормы прибавочной стоимости и нормы прибыли. Это позволяет показать, каким образом закон возрастания прибавочной стоимо-

сти, выведенный как закон непосредственного процесса производства капитала, обнаруживает себя на заключительной стадии движения «капитала вообще» в качестве закона падения нормы прибыли. Характерно: Маркс говорит в «Grundrisse», что этот закон «иначе выражается в соотношении многих капиталов, т. е. в конкуренции...» [59], тогда как впоследствии именно рассмотрение соотношения многих капиталов становится основой для его выведения. В отличие от III тома «Капитала», где данная проблема решается Марксом на базе средней прибыли и цены производства, т. е. как раз в рамках взаимодействия множества индивидуальных капиталов, в «Grundrisse» закон тенденции нормы прибыли сформулирован в абстрактной форме. Маркс специально подчеркивает необходимость рассмотрения феномена падения нормы прибыли как характеристики «капитала вообще». Прибыль в таком случае выступает как абстрактно-всеобщая мера возрастания капитала, которая лишь на последующих стадиях движения капитала должна получить свое действительное существование в качестве средней, или, как Маркс говорит, эмпирической, прибыли и общей нормы прибыли.

Вместе с тем здесь особенно отчетливо обнаруживается, что стремление вывести падение нормы прибыли из *общего понятия* капитала приводит к тому, что собственно *движение* капитала в этой сфере его жизнедеятельности как таковое не исследуется. Подобный анализ привел бы к выведению новых экономических форм капитала. Но дать эти новые определения формы капитала означало бы выйти за рамки «капитала вообще», перейти к рассмотрению «многих капиталов».

Это ясно следует из замечания Маркса о соотношении капитала и процента. Здесь «капитал по своему понятию распадается... на два самостоятельно существующих капитала» [60]. Но это был бы отход от концепции «капитала вообще» как универсального капитала, а поэтому, подойдя к проблеме процента, Маркс так ее и не рассматривает в данной рукописи. Капитал так и остается лишь субстанцией, соотносящей себя со своим порождением: прибыль как продукт капитала, соответственно как мера его самовозрастания; прибыль в качестве дохода на капитал; прибыль как избыток цены над издержками производства капитала. Абстрактно-всеобщему характеру понятия капитала соответствуют и абстрактные характеристики результата жизнедеятельности капитала — прибыли.

Почему абстрактные? Да потому, что прибыль хотя и отличается от прибавочной стоимости качественно (в определении), но это отличие еще не может быть рассмотрено как количественное в рамках «капитала вообще». В частности, продажа продукта капитала выше издержек его производства, но без реализации всей созданной капиталом прибавочной стоимости является всего лишь абстрактной возможностью, которая к тому же противоречит исходному принципу рассмотрения прибыли «капитала вообще» [61].

С другой стороны, Маркс, по-видимому, ощущает необходимость раздвинуть границы «капитала вообще». Это проявляется в обращении к индивидуальным капиталам в качестве примеров, иллюстрирующих теоретические положения. Очевидно, он начинает осознавать узость «капитала вообще» в качестве некоего родового понятия, не дающего возможности рассмотреть экономические формы движения капитала как многообразного единства. Исследование процесса обращения капитала и единства производства и обращения показало, что вне взаимодействия отдельных капиталов не может существовать всеобщее понятие капитала. И Маркс, как представляется, начинает постепенно отходить от трактовки «капитала вообще» как всеобщего, существующего *наряду* с отдельными капиталами. Этот отход выражается в том, что «капитал вообще» берется теперь как абстракция совокупного общественного капитала [62].

Итак, по мере приближения к завершению рукописи 1857—1858 гг. Маркс начинает осознавать узость понятия «капитал вообще» *в том виде, как оно сложилось в начале работы,* но отнюдь не приходит к полному отказу от данной категории. Напротив, как свидетельствует текст рукописи 1861—1863 гг., «капитал вообще» остается важнейшим понятием. При этом, однако, существенно меняется представление Маркса о его внутреннем содержании и соотношении с «реальным движением капиталов» и «планом шести книг» в целом. Не отказываясь, в частности, от специального учения о конкуренции, Маркс в то же время приходит к мысли о необходимости с целью обоснования превращения прибыли в среднюю прибыль уже в рамках внутренней структуры капитала рассмотреть — «в качестве *иллюстрации* (а не как нечто, относящееся к самому развитию)» [63] — отношение конкуренции. Иными словами, в пределах всеобщего понятия капитала должно быть все же проанализировано формальное понятие конкуренции (формальное в том смысле, что рыночные цены количественно *совпадают* с рыночными стоимостями, как это имеет место и впоследствии в III томе «Капитала»), тогда как реальный образ конкуренции попрежнему остается предметом специального исследования.

Итак, в итоге Маркс приходит к выводу, что процесс обращения надлежит рассмотреть уже в рамках понятия «капитал вообще»; познание более конкретных связей и отношений ставит под сомнение относительную категоричность выводов предшествующего этапа анализа. И это понятно: как писал Энгельс, «когда вещи и их взаимные отношения рассматриваются не как постоянные, а как находящиеся в процессе изменений, то и их мысленные отражения, понятия, тоже подвержены изменению и преобразованию; их не втискивают в окостенелые определения, а рассматривают в их историческом, соответственно логическом, процессе образования» [64].

Мы видели, далее, что исследование прибыли также углубило Марксово понимание «капитала вообще». Прежде всего, характе-

ризуя процесс образования прибыли, Маркс отмечал, что в данном контексте прибыль выступает как «прибыль *капитала* [*des* Kapitals]» [65]. Подчеркивая, что в своем исследовании он абстрагируется от взаимного влияния многих капиталов друг на друга, Маркс говорит о прибыли класса капиталистов в целом, о том, что происходящая при этом мистификация источника прибыли заложена в природе капитала.

Так или иначе прибыль анализировалась и ранее в ходе рассмотрения производства капитала и его обращения, теперь же, в самом разделе о прибыли, наибольшее внимание уделяется тем моментам, которые являются, так сказать, пунктами соприкосновения учения о «капитале вообще» с учением о конкуренции капиталов. Это закономерно: чем конкретнее предмет исследования, в данном случае — образование прибыли, тем отчетливее глубинные определения капитала «вступают в соприкосновение» с формами, лежащими на поверхности.

В разработке понятия «капитал вообще» проявилась диалектика сущности и явления. Их расчленение возможно лишь идеально, в процессе познания. Реально же они взаимозависимы. Иными словами, «сущность является. Явление существенно» [66]. Маркс подчеркивал, что только в условиях конкуренции проявляются законы, развитые для капитала вообще, и «отдельный капитал реально ставится в условия капитала вообще... Воздействие отдельных капиталов друг на друга приводит именно к тому, что они должны вести себя как *капитал;* кажущиеся независимыми действия отдельных капиталов и их беспорядочные столкновения друг с другом как раз представляют собой полагание их всеобщего закона» [67].

Однако необходимым условием познания конкуренции было изучение внутренней структуры «капитала вообще». Эта задача в первую очередь и стояла перед Марксом в период написания рукописи 1857—1858 гг. В ходе дальнейшей разработки экономической теории на этой основе, во-первых, стал необходим и возможен переход к исследованию ряда более конкретных отношений (прибыль, процент, рента и т. п.), во-вторых, обнаружилась необходимость некоторой корректировки понятия «капитал вообще». Познание сущности в единстве с явлением избавило от необходимости терминологического противопоставления «капитала вообще» более конкретным явлениям буржуазной экономики, однако никоим образом не обесценило исследований Маркса в рукописи 1857—1858 гг., которые легли в основу будущего «Капитала».

4. ВЛИЯНИЕ ЛОГИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ИЗЛОЖЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Выше речь шла, главным образом, о том, как складывались и какими были представления Маркса о внутреннем членении изучаемого им предмета — экономического строя современного ему

буржуазного общества. Однако, поскольку «Grundrisse» были лишь первым опытом изложения Марксом собственных экономических взглядов в систематической форме, превалировали же чисто исследовательские задачи, здесь не могло не проявиться формальное отличие способа исследования от способа изложения, о котором Маркс писал позднее в Послесловии ко второму немецкому изданию I тома «Капитала»: «Исследование должно детально освоиться с материалом, проанализировать различные формы его развития, проследить их внутреннюю связь. Лишь после того как эта работа закончена, может быть надлежащим образом изображено действительное движение» [68].

Некоторые моменты «взаимодействия» исследования и изложения отчетливо проявились в первоначальном варианте «Капитала».

Анализ рукописи 1857—1858 гг. показывает, что наиболее разработанной ее частью — как с точки зрения содержания экономической теории, так и с точки зрения структуры будущего «Капитала» — является раздел о производстве капитала. Даже рассмотрение процесса обращения в «Grundrisse» было в значительной мере подчинено анализу производства капитала; это формально подтверждается также тем, что текст раздела об обращении не был отделен от раздела о производстве, не выделен особым заголовком, а выясняя те или иные аспекты обращения капитала, Маркс часто возвращался к анализу производства.

Рассматривая обращение, Маркс, в частности, получил обширный материал, который существенно обогатил раздел о производстве капитала. (Речь идет о таких проблемах, как постоянный и переменный капитал, рабочее время, прибавочный и необходимый труд, производительные силы, границы капиталистического способа производства.) Уже после создания самой рукописи Маркс составил четкий план дальнейшего исследования процесса капиталистического производства, в котором имелись многочисленные отсылки на страницы рукописи, формально относящиеся к исследованию в ней обращения; таким образом, анализ обращения капитала позволил Марксу более широко взглянуть на процесс производства капитала, конкретизировать его рассмотрение.

Для понимания специфики становления структуры раздела об обращении капитала в «Grundrisse» важно иметь в виду, что его разработка дала много ценного и в плане попутной характеристики форм и условий протекания обращения на поверхности общества — таких, как кредит, конкуренция, образование прибыли. И если с точки зрения ставшей структуры раздела об обращении эти экскурсы представляют собой отступление от основной линии анализа, то с точки зрения становления структуры учения об обращении они являлись одним из моментов восхождения от конкретного к абстрактному. Суть этого восхождения заключалась в определении соответствующего уровня абстрактности их будущего изложения, формулировке его узловых моментов, иными словами,

тех понятий, на основе которых будет в дальнейшем строиться структура данного учения.

Учитывая все это, можно понять и причины того, почему Маркс, например, прервал рассмотрение обращения капитала — на этот раз для обзора буржуазных учений. Это отступление от основной темы было в то же время одним из способов в ходе критического разбора буржуазных взглядов на капитал подойти к детальному анализу важнейшей проблемы — к анализу основного и оборотного капитала. «...Прежде чем продолжать анализ времени обращения капитала и его отношения к рабочему времени, уместно сначала рассмотреть все учение Рикардо по этому вопросу, для того чтобы провести более резкую грань между нашей собственной и его концепцией» [69].

Размежевание с буржуазной политической экономией способствовало выработке собственного взгляда на проблему. Кроме того, рассмотрение буржуазных воззрений на прибыль, которое Маркс предпринял в той же связи, позволило ему уточнить и место данной проблемы, а следовательно — место раздела об обращении как посредствующего звена между процессом производства прибавочной стоимости и процессом образования прибыли.

Возвращаясь снова к положительному анализу обращения, Маркс набросал формулу кругооборота капитала [70]. Впервые в план изложения он включил проблемы воспроизводства, которые хотя и рассматривались им раньше, не выделялись в особый раздел учения об обращении капитала; между тем их рассмотрение создавало необходимые условия целостного освещения процессов производства и обращения, перехода к анализу прибыли.

В рукописи 1857—1858 гг. проблемы образования прибыли освещались не только в разделе «Капитал и прибыль», но и на предыдущих стадиях. Не случайно Маркс отмечал в самом этом разделе: «Значительная часть того, что относится сюда, была уже рассмотрена выше. Но то, что было антиципировано, надо поставить сюда» [71].

В плане исследования «капитала вообще» за анализом оборота капитала должен был последовать анализ прибыли в разделе «Единичность капитала» [72]. Этот раздел, являющийся заключительным в структуре «капитала вообще», служил также переходом к рассмотрению многих капиталов. Такое «пограничное» положение понятия прибыли привело к тому, что в его развитии в рамках учения о «капитале вообще» Маркс в то же время неизбежно обращался и к выяснению некоторых моментов реального движения капиталов [73], иными словами, сущность капитала все в большей степени излагалась в связи с явлением — конкуренцией.

Следует подчеркнуть, что в основе структуры учения Маркса о «капитале вообще» лежало положение о единстве всех сфер экономических отношений, сформулированное во «Введении» к рукописи 1857—1858 гг. В исследовании прибыли этот момент единства проявился, в частности, постольку, поскольку «прибыль

выступает как *форма распределения* подобно заработной плате. Но так как капитал может расти лишь путем обратного превращения прибыли в капитал — в добавочный капитал,— то прибыль является также и *формой производства для капитала...*» [74]. Реализация прибыли происходит в процессе обращения капитала, обмена одного капитала на другой, но образование прибыли не может быть объяснено лишь через рассмотрение конкуренции. Оно носит объективный характер и коренится в основных законах капиталистического производства. Поскольку же основным понятием, в рамках которого на данном этапе происходил анализ этих законов, было понятие «капитал вообще», то и образование прибыли прослеживалось в рамках данного понятия. В этом смысле Маркс говорит о *«прибыли капитала вообще»*.

С другой стороны, более конкретное понимание прибыли возможно лишь в связи с учением о конкуренции. Без этого невозможно до конца раскрыть проблему связи прибыли и цены. Маркс писал: «Мы увидим впоследствии, как... цена выступает в качестве того, что определяет прибыль. И если здесь совокупные *действительные* издержки производства выступают как определяющие цену, то впоследствии цена будет выступать как определяющая издержки производства. Чтобы навязать капиталу его имманентные законы как внешнюю необходимость, конкуренция по видимости переворачивает их все. *Извращает их*» [75].

Но прибыль не только конкретная форма прибавочной стоимости, не только результат взаимодействия многих капиталов, она еще и форма распределения, *доход*. Рассматривая прибыль, подобно заработной плате и земельной ренте, в качестве одной из форм распределения, Маркс намечал их совместное исследование, будь то в рамках учения о прибыли или учения о земельной ренте: «Что же касается различия между заработной платой, составляющей часть капитала и одновременно — доход рабочего, то об этом мы будем говорить в разделе о прибыли и проценте, которым заканчивается эта первая глава о капитале» [76]. С другой стороны, в рассматриваемый период Маркс придерживался мнения, что связь земельной ренты и прибыли следует разобрать лишь при рассмотрении самой земельной ренты [77], т. е. в книге о земельной собственности (как известно, впоследствии эту связь Маркс проанализировал в общих чертах уже в III томе «Капитала»).

Таким образом, в рукописи 1857—1858 гг. Маркс трактовал прибыль и как момент исследования «капитала вообще», и как предмет ряда специальных учений (образование средней прибыли). Так, тенденцию нормы прибыли к понижению и факторы, препятствующие ее осуществлению, Маркс выводил из движения «капитала вообще». Однако он указывал и на определенное влияние конкуренции: «...конкуренция может перманентно понижать норму прибыли во всех отраслях промышленности,— т. е. среднюю норму прибыли... Конкуренция приводит в исполнение внутренние законы капитала, делает их принудительными законами для

отдельного капитала, но не изобретает этих законов. Она реализует их» [78].

Изучение факторов, задерживающих падение нормы прибыли, способствовало конкретизации самого этого понятия, но опять-таки выходило за рамки первоначального представления о «капитале вообще». Как отмечалось в предыдущем разделе, в том же направлении действовало и исследование средней прибыли. Показать, как на базе средней (общей) нормы прибыли формируется механизм действия закона средней прибыли и цены производства, можно было, лишь привлекая в качестве «иллюстрации» конкуренцию. Все это привело к трансформации понятия капитала, уточнению — и усложнению — структуры Марксова труда.

* * *

Таким образом, рукопись 1857—1858 гг. имела важное значение для выработки плана будущего «Капитала». В то же время ее структура отличается, и заметно, от построения последующих черновых вариантов и самого́ главного труда Маркса. Это вполне объяснимо, поскольку речь идет лишь о первой попытке систематического исследования диалектики капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и обмена.

Глава XII

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ: НЕКОТОРЫЕ ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В «GRUNDRISSE»

Экономические рукописи 1857—1859 гг., будучи важной вехой в истории пролетарской политической экономии, стали в то же время отправным пунктом дальнейшего развития и углубления материалистического понимания истории. Вклад, внесенный Марксом в первоначальном варианте «Капитала» в развитие исторического материализма, за последние десятилетия неоднократно становился предметом исследований советских и зарубежных историков, социологов, философов-марксистов [1].

Так, достаточно подробно проанализирован и прокомментирован текст «Введения» — главным образом, под углом зрения раскрытой в нем внутренней диалектики производства, распределения, обмена и потребления, их роли в общественной жизни; благодаря этому существенно уточнены представления о том, как в ходе общественного развития реализуется принцип примата производства. Существует немало работ, посвященных такому разделу рукописи 1857—1858 гг., как «Формы, предшествующие капиталистическому производству», в котором значительно конкретизирована марксистская концепция периодизации всемирной истории, сложившаяся в 40-х гг., а вместе с тем внесен значительный вклад в понимание взаимоотношений между обществом, коллективом и личностью на различных ступенях общественного прогресса. Предметное рассмотрение получила и такая важная тема, весьма подробно и на новом, по сравнению с предшествующим периодом, уровне исследованная Марксом в «Grundrisse», как причины возникновения и пути преодоления отчуждения человеческой личности. С учетом актуальности данного вопроса в современную эпоху большое внимание уделено обществоведами осмыслению идеи Маркса о превращении науки в непосредственную производительную силу.

Изучение и творческое развитие этих и некоторых других важнейших положений, сформулированных и обоснованных в рукописях 1857—1859 гг., обогатили марксистско-ленинскую науку об обществе. Но до полного осмысления значения первоначального варианта «Капитала» для теории исторического материализма еще далеко. Сознавая, однако, что выполнение такой задачи требует специального монографического исследования, авторы ниже оста-

новятся лишь на некоторых аспектах «Grundrisse», по их мнению, не получивших пока отражения в исследовательской литературе, либо рассматривавшихся лишь представителями философской науки. Между тем, являясь результатом, прежде всего, экономических занятий Маркса, изучения им анатомии буржуазного общества, его общесоциологические обобщения должны быть поняты именно как общие выводы *экономической теории,*— выводы, верное понимание которых может быть достигнуто лишь совместными усилиями как философов, так и экономистов-марксоведов.

К числу таких пограничных тем, находящихся на стыке политической экономии и исторического материализма (а также ряда других обществоведческих дисциплин), относятся, несомненно, характер взаимодействия производительных сил, способа производства и производственных отношений; диалектика производственных отношений и формы собственности; концепция отчуждения и фетишизма (как конкретно-исторических форм проявления влияния производственных отношений на формирование и развитие личности, а также формирования определенного типа общественного сознания под воздействием общественного бытия).

1. ИССЛЕДОВАНИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТЕЙ РАЗВИТИЯ БУРЖУАЗНОЙ ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ КАК ОТПРАВНОЙ ПУНКТ ДЛЯ КОНКРЕТИЗАЦИИ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

Как уже было выяснено в 1-м разделе VIII главы настоящей монографии, исследуя экономическую структуру буржуазного общества, Маркс тем самым создавал предпосылки и для разработки политической экономии в широком смысле слова, в частности для установления некоторых общих закономерностей, присущих развитию экономического базиса любой общественной формации. Поэтому в методологическом отношении бесспорен вывод о том, что без содержательного анализа «Grundrisse» невозможно адекватное понимание уровня разработанности концепции исторического материализма к концу 50-х гг., к моменту написания Предисловия к первому выпуску «К критике политической экономии». Очевидно, когда Маркс, на что уже обращалось внимание в предыдущей главе, «по более основательном размышлении решил, что всякое предвосхищение выводов, которые еще только должны быть доказаны» [2], было бы неоправдано, он руководствовался именно этими соображениями. Краткий очерк основных идей материалистического понимания истории, содержащийся в этом знаменитом Предисловии, Маркс характеризует как общий результат, к которому он пришел *в 40-е гг.* и который послужил затем руководящей нитью в его дальнейших исследованиях [3],— иными словами, как *отправной пункт,* а отнюдь не как итог его экономических исследований в 1857—1859 гг.

Отсюда следует, на наш взгляд, что он ни в коей мере не рассматривал сформулированные в Предисловии положения как окончательный итог своих размышлений над общими закономерностями исторического процесса; они нуждаются в сопоставлении с текстом «Grundrisse» (и, разумеется, рукописей и работ Маркса последующих лет). С другой стороны, излагая общие принципы исторического материализма, Маркс, конечно, внес известные коррективы, т. е. в какой-то степени уже обобщил идеи, выдвинутые в первоначальном варианте «Капитала». Все это нужно учитывать, оценивая тот вклад, который был внесен в развитие материалистического понимания истории в рукописях 1857—1859 гг.

1.1. Производительные силы — способ производства — производственные отношения

В экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс сделал весьма значительный шаг вперед в выяснении диалектики производительных сил, способа производства и производственных отношений по сравнению с такими этапными работами 40-х гг., как «Немецкая идеология» и «Нищета философии». Этот шаг заключался в том, что от установления общей иерархии этих категорий, их «линейной зависимости», от формулировки важнейшего положения об определяющей роли производительных сил в общественном развитии он перешел к выявлению «обратных связей» — того, как производственные отношения воздействуют на способ производства и через него в конечном счете на динамику производительных сил.

Еще в «Немецкой идеологии» Маркс и Энгельс впервые сформулировали тезис об определяющей роли производительных сил в общественном прогрессе. Развивая идеи, выдвинутые в этой работе, Маркс писал 28 декабря 1846 г. П. В. Анненкову: «Свободны ли люди в выборе той или иной общественной формы? Отнюдь нет. Возьмите определенную ступень развития производительных сил людей, и вы получите определенную форму обмена [commerce] и потребления... С приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, а вместе со способом производства они меняют все экономические отношения, которые были необходимыми отношениями лишь данного, определенного способа производства» [4]. В «Нищете философии», полемизируя с Прудоном, Маркс с незначительными изменениями воспроизвел эту формулировку [5].

В «Grundrisse», обратившись к политико-экономическому исследованию диалектики элементов базиса капиталистической общественной формации, Маркс приходит к более многоплановому видению их взаимодействия, взаимовлияния. Большое значение сыграло при этом рассмотрение кооперации, мануфактуры и крупной промышленности как способов подчинения и преобразования

капиталистическими производственными отношениями традиционного, т. е. добуржуазного (феодального) способа производства.

Если сравнить то место «Grundrisse», где Маркс в конспективной форме дает набросок решения данного вопроса, с § II «Разделение труда и машины» второй главы «Нищеты философии», то нельзя не видеть, насколько смещаются акценты в анализе. Если в 1847 г. переход от мануфактуры к фабрике исследовался, главным образом, под углом зрения развития производительных сил и углубления *разделения труда*[6], то в рукописи 1857—1858 гг. этот же процесс интересен для Маркса в другом отношении.

Рассматривая в «Главе о капитале» рукописи 1857—1858 гг. кооперацию и разделение труда как «основные условия производительности труда»[7], Маркс замечает, что первоначально кооперированный труд, кооперация труда складывается еще в добуржуазную эпоху, так что капитал «не создает накопления и концентрации рабочих, а лишь наследует их». Далее он высказывается еще более определенно: *«...здесь сам способ производства еще не определяется капиталом, а капитал находит его в готовом виде»*[8].

Что означает это высказывание Маркса для материалистического понимания истории? Только то, что *способ производства* на определенной ступени общественного развития *может определяться производственными отношениями* (в данном случае, капиталом).

Такой аспект соотношения способа производства и производственных отношений прослеживается и в дальнейшем изложении, где речь идет о том, что, овладев унаследованным от докапиталистических форм способом производства, капитал в дальнейшем преобразует этот базис. Собирая рабочих под своей командой в одном месте, в одну мануфактуру, «капитал уже не оставляет рабочих в условиях *того способа производства, который он застает,* устанавливая свое господство на этом базисе, но создает в качестве своего базиса соответствующий ему способ производства»[9].

Что же понимает Маркс в данном контексте под соответствующим капиталу способом производства? В рукописи дан однозначный ответ на этот вопрос: таким способом производства является «*объединение* рабочих в производстве, объединение, которое сначала сводится лишь к общему месту для работы, к работе под наблюдением надзирателей, к *единой регламентации,* к *более строгой дисциплине, непрерывности и положенной зависимости от капитала в самом производстве*»[10]. Возникновение капиталистического способа производства Маркс, таким образом, однозначно связывает с возникновением мануфактуры[11].

С позиции общепринятого в марксистско-ленинской литературе понимания способа производства как единства производительных сил и производственных отношений, как и с точки зрения трактовки данного понятия как технологической характеристики

общественного производства, такой вывод Маркса представляется несколько неожиданным: известно, что впоследствии в I томе «Капитала» он доказал, что адекватной капиталу ступенью развития материальных производительных сил является система машин, следовательно, о возникновении капиталистического способа производства на стадии мануфактуры говорить было бы преждевременно.

Весь смысл соответствующего раздела «Grundrisse» заключается, однако, в том, что способ производства рассматривается как условие и метод организации общественного труда, как явление, вещественное содержание которого задано уровнем развития производительных сил, но которое складывается в конечном счете под влиянием господствующей формы социальных отношений [12]. Как связующее и относительно самостоятельное звено между производительными силами и производственными отношениями, способ производства до известных пределов может изменяться на базе прежнего уровня развития производительных сил (как это имеет место при переходе к мануфактуре), притом производственные отношения, т. е. капитал, выступают как активная сила, утверждающая новый способ организации общественного труда, т. е. соединения рабочей силы со средствами производства. Этим создается определенный простор для ускоренного развития производительных сил, которое приводит (при переходе от мануфактуры к основанной на крупной машинной промышленности фабричной системе) к созданию нового способа производства в условиях господства той же капиталистической системы производственных отношений.

Такой подход к рассмотрению диалектики становления капиталистического способа производства и соответствующих ему отношений производства и общения позволяет конкретизировать общие принципы материалистического понимания хода исторического процесса, перейти к более глубокому объяснению его механизма, наметить пути к дальнейшему, более детальному анализу тех конкретных форм, в которых реализуется преемственность в общественном развитии.

Но необходимо подчеркнуть, что здесь эта концепция лишь формируется. Хотя Маркс, с одной стороны, уже выделил в данной рукописи абсолютную и относительную прибавочную стоимость (об этом подробнее говорилось в V главе настоящей работы), а с другой — в общем виде представил кооперацию, мануфактуру и крупную машинную промышленность [13] как усложняющиеся формы организации общественного производства, причем соотнес их с тем или иным вариантом производства прибавочной стоимости (об этом свидетельствуют, например, высказывания о том, что при мануфактуре «производительная сила труда, вызываемая к жизни лишь самим капиталом, еще не существует», что «в мануфактуре преобладает абсолютное, а не относительное прибавочное время» [14]), необходимо было пойти еще дальше. Ибо в рукопи-

си 1857—1858 гг. абсолютная и относительная прибавочная стоимость были охарактеризованы как две *формы,* но еще не как два исторически преемственных *этапа* развития капиталистического способа производства.

Для такого вывода нужно еще было показать, каковы различия между теми двумя основными ступенями развития производительных сил труда, которые соответствуют тому или иному способу производства прибавочной стоимости. В частности, требовалось дать научное определение различия между простым орудием и машиной. Это было сделано Марксом лишь в последующих черновых вариантах и I томе «Капитала» [15]. Добившись ясности в данном вопросе, Маркс сформулировал вывод о том, что на стадии крупной машинной индустрии вместе «с реальным подчинением труда капиталу происходит полная революция в самом способе производства, в производительности труда и в отношении — внутри производства — между капиталистом и рабочим, так же как и в социальном отношении обоих друг к другу» [16].

Следовательно, начатое в «Grundrisse» предметное рассмотрение того, каким образом *производственные отношения,* будучи детерминированными уровнем развития производительных сил, в свою очередь, через способ производства влияют на характер, темпы и направление прогресса производительных сил, было продолжено и развито в рукописи 1861—1863 гг. и «Капитале», и именно на основе более глубокого изучения специфики *производительных сил* буржуазной общественно-экономической формации.

Эти теоретические положения Маркса полны практического смысла. Они весьма созвучны выдвинутой и обоснованной XXVII съездом КПСС концепции ускорения социально-экономического развития страны. Последняя, по существу, нацеливает на то, чтобы за счет перестройки хозяйственного механизма (производственных отношений) добиться таких изменений в самом способе производства, которые дали бы мощный импульс для внедрения в производство достижений научно-технического прогресса и выхода в конечном счете на новый качественный уровень развития производительных сил. «Полная революция в самом способе производства» является здесь не только результатом, но и в определенном смысле предпосылкой развития производительных сил. Путь к ней — совершенствование системы социалистических производственных отношений.

Таким образом, идея Маркса о том, что в условиях окончательной победы нового типа производственных отношений эти последние оказывают — через способ производства — мощное стимулирующее воздействие на темпы и направленность развития производительных сил, оказывается весьма плодотворной. Ее дальнейшее осмысление, с привлечением материалов более поздних рукописей, в частности рукописи 1861—1863 гг. и «Главы шестой», в которых значительно развито и обогащено учение о формальном и реальном подчинении труда капиталу, по мнению авторов, могло

бы способствовать выяснению актуальных теоретических проблем, выдвигаемых нынешним этапом строительства и совершенствования социализма.

1.2. Экономические отношения и форма собственности

Сформулированная в названии параграфа проблема является пограничной для ряда общественных наук — политической экономии, юриспруденции, а в современных условиях ее выяснение необходимо и с точки зрения теории научного коммунизма. Уже в силу такого междисциплинарного ее характера она, по-видимому, заслуживает внимания и как проблема общей теории исторического процесса. Между тем в известной авторам литературе практически ничего не говорится о том важном шаге, который был сделан Марксом в ее решении в «Grundrisse», хотя именно экономические рукописи 1857—1859 гг. способствовали уточнению характера связи между производственными отношениями и формой собственности, а вместе с тем выработке более дифференцированного взгляда на структуру общественной формации.

В Предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии» Маркс дал вполне четкое определение: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только *юридическим выражением последних — с отношениями собственности,* внутри которых они до сих пор развивались» [17].

Между тем в «Нищете философии» акценты были расставлены иначе: «...определить буржуазную собственность,— писал он,— это значит не что иное, как дать описание всех общественных отношений буржуазного производства» [18]. Несколько ранее, в письме Анненкову от 28 декабря 1846 г., Маркс высказался еще более определенно: «...общественные отношения (производства.— *Авт.*) ...в совокупности образуют то, что в настоящее время называют *собственностью;* вне этих отношений буржуазная собственность есть не что иное как метафизическая и юридическая иллюзия» [19].

Таким образом, в 40-е гг. для Маркса важно было установить зависимость собственности от системы производственных отношений, ее «несамостоятельность». В Предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии» речь шла о другом — о том, что, будучи оболочкой производственных отношений, отношения собственности имеют в то же время собственное, юридическое, содержание.

Итак, между «Нищетой философии» и первым выпуском «К критике политической экономии» имело место изменение угла зрения Маркса на проблему собственности. Оно объяснимо именно в контексте «Grundrisse», где проблема собственности ставится по меньшей мере четырежды: сначала в связи с рассмотрением пре-

вращения денег в капитал в начале «Главы о капитале», затем в анализе процесса капиталистического накопления [20], далее, в разделе о «Формах, предшествующих капиталистическому производству», когда Маркс критиковал прудоновскую путаницу по вопросу о происхождении собственности и анализировал генезис капиталистических производственных отношений [21], и, наконец, в первоначальном тексте второй главы «К критике политической экономии», «Деньги» [22].

Рассуждая о причинах того, почему в буржуазном обществе индивиды противостоят друг другу как свободные и равные, Маркс уже в «Главе о капитале» замечает: «...если экономическая форма, обмен, полагает всестороннее равенство субъектов, то содержание, субстанция, как индивидуальная, так и вещественная, которая побуждает к обмену, полагает *свободу*. Таким образом, в обмене, покоящемся на меновых стоимостях, свобода и равенство не только уважаются, но обмен меновыми стоимостями представляет собой производительный, реальный базис всякого *равенства* и всякой *свободы*. Как чистые идеи, равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями; будучи развиты в юридических... отношениях, они представляют собой все тот же базис...» [23]

Здесь, во-первых, юридические отношения буржуазной собственности (свобода и равенство товаровладельцев) определены как внешнее проявление более глубокой «экономической формы» (обмена). Но Маркс этим не ограничился — он показал также, что свобода и равенство индивидов как покупателей и продавцов есть лишь оболочка, «между тем как в глубине... протекают совершенно иные процессы, в которых эти кажущиеся равенство и свобода индивидов исчезают» [24]. Таким образом, был намечен путь обоснования тезиса «Нищеты философии» о том, что вне понимания связи отношений собственности с глубинными экономическими процессами собственность — лишь «юридическая иллюзия».

Но путь к объяснению причин существования буржуазной собственности был тем самым лишь начат. В цитированном выше месте Маркс упоминает, наряду с «экономической формой, обменом», полагающим «всестороннее равенство субъектов», также «содержание, субстанцию», которая «побуждает к обмену». Что он имел здесь в виду? Это становится ясно из предшествующего изложения, где говорится следующее: «Потребительная стоимость, составляя содержание обмена, находящееся совершенно за пределами его экономического определения, далека... от того, чтобы причинять ущерб социальному равенству индивидов; напротив, природное различие между ними она делает основой их социального равенства... Только различие их потребностей и неодинаковость осуществляемого ими производства дают повод к обмену и к их социальному приравниванию друг к другу в обмене; это природное различие является поэтому предпосылкой их социального равенства в акте обмена...» [25]. Итак, природное различие между индиви-

дами, различие их потребностей является *естественной предпосылкой* их равенства. Но каковы *социальные причины* установления такого равенства в специфической форме, форме частной собственности? Ответ на этот вопрос мог быть получен лишь в результате исследования процесса производства капитала. Это же исследование должно было дать ответ и на другой важный вопрос: почему свобода и равенство в капиталистическом обществе носят лишь формальный характер, т. е. в силу каких именно причин законы собственности товарного производства (собственность на продукт своего труда) превращаются в законы капиталистического присвоения (собственность на продукт чужого труда)?

В наброске главы «Деньги» первоначального текста «К критике политической экономии» Маркс констатирует, что совершенно запуталась в этом последнем вопросе буржуазная политическая экономия, которая пришла к *«тому странному результату, что истина о законе присвоения буржуазного общества должна... быть перенесена в то время,* когда *еще не существовало самого буржуазного общества,* а основной закон собственности — в то время, когда еще не было собственности» [26]. Он намечает выход из этого затруднения: «...в дальнейшем ходе исследования... противоречия... так же как и этот *закон первоначального присвоения через труд, должны быть выведены из развития самой меновой стоимости*» [27], имея в виду развитие меновой стоимости в капитал, т. е. исследование процесса производства прибавочной стоимости. При таком более глубоком анализе отношений, на которых покоится буржуазная система свободы и равенства, обнаруживаются «имманентные ей противоречия, усложнения самой этой собственности, самой этой свободы и самого этого равенства, которые при случае переходят в свою противоположность» [28].

Читая эти строки, мы мысленно возвращаемся к тому анализу, который был проведен в «Главе о капитале» рукописи 1857—1858 гг., в разделе о процессе капиталистического накопления. Там впервые было показано, как «на стороне капиталиста право собственности диалектически превращается в право на чужой продукт или в право собственности на чужой труд, в право присвоения чужого труда без эквивалента, а на стороне рабочей силы — в обязанность относиться к собственному труду или к своему собственному продукту как к *чужой собственности*», причем «обмен эквивалентов, выступавший как та первоначальная операция, в которой юридически было выражено право собственности, обернулся... для одной из сторон», а именно для рабочих, «лишь видимостью обмена...» [29].

Впоследствии эти положения были развиты в стройную концепцию. Переход законов собственности товарного производства в законы капиталистического присвоения был детально исследован Марксом в последующих вариантах и окончательном тексте I тома «Капитала» [30]. Именно там, в связи с рассмотрением воспроизводства капиталистического отношения в расширенном масшта-

бе, Маркс обстоятельно показал, что капиталистическая частная собственность, являющаяся эмпирической предпосылкой политико-экономического исследования капитализма, представляет собой собственный и необходимый результат капиталистических производственных отношений [31]. Но шел Маркс к такому выводу, как мы стремились продемонстрировать, уже в «Grundrisse». Именно там тезис о том, что отношения собственности определяются производственными отношениями, был не только сформулирован, но и доказан в ходе политико-экономического исследования процесса производства и воспроизводства капиталистических отношений. Поэтому в 1865 г., основываясь на результатах собственных исследований, проведенных в трех черновых вариантах «Капитала», Маркс мог сказать о современной ему буржуазной собственности: «На вопрос: что она такое? — можно было ответить только критическим анализом *«политической экономии»*, охватывающей совокупность этих *отношений собственности* не в их *юридическом* выражении как *волевых отношений*, а в их реальной форме, то есть как *производственных отношений»* [32]. Это был вывод, имеющий не только теоретическое, но и огромное практическое значение. Дифференцированное рассмотрение совокупности производственных и других общественных отношений, выявление их действительной иерархии позволило Марксу продолжить критическое размежевание с волюнтаристскими концепциями мелкобуржуазного прудоновского социализма.

Известно, что первоначально Маркс с большим интересом и одобрением отнесся к книге Прудона «Что такое собственность?» (1840 г.). В 1845 г. он писал, что Прудон в ней «подвергает основу политической экономии, *частную собственность*, критическому исследованию, и притом — первому решительному, беспощадному и в то же время научному исследованию. В этом и заключается большой научный прогресс, совершенный им,— прогресс, который революционизирует политическую экономию и впервые делает возможной действительную науку политической экономии» [33]. То исключительное значение, которое Маркс в этот период придавал вопросу о собственности, интерпретации ее политической экономией, видно также из его эксцерптных тетрадей того времени [34]. Да и, как видим, в «Святом семействе» давалась весьма высокая оценка научных достижений Прудона в исследовании собственности, на что обратил внимание Ленин, конспектируя работу Маркса и Энгельса: «Тон... по отношению к Прудону очень хвалебный...» [35] Однако в 1865 г., говоря о той же работе Прудона, Маркс заметил: «В строго научной истории политической экономии книга эта едва ли заслуживала бы упоминания» [36].

Принципиальное изменение оценки прудоновской концепции, в которой собственность выступала только как внеисторическое, по существу, чисто волевое отношение человека к вещи, не зависящее от характера производственных отношений, становится понятным в свете проведенного выше рассмотрения эволюции собственных

воззрений Маркса. Прудон, апеллируя к моральному принципу «вечной справедливости», пытался все аргументы в пользу собственности развить таким образом, чтобы показать, как они превращаются в собственную противоположность. Маркс же, сделав первый шаг в «Grundrisse», продемонстрировал затем в I томе «Капитала», что само «развитие меновой стоимости», капиталистический процесс производства, превращает собственность, основанную на собственном труде, в присвоение чужого труда. Развитие противоречий капиталистического способа производства есть поэтому материальная предпосылка развития противоречия между формальными свободой и равенством и фактическими несвободой и неравенством, устанавливаемыми буржуазной частной собственностью, а в дальнейшем — и революционного преобразования основанной на ней общественной системы. «Подобно тому как система буржуазной экономики развертывается перед нами лишь шаг за шагом, так же обстоит дело и с ее самоотрицанием, которое является ее конечным результатом» [37]. Это происходит, когда «монополия капитала становится оковами того способа производства, который вырос при ней и под ней. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такого пункта, когда они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Она взрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторов экспроприируют» [38].

Вопрос о характере связи между формой собственности и производственными отношениями имеет актуальное значение не только для выяснения общих принципов соподчиненности отдельных общественных отношений, но и для понимания путей и перспектив революционного преобразования капиталистического общества и строительства социализма. Известно, что Ленин в первые годы Советской власти выдвинул задачу «*обобществить* производство *на деле*» [39], чтобы придать завоеваниям социалистической революции экономически необратимый характер. В свете Марксовой трактовки взаимосвязи между экономическим базисом и отношениями собственности это ленинское положение может быть понято вполне однозначно. Национализация решающих средств производства, переход их в общественную собственность является лишь первым шагом в сфере отношений права, открывающим возможность для создания нового способа производства. Но для того чтобы он утвердился и стал господствующим, нужно еще создать адекватные ему действительно общественные производительные силы (эта задача была особенно важна в условиях России) и подлинно коллективистские производственные отношения. По мере реальной перестройки экономического базиса общества отношения социалистической собственности наполняются реальным содержанием, превращаются из исторической предпосылки социалистических преобразований в их постоянно воспроизводимый результат.

Такое понимание соотношения между экономическим базисом и формой собственности отражает, на наш взгляд, программная

установка партии, ставящая укрепление и приумножение общественной собственности на средства производства в зависимость от неуклонного повышения уровня обобществления производства и труда.

* * *

В «Grundrisse» на основе исследования капиталистической общественно-экономической формации Марксом были раскрыты не только проблемы макроисторического порядка (если воспользоваться терминологией современной экономической науки), но и вопросы функционирования общественного организма на микроуровне, т. е. на уровне индивида, личности.

Некоторые моменты Марксова анализа развития личности в условиях буржуазного общества будут предметом рассмотрения следующего раздела настоящей главы.

2. ПОНЯТИЕ ОТЧУЖДЕНИЯ В РУКОПИСИ 1857—1858 гг.

В рукописи 1857—1858 гг. в связи с рассмотрением денег и капитала Маркс дает характеристику различных явлений, сторон, моментов отчуждения. В последние десятилетия многих исследователей занимает содержание и судьба понятия «отчуждение» в творчестве Маркса[40]. Здесь они надеются найти ключ к объяснению многих сложных процессов и явлений, характеризующих взаимоотношение общества и личности в мире капитала, а также для нахождения путей преодоления нарастающего в этой сфере конфликта.

Между тем «Grundrisse» являются вторым, после «Экономическо-философских рукописей 1844 года»[41], важнейшим этапом в разработке марксистской концепции отчуждения — его причин, форм и путей преодоления. Ниже будет предпринята попытка показать, насколько политико-экономические исследования позволили Марксу продвинуться вперед в выяснении действительного содержания этого понятия, как и его места в социально-философской теории научного социализма.

Взаимовлияние и взаимообогащение марксистской философии и экономической теории в данном вопросе проявляется достаточно наглядно через пару понятий «отчуждение» и «фетишизм».

2.1. Опредмечивание, овеществление и отчуждение

Уже в рукописном наследии 40-х гг. имеются предварительные рассуждения, важные для понимания того, как трактуется явление фетишизма в зрелых произведениях Маркса. Во-первых, это установление связи между общественным бытием и общественным сознанием в «Немецкой идеологии» — связи, которая позволяет проанализировать пути возникновения «искаженного» сознания[42]. Во-вторых, еще тогда была намечена линия критики буржуазной политической экономии как фетишистского способа рассмотрения

капиталистических производственных отношений [43]. Но как и почему возникает эта форма искаженного сознания?

Корни этого общественного явления Маркс ищет в самой материальной практике и порождаемых ею общественных отношениях. Причем, по мере того как уточняются, конкретизируются его представления о современном ему буржуазном обществе, более определенным, четким становится и понимание таких феноменов, как отчуждение и фетишизм.

Центральной проблемой Марксова исследования в рукописи 1857—1858 гг. являлось отношение между наемным трудом и капиталом. Исследуя стоимость (меновую стоимость), деньги, капитал, прибавочную стоимость, накопление капитала и т. д., Маркс показал, что опредмечивание труда, его превращение в продукт, т. е. застывший, кристаллизованный труд, *в условиях капиталистических отношений* неизбежно выступает как *отчуждение.* Он проанализировал генезис этого явления [44], равно как и его типичную для зрелого капитализма форму [45]. При этом Маркс руководствовался методологическим принципом, согласно которому необходимо изучать каждое экономическое явление, образующее «момент» целостности капиталистического способа производства, под углом зрения диалектической связи между вещественным содержанием и общественной, исторической формой. «Опредмечивание» человеческих способностей в процессе труда, обмена веществ с природой есть материальное содержание *овеществления* и *отчуждения;* но это содержание приобретает такую специфическую форму выражения лишь в определенный исторический период [46]. Важно отметить также, что Маркс, деля всю предысторию человечества на две большие эпохи — господство отношений личной зависимости и господство отношений вещной зависимости,— употребляет именно понятие «вещной зависимости», т. е. говорит об *овеществлении* отношений в меновой стоимости, деньгах и т. д., а не об *отчуждении.* Именно эта характеристика является ключевой при определении капитализма как второй исторической ступени общественного развития по отношению к добуржуазным общественным формам [47]. Почему? Очевидно, потому, что Марксу удалось раскрыть внутренние различия между овеществлением и отчуждением в буржуазном обществе, показать их диалектическую взаимосвязь как двух сторон фундаментального общественного явления, а именно извращения отношения между субъектом и объектом в процессе капиталистического производства. По мере восхождения от абстрактного к конкретному в анализе процесса капиталистического производства раскрывается сначала аспект овеществления, а затем — отчуждения человеческой личности.

Капиталистическое производство, во-первых, является *процессом,* в ходе которого происходит объективация субъекта, его опредмечивание. Созданный продукт, товар, превращается в деньги, в которых овеществлены (овещнены) общественные отношения между капиталом и наемным трудом. Во-вторых, эти обще-

ственные отношения являются отношениями *между лицами* — капиталистом и рабочим. Отчуждение рабочей силы в юридическом смысле, сделка по поводу купли — продажи рабочей силы выступает предпосылкой и результатом процесса капиталистического производства. Этот непрерывно возобновляемый процесс приводит к замене людей как субъектов общественных отношений вещами (товаром, деньгами, капиталом), к «социализации» этих вещей и овеществлению общественных связей. Социально-экономическим следствием этого является отчуждение человеческой личности.

Итак, со стороны *процесса* капиталистическое производство есть *овеществление* общественных отношений, со стороны *результата — отчуждение* человеческой личности (которое, повторим, необходимо отличать от отчуждения в правовом смысле — юридического акта, опосредствующего процесс обмена, вообще, и куплю — продажу рабочей силы, в частности [48]).

Таково, на наш взгляд, соотношение этих понятий в «Grundrisse» — соотношение, свидетельствующее о «расщеплении» под влиянием политико-экономических исследований того первоначально нерасчлененного понятия отчуждения, которое сложилось на первом этапе изучения Марксом социально-экономических и социально-философских аспектов капиталистической эксплуатации.

Важно здесь и другое. К выяснению содержания отчуждения Маркс подходит, исследуя полярную противоположность внутри единства. Труд и капитал *связывает* между собой момент их «отчужденности»; только по отношению друг к другу они могут быть «чуждыми», так как если бы не существовало этого отношения, то нельзя было бы также говорить о «чуждости», они не имели бы между собой ничего общего. Следовательно, отчуждение не может быть понято, исходя из «труда вообще», поскольку анализ этого понятия приводит лишь к выяснению содержания любой исторической формы процесса труда [49]. Капиталистическое отношение должно быть исследовано, исходя из определенной формы труда как капиталистического наемного труда. *Капиталистический* наемный труд — вот подлинная причина отчуждения и самоотчуждения рабочего.

Рассмотрение самого феномена самоотчуждения, причины которого выяснены в ходе экономического анализа капиталистического способа производства и соответствующих ему производственных отношений, выходит за рамки политико-экономического исследования, является пограничной проблемой экономической теории и исторического материализма.

Самоотчуждение есть по существу сведéние индивидуальности к предзаданной роли. Оно неизбежно ведет к деформации личности, препятствует ее самоосуществлению и находится в прямом противоречии с требованием «свободной индивидуальности» и «универсального развития индивидов» [50]. В условиях капитализма — это вещно опосредствованный контакт между владельцами

товаров и денег. Индивид выступает как «абстрактный» человек, т. е. только как товаровладелец или владелец денег, как персонифицированный товар или персонифицированные деньги; взаимное признание членами общества друг друга сводится к признанию вещественного имущества, которым может владеть или распоряжаться индивид.

Персонификация свидетельствует о полнейшем извращении действительных отношений. Индивиды предстают не как субъекты складывающихся между ними отношений, но как объект воздействия неких неподвластных им сил, которые предопределяют действия индивидов, загоняют их в жесткие рамки наперед заданных социальных функций, ролей.

Данный аспект отчуждения при капитализме, выявленный еще в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» и достаточно подробно проанализированный в рукописи 1857—1858 гг., весьма важен для понимания связи морали и нравственности буржуазного общества как сферы общественного сознания с материальным базисом.

Актуальное значение имеют и другие положения, выдвинутые Марксом в данном контексте. Во-первых, вывод о том, что «рабочая сила выходит из процесса [производства] не только не богаче, но беднее, чем она была, когда входила в этот процесс» [51]. Здесь речь идет, по существу, о том, что обнищание рабочего следует связывать не с абсолютным размером оплаты затраченной рабочей силы и не с тем, какая доля вновь созданной в капиталистическом процессе производства стоимости достается рабочему, а с самим фактом его участия в капиталистическом процессе производства — производстве прибавочной стоимости. Тем самым обнищание понимается не как некое внешнее проявление капиталистического способа производства, которое может усиливаться или ослабляться конъюнктурными и другими обстоятельствами, а как неотъемлемая существенная черта капиталистической системы общественных отношений. Основой этого обнищания является то, что рабочий класс создает и сохраняет в процессе производства возможности и условия создания и увеличения стоимости *для капитала,* а не для себя. «Этот процесс претворения труда в действительность есть вместе с тем процесс, лишающий труд всякой подлинной действительности» [52]. Впоследствии эта идея получает развитие и политико-экономическое обоснование в анализе всеобщего закона капиталистического накопления в I томе «Капитала».

Во-вторых, Маркс отмечает, что «это экономическое отношение — характер, который имеют капиталист и рабочий как полюсы некоего производственного отношения — развивается... в тем более чистом и адекватном виде, чем более труд утрачивает всякий характер искусства. Особые навыки труда все более становятся чем-то абстрактным, безразличным, а труд все более и более становится *чисто абстрактной деятельностью,* деятельностью чисто механической, а потому безразличной, индифферентной к своей

особой форме; становится всего лишь *формальной* или, что то же самое, всего лишь *вещественной* деятельностью, деятельностью вообще, безразличной по отношению к форме» [53].

Этот аспект отчуждения сегодня — даже в условиях, когда ухудшение экономической конъюнктуры, тотальное наступление предпринимателей на права и жизненные интересы трудящихся, казалось бы, вынуждает рабочий класс бороться лишь за сохранение рабочих мест — играет все более заметную роль. Усиливается стремление рабочих противостоять обезличиванию, навязываемому капиталистическим производством, решимость вести борьбу за рациональное содержание труда, за увеличение и полноценное использование свободного времени в интересах развития личности. В исследованиях новых явлений и процессов в сфере капиталистической эксплуатации, стратегической линии государственно-монополистического капитала на «рационализацию» и «гуманизацию» трудовых отношений [54] идеи, сформулированные Марксом в связи с исследованием отчуждения в «Grundrisse», могут оказаться весьма продуктивными.

2.2. Отчуждение и фетишизм

Выяснение конкретно-исторических причин овеществления и отчуждения в капиталистическом обществе позволяет Марксу наметить уже в «Grundrisse» подходы к той концепции товарного фетишизма, которая была впоследствии реализована в I томе «Капитала».

Фетишизация общественных отношений трактуется Марксом как следствие, оборотная сторона их овеществления. «Общественный характер деятельности, как и общественная форма продукта, как и участие индивида в производстве,— пишет он,— выступает... как нечто чуждое индивидам, как нечто вещное; не как отношение индивидов друг к другу, а как их подчинение отношениям, существующим независимо от них и возникающим из столкновения безразличных индивидов друг с другом. Всеобщий обмен деятельностями и продуктами, ставший жизненным условием для каждого отдельного индивида, их взаимная связь представляются им самим как нечто чуждое, от них независимое, как некая вещь. В меновой стоимости общественное отношение лиц превращено в общественное отношение вещей, личная мощь — в некую вещную мощь». Развивая свою мысль, Маркс говорит, что этим олицетворением вещной мощи являются деньги, в которых «индивиды подвергли отчуждению от себя свое собственное отношение в виде вещи» [55]. «Отчуждение» здесь выступает как трансформация индивидуальных, «человеческих» контактов и взаимоотношений в исторически объективно возникшее явление — деньги как всеобщий эквивалент товарного мира. Оборотной стороной этого является то, что общественный процесс производства довлеет над производителями как «рок» [56].

Овеществление общественных отношений приводит, таким образом, к извращению субъект-объектного отношения. Объект «овладевает» субъектом; движение первого не поддается планомерному контролю со стороны последнего. Отсюда — фаталистическое отношение индивидов к общественно-историческому процессу.

«Непрозрачность» общественных отношений для их агентов порождает, в свою очередь, другое явление — фетишизацию этих отношений. Обособленный индивид является лишь «моментом» целостности, его действия способствуют ее совокупному движению. Его точка зрения как частного собственника не позволяет ему, однако, познать целостность как таковую, ее действительные движущие силы и тем самым ход истории. Видимость, которая обусловливает обыденное мышление индивида, проистекает из отождествления обыденных форм явления вещей (экономических процессов, фактов и т. д.) с ошибочно предполагаемой индивидом «сущностью» данных форм. Так фетишизация становится прямотаки обожествлением видимых «фактов» при одновременном незнании происходящих процессов [57]. Таким образом, Маркс вскрыл и гносеологические корни антиисторизма, метафизического метода исследования экономических процессов, присущего буржуазной политической экономии. Фетишизм, следовательно, понимается Марксом как *явление сферы общественного сознания,* определяемое теми процессами в сфере общественного бытия, которые описываются понятием «отчуждение». Отсюда ясно, почему и в рукописи 1857—1858 гг., и впоследствии в «Капитале» фетишизм интересует Маркса именно в гносеологическом аспекте. В том единственном месте в «Grundrisse», где употреблен термин «фетишизм», содержится критика буржуазной политэкономии как типа экономического мышления: «Грубый материализм экономистов, рассматривающих общественные производственные отношения людей и определения, приобретаемые вещами, когда они подчинены этим отношениям, как *природные свойства* вещей, равнозначен столь же грубому идеализму и даже фетишизму, который приписывает вещам общественные отношения в качестве имманентных им определений и тем самым мистифицирует их» [58]. В данном контексте Маркс ставит в один ряд Рикардо и Сэя — классика буржуазной политической экономии и одного из вульгаризаторов учения классиков. Ясно, что этим Маркс отнюдь не преуменьшает достижения Рикардо — он лишь характеризует *основную черту* буржуазной экономической науки (и буржуазного способа мышления вообще) [59].

Метафизичность, антиисторизм не позволили буржуазной политической экономии провести различие между вещественным содержанием и общественной формой экономических отношений, а потому и выработать в теории отражающие их категории; оттого-то буржуазные экономисты отождествляли опредмечивание и отчуждение, трактуя последнее как естественную форму общественных отношений в любом обществе [60].

2.3. Воспроизводство капиталистического отношения и предпосылки преодоления отчуждения

Вскрыв причины отчуждения при капитализме, Маркс в экономической рукописи 1857—1858 гг. в то же время показал, что они являются и причинами его воспроизводства в расширяющемся масштабе. Сам наемный труд создает основу для прогрессивного расширения «чуждой власти» над рабочими. Прошлое присвоение чужого труда является условием для нового и дальнейшего присвоения чужого труда, капиталистическая собственность путем воспроизводства и накопления прибавочной стоимости превращается в право капитала «вечно» присваивать прибавочную стоимость [61]. Таким образом, эксплуатация воспроизводит отношение эксплуатации. Этот феномен был назван Марксом «основным результатом» [62] капиталистического производства. Здесь фактически в первом приближении сформулирован всеобщий закон капиталистического накопления, ибо выяснено, что в результате расширенного воспроизводства «объективные условия труда приобретают все более колоссальную самостоятельность по отношению к живому труду... и... общественное богатство во все более мощных скоплениях противостоит труду как чужая и господствующая сила. Ударение ставится не на *опредмеченности* [*овеществленности*], а на *отчужденности* [*Entfremdet-*, Entäußert-, Veräußertsein], на принадлежности огромного предметного могущества, которое сам общественный труд противопоставил себе как один из своих моментов,— на принадлежности этого могущества не рабочему, а персонифицированным условиям производства, т. е. капиталу» [63].

Естественны два вопроса. Во-первых, как разорвать этот порочный круг расширенного воспроизводства власти капитала? Во-вторых, в каком соотношении находятся понятия «Entfremdung», «Entäußerung», «Veräußerung» [64]?

Что касается первого, то из всего контекста «Grundrisse» ясно, что Маркс рассматривает эволюцию капиталистических отношений, а также формирование предпосылок следующего за капитализмом коммунистического общества [65] как накопление объективных и субъективных условий, которые в своем взаимодействии должны остановить процесс дальнейшего увеличения могущества «чуждых сил» капитала по отношению к «отчужденной силе» труда. Важное место в этих рассуждениях Маркса занимает проблема развития «свободной индивидуальности». Он многократно подчеркивает, что для докапиталистических отношений характерна была личная форма связи индивида с общиной или обществом, на смену которой в капиталистическом обществе пришли овеществленные формы производственных отношений. Но Маркс далек от идеализации докапиталистической эпохи, он характеризует ее как эпоху ограниченных возможностей развития личности, индивидуальности [66]. На той ступени люди находились во власти «природных связей», и только в буржуазном обществе человек высту-

пает освобожденным от них [67]; потому буржуазная эпоха и является эпохой «наиболее развитых общественных... отношений» [68].

Маркс предвидел, что благодаря развитию внутренних противоречий капитализма будет пройдена «крайняя форма отчуждения»: ведь материальные условия для ее «снятия», равно как и социальную силу, которая его произведет, рабочий класс, создала сама буржуазная общественная система [69]. С точки зрения формирования субъективных условий «перезрелость» капитализма обнаруживается, когда рабочий класс начинает выдвигать требование сознательного и непосредственного участия в управлении процессом производства, когда у него появляется потребность в развитии личностных признаков не вне или в противоречии с процессом труда, а в нем самом и посредством него. Это предполагает изменение отношений собственности — только при этом условии рабочий может начать пользоваться трудом, продуктами и свободным временем, которые (равно как и рабочее время) при капитализме «узурпируются» капиталом [70]. Устранение отчуждения Маркс связывает с таким состоянием общества, когда частный труд выступает *непосредственно* в качестве общественного труда [71].

Другая проблема заключалась в том, использует ли Маркс понятия «Entäußerung», «Veräußerung», «Entfremdung» в процитированном тексте и в «Grundrisse» вообще как синонимы или нет. Это важно, ибо на произвольном толковании данных понятий построены многие весьма сомнительные трактовки содержания и места категории «отчуждение» в теоретическом наследии Маркса [72].

Что касается «Entäußerung» и «Veräußerung», то Маркс определяет переход товара (денег) в процессе обмена в другие руки как тем, так и другим термином. Равным образом передача рабочим капиталисту права пользования рабочей силой характеризуется то как акт «Entäußerung» [73], то как «Veräußerung» [74]. Этими терминами подчеркивается «мобильность» собственности, что отличает капитализм от предшествующего ему феодализма, при котором собственность являлась неотчуждаемой, т. е. недвижимой в правовом отношении, и присвоение феодальной ренты совершалось без обмена, не опосредствовалось куплей — продажей и сопутствующими ей договорными отношениями.

Но имеется здесь и усложняющий момент. Дело в том, что в связи с рассмотрением обмена и денег Маркс замечает: «Так как деньги — *всеобщий эквивалент, всеобщая покупательная сила,* то все продажно, все может быть превращено в деньги. Но все может быть превращено в деньги лишь путем отчуждения вещи ее владельцем. Поэтому все отчуждаемо, или безразлично для индивида, внешне для него» [75]. Термин «отчуждение» («Alienation», «Entfremdung») используется здесь в смысле «Entäußerung». Однако в общем и целом с помощью терминов «Entäußerung», «Veräußerung» Маркс преимущественно указывает на правовую сторону процесса, тогда как термины «Entfremdung», «Alienation» служат,

по существу, для обозначения более глубокого круга отношений — социально-экономического антагонизма между трудом и капиталом, разрушающего человеческое начало в рабочем. Таким образом, термин «Entfremdung» обозначает господство общественных отношений над рабочим классом, тогда как термины «Entäußerung» и «Veräußerung» используются для характеристики сделки, контракта, посредством которого в условиях господства товарно-денежных отношений совершается и формально закрепляется вещная связь между индивидами. Если рассматривать по преимуществу отношение между трудом и капиталом, то данные термины выражают правовую сторону капиталистических отношений, внешние (зримые) формы отчуждения труда.

Известно, что Маркс после «Экономическо-философских рукописей 1844 года» редко пользовался для характеристики содержания извращённого и чуждого характера отношения между трудом и капиталом понятием «отчуждение». Почему же в первом наброске «Капитала» он вновь, и достаточно часто, оперирует этим понятием?

Во-первых, необходимо иметь в виду, что понятием «отчуждение», сколь бы общий характер оно ни носило в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», Маркс обозначал определенный круг *реальных* отношений буржуазного общества, целый комплекс проблем (взаимосвязь частной собственности и эксплуатации, наемного труда и капитала, общественного бытия и общественного сознания в капиталистическом обществе). Эти отношения и проблемы не утратили своего значения, продолжали оставаться в центре внимания Маркса-теоретика и в 50-е, и в последующие годы.

Во-вторых, научная разработка теории стоимости и прибавочной стоимости дала возможность сделать определенный шаг вперед в разъяснении *причин* и *путей преодоления* отчуждения. В то же время в характеристике *форм* отчуждения Маркс по-прежнему мог опираться на исследовательские результаты 1844 г. Наконец, отпали и внешние причины, которые побудили Маркса и Энгельса во второй половине 40-х гг. отказаться от данного понятия: к концу 50-х гг. не существовало больше младогегельянской философии как течения, терминологическое отмежевание от которого было необходимо в канун европейской революции 1848—1849 гг.

«Отчуждение труда» в 1844 и в 1857—1858 гг. занимает, однако, разное место в системе взглядов Маркса. В 1844 г. «отчуждение», «отчужденный труд» выступали как *универсальные* характеристики капиталистического отношения. Капиталистическое отношение, в противоположность буржуазной политической экономии, разъяснялось и оценивалось с позиций концепции отчуждения. В «Grundrisse» это понятие выступает уже лишь как *момент* целостной социально-экономической, социально-философской, а также социально-психологической характеристики системы капиталистической эксплуатации.

Не замечая этого, некоторые буржуазные «марксологи» утверждают, будто Маркс усматривал основу отчуждения в разделении труда и соответственно развитии науки и техники [76]. Напротив, в экономической рукописи 1857—1858 гг. Маркс уделял исключительное внимание разъяснению того, что не производительные силы — разделение труда, наука, техника и т. д.,— но сами капиталистические производственные отношения являются причиной того, что производительные силы и все условия осуществления труда «отчуждены» от рабочего класса.

Столь же далеки от истины и те, кто утверждает, что у Маркса, якобы как и у Гегеля, понятия «отчуждение» и «опредмечивание» идентичны [77]. Авторы бесчисленных «исследований» на эту тему хотели бы доказать, будто следование логике Маркса приводит к выводу о неустранимости отчуждения и в социалистическом обществе [78]. Проведенный анализ, думается, свидетельствует о беспочвенности таких концепций. Развитие социалистических стран в целом подтверждает Марксов прогноз относительно развития реального обобществления и складывания тенденции к развитию свободной индивидуальности, несмотря и вопреки препятствиям, воздвигаемым империализмом, а также некоторым реальным трудностям и противоречиям, возникающим в ходе социалистического строительства [79].

Неверно и то, будто концепция отчуждения, сложившаяся в ранних произведениях Маркса, «воскресла» затем в виде теории товарного фетишизма, иными словами, как отдельный момент теории зрелого марксизма [80]. Следствием подобной гипотезы является мнение об основополагающем значении критики товарного фетишизма [81] или центральном месте «отчуждения» [82] в трудах Маркса. И в том, и в другом случае авторы не обращают внимания на характер эволюции концепции отчуждения — от «Экономическо-философских рукописей 1844 года» до «Капитала» и в нем самом.

Неубедительны попытки на основе одних лишь высказываний Маркса об отчуждении критиковать империализм [83]. Здесь упускается из виду одно из важнейших методологических и теоретических положений, высказанных в рукописи 1857—1858 гг., о том, что только «из четкого понимания основной предпосылки [капиталистического] отношения должны выявиться все противоречия буржуазного производства, так же как и та граница, достигая которую это отношение гонит буржуазное производство к выходу за свои собственные пределы» [84].

Критика капитализма, которая ограничивается тем, что клеймит его как общество «универсального отчуждения», не может вскрыть в капиталистическом отношении «взрывающие» его противоречия и движущие силы, которые являются непременным условием для того, чтобы покончить с эксплуатацией и тем самым также и с отчуждением. Рассмотрение капитализма лишь как «системы всеобщего отчуждения» бесплодно, оно открывает дверь

всевозможным романтически-утопическим, а потому реакционным концепциям.

Это, разумеется, не означает, что в исследовании современного капитализма не следует касаться темы отчуждения — дело в другом, в том, чтобы видеть классовые корни данного явления, причины, которые приводят при капитализме к постоянному нарастанию всех форм отчуждения в общественной жизни. Выявить же эти корни можно лишь на основе теории прибавочной стоимости [85].

* * *

На основе идей, сформулированных в «Grundrisse», в последующих рукописях и «Капитале» Маркс продолжил рассмотрение проблемы овеществления и отчуждения. В § 4 1-й главы I тома «Капитала», «Товарный фетишизм и его тайна», Маркс систематизировал положения по данному вопросу. Он раскрыл специфику извращения субъект-объектного отношения при капитализме, в общем виде охарактеризовал будущее общество, в котором не будет овеществления, воспроизводя положения, выдвинутые в рукописи 1857—1858 гг. [86]

Там же Маркс подробно остановился на том, как изображается это извращение в буржуазной политической экономии (здесь он основывался также на материалах «Теорий прибавочной стоимости» [87], «Главы шестой. Результаты непосредственного процесса производства» [88], а также рукописи III тома «Капитала» [89]). Ясно очертив различия между научной классической и вульгарной политической экономией [90], Маркс указал на объективные причины ограниченности буржуазного мышления в области общественных наук.

Содержание понятия «отчуждение» в период *после* написания «Grundrisse» не отличалось от того содержания, которое вкладывалось в него в этой рукописи. В «Капитале» с помощью этого понятия Маркс обозначает власть над рабочим результатов его труда, которые враждебно ему противостоят,— будь то товары, машины или наука, ибо они выступают как образы капитала [91]. Нельзя, однако, не видеть того, что Маркс в окончательном тексте «Капитала» все реже употребляет данное понятие (и сам термин).

Дело, по-видимому, в том, что отчуждение есть проявление противоречия между потенциальными возможностями развития человека и теми ограничениями, которые накладывает на них капиталистическая действительность. Как таковая эта проблема во всем ее объеме выходит за рамки предмета политической экономии капитализма. Поэтому, не отказываясь от самого понятия, Маркс в то же время оставляет многие важные стороны отчуждения за рамками своего труда [92].

Что же касается экономического аспекта отчуждения, то рассмотрение абсолютной и относительной прибавочной стоимости, всеобщего закона капиталистического накопления, рабочего дня и заработной платы стали теми разделами экономической теории

Маркса, в которых раскрыто политэкономическое содержание данного понятия.

Сегодня Марксова концепция причин возникновения, содержания и путей преодоления отчуждения раскрывается новыми гранями. Осознание важности «человеческого фактора» социального прогресса, его роли в реализации закономерностей исторического процесса, особенно на этапе совершенствования социалистического общества, требует от ученых-обществоведов — экономистов, философов, социологов — тщательного изучения наследия основоположника научного коммунизма, который предпринял первую в истории общественной мысли попытку рационального объяснения взаимосвязи общественных процессов и развития человеческой личности. Только на этом пути могут быть обеспечены прочные методологические ориентиры для верного истолкования процессов и явлений современной общественной практики.

* * *

Необходимой предпосылкой правильного истолкования взглядов Маркса по той или иной проблеме, как, впрочем, и всего идейного богатства марксизма, является, однако, четкое понимание того, что эти взгляды не являлись чем-то застывшим, они претерпевали определенную эволюцию, обогащались, углублялись, конкретизировались. Иными словами, нужно видеть, что история формирования марксистской теории — это *процесс*. Звеном этого процесса выступают «Grundrisse».

О том, к каким ошибкам приводит забвение (или умышленное искажение) принципа историзма в исследовании содержания и значения первоначального варианта «Капитала», пойдет речь в следующей главе.

Глава XIII

МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ 1857—1859 гг. В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЕМИКЕ ВОКРУГ ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ МАРКСА

Широкие дискуссии на Западе по поводу содержания, значения и места первого чернового варианта «Капитала» в истории марксистской политической экономии развернулись в последние двадцать лет на общем фоне масштабных социальных изменений в мире, сопровождающихся усилением внимания к наследию основоположников революционной пролетарской теории как действительных последователей научного социализма, так и его мнимых «друзей» и открытых противников.

Эти дискуссии обозначили ряд вопросов, которые неизбежно должны были возникнуть при переходе от изучения экономической теории Маркса в статике к осмыслению динамики ее формирования и развития. Каково методологическое и теоретическое значение подготовительного этапа работы Маркса над «Капиталом»? По какому пути следует идти в изучении генезиса марксистской экономической теории — отправляясь от «Капитала», осмысливать содержание «Grundrisse», или же, напротив, исходя из идей молодого Маркса, интерпретировать его научную эволюцию?

1. «GRUNDRISSE»: ВЕРШИНА ИЛИ ПРОМЕЖУТОЧНЫЙ ЭТАП?

К моменту, когда «Grundrisse» были вовлечены в научный оборот [1], в работах «неомарксистов» и буржуазных «марксологов» дебатировались проблемы гуманизма, отчуждения, концепция развития свободной личности в трудах Маркса. В дискуссии вокруг этих проблем центральное место отводилось их трактовке Марксом в «Экономическо-философских рукописях 1844 года». Спекулируя на известной неоднозначности некоторых положений этой сугубо черновой работы, сторонники «неомарксизма» стремились противопоставить «молодого Маркса-гуманиста» Марксу — автору «Капитала» и изобразить этот «гуманистический марксизм» как «подлинный» [2].

Появление рукописей, которые документируют истинное соотношение между идеями «молодого Маркса» и развитой в «Капитале» и в других произведениях зрелого марксизма экономической теорией, на первый взгляд, сделало невозможной дальнейшую фальсификацию истории формирования Марксова учения. Ведь

«Grundrisse» представляют собой мостик, переброшенный из 40-х в 60—70-е гг. XIX в., от «Экономическо-философских рукописей 1844 года» и других работ того периода к «Капиталу» [3] и «Критике Готской программы».

Однако либеральные буржуазные и в особенности ревизионистские «критики» пытаются и этот момент преемственности в развитии марксизма, столь ярко проявляющийся в тексте экономических рукописей 1857—1859 гг., представить весьма своеобразно. Справедливо рассматривая «Grundrisse» как необходимое посредствующее звено между ранней — в основном с философских позиций — критикой буржуазного общества и систематическим политико-экономическим исследованием внутренних закономерностей капиталистического способа производства в «Капитале», такие авторы, как «неомарксист» М. Николаус, как известный английский исследователь жизни и деятельности Маркса, автор ряда специальных монографий о нем Д. Маклеллан и др., на этом основании приходят в то же время к выводу о том, что данная рукопись является «вершиной» творчества Маркса, что ее появление открыло миру «неизвестного Маркса» [4]. А отсюда — прямо или косвенно — следует вывод о том, что только знание рукописей самих по себе дает «аутентичное» понимание философского, экономического учения марксизма, созданного Марксом учения о закономерностях становления коммунистического общества [5]. Отголоски такой трактовки «Grundrisse» можно найти и в работах известной части марксистских теоретиков на Западе. Причины ее распространенности в том, что, во-первых, объективно концепция «утраченного связующего звена» (это выражение М. Николауса стало ходячей характеристикой «Grundrisse» на Западе) позволяет преодолеть односторонность как панегириков «гуманизму молодого Маркса», так и сциентистски-структуралистской реакции на миф о молодом Марксе — концепции Л. Альтюсера и его школы, которые в своей полемике с ревизионизмом пришли с иных позиций к тому же выводу о наличии «эпистемологического разрыва», противоречия между «молодым» и «поздним» Марксом [6]. Таким образом, на определенном этапе трактовка экономических рукописей 1857—1859 гг. как теоретической вершины, самой «синтетической» из работ Маркса [7] сыграла даже положительную роль в международной дискуссии о теоретическом наследии основоположника научного социализма.

Во-вторых, данная концепция не конструировала надуманных «противоречий» во взглядах Маркса. Она, пусть в упрощенной, механистической, недиалектической форме, апеллировала все же к *действительным противоречиям* процесса формирования социально-экономической теории Маркса,— противоречиям, через которые и посредством разрешения которых только и возможно было на самом деле движение ко все более глубокому познанию законов функционирования и развития капиталистического способа производства.

К числу этих противоречий относится прежде всего противоречие между исследованием и изложением как относительно самостоятельными стадиями процесса теоретического познания внутренней структуры буржуазного производства. Оно проявляется в том, что «Grundrisse» внешне парадоксальным образом *и богаче и беднее* «Капитала» в содержательном, теоретическом плане. С одной стороны, в экономической рукописи 1857—1858 гг., на что особый упор делают буржуазные и ревизионистские «марксологи», Маркс рассматривает целый ряд проблем, которые не присутствуют или лишь намечены в «Капитале»: диалектика необходимого, прибавочного и свободного времени при капитализме и в коммунистическом обществе, тенденция к превращению науки в непосредственную производительную силу и машинного производства в автоматическую фабрику, предпосылки кризисов перепроизводства при капитализме, анализ форм, предшествующих капиталистическому производству, и др.[8] С другой стороны, не менее верно и то, что в «Grundrisse» еще отсутствует специальный анализ двойственной природы товара, а потому и генезиса денег, только очерчены, но не развиты различия между постоянным и переменным капиталом, лишь намечено понятие форм прибавочной стоимости — абсолютной и относительной, из исследования прибавочной стоимости хотя и выведено понятие прибыли, но проблема цены производства пока не поставлена[9] и т. д. На это указывают, в частности, некоторые исследователи как в социалистических странах, так и на Западе[10], выступающие против переоценки роли и места экономических рукописей 1857—1859 гг. в теоретическом наследии Маркса.

Чисто внешнее противопоставление «Grundrisse» и «Капитала», однако, не позволяет раскрыть объективный и необходимый характер, внутреннее содержание отмеченного противоречия. Как следует из проведенного в предшествующих главах настоящей книги анализа, различия между экономическими рукописями 1857—1859 гг. и окончательным текстом «Капитала» по широте охвата материала и глубине анализа, обобщений и выводов вполне объяснимы. Они связаны, во-первых, с тем, что речь здесь идет именно о *различных этапах процесса теоретического познания* закономерностей буржуазного способа производства, во-вторых, с тем, что по мере более глубокого проникновения в специфику *предмета* уточнялись представления Маркса о *методе* его теоретического отображения в виде системы экономических категорий и законов. Это, в свою очередь, приводило к уточнению структуры и содержания его труда.

Специфика «Grundrisse» заключается в том, что они представляют собой завершение первой, и основной, фазы процесса исследования — постольку, поскольку именно в рукописи 1857—1858 гг. был, как показано в главе V настоящей работы, открыт закон прибавочной стоимости. Нахождение того глубинного противоречия, которое является источником саморазвития буржуазного спо-

соба производства и соответствующих ему отношений производства и обмена, сделало возможным построение *системы* категорий. Причем такой системы, внутренние взаимосвязи которой могли теперь быть показаны как обусловленные самим предметом, а не сознанием исследователя — т. е. *объективно,* а не *субъективно* [11]. Это позволило в общем перейти к изложению.

Разумеется, на данной стадии будущее здание находится еще в «строительных лесах»: Маркс, уже имея общее представление о последовательности рассмотрения анатомии буржуазного общества, в то же время уточняет детали, перепроверяет некоторые предпосылки и допущения. Для того, в частности, чтобы убедиться, не выходит ли рассмотрение тех или иных вопросов за пределы того уровня абстракции, на котором в данный момент ведется изложение, Марксу приходится иногда углубляться в их анализ, который приводит его к выводу о необходимости отложить их на будущее. Так, рассмотрев в связи с анализом процесса обращения капитала ряд причин перепроизводства, он констатирует, что «здесь пока еще речь идет не о том, чтобы рассмотреть перепроизводство в его определенности, а только о том, чтобы проанализировать зародыши перепроизводства в том виде, в каком они первоначально содержатся в само́м капиталистическом отношении» [12], тогда как окончательное выяснение данного вопроса относится к учению о конкуренции [13]. Точно так же, говоря, что написание «действительной истории производственных отношений» есть «самостоятельная работа, к которой тоже мы надеемся еще приступить», Маркс, однако, дает в «Главе о капитале», по существу, краткий очерк действительной истории добуржуазных форм собственности, который позволяет ему в дальнейшем четко определить содержание первоначального накопления капитала [14].

Таким образом, целый ряд проблем, в той или иной степени затронутых в «Grundrisse» и отсутствующих в «Капитале», Маркс уже в момент работы над экономической рукописью 1857—1858 гг. трактовал как *отступления* от основной темы. Это и были те «строительные леса», которые в окончательном изложении должны были быть убраны.

При таком подходе становится ясно, что противопоставление «неполному» «Капиталу» якобы превосходящих его по полноте и всесторонности охвата предмета «Grundrisse» ошибочно. В «Капитале» Маркс отказался от рассмотрения ряда вопросов именно потому, что — сколь бы важны они ни были сами по себе — они *не имеют прямого отношения* к предмету «Капитала», лежат за пределами исследования того, что Маркс определял как «экономический закон движения» современного ему буржуазного общества [15].

Но для того чтобы прийти к такому выводу, нужно было создать «Grundrisse». Для того чтобы последовательно реализовать принцип восхождения от абстрактного к конкретному в изложении, необходимо было прежде проделать движение от абстрактно-

го к конкретному в процессе исследования. Выше уже отмечалось, что в «Grundrisse» была завершена *основная фаза* исследования и начался переход к изложению добытых исследованием результатов. Но в то же время продолжался и процесс исследования: от абстрактного представления о месте тех или иных понятий в его будущем труде, характере их связи с «экономическим законом движения» буржуазного общества Маркс приходит к конкретному пониманию того, что проблему реализации и кризисы, пропагандистскую и цивилизующую тенденции капитала и т. д. следует изложить вне рамок понятия «капитал вообще».

Своеобразия «Grundrisse» невозможно в полной мере понять, рассматривая их в отрыве от «Капитала» или идя *от них к* окончательному варианту Марксова труда. Между тем именно изолированное «прочтение» экономических рукописей 1857—1859 гг., или подход к ним только с позиций работ Маркса более раннего периода, ставят во главу угла сторонники тезиса о «Grundrisse» как вершине творчества Маркса. Не говоря уже о том, что данная концепция построена на элементарном логическом противоречии (признание той или иной работы «вершиной» творчества возможно только при сопоставлении ее с другими произведениями, прежде всего с «Капиталом», но именно против такого сопоставления возражают!), она не позволяет правильно оценить все теоретическое богатство рукописей.

Так, например, только через призму соответствующего раздела экономической рукописи 1861—1863 гг. [16], на основе которого впоследствии был написан IV отдел I тома «Капитала», трактующий относительную форму прибавочной стоимости и дающий стройное, целостное представление о том, что же представляет собой капиталистический способ производства, можно верно оценить смысл и значение отдельных высказываний о кооперации и разделении труда, о мануфактуре и фабрике, понять, почему так много места в «Grundrisse» Маркс уделяет рассмотрению машинного производства. Лишь зная ту роль, которую играет в экономической теории Маркса различение между постоянным и переменным капиталом, последовательно проводимое в «Капитале», начиная со специально посвященной данному вопросу шестой главы I тома, читатель поймет значение вывода о разделении капитала на постоянный и переменный в «Grundrisse» [17]. Точно так же обстоит дело и с целым рядом других важнейших категорий, в первом приближении намеченных в экономических рукописях 1857—1859 гг. И это понятно: «Намеки... на более высокое... могут быть поняты только в том случае, если само это более высокое уже известно» [18].

Таким образом, рассматривая черновики в отрыве от «Капитала», и даже противопоставляя их главному труду Маркса, буржуазная и ревизионистская «марксология» не только не возвышает, но, скорее, способствует принижению истинного значения экономических рукописей 1857—1859 гг., ибо они предстают как

нечто неполное, незавершенное, как собрание хотя и гениальных, но, по большей части, отрывочных высказываний. (Но не в этом ли скрытый смысл легенды о «неизвестном Марксе» «Grundrisse»?)

Поэтому совершенно прав был английский исследователь Дж. А. Коэн, когда утверждал, что провозглашенный Марксом во «Введении» принцип, согласно которому анатомия человека дает ключ к анатомии обезьяны, следует распространить на понимание самих рукописей: «Наилучший подход к постижению «Grundrisse» дает предварительное чтение «Капитала»» [19].

Впрочем, и такой подход сам по себе, если он реализован некритически, не может уберечь от одной весьма распространенной ошибки: появление в экономических рукописях 1857—1859 гг. *зародыша* той или иной категории, того или иного понятия иногда толкуют таким образом, будто там оно уже разработано окончательно. Следует помнить продолжение цитированного высказывания Маркса, где он говорит, что, хотя «буржуазная экономика дает... ключ к античной и т. д.», но «вовсе не в том смысле, как это понимают экономисты, которые смазывают все исторические различия и во всех формах общества видят формы буржуазные» [20], т. е. само «более высокое» начинают находить уже там, где есть пока лишь только «намеки» на него. Конечно, именно на основе «Grundrisse» Маркс создал «Капитал». Однако для того чтобы на фундаменте рукописей 1857—1859 гг. построить здание «Капитала», нужен еще был многолетний труд и гений Маркса! [21]

Итак, различия между экономической рукописью 1857—1858 гг. и «Капиталом» связаны прежде всего и наиболее очевидным образом с тем, что это — различные стадии теоретического освоения буржуазного способа производства. Недооценка данного обстоятельства является ошибкой, закрывающей путь к верному пониманию значения и места «Grundrisse» в теоретическом наследии Маркса; попытки же оспорить правильность подобного подхода свидетельствуют уже не просто об ошибке, а о тенденциозной интерпретации рукописи основоположника научного социализма [22].

Но своеобразие, отличия «Grundrisse» от «Капитала» не могут быть до конца поняты также и в том случае, когда не учитывается, что в ходе экономических занятий параллельно и в тесной связи с углублением представлений о предмете уточнялись представления Маркса и о методе изложения формирующейся экономической теории.

2. КАК СООТНОСЯТСЯ С ПЛАНОМ «ШЕСТИ КНИГ» РУКОПИСЬ 1857—1858 гг. И «КАПИТАЛ»?

Обычно в современной немарксистской, да и в марксистской литературе на Западе проблема метода в связи с «Grundrisse» сводится главным образом к вопросу об отношении Марксовой диа-

лектики к гегелевской «Логике». Так, Р. Роздольский, автор первого фундаментального исследования о «Grundrisse», считал, что «...важнейшей и в теоретическом плане самой интересной проблемой «Чернового наброска» ...является отношение Марксова труда к *Гегелю,* в особенности к его «Логике»» [23].

Сколь бы, однако, интересна ни была эта тема [24], однако она выходит за рамки предмета настоящей работы. Здесь более важен вопрос не об отношении метода Маркса к гегелевской логике, а об особенностях метода «Grundrisse» по сравнению с методом «Капитала». Такая постановка проблемы действительно способствует выяснению вопроса о месте экономических рукописей 1857—1859 гг. в творчестве Маркса.

Если отвлечься от диалектики исторического и логического в рукописи 1857—1858 гг. и в «Капитале», занимающей в последнее время многих авторов [25], то вопрос о соотношении метода изложения, как его понимал Маркс в конце 50-х гг., с методом изложения, реализованным в «Капитале», справедливо связывается марксистами с эволюцией так называемого плана шести книг и судьбой его центрального понятия — «капитал вообще» [26]. В самом деле, структура «Grundrisse» и «Капитала», логика переходов от одного уровня абстракции к другому является зримым проявлением, «материализацией» метода изложения. Очевидная нетождественность структуры «Чернового наброска» и «Капитала», следовательно, свидетельствует об определенном изменении в трактовке метода изложения, которое произошло между 1857 и 1867 гг.,— в этом сегодня сходятся практически все исследователи экономического наследия Маркса [27].

«Схема из шести частей, изложенная в общем «Введении» и «Предисловии» (к работе «К критике политической экономии».— *Авт.*), очевидно, иная, нежели та, что представлена в «Капитале», книге I, опубликованной в 1867 г. Каутский заключил отсюда, что Маркс изменил план своей «Политической экономии», и с тех пор это стало общепринятым мнением. Ясно, что этот вопрос имеет чрезвычайную важность. Если такой вывод верен, то «Grundrisse», сколь бы интересны они ни были, имеют второстепенное значение: они лишь помогают пониманию генезиса «Капитала» и тем самым интерпретации его содержания. Если же, однако, Маркс продолжал придерживаться первоначального плана и «Капитал» представляет собой разработку только первого из шести пунктов, то в таком случае произведение Маркса осталось драматически (!) незавершенным, и можно утверждать, что «Grundrisse», поскольку они являются «черновым наброском» не только этого первого пункта, но чего-то большего, являются самым фундаментальным среди когда-либо созданных Марксом трудов»,— пишет Д. Маклеллан [28], выпукло очерчивая две основные точки зрения по данной проблеме.

Представляется, что вторая точка зрения, которой придерживается сам Маклеллан, основывается на логической погрешности.

Из того обстоятельства, что именно в ходе работы над рукописями складывается план шести частей, впоследствии шести книг, будущего экономического произведения, отнюдь не следует, как уже сказано выше, что в экономических рукописях 1857—1859 гг. разработаны проблемы всех этих шести пунктов плана. Как было показано в главе XI, в них Маркс стремился охватить лишь проблематику первого пункта части о капитале, трактующего «капитал вообще». Что же касается отдельных высказываний Маркса о конкуренции, кредите, фрагмента о проблеме реализации и кризисах и т. д., то они, как правило, носят характер беглых, отрывочных замечаний и явно выпадают из контекста рукописи; о причинах такой тематической широты «Grundrisse» уже говорилось выше. Таким образом, Маклеллан и ряд других авторов, подхвативших его тезис, исходят *не из реальной структуры* и содержания рукописи, *а из* разработанного в ней *плана* будущего труда.

Что же касается первой версии, то она, на первый взгляд, имеет под собой достаточно веские основания. В книге Роздольского тезис о «радикальной ломке старой схемы книги о капитале» [29] получил развитие и обоснование. Роздольский полагал, что первоначальная, «служившая, так сказать, для «уяснения самому себе», структура произведения стала не нужна», после того как были решены основные задачи исследования, и «рабочая модель... могла поэтому на следующем этапе быть отброшена, причем это не привело к какой-либо принципиальной корректировке уже достигнутых результатов» [30]. В то же время Роздольский отмечал, что в процессе работы над «Капиталом» происходил «процесс последовательного сужения рамок первоначального плана, которое, однако, означает расширение сохраняющейся его части...» (а именно расширение содержательной части «Grundrisse», представляющих собой не что иное, как раздел о «капитале вообще», за счет других пунктов книги о капитале). «Первоначально запланированные шесть книг... свелись к одной — о капитале» [31].

Таким образом, по Роздольскому, содержание *первых трех книг* первоначального плана *полностью охвачено в I—III томах* «Капитала» [32], тогда как от замысла создать специальные работы о государстве, внешней торговле и мировом рынке Маркс, по его мнению, никогда не отказывался — во всяком случае, соответствующие темы не ассимилированы в «Капитале» [33].

Иначе говоря, Роздольский утверждал, во-первых, что «Капитал» *богаче* «Grundrisse», ибо изменения в понимании метода изложения (оставим пока в стороне вопрос о том, какой характер они носили и чем диктовались) привели к тому, что Маркс, особенно в III томе своего труда, пошел на рассмотрение целого ряда вопросов, которые согласно первоначальному плану не входили в раздел о «капитале вообще», составляющий содержание рукописи. Во-вторых, он считал, что «Капитал» по содержанию *уже первоначального плана шести книг,* не включает в себя тематику IV—VI книг. Такая трактовка, в общем, является господствующей и

сегодня как в немарксистской, так и в зарубежной марксистской литературе.

Концепция Роздольского, безусловно, более фундирована, нежели голословные утверждения некоторых буржуазных и левацких теоретиков, будто «Grundrisse» и содержательно, и в методологическом плане работа более зрелая, нежели «Капитал». Но, в свою очередь, указанная концепция также грешит механицизмом. Соглашаясь со вторым его выводом, в то же время нельзя безоговорочно принять первый, во всяком случае, в том виде, как его формулирует автор.

У Роздольского получается, что и «Grundrisse», и «Капитал» словно бы сложены из кирпичиков, которые Маркс, придя к выводу о необходимости изменить форму изложения, просто поменял местами. Изменение метода изложения никоим образом не приводит, в данной трактовке, к углублению проникновения в предмет. Иными словами, речь здесь идет о непонимании диалектического характера связи между предметом и методом.

Между тем сравнительный анализ «Капитала» и экономической рукописи 1857—1858 гг., как было показано в предшествующих главах настоящей книги, позволяет выявить целый ряд категорий, появление которых в окончательном варианте Марксова труда связано именно с совершенствованием метода. В особенности это относится к исследованию метаморфозов капитала и их кругооборота, а также воспроизводства совокупного общественного капитала: в главе VI настоящей монографии уже отмечалось, что окончательное выделение данных категорий в самостоятельные разделы II тома «Капитала» стало возможным в первую очередь благодаря уточнению *метода* изложения по сравнению с «Grundrisse». Весьма примечательно, что Роздольский, констатируя значительные содержательные и структурные отличия II тома «Капитала» от соответствующего фрагмента экономической рукописи 1857—1858 гг. [34], в то же время ничего не может сказать о причинах такого расхождения.

Именно непонимание внутренней органической связи между предметом и методом в экономических исследованиях Маркса приводит Роздольского и некоторых других авторов к выводу о «радикальной ломке старой схемы книги о капитале», которую он связывает с набросками плана 2-й главы III части «Капитала» и всей этой III части, содержащимися в XVIII тетради экономической рукописи 1861—1863 гг. [35] Роздольский полагает, что, поскольку новый план III части «Капитала», трактующий капитал и прибыль, предполагает рассмотрение «многих капиталов», постольку это свидетельствует об отказе Маркса от понятия «капитал вообще».

Между тем, как удалось показать советским исследователям [36], в «Капитале» происходит не *отказ*, а *развитие, углубление* содержания понятия «капитал вообще» [37], полностью сохраняющего — хотя и в существенно измененном виде — свое значение для пони-

мания как структуры «Капитала», так и соотношения «Капитала» с «Grundrisse» и планом шести книг вообще.

Важным результатом, которого Маркс достиг в экономических рукописях 1857—1859 гг., было то, что он «опрокинул все учение о прибыли в его прежнем виде» [38]. Характеризуя таким образом основной итог проделанной работы, Маркс, очевидно, имел в виду то, что ему удалось создать теорию прибавочной стоимости, которая раскрыла внутреннюю основу прибыли и других производных от нее форм капиталистических доходов. Этого удалось достичь благодаря исследованию «капитала вообще», т. е. внутренней структуры капиталистических отношений.

Но после того как эта задача выяснения внутренней природы всех многообразных форм капиталистических отношений путем сведения их к общей основе, «капиталу вообще», и раскрытия содержания данного понятия была решена, нужно теперь было двинуться в обратный путь и *вывести из* определенностей «капитала вообще» все многообразие поверхностных, превращенных форм. Если бы понятие «капитал вообще» было только неким вспомогательным теоретическим построением, то такое выведение либо следовало бы осуществить в дурной идеалистической манере, за которую Маркс критиковал Прудона в «Нищете философии», а также Лассаля в известном письме к Энгельсу от 1 февраля 1858 г. [39], т. е. путем филиации понятий, либо же, оставаясь на материалистических позициях, Маркс должен был бы отбросить его — именно так считает Роздольский.

Однако Марксово «капитал вообще» — это не гегелевское «понятие вообще». Оно выражает не только абстрактно-общие характеристики, присущие любому капиталу, но *конкретно-всеобщее* отношение, которое «обладает *реальным* существованием, *отличным* от особенных, реальных капиталов...» [40]. Реальный образ капитала вообще — это совокупный общественный капитал [41].

Поэтому выведение превращенных форм прибавочной стоимости (прибыли, процента, ренты) в последующих вариантах «Капитала» (в XVI—XVII тетрадях рукописи 1861—1863 гг. и в рукописи 1863—1865 гг.) и окончательном тексте осуществляется на основе тех результатов, которые были получены в «Grundrisse», и является продолжением и углублением исследования «капитала вообще». В «Капитале» Маркс уже не ограничивается предположением, что реально существующий «капитал вообще» есть также некое *целое*, состоящее из столь же реально существующих *частей*, а углубляет исследование этого целого, рассматривая (через анализ воспроизводства совокупного общественного капитала, механизма формирования средней прибыли, распадения прибыли на процент и предпринимательский доход, образования земельной ренты и т. д.) те новые определенности «капитала вообще», которые порождает взаимодействие его частей.

В то же время — и это существенно важно, ибо именно данного обстоятельства не учитывает Роздольский — такое «расшире-

ние» рамок понятия «капитал вообще» отнюдь не означает, что в «Капитал» Маркс сумел «втиснуть» и анализ тех проблем, которые, согласно первоначальному плану, должны были составить предмет разделов о конкуренции, кредите, акционерном капитале, а также книг о земельной собственности и наемном труде. В «Капитале» все указанные отношения рассматриваются лишь в той мере, в какой их содержание определяется основным производственным отношением буржуазного общества — производством прибавочной стоимости; иначе говоря — в той мере, в какой они *непосредственно* могут быть выведены из внутренней природы «капитала вообще», тогда как *реальное* содержание указанных отношений во всем их многообразии Маркс по-прежнему предполагает рассматривать в соответствующих «специальных учениях» [42].

Иными словами, речь идет не о «ломке» понятия «капитал вообще» (и всего плана шести книг), а о таком расширении и углублении содержания данного понятия, которое было вызвано дальнейшим развитием Марксовой методологии в процессе его экономических занятий и предпосылки для которого были заложены уже в «Grundrisse».

* * *

Анализ основных концепций, сложившихся в немарксистской литературе в связи с «прочтением» ранее неизвестных экономических рукописей 1857—1859 гг., показывает, что, даже стремясь преодолеть односторонность мифа о «двух Марксах», нынешние интерпретаторы парадоксальным образом вновь попадают под его власть. Идет ли речь о «Grundrisse» как о «вершине творческого марксизма» в противовес «Капиталу», или же о «радикальной ломке» сложившейся в них структуры будущего труда в ходе последующих экономических занятий Маркса — в любом случае вольно или невольно конструируется разрыв между «Черновым наброском» и «Капиталом». Мнимое противоречие между «ранним» и «поздним» Марксом снимается, но ему на смену приходит «противоречие» между Марксом периода рукописей 1857—1859 гг. и Марксом — автором «Капитала». В итоге происходит искажение процесса поступательного развития Марксовой теории, распространяются ошибочные представления о становлении экономического учения марксизма, его научном значении и методологии.

Напротив, марксистско-ленинской исследовательской традиции чуждо стремление выискивать в черновых рукописях Маркса «опровержения» экономической теории, изложенной в его основном теоретическом труде. Взвешенный подход к оценке как достижений, так и «белых пятен» в рукописи 1857—1858 гг. позволяет с позиций конкретного историзма выявить те действительно важные идеи «Grundrisse», которые способны пополнить теоретическую сокровищницу марксистско-ленинской политической экономии, философии, научного коммунизма.

Глава XIV

АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОГО ЧЕРНОВОГО ВАРИАНТА «КАПИТАЛА» ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАПИТАЛИЗМА

В предшествующих главах, останавливаясь на тех или иных теоретических и методологических аспектах рукописей 1857—1859 гг., авторы стремились по возможности не только провести сугубо марксоведческий анализ первоначального наброска будущего «Капитала», но и обратить внимание читателя на некоторые моменты, осмысление которых с сегодняшних позиций может дать импульс для дальнейшего углубления политико-экономических исследований. Однако далеко не во всех случаях на это можно было пойти, не нарушая стройности изложения. Поэтому ниже речь пойдет о вещах, казалось бы, уже известных — трактовке денег в «Главе о деньгах» рукописи 1857—1858 гг. и так называемом плане шести книг, сложившемся у Маркса в эти же годы. Но рассмотрены они теперь будут под углом зрения прежде всего их современного звучания, с учетом той роли, которую они могут сыграть в творческом развитии марксистско-ленинской политической экономии. Делая это в порядке постановки вопроса, авторы отдают себе отчет, во-первых, в том, что этими двумя аспектами данная тема отнюдь не исчерпывается, а во-вторых, в том, что ряд формулируемых ниже тезисов имеет дискуссионный характер и нуждается в дальнейшей тщательной проработке.

Что же касается политической экономии социализма, то в третьем разделе VIII главы уже рассмотрены некоторые важнейшие выводы Маркса в отношении коммунистической экономики. Кроме того, эти проблемы в какой-то мере нашли отражение в литературе [1]. Поэтому авторы не дают здесь, в завершающей главе книги, специального анализа значения первоначального варианта «Капитала» для политэкономии социализма.

1. ОСОБЕННОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДЕНЕГ В «GRUNDRISSE» И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОНИМАНИЯ ЭВОЛЮЦИИ ДЕНЕЖНОЙ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА

В предыдущем изложении было уже выяснено, что, являясь прообразом будущего «Капитала», рукопись 1857—1858 гг. отличается от окончательного варианта Марксова труда в некоторых

содержательных вопросах. Были указаны и причины подобных отличий (см. в особенности главу XI).

В данном же разделе будут рассмотрены те аспекты исследования денег в «Grundrisse», которые не были впоследствии раскрыты в «Капитале», но которые могут способствовать более глубокому осмыслению изменений, происшедших в денежной системе капитализма во второй половине XX в.

Суть этих изменений, по мнению ряда исследователей, заключается в том, что на смену вещественному (золотому) первичному носителю денежного отношения пришел невещественный носитель — кредитные деньги, уже переставшие, как считают многие экономисты, быть знаками золота. Соответственно в современных условиях приобретает первостепенное значение данная Марксом характеристика денег как диалектического единства денежного отношения и его носителя. Этому положению особое внимание уделяется в «Grundrisse» [2].

В главе IV отмечалось, что Маркс в «Главе о деньгах» рукописи 1857—1858 гг. впервые соотнес денежное отношение с внутренней двойственностью товара. Он показал, что стоимость каждого товара выступает в форме специфической потребительной стоимости и что поэтому характерная для природы стоимости всеобщность, точнее, всеобщая эквивалентность [3], в каждом отдельном товаре находится лишь в потенции [4]. И только деньги становятся адекватной формой ее существования.

Маркс также выяснил, что формирование денежного отношения есть прежде всего процесс развития противоположности стоимости и потребительной стоимости товара, процесс обособления, «очищения» первой от влияния второй [5]. Соответственно деньги он определял как *стоимость, ставшую самостоятельной от потребительной стоимости товаров* [6]. Одно из ее принципиальных отличий от стоимости отдельных, особых товаров заключается в следующем. В стоимость каждого отдельного товара, благодаря единству с его потребительной стоимостью — это единство Маркс рассматривал диалектически, т. е. как взаимопроникновение,— вкрапливается не свойственный ей вещественный элемент, и поэтому она не может быть эталоном измерения стоимости других товаров. Но когда стоимость выступает в самостоятельной форме, т. е. «очищается» от потребительных стоимостей отдельных, особых товаров [7], она приобретает качество эталона измерения всех товарных стоимостей. Самостоятельная, *золотая* форма стоимости имеет бóльшую степень «очищения», а значит, является лучшим эталоном, чем ее исторические предшественники.

Чрезвычайно важна та мысль Маркса, что именно *самостоятельность стоимости является атрибутивным признаком эталонного денежного отношения.*

Поскольку «...деньги суть самостоятельное выражение стоимости» [8], именно это определение является критерием оценки того, насколько тот или иной носитель денежного отношения соответ-

ствует предъявляемым к нему требованиям. Поэтому роль носителя (символа) денежного отношения весьма велика. Маркс в рукописи 1857—1858 гг. писал: «...чтобы сразу реализовать товар как меновую стоимость и придать ему всеобщее значение меновой стоимости, недостаточно обмена его на какой-нибудь особый товар. Товар должен быть обменен на третий предмет, который сам, в свою очередь, есть не особый товар, а символ товара как товара, символ само́й меновой стоимости товара; *который, стало быть, представляет, скажем, рабочее время как таковое;* например — кусок бумаги или кожи, который представляет ту или иную долю рабочего времени. (Такой символ предполагает всеобщее признание; он может быть только общественным символом; он в сущности выражает только некоторое общественное отношение)» [9]. Эта же мысль была выражена Марксом и в несколько иной форме: «Таким образом, процесс попросту таков. Продукт становится товаром, т. е. *всего лишь моментом обмена.* Товар превращается в меновую стоимость. Чтобы приравнять товар к нему самому, как меновой стоимости, его заменяют знаком, который представляет его в качестве меновой стоимости как таковой. В качестве подобной символизированной меновой стоимости товар затем может быть опять обменен в определенных пропорциях на любой другой товар» [10].

В данных положениях основной является характеристика носителя денежного отношения как символа, знака, получившего всеобщее признание: поскольку носитель денежного отношения выводится из стоимости, «очищенной» от потребительной стоимости товара, он представляет собой нечто сугубо невещественное, символическое. «Меновая стоимость как таковая может, конечно, существовать лишь *символически...*» [11]

Таким образом, в теоретической структуре денег, разработанной Марксом в «Grundrisse», первым звеном является самостоятельная форма стоимости, вторым — ее символический носитель.

Следующее, третье звено — третий шаг на пути восхождения от абстрактного к конкретному — рассмотрение того материала, в котором воплощается символический носитель. «Развитие общества вырабатывает вместе с символом также все более и более соответствующий ему материал, от которого оно затем стремится снова отделаться. *Символ, если он не произволен, ставит известные условия тому материалу, в котором он представлен*» [12]. Этот материал может быть, вообще говоря, двух основных видов: товарный и нетоварный. Более того, в денежной системе XIX в., которую исследовал Маркс, оба эти вида функционировали: товарный, вещественный — золото и серебро, нетоварный, невещественный — кредитные и бумажные деньги [13].

И перед Марксом, естественно, встал вопрос, какой из двух видов материала выполняет роль *первичного* символа (данный вопрос был в XIX в. объектом острой дискуссии). Вывод, сделан-

ный им в рукописи 1857—1858 гг. и во всех последующих работах, включая «Капитал», сводится к следующему. Первичным символическим носителем денежного отношения является вещь, именно всеобщий товар — золото.

Конкретизируя данный вывод, Маркс раскрыл двойственность золотых денег. С одной стороны, это — стоимость самого золота (то, что объединяет золото с другими товарами), представляющая собой *непосредственный* эталон сопоставления, измерения стоимостей всех товаров; изменение стоимости золота ведет к изменению цены — денежной формы стоимости товаров [14]. С другой стороны, это — потребительная стоимость золота, которая является первичным вещественным носителем эталонной стоимости, вычленяет ее из ряда стоимостей всех товаров. Соответственно и первичный вещественный носитель выступает в качестве эталона: весовые количества золота измеряют стоимости всех товаров лишь постольку, поскольку они сами символизируют определенную величину стоимости этого металла. Нетоварный, невещественный носитель денежного отношения (кредитные и бумажные деньги) Маркс во всех своих работах рассматривал только как нечто вторичное, как знак вещественного носителя (золота).

Но в рамках этого общего подхода к анализу денег между «Grundrisse» и «Капиталом» имеются и различия. В «Капитале» на первый план выдвинулся вопрос, каким образом один из особых товаров — золото — стал всеобщим товаром и, благодаря этому, символическим первичным носителем денежного отношения. Соответственно в центре внимания оказалось формирование самого товара — всеобщего эквивалента. Это, в свою очередь, предопределило ход и теоретическую структуру анализа: первоначально рассматривалось выдвижение всеобщего товара из мира товаров (превращение одного из товаров во всеобщий товар, благодаря особенностям его потребительной стоимости), а затем — превращение стоимости этого товара в самостоятельную форму стоимости, в основу (в непосредственный эталон) сопоставления стоимостей всех товаров. Таким образом, в *«Капитале» при анализе денег Маркс шел от первичного носителя самостоятельной формы стоимости к скрывающейся за ним самостоятельной форме стоимости, к денежному отношению как таковому.*

В «Grundrisse» на первом плане была наиболее глубокая характеристика денег — диалектическое единство самостоятельной формы стоимости и ее первичного носителя. Соответственно Маркс *исследовал деньги в иной последовательности: самостоятельная форма стоимости (денежное отношение как таковое) — символический первичный носитель самостоятельной формы стоимости — материал этого символического носителя.*

Анализируя данную структуру, мы исходим из следующего. В цепи восхождения от абстрактного к конкретному каждое предшествующее звено может быть богаче последующего, в каждом последующем звене могут реализоваться не все потенции, за-

ложенные в предыдущем звене (а из тех потенций, какие реализуются, одни могут реализоваться полностью, а другие — лишь частично). Применительно к разработанной в «Grundrisse» теоретической структуре денег это означает, что самостоятельная форма стоимости (первое звено) и символический носитель (второе звено) по содержанию должны быть богаче товара — всеобщего эквивалента (третьего звена), и в последнем (несмотря на его многовековое существование) могут не реализоваться все заложенные в первых двух звеньях потенции носителя.

Эта идея предопределяет основное различие между подходом к анализу денег в «Grundrisse» и в «Капитале». Поскольку Маркс в «Капитале» шел от вещественного (золотого) носителя к самостоятельной форме стоимости, выводил второе из первого, самостоятельная форма стоимости рассматривалась им как нечто *неотделимое* от вещественного носителя. В «Grundrisse» же иная последовательность, иная теоретическая структура анализа денег. Поскольку в рамках этой структуры правомерно допущение, что не все потенции первичного носителя реализуются в вещественном носителе, соответственно *не исключается и существование потенций невещественного первичного носителя.* Такая гипотеза тем более правомерна, что в наиболее общей, родовой характеристике первичного символического носителя уже заложена альтернатива двух его форм: вещественной и невещественной.

Но такой аспект не привлекал внимание Маркса, выходил за рамки системы его абстракций. Цель Маркса состояла в том, чтобы выяснить, какой из носителей денежного отношения — вещественный или невещественный — являлся первичным в XIX в. Поскольку таковым была вещь — золото, Марксу достаточно было раскрыть в самостоятельной форме стоимости, в символическом носителе (первые два звена структуры денег) лишь потенции, которые реализовались в *вещественном* первичном носителе, что, как уже отмечалось, отнюдь не равнозначно выявлению всех потенций. Это (особенно учитывая последующие сто лет развития денег) дает основание полагать, что в теоретической структуре денег в «Grundrisse» содержится важный отправной пункт выходящего за рамки системы абстракций «Капитала» исследования. Суть его (отправного пункта) можно сформулировать в форме вопроса: *«является ли всеобщий товар единственно возможным первичным носителем денежного отношения на всех стадиях развития денег или на каком-то этапе может появиться невещественный первичный носитель?»*

Как уже отмечалось, первичный носитель должен быть максимально «очищен» от непосредственного воздействия потребительной стоимости [15]. При золотом первичном носителе денежное отношение, однако, не освобождается от непосредственного воздействия его собственной потребительной стоимости: как известно, золото выступает и как предмет, удовлетворяющий особые потреб-

ности, т. е. сохраняется тот дуализм, то противоречие, на которое обращал внимание Маркс в «Grundrisse»: «...деньги вступают в противоречие с самими собою и со своим определением в результате того, что они сами являются *особым* товаром... и поэтому в своем обмене на другие товары подчиняются, в свою очередь, особым условиям обмена, которые противоречат их всеобщей безусловной обмениваемости... Деньги становятся таким же товаром, как и другие товары, и вместе с тем они — не такой же товар, как другие товары. Несмотря на свое всеобщее определение, деньги суть вещь, способная к обмену наряду с другими вещами, способными к обмену. Деньги — не только всеобщая меновая стоимость, но одновременно и особая меновая стоимость наряду с другими особыми меновыми стоимостями. Здесь новый источник противоречий, которые дают себя знать на практике» [16].

Чтобы упомянутое объективное противоречие разрешилось и первичный носитель стал адекватно отражать требования, предъявляемые товарным миром к самостоятельной форме стоимости, он должен стать нетоварным, невещественным носителем, простым символом.

Таким образом, *в самом денежном отношении, в самостоятельной форме стоимости заложена абстрактная возможность замены товарного, вещественного первичного носителя нетоварным, невещественным.*

Но, как известно, на пути реализации любой абстрактной возможности имеются объективные препятствия, и далеко не каждая реализуется (и не каждая представляет интерес: научный и практический).

Считал ли Маркс, что, какой бы высокой ступени развития ни достигли денежные отношения, заложенные в них предпосылки возникновения невещественного первичного носителя недостаточно сильны для преодоления контртенденции; соответственно, полагал ли он, что *реальной* альтернативы вещественному первичному носителю не существует? Либо Маркс допускал такую альтернативу, но поскольку она не имела значения для анализа денег XIX в. (и предшествующих веков), абстрагировался от нее как от усложняющего обстоятельства?

В такой постановке проблема приобретает схоластический оттенок, на наш взгляд, ее нужно ставить иначе. Или то положение теории денег Маркса, согласно которому первичным носителем денежного отношения может быть только вещественный, товарный носитель, отражает объективную природу денег на всех стадиях их развития, включая XX в.; или теория денег Маркса допускает при определенных условиях, которых не было в XIX в., реальное существование и невещественного, нетоварного первичного носителя.

От решения данной проблемы зависят исходные посылки анализа современных капиталистических денег. Если правильно первое предположение, то исходной посылкой становится тезис

о вещественном первичном носителе денежного отношения, о товаре — всеобщем эквиваленте; если же правильно второе, то — тезис о возможности невещественного первичного носителя денежного отношения.

Система категорий «Капитала», ее содержание и структура определялись прежде всего самим объектом, каким он был к середине XIX в. [17] Если при этом учесть, что анализ денег был для Маркса не самоцелью, а средством решения основной задачи — открытия экономического закона движения капитализма, и деньги анализировались в «Капитале» как предпосылка и результат капитала XIX в., то становится понятным, почему Маркса интересовали не все потенции, заложенные в деньгах, а только те, которые получили преимущественное развитие в тот период. Положение о вещественном носителе денежного отношения как единственном первичном носителе стало для Маркса в «Капитале» теоретической исходной посылкой, отражающей условия середины XIX в.

Такой подход был обусловлен и исследованием денег, проведенным предшественниками Маркса. Ими было уже доказано, что деньгами является товар. Но еще не было выяснено главное: «...как и почему товар становится деньгами» [18].

Естественно, что при таком подходе, при такой системе абстракций альтернатива вещественному первичному носителю денежного отношения становилась усложняющим обстоятельством, которое не надо было принимать во внимание. Это и предопределило содержание отдельных положений Маркса. Он, в частности, писал: «...*кажется,* будто знак стоимости представляет *непосредственно* стоимость товаров, выступая не как знак золота, а как знак меновой стоимости, которая в цене лишь выражена, но существует только в самом товаре. Эта видимость, однако, ложна. Знак стоимости непосредственно есть только *знак цены,* следовательно, *знак золота,* и лишь окольным путем — знак стоимости товара» [19]. В XIX в., когда существовал объективный, но не выступающий на поверхности, механизм, благодаря которому кредитные и бумажные деньги были знаками золота, представление о них как о непосредственных знаках стоимости было ложно, на что и указывал Маркс. Но данное положение нельзя абсолютизировать [20], игнорируя те исторические объективные условия, которые оно отражало [21].

Идеи «Grundrisse», выходящие за рамки системы категорий «Капитала», делают правомерным предположение, что при возникновении качественно новых, по сравнению с XIX в., условий, невещественные денежные знаки могли бы стать первичным носителем денежного отношения и непосредственно выражать стоимости товаров.

Такое предположение следует рассматривать лишь как отправной пункт специального исследования, цель которого — ответить на вопрос: «может ли невещественный первичный носитель

реально существовать?» В соответствии с методологией Маркса исследование надо начинать с анализа фактического материала [22] — с сопоставления денежных систем XIX и XX вв., прежде всего той их сферы, в рамках которой формируется первичный носитель денежного отношения.

Главный вывод такого сравнительного анализа, проведенного советскими экономистами [23], заключается в том, что во второй половине XX в. обмен золота на товары стал *производным* от обмена товаров на денежные знаки, последний же превратился в основное, центральное звено денежной системы.

Поскольку в современных условиях сохранилось то главное, что характеризует деньги как всеобщий эквивалент (противоречие между общественным и частным трудом), сохраняется и содержание отношений, обслуживаемых всеобщим эквивалентом. Но поскольку прекратился непосредственный обмен товаров на золото, т. е. не стало всеобщего товара (исчезла объективная ситуация, отражая которую Маркс определил деньги как товар), а кредитные деньги стали играть решающую роль в денежной системе, есть основания полагать, что нетоварный, невещественный носитель денежного отношения — чистый символ, кредитные деньги — стал первичным.

Но этот вывод, как и любой другой вывод, основанный только на обобщении фактов, сам по себе, конечно, недостаточен; и не исключено, что он может отражать и обманчивую видимость явлений. Положения же «Grundrisse», раскрывающие абстрактную возможность невещественного первичного носителя, позволяют от анализа видимых фактов перейти к их теоретическому осмыслению с позиций марксистско-ленинской методологии исследования экономических отношений.

Цель такого исследования заключается в том, чтобы, говоря словами Маркса, «...видимое, лишь выступающее в явлении движение свести к действительному внутреннему движению» [24], т. е. вывести из самостоятельной формы стоимости, из стоимостной субстанции денег *внутреннюю неизбежность* появления невещественного первичного носителя.

Это, однако,— задача политической экономии, а не марксоведения. Для авторов же настоящей работы было важно обратить внимание политико-экономов на те импульсы, которые Марксова рукопись 1857—1858 гг. может дать исследованию современных денег.

Конечно, выявление содержащихся в ней отправных пунктов для анализа денег само по себе не может раскрыть качественное своеобразие денежной системы второй половины XX в. Но эти отправные пункты позволяют наметить путь к монистическому — с позиций теории трудовой стоимости — объяснению парадоксов развития денег в условиях современного капитализма.

2. ПЛАН «ШЕСТИ КНИГ»: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАПИТАЛИЗМА

К поставленным в рукописи 1857—1858 гг. отдельным проблемам, выходящим за рамки системы абстракций «Капитала», методологически примыкает составленный в ходе работы над этой рукописью план «шести книг»; в нем намечены основные направления дальнейшего развития политической экономии капитализма. Напомним, как он выглядел:

Книга I: О капитале
- Отдел I. Капитал вообще
  - Глава первая. Товар
  - Глава вторая. Деньги
  - Глава третья. Капитал вообще:
    1. Процесс производства капитала;
    2. Процесс обращения капитала;
    3. Единство того и другого, или капитал и прибыль (процент).
- Отдел II. Конкуренция капиталов
- Отдел III. Кредит
- Отдел IV. Акционерный капитал

Книга II: Земельная собственность
Книга III: Наемный труд
Книга IV: Государство
Книга V: Внешняя торговля
Книга VI: Мировой рынок [25].

Ключевым звеном этого плана является I отдел I книги — «Капитал вообще». Предметом первых двух глав данного отдела являлась «элементарная клеточка», из которой вырастает капитал вообще; предметом третьей, основной главы — сам капитал вообще в его развитой форме. В первом разделе главы должно было анализироваться производство прибавочной стоимости, во втором — ее обращение, в третьем — ее формы, которые возникают из движения капитала как целого, т. е. из единства производства и обращения прибавочной стоимости. *Таким образом, в 3-й главе Маркс намечал раскрыть основную структуру капитала, разработать теорию прибавочной стоимости* [26].

При ее разработке (отдел «Капитал вообще») под углом зрения прибавочной стоимости должны были быть рассмотрены многообразные проявления капиталистической экономики (в том числе конкуренция, кредит, акционерный капитал, земельная собственность, наемный труд, государство, внешняя торговля, мировой рынок). Непосредственно же не связанные с прибавочной стоимостью проявления конкуренции, кредита и т. д. выступают здесь как «посторонние и усложняющие обстоятельства», от которых необходимо абстрагироваться [27]. Если, например, при исследова-

нии процесса производства прибавочной стоимости рассматривать понижение заработной платы ниже стоимости рабочей силы, оказывающее существенное воздействие на положение наемных рабочих, то это помешает выявлению главного: связи производства прибавочной стоимости с законом стоимости. Если при анализе прибыли как превращенной формы прибавочной стоимости рассматривать специфическую прибыль акционерного капитала (учредительскую прибыль), то это отвлечет от рассмотрения прибыли как порождения единства производства и обращения прибавочной стоимости.

Во всей своей сложности и противоречивости конкуренция, кредит, акционерный капитал, земельная собственность, наемный труд и т. д.— объекты самостоятельных, специальных исследований, опирающихся на теорию прибавочной стоимости.

По плану шести книг анализ конкуренции, кредита и т. д. намечалось провести в двух аспектах: первоначально должна была быть раскрыта непосредственная связь прибавочной стоимости с этими экономическими категориями, а уже затем изучено их относительно самостоятельное движение. Первый аспект имеет решающее значение для познания конкуренции, кредита и т. д. Но это не должно вести к недооценке второго аспекта. Показательно, что когда речь шла об исследовании относительно самостоятельного, независимого от прибавочной стоимости движения конкуренции, кредита и наемного труда, Маркс употреблял такие термины, как *«учение»* и *«специальное учение»* [28]. Эта терминология имеет принципиальное значение.

Прежде всего следует иметь в виду, что с точки зрения марксистской классификации наук именно относительная самостоятельность той или иной формы движения материи порождает необходимость в специальной науке, в специальном учении. И поскольку конкуренция, кредит и т. д. имеют относительно самостоятельное движение, *они являются объектами специальных учений.*

Особенность анализа данных категорий в рамках соответствующих специальных учений заключается в том, что каждая из них выступает как основной предмет, и исследуется вся совокупность присущих ей качественно своеобразных экономических законов. При этом должно рассматриваться все многообразие капиталистической экономики, ибо оно объективно воздействует на каждую из этих категорий. Образно говоря, в рамках специального учения соответствующая категория по отношению ко всему многообразию капиталистической экономики должна выступать как «центр вращения» и рассматриваться во всей своей сложности как результат развития противоречий, зародышевая форма которых содержится в стоимости и прибавочной стоимости.

Специальные учения — это следующие за теорией прибавочной стоимости ступени восхождения от абстрактного к конкретному. Положения данной теории входят в специальные учения как исходный пункт, как материал для дальнейшего развития. Вместе

с тем, отражая видоизменения конкуренции, кредита и т. д., в которых в конечном итоге проявляет себя прибавочная стоимость, специальные учения полнее раскрывают содержание капитала.

Между теорией прибавочной стоимости и специальными учениями существует, таким образом, не только прямая, но и обратная связь. Последняя распространяется и на теорию стоимости. Остановимся на этом подробнее.

С одной стороны, главный объект теории трудовой стоимости — товар, как генетическое основание, как форма экономической клеточки капиталистических отношений, неисчерпаем. С другой же стороны, на начальном этапе исследования этих отношений — процесса восхождения от абстрактного к конкретному — уже должно быть дано общее понятие товара.

Развитие данного противоречия между объектом и процессом его познания заключается в том, что в 1—2-ой главах отдела «Капитал вообще» теоретически отражается *простейшая, т. е. наиболее абстрактная,* модель товара, содержащая его основные характеристики и необходимая для разработки теории прибавочной стоимости. На последующих этапах восхождения, при разработке специальных учений, объектом анализа становятся явления, процессы, которые не вписываются в простейшую модель товара, и возникает необходимость возвратного движения, обогащения наших представлений о товаре, о таких его моментах, как общественный труд, абстрактный труд, стоимость и т. д.

В связи с этим необходимо различать два аспекта теории стоимости. Первый — теория стоимости в узком смысле — отражает товар как генетическое основание лишь постольку, поскольку это необходимо для разработки теории прибавочной стоимости. Второй — теория стоимости в широком смысле — отражает товар как генетическое основание *всей* политической экономии капитализма, включая и соответствующие специальные учения [29]. Последние являются связующим звеном между теорией стоимости в узком смысле и теорией стоимости в широком смысле: они опираются на первую и обогащают вторую.

Итак, теория стоимости и прибавочной стоимости, с одной стороны, специальные учения — с другой, взаимообогащаются, сохраняя при этом свою самостоятельность, что и получило отражение в плане шести книг.

Было бы неправильным абсолютизировать этот план и исходить из того, что в него включены все специальные учения, входящие в политическую экономию капитализма. Каждая категория имеет свое собственное, относительно независимое от прибавочной стоимости движение и, следовательно, может быть объектом специального учения. Учитывая соображения, высказанные в первом разделе этой главы, можно полагать, что и деньги могут стать объектом специального учения.

В советской литературе связь плана шести книг с «Капиталом» обычно трактуется так, что последний выступает как

реализация не только важнейшей и наиболее сложной части этого плана — раздела о «капитале вообще», но и большинства тем, которые Маркс в конце 50-х гг. относил к «специальным учениям». Действительно, в «Капитале» Маркс — заметим под углом зрения *прибавочной стоимости* — провел анализ конкуренции, кредита, акционерного капитала, земельной собственности, наемного труда, государства, внешней торговли, мирового рынка; но специальные учения об этих экономических категориях, намеченные в плане шести книг, не были разработаны в его главном труде. Эти учения являются посредствующими звеньями между положениями «Капитала» и неисчерпаемым многообразием экономики капитализма [30].

Значение плана шести книг определяется не только намеченными в нем направлениями развития политической экономии капитализма, но и лежащей в основе этого плана методологией. Она, являясь важной составной частью марксистской политэкономической методологии, имеет самое непосредственное отношение к изучению еще нерешенных проблем конкуренции, кредита и т. д.: во-первых, подводит к пониманию того, что эти проблемы могут быть всесторонне изучены только при разработке соответствующего специального учения как целого; во-вторых, помогает глубже раскрыть место той или иной проблемы в системе политической экономии капитализма.

Если же не принимать во внимание методологию плана шести книг, не идти по пути разработки марксистских специальных учений, то при анализе целого ряда явлений будет иметь место *непосредственное* приспособление относительно независимого от прибавочной стоимости движения конкуренции, кредита и т. д. к положениям «Капитала». Такого рода методологическая ошибка, как отмечал Маркс, разрушает всю основу теории гораздо больше, чем нападки противников [31].

Разработка специальных учений включает в себя разрешение общетеоретических парадоксов. Остановимся на этом подробнее. Товар (общественный труд, абстрактный труд, стоимость и т. д.) как генетическое основание *всей* системы капиталистических производственных отношений предопределяет не только единство прибавочной стоимости и конкуренции, кредита и т. д., но и относительно самостоятельное движение последних. На первом, самом важном, этапе реализации плана шести книг Маркс сосредоточил внимание на единстве, для чего, как уже отмечалось, надо было создать простейшую, наиболее абстрактную модель товара. Она отражает не все заложенные в товаре истоки конкуренции, кредита и т. д., а главным образом те, которые предопределяют единство упомянутых категорий и прибавочной стоимости. Поэтому из данной модели невозможно вывести (даже через посредствующие звенья) многие относящиеся к специальным учениям явления конкуренции, кредита и т. д., и они (эти явления) выглядят несовместимыми с положениями теории стоимости в узком смысле, а

соответственно и теории прибавочной стоимости, т. е. выступают как парадоксы, общетеоретические парадоксы.

Одна из главных трудностей разработки специальных учений — разграничение действительных и мнимых (кажущихся) парадоксов. Между ними нет видимого различия: и те и другие выступают как несовместимость какого-то явления с исходными посылками теории. Если полагать, что в рамках теории прибавочной стоимости, основывающейся на теории стоимости в узком смысле, исчерпывается содержание товара как генетического основания экономики капитализма, то все возникающие при разработке соответствующих специальных учений действительные парадоксы конкуренции, кредита и т. д. будут трактоваться только как мнимые (кажущиеся), устраняемые с помощью различных вариантов систематизации положений «Капитала». При таком подходе целью проводимого в рамках специальных учений общетеоретического анализа упомянутых категорий — анализа, благодаря которому их относительно самостоятельное движение стыкуется со стоимостью и прибавочной стоимостью,— станет нахождение варианта систематизации, который бы устранил парадокс, а не разрешил его. Если же исходить из того, что при разработке теории прибавочной стоимости Маркс использовал наиболее абстрактную, простейшую модель товара и поэтому не раскрыл всех заложенных в товаре потенций, то систематизация положений «Капитала» о товаре как «клеточке» (подчиненная разработке специальных учений) обнажит действительные парадоксы, отделит их от мнимых.

Разработка специальных учений включает в себя, на наш взгляд, три основных этапа. *Первый.* Постановка проблем, т. е. выявление противоречий между стоимостью, прибавочной стоимостью, с одной стороны, самостоятельным движением конкуренции, кредита и т. д.— с другой. *Второй.* Выявление путей движения этих противоречий, нахождение теоретических посредствующих звеньев, т. е. решение отдельных проблем специальных учений. *Третий,* наиболее сложный. Создание специфической логики каждого учения, переход от решения отдельных проблем к разработке учения как *целостной системы.*

На первом этапе начинает создаваться генетическое основание каждого специального учения. Эта задача решается путем систематизации положений «Капитала», в которых, как уже отмечалось, отражена простейшая, наиболее абстрактная модель товара (соответственно, и простейшая модель общественного труда, абстрактного труда, стоимости), модель, не раскрывающая некоторых истоков относительно самостоятельного движения конкуренции, кредита и т. д. Следовательно, на первом этапе невозможно создать *адекватного* генетического основания для специального учения[32]. Поскольку из генетического основания, каким оно складывается на первом этапе, нельзя вывести некоторые явления конкуренции, кредита и т. д., а значит, и вписать их в систему

марксистской политической экономии, именно на этом этапе возникают общетеоретические парадоксы.

Их разрешение — одна из задач второго этапа — требует расширить генетическое основание каждого специального учения. Очень важно при этом опираться на черновые варианты «Капитала». Дело в том, что при движении к простейшей модели товара Марксу приходилось сопоставлять различные стороны, грани, аспекты этой фундаментальной категории (иным путем нельзя было решить, какие из них входят, а какие не входят в простейшую модель). Поэтому в рукописях Маркса встречаются характеристики товара (и таких его моментов, как общественный труд, абстрактный труд, стоимость), которые выходят за рамки простейшей модели, за рамки системы абстракций «Капитала». Мы остановимся на одной из них для того, чтобы хоть в какой-то мере раскрыть проблемы теории стоимости в широком смысле, разработка которых играет важную роль в создании адекватного генетического основания специальных учений.

В 1858 г. Маркс выдвинул следующее положение: «Взаимное удовлетворение их (товаропроизводителей.— *Авт.*) потребностей, через посредство вещественного различия их труда и их товара, превращает их равенство в наполненное социальным содержанием отношение, а их особенный труд в особенный способ существования социального труда вообще» [33]. Здесь по существу дается несколько иная, чем в «Капитале», характеристика абстрактного труда. Ее своеобразие заключается в смещении акцентов: подчеркивается не физиологическая, а сугубо социальная сторона абстрактного труда.

Маркс в «Капитале» характеризовал абстрактный труд как физиологические затраты товаропроизводителей [34] и не определял его как «социальный труд вообще» не потому, что второе определение было ошибочным или не имеющим принципиального значения. Мысль, зафиксированная во втором определении, содержится в контексте «Капитала». Показательно в этом отношении следующее положение «Капитала»: «...в стоимость не входит ни одного атома вещества природы» [35]. Здесь стоимость характеризуется как сугубо общественное отношение. Но у сугубо общественного отношения и субстанция должна быть общественной, именно такая характеристика субстанции стоимости — абстрактного труда — и дается в «Grundrisse». Следовательно, есть основание полагать, что определение абстрактного труда как физиологических затрат товаропроизводителей не исчерпывает содержания этой фундаментальной категории, что Маркс не включил в «Капитал» определение абстрактного труда как социального труда вообще по методологическим соображениям: поскольку оно усложняет решение главной задачи — создания теоретической основы рассмотрения прибавочной стоимости.

Характеристика абстрактного труда как социального труда вообще, будучи генетическим основанием специального учения о

конкуренции, даст возможность связать (через ряд посредствующих звеньев) те тенденции динамики цен, которые совершенно не зависят от изменения физиологических затрат товаропроизводителей (например, тенденцию монопольных цен), с субстанцией стоимости — абстрактным трудом, что должно способствовать монистическому анализу данных тенденций [36].

Естественно, что выходящее за рамки системы абстракций «Капитала» исследование товара, а соответственно и таких фундаментальных категорий, как общественный труд, абстрактный труд, стоимость, должно отправляться не только от рукописей Маркса; важную роль играют импульсы, идущие от реальной действительности. Некоторые из явлений конкуренции, кредита и т. д. не вписываются в сложившиеся теоретические представления об упомянутых фундаментальных категориях и тем самым нацеливают на выявление еще неизвестных сторон, граней этих категорий. Выходящее за рамки системы абстракций «Капитала» исследование товара в плане теории стоимости в широком смысле позволит дать каждому специальному учению адекватное генетическое основание. Это — одна из задач второго и особенно третьего этапа разработки специальных учений о конкуренции, кредите и т. д.

В современных условиях значение этих специальных учений возрастает. На высшей стадии своего развития капитализм становится более сложным и противоречивым, соответственно усиливается необходимость в теоретических посредствующих звеньях между положениями «Капитала» и конкретным многообразием капиталистической экономики. К этому следует добавить, что многие, относительно независимые от прибавочной стоимости явления (например, потребительский банковский кредит), которые при домонополистическом капитализме не играли сколько-нибудь существенной роли, в современных условиях приобретают весьма важное значение. Возникают и новые явления (об одном из них говорилось в первом разделе этой главы), анализ которых требует разработки специальных учений. Таким образом, в современных условиях экономические, а соответственно, и политические научные прогнозы, а также осмысливание текущей экономической конъюнктуры в большей степени зависят от разработки специальных учений, чем во времена Маркса.

Разработка этих учений необходима и для борьбы с ревизионистской критикой «Капитала». Метод последней сводится к следующему. Положения главного труда Маркса абсолютизируются, игнорируется то, что они являются отправными пунктами для дальнейшего исследования. Затем этим положениям противопоставляются реальные и весьма парадоксальные явления конкуренции, кредита и т. д., которые или были для Маркса усложняющими обстоятельствами и поэтому не рассматривались в «Капитале» или вообще не существовали во времена Маркса. Их парадоксальность с точки зрения положений «Капитала» — а именно

на ней фиксируется внимание — рассматривается как доказательство ошибочности, неактуальности теории Маркса. Проведение марксистского анализа парадоксальных экономических процессов в рамках соответствующих специальных учений и связанное с этим развитие теории стоимости в широком смысле дадут возможность в полной мере раскрыть поверхностный, антинаучный характер ревизионистской критики «Капитала», показать, что одним из ее гносеологических истоков является догматизм.

Разработка специальных учений необходима и для критики тех, кто догматически использует и защищает марксистскую экономическую теорию, непосредственно приспособляя конкретные процессы капиталистической экономики к положениям «Капитала» [37].

В области специальных учений уже довольно много сделано: собран большой материал, осмысление которого относится к специальным учениям, исследованы отдельные проблемы этих учений. Но пока ни для одного из них не создано адекватное, целостное генетическое основание, не решен вопрос о последовательности монистического исследования и изложения проблем, обходятся общетеоретические парадоксы, возникающие при разработке этих учений. Углубленная разработка специальных учений, необходимость которой раскрывается методологией плана шести книг Маркса, очевидно, позволила бы реализовать еще не использованные возможности марксистской политической экономии, подойти к открытию новых экономических законов, выдвижению новых теоретических положений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В научной литературе общепринято в завершение исследования формулировать подробные выводы, к которым оно привело. Авторы данной монографии, однако, выбрали иной путь, решив сосредоточиться не столько на повторении изложенного, сколько на еще нерешенных проблемах, стоящих перед марксоведением в связи с освоением экономического наследия Маркса в целом и первоначального варианта «Капитала» — в частности.

В «Grundrisse» намечены контуры главного труда основоположника научного социализма. Были разработаны основные положения экономического учения марксизма, и прежде всего — теории прибавочной стоимости, означавшей революцию в политической экономии. Вместе с тем это второе великое открытие Маркса оказало мощное воздействие и на другие составные части марксистской теории. Во-первых, именно изучение экономической жизни буржуазного общества в рукописях 1857—1859 гг. позволило Марксу в знаменитом Предисловии к первому выпуску «К критике политической экономии» дать сжатую, но емкую, ставшую классической формулировку важнейших принципов материалистического понимания истории. Во-вторых, разработка Марксом метода исследования и изложения, проблем структуры будущего труда стала важным вкладом в развитие диалектического материализма. В этом отношении «Grundrisse» также являются прологом «Капитала», в котором, по словам Ленина, «применена к одной науке логика, диалектика и теория познания... материализма...» [1]. Наконец, в рукописях было дано экономическое обоснование теории научного социализма, доказана неизбежность революционной ломки капитализма и намечены складывающиеся в его недрах тенденции экономического развития, в перспективе выводящие за рамки буржуазного строя, сформулированы основные закономерности экономики будущего общества.

Вместе с тем в 1857—1859 гг. Маркс сделал, хотя и решающий, но все же лишь первый шаг в создании политической экономии рабочего класса. Осознавая это, он продолжал интенсивные экономические занятия; потребовалось около десяти лет напряженного труда, прежде чем вышел в свет I том «Капитала». Среди проблем, имеющих огромную теоретическую важность, ко-

торые еще предстояло решить в рукописях 1861—1863 и 1863—1865 гг., последующих черновиках и, наконец, в самом «Капитале»,— углубленная разработка учения о двойственном характере заключенного в товаре труда; генетическое выведение денег из товара, исследование формы стоимости; развитие теории прибавочной стоимости в широком смысле, т. е. включая ее превращенные формы (для этого необходимо было выяснить различную роль постоянного и переменного капитала в процессе производства прибавочной стоимости, исследовать кооперацию, мануфактуру, крупную машинную промышленность как стадии развития относительной прибавочной стоимости, продолжить исследование товара рабочая сила — раскрыть экономическое содержание заработной платы, решить проблему средней прибыли и цены производства, земельной ренты и т. д.); нахождение посредствующих звеньев в переходе от прибавочной стоимости к прибыли, в связи с чем Марксу требовалось существенно углубить понимание проблем обращения и воспроизводства капитала.

Многие из этих вопросов могли получить свое решение лишь при условии дальнейшей конкретизации представлений Маркса о структуре его экономического труда. Это требовало, прежде всего, уточнения плана «шести книг», сложившегося в 1857—1859 гг., и его центрального понятия «капитал вообще».

Разработка структуры «Капитала», в свою очередь, предполагала дальнейшее развитие диалектико-материалистического метода, и, в частности, окончательное выяснение соотношения между восхождением от абстрактного к конкретному и действительным историческим процессом: речь идет о той роли в теоретической системе категорий капиталистического способа производства, которую играет исследование его предыстории.

Марксу предстояла также дальнейшая разработка фундаментальных проблем научного социализма — таких, как обоснование возможности и необходимости борьбы рабочего класса за повышение заработной платы и сокращение рабочего дня и др. Кроме того, лишь по мере развития своих представлений о динамике капиталистического способа производства (формальное и реальное подчинение труда капиталу) Маркс пришел к выводу о стадиальном характере развития не только капитализма, но и коммунистического общества.

Лишь такой взвешенный учет как достижений Маркса в рассматриваемой рукописи, так и еще не решенных в ней проблем и позволяет, по мнению авторов, дать объективную научную оценку места «Grundrisse» в истории марксизма и тем самым до некоторой степени углубить понимание существа экономического учения марксизма.

В то же время авторы отдают себе отчет в том, что ряд проблем остался вне рассмотрения. Представляется, что еще далеко до исчерпывающего выяснения философского значения рукописей 1857—1859 гг. Между тем именно исследование того влияния, ко-

торое оказало на материалистическое понимание истории создание экономической теории, может дать ответ на вопрос о том, что́ конкретно стоит за ленинским тезисом о превращении исторического материализма из гипотезы в научно доказанное положение. Речь идет, по существу, о предметном рассмотрении диалектики составных частей марксизма.

Не меньшую важность представляет и вопрос о диалектике источников и составных частей марксизма. В данной связи большого внимания требуют Марксовы тетради с выписками, в которых эта диалектика материализована, о чем свидетельствует и опубликованная в качестве приложения к настоящей работе рукопись «Слиток», в которой как раз и намечается переход Маркса от изучения буржуазной политэкономии к ее критическому преодолению. Однако в предлагаемой вниманию читателя монографии сделаны только первые шаги в этом направлении.

Требуют дальнейшего анализа и ряд проблем, выпукло очерченных в «Grundrisse», но по тем или иным причинам не нашедших отражения в последующих экономических произведениях Маркса. Некоторые из этих проблем были рассмотрены авторами, назовем и другие: идея Маркса об убывающем влиянии роста производительности труда на самовозрастание капитала [2] (сопоставим ее с известным положением ленинской теории империализма о тенденции монополий к торможению научно-технического и социально-экономического прогресса), его высказывания о пропагандистской и цивилизаторской тенденциях капитала [3], помогающие глубже понять внутренние факторы втягивания в орбиту капитализма, в том числе и на нынешнем этапе его развития, стран, где господствуют докапиталистические способы производства. Этот перечень можно было бы продолжить.

В своей дальнейшей работе авторы надеются продолжить начатое исследование, углубить его и расширить рамки рассмотрения, привлечь к анализу последующие черновые варианты «Капитала». В этом они видят возможность внести вклад во всестороннее осмысление великого наследия Маркса, Энгельса, Ленина, в конкретизацию и развитие фундаментальных принципов и положений марксизма-ленинизма [4].

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 18.— С. 345.
[2] Материалы XXVII съезда КПСС.— М., 1986.— С. 9.
[3] Среди обобщающих работ на эту тему следует в первую очередь назвать труды Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС: Карл Маркс. Биография (2-е изд., М., 1973); Фридрих Энгельс. Биография (2-е изд., М., 1977); История марксизма-ленинизма. Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века — 1871 г. (М., 1986); Очерки по истории «Капитала» К. Маркса (М., 1983) и др.
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд.— Т. 1.— С. 585 (далее везде — без указания издания).
[5] В 1946 г. появилась первая работа, посвященная рукописи 1857—1858 гг.: *Леонтьев Л. А.* О предварительном варианте «Капитала» Маркса.
[6] Относительно самостоятельная часть рукописи 1861—1863 гг.— «Теории прибавочной стоимости»,— являющаяся прообразом IV тома «Капитала», в рамках второго издания составляет т. 26, ч. 1—3.
[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1—2; Т. 47—50.
[8] См. там же.— Т. 42, 44.
[9] См.: MEGA. II/1.1—2, II/2, II/3.1—6, II/4.1—3.
[10] См.: MEGA. II/5.
[11] Они появятся в составе томов II/6, II/7, II/8, II/9, II/10.
[12] Уже вышли в свет тома IV/2, IV/6, IV/7, IV/8, в ближайшее время появится том IV/4.
[13] В литературе нет единого устоявшегося названия данной рукописи. Поэтому в настоящей работе она обозначается и как «Критика политической экономии», и как «Черновой набросок», и просто как экономическая рукопись 1857—1858 гг. Но доминирующим названием в международном марксоведении является немецкое «Grundrisse», оно чаще всего и используется в предлагаемой монографии.
[14] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 23.— С. 45.
[15] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 21.
[16] Плодотворность такого подхода обосновывается в кн.: История марксизма-ленинизма.— С. 11—20.
[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 16.— С. 9; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 21.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 1.— С. 118.
[19] Там же.— Т. 20.— С. 27.
[20] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 23.— С. 1.
[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 4.— С. 282.
[22] Там же.— Т. 13.— С. 491.
[23] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 136.
[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 10.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 23.— С. 44.
[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 36.— С. 246.
[27] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 26.— С. 73.

[28] Там же.— Т. 1.— С. 139—140.
[29] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 20.— С. 371.
[30] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 301.
[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 497.
[32] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 26.— С. 60.

Глава I

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 6.
[2] От немецкого слова «Exzerpt» — краткое изложение, резюме. Первую полную публикацию парижских эксцерптных тетрадей Маркса см.: *Karl Marx, Friedrich Engels.* Gesamtausgabe (MEGA). Abt. IV. Exzerpte. Notizen. Marginalien. Bd. 2. Berlin, 1981.— S. 301—579. (Далее: MEGA. IV/2). См. также: *Румянцева Н. С.* О публикации «Парижских тетрадей» К. Маркса во 2 томе IV отдела МЭГА//Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса.— М., 1980.— С. 17—46.
[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 24.— С. 11.
[4] MEGA. IV/2.— S. 316, 319.
[5] Ibid.— S. 336.
[6] Ibid.— S. 482.
[7] Ibid.— S. 301, 328, 339.
[8] Ibid.— S. 392.
[9] Ibid.— S. 395.
[10] Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 42.— С. 17—18.
[11] MEGA. IV/2.— S. 308.
[12] Ibid.— S. 308, 309. Впоследствии уже сам Маркс разовьет эту тему в «Grundrisse», где он раскроет внутреннее противоречие денег, заключающееся в том, что как мера они должны обладать неизменной стоимостью, но, будучи *золотыми* деньгами, как золото, они подвержены колебаниям стоимости, как и всякий другой товар (см., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 93, 180 и др.).
[13] MEGA. IV/2.— S. 337, 338.
[14] Ibid.— S. 338.
[15] Ibid.— S. 340.
[16] Ibid.— S. 339.
[17] Ibid.— S. 345.
[18] Ibid.— S. 424.
[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 42.— С. 18.
[20] Там же.— С. 19.
[21] Там же.— С. 20.
[22] MEGA. IV/2.— S. 416.
[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 42.— С. 24.
[24] Там же.
[25] См. там же.— С. 27—28.
[26] Там же.— С. 19, 20.
[27] Там же.— С. 87.
[28] Там же.— С. 117, 114.
[29] В настоящее время тома IV отдела МЭГА, в которых публикуются брюссельские эксцерпты Маркса, находятся еще в процессе подготовки, вследствие чего в настоящей монографии мы воздерживаемся от подробного их анализа и комментирования.
[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 2.— С. 53; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 16.
[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 27.— С. 17.
[32] *Karl Marx, Friedrich Engels.* Gesamtausgabe (MEGA). Abt. III. Briefwechsel. Bd. 1. Berlin, 1971.— S. 458 (далее: MEGA. III/1).
[33] Ibid.— S. 516, 528.
[34] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 27.— С. 397.
[35] Там же.— С. 398—399.
[36] Там же.— С. 400.

[37] См.: *Чурбанов Л. Г.* О работе Маркса в Королевской библиотеке Бельгии (г. Брюссель)//Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса.— М., 1980.— С. 47—50.
[38] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 27.— С. 16.
[39] См.: MEGA. III/1.— S. 465, 469.
[40] См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 384, 429; Т. 13.— С. 39—40; Т. 26, ч. 1.— С. 163—165; Т. 23.— С. 282.
[41] Там же.— Т. 23.— С. 282.
[42] MEGA. IV/4.— S. 8.
[43] Ibid.
[44] Ibid.— S. 46, 48.
[45] Ibid.— S. 22.
[46] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 20.— С. 242.
[47] Там же.— Т. 26, ч. 3.— С. 109.
[48] Там же.— Т. 25, ч. 2.— С. 36.
[49] Натолкнувшись на подобное объяснение причин кризисов в работе Дж. Ст. Милля «Опыты о некоторых нерешенных вопросах политической экономии», воспринятое им у своего отца Джемса Милля, Маркс заметил: «Когда *старик Милль* говорит, к примеру, что спрос и предложение идентичны, так как каждый предлагающий одновременно является требующим, то он забывает, отвлекаясь от *денег* (речь идет не о меновой торговле), что каждый хочет купить у другого для того, чтобы продать с прибылью, а не для того, чтобы удовлетворить какую-либо непосредственную потребность» (MEGA. IV/4.— S. 342).
[50] Энгельс первым подробно законспектировал эту работу Тука, и Маркс первоначально делал часть выписок по его конспекту. Затем наиболее интересовавший его материал о кризисах 1819 и 1825 гг. он законспектировал по книге и, дойдя до кризиса 1837 г., пометил: «Дальше *см.* эксцерпты *Энгельса*». Завершил выписки из Тука Маркс также по тетради Энгельса. (См.: MEGA. IV/4.— S. 145).
[51] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 3.
[52] См.: MEGA. IV/7; см. также: *Васина Л. Л.* О месте эксцерптных тетрадей Маркса первой половины 50-х гг. XIX в. в истории формирования марксистской теории денег//Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М., 1983.— С. 18—33.
[53] MEGA. IV/4.— S. 126.
[54] Ibid.— S. 121—122.
[55] Ibid.— S. 346. Впоследствии Маркс в рукописи 1861—1863 гг., приводя эту цитату, показывает непоследовательность анализа Милля (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 26, ч. 3.— С. 244).
[56] MEGA. IV/4.— S. 78.
[57] Ibid.— S. 270.
[58] Ibid.
[59] Ibid.— S. 102.
[60] Ibid.— S. 112.
[61] Ibid.— S. 256.
[62] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 26, ч. 2.— С. 126.
[63] MEGA. IV/4.— S. 63.
[64] Ibid.— S. 279.
[65] Ibid.
[66] Отметим, что в парижских выписках из книги Рикардо Маркс высоко оценил научную ценность проведенного им исследования отношения прибыли и заработной платы, подчеркнув, что с экономической точки зрения учение Рикардо «верно и последовательно» (MEGA. IV/2.— S. 421).
[67] См.: MEGA. IV/4.— S. 233.
[68] Ibid.— S. 276.
[69] Ibid.
[70] Ibid.— S. 347.
[71] Ibid.— S. 348. Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 26, ч. 3.— С. 199.

[72] Подвергнув в рукописи 1861—1863 гг. критическому анализу взгляды Милля, Маркс так резюмирует его позицию: «...ему самому не ясно, какую собственно проблему он хочет разрешить» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 26, ч. 3.— С. 196).
[73] MEGA. IV/4.— S. 189.
[74] Характеристика лондонских эксцерптных тетрадей 50-х гг. дана в § 1 главы II данной монографии.
[75] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 155.
[76] MEGA. IV/4.— S. 242.
[77] Ibid.— S. 241.
[78] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 21.— С. 180.
[79] См. там же.— Т. 4.— С. 69.
[80] Там же.— Т. 19.— С. 231.
[81] Там же.— Т. 4.— С. 129.
[82] Там же.— С. 133.
[83] Там же.— С. 86.
[84] Там же.— С. 82.
[85] Там же.— Т. 21.— С. 182.
[86] Там же.— Т. 4.— С. 115. О преодолении Марксом количественной теории денег говорится во второй и четвертой главах настоящей монографии.
[87] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 4.— С. 110—111.
[88] «Рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чужому* предмету»,— пишет Маркс (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 42.— С. 88).
[89] Там же.— С. 87.
[90] Там же.— С. 90.
[91] Там же.— С. 90—91.
[92] Там же.— Т. 4.— С. 88.
[93] Там же.— С. 91.
[94] Там же.— Т. 6.— С. 443—444.
[95] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 29.
[96] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 6.— С. 429, 434.
[97] Там же.— С. 442.
[98] Там же.— С. 445, 450, 451.
[99] Там же.— С. 599.
[100] Там же.— С. 600.
[101] Там же.— Т. 4.— С. 146.
[102] Там же.— С. 88.
[103] Там же.— С. 157. Впоследствии, в экономической рукописи 1861—1863 гг., Маркс также приводит аналогичные факты о влиянии забастовочной борьбы на изобретение машин, но там они послужили основой для совершенно других выводов, что свидетельствует о принципиально иной степени зрелости экономической теории Маркса в 60-е гг.
[104] Там же.— С. 182, 183.
[105] Там же.— Т. 6.— С. 585, 596.
[106] Там же.— Т. 4.— С. 160.
[107] Там же.— С. 153.
[108] Там же.— С. 184.
[109] Там же.— Т. 24.— С. 11.

Глава II

[1] Подробнее см.: История марксизма-ленинизма. Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении. 40-е годы XIX века — 1871 г.— М., 1986.— Гл. 4.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 7.— С. 100.
[3] Там же.— Т. 13.— С. 8—9.
[4] Там же.— Т. 28.— С. 500—501.
[5] Там же.— Т. 29.— С. 185.
[6] Там же.— С. 192.
[7] MEGA. III/4.— S. 497.

[8] Полностью первые десять тетрадей этой серии уже опубликованы на языках оригинала в томах MEGA. IV/7 и IV/8.

[9] Подробнее см.: *Васина Л. Л.* Некоторые актуальные вопросы марксоведения в свете борьбы с извращениями истории создания экономического учения К. Маркса//Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов.— М., 1984.— С. 107—115.

[10] Ср.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 25, ч. 2.— С. 36.

[11] Там же.— Т. 27.— С. 162.

[12] Данная рукопись публикуется в качестве приложения к настоящей монографии. Во вводной статье к публикации дается ее более подробная характеристика (см. с. 356—362).

[13] Эта рукопись впервые была опубликована на языке оригинала в: *Karl Marx, Friedrich Engels.* Gesamtausgabe (MEGA). Abt. I. Werke. Artikel. Entwürfe. Bd. 10. Berlin, 1977.— S. 503—510 (далее: MEGA. I/10) и на русском языке в 44-м томе Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса. Не умаляя самостоятельного значения рукописи, следует все же заметить, что ее содержание становится в полной мере понятным только при сопоставлении с материалами эксцерптных тетрадей. Изолированное ее рассмотрение может привести к преувеличениям степени ее теоретической зрелости. Так, например, «Размышления» иногда трактуют как набросок Марксовой теории капитала (см.: *Magerstädt B.* Die Herausbildung und Entwicklung des Kapitalbegriffs und seine Differenzierung bei Karl Marx und Friedrich Engels von 1844 bis 1853. (Diss.)-Halle, 1977.— S. 199, 201).

[14] В «Размышлениях» Маркс отмечает, что «товары обладают меновой стоимостью, которая с необходимостью имеет *особого* заместителя, отличного от товаров...» *(Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 44.— С. 145).

[15] Там же.— С. 144—145.

[16] Там же.— С. 145.

[17] См.: MEGA. IV/8.— S. 276.

[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 26, ч. 3.— С. 244.

[19] Там же.— Т. 44.— С. 107.

[20] Там же.

[21] Там же.— С. 132, 110.

[22] Там же.— С. 128.

[23] Там же.— С. 129.

[24] Там же.

[25] Здесь, между прочим, анализ истории экономического учения Маркса показывает, насколько неоправданы попытки некоторых современных леворадикальных теоретиков представить автора «Капитала» лишь сторонником концепции «избытка», либо трактовать свой отказ от теории прибавочной стоимости в пользу этой концепции как «развитие» марксистской политэкономии. На деле марксистская политэкономия в таком случае оказывается отброшенной к позициям Маркса начала 50-х гг.

[26] MEGA. IV/7.— S. 358.

[27] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 26, ч. 2.— С. 255.

[28] Там же.— Т. 27.— С. 151.

[29] Ср.: там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 268.

[30] Там же.— Т. 28.— С. 363.

[31] Подробнее об этом см., например: История марксизма-ленинизма, гл. 5 (особенно первый раздел).

[32] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 8.— С. 593, примеч. 1.

[33] Там же.— С. 195.

[34] Там же.

[35] Там же.— С. 385—386.

[36] Там же.— Т. 9.— С. 175.

[37] Там же.— Т. 8.— С. 388.

[38] Там же.— С. 391.

[39] Там же.— Т. 10.— С. 615.

[40] Там же.— Т. 12.— С. 333.

[41] Там же.— С. 586.
[42] Там же.— Т. 9.— С. 341.
[43] Там же.— Т. 12.— С. 50.
[44] Там же.— Т. 9.— С. 101.
[45] Там же.— Т. 10.— С. 615.
[46] Там же.— Т. 9.— С. 322.
[47] Там же.— С. 487.
[48] Там же.— Т. 29.— С. 192.
[49] Там же.— Т. 12.— С. 333.
[50] Там же.— Т. 29.— С. 185.
[51] Там же.— Т. 12.— С. 326.
[52] Там же.— С. 328.
[53] Там же.— С. 328—329.
[54] Там же.— Т. 29.— С. 183—184.
[55] Там же.— Т. 12.— С. 330.
[56] Там же.— С. 336.
[57] Там же.— С. 332.
[58] Там же.— С. 347.
[59] См., например, статью «Финансовый кризис в Европе» (там же.— С. 351).
[60] См. там же.— Т. 29.— С. 189—191.
[61] Там же.— Т. 12.— С. 351.
[62] Там же.— С. 554.
[63] Там же.— С. 555.
[64] Там же.— С. 556.
[65] Там же.— С. 559. В «Grundrisse» Маркс дает следующую общую характеристику подобных воззрений и их теоретических истоков: «Рикардовское учение о деньгах с его ложными предпосылками, будто банк контролирует количество находящихся в обращении банкнот, будто количество средств обращения определяет цены, тогда как, наоборот, цены определяют количество средств обращения и т. д.,— полностью опровергнуто» (там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 65).
[66] Там же.— Т. 12.— С. 586.
[67] Там же.— С. 589.
[68] Там же.— Т. 29.— С. 290—291.
[69] Там же.— Т. 23.— С. 6.
[70] Там же.— Т. 8.— С. 498.
[71] Там же.— Т. 9.— С. 45.
[72] Там же.
[73] Там же.— С. 72.
[74] Там же.— Т. 8.— С. 354.
[75] Там же.
[76] Там же.— Т. 9.— С. 196.
[77] Там же.— С. 65—66.
[78] Там же.— С. 67.
[79] Там же.— Т. 13.— С. 210.
[80] Там же.— Т. 9.— С. 197.
[81] Там же.— Т. 13.— С. 211.
[82] Там же.— Т. 12.— С. 191—192.
[83] Там же.— Т. 8.— С. 569.
[84] Там же.— С. 386.
[85] Там же.— С. 387—388.
[86] Там же.— Т. 13.— С. 515.
[87] См. предыдущий параграф настоящей главы.
[88] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 8.— С. 561.
[89] Там же.— Т. 9.— С. 174.
[90] Там же.
[91] Там же.— С. 299.
[92] Там же.— С. 345.
[93] Там же.— С. 347.

[94] Там же.— С. 546.
[95] Там же.— С. 432.
[96] Там же.— Т. 13.— С. 510—511.
[97] Там же.— Т. 9.— С. 481.
[98] Там же.— Т. 8.— С. 535—536.
[99] Там же.— С. 568.
[100] Там же.— Т. 9.— С. 257.
[101] Там же.— Т. 12.— С. 4.
[102] Там же.— Т. 9.— С. 85.
[103] Там же.— Т. 13.— С. 9.
[104] Там же.— Т. 12.— С. 559.
[105] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 139.
[106] Там же.— Т. 12.— С. 561—562.
[107] См. там же.— Т. 23.— С. 151; Т. 25, ч. 2.— С. 69.
[108] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 12.— С. 61.
[109] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 59. Интересно отметить, что эта характеристика почти дословно была повторена Марксом в письме Энгельсу 8 декабря 1857 г.: «Французский капитал,— вопреки *космополитической* природе, которую открыл в нем г-н Перейра,— в торговле как таковой остался трусливым, скаредным и осторожным, каким был всегда» (там же.— Т. 29.— С. 184—185).
[110] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 59.
[111] См. там же.— Т. 12.— С. 66—72.
[112] Там же.— С. 335.
[113] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 71, 73.

Глава III

[1] См. главу II настоящей монографии.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 72. Еще в 1852 г., анализируя финансовые махинации бонапартистского правительства, Маркс отмечал, что они представляют собой, по существу, реализацию прудоновских планов «спасения общества... в форме кредитных мошенничеств и более или менее прямого обмана» (там же.— Т. 28.— С. 172). Сам Прудон поначалу полагал, что финансовые мероприятия режима Луи Бонапарта пролагают путь к реализации его планов в области реорганизации обмена на «справедливой» основе.

Несколько лет спустя Маркс с иронией писал, имея в виду период становления диктатуры Бонапарта: «Быть может, потомство, характеризуя этот недавний период французской истории, скажет, что Луи Бонапарт был его Наполеоном, а Прудон — его Руссо-Вольтером» (там же.— Т. 16.— С. 31). Таким образом, критика теоретических построений прудонизма была в то же время критикой экономической платформы бонапартистского режима во Франции — весьма примечательное (и практически не исследованное) обстоятельство, которое позволяет значительно шире взглянуть на те практически-политические задачи, которые Маркс решал, создавая «Grundrisse».
[3] См.: Архив Маркса и Энгельса.— М., 1933.— Т. II(VII).— С. VI—VII; *Karl Marx.* Chronik seines Lebens in Einzeldaten.— Moskau, 1934.— S. 162.
[4] См.: Архив Маркса и Энгельса.— М., 1935.— Т. IV.— С. III.
[5] См.: *Marx K.* Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie.— Moskau, 1939.— S. VII; *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. V; MEGA. II/1.— S. 775. На с. 781—790 последнего из указанных изданий приводится, кроме того, подробное описание тетрадей рукописи 1857—1858 гг.
[6] Вернуться к этому вопросу побудили исследовательские результаты бригады подготовителей тома III/8 МЭГА, в котором публикуются письма Маркса примерно того же периода, когда он начинал работу над «Grundrisse»; ниже учтена также аргументация, приводимая в реферате японского профессора Садао Оно о хронологии создания экономических рукописей Маркса 1859—1863 гг.

[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 94—95.
[8] См. там же.— С. 159.
[9] См.: MEGA. III/8. Сопоставление этого письма с цитированным выше письмом Маркса Энгельсу от 10 января 1857 г. дает возможность предположить, что В. Шили, живший тогда в Париже, и переслал Марксу книгу Даримона, причем не исключено, что сделать это он мог еще в сентябре 1856 г., когда жена Маркса была в Париже и виделась там с Шили.
[10] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 77.
[11] Там же.— Т. 29.—С. 83.
[12] Там же.— С. 104.
[13] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 3, 65.
[14] Там же.— С. 7.
[15] Там же.— С. 13.
[16] Там же.— С. 4.
[17] Там же.— Т. 23.— С. 9.
[18] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 16.
[19] Там же.— Ч. 2.— С. 269.
[20] Там же.— Т. 13.— С. 5.
[21] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 39.
[22] Там же.— С. 45.
[23] Там же.— С. 44.
[24] Там же.— Т. 29.— С. 445.
[25] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 26.— С. 49.
[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 192.
[27] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 99—117.
[28] См. там же.— Ч. 2.— С. 500, 515. На этот факт впервые обратил внимание японский исследователь Х. Ушида.
[29] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 398.
[30] Там же.— Т. 29.— С. 210.
[31] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 342.
[32] Там же.— Т. 29.— С. 212.
[33] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 257, 258.
[34] См. там же.— С. 391—392.
[35] Там же.— С. 393—394.
[36] Там же.— Т. 29.— С. 451.
[37] См. там же.— С. 254—260.
[38] Там же.— С. 449.
[39] Там же.— С. 304.
[40] Там же.— С. 185.
[41] Там же.— С. 269—270.
[42] Там же.— С. 449.
[43] Там же.— С. 254.
[44] См. там же.— С. 251—252, 448. Об истории издания первого выпуска «К критике политической экономии» см.: MEGA. II/2.— S. 303, 370.

Работа Маркса над «Капиталом» в 1859—1861 гг. привлекла в последние годы серьезное внимание исследователей, в первую очередь в связи с датировкой относящихся к этому периоду экономических рукописей. См.: *Müller M.* Die vorbereitenden Materialien für Marx' ökonomisches Manuskript von 1861—1863//Beiträge zur Marx — Engels — Forschung.— Berlin, 1977.— N 1.— S. 95—102; *Focke W.* Das «Citatenheft» von Karl Marx//«...unserer Partei einen Sieg erringen».— Berlin, 1978.— S. 130—137; *Миськевич Л. Р.* Хроника экономических исследований К. Маркса в 1859—1861 годах//Науч.-информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М., 1977.— № 30.— С. 1—28; *Брушлинский В. К.* К вопросу о датировке наброска плана главы о «капитале вообще»//К 160-летию со дня рождения Карла Маркса.— М., 1978.— С. 180—183; *его же.* Еще раз к вопросу о датировке наброска плана главы о «капитале вообще»//Страницы истории марксизма и международного рабочего движения в XIX веке.— М., 1979.— Ч. 1.— С. 121—127.

[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 269, 270.
[46] См. там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 395—406.
[47] См. там же.— С. 407—496.
[48] См. там же.— Т. 29.— С. 462.
[49] Там же.— С. 304.
[50] См. там же.— С. 315.
[51] См. там же.— Т. 13.— С. 9.
[52] См. там же.— Т. 29.— С. 474.
[53] Там же.— С. 375, 462, 469.
[54] Там же.— С. 314, 323.
[55] См. там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 486.
[56] См.: MEGA. II/2.— S. 264—271.
[57] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 513—521.
[58] См. там же.— С. 497—512.
[59] Там же.— С. 517.
[60] См.: MEGA. II/2.— S. 268.
[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 47.— С. 287, 309.
[62] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 102; Ч. 2.— С. 80—82, 106.
[63] См. там же.— С. 57.
[64] См. там же.— С. 516.
[65] См. там же.— С. 501—502.
[66] См. там же.— С. 501.
[67] См. там же.— Ч. 1.— С. 256.
[68] См. там же.— С. 213.
[69] Там же.— Ч. 2.— С. 511.
[70] Там же.— С. 516.
[71] См.: MEGA. II/2.— S. 415 (Variante 267.6).
[72] См.: MEGA. II/3.1.— S. 40—41 и примечания к ним.
[73] См.: MEGA. II/2.— S. 267.
[74] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 47.— С. 3.
[75] См. там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 399, 460.
[76] Там же.— Т. 13.— С. 106.

Глава IV

[1] До некоторой степени они были предметом рассмотрения в ст.: *Меликьян Е. А.* Разработка Марксом теории денег в экономической рукописи 1857—1858 гг.//Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М., 1983.— С. 34—62.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 72.
[3] Там же.— Т. 27.— С. 279.
[4] Там же.— Т. 19.— С. 231—232.
[5] См. там же.— Т. 4.— С. 110.
[6] Подробнее см.: *Pelger H.* Kommentar//Marx K. Das Elend der Philosophie.— Berlin — Bonn, 1979. Прослеживая историю взаимоотношений Маркса и Прудона и, в частности, высокую оценку последнего в «Святом семействе», Г. Пельгер указывает на стремление Маркса к объединению немецких и французских социалистов. «При этом,— пишет он,— Маркс подчас заходит так далеко, что ставит в заслугу Прудону собственные представления о механизме отчуждения, историческом процессе, общественной функции нищеты и богатства, так же как и представления о растущем влиянии рабочих ассоциаций» (Ibid.— S. XLV). Оценка Марксом Прудона резко меняется после выхода в свет «Системы экономических противоречий». Это явилось в первую очередь результатом развития взглядов самого Маркса, но также и усиления идеалистических тенденций в мировоззрении Прудона.
[7] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 27.— С. 321, 332.
[8] См., например: *Застенкер Н. Е.* Прудон и Февральская революция 1848 г. //Французский ежегодник 1960.— М., 1961.— С. 388—425.

[9] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 70.
[10] См. там же.— Т. 12.— С. 61.
[11] «Именно этой привилегии, которой пользуются золото и серебро,— привилегии быть единственными аутентичными орудиями обращения и обмена,— нужно приписать не только нынешний кризис, но и периодические торговые кризисы»,— утверждал Даримон (*Darimon A.* De la réforme des banques. Paris, 1856, p. 5). Цит. по: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 64.
[12] Необходимо также учитывать, что к марту 1857 г. прудоновское «Руководство для биржевого спекулянта» выдержало уже 7(!) изданий (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 86).
[13] *Гальчинский А. С.* Карл Маркс об историзме денежного отношения (Методологический аспект).— М., 1985.— С. 25.
[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 37.
[15] Там же.— С. 40.
[16] Там же.— С. 41.
[17] Там же.— С. 216.
[18] Там же.— Ч. 2.— С. 393.
[19] Там же.— Ч. 1.— С. 52.
[20] Там же.
[21] Там же.— С. 61.
[22] Там же.— С. 66.
[23] «Такая же связь имеет место, например, у Брея и Грея»,— пишет Маркс, отмечая общий характер заблуждений мелкобуржуазных социалистов-утопистов (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 77).
[24] Там же.— С. 75—76.
[25] Там же.— С. 80—81.
[26] Там же.— С. 81.
[27] Там же.— С. 82.
[28] Там же.— С. 89.
[29] Там же.— С. 87.
[30] Там же.— С. 101—102.
[31] «Критика прудонизма проведена не систематически»,— пишут левые западногерманские исследователи — участники «Проектной группы «Развитие Марксовой системы»»,— в выпущенном ими «Комментарии» к рукописи 1857—1858 гг. (Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— Hamburg, 1978.—S. 14).— Верно. Но попытка систематической критики, включающей рассмотрение «социального базиса данного способа мышления» (ibid.), требовала решения вопросов, которые увели бы Маркса в сторону от осмысления собственно экономических аспектов концепции прудонистов. Между тем именно это составляло основную задачу анализа книги Даримона.
[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 81.
[33] Там же.— С. 82.
[34] Там же.
[35] Там же.— С. 85.
[36] Впрочем, уже в «Grundrisse» появляется его прообраз, понятие «всеобщего труда, общественного рабочего времени» (см., например: там же.— С. 150).
[37] См. там же.— С. 89.
[38] На этот факт уже указывалось в марксистско-ленинской исследовательской литературе (см.: *Малыш А. И.* Формирование марксистской политической экономии.— М., 1966.— С. 280; *Багатурия Г. А., Выгодский В. С.* Экономическое наследие К. Маркса.— М., 1976.— С. 38—39; *Müller M.* Auf dem Wege zum «Kapital».— Berlin, 1978.— S. 68).
[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 247. С этой точки зрения, конечно, нельзя согласиться с автором первого фундаментального исследования о «Grundrisse» на Западе Р. Роздольским, который, выпячивая вопрос о величине стоимости, т. е. количественную сторону проблемы, недооценивает значения качественной стороны и редуцирует Марк-

сово понимание стоимости к рикардовскому. На этом основании он приходит к выводу, что различия между Рикардо и Марксом не относятся «к основному принципу их учения о стоимости...» *(Rosdolsky R.* Zur Entstehungsgeschichte des Marxschen «Kapital»: Der Rohentwurf des «Kapital» 1857—1858.— Frankfurt/M.; Wien, 1968.— S. 107).

[40] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 85, 115, 247, 248, 455 и др.

[41] На это обстоятельство указывают и западногерманские авторы «Комментария» к рукописи (op. cit.— S. 16), усматривая здесь серьезный недостаток анализа в «Grundrisse». Следовало бы только помнить, что речь идет лишь о первом черновом наброске будущего труда, как и о том, что такой характер рассмотрения определяется уже самой структурой рукописи, которая открывается, по существу, «Главой о деньгах». Хотя она и должна быть предварена главой о «всеобщих абстрактных определениях», как сформулировано во «Введении» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 45), однако именно в силу такого понимания предмета первой вводной главы все положительное содержание теории стоимости, по тогдашнему представлению Маркса, необходимо становится предметом главы о деньгах, т. е. об обращении товаров.

[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 216—217.

[43] См. там же.— С. 83.

[44] Там же.— С. 216.

[45] Там же.— С. 83.

[46] Там же.— С. 109.

[47] См. там же.— С. 103. Подробнее см. второй раздел главы XII настоящей монографии.

[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 141.

[49] Там же.— С. 202.

[50] См. там же.— С. 141. В данной связи исследовательница из ГДР К. Варнке подчеркивает, что сфера обращения представляет собой для Маркса, вслед за Гегелем, такую сферу, где «всеобщее отчуждение выступает как всеобщее присвоение, а всеобщее присвоение — как всеобщее отчуждение» (*Heidtmann B., Richter G., Schnauβ G., Warnke C.* Marxistische Gesellschaftsdialektik oder «Systemtheorie der Gesellschaft»? — Berlin, 1977.— S. 40).

[51] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 146.

[52] Там же.— С. 149.

[53] Там же.— С. 150.

[54] См. там же.— С. 108.

[55] Там же.— С. 64.

[56] Процесс конкретизации теории денег продолжался и в ходе последующей работы над первым выпуском «К критике политической экономии» и томами «Капитала». Так, относительно рассмотрения денег во II томе Энгельс писал: «Вторая книга «Капитала» будет еще более головоломной, чем первая,— во всяком случае, в начале. Но это чудесные исследования, из которых люди впервые поймут, что такое деньги, что такое капитал и многое другое» (там же.— Т. 36.— С. 144).

[57] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 109.

[58] Там же.— С. 108.

[59] Там же.— С. 185.

[60] Подробнее см. второй раздел IX главы данной монографии.

[61] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 118.

[62] Там же.— Т. 13.— С. 134.

[63] См. там же.— Т. 23.— С. 57.

[64] Там же.— С. 103.

[65] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 186.

[66] Там же.— С. 180.

[67] Там же.— С. 93.

[68] Подробнее см.: *Хандруев А. А.* Деньги в экономике современного капитализма.— М., 1983.— Гл. 1.

[69] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 87.

[70] «Первая форма денег,— пишет Маркс,— соответствует низшей ступени обмена и меновой торговли, на которой деньги еще выступают больше в своем качестве *меры*, нежели в качестве действительного *орудия обмена*» (там же.— С. 110).
[71] Там же.— С. 177. «Как всего лишь мера деньги уже подвергнуты отрицанию в них самих как средстве обращения; как средство обращения и как мера они подвергнуты отрицанию в них самих как деньгах. Таким образом, отрицание денег в этом последнем определении есть вместе с тем отрицание их в обоих первых определениях» (там же.— С. 180—181).
[72] Там же.— С. 175.
[73] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 175.
[74] Там же.— С. 179.
[75] См. там же.— С. 139—140.
[76] См. там же.— Ч. 2.— С. 413.
[77] Там же.— С. 416.
[78] Там же.— С. 423.
[79] Там же.— С. 417.

Глава V

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 199.
[2] Там же.— С. 207.
[3] Там же.— С. 202—203.
[4] Там же.— С. 203.
[5] Там же.
[6] Там же.
[7] Там же.— С. 206.
[8] Там же.— С. 171.
[9] См. там же.— Т. 23.— С. 157.
[10] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 447.
[11] Там же.
[12] Там же.— С. 464.
[13] Там же.— С. 468.
[14] Там же.— С. 475.
[15] Там же.— С. 477.
[16] Там же.— С. 489.
[17] Там же.— С. 487.
[18] Там же.— С. 491.
[19] Там же.— С. 490.
[20] Там же.— С. 491.
[21] Там же.— Т. 25, ч. 2.— С. 384.
[22] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 45.
[23] Там же.— Ч. 1.— С. 224.
[24] Там же.— С. 225—226.
[25] Там же.— С. 216—217.
[26] Там же.— С. 216.
[27] Там же.— С. 260; см.: MEGA. II/1.— S. 226, 831 (Variante 226.28).
[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 246.
[29] Подробнее о Марксовом решении данной проблемы в 40-е гг. см. I главу настоящей монографии.
[30] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 236, 240.
[31] См. там же.— Т. 44.— С. 149. См. также II главу настоящей монографии.
[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 240.
[33] Там же.— Ч. 2.— С. 332; ср. там же.— С. 511.
[34] Там же.— С. 516.
[35] Там же.— Ч. 1.— С. 247.
[36] Там же.— С. 248.
[37] Там же.— С. 247.
[38] Там же.— С. 276.
[39] Там же.— С. 353, 270.
[40] См.: MEGA. II/1.— S. 233, 832 (Variante 233.31).

[41] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 1.— С. 148, 152.
[42] См.: MEGA. IV/2.— S. 362, 402, 751, 772.
[43] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 21.— С. 507—512.
[44] Там же.— Т. 23.— С. 32.
[45] Там же.— Т. 26, ч. 1.— С. 6.
[46] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 352.
[47] См. там же.— Т. 26, ч. 2.— С. 60; Ч. 3.— С. 245—246, 262—263.
[48] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 260.
[49] Там же.— С. 277.
[50] См. там же.— С. 300.
[51] Там же.— Ч. 2.— С. 285.
[52] Там же.— С. 205.
[53] Там же.— С. 215.
[54] Там же.— С. 219; Ч. 1.— С. 346.
[55] Там же.— С. 264.
[56] Там же.— С. 263—264.
[57] Там же.— С. 223; Т. 26, ч. 1.— С. 138.
[58] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 223.
[59] Там же.— С. 285.
[60] Там же.— С. 222.
[61] Там же.— С. 224.
[62] Там же.— С. 257, 258.
[63] Там же.— С. 258.
[64] Там же.— С. 375, 457.
[65] Там же.— Ч. 2.— С. 23.
[66] См. там же.— Т. 23.— С. 404.
[67] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 208.
[68] Там же.— Т. 42.— С. 64.
[69] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 176.
[70] Там же.— С. 179.
[71] Там же.— С. 182.
[72] Там же.— С. 168.
[73] Там же.— С. 162.
[74] Там же.— С. 198.
[75] См. там же.— С. 274.
[76] Там же.
[77] Там же.— С. 339.
[78] Там же.— С. 431.
[79] Там же.— С. 388.
[80] Там же.
[81] Там же.— С. 402.
[82] Там же.— С. 441.
[83] Там же.— Т. 49.— С. 112, а также: *Болдырев И. А.* «Итак, этот том готов...» — М., 1984.— Гл. 6. Во 2-м и последующих немецких изданиях I тома «Капитала» данный вопрос нашел отражение в 22-й главе.
[84] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 49.— С. 107—114.
[85] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 441.
[86] Там же.— С. 442.
[87] Там же.— С. 443.
[88] Там же.
[89] Там же.— С. 444.
[90] Там же.— С. 447.
[91] См. там же.— Т. 49.— С. 114—119.
[92] Там же.— Т. 29.— С. 260.
[93] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 87.
[94] Там же.— С. 300.
[95] Там же.— С. 260—261.
[96] Там же.— С. 392—393.
[97] Там же.— С. 299.
[98] Там же.— Ч. 2.— С. 262.

[99] Там же.— Ч. 1.— С. 213.
[100] Там же.— С. 394.
[101] См. там же.— С. 104.
[102] Там же.— Т. 16.— С. 232.
[103] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 34.
[104] Там же.— Т. 13.— С. 7.
[105] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 214.
[106] Там же.— С. 218.
[107] Подробнее см. главу VIII настоящей монографии.

Глава VI

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 398; Ч. 2.— С. 49, 220.
[2] См. там же.— Ч. 1.— С. 35—36.
[3] См. там же.— С. 226. (Подробнее о формировании структуры Марксова труда см. главу XI настоящей монографии.)
[4] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 377.
[5] Там же.— С. 377—378.
[6] Там же.— С. 378. Впоследствии, в первом выпуске «К критике политической экономии», это противоречие обнаруживается уже на стадии исследования простого товарного обращения, когда выясняется, что до своего превращения в деньги товар является меновой стоимостью лишь идеально. Его превращение в реальную меновую стоимость, деньги, и есть развитие *«формы* стоимости» (подробнее см. IX главу). Таким образом, противоречие товара как продукта капитала — это лишь более конкретное выражение противоречия простого товара.
[7] Там же.— С. 379.
[8] Там же.— С. 384.
[9] См. там же.— Ч. 2.— С. 518.
[10] См. там же.— Ч. 1.— С. 385.
[11] См. там же.— Ч. 2.— С. 518.
[12] См. там же.— Ч. 1.— С. 387.
[13] См. там же.— С. 383, 384.
[14] См. там же.— С. 384. Характерно, что в первом выпуске «К критике политической экономии» места этим вопросам не нашлось.
[15] Западноберлинский исследователь Ф. Шрадер в данной связи отмечает, что здесь Маркс возвращается к теме, уже затрагивавшейся им во фрагменте «Размышления», содержащемся в VII лондонской тетради (март 1851 г.). См.: *Schrader F. E.* Restauration und Revolution: Die Vorarbeiten zum «Kapital» von Karl Marx in seinen Studienheften 1850—1858.— Hildesheim, 1980.— S. 165. (Об этом фрагменте см. в первом разделе главы II данной монографии.)
[16] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 388—434.
[17] Бесспорно, здесь сказалось то обстоятельство, что в 1857 г. разразился очередной экономический кризис. Маркс, который в то время еще непосредственно связывал назревание революционной ситуации с экономическими кризисами, безусловно, стремился разобраться в механизме циклического развития капиталистической экономики. Как бы то ни было, Ф. Шрадер прав, указывая, что в «Grundrisse» тема перепроизводства и кризисов — одна из центральных и что в предшествующей социально-экономической литературе, пожалуй, лишь у Сисмонди ей уделено столь большое внимание (см.: Op. cit.— S. 165).
[18] Впрочем, такое отступление вполне логично, коль скоро в поле зрения Маркса уже оказались такие категории, как спрос и предложение: «Изображение отношения производства к рынку предопределяет появление категорий спрос и предложение, которые, в свою очередь, предполагают анализ процесса общественного воспроизводства и происходящего под его воздействием распределения совокупного общественного дохода» (Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— S. 137).

[19] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 388—392.
[20] См. там же.— С. 404—423.
[21] См. там же.— Ч. 2.— С. 518; Ч. 1.— С. 392—395, 397—404.
[22] Там же.— Ч. 1.— С. 396—397.
[23] Там же.— С. 392.
[24] См. там же.— С. 393—394, 397—398, 401—404. (Подробнее см. главу V настоящей монографии.)
[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 226.
[26] См. там же.— Т. 29.— С. 451.
[27] В данной связи западногерманские авторы уже упоминавшегося «Комментария» к данной рукописи говорят о том, что «попытка определения становящегося единства производства и обращения при одновременном абстрагировании от всех определенностей формы, которые капитал дополнительно получает в обращении... вынуждает Маркса, с одной стороны, вновь воспроизвести анализ процесса капиталистического производства.., с другой стороны, этим вызывается необходимость, не вводя имеющих существенное значение опосредствующих звеньев, забежать вперед, обратиться к определениям, принадлежащим к более конкретным ступеням исследования» (Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— S. 134).
[28] Хотя с работами Ф. Кенэ Маркс познакомился в 1846 г. в Брюсселе и тогда же их законспектировал, однако, как замечает австралийский исследователь А. Оукли, ни в момент составления эксцерптов, ни в период работы над рукописью Маркс, по-видимому, еще не осознавал в полной мере теоретического значения составленной Кенэ «Экономической таблицы». Поэтому «та модель, которую Маркс начал разрабатывать, выглядит на данном этапе как совершенно самостоятельный подход» (Oakley A. Marx's Critique of Political Economy.— London, 1984.— Vol. 1.— P. 211).
[29] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 424—428.
[30] См., например: там же.— С. 426; см. также таблицу на с. 427.
[31] Данные предпосылки и соотношения отнюдь не являются произвольными — напротив, Маркс отмечает, что «на данном уровне развития производительных сил... имеет место постоянное отношение, в котором продукт делится на части, соответствующие сырью, машинам, необходимому труду, прибавочному труду, а также определенное отношение, в котором сам прибавочный труд делится на часть, идущую на потребление, и на другую часть, снова становящуюся капиталом» *(Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 429). Равным образом и органическое строение капитала (мы имеем здесь в виду существо данного понятия, а не термин, которого у Маркса в ту пору еще не было) строго определено при данном уровне развития производительных сил (см. там же.— С. 358—359).
[32] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 428. В свете сказанного трудно согласиться с мнением, что «для случая расширенного воспроизводства — накопления — данная иллюстрация не подходит, расчеты не сходятся», тем более с тезисом, будто именно эта гипотетическая ошибка в подсчетах пропорции между I и II подразделением послужила основанием вышеприведенного высказывания Маркса (см.: Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— S. 151). Действительные, на наш взгляд, причины сомнений Маркса относительно необходимости «этого примера» будут рассмотрены ниже. Что же касается причин, по которым впоследствии Маркс включил исследование процесса воспроизводства во II том «Капитала», то интересным, хотя и несколько утрированным, представляется утверждение западногерманского марксистского исследователя В. Шварца о том, что это было обусловлено сугубо историко-критическими исследованиями Маркса: критика буржуазных экономистов по проблеме реализации побудила автора «Капитала» рассмотреть данный вопрос в теории обращения капитала (см.: *Schwarz W.* Vom «Rohentwurf» zum «Kapital». Die Strukturgeschichte des Marxschen Hauptwerkes.— Berlin (W.), 1978.— S. 249).

[33] На это обстоятельство справедливо обращает внимание А. Оукли (см.: Op. cit.— P. 212).

[34] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 406; см. также: там же.— С. 416.

[35] Ср., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 436; Ч. 2.— С. 11.

[36] Это, разумеется, не означает, что Маркс отказался от положительного содержания, которое в рукописи 1857—1858 гг. он вкладывал в понятие «капитал вообще». Об этом справедливо говорит А. М. Коган (см. его книгу «В творческой лаборатории К. Маркса».— М., 1983). В то же время правы авторы «Комментария» к рукописи 1857—1858 гг., когда они пишут: «В той мере, в какой определенности «капитала вообще» как реальной величины в их сложной взаимосвязи будут выступать перед Марксом, он будет вынужден корректировать... план своего произведения» (Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— S. 156). См. также главу XI настоящей работы.

[37] Маркс в полной мере осознавал данное противоречие: «Так как основой капитала является стоимость и, следовательно, капитал не может существовать иначе, как посредством обмена на *эквивалент своей стоимости,* то он неизбежно отталкивает себя от самого себя. Поэтому *универсальный капитал,* без противостоящих ему чужих капиталов, с которыми он совершает обмен,— а с той точки зрения, на которой мы сейчас находимся в нашем исследовании, капиталу не противостоит ничего, кроме наемного труда и его самого,— есть нелепость. Уже в капитале как реализованной меновой стоимости заложено отталкивание капиталов друг от друга» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 402).

[38] См. там же.— С. 397.

[39] Там же.— С. 434.

[40] Там же.— С. 434—435.

[41] См. там же.— Ч. 2.— С. 518.

[42] См. там же.— Ч. 1.— С. 435, 436.

[43] Там же.— С. 436.

[44] См. там же.— С. 438—508.

[45] В данной связи, в частности, Маркс конкретизирует на новом этапе своих экономических исследований характеристику отчуждения труда по сравнению с «Экономическо-философскими рукописями 1844 года» (см. там же.— С. 439—444). Подробнее об этом см. в главе XII настоящей монографии.

[46] Анализ Марксом первоначального накопления капитала и непосредственно примыкающего к нему раздела рукописи «Формы, предшествующие капиталистическому производству» также, очевидно, не имеет прямого отношения к исследованию процесса обращения капитала, а потому рассматривается в главе VIII данной монографии.

[47] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 517, 518.

[48] См. там же.— Т. 23.— С. 578—599, 623—625, 725—728, 752—759 и др.

[49] См. там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 5.

[50] Там же.— Ч. 1.— С. 402.

[51] Там же.— С. 203.

[52] Там же.— Ч. 2.— С. 5; ср.: там же.— С. 139—140.

[53] Там же.— С. 7. (А. Оукли замечает, что данную аналогию использовал до Маркса Ф. Кенэ в своей «Экономической таблице».— См.: Op. cit.— P. 211).

[54] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 9.

[55] См. там же.— С. 11.

[56] См. там же.— С. 14—15, 26.

[57] См. там же.— С. 27. Несколько ниже Маркс возвращается к рассмотрению издержек обращения и дает обстоятельный анализ их природы, экономического значения и форм, который в целом не выходит, однако, за рамки сказанного уже здесь (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 124—137).

[58] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 30—31.
[59] См. там же.— С. 31.
[60] См. там же.— С. 41.
[61] Указанный аспект влияния времени обращения на определение стоимости рассматривается Марксом весьма подробно (см. там же.— С. 37—44), а несколько ниже он дает и алгебраическую формализацию проблемы (см. там же.— С. 156—162), приводит числовые примеры (см. там же.— С. 169—173).
[62] Маркс называет пять факторов, от которых зависят различия в продолжительности оборота капитала (см. там же.— С. 99—100, 175—177).
[63] Необходимо, однако, отметить, что вопрос о различии во времени, необходимом для производства различных товаров, да и вся проблема различий в продолжительности оборота капитала предполагает рассмотрение не «капитала вообще», а *многих* капиталов. Поэтому здесь Маркс, строго говоря, выходит за первоначально установленные для исследования обращения капитала рамки всеобщего понятия капитала.
[64] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 43—78.
[65] См. там же.— С. 52.
[66] В «Наброске плана» весь материал, содержащийся на 7—19 страницах VI тетради рукописи (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 71—117), отнесен к различным пунктам I раздела «Процесс производства капитала», III раздела «Капитал и прибыль», а частично фигурирует также в части «Разное» (см. там же.— Ч. 2.— С. 515, 516, 517, 518, 520, 521). Исключение составляют лишь страницы 8—9 и 19, где речь идет о бездействующем капитале в трактовке С. Бейли и Дж. Ст. Милля.
[67] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 119—120.
[68] См. там же.— С. 121.
[69] В данной связи авторы цитированного выше «Комментария» к «Grundrisse» справедливо замечают: «Основной и оборотный капитал поначалу выступают как формальные определения всякого капитала, впоследствии — как капитал в двух особых разновидностях. В этих наименованиях выразилось представление Маркса, согласно которому в развитии определенностей процесса обращения капитала наблюдается своего рода текучий переход к обособлению капитала на данном уровне изложения» (Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— S. 267).
[70] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 99.
[71] См. там же.— Ч. 1.— С. 434; Ч. 2.— С. 11, 117—118.
[72] В силу сказанного можно согласиться с утверждением, что Маркс «вообще не рассматривал еще целый ряд определенностей в качестве различенных, самостоятельных форм» (Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— S. 268).
[73] Посему уже в этой рукописи в рамках троякого определения обращения капитала в качестве первого момента выделены те особенности, которые впоследствии, во II томе «Капитала», будут всесторонне рассмотрены в отделе о кругообороте капитала (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 186—187).
[74] Там же.— С. 128.
[75] Там же.— С. 140.
[76] См. там же.— С. 141.
[77] См. там же.— С. 121.
[78] Там же.— С. 143. В данной связи Маркс ссылается прежде всего на Дж. Ст. Милля и С. Бейли.
[79] См. там же.— С. 144. Маркс цитирует здесь А. Андерсона и Ж. Б. Сэя.
[80] Там же.— С. 149.
[81] Эту путаницу и колебания между различными определениями Маркс прослеживает, в частности, у Рикардо (см. там же.— С. 147—150).
[82] Там же.— С. 186.
[83] Там же.— С. 187. Малое обращение здесь же специально проанализировано Марксом, однако в «Наброске плана» сказанное в данной связи от-

носительно воспроизводства рабочего посредством заработной платы перенесено в пункт 5 раздела о процессе производства капитала (см. там же.— С. 518).

[84] Там же.— С. 187.

[85] Там же.

[86] Там же.— С. 187.

[87] Там же.— С. 188; ср. также: С. 245.

[88] Там же.— С. 189.

[89] Там же.— С. 188.

[90] Там же. «...Основной капитал обращается как *стоимость* (хотя лишь по частям, постепенно...),— читаем несколько ниже.— Как *потребительная стоимость* он не обращается... В оборотном капитале не существует этого различия между формой и содержанием, между его потребительной стоимостью и меновой стоимостью» (там же.— С. 189).

[91] По справедливому замечанию авторов «Комментария» к рукописи, «несмотря на то, что формальные различия не во всех отношениях проведены до конца правильно ...особенности обращения стоимости основного и оборотного капитала рассматриваются как определяющий момент» (Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— S. 274).

[92] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 193—194.

[93] См. там же.— С. 198—201.

[94] Там же.— С. 188.

[95] Там же.— С. 202—203.

[96] Там же.— С. 203, 204. «...В *основном капитале* общественная производительная сила труда дана как свойство, присущее капиталу,— *и как научная сила, и как комбинация общественных сил в процессе производства, и как умелость, перенесенная из непосредственного труда в машину, в мертвую производительную силу*» (там же.— С. 225).

[97] Ср.: там же.— С. 206—207. Нетрудно заметить, что здесь в сжатом виде уже сформулированы основные положения, развитые Марксом в связи с анализом реального подчинения труда капиталу в «Главе шестой. Результаты непосредственного процесса производства» — заключительной главе созданного в 1863—1864 гг. чернового варианта I тома «Капитала», которая при окончательной подготовке текста к изданию была из него исключена (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 49.— С. 79—80, 89—93, 107—111).

[98] См. там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 207.

[99] См. там же.— С. 219.

[100] Там же.— С. 229. Непрерывность производства как характерная черта капиталистического способа производства была отмечена уже в отрывке «Бастиа и Кэри» (см. там же.— Ч. 1.— С. 15).

[101] См. там же.— Ч. 2.— С. 230.

[102] Там же.— С. 230—231.

[103] «Мы найдем еще и другие обстоятельства, определяющие указанный цикл»,— подчеркивает он (там же.— С. 231).

[104] Там же.— С. 247. Данное высказывание Маркса, впрочем, отнюдь не свидетельствует, что он разделяет воззрение А. Смита, согласно которому «всякий основной капитал первоначально происходит от какого-нибудь оборотного капитала и нуждается в постоянной поддержке за счет оборотного капитала». Напротив, Маркс показывает как раз, что Смит забывает добавить: речь здесь идет о *стоимостном* аспекте. «В качестве же потребительной стоимости он (основной капитал.— *Авт.*) вообще не обращается» (см. там же.— С. 245—246).

[105] Там же.— С. 188.

[106] См. там же.— С. 233, 235 и др.

[107] См. там же.— С. 236.

[108] См. там же.— С. 244. По-видимому, Маркс подразумевает здесь доход с промышленного капитала (прибыль) и со ссудного капитала (процент).

[109] См. там же.— С. 243.
[110] См. там же.— С. 237. «...Мы здесь говорим о *капитале*, о становящемся капитале... мы за его пределами не имеем ничего... кроме его самого и простого обращения, из которого он вбирает в себя стоимость в двоякой форме денег и товара и в которое он бросает стоимость в двоякой форме денег и товара» (там же.— С. 241).
[111] Там же.— С. 244.
[112] См. там же.— С. 256.
[113] Там же.
[114] Там же.— С. 257.
[115] Там же.— С. 256.
[116] См. там же.— Т. 48.— С. 63—95, 118—241.
[117] «То обстоятельство, что Маркс ввиду нерешенности ряда структурных проблем в изложении процесса обращения затрагивает лишь отдельные аспекты, стороны... проявляется в самой структуре рукописи,— замечают западногерманские комментаторы рукописей 1857—1859 гг.— Часто встречаются лишь краткие заметки, дополнения к уже изложенному. Поэтому последовательность переходов не имеет систематического характера» (Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— S. 270).
[118] Рассмотрение в данной рукописи обесценения капитала в момент его выхода из процесса производства в процесс обращения, цены единицы товара (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 410—415), капитала как силы, господствующей над трудом (отчуждение, реальное подчинение труда капиталу) было впоследствии резюмировано Марксом в уже упоминавшейся «Главе шестой», которая должна была составить переход от первой книги «Капитала» ко второй и третьей книгам. Различные обстоятельства привели, однако, к тому, что, отказавшись на последней стадии от включения «Главы шестой» в окончательный текст «Капитала», Маркс тем самым фактически опустил в своем произведении эти вопросы, блестяще решенные им в подготовительных рукописях.
[119] См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 5, 234—235.
[120] См. там же.— Ч. 1.— С. 434; Ч. 2.— С. 11, 117—118.
[121] См. там же.— С. 235.
[122] См. там же.— С. 186 и след.
[123] Там же.— С. 257. В литературе, посвященной «Grundrisse», не так много написано о данном разделе рукописи. В советской литературе в какой-то мере эти проблемы затронуты в статье И. К. Антоновой «Первый набросок учения Маркса о прибыли в рукописи 1857—1858 годов» (в сб.: Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе.— М., 1984.— С. 22—31) и в книге И. А. Болдырева «Итак, этот том готов...» (М., 1984.— С. 26—28). Содержательный анализ этого отдела в целом весьма удачно проведен в уже упоминавшейся работе: Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— Hamburg, 1978.
[124] MEGA. II/1.2.— S. 619.
[125] См.: *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов.— М.; Л., 1935.— Т. 1.— С. 231.
[126] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 255.
[127] Там же.— С. 274.
[128] Подробнее см. предыдущий раздел настоящей главы.
[129] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 255.
[130] Там же.— С. 258—259.
[131] Там же.— С. 241.
[132] Там же.— С. 258.
[133] «...Первое определение капитала состоит в том, что проистекающая из обращения, а потому и предполагающая его меновая стоимость сохраняет себя в обращении и посредством обращения; вступая в обращение, меновая стоимость не утрачивается; обращение представляет собой здесь не движение исчезновения меновой стоимости, а, напротив, дви-

жение ее действительного самополагания как меновой стоимости, ее реализацию в качестве меновой стоимости» (там же.— Ч 1.— С. 208).

[134] Там же.— Ч. 2.— С. 255.

[135] Там же.— С. 255—256.

[136] Ср. с наброском плана исследования в начале «Grundrisse», где один из разделов озаглавлен: *«Капитал, измеряемый самим собою. Прибыль. Процент...»* (там же.— Ч. 1.— С. 213).

[137] Там же.— Ч. 2.— С. 276.

[138] Там же.— С. 259.

[139] Там же.— С. 282.

[140] Там же.— С. 259.

[141] Там же.— С. 520.

[142] Там же.— Ч. 1.— С. 352.

[143] См. там же.— Ч. 2.— С. 115, 200.

[144] См. там же.— С. 49, 92, 267.

[145] См. там же.— С. 95—96.

[146] Там же.— С. 93.

[147] Там же.

[148] Там же.— С. 267—268.

[149] Там же.— С. 265.

[150] Там же.— С. 280; ср. также: там же.— С. 292.

[151] «Овеществленная в системе машин стоимость выступает... как такая предпосылка, по отношению к которой созидающая стоимость энергия единичной рабочей силы исчезает как бесконечно малая величина» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 205).

[152] Там же.— С. 282.

[153] Там же.— С. 292 (курсив наш.— *Авт.*).

[154] Капитал «положил прибыль как меру своего самовозрастания» (там же.— С. 260).

[155] Там же.— С. 272. Интересно, что в XVI тетради рукописи 1861—1863 гг., где проблема «капитал и прибыль» рассматривается с близких к «Grundrisse» позиций, Маркс исходит из противоположного: «Однако капиталист в качестве капиталиста есть не что иное, как это движение самого капитала (т. е. прохождение процесса производства и процесса обращения.— *Авт.*)» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 48.— С. 248).

[156] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 272.

[157] См. там же.— С. 520.

[158] «Доход вообще есть не что иное, как часть прибавочной стоимости... для непосредственного потребления» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 246).

[159] Там же.— С. 244.

[160] См. там же.— С. 273.

[161] В рукописи 1861—1863 гг. Маркс следующим образом определяет этот, в определенном смысле субъективный, переход: «На самом деле единственное, что практически интересует капитал и что управляет его действительным движением, конкуренцией, это — *прибыль*, а не *прибавочная стоимость*, т. е. отношение прибавочной стоимости ко всей сумме авансированного капитала, а не ее отношение к капиталу, затраченному на покупку рабочей силы. Это приводит нас (является собственно переходом) к рассмотрению *издержек производства* и их отношения к *продажной цене* продукта» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 48.— С. 249).

[162] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 274.

[163] Там же.

[164] Там же.— С. 275.

[165] Там же.— С. 274.

[166] См. там же.— Ч. 1.— С. 272; Ч. 2.— С. 232—233, 275.

[167] Там же.— С. 367.

[168] Там же.— С. 390.

[169] Там же.

[170] Там же.— С. 365.

[171] Там же.— С. 233 (курсив наш.— *Авт.*).
[172] Там же.— Ч. 1.— С. 436.
[173] О содержании и месте данного понятия в экономической рукописи 1857—1858 гг. более подробно будет сказано в главе XI настоящей монографии.

Глава VII

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 31.— С. 448; Т. 49.— С. 106.
[2] *Маркс К.* Математические рукописи.— М., 1968.— С. 199.
[3] Подробнее см.: *Багатурия Г. А., Выгодский В. С.* Экономическое наследие Карла Маркса.— М., 1976.— Гл. 11.
[4] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 3, 40—41, 282—288.
[5] См. там же.— Т. 2.— С. 34—35; Т. 42.— С. 108—112; Т. 4.— С. 144—146. Одна из эксцерптных тетрадей брюссельского периода (январь — июнь 1845 г.) озаглавлена Марксом «История политической экономии» (она будет опубликована в томе IV/3 МЭГА).
[6] Подробнее см. первый раздел главы II настоящей работы.
[7] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 3.
[8] Там же.— Т. 27.— С. 207.
[9] См. там же.— Т. 26, ч. 3.— Гл. 22, 24.
[10] Подробнее см.: *Marxhausen T.* Marx' Untersuchung der «Auflösung der Ricardoschen Schule»//Arbeitsblätter zur Marx — Engels — Forschung.— Halle, 1984.— N 17.— S. 52—73.
[11] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 3, 4.
[12] Там же.— Т. 23.— С. 91, примеч. 32. Правда, самого термина «вульгарная политическая экономия» в «Grundrisse» еще нет — Маркс предпочитает говорить о «современной» политэкономии, «новейших» политико-экономах,— однако существо различий между двумя направлениями уже схвачено (см. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 4—15, 18, 21, 190, 196; Ч. 2.— С. 458, 459).
[13] Те же имена (Петти, Буагильбер, Рикардо, Сисмонди) повторены при характеристике классической буржуазной политэкономии не только в первом выпуске «К критике политической экономии», но и в написанной Марксом главе 10 «Анти-Дюринга» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 38—39; Т. 20.— С. 237—244). В рукописи 1861—1863 гг. и «Капитале», впрочем, наряду с ними в качестве классиков фигурируют также Смит и Стюарт, Рамсей, Джонс и Бартон, иногда Франклин. В современной марксистско-ленинской литературе к числу представителей классической буржуазной политэкономии относят, помимо названных авторов, Уэста, Тука, Шербюлье, Кенэ, Тюрго, Андерсона.
[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 51.
[15] См. там же.— С. 275.
[16] См. там же.— С. 331—333.
[17] См. там же.— С. 268.
[18] См. там же.— Ч. 1.— С. 3.
[19] Там же.— С. 388.
[20] Там же.— Ч. 2.— С. 430.
[21] Там же.— Т. 13.— С. 39.
[22] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 198—207.
[23] Там же.— С. 282.
[24] Там же.— С. 283.
[25] Там же.
[26] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 284.
[27] См. там же.— С. 290—291, 313—316.
[28] См. там же.— С. 288, 313, 388 и др.
[29] Там же.— Ч. 2.— С. 194.
[30] Там же.— Ч. 1.— С. 178—179.
[31] Там же.— С. 285.
[32] См. там же.— Ч. 2.— С. 153.
[33] См. там же.— С. 198.

[34] См., например: там же.— Ч. 1.— С. 9, 23, 24, 42, 194—197 и др.; Ч. 2.— С. 87, 156, 266, 268 и др.
[35] См., например: там же.— Ч. 1.— С. 13, 14, 21, 92, 195—197 и др.; Ч. 2.— С. 75, 77, 93, 271—273 и др.
[36] Там же.— Ч. 1.— С. 37.
[37] Там же.— С. 113.
[38] См. там же.— С. 185—198.
[39] Там же.— С. 214; см. также.— С. 52, 62.
[40] Там же.— С. 44—45.
[41] Там же.— С. 22.
[42] Подробнее см. первый раздел главы II и главу XI настоящей монографии.
[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 33.

Глава VIII

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 20.— С. 150.
[2] Там же.— Т. 23.— С. 11.
[3] Там же.— Т. 20.— С. 24; Т. 23.— С. 10.
[4] Там же.— Т. 20.— С. 153—154.
[5] Там же.— Т. 13.— С. 7.
[6] Там же.— Т. 20.— С. 154.
[7] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 21.
[8] Там же.— Т. 13.— С. 8.
[9] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 42.
[10] Там же.— Ч. 2.— С. 222.
[11] Там же.— Т. 20.— С. 153.
[12] Там же.— С. 151.
[13] Там же.
[14] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 449.
[15] Там же.— Т. 25, ч. 2.— С. 448.
[16] Там же.— С. 386.
[17] Подробнее см. главу X настоящей монографии.
[18] См.: *Багатурия Г. А.* Первое великое открытие Маркса: Формирование и развитие материалистического понимания истории // Маркс — историк.— М., 1968.— С. 107—150; *Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации.— М., 1974.— С. 24—43; Теория общественно-экономической формации.— М., 1982.— С. 7—43; История первобытного общества. Общие вопросы. Проблемы антропосоциогенеза.— М., 1983.— С. 126—134.
[19] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 100—101.
[20] Там же.— С. 100.
[21] Там же.— С. 17.
[22] Там же.— С. 198.
[23] Там же.— С. 228.
[24] Там же.— С. 199.
[25] Там же.— С. 227.
[26] Там же.
[27] Там же.— С. 274.
[28] Там же.— С. 449.
[29] Там же.— С. 453.
[30] См. там же.— С. 454—459.
[31] См. там же.— С. 459.
[32] Там же.— С. 461.
[33] См. там же.— С. 461—462.
[34] Там же.— С. 462.
[35] Там же.
[36] См. там же.— С. 462—463.
[37] Там же.— С. 463.
[38] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 16.

[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 463—464.
[40] Там же.— С. 464. Подробнее об экономической роли государства в процессе воспроизводства восточных обществ см.: Процесс обобществления производства в различных социально-экономических системах.— М., 1974.— С. 17—26; Экономическая роль государства в условиях антагонистических способов производства.— М., 1979.— С. 6—32.
[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 470.
[42] Там же.— С. 465.
[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 16—17.
[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 465.
[45] См. там же.— С. 466.
[46] Там же.— С. 483. Подробнее об особенностях воспроизводства и этапах развития античной общины см.: Экономическая роль государства в условиях антагонистических способов производства...— С. 32—55; а также: *Утченко С. Л.* Политические учения древнего Рима (III—I вв. до н. э.).— М., 1977.— С. 18—41; Античная Греция: Проблемы развития полиса.— М., 1983.— Т. 1.— С. 9—36.
[47] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 17—18.
[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 471.
[49] Там же.— С. 472.
[50] Там же.
[51] Там же.— С. 472—473.
[52] См. там же.— С. 475.
[53] Там же.— С. 476.
[54] Ср. там же.
[55] Там же.— Т. 4.— С. 168.
[56] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 477.
[57] Там же.
[58] Там же.— С. 478.
[59] Там же.— С. 18. Следует учесть, что до работы Л. Г. Моргана «Древнее общество» (1877 г.) в исторической науке не проводилось четкого различия между понятием «рода» (Gens) и «племени» (Stamm). Маркс разделял в это время точку зрения, что семья (а не род) является простейшей ячейкой первобытного племени.
[60] Там же.— С. 479.
[61] Там же.— С. 480.
[62] Там же.— С. 482—483.
[63] Там же.— С. 483—484.
[64] Там же.— С. 484.
[65] Там же.— С. 486—487.
[66] Разумеется, на этом развитие взглядов Маркса и Энгельса на историю докапиталистических обществ как на эволюцию форм общины не завершилось. В 60—80-е гг., во многом под влиянием новых научных данных, изучения ранее не известных им произведений Маурера и Моргана, основоположники научного социализма в ряде вопросов продвинулись вперед в понимании добуржуазной истории, о чем свидетельствуют переписка Маркса и Энгельса за 1868 г., письмо Маркса В. И. Засулич и наброски этого письма, работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», «Марка», «Франкский период» и др. (подробнее см.: *Гольман Л. И.* Энгельс — историк.— М., 1984.— Ч. 1.— Гл. 4, 5; Ч. 3.— Гл. 2, а также: *Treide D.* Marx' Konspekt-Arbeit von 1879 bis 1882 und die Entwicklung seiner Auffassung über ursprüngliche Gemeinwesen und deren Auflösungs-bzw. Übergangsformen // Das geschichtswissenschaftliche Erbe von Karl Marx / Hrsg. W. Küttler.— Berlin, 1983.— S. 243—268). Существенно важно, однако, учитывать, что в исследованиях этого периода на первый план выдвинулась главным образом историческая специфика различных добуржуазных форм общества, тогда как в «Grundrisse», подчеркнем это еще раз, Маркс стремился выявить именно некоторые их общие, типические черты, рассматривавшиеся к тому же через призму становления элементов будущего капиталистического способа производства.

[67] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 42.— С. 82.
[68] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 48.
[69] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 487.
[70] Там же.
[71] Там же.— С. 488.
[72] Там же.— С. 489.
[73] Там же.
[74] Там же.— С. 490.
[75] Там же.— С. 494.
[76] Там же.— С. 495.
[77] Там же.— С. 496.
[78] См. там же.— С. 497.
[79] Там же.— С. 500.
[80] См. там же.— С. 504.
[81] См. там же.— С. 498—499.
[82] Там же.— С. 506.
[83] Там же.— С. 102—103.
[84] Там же.— С. 35.
[85] Там же.— С. 101.
[86] Там же.— С. 115.
[87] См. там же.— С. 116.
[88] Там же.— С. 101.
[89] См. там же.— С. 160.
[90] Там же.— Ч. 2.— С. 346—347.
[91] Там же.— С. 110.
[92] Там же.— Ч. 1.— С. 96.
[93] Там же.— С. 98.
[94] Там же.— Ч. 2.— С. 215.
[95] Там же.— С. 213—214.
[96] Там же.— С. 110; ср. там же.— Ч. 1.— С. 115; Ч. 2.— С. 221.
[97] Там же.— Ч. 2.— С. 34—35.
[98] Там же.— Ч. 1.— С. 117.
[99] Там же.— Ч. 2.— С. 111.
[100] Там же.— Ч. 1.— С. 280; ср. там же.— Ч. 2.— С. 217.
[101] Там же.— Ч. 2.— С. 111.
[102] Там же.— С. 217.
[103] Там же.— С. 221.
[104] Там же.— Ч. 1.— С. 102—103.
[105] Там же.— С. 107.
[106] Там же.— С. 173; ср. там же.— Ч. 2.— С. 264.

Глава IX

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 304. Об истории работы над первым выпуском «К критике политической экономии» см. главу III настоящей монографии.
[2] См. там же.— Т. 13.— С. 28.
[3] Там же.— С. 38.
[4] Там же.— С. 80.
[5] Там же.— С. 82.
[6] См. там же.— С. 88.
[7] Те новые определения формы, которые при этом появляются, Маркс впоследствии исследовал в «Главе шестой», которая уже упоминалась в предшествующем изложении (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 49.— С. 3—119).
[8] См. там же.— Т. 13.— С. 79.
[9] См. там же.— С. 49, 50.
[10] Там же.— С. 70.
[11] Там же.— С. 36.
[12] Там же.

[13] См. там же.— С. 37—38.
[14] Там же.— С. 139.
[15] Там же.— С. 133.
[16] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 173.
[17] Там же. Эволюция представлений Маркса о месте исследования «внутренней структуры производства» и ее соотношении с исследованием простого обращения рассматривается в главе XI данной работы.
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 38. Ср. с рассмотрением взаимосвязи между разделением труда и обменом в рукописи 1857—1858 гг. (там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 101—102).
[19] См. там же.— Т. 13.— С. 48.
[20] Там же.— С. 35.
[21] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 203.
[22] Там же.— Ч. 2.— С. 442.
[23] Там же.— С. 447.
[24] Там же.— Т. 29.— С. 259.
[25] См. там же.— Т. 23.— С. 50.
[26] См. там же.— Т. 29.— С. 451.
[27] Там же.— Т. 13.— С. 15.
[28] Там же.
[29] Там же.
[30] Там же.— С. 16.
[31] Там же.
[32] Там же.
[33] Там же.— С. 17.
[34] См. там же.
[35] Там же.— С. 18.
[36] Там же.
[37] Там же.
[38] Там же.
[39] Там же.
[40] Там же.
[41] Там же.— С. 20.
[42] Там же.— С. 21.
[43] Там же.— С. 20.
[44] См. там же.— С. 22, 23.
[45] *Лассаль Ф.* Капитал и труд.— Спб., 1905.— С. 190.
[46] Там же.
[47] Там же.— С. 74.
[48] На отличие метода Лассаля от метода Маркса в свое время совершенно правильно обратила внимание Татьяна Григоровичи, которая отметила, что вместо рассмотрения отдельного товара и различий его двух сторон Лассаль пользуется сравнением двух различных исторических периодов: производства для собственного потребления и производства только меновой стоимости (см.: *Григоровичи Т.* Теория ценности К. Маркса и Лассаля.— Пг., 1923.— С. 63).
[49] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 5.
[50] Там же.— С. 70.
[51] См. там же.— С. 48; ср.: Т. 13.— С. 16 и др.
[52] См. там же.— Т. 23.— С. 47—49.
[53] Там же.— С. 50.
[54] Там же.— Т. 13.— С. 32.
[55] Там же.— С. 33. Ср. переход от развернутой к всеобщей форме стоимости в I томе «Капитала» (там же.— Т. 49.— С. 157; Т. 23.— С. 74—75).
[56] Хотя и в первой главе «К критике политической экономии» изложение не является популярным, оно все же, поскольку выражение стоимости товара рассматривается именно в связи с исследованием процесса обмена, более доступно, чем в I томе «Капитала». В этом последнем, как известно, изложение оказалось для «недиалектического» читателя более сложным. На это обстоятельство обратил внимание Энгельс. В письме Марксу от

16 июня 1867 г., ознакомившись с первой главой I тома в корректурных листах, он заметил: «По сравнению с прежним изложением (Дункер) сделан очень значительный шаг вперед в смысле отчетливости диалектического развития, но само изложение некоторых вещей нравится мне больше в прежнем виде... Но тут уж ничего нельзя изменить, и кто способен мыслить диалектически, тот поймет» (там же.— Т. 31.— С. 257—258). Следует отметить, что в первом выпуске «К критике политической экономии», как и в I томе «Капитала», объективная диалектика товарной формы продукта труда не обходится без «субъективной» диалектики. В этом смысле между развитием выражения меновой стоимости в «Первом выпуске» и в первой главе I тома «Капитала» нет принципиальных различий вопреки тому, что утверждает западноберлинский исследователь Г. Гёлер в книге «Die Reduktion der Dialektik durch Marx» (Stuttgart, 1980.— S. 23, 26, 31 u. a.).

57 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 50.
58 Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 116.
59 Там же.— Т. 13.— С. 106.
60 См. там же.— С. 132—133.
61 Там же.— С. 134.
62 Там же.— С. 49.
63 См. главы II и VII настоящей монографии.
64 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 42.
65 Там же.— С. 46.
66 Там же.— С. 45.
67 Там же.— С. 55.
68 Там же.— С. 75.
69 Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 425—426.
70 Там же.— Т. 13.— С. 140. Здесь Маркс углубляет оценки, данные в рукописи 1857—1858 гг. (ср., например: там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 283).
71 Там же.— Т. 13.— С. 146.
72 Там же.— С. 166.
73 Там же.— С. 167.
74 Там же.— Т. 29.— С. 469.
75 Там же.— С. 313.
76 Подробнее см.: *Калинина Л. Л.* Первые буржуазные отклики на работу Маркса «К критике политической экономии» (Первый выпуск, 1859 г.) // Науч.-информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.—1977.— № 30.— С. 34—39.
77 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 375.
78 Там же.— Т. 13.— С. 497.
79 Там же.
80 Там же.— С. 48.

Глава X

1 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 212.
2 Там же.— С. 224.
3 Подробнее см. следующую главу монографии.
4 *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 200.
5 Там же.— С. 38.
6 Там же.— С. 43.
7 Там же.— С. 264.
8 Там же.— С. 207.
9 Там же.— С. 448.
10 Там же.— С. 229.
11 Там же.— Ч. 2.— С. 332.
12 Там же.— Ч. 1.— С. 322.
13 Там же.— Ч. 2.— С. 203.
14 Там же.— Ч. 1.— С. 44—45.
15 Ср.: там же.— Т. 26, ч. 3.— С. 525—526.
16 Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 264.

[17] Там же.— С. 21.
[18] См. там же.— С. 37. Конкретное определялось в рукописи как «синтез многих определений», как «единство многообразного».
[19] См. там же.— С. 38.
[20] Подробнее см. главу IV настоящей монографии.
[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 89.
[22] Это, разумеется, не означает, что сами деньги не являются чем-то внутренне противоречивым,— напротив, будучи формой разрешения противоречий товара, деньги, в свою очередь, чреваты собственными внутренними противоречиями, о чем уже говорилось в IV главе и пойдет еще речь в главе XIV настоящей монографии.
[23] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 194. Процесс обращения, как его определял Маркс в «Главе о деньгах», есть находящаяся «в движении совокупность покупок и продаж», причем «это движение в целом выступает как общественный процесс» (там же.— С. 140, 141).
[24] Там же.— С. 202.
[25] Там же.— С. 203.
[26] См. там же.— Ч. 2.— С. 486—493.
[27] Там же.— Ч. 1.— С. 195.
[28] Там же.— С. 42.
[29] Там же.
[30] Там же.— С. 40.
[31] Там же.— С. 448.
[32] Там же.— С. 275.
[33] Там же.— С. 229.
[34] См. подробнее главу VIII, раздел 2 настоящей монографии.
[35] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 505.
[36] Там же.— С. 448. Подробнее см. 3-й раздел главы VIII данной монографии.
[37] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 496.
[38] Там же.— Т. 23.— С. 157.
[39] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 449.

Глава XI

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 31.— С. 321.
[2] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 45.
[3] Там же.— Т. 13.— С. 6.
[4] Там же.— Т. 42.— С. 59.
[5] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 44.
[6] Там же.— С. 288.
[7] Там же.— С. 37, 41.
[8] См. там же.— С. 22—23.
[9] Там же.— С. 40—41, 42.
[10] См. об этом подробнее в III главе данной монографии.
[11] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 173.
[12] Там же.
[13] См. там же.— С. 88—89, 100—102 и др.
[14] Там же.— С. 199.
[15] Там же.— С. 207.
[16] См. там же.— С. 250, 274—275, 326.
[17] Там же.— Ч. 2.— С. 393.
[18] См. там же.— Т. 29.— С. 304.
[19] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 213, 226.
[20] См. там же.— С. 263—264, 307, 383, 434—435, 436—437; Ч. 2.— С. 9, 11, 41, 122, 152, 162, 203, 205, 366, 387. О различных значениях применения этого понятия в рукописи 1857—1858 гг. см.: *Антонова И. К.* Разработка Марксом структуры I тома «Капитала» (1857—1867 гг.) // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М., 1983.— С. 178—180.
[21] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 449.
[22] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 250, 275.

[23] Там же.— Т. 29.— С. 449.
[24] См. там же.— Т. 27.— С. 398—400.
[25] Там же.— Т. 29.— С. 451—452.
[26] Там же.— С. 254.
[27] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 226—231.
[28] См. там же.— Т. 29.— С. 304; Т. 46, ч. 2.— С. 393—394, 397.
[29] См. подробнее IX главу данной монографии.
[30] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 5. Подробное обоснование данного положения см.: *Коган А. М.* В творческой лаборатории Карла Маркса.— М., 1983.
[31] Такое утверждение содержится, например, в книге Р. Роздольского, критический анализ которой дан в XIII главе настоящей монографии.
[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 263—264.
[33] Там же.— С. 437.
[34] Там же.— С. 211.
[35] См. там же.— С. 207—224; ч. 2.— С. 460—485. Ср. также с первым наброском «Указателя к семи тетрадям (к первой части)», где этот момент фигурирует как в главе о деньгах, так и в главе о «капитале вообще» (см. там же.— Ч. 2.— С. 399).
[36] См. там же.— Ч. 1.— С. 234; см. также: там же.— С. 526, примеч. 125.
[37] Там же.— Ч. 1.— С. 224.
[38] Там же.— С. 257.
[39] Там же.— С. 274.
[40] Там же.
[41] Маркс в тексте, очевидно по ошибке, говорит о первоначальном накоплении капитала как о «третьем моменте» (см. там же).
[42] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 399.
[43] См. там же, особенно отсылки Маркса на 1, 2, 37 и 38 страницы VI тетради рукописи.
[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 307.
[45] Там же.— С. 402.
[46] Там же.— С. 379.
[47] Там же.— С. 396—397.
[48] Мы говорим об «отступлениях» с точки зрения логики *изложения*, тогда как в ходе *исследования* они были вполне оправданы. См. подробнее заключительный раздел настоящей главы.
[49] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 5.
[50] См. там же.— Ч. 1.— С. 226.
[51] См. там же.— Т. 49.— С. 253—254, 256—259, 268—271.
[52] См. например: там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 434; ч. 2.— С. 11, 99, 117—118.
[53] См. там же.— Ч. 1.— С. 424—428.
[54] Там же.— С. 402.
[55] См. там же.— С. 213, 226.
[56] Там же.— Ч. 2.— С. 258.
[57] Там же.— С. 259.
[58] Там же.— С. 282.
[59] Там же.— С. 265.
[60] Там же.— Ч. 1.— С. 436.
[61] См. там же.— Ч. 2.— С. 274.
[62] См. там же. См. также: там же.— С. 282; ч. 1.— С. 307.
[63] Там же.— Т. 48.— С. 249.
[64] Там же.— Т. 25, ч. 1.— С. 16.
[65] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 282.
[66] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 227.
[67] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 162.
[68] Там же.— Т. 23.— С. 21.
[69] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 52.
[70] См. там же.— С. 117—118.
[71] Там же.— С. 259.
[72] См. там же.— Ч. 1.— С. 226.

[73] Этот момент подчеркнут в кн.: *Schwarz W.* Vom «Rohentwurf» zum «Kapital».— Westberlin, 1978,— Кар. V.
[74] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 272.
[75] Там же.— С. 275—276.
[76] Там же.— С. 91.
[77] См. там же.— С. 268.
[78] Там же.— С. 265.

Глава XII

[1] См.: *Агг А.* Мир человека как субъекта производства: Критика К. Марксом концепции человека в буржуазной политической экономии.— М., 1984; *Багатурия Г. А.* Первое великое открытие Маркса: Формирование и развитие материалистического понимания истории // Маркс — историк.— М., 1968; *Багатурия Г. А., Выгодский В. С.* Экономическое наследие Карла Маркса: История. Содержание. Методология.— М., 1976; *Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г.* Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации.— М., 1974; Марксистская философия в XIX веке. Кн. 1. От возникновения марксистской философии до ее развития в 50—60-х годах XIX века.— М., 1979; *Нарский И. С.* Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса.— М., 1983; *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма.— 3-е изд.— М., 1986; *Тёкеи Ф.* К теории общественных формаций: Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса.— М., 1975; Das geschichtswissenschaftliche Erbe von Karl Marx / Hrsg. W. Küttler.— Berlin, 1983, и другие работы, указанные в библиографическом разделе книги.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 5.
[3] См. там же.— С. 6—7.
[4] Там же.— Т. 27.— С. 402, 403.
[5] См. там же.— Т. 4.— С. 133, 143—144 и др.
[6] См. там же.— С. 147—160.
[7] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 80.
[8] Там же.— С. 82.
[9] Там же.— С. 83.
[10] Там же.
[11] См. там же.— С. 84.
[12] На наш взгляд, идеи, развиваемые в данной связи Марксом, не укладываются в рамки не только охарактеризованных выше версий, но и интересной трактовки, представленной в ст.: *Любинин А. К.* Маркс о содержании категории «способ производства» // Экономические науки.— 1986.— № 5.— С. 3—11.
[13] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 352; Ч. 2.— С. 84—85, 252, 253, 291, 292, 334—336 и др.
[14] Там же.— Ч. 2.— С. 84.
[15] См. там же.— Т. 47.— С. 401—525; Т. 23.— С. 382—397.
[16] Там же.— Т. 48.— С. 19.
[17] Там же.— Т. 13.— С. 7 (курсив наш.— *Авт.*).
[18] Там же.— Т. 4.— С. 168.
[19] Там же.— Т. 27.— С. 406.
[20] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 185—198, 444—447.
[21] См. там же.— С. 477—508. Подробнее об этом см. 2-й раздел главы VIII настоящей монографии.
[22] См. там же.— Ч. 2.— С. 441—459. Строго говоря, следовало бы упомянуть и пятое обращение Маркса к этой проблеме, когда он в одной из добавочных заметок ко 2-й главе «К критике политической экономии» формулирует определение собственности, основанной на личном труде: «Собственность на чужой труд опосредствована собственностью на собственный труд» (там же.— С. 496).
[23] Там же.— Ч. 1.— С. 191.
[24] Там же.— С. 194. Можно было бы привести и другие аналогичные высказывания Маркса в том же месте рукописи, которые опровергают утверж-

дение западногерманских комментаторов «Grundrisse», будто он еще не осознавал в полной мере, что вырастающие на почве закона простого присвоения (эквивалентный обмен продуктов собственного труда) представления о свободе и равенстве являются в буржуазном обществе лишь иллюзией (см.: Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie (Rohentwurf): Kommentar.— S. 29).

[25] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 188—189.

[26] Там же.— Ч. 2.— С. 443.

[27] Там же.— С. 444.

[28] Там же.— С. 457.

[29] Там же.— Ч. 1.— С. 446.

[30] См. там же.— Т. 48.— С. 68; Т. 23.— С. 592—601.

[31] Подробнее см.: *Шкредов В. П.* Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса.— М., 1973.

[32] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 16.— С. 26.

[33] Там же.— Т. 2.— С. 34.

[34] См. подробнее 1-й раздел главы I данной монографии.

[35] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 8.

[36] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 16.— С. 25.

[37] Там же.— Т. 46, ч. 2.— С. 222.

[38] Там же.— Т. 23.— С. 772—773.

[39] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 36.— С. 171.

[40] Помимо работ, указанных в библиографическом разделе данной книги, см. также, например: *Давыдов Ю. Н.* Труд и свобода.— М., 1962; *Огурцов А. П.* Отчуждение и человек. Историко-философский очерк // Человек, творчество, наука.— М., 1967; *Ковалев С. М.* О человеке, его порабощении и освобождении.— М., 1970; *Титаренко А. И., Воронцов Б. Н.* О месте понятия отчуждения в системе категорий марксизма // Вопросы философии, 1978, № 11; *Geyer R. F.* Alienation theories.— Oxford, 1980.

[41] Об анализе отчуждения в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» подробнее см., например: *Лапин Н. И.* Молодой Маркс.— 3-е изд., доп.— М., 1986.— С. 343—397; *Нарский И. С.* Отчуждение и труд.— Гл. 2, 3.

[42] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч.: В 9 т.— Т. 2.— С. 34—35.

[43] См. там же.— Т. 42.— С. 86—87, 89, 97.

[44] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 452—453.

[45] См. там же.— С. 438—447, 450—452, 460—461.

[46] Особенно отчетливо эта идея проведена Марксом в той части «Главы о деньгах», которая выделена редакционным заголовком «Овеществление общественных отношений в условиях буржуазного общества» (см. там же.— С. 103—108).

[47] Подробнее см. 2-й раздел главы VIII настоящей монографии.

[48] Ср.: *Нарский И. С.* Отчуждение и труд.— С. 116.

[49] Непонимание именно этого обстоятельства является коренным пороком «неомарксистских» концепций отчуждения.

[50] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 101.

[51] Там же.— С. 441; ср. также: там же.— Т. 42.— С. 87—88.

[52] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 442; ср. также: там же.— Т. 42.— С. 88.

[53] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 248.

[54] См. подробнее, например: *Вильховченко Э. Д.* Новые формы капиталистической эксплуатации. Теория и практика: Критический анализ.— М., 1985 (особенно гл. 4 и 5).

[55] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 100, 103.

[56] См. там же.— С. 101.

[57] Об этом см. подробнее: *Almási M.* Phänomenologie des Scheins.— Budapest, 1977.— S. 28, 47, 48, 115, 150.

[58] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 198.

[59] Подробнее см. VII главу данной монографии.

[60] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 347.

[61] См. там же.— Ч. 1.— С. 439—441, 445—447.

[62] Там же.— С. 505; ср. также: там же.— С. 446.

[63] Там же.— Ч. 2.— С. 346—347.

[64] Если немецкое «Entfremdung» однозначно может быть переведено как «отчуждение», то термины «Entäußerung» и «Veräußerung», зачастую также передаваемые тем же русским словом, для пояснения смысловых нюансов точнее было бы переводить буквально — «овнешнение», «остранение».

[65] Подробнее см. 3-й раздел VIII главы настоящей монографии.

[66] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 475—476, 487.

[67] См. там же.— С. 17.

[68] Там же.— С. 18.

[69] Подробнее см.: *Ватин И. В., Тищенко Ю. Р.* Исторический процесс как становление человеческой индивидуальности // Проблема человека в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» К. Маркса.— Ростов-на-Дону, 1977.— С. 84—115.

[70] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 135.

[71] См. там же.— С. 347.

[72] Назовем здесь только Э. Фромма, И. Месароша и Б. Ольмана, которые в 60 — начале 70-х гг. особенно активно муссировали данную проблему (критика некоторых аргументов дана, например, в кн.: *Ситников Э. М.* Проблема «отчуждения» в буржуазной философии и фальсификаторы марксизма.— М., 1962; *Ойзерман Т. И.* Проблема отчуждения и буржуазная легенда о марксизме.— М., 1965). Позднее выступления на эту тему стали настолько частыми и настолько тенденциозными, что леворадикальный американский исследователь Э. К. Хант свою статью, содержащую критический анализ буржуазной и «неомарксистской» литературы о концепции отчуждения у Маркса, был вынужден полемически озаглавить «Был ли Маркс социалистом-утопистом?» (*Hunt E. K.* Was Marx a Utopian socialist? // Science and Society.— N. Y., 1984.— N 1.— P. 90—97).

[73] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 260, 277, 507; ч. 2.— С. 182. Ср.: MEGA. II/1.1.— S. 226, 239; II/1.2.— S. 416, 556.

[74] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 242, 454; Ср.: MEGA. II/1.— S. 211, 373.

[75] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 353.

[76] См.: *Wangler W.* Marxismus und Bürgertum.— Köln; Frankfurt a. M., 1977.— S. 60; *Löw K.* Ausbeutung des Menschen durch den Menschen.— Köln, 1977.— S. 57, 66.

[77] См.: *Klages H.* Technischer Humanismus, Philosophie und Soziologie der Arbeit bei Karl Marx.— Stuttgart, 1964.— S. 75. Западногерманский марксист В. Шварц отмечает, что подобная трактовка отчуждения сегодня остается весьма распространенной. См.: *Schwarz W.* Der «junge Marx» in der Literatur 1975—80. Bericht über veränderte Interpretationstendenzen in der Bundesrepublik // Marxistische Studien. Jahrbuch des IMSF 3, 1980.— S. 296.

[78] См.: *Boehm U.* Natur und Entfremdung // Marx zur Ansicht.— Reinbeck bei Hamburg, 1972.— S. 63; *Rossanda R.* Die sozialistischen Länder // Kursbuch 30 (1972).— S. 26; *Erckenbrecht U.* Das Geheimnis des Fetischismus: Grundmotive der Marxschen Erkenntniskritik.— Frankfurt a. M.; Köln, 1976.

[79] См. подробнее, например: *Гордон Л. А., Назимова А. К.* Технико-технологический прогресс и социальное развитие советского рабочего класса // Вопросы философии.— 1984.— № 7; *Ципко А. С.* Возрастание роли человеческого фактора в экономическом развитии социализма // Рабочий класс и современный мир.— 1985.— № 3.

[80] См.: *Korsch K.* Karl Marx / Herausgegeben von Götz Langkau.— Frankfurt a. M.; Wien, 1967.— S. 87; *Fetscher I.* Karl Marx und der Marxismus.— München, 1967.— S. 24, 28; *Popitz H.* Der entfremdete Mensch (Zeitkritik und Geschichtsphilosophie des jungen Marx).— Frankfurt a. M., 1967.— S. 235.

[81] См.: *Helmich H.-J.* «Verkehrte Welt» als Grundgedanke des Marxschen Werkes.— Frankfurt a. M.; Bern; Cirencester (U. K.), 1980.— S. 231, 284.

[82] См.: *Fischer E.* (unter Mitarbeit von F. Marek). Was Marx wirklich sagte.— Wien; München; Zürich.— 2. Aufl.— 1968.— S. 47; *Fromm E.* Das Menschen-

bild bei Marx.— Frankfurt a. M., 1969.— S. 55; *Petrovic G.* Wider den autoritären Marxismus.— Frankfurt a. M., 1969.— S. 27.

[83] См.: *Sieferle R. P.* Die Revolution in der Theorie von Karl Marx.— Frankfurt a. M., 1979.— S. 118.

[84] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 288.

[85] О значении анализа отчуждения, проводимого некоторыми леворадикальными исследователями на Западе, для понимания отдельных сторон капиталистической эксплуатации сегодня см.: *Красильщиков В. А.* Левый радикализм об отчуждении труда // Рабочий класс и современный мир.— 1983.— № 6.— С. 132—140.

[86] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 105—106.

[87] См. там же.— Т. 26, ч. 3.— С. 524—532.

[88] См. там же.— Т. 49.— С. 3—119.

[89] См. там же.— Т. 25, ч. 2.— С. 383—385, 398—399.

[90] См. там же.— Т. 23.— С. 17.

[91] См. там же.— С. 442, 583, 622, 660.

[92] О различных точках зрения по данному вопросу в советской литературе см., например: *Нарский И. С.* Отчуждение и труд.— Гл. 6.

Глава XIII

[1] Рукописи 1857—1859 гг. стали практически доступными зарубежным читателям благодаря переводам на итальянский, французский, японский, английский и другие языки лишь в 50—60-е гг. нашего века.

[2] Критический анализ подобных концепций дан в работах: *Кешелава В. В.* Миф о «двух Марксах».— М., 1963; *Лапин Н. И.* Молодой Маркс.— 3-е изд.— М., 1986; *Ойзерман Т. И.* Формирование философии марксизма.— 3-е изд.— М., 1986, и др.

[3] См.: *Brewer A.* A guide to Marx's «Capital».— Cambridge a. o., 1984.— P. 12.

[4] См.: *Nicolaus M.* The unknown Marx // New Left Review.— 1968.— N. 48; *McLellan D.* Marx's Grundrisse.— London; Basingstoke, 1971.— P. 2—3, 8—9, 14—15. Гораздо более сдержанную оценку дает известный английский ученый Э. Хобсбаум, говоря, что «Grundrisse» — это «крупное произведение зрелого Маркса, в последнюю очередь нашедшее читателя» (*Hobsbawm E.* Introduction // Karl Marx. Pre-capitalist economic formations.— 10th print.— N. Y., 1984.— P. 9).

[5] Зачастую данный тезис сопровождается критикой тех, кто «пытается использовать «Grundrisse» с целью оправдать новую и плохо слепленную версию давно дискредитировавшего себя диамата» (*Piccone P.* Reading the Grundrisse: beyond «orthodox» Marxism.— Theory and Society.— 1975.— Vol. 2.— P. 236).

[6] См.: *Althusser L.* Pour Marx.— Paris, 1965; *Althusser L., Balibar E.* Lire le «Capital».— Paris, 1968.

[7] «Grundrisse», писал Д. Маклеллан, это «работа, которая в большей степени, нежели любая другая, является синтезом различных сторон творчества Маркса... ни одно из произведений Маркса не завершено, но ближе всех к завершенности — «Grundrisse»» (op. cit.— P. 14—15).

[8] Неотроцкистский теоретик Э. Мандель расширяет «список» таких моментов, указывая на «в высшей степени значительные» замечания Маркса по вопросам земельной собственности, наемного труда, внешней торговли и мирового рынка, которые не отражены ни в одном из четырех томов «Капитала» (см.: *Mandel E.* Entstehung und Entwicklung der ökonomischen Lehre von Karl Marx (1843—1863).— Frankfurt / M.; Wien, 1968.— S. 96—97).

[9] Правда, по мнению канадского профессора М. Говарда и английского исследователя Дж. Кинга, в рукописи уже имеются «первые проблески исследования Марксом проблемы трансформации...», т. е. превращения стоимости в цену производства (*Howard M. C., King J. E.* The political economy of Marx.— 2nd ed.— London; N. Y., 1985.— P. 115). Представляется, однако, что авторы переоценивают степень зрелости экономической теории Маркса в конце 50-х гг.

[10] См., например: *Станковић В.* Место «Основа критике политичке економије» у формирању Марксове економске мисли // Анали правног факултета.— Београд, 1980.— № 1-2.— С. 74—78; *Rosdolsky R.* Zur Entstehungsgeschichte des Marxschen «Kapital»: Der Rohentwurf des «Kapital» 1857-58.— Frankfurt a. M.; Wien, 1968.— S. 28—29, 432; *Elliott J. E.* The «Grundrisse» as social theory: Link between young Marx and mature Marx // Social Science Quart.— Austin, 1978.— N 2.— P. 241; *Oakley A.* Marx's critique of political economy: Intellectual sources and evolution.— London a. o., 1984. Vol. 1.— P. 187, 216.

[11] Этот момент имел в виду Маркс, когда писал: «...Одно дело — путем критики впервые довести науку до такого уровня, чтобы ее можно было представить диалектически, и совсем другое дело — применить абстрактную, готовую систему логики к туманным представлениям о такой именно системе» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 224). Подробнее см. X и XI главы данной монографии.

[12] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 396—397.

[13] См. там же.— С. 401.

[14] См. там же.— С. 449. (Подробнее см. 2-й раздел главы VIII настоящей монографии.)

[15] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 10.

[16] См. там же.— Т. 47.— С. 258—583.

[17] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 316—367.

[18] Там же.— С. 42.

[19] *Cohen G. A.* Thoughts on the «Grundrisse».— Marxism Today.— 1972, December.— P. 373.

[20] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 42.

[21] Западногерманский исследователь Ф. Шрадер справедливо упрекает тех авторов, которые, оценивая «Grundrisse» с позиций «Капитала», просто отбрасывают как незрелые все положения, выдвинутые в экономических рукописях, но по тем или иным причинам не получившие развития в «Капитале». При таком подходе процесс формирования экономической теории Маркса после 1857 г. представляется как сплошная восходящая прямая, тогда как в действительности он, конечно, имел — как и всякий процесс познания — более сложный характер (см.: *Schrader F. E.* Restauration und Revolution: Die Vorarbeiten zum «Kapital» von Karl Marx in seinen Studienheften 1850—1858.— Hildesheim, 1980.— S. 12).

[22] Поэтому «левых» теоретиков, выдвигающих экономическую рукопись 1857—1858 гг. на роль «главного произведения творческого марксизма», не может устроить подход к «Grundrisse» с позиций «Капитала», последовательно проводимый марксистско-ленинскими исследователями. Так, один из приверженцев так называемого «операизма» в Италии (о сущности данного направления см.: Современная марксистско-ленинская философия в зарубежных странах.— М., 1984.— С. 416—418), А. Вигорелли, критикует марксистско-ленинских исследователей за то, что, «исходя из неопределенного историцистского тезиса о «прогрессивном» процессе формирования мысли Маркса, они пытались подчинить «Grundrisse» «Капиталу», усматривая в первой работе не что иное, как прообраз тем и содержания второй» (*Vigorelli A.* Politica e filosofia nei «Grundrisse» di Marx // Bisogni e teoria marxista.— Milano, 1976.— Pag. 180). Примечательно, что в этом вопросе с ним полностью сходится и теоретик печально знаменитых «красных бригад» А. Негри. Последний также усматривает основной недостаток исследований советских и зарубежных марксистов в том, что в них рукописям дается высокая оценка, но всякий раз «как источнику чего-то другого, а не чему-то, претендующему на роль центра самого по себе», и приходит к выводу, что «если движение от «Grundrisse» к «Капиталу» плодотворно, то нельзя назвать плодотворным обратный ход рассуждений. «Grundrisse» представляют собой вершину революционной мысли Маркса...» (*Negri A.* Marx oltre Marx. Quaderno di lavoro sui «Grundrisse».— Milano, 1979.— Pag. 26, 30).

[23] *Rosdolsky R.* Op. cit.— S. 7—8. В данной связи часто обращают внимание на известное письмо Маркса Энгельсу от 14 января 1858 г., где он говорит: «Для *метода* обработки материала большую услугу оказало мне то, что я по чистой случайности вновь перелистал «Логику» Гегеля...» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 212). Проводят и параллель между этим фактом творческой биографии Маркса и тем обстоятельством, что созданию таких важнейших теоретических работ В. И. Ленина, как «Империализм, как высшая стадия капитализма» и «Государство и революция», также предшествовало глубокое изучение философии Гегеля (см.: *Mandel E.* Op. cit.— S. 99; *McLellan D.* Op. cit.— P. 13).

[24] Особенно интенсивно она обсуждалась в 60—70-х гг. во Франции и в Италии, причем с самого начала дискуссия носила характер полемики между марксистами, с одной стороны, и ревизионистами, стремившимися либо «очистить» марксизм от гегелевской диалектики, либо, напротив, свести диалектический метод Маркса к методу Гегеля — с другой. Однако при этом споры шли, как правило, вокруг отдельных положений «Введения» (см. подробнее: *Macchioro A.* La questione del soggettivismo e dell'uso dei «Grundrisse» in Italia // Critica leninista del presente.— Milano, 1980.— Pag. 114—162; *Hartsock N., Smith N.* On Althusser's misreading of Marx's 1857 «Introduction» // Science and Society.— N. Y.— 1979-1980.— N 4.— P. 486—489).

[25] См., в частности, статьи французских марксистов: *Sagnol M.* Diachronie et synchronie dans la «Critique de l'économie politique» (A propos de la problématique «historique/logique» dans les «Grundrisse» et de sa réception en Union Sovietique) // 1883—1983: L'oeuvre de Marx, un siècle après.— Paris, 1985.— P. 313—318; *Texier J.* Le privilège épistémologique du présent et la nécessite du moment génétique dans les Grundrisse de K. Marx // La Pensée.— Paris, 1982.— N 225.— P. 40—52, а также работы западногерманского «неомарксиста» Х.-Г. Бакхауза. Соотношение теоретического отображения буржуазного способа производства с историческим процессом было рассмотрено в заключительном разделе X главы данной книги.

[26] См., например: *Schwarz W.* Vom «Rohentwurf» zum «Kapital»: Die Strukturgeschichte des Marxschen Hauptwerkes.— Berlin (W.), 1978; *Sagnol M.* Des «Grundrisse» au «Capital»: Sur la modification du plan du «Capital» // La Pensée.— Paris.— 1982.— N 228.— P. 17—28, и др.

[27] Впрочем, имеются различные интерпретации данного обстоятельства. Если, например, японский исследователь К. Хирата трактует его как естественную в науке эволюцию взглядов Маркса (см.: *Hirata K.* Conceptual evolution of «capital in process» in «Foundations of the critique of political economy»//Kyoto University Economic Review.— 1981.— N 1/2.— P. 1—35), то некоторые западногерманские гегельянцы выстраивают целую концепцию постепенного «отхода» Маркса от подлинно диалектического рассмотрения внутренней структуры буржуазного общества (см., в частности кн.: *Göhler G.* Die Reduktion der Dialektik durch Marx.— Stuttgart, 1980).

[28] *McLellan D.* Op. cit.— P. 9.

[29] *Rosdolsky R.* Op. cit.— S. 26.

[30] Ibid.— S. 76—77.

[31] Ibid.— S. 24, 25.

[32] Впрочем, Роздольский оговаривается, что и в «Капитале» имеются высказывания, из которых следует, что «некоторые специальные проблемы (конкуренции.— *Авт.*) все же должны быть отнесены к отдельному исследованию о конкуренции», выходящему за рамки III тома «Капитала» (ibid.— S. 36).

[33] Ibid.— S. 37.

[34] См.: *Rosdolsky R.* Op. cit.— S. 28, 372—374, 389—390, 406.

[35] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 26, ч. 1.— С. 424—426.

[36] См.: *Коган А. М.* В творческой лаборатории Карла Маркса.— М., 1983; Очерки по истории «Капитала».— М., 1983.— С. 189—190.

[37] Хотя от *термина* «капитал вообще» Маркс после 1863 г. отказался (подробнее о причинах данного обстоятельства см.: *Müller M.* Auf dem Wege zum «Kapital».— B., 1978.— S. 138—144).
[38] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 29.— С. 212.
[39] См. там же.— С. 224.
[40] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 437.
[41] Подробнее см. 3-й раздел главы XI данной монографии.
[42] См., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 553; Т. 25, ч. 1.— С. 215; и др. Подробнее см.: *Коган А. М.* В творческой лаборатории Карла Маркса...— С. 65—68.

Глава XIV

[1] Из последних работ по этому вопросу следует упомянуть книгу: Методологические и теоретические проблемы политической экономии социализма в «Экономических рукописях 1857—1859 гг.» К. Маркса/Отв. ред. Куликов В. В.— М., 1984.
[2] В первоначальном тексте «К критике политической экономии» один из подразделов называется «Благородные металлы как носители денежного отношения» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 434).
[3] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 82, 452—453. Ср. также: Т. 13.— С. 18; Т. 23.— С. 58—59, 65, 70, 83—84; Т. 26, ч. 2.— С. 166; Т. 47.— С. 21; Т. 48.— С. 142—143, 149, 174.
[4] «...Для каждого товаровладельца,— писал Маркс позднее в I томе «Капитала»,— всякий чужой товар играет роль особенного эквивалента его товара, а потому его собственный товар — роль всеобщего эквивалента всех других товаров. Но так как в этом сходятся между собой все товаровладельцы, то ни один товар не является всеобщим эквивалентом...» (там же.— Т. 23.— С. 96).
[5] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 89; ср. также: Т. 23.— С. 97.
[6] «Деньги... это — ставшая самостоятельной меновая стоимость... в ее всеобщей форме» (там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 164). В рукописи 1857—1858 гг., как уже отмечалось в главе IV, термины «меновая стоимость» и «стоимость» употребляются в качестве синонимов (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 77, 88 и др.).
[7] В рукописи 1857—1858 гг. Маркс употреблял термин «чистая меновая стоимость», очевидно, как тождественный «чистой стоимости» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 132).
[8] Там же.— Т. 25, ч. 2.— С. 340.
[9] Там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 86.
[10] Там же.
[11] Там же.— С. 96 (курсив наш.— *Авт.*).
[12] Там же.— С. 87 (курсив наш.— *Авт.*).
[13] Мы исходим из того, что кредитные и бумажные деньги в принципе не могут быть товаром. Соответственно вещественный носитель мы отождествляем с товарным, а «невещественный» — с нетоварным носителем денежного отношения.
[14] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 109.
[15] См. там же.— Т. 46, ч. 1.— С. 89.
[16] Там же.— С. 93.
[17] Ленин определенно указывал на связь теории Маркса с «определенными практическими задачами эпохи, которые могут меняться при каждом новом повороте истории» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 20.— С. 84).
[18] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 102.
[19] Там же.— Т. 13.— С. 98—99.
[20] «...Всякую истину, если ее сделать «чрезмерной» (как говорил Дицген-отец), если ее преувеличить, если ее распространить за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 41.— С. 46).

[21] «...Мы никогда не забываем, что все приобретаемые нами знания по необходимости ограничены и обусловлены теми обстоятельствами, при которых мы их приобретаем» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 21.— С. 302).

[22] В соответствии с методологией Маркса наиболее общие понятия первоначально выводятся из конкретного многообразия реальной действительности, становясь теоретическим обобщением богатейшего фактического материала, и уже затем используются для абстрактно-теоретического осмысления этого материала.

[23] См., например, работы А. В. Аникина, С. М. Борисова, А. А. Хандруева и др.

[24] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 25, ч. 1.— С. 343.

[25] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 5; Т. 29.— С. 254, 449, 451, 468; Т. 46, ч. 1.— С. 45.

[26] Здесь речь идет о теории прибавочной стоимости в широком смысле, раскрывающей процессы производства и обращения прибавочной стоимости, а также ее превращенные формы (см. I—III тома «Капитала»).

[27] О методологической роли такого рода абстракций см.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 6.— С. 328.

[28] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 23.— С. 553; Т. 25, ч. 2.— С. 324; Т. 46, ч. 2.— С. 165; Т. 47.— С. 30.

[29] История теоретического познания, особенно в XX в., свидетельствует, что генетическое основание различных форм движения материи, прежде всего наиболее развитых форм, бесконечно сложно, неисчерпаемо. Этот методологический вывод в полной мере относится и к капиталистическим отношениям, одному из проявлений наиболее развитой из известных нам форм — общественной формы. Теория стоимости в узком смысле — фундамент теории прибавочной стоимости, входящей в саму эту теорию. Сам термин «генетическое основание» мы употребляем в двояком смысле: и как систему противоречий, потенций, порождающую данный объект, предопределяющую главные направления, тенденции его развития, и как отображение этой системы в соответствующей науке.

[30] Подробный анализ методологических основ плана шести книг и связи, существующей между этим планом и «Капиталом», проведен в кн.: *Коган А. М.* В творческой лаборатории Карла Маркса.— М., 1983.

[31] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 26, ч. 3.— С. 85.

[32] Под адекватным здесь понимается такое генетическое основание, которое всецело составляет предмет соответствующего специального учения. Оно определяет развитие того или иного круга отношений (конкуренция, кредит и т. д.) как целостной, относительно самостоятельной системы.

[33] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 454.

[34] См. там же.— Т. 23.— С. 53, 55.

[35] Там же.— С. 56.

[36] Маркс отмечал, что действительное движение рыночных цен составляет предмет учения о конкуренции (см. там же.— Т. 25, ч. 2.— С. 324).

[37] Представляется ошибочным мнение, согласно которому чем позже сформулированы Марксом те или иные положения, тем важнее они для понимания специфики денег современного капитализма. Мы стремились показать, что в рукописи 1857—1858 гг. высказаны идеи, которые не были впоследствии систематически развиты в «Капитале» именно в силу того, что в 60-е гг. прошлого столетия они не были столь актуальны, как теперь.

Заключение

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.— Т. 29.— С. 301.

[2] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 291—301.

[3] См. там же.— С. 384—386.

[4] См.: О журнале «Коммунист»: Постановление ЦК КПСС.— Коммунист.— 1986.— № 12.— С. 3.

КАРЛ МАРКС

СЛИТОК. ЗАВЕРШЕННАЯ ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА

Написано весной 1851 г.
На русском языке публикуется впервые

Печатается по рукописи
Перевод с немецкого

ПЕРВАЯ ПОПЫТКА ОБОБЩЕНИЯ ЭКСЦЕРПТОВ ПО ДЕНЕЖНОМУ ОБРАЩЕНИЮ

(вступительная статья)

Публикуемая рукопись, созданная приблизительно в марте 1851 г., представляет первую из серии так называемых эксцерптных тетрадей второй ступени обработки, или вторичного порядка, в которых Маркс систематизировал содержание своих многочисленных выписок по политической экономии с целью их использования в будущем экономическом произведении. Хотя тетради вторичного порядка носили вспомогательный характер, прежде всего помогая Марксу ориентироваться в массе разнообразных эксцерптов, составленных им в предшествующие годы, они отражают качественно новый этап его исследований — этап постепенного перехода от количественного накопления материала к его осмыслению и обобщению и намечающегося на этой основе преодоления теорий классической буржуазной политической экономии.

«Слиток» является весьма ценным источником по истории создания марксистской экономической теории в начале 50-х гг. XIX в., наименее исследованного периода в истории формирования марксистской политической экономии.

Создание рукописи было, по-видимому, связано с намерением Маркса приступить к непосредственному написанию давно задуманного труда по политической экономии, переговоры об издании которого он возобновил в конце марта 1851 г. В частности, он сообщал Энгельсу 2 апреля 1851 г.: «Я уже так далеко подвинулся, что недель через пять покончу со всей экономической дрянью. Сделав это, я буду дома разрабатывать политическую экономию, а в Музее возьмусь за другие науки» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 27.— С. 207). Поэтому Марксу, видимо, и потребовалось вновь просмотреть все сделанные к этому времени выписки по политической экономии, чтобы отобрать из эксцерптных тетрадей наиболее важный материал, который нужно было использовать в первую очередь.

То внимание, которое Маркс в начале 50-х гг. уделял проблемам денежно-кредитного обращения и кризисов перепроизводства, определило содержание и характер рукописи «Слиток». Она является своего рода тематическим обзором выписок по проблемам денежно-кредитного обращения, где под определенным углом зрения — а именно с позиций теории денег — Марксом были проана-

лизированы и систематизированы сначала эксцерптные тетради, составленные им в Париже, Брюсселе и Манчестере в 1844—1847 гг., а затем и материалы первых шести лондонских эксцерптных тетрадей за сентябрь 1850 — февраль 1851 г. (к тому времени, видимо, уже заполненных).

Рукопись «Слиток» была записана Марксом в двух тетрадях и не датирована. Озаглавлена лишь первая тетрадь, содержащая выписки из 83 источников; на обложке второй, в которой находится продолжение рукописи (выписки под номерами LXXXIV—XCI), стоит сделанная позднее (очевидно, уже после смерти Маркса) рукой Энгельса запись: «1851». Более точно установить время создания рукописи «Слиток» можно лишь на основе косвенных данных. Первостепенное значение при этом приобретает содержательный анализ рукописи.

Последняя запись в рукописи «Слиток» под номером XCI относится к работе Дж. М. Белла «Философия акционерных банков» (Лондон, 1840), выписки из которой находятся на с. 57—59 VI лондонской эксцерптной тетради. Между тем, всего в данной тетради 74 с., причем все они имеют прямое отношение к теории денег (см.: MEGA. IV/7.— S. 467—604). Таким образом, часть выписок из VI тетради в «Слитке» не нашла отражения. Вероятно, к моменту, когда Маркс работал над «Слитком», заполнение VI эксцерптной тетради еще не было завершено.

Можно также предположить, что Маркс закончил работу над рукописью «Слиток» до начала заполнения VII эксцерптной тетради (апрель 1851 г.), либо в самый начальный период работы над нею. Во всяком случае, в рукописи «Размышления», которая находится в VII тетради (см.: MEGA. IV/8.— S. 227—234), уже прослеживается развитие ряда идей «Слитка», что можно считать подтверждением предложенной датировки.

Кроме того, следует принять во внимание еще одно соображение. Свои эксцерпты Маркс воспроизводит в рукописи довольно обстоятельно, следуя в общем за их расположением в тетрадях. Поэтому трудно допустить, что, если бы во время работы над «Слитком» он располагал выписками из весьма интересных источников по теории денег из VII тетради (работы Гилбарта, Торнтона, Галлатина, Тука, Торренса, Хаббарда и др.), они не были бы включены уже в первый обзор. Между тем второй аналогичный обзор источников по денежному обращению — рукопись «Деньги, кредит, кризисы» (конец 1854 — начало 1855 гг.) — начинается с обобщения именно этих источников из VII тетради, причем строго в том порядке, как они в ней записаны.

Включение Марксом в рукопись «Слиток» материалов по денежному обращению из эксцерптных тетрадей 40-х гг. свидетельствует о том, что он рассматривал их наряду с лондонскими эксцерптами в качестве важных источников для разработки своей теории денег. Этот факт подтверждает наличие несомненной преемственности в исследованиях Маркса 40—50-х гг. и позволяет

рассматривать их в совокупности как отражение единого процесса теоретических занятий Маркса.

Всего в рукописи «Слиток» Маркс резюмировал на основе своих эксцерптов содержание 91 произведения. В дошедшей до нас части рукописи (с. 25—32 и 37—40 не сохранились) сгруппированы высказывания о денежной системе буржуазного общества, сущности, функциях, видах и роли денег, кредита, банков, истории их развития из 63 работ 52 авторов, представляющих различные направления буржуазной экономической мысли.

Сгруппированные в рукописи «Слиток» выписки можно подразделить на две большие группы. Во-первых, это — систематизация тех идей, которые Маркс предполагал творчески развить в ходе разработки собственной экономической теории. Часть этих выписок он, видимо, намеревался использовать в качестве историко-критического комментария при изложении своих собственных взглядов на деньги. К их числу относится определение функций денег как средства обращения и меры стоимости, средства платежа, сокровища и мировых денег, роли кредитных денег, банков, оценка их значения в буржуазном обществе и т. п. В более поздних экономических рукописях Маркса, но в особенности в «Grundrisse», многие из эксцерптов использовались в качестве подтверждения определений и тезисов самого Маркса. Ко второй группе относятся типичные для буржуазной политэкономии ошибочные тезисы, с которыми Маркс предполагал вести полемику в своем будущем произведении. Материалы рукописи «Слиток» свидетельствуют о том, что Маркс подготавливает в этот период серьезную, основательную критику количественной теории денег, которую он, как об этом уже говорилось в главе II настоящей монографии, разделял в 40-е гг. В этом убеждает, в частности, воспроизведение в сжатом виде полемики вокруг вопросов денежного обращения между денежной и банковской школами, которая является одной из ведущих тем его первых лондонских эксцерптных тетрадей и изучение которой убедило Маркса в ошибочности теории денег Рикардо.

Значительное внимание уделено здесь также социалистическим мелкобуржуазным критикам капитализма — прежде всего Грею и Брею. Хотя Маркс уже широко использовал манчестерскую тетрадь с выписками из работы Дж. Ф. Брея «Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению» для критики взглядов на деньги П. Ж. Прудона в «Нищете философии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 4.— С. 102—106), однако живучесть мелкобуржуазных иллюзий о возможности путем преобразования денежно-кредитной системы ликвидировать противоречия буржуазного общества побуждала его вновь возвращаться к этим вопросам.

Анализ рукописи «Слиток» позволяет также сделать определенные предположения относительно характера задуманного про-

изведения. Судя по рукописи, одно из ведущих мест в этой работе должна была занимать критика буржуазных и мелкобуржуазных воззрений на деньги. Не исключено, что с исследования именно этого круга вопросов Маркс предполагал в то время начать свое экономическое произведение, и в этом — уже прямая перекличка с «Grundrisse». Это подтверждается и самим названием рукописи. Возможно, понятием «слиток» («bullion») Маркс хотел показать, что основой денежной системы современного ему буржуазного общества являются благородные металлы, и в первую очередь золото. Вторую часть заголовка — «завершенная денежная система» — можно интерпретировать таким образом, что в буржуазном обществе деньги как особая форма общественной связи достигают наивысшего, предельного развития. Не исключено, что при этом Маркс косвенно полемизировал с теми мелкобуржуазными экономистами, которые верили в возможность установления «более совершенной» денежной системы, обеспечившей бы устранение противоречий капитализма: не случайно, анализируя взгляды Буагильбера, Маркс между прочим замечает: «У него есть уже целиком *конституированная стоимость* Прудона...» (С. 395).

Систематизируя материал своих эксцерптных тетрадей, Маркс стремился глубже понять сущность и функции денег в буржуазном обществе. Одновременно он сопоставлял позиции буржуазных экономистов по этим вопросам, развивал положения, лишь намеченные предшественниками, в своих комментариях намечал некоторые направления критики буржуазной политической экономии, ставил задачи для дальнейших собственных исследований. Таким образом, хотя на первый взгляд в рукописи «Слиток» в сжатой форме повторяется содержание эксцерптов 40—50-х гг., это воспроизведение известного материала на качественно новом уровне.

Так, например, вновь возвращаясь к взглядам на деньги А. Смита, с рассмотрения которых начинается рукопись, Маркс не просто констатирует вслед за Смитом превращение золота и серебра во всеобщий эквивалент продуктов каждого отдельного промысла, а делает акцент именно на общественном характере этого всеобщего эквивалента (С. 363). Это — свидетельство углубления понимания Марксом самой сущности денежного товара. Констатация далее двойственности денег: с одной стороны, как «всеобщего эквивалента», «всеобщего общественного продукта», с другой — как товара, имеющего свою внутреннюю стоимость, показывает, что Маркс подмечает здесь противоречивую природу денежного товара и тем самым делает важный шаг к обнаружению двойственного характера товара вообще. Таким образом, в процессе анализа источников по теории денег одновременно углублялось и понимание Марксом проблемы стоимости, что имело первостепенное значение для дальнейшей разработки марксистской экономической теории. Впоследствии, анализируя уже в экономической рукописи 1857—1858 гг. противоречие товара, Маркс

заметит, что «у Адама Смита это противоречие еще выступает как некое полагание двух определений рядом друг с другом: наряду с особенным продуктом труда (рабочим временем как особенным предметом) работник должен произвести еще некоторое количество всеобщего товара (рабочее время как всеобщий предмет)» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 113). Это замечание Маркса показывает, какое дальнейшее развитие получила идея, лишь намеченная в рукописи «Слиток».

Обобщая взгляды буржуазных экономистов на деньги, Маркс в значительной степени углубляет и понимание функции денег как средства обращения. В противоположность своим предшественникам, приписывающим этой функции чисто мимолетную роль в процессе товарообмена, Маркс подчеркивает ее важную роль в создании потенциальных основ кризисов перепроизводства (С. 364). Тем самым в ходе систематизации материалов эксцерптных тетрадей Маркс сформулировал важные положения не только для своей теории денег, но и для сопредельных с нею проблем, в частности, стоимости и кризисов.

Обобщая взгляды итальянского экономиста Росси (С. 366), Маркс подчеркнул коренной порок буржуазной политэкономии, ограничивавшейся при исследовании денежного обращения рассмотрением поверхностных связей и соотношений, и подчеркнул необходимость теоретического решения вопроса о том, в каком отношении находятся друг к другу средства обращения и обмен, сфера обращения в целом.

Вопрос о законах, определяющих движение сферы обмена, факторах, воздействующих на количество обращающихся денег, особенно волновал в то время Маркса, постепенно преодолевавшего теорию денег Рикардо. Это обстоятельство, в частности, объясняет выделение в рукописи «Слиток» некоторых новых аспектов теории денег последователя Рикардо Дж. Милля по сравнению с парижским конспектом работы этого автора (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 42.—С. 12—30). Если в 1844 г. в своих замечаниях на книгу Дж. Милля «Основы политической экономии» Маркс акцентировал внимание прежде всего на методологических аспектах теории денег, связанных с пониманием этой категории как общественного отношения, то в рукописи «Слиток» подробно воспроизводится аргументация Милля как защитника количественной теории денег.

Анализируя эту аргументацию, Маркс без колебаний замечает относительно основного постулата количественной теории денег: «*...неверно, что даже при том предположении, что масса товаров остается той же, ее стоимость увеличивается или уменьшается в десять раз, если масса денег увеличивается или уменьшается.* Влияние увеличения или уменьшения массы денег необходимо сказывается только с того момента, когда общая сумма денег, умноженная на среднее число покупок, которые каждая отдельная денежная единица обслуживает ежегодно, увеличится или умень-

шится. Движение обращения зависит, правда, не от массы денег, а от других обстоятельств — от массы сделок, которые совершаются в течение дня, от состояния средств обращения, кредита, населения и т. д... Обращение зависит от всей организации промышленности» (С. 376—377).

Критикуя количественную теорию денег, Маркс конкретизировал определение факторов, воздействующих на сферу обращения, и приблизился к формулировке закона о количестве денег, необходимом для обращения. На этом примере особенно отчетливо видно, как в процессе критического изучения взглядов буржуазных экономистов складывались новые элементы Марксовой теории денег. Вызывает интерес и сделанный в рукописи вывод о примате промышленности, т. е. сферы производства, над обращением. Этот вывод логически вытекал из разработанной Марксом еще в 40-е гг. концепции материалистического понимания истории.

Особое место в рукописи занимает анализ роли золота как стандарта, как базы денежного обращения. Сопоставляя взгляды различных экономистов на эту проблему, Маркс приходит к выводу, что для выполнения золотом этой роли вовсе необязательно его «физическое» присутствие в обращении. Так, относительно требования журнала «Economist» о необходимости для устойчивого денежного обращения металлического стандарта и обратимости денег в золото, Маркс замечает: «*Неверно*. Стандартом может быть золото, при том что ни один гран золота не находится в обращении и банкноты необратимы» (С. 422). Этот вывод Маркса представляется небезынтересным с точки зрения современной дискуссии о деньгах, некоторые участники которой в качестве главного аргумента об утрате золотом своих функций ссылаются на его уход из обращения и отмену обратимости бумажных денег.

К рукописи «Слиток» Маркс впоследствии неоднократно обращался, работая над черновыми вариантами будущего «Капитала», начиная с «Grundrisse». Этот факт доказывает текстуальное совпадение многих цитируемых в «Grundrisse» мест с текстом рукописи «Слиток». Однако Маркс использовал эту рукопись не только с целью подобрать необходимые цитаты, но, главным образом, потому, что она была важным подготовительным этапом в создании марксистской экономической теории.

Охарактеризовав в письме Энгельсу от 3 февраля 1851 г. теорию денег Рикардо как ошибочную (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 27.— С. 161—167), Маркс сделал в рукописи «Слиток» важный шаг в ее преодолении. Теперь ему предстояло двинуться дальше — необходимо было понять и показать ограниченность лежащей в ее основе рикардовской теории стоимости. Это удалось сделать в «Grundrisse» благодаря открытию двойственного характера заключенного в товарах труда (см. главу IV настоящей монографии).

* * *

Публикация данной рукописи на русском языке осуществляется на основе текста и аппарата тома МЭГА IV/8. В то же время при ее подготовке публикаторы исходили из принципов и практики научного перевода и комментирования рукописного наследия основоположников научного социализма, сложившихся во втором издании Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса на русском языке.

Как правило, отсутствует полное текстуальное совпадение между переводом некоторых законспектированных Марксом высказываний и соответствующими местами в существующих русских переводах произведений Рикардо, Смита и других авторов, поскольку основным принципом настоящей публикации являлось следование тексту Маркса, иногда представляющему собой резюме, а не точное воспроизведение положений первоисточников. Подобного рода незначительные расхождения с первоисточниками, не влияющие на смысл, не указываются. Цифровые отсылки в цитатах указывают страницы не первоисточников, а тех эксцерптных тетрадей первичной обработки, которые использованы Марксом при составлении «Слитка» (они, равно как и точные названия работ, названы в примечаниях в конце текста).

Учитывая то обстоятельство, что в немецком оригинале встречается множество вкраплений иноязычных терминов, некоторые из них, не имеющие аналогов в более поздней терминологии Маркса или допускающие неоднозначный перевод, даны — в тех местах текста, где они употребляются впервые,— на языке оригинала и снабжены подстрочной сноской.

Рукопись носит конспективный характер, и при переводе в основном сохранен по мере возможности стиль оригинала, редакционные же вставки в квадратных скобках даны лишь в тех случаях, когда это совершенно необходимо для правильного понимания смысла. Отточиями, заключенными в квадратные скобки, отмечены несохранившиеся страницы; номера страниц рукописи также даны в квадратных скобках.

Публикация подготовлена А. Ю. Чепуренко под редакцией Л. Л. Васиной и Л. Р. Миськевич, вводная статья написана Л. Л. Васиной.

КАРЛ МАРКС

СЛИТОК. ЗАВЕРШЕННАЯ ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА

[1] I. Адам Смит [1]

Из *разделения труда* вытекает, что один из товаров зависит от другого, т. е. *необходимость обмена;* каждый нуждается помимо своего *специального (особого)* продукта своего собственного промысла [Industrie] в определенном количестве товара, имеющего всеобщее признание; на него он по желанию меняет излишек своего собственного промысла. Для этого последовательно применялись различные материалы, в конце концов *серебро и золото, вначале* в виде *слитков* без чекана и клейма, согласно весу. Позднее проштемпелеванные, отчеканенные (А. С. с. 6).

Отметить: 1) Золото и серебро как *всеобщий товар,* как *всеобщий продукт* каждого особого промысла, как воплощение, *телесность обмениваемости продукта,* его способности к обмену. (Деньги здесь — только средство обмена.) Овеществленная *меновая стоимость* продукта. Первый процесс по А. С.: *отделение золота и серебра,* денег как всеобщего продукта каждого промысла от его особенного продукта. Но золото и серебро здесь всего лишь форма *всеобщего эквивалента,* всеобщего *залога,* так как они сами являются *товаром* и обладают внутренней стоимостью [2]. *Общественный продукт.*

2) А. С. объясняет необходимость денег необходимостью *обменивать излишек* собственного продукта. Полное отделение производителя от отношения к непосредственной пригодности продукта для него самого не является, таким образом, здесь еще предпосылкой. *Наряду* с особенным продуктом *всеобщий.*

А. С. продолжает: «Так деньги стали у всех цивилизованных народов *всеобщим инструментом торговли,* и товары всякого рода продаются и покупаются, или же обмениваются друг на друга при его *посредстве*» (с. 6).

Отметить: 1) *Всеобщий инструмент торговли.* Один товар, например золото и серебро, должен здесь быть *предикатом всеобщего инструмента торговли,* орудием. Но всеобщий инструмент торговли как *субъект* не имеет никакого, независимого от каждого действительного продукта, выражения. Золото — деньги. Но быть деньгами — свойство золота. Деньги как таковые не имеют бытия, независимого от определенного продукта природы.

2) Золото и серебро в своем свойстве денег выступают здесь как *посредник.* Акт *обмена* распадается на независимые друг от

друга акты *купли* и *продажи*. Спрос и предложение. Необходимое следствие денег, таким образом,— *разъединение* обоих этих актов, которые хотя и должны в конце концов уравновесить друг друга, но в каждый данный момент могут находиться в *дисгармонии, диспропорции*. С деньгами, таким образом, уже положена основа кризисов.

3) Хотя здесь исчезает прямая меновая торговля товарами, все же имеет место еще одна форма меновой торговли, ибо золото и серебро имеют такую же prix naturel *, как и товары, обмен которых они опосредствуют. Только вместо одной меновой торговли имеют место две. Пока неотчеканенные слитки золота и серебра обмениваются на товары, они выступают еще как чистый залог, в отчеканенном благородном металле также сохраняется примитивная меновая торговля, но только на более высокой ступени. По-прежнему действительная меновая стоимость выступает в качестве посредника между двумя другими.

«Труд,— продолжает А. Смит,— есть деньги, затрачиваемые на первоначальное приобретение всех вещей» (с. 6, 7). Но товары чаще *обменивают, сравнивают* с другими товарами, чем с трудом... Как только деньги стали всеобщим инструментом торговли, каждый товар чаще обменивается на деньги, чем на любой другой товар... Труд — *реальная,* деньги — *номинальная стоимость товаров* (с. 7). В одно и то же время и в одном и том же месте реальная и номинальная цена товаров идентична. В таком случае, следовательно, деньги — *точная мера меновой стоимости всех товаров* (с. 8). «Золото и серебро постоянно изменяют свою стоимость, как всякий иной товар» (с. 7). Монеты содержат порой больше, порой меньше чистого металла (с. 8).

Выше деньги определялись только как *всеобщий инструмент обмена,* здесь — как *всеобщий измеритель стоимости товаров*. Но как монета с изменяющимся содержанием металла и как металл изменяющейся стоимости, этот измеритель стоимости, таким образом, сам нуждается [2] в некоей мере. Как вследствие разделения купли и продажи, так и вследствие изменчивой природы меры в обмен привносится неуверенность, и контракты, купли, продажи и т. д. оказываются подверженными воздействию множества конъюнктурных изменений, не поддающихся учету.

Деньги — как основной, так и оборотный капитал... Во-первых, дорого обходится создание и поддержание запаса отчеканенных денег... Деньги как колесо обращения отличаются от предметов, которые они заставляют обращаться... Один и тот же талер оплачивает последовательно самые различные товары. Совокупный доход состоит, таким образом, из предметов, которые пущены в оборот один за другим благодаря денежным единицам, по мере того как они переходят из одних рук в другие... Всякая экономия в собирании и поддержании денег представляет собой увеличение

---

* — естественную цену. *Ред.*

чистого дохода нации... Замена золотых и серебряных денег заменяет весьма дорогой инструмент торговли весьма дешевым (с. 12, 13).

А. С. рассматривает здесь бумажные деньги только с точки зрения *дешевизны:* экономии. Никакого специфического различия.

Деньги как колесо обращения. (Изменение стоимости денег: 1) Изменение содержания металла в монете. 2) Изменение стоимостного соотношения золота и серебра. 3) Изменение их стоимости в зависимости от соотношения их количества и спроса. 4) В зависимости от их издержек производства.)

II. Ж. Б. Сэй [3]

1) «Денежное выражение стоимости — *цена* вещей» (с. 1). С деньгами, следовательно,— возникновение *цены.*

2) «Деньги... производительный капитал в тех случаях, когда они служат для обмена, без которого производство не могло бы иметь места» (с. 2).

А. С[мит] рассматривает деньги только с точки зрения обмена и распределения. Как *инструмент торговли.* Сэй же здесь — как *инструмент производства,* как *производительный капитал,* как *агента производства.*

3) Если обесцениваются деньги, тогда изыскиваются все возможные средства обменять их, избавиться от них. Отсюда — небывалый размах обращения во время прогрессирующего падения доверия к ассигнатам [4] (с. 5).

Деньги и обращение.

4) Деньги тем более необходимы, чем более цивилизована страна, чем дальше зашло разделение труда (с. 6).

5) Деньги не являются ни знаком, ни мерой... действительная стоимость... Их собственная стоимость, как и любого другого товара, прямо пропорциональна потребности в них и обратно пропорциональна их количеству (с. 7).

6) То, что дается взаймы,— это не *деньги,* а *стоимость,* часть стоимости применяемого капитала общества, и процентная ставка зависит от соотношения спроса и предложения ссужаемого капитала, безотносительно к природе денег, которыми пользуются, чтобы передать ссужаемые товары (с. 11). Процентная ставка и деньги.

7) Деньги есть товар, постоянно находящийся в обращении, постоянно предназначенный для обмена (с. 17). Деньги как товар.

8) Денежные единицы служат как таковые не благодаря их физическим качествам, а благодаря их моральным качествам. Поэтому они как деньги могут быть заменены любым другим товаром. Отсюда — бумажные деньги. Бумажные деньги — *не* знак,

так как они не влекут за собой обязательство уплаты долга. Так как их принимают не ради потребления, они могут быть заменены *знаком* (векселями и т. д.) (с. 19).

[3] III. Росси [5]

Нет никакого измерителя стоимости. Стоимости измеряются взаимно. То же относится к деньгам... Требуется найти изменяющуюся стоимость денег, золото и серебро как металлические стоимости и как деньги. Взаимопереход обоих определений... Бóльшая или меньшая потребность в деньгах, в мере moyens d'échange supplémentaires *... Социальное и политическое положение страны, нестабильность и т. д. ...У древних путем brusque rétraite ** из одного места в другое — сильные колебания стоимости денег... В средние века столь же недостаточное равновесие денег на различных рынках, отсюда их стоимость также весьма подвержена внезапным колебаниям... Влияние открытия Америки (с. 20, 21). Если известно количество приращения золота и серебра, то можно исследовать, не вызвано ли его увеличение возросшим спросом вследствие роста населения, развития промышленности, торговли и т. д. ...Влияние цены золота в 16-м и 17-м веках на ренту, прибыль, заработную плату [6] (с. 21).

Итак, в целом: золото не является абсолютным измерителем стоимости. Потребности в благородном металле меняются вследствие самых различных причин. Издержки его производства, его предложение, следовательно, меняются. В конечном итоге его возросшее предложение может быть затем уравновешено возросшими потребностями в нем. А не может ли увеличиться сам обмен с увеличением средств обмена? Последнее Росси не исследует.

IV. Дж. Ф. Брей [7]

1) Золото и серебро первоначально не являются *представителями;* эта идея появляется при изобретении *бумажных денег,* первоначально созданных как заместитель золотых и серебряных монет (с. 16).

2) Деньги — отчеканенный металл и бумажные — средство раздробить владение (дома и другой капитал) на бесчисленные кусочки и по частям проедать его путем обмена (с. 16). Таким образом, разрушительное, разлагающее действие денег. Без денег — масса непригодных к обмену, т. е. непригодных к отчуждению предметов. Чистая меновая торговля консервативна в отношении этой части богатства.

3) Деньги au fond *** лишь представитель капитала. Так, золото. В виде *монет* оно служит только представителем реального

---

* — дополнительных средств обмена. *Ред.*

** — внезапных перемещений. *Ред.*

*** — по существу. *Ред.*

капитала. Так как банкноты представляют золото, почему бы сразу не представлять капитал без посредничества золота? (с. 16).

4) Имеющаяся в наличии масса золота несоизмерима с капиталом, который она должна представлять. Так, в Великобритании капитал 5000 миллионов ф. ст. Эта огромная масса капитала не имеет никакого представителя. Так, в Англии, самое большее,— 60 миллионов ф. ст. Таким образом, меновая стоимость часто регулируется не издержками производства, а большей или меньшей стоимостью денег в обращении. Например, обесценение домов при внезапной массовой их продаже. Отсюда — то же и для бумаг, которые представляют весь основной капитал (с. 16).

5) Действительное богатство придает золоту, серебру, банкнотам, вообще деньгам их стоимость, а не их масса — стоимость созданному трудом продукту. В современной системе оба [богатство и деньги] находятся в извращенном отношении (с. 17).

6) Если увеличение золота и серебра есть только увеличение *представителей наличного богатства,* создание собственно денег и бумажных денег одинаково бесполезно. Но при нынешнем состоянии общества, когда дополнительные 100 ф. ст. в кармане являются небывалым стимулом для производства, купли, продажи, использования наличных товаров, сырья и орудий труда ...Следовательно, *представитель богатства, которое должно быть создано.* Потребность налицо, рабочая сила, жизненные средства на время акта производства, достаточный реальный капитал. Последний, однако, пускается в ход и действительно представляется с помощью бумажных средств обращения. Таким образом, известный рост обращающихся средств обращения при определенных условиях способствовал бы очень быстрому росту богатства и сделал бы преимущества такого производства всеобщими (с. 17).

7) Ограбление общества сословиями, ныне фабрикующими деньги, банкирами и т. д. (с. 17). Монополия делания денег. Критика нынешней денежной системы (с. 17, 18). Варварство и несправедливость в производстве золота и серебра. Мошенничество при обмене бумажных денег на товары, при производстве бумажных денег (с. 17). Торговля деньгами (с. 18). Барыш денежных спекулянтов. Зло и несправедливость неотделимы от существования денег, с тех пор как они были созданы и используются отдельными классами при исключении других (с. 19). Такова же и *его* денежная система. [4] Согласно ему, бумажные деньги должны иметь 2 обозначения: количества труда и количества фунтов стерлингов (с. 21). Хочет передать эти деньги в качестве средства купли капитала от капиталистов рабочим (с. 21).

8) Деньги — только чек на продукты труда или на будущий труд. Будет ли бон капиталиста лучше чем бон рабочего? (с. 22). Экспроприация капиталистов посредством рабочих денег (там же).

V. Оуэн [8]

Население повсеместно нищее, так как оно гоняется за *тенью,* за *деньгами*, вместо того чтобы обеспечить себе субстанцию, которая сделала бы их излишними (с. 52).

VI. Браунинг [9]

1) Как золото уходит из банка и из страны при обесцененных бумажных деньгах (с. 21, 22).

2) Б. допускает, что большое предложение номинального капитала, которое служило вместо металлических currency * во время банковской рестрикции [10], было весьма выгодным. Так как банк *ссужал* легко и по низкой процентной ставке, то в движение приводилась небывалая производительная сила. Во-вторых, предотвращается недостаток обращающихся средств, которые иначе были необходимы в годы спада, как, например, в 1800—1801 гг. (с. 21, 22).

3) *Преимущества банковской системы:* α) Централизация малых бездействующих сумм для производства. Таким образом, образование капитала. β) Увеличение [количества] монет, то есть *средств обращения товаров.* Активность торговли зависит большей частью от находящейся в обращении суммы денег. 3) Экономия в использовании благородных металлов (с. 22).

4) Предположим, что выгодно отправлять золото за границу, притом, что funds ** сокращаются. Крупному капиталисту или предприимчивому держателю акций, единственной родиной которого является *наивысший интерес,* нужна премия, приносимая на континент экспортом золота, которое можно приобрести за 3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенса за унцию. Продает свои акции за золото, переводит его в Париж, Гамбург или Амстердам; покупает там bills *** на Англию, благодаря чему он возобновляет свой спрос на золото? ...Так он изымет из банка все соверены (с. 22).

Здесь вопрос о фиксированном стандарте. «Economist» от 14 сент. 1850 г., с. 1010 и след., говорит при этом:

«Банк имеет обязательство платить за все неотчеканенное золото из расчета 3 ф. 17 шилл. 9 пенс. за унцию, а продает он его за 3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенс., принимая во внимание расходы по доставке его на монетный двор и потерю процента в продолжение необходимого времени. Должен ли банк всегда платить одну и ту же цену, если падает стоимость денег, как, например, вследствие открытия калифорнийского золота? [11] Может банк нести потери от существующего обязательства покупать по цене, установленной Актом 1844 года? [12] За каждый фунт золота банк должен давать 46 ф. 13 шилл. банкнотами и за каждые 100 ф. золота —

* — средств обращения. *Ред.*
** — резервы. *Ред.*
*** — векселя. *Ред.*

4665 ф. ст. ...На что направлена вся сделка? Просто на обмен 1200 унций неотчеканенного золота на 1200 унций отчеканенного. Банк получает слиток, уплачивает банкнотами 4665 ф. ст. (за 100 ф. золота) и получает с монетного двора монеты на сумму 4672 ф. 10 шилл. для покрытия своих банкнот, если они представляются к оплате. ($1^1/_2$ пенса разницы между монетой и банковскими деньгами. И это в то же время разница [между ценой], по которой они покупают слиток золота, и той, по которой они его продают. Если бы банковская цена поднялась выше цены монеты, то каждый сам отдал бы чеканить в монеты свой слиток золота. Банк получает прибыль при покупке слитка, потому что он может держать слиток как таковой в качестве резерва и имеет достаточный запас монет, чтобы расплачиваться ими.) Итак, в этой сделке ничего не меняется, какая бы перемена во внутренней стоимости золота ни происходила. Безразлично, существует ли нехватка золота или оно в избытке, равна ли унция золота по стоимости одному квартеру или одному бушелю пшеницы, одной тонне или одному центнеру железа. [5] Банк не делает ничего, кроме как выплачивает монеты за слиток, вес за вес того же металла стандартного качества. Пренебрежение этим простым фактом и приводит к сетованиям по поводу «фиксированной цены» на золото.»

Случай, как его представляет «Economist»,— это случай с золотом и обратимыми в золото бумажными деньгами.

Пока бумажные деньги обратимы в золото, они идентичны. Стоимость бумажных денег поднимается и падает со стоимостью золота, на которое они могут быть обменены и которое они представляют. Они не обнаруживают собственного движения. Итак, если бы вопрос о «фиксированном стандарте» сводился к отношению между слитком и золотыми монетами, ибо это то же самое, как если кто-либо обменивает в банке слиток на банкноты, а банк — на монетном дворе слиток на соверены, или как если бы он прямо обменивал слиток по фиксированному стандарту на соверены в банке. 3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенс.— это только другое наименование для одной унции золота. Если стоимость золота по отношению к другим товарам падает, то падает и стоимость 3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенс., а если она поднимается, то наоборот. При этом обмене золотого слитка на золотые монеты того же металлического содержания меняется лишь одна форма металла на другую. Банк никогда не дает больше, чем он получает, а получает он не больше, чем дает. Меновая стоимость золота, поднимается ли она или падает, поднимается и падает в обеих формах одинаково. Каким образом тогда изменение этой стоимости могло бы как-нибудь повлиять на эту сделку? Фиксированный стандарт ведь является только отражением идентичности золота в слитке и золота в монетах.

Так, как он здесь представлен «Economist», вопрос сам по себе тривиален. Однако:

Во-первых. Унция золота = 3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенсам. Здесь уже не простой обмен золотого слитка на золотые монеты, но также и золота на серебро. Серебро — равным образом средство обращения и, до известной степени, установленное законом платежное средство для известных сумм. Однако и отношение золота к серебру точно так же меняется, как и отношение золота к зерну. Тем самым уже снимается простота вопроса, как [это представлено] в «Economist», привносятся иные отношения, нежели те, что существуют между двумя формами золота — в виде слитка и монет.

Во-вторых. «Economist» признает, кроме всего прочего, что, когда бумаги обесценены, причем, естественно, в действительности (если не официально) обратимость должна быть приостановлена, банк действительно может понести потери, и золото может быть вывезено из страны. Когда 3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенс., или одна унция золота в соверенах,= 5 ф. ст. в бумажных деньгах, а, с другой стороны, по закону никакая разница не разрешена, тогда деньги будут вывозиться, чтобы на них можно было купить вексель на Англию или чтобы их накопить. С другой стороны, сам банк будет вынужден покупать свое золото и серебро по более высокой цене, чем фиксированная стандартом.

В-третьих. Может ли стоимость золота быть в одной стране выше, чем в другой? Да. Отчасти в результате состояния вексельного курса, рынка кредита, соотношения наличного золота и серебра и т. д. Итак, 2 случая. Золото дороже на континенте, чем в Англии. В другом случае оно дешевле. Допустим, золото на континенте дороже, чем в Англии. В этом случае я несу банкноты в банк и обмениваю их по фиксированному стандарту на 3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенс. золота. Это золото я посылаю на континент и покупаю там же английский вексель, за который я опять изымаю золото из банка. Тем самым банк может лишиться золота и вся его система обратимости окажется в опасности. Таким образом, прекращается простое отношение чистого обмена золотых слитков на золотые монеты. Правда, вследствие того, что унция золота дороже на континенте, чем в Англии, отношение между золотом в слитках и золотом в монетах в Англии никоим образом не будет изменяться. Но этого нельзя сказать о соотношении фунтов стерлингов в бумажных деньгах и фунтов стерлингов в золоте. Фиксированный стандарт предполагает равнозначность бумажных денег и золота, чего не существует по отношению к заграница. Если бы, напротив, изменился стандарт стоимости золота на континенте, т. е. если бы банк не давал полную унцию золота в монетах за унцию золота в слитках, или, что то же самое, не давал бы унцию в слитке за 3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенс. в бумажных деньгах, тогда перестала бы быть выгодной отправка золота из страны. Ни один слиток золота не был бы отослан, так как ту же самую прибыль давала бы перечеканка слитков в монету.

. [6] Предположим теперь, что золото было бы на континенте дешевле, чем в Англии. Различные случаи. Если на континенте господствует та же банковская система, что и в Англии, то имеет место обратный процесс. Золото экспортируется в Англию, и под угрозой оказывается бумажное обращение. Если же на континенте преобладает система металлических денег, то 1) Англии нет никакого смысла отправлять золото на континент, так что обратимость бумажных денег вне опасности, таким образом, с этой стороны все очень просто. 2) Правда, на континенте есть смысл отправлять деньги в Англию, что приведет к падению стоимости золота, но опять же не изменит соотношения между слитками, бумажными деньгами и золотыми монетами.

Итак, кажется, только в одном случае фиксированный стандарт может оказать определенное влияние — когда цена на золото повышается за границей по сравнению с Англией. Однако здесь это, собственно говоря, еще не фиксированный стандарт, *а обратимость, которая* имеет следствием *опасность необратимости.* Обратимость предполагает, что золото и банкноты равноценны. В данном случае они являются таковыми в одной стране, внутри нее самой, но не в отношении к другим странам. Чтобы предупредить это, необходимо изменить стандарт, т. е. установить ту же самую прибыль на золотые деньги по отношению к бумажным деньгам, которая существует за границей на английские деньги. Вследствие разницы между золотом и бумажными деньгами золото оставалось бы в стране. Если бы унция золотого слитка оплачивалась не 3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенс., а 5 соверенами того же металлического содержания, то менялось бы *наименование,* а не существо, и по-прежнему было бы столь же выгодно обменивать 5 банкнот на 5 соверенов и отправлять их за границу, как раньше 3, и т. д. С одновременным изменением [стоимости] золотой монеты и банкноты по сравнению со слитком ничего не изменяется в их соотношении. Но если соотношение слитка и монеты прежнее, то речь уже идет не о «фиксированном стандарте», а об изменении соотношения бумажных и золотых фунтов, не об изменении соотношения золотых фунтов и веса золотых слитков. Речь идет, таким образом, об обесценении бумажных денег. Не говоря о странном средстве предупреждения обесценения бумажных денег путем декретирования a priori *, здесь также ничего не меняется. Если 5 бумажных фунтов=3 ф. 17 шилл. $10^1/_2$ пенс. в золоте, так что я могу купить на один столько, сколько на другие, если, с другой стороны, золото имеет бóльшую стоимость на континенте, чем в Англии, если оба в данном соотношении взаимозаменяемы, я могу ничего не потерять и ничего не приобрести благодаря этому взаимному обмену в самой Англии. Но всегда остается возможным случай, когда по-прежнему выгодно отсылать золото за границу.

---

* — зарансе. *Ред.*

В случае, приведенном Браунингом, таким образом, отнюдь не «фиксированный стандарт», а обратимость гонит золото за границу и наносит вред внутри страны.

Фиксированный стандарт может иметь только одно влияние, когда установлено соотношение золота и серебра и на место коммерческого соотношения их стоимостей становится официальная стоимость.

5) Одурачивание английского народа банком... Он облагал народ, давая ему в ссуду его же собственное имущество (с. 22, 23).

VII. Сисмонди. (Новые начала и т. д.) [13]

1) Деньги — *символ* всех других [вещей], их *залог* и их *мера*. Банковские билеты и т. д. являются *signes* *, не будучи *gages* ** (с. 21).

2) Равновеликие богатства применяют неодинаковую массу денег. Частота échanges *** зависит в большей мере от *природы* богатств, чем от их *стоимости*, и *земельное богатство* требует меньше всего денег для своего обращения... Хотя обращение осуществляется здесь меньшим количеством денег, но зато медленнее... *Echanges commercieux* **** имеют своим предметом тотальность торгового капитала и обновляются беспрерывно, и обмены требуют numéraire ***** (с. 21).

3) Необходимо определенное соотношение между стоимостью капитала и денег, чтобы они могли обращаться (там же).

[7] *Процент с денег* зависит от конкуренции капиталов, меньший или больший избыток денег не влияет на процентную ставку (там же).

8) [14] Не создают никакой выгоды, приумножая le signe (деньги) без умножения choses ****** (там же).

9) Кредит может приносить доход только одной части имеющегося богатства, он перемещает его, не создавая ничего нового (с. 22).

10) Банк берет взаймы без процентов, а дает взаймы с процентами (там же).

11) Полемика Сисмонди против бумажных денег (там же).

12) *Стоимость всех вещей, деленная на количество сделок,* объектом которых они являлись, начиная от их производителя и кончая их потребителем,= стоимости экю, затраченных на их покупку, деленной на число переходов этих монет из рук в руки за тот же промежуток времени (там же).

---

* — *знаками. Ред.*
** — *залогом. Ред.*
*** — обменов. *Ред.*
**** — *Торговые сделки. Ред.*
***** — денег. *Ред.*
****** — вещей. *Ред.*

VIII. Дроз [15]

«Без денег невозможно образование капиталов» (с. 34).

IX. Ферье [16]

1) До сего времени экономисты отрицают, что увеличение количества золотых и серебряных денег обогащает нацию, так как они рассматривают только их *стоимость* как металла, а не их свойство как *денег* активизировать обращение и, следовательно, увеличивать продукты труда (с. 1).

2) У наций, обладающих рудниками, *серебро* является товаром. ...Оно перестает быть товаром, как только становится деньгами, тогда 2) оно становится необходимым посредником между производством и потреблением и 3) больше не удовлетворяет непосредственно никакой потребности (с. 2).

3) Серебро заставляет продукты обращаться, поэтому оно их создает... Производят только затем, чтобы обменивать. Если больше невозможно ничего обменять или это сопряжено с большими трудностями, то не стали бы больше производить. Итак, деньги создают стоимости, так как последние без них не существовали бы... Мы были бы отброшены к первому или 2-му периоду торговли. Без миллиардов денег не могли быть созданы 30 миллиардов стоимостей (с. 2).

X. де Лаборд [17]

1) Кредит создает удивительную *système d'anticipation* *, т. е. искусство придать символу продукта assez de prix **, чтобы можно было добиться создания этого продукта и так увеличить стоимости, приобретаемые с уверенностью в возможности их приобрести (с. 14). «Реальные стоимости, созданные фиктивными капиталами» (там же).

2) Важность металлических денег уменьшается ежедневно... Сама торговля есть только несовершенная система предупреждения или кредита (посредством отсрочки векселей), где деньги играют лишь вторичную роль и появляются только в розничной торговле при абсолютной необходимости (с. 14). Появляются как чистые товары при торговле, например, с Китаем (с. 15).

XI. Анри Шторх [18]

1) Товары в обмене являются мерой друг для друга... Однако такой способ потребовал бы столько же *средств сравнения,* сколько имеется в обращении товаров... если бы один товар обменивался только на один, а не на два товара, то он не мог бы служить

---

* — *систему предупреждения. Ред.*

** — достаточную цену. *Ред.*

средством сравнения... все торговые нации чувствовали необходимость *общего средства сравнения* для всех стоимостей... это средство может быть чисто идеальным... Золото и серебро одновременно измерители товаров, так как *товар* сам имеет стоимость... В «детстве» общества товары ссужаются под *залог,* или *эквивалент*... позднее золото и серебро служат *всеобщим залогом общества* и так становятся обыкновенным товаром, больше не ссужаются, а обмениваются и называются тогда *деньгами.* Определение как *меры* первоначальное, более важное, чем определение как залога. В торговле между Китаем и Россией серебро служит для оценки всех товаров, и тем не менее это — меновая торговля (с. 23).

[8] 2) Деньги никогда не становятся предметом потребления, всегда остаются товаром, никогда не становятся denrée *. ...Прямой внутренней стоимостью они обладают лишь для общества, меновой стоимостью — для каждого индивида... Поэтому денежный материал должен обладать стоимостью, но основанной на искусственной потребности; он не должен быть безусловно необходимым для существования человека, ибо все то количество денег, которое применяется в обращении, никогда не может использоваться для индивидуального потребления, оно всегда должно находиться в обращении (с. 44).

3) Деньги правят повсеместно. Они дали стремлению к *накоплению* могущественное средство, именно потому, что они представляют *всеобщее* богатство и, во-вторых, потому что они создали *prêt à l'intérêt* ** (с. 44).

4) Серебро — основная связь между Азией и Европой (там же).

5) Если между золотом и серебром законом устанавливается определенное соотношение, то а) нация принуждена благодаря этому пользоваться почти исключительно слишком высоко оцененным в виде монет металлом; 2) появляется интерес к тому, чтобы экспортировать слишком дешево оцененный металл или превращать его в слиток (с. 44, 45).

6) Ценится ли отчеканенное серебро (золото) больше, чем неотчеканенное, так же как серебряный сосуд стоит больше, чем серебряные слитки? В мировой торговле имеет значение лишь металлическая материя, которая стремится завоевать в торговле значение всеобщей. Свойство быть деньгами дает им только временную стоимость *(т. е. местную),* а не индивидуальную, потому что для того, кто этим свойством обладает, оно не более полезно, чем для того, кто обладает товарами, которые должны быть куплены (с. 45).

7) В Лондоне каждый ф. ст. ежегодно оплачивает 132 ф. товаров (там же).

---

* — продуктом питания. *Ред.*

** — *ссуду под проценты. Ред.*

8) Так как деньги применяются только при обмене, их количество соотносится не со стоимостью годового производства страны, а только со стоимостью той части годового продукта, которая поступает в обращение и становится предметом обмена. Более бедным нациям нужно поэтому меньше денег, ибо разделение труда не столь развито, а потому и меньше обменов... В России есть места, где деньги нужны только для уплаты налогов (с. 45).

9) Вексельный курс между 2 странами определяется не общей массой их взаимных долгов и долговых претензий, а непосредственно текущими долгами или действительно подлежащими уплате обязательствами. Так, какая-либо страна может иметь вексельный курс со страной, которой она должна. Так, Россия в отношении Голландии (с. 49).

10) Если бы не существовало кредита, то всякое развитие промышленности было бы ограничено, не только благодаря капиталу, который она приводит в движение, но также и тем капиталам, которые приводят в движение другие отрасли, от которых зависит первая (с. 50).

XII. Рикардо.

(Начала политической экономии) [19]

1) Потребность в деньгах регулируется не чем иным, как их стоимостью, а их стоимость «зависит от их количества» (с. 9).

2) Деньги в обращении никогда не могут быть настолько излишними, чтобы переполнить рынок (с. 16).

3) Чтобы придать бумажным деньгам стоимость, они не должны оплачиваться по предъявлению: достаточно регулировать их количество стоимостью металла, который признан как всеобщая мера (там же). Разница, выпускает ли деньги банк или правительство (там же).

XIII. Дж. Милль [20]

1) Доказательство *Милля,* что стоимость денег = пропорции, в которой их обменивают на товар, или = количеству товаров, которое дается в обмен на определенное количество вещей, *стоимость денег зависит от их количества по отношению к обмениваемым вещам* (или напротив, что денежная цена одной вещи определяется массой средств обращения) (с. 23, 24). Это при условии, что *масса товаров и движение обращения остаются неизменными.*

При этом условии Милль доказывает свое предположение следующим образом:

На одной стороне собраны все товары одной страны; на другой — все деньги; если они обмениваются друг на друга, то стоимость денег, т. е. количество товаров, которое дается за кратную их часть, всецело зависит от их собственного количества. В действительности совокупная масса товаров обменивается на совокупную массу денег не сразу, а порциями, в различные периоды года.

[9] Одна часть денег применяется для большого числа обменов, другая — для очень малого, 3-я накопляется и не служит для обмена. Из этих вариаций вытекает средняя норма. Например, в какой-либо стране из 900 фунтов 300 обслуживают, допустим, ежегодно 1800 обменов, 300—1200 обменов, 300 накопляются. В этом случае 300 обратятся 6 раз, 300 — только 4 раза и 300 — 0 раз. Итак, 900 денежных единиц вместе 6 раз + 4 раза, итого 10 раз. Это то же самое, как если бы каждая из 900 × 10, или 9000 денежных единиц, была обменена только один раз. В этом случае, следовательно, стоимость 900 денежных единиц = $^1/_{10}$ стоимости товаров, так как каждая денежная единица по стоимости = количеству товаров, на которые она обменена, и обслуживает здесь десять обменов. Если бы масса денег возросла в десять раз, то всякое *увеличение этой массы* вызвало бы соответственное уменьшение стоимости каждой отдельно взятой из этих единиц. Поскольку масса товаров остается прежней, то увеличение количества денег не повышает их стоимости. Если она возрастает на $^1/_{10}$, то стоимость каждой их части, например унции, неизбежно уменьшается на $^1/_{10}$. Если увеличивается совокупная масса, скажем, 1 миллион унций на $^1/_{10}$, то стоимость совокупной массы снижается на $^1/_{10}$, а стоимость одной унции тогда тоже снижается на $^1/_{10}$. Таким образом, всякий раз, когда стоимость денег возрастает или снижается (т. е. цена товаров, которая выражает не что иное, как их денежную стоимость), предполагается, что масса товаров остается той же и движение обращения (т. е. число покупок, совершаемых в определенное время), это изменение должно иметь причиной относительное увеличение или уменьшение массы денег (там же).

2) Если масса товаров уменьшается, в то время как совокупная масса денег остается прежней, то это то же самое, как если бы увеличилась совокупная масса денег, и наоборот (там же). Так же и возросшее обращение, т. е. возросшее число покупок = увеличению общей массы денег, и наоборот (с. 24).

3) Если некоторая часть годового продукта вовсе не обменена, как то, что потребляют производители или то, что не обменивается на деньги, то эту часть не следует принимать в расчет, ибо то, что не обменивается на деньги, находится по отношению к деньгам в таком положении, как если бы оно не существовало (с. 24).

Из положений Милля следует:

α) Если обращение = 10, то десятикратное увеличение количества денег не привело бы с необходимостью к уменьшению их стоимости в 10 раз, или не повысило бы цену товаров в десять раз, ибо обращение денег должно было бы уменьшиться лишь в десять раз, чтобы стоимость каждой единицы денег оставалась прежней. Точно так же и наоборот. *Следовательно, неверно, что даже при том предположении, что масса товаров остается той же, ее стоимость увеличивается или уменьшается в десять раз,*

если масса денег увеличивается или уменьшается. Влияние увеличения или уменьшения массы денег необходимо сказывается только с того момента, когда общая сумма денег, помноженная на среднее число покупок, которые каждая отдельная денежная единица совершает ежегодно, увеличится или уменьшится. Движение обращения зависит, правда, не от массы денег, а от других обстоятельств — от массы сделок, которые совершаются в течение дня, от состояния средств обращения, кредита, населения и т. д. Но столь же неверно отрицать все то влияние, которое масса денег оказывает на обращение. Это соотношение невозможно точно определить. Во Франции масса наличных денег больше, чем в Англии, но цены из-за этого не выше. Обращение медленнее. Обращение зависит от всей организации промышленности. Обращение может сокращаться вследствие того, что масса денег увеличивается; оно может сокращаться вследствие того, что она *уменьшается.* Только в последнем случае — вынужденное сокращение обращения, бедственное [положение].

2) Так же и предположенные Миллем абстрактные обстоятельства никоим образом не доказывают, что даже если масса товаров и обращение остаются прежними, подъем или падение стоимости денег обусловливают увеличение или уменьшение количества денег. Если бы, например, были открыты рудники, которые производят золото и серебро в 10 раз дешевле, то стоимость золотых и серебряных монет стала бы снижаться, хотя их масса едва ли еще успела бы уменьшиться или увеличиться.

β) Сокращение количества товаров или обращения, и наоборот, оказало бы такое же воздействие на стоимость денег, как уменьшение или увеличение количества последних. Только в этом случае следствием было бы то, что в первый раз являлось причиной, [10] из чего опять-таки следует, что цены товаров никоим образом не зависят от реального увеличения или уменьшения обращающейся массы денег.

γ) Милль говорит, что часть продукта, которая вообще не обменена, т. е. не обменивается на деньги, не существует для них, а значит, не оказывает на их стоимость никакого влияния, в расчет не принимается. Но тогда справедливо также и обратное, а именно, что часть денег, которая накопляется и не обращается, не существует для товаров, то есть также не может быть принята в расчет. Средняя сумма могла бы быть установлена так же легко в первом случае, как в последнем. При влиянии количества денег на цены все зависит, во-первых, от количества действительно обращающихся или предназначенных непосредственно для обращения денег, и, далее, от массы действительно обращающихся товаров. Но теперь спрашивается, не обращается ли посредством большего количества средств обращения и большее количество товаров, и затем, в каком соотношении возросшая масса товаров притягивает в обращение бóльшую массу денег? Если количество денег увеличивается, то, во всяком случае, влияние этого увели-

чения на цены товаров зависит от того, какая часть этого добавочного количества вообще входит в обращение и в какой мере обращается действительно брошенная в обращение часть денег.

4) Если деньги — редкость, т. е. если они дороже металла в виде слитков, то превращение слитков в наличные деньги при *свободном* (не сдерживаемом правительством) ходе вещей, т. е. при вторжении частных лиц, вновь восстанавливает равновесие путем увеличения денег (с. 24). Если количество денег так велико, что их стоимость падает ниже стоимости слитков, то немедленное превращение отчеканенных денег в слитки равным образом снова восстанавливает прежнее соотношение (там же). Следовательно, до тех пор, пока увеличение или уменьшение количества денег может происходить свободно, это *количество* регулируется *стоимостью металла,* ибо в интересах частных лиц оно может увеличиваться или уменьшаться, в зависимости от того, больше или меньше стоимость металла в форме денег или в виде слитков. Таким образом, *стоимость денег* определяется *стоимостью металла;* но стоимость золота и серебра — *издержками производства,* как и стоимость всех прочих товаров (с. 25).

5) Если правительство стремится удерживать количество денег выше или ниже необходимого количества, тогда в первом случае — превращение в слитки, во втором — тайная фабрикация денег (с. 30).

6) От стоимости благородных металлов в различных странах зависит, экспортируются ли они из одной страны и импортируются ли в другую (с. 30).

XIV. Сениор.
Основные начала политической экономии [21]

1) Деньги суть всеобщая мера всех остальных вещей (с. 33).

2) Деньги отличаются от *личного кредита* тем, что кредит дан человеку, а не вещи (там же).

Сначала *moyen d'échange* *, затем *mésureur universel* ** (там же).

3) В большинстве сделок только одна из договаривающихся сторон располагает вещью и нуждается в ней; и если обмен состоялся (например, при сдаче внаем дома, выплате заработной платы и т. д.), приходится тотчас же передать ее другой стороне под тем условием, что эквивалент будет получен только впоследствии. Но так как стоимость всех вещей по прошествии определенного времени меняется, то в качестве средства платежа берется такая вещь, стоимость которой меняется меньше всего, которая дольше всего сохраняет данную среднюю способность покупать вещи. Так деньги становятся *выражением, или представителем стоимости* (с. 33, 34).

* — *средство обмена. Ред.*

** — *всеобщий измеритель. Ред.*

4) Постоянный ввоз денег должен так поднять цену всех вещей, что отгородит товары данной страны от иностранных рынков, и это подействует как премия на ввоз иностранных товаров (с. 34).

XV. Сисмонди. (Очерки) [22]

1) Вместе с *меновой стоимостью* появились деньги, ее неизбежное дополнение (с. 58).

2) Установление с обеих сторон цен, со стороны продавца и со стороны покупателя, самым непосредственным образом вынудило ввести в торговлю *numéraire* *, иными словами, нумерацию *кратных частей того, что люди рассматривают как полную стоимость*. Для определения стоимости необходимо установление *идеальной единицы*. Путем сравнения устанавливается, сколько раз каждый из обмениваемых предметов содержит эту единицу. Эта операция похожа на применение *гирь* при сравнивании материальных масс. Одинаковое название у обеих предназначенных для счета единиц. Вес, как и стоимость всякой вещи... Меры веса и меры стоимости имеют одни и те же названия с того момента, [11] как люди поставили свое существование в зависимость от обмена, *меновая стоимость* (в свою очередь, определяемая рабочим временем) — оценка всех товаров (с. 58, 59).

2) Эталон, имеющий всегда одинаковый *вес,* был легко найден. В отношении денег речь шла опять-таки о *стоимости* фунта серебра = издержкам его производства (с. 60).

3) Каждое открытие более дешевого рудника или более экономичного способа добычи металла из руды относительно обесценивает также все наличное золото и серебро (там же).

4) Торговля могла бы начаться уже после фиксации этой абстрактной единицы, пусть даже чисто идеальной (с. 60).

5) Увеличение денег есть лишь увеличение платежных средств (с. 61).

6) Когда речь идет о золоте и серебре, рыночный спрос точно сообразуется с производством (с. 61).

7) Благородные металлы выступают мерой единицы измерения стоимостей, и они служат равным образом для передачи этих стоимостей из одних рук в другие. Многие средства могут заменить их в последней функции, но ни одно — в первой. Ни одно — в первой. Ценные металлы всегда имеют одинаковую стоимость, залог, в них и соответственно в любой из их частей всегда можно вновь обнаружить ту же стоимость, за которую их получили. В счете важно, что $^2/_2$ или $^4/_4$ = целому; никакие иные продукты не поддаются такому делению и сложению без того, чтобы это не отразилось на их стоимости (с. 61). Напротив, для обмена так же хорошо подходят и многие другие средства, которые гораздо экономичнее (там же).

---

* — *деньги. Ред.*

8) *Банки,* включая *земельные, ипотечные, промышленные.* Арендатор, фабрикант должен, например, немедленно по частям распределить банковский билет в 1000, 100 фр. между рабочими, которые также по частям делят его между лавочником и т. д. Таким образом, эти билеты возвращаются непосредственно в банк или должны быть учтены высокой коммерцией (с. 63). См. там же полемику против банкиров.

9) Торговля... отделила тень от тела и создала возможность обладать ими по отдельности. В случае, когда речь идет о самих деньгах, стоимость может быть отделена от субстанции с помощью банковского билета (с. 65). В обращении капитал купца представляется столь же часто в виде долговой записи, как и в материальной форме (там же).

XVI. Аткинсон [23]

Средства обращения, или вопрос о деньгах, всегда вторичны, они всегда — следствие, никогда — причина (с. 5).

XVII. Джон Уэйд [24]

1) Введение денег положило начало *ценам* и *купеческому сословию* (с. 19).

2) Аналогично воздуху, которым мы дышим, бумажные деньги образуют среду, обладающую способностью внезапно расширяться и сжиматься (с. 19).

3) Можно представить себе путаницу, которая возникла бы, если бы по прихоти индивидов мог быть удлинен имперский ярд (и если бы они в этом были заинтересованы), а затем вновь без околичностей сведен к его прежней длине... (с. 20).

XVIII. Дж. Ст. Милль. (Очерки) [25]

Производящий класс и *денежный класс* (с. 42).

XIX. Томас Купер [26]

1) Золото и серебро — плохой стандарт стоимости, потому что имеют колеблющуюся стоимость — и как товар и как монета, и спрос на них в одном месте больше, чем в другом (с. 5). Бумажные деньги имеют лишь местную основу (там же).

2) Преимущества банковской системы (там же).

3) Банкноты представляют не золото и серебро, а действительный капитал (с. 5).

4) Векселя приносят проценты, поэтому они воздействуют не на стоимость средств обращения, а только на процентную ставку рынка (с. 7).

5) Страна всегда обладает таким количеством благородного металла, которое необходимо для ее торговли. Если небольшое количество металла приводит к значительному падению цен товаров, то последние вывозят за границу, чтобы ввезти нужную массу благородных металлов. Если металла в избытке, так что возрастают цены товаров, то экспортируется металл, а не товары, и иностранные товары ввозятся вместо местных (с. 8).

[12] 6) Влияние колебаний рыночной цены слитка на вексельный курс (с. 10).

7) Бумажные деньги могут отвечать ограниченным целям, но не всеобщей цели мирового рынка (там же).

XX. Гилбарт. (История и принципы банкового дела) [27]

1) Банк создает себе банковый капитал благодаря вкладам, выпуску банкнот и выдаче векселей (с. 34). *Депозитный банк. Эмиссионный банк. Переводные банки. Учетные банки. Банки наличного кредита. Ссудные банки. Сберегательные банки.*

2) Деятельность депозитных банков доказывает, что увеличившееся обращение денег имеет тот же эффект, что и увеличение их количества (с. 32). Принцип перевода [долгов] увеличивает действенность депозитной системы и увеличивает производительный капитал страны (с. 32). Если депозитную систему применять повсеместно, то она могла бы с помощью чеков совсем вытеснить деньги как средство обращения (там же).

3) *Переводные банки* способствуют торговле, с одной стороны, *дешевле* переводя деньги (благодаря своим агентам, своим банкнотам и своим филиалам), далее, ускоряя оборот капитала путем создания условий для перевода денег в более короткие сроки. Капитал, который оборачивается 2 раза в год вместо одного, как раньше, оказывает то же действие, как если бы он был удвоен. В то время как депозитные банки ускоряют оборот капитала одного района, переводные банки ускоряют его сравнительно с другими местами (с. 33).

4) Перехват банкнот и изъятие их из обращения конкурирующими банками (с. 33).

5) Спекуляция без банковской системы... банки облегчают ее... Банки позволяют легче получать капитал и за более низкую процентную ставку... Увеличивая число и объем коммерческих сделок, спекуляция приводит в движение большее количество денег. Эти деньги предоставлены банкирами, будь то за счет возврата депозитов, будь то посредством учета векселей или за счет ссуд... Дух спекуляции порождает банкноты, а не наоборот (с. 33).

6) *Всегда ли дополнительный выпуск банкнот обусловливает повышение цен, или, что то же самое, падение стоимости денег?*

Во-первых. Он часто обусловливает производство большего количества товаров и в этом случае не вызывает *повышения цен.*

Получатель банкнот покупает у торговца товары, торговец дает деньги фабриканту за большее количество товаров, фабрикант применяет больше сырья и труда. Пока предложение соответствует спросу, цена остается той же (с. 34).

Во-вторых. Увеличенный выпуск банкнот может быть *следствием,* а не *причиной* более высоких цен.

Например. Если вследствие недостатка шерсти цены на нее так поднимутся, что шерстяные товары, которые [обычно] продаются за 1000 ф. ст., теперь будут продаваться за 2000 ф. ст., то йоркширский фабрикант получит от своего лондонского торговца вексель на 2000 ф. ст., а не на 1000 ф. ст., учтет его у местного банкира, который, таким образом, выпустит в обращение банкноты на 2000 ф. ст. вместо 1000 ф. ст. Кроме того, при повышении цен требуется бóльший капитал, чтобы продолжать дело в прежнем объеме. Многие из тех, кто положил деньги в банк под проценты, изымут их, чтобы употребить в своем деле. Так стимулируется дополнительный выпуск банкнот. Наконец, повышение цены на один товар влияет на цену другого, отсюда — проведение аналогичных банковских операций в других отраслях промышленности (с. 34).

В-третьих. Увеличенный выпуск банкнот *может повысить цену только* за счет того, что он обусловливает *повышенный спрос* на товары или *уменьшенное предложение.* Последнее возможно, главным образом, когда речь идет о товарах, которые не могут быть быстро созданы человеческим трудом. Например, зерно. Так, если *банкир* ссужает торговцу зерном деньги, чтобы купить больше зерна (повышенный спрос на зерно), или арендатору, чтобы он заплатил ренту, не продавая зерна. (Пониженное предложение зерна.) Это воздействие на цену является лишь временным (с. 34).

В-четвертых. В различных случаях увеличение выпуска банкнот может вызвать снижение цен.

Спекуляции, которые приводят к росту цен, осуществляются главным образом dealers *. Спекуляция, осуществляемая *производителями,* которые вкладывают свой капитал в новые предприятия, чтобы производить дешевле, если она успешна, снижает цены. Следовательно, если этой спекуляции способствуют банкиры, увеличение выпуска банкнот вызывает снижение цен (с. 34).

[13] 7) *Какое действие имеет количество банкнот в обращении на вексельный курс с заграницей?*

a) Вексельный курс непосредственно определяется золотом, которое необходимо отправить за границу. Банкноты не оказывают влияния на это количество отправляемого золота. Следовательно, они не могут оказать непосредственного влияния на вексельный курс (с. 34).

b) Только через каналы предложения и спроса количество денег в обращении может воздействовать на цену товаров. Равным образом дело обстоит с вексельным курсом (там же).

---

* — деловыми людьми. *Ред.*

c) Неблагоприятный вексельный курс возникает в среднем, если сумма денег, которую нужно уплатить за импорт, превышает сумму, которая должна быть получена за экспорт (с. 34).

d) Если *деньги* в избытке, то имеет место возросший импорт; конкуренция между импортерами повышает цену, которую надо заплатить иностранцам, в то время как конкуренция между экспортерами одновременно снижает цену для иностранцев. К тому же, если у экспортеров много денег, то они предоставляют иностранцам долгосрочный кредит, поэтому деньги в Англии можно получить лишь много времени спустя после отправки товаров. За это время вексельный курс становится неблагоприятным, и золото приходится посылать за границу (с. 34).

e) Если при таком положении вещей банк сокращает выпуск своих банкнот, то деньги становятся редкими, векселя не могут быть учтены, торговля протекает вяло. Импортеры, уже имеющие большой запас, больше не будут покупать, а, скорее, по возможности станут продавать, так как у них нет достаточного капитала, чтобы содержать большой запас. Всеобщее стремление продавать способствует падению цен. Если импортируется меньше товаров, дешевле, то меньше денежная задолженность заграницe. Экспортеры, равным образом лишенные привычных ссуд, не могут предоставлять долгосрочный кредит, требуют назад суммы, занятые у них, и так деньги притекают из-за границы. Вексельный курс становится благоприятным, так как меньше надо платить за импорт заграницe, а ей приходится больше платить за экспорт. Эта операция повлечет за собой большие трудности в торговле, без нее не может быть сокращения средств обращения (с. 34, 35).

f) Количество банкнот, находящихся в обращении, влияет на вексельный курс еще другим способом.

Если имеет место увеличение выпуска банкнот, то кредиторы становятся богаче, предложение капитала возрастает, процентная ставка на ссуды денег падает, капиталисты посылают свои деньги за границу на более благоприятный ссудный рынок, выставляют взамен этих денег иностранные векселя, этот спрос на иностранные векселя повышает их цену. Следовательно, вексельный курс становится неблагоприятным.

С другой стороны. Сокращенное обращение, деньги редки, норма процента растет, капиталы возвращаются из-за границы, потому что внутренний денежный ссудный рынок выгоднее, за это выставляются векселя на заграницу, вследствие этого нового предложения векселей на заграницу падает их цена, вексельный курс становится благоприятным (с. 35).

g) Всякий раз, когда выпуск банкнот обусловливает прямо или опосредованно перевод денег из одной страны в другую, подвергается воздействию вексельный курс (там же).

8. *Учетные банки.*

a) Если векселя на Францию дороже, то торговый дом в Лондоне выставит векселя на торговый дом в Париже. Так присваи-

вается премия. Игра на повышение и понижение векселей, как и капиталов (с. 35).

b) Посредством векселей коммерсант может давать кредит без необходимости увеличивать свой капитал (там же).

c) О переводе капитала из процветающей отрасли промышленности в менее процветающую отрасль при помощи банкиров и переводных векселей (с. 36, ср. Рикардо [28]).

d) Масса денег и ставка процента (с. 37). В условиях денежного процента норма прибыли регулирует не только предложение, но и спрос (там же). Если банкиры на свой реальный капитал покупают векселя, они не увеличивают количество средств обращения; если на депозиты, то они ускоряют их обращение, если на банковый капитал, то они увеличивают его сумму. У эмиссионных банков от *времени, на которое они выпускают* банкноты, при посредстве которых они покупают векселя, зависит, на какую часть этого капитала они воздействуют главным образом (с. 38).

9) *Ссудные банки.* Авансированный капитал путем ссуды под залог товаров оказывает то же самое действие, как если бы он авансировался на учет векселей (с. 38).

10) *Сберегательные банки* являются депозитными банками, отличаются от других банков этого рода: 1) Принятие очень мелких сумм в качестве вкладов, 2) Все депонированные деньги ссужаются под процент правительству, 3) Вкладчики ограничены в отношении суммы их вкладов (с. 38, 39).

XXI. Эдмондс [29]

1) *Деньги* известных видов (марок), при посредстве которых торговцы распределяют товары (с. 46).

2) За системой рабства следует денежная система (с. 45).

3) Если дано количество денег, то денежные цены пропорциональны скорости обращения. Все банки стремятся увеличить последнюю (с. 45).

4) Все купцы выпускают бумажные деньги... Если увеличивается число банкнот, то уменьшаются купеческие деньги. Торговым средством обращения являются, главным образом, переводные векселя, средством обращения потребителей — банкноты (там же).

[14] XXII. Коббет. (Бумажки против золота) [30]

1) *Деньги* являются представителем, или знаком ценной вещи. Если они состоят из *бумаги,* то золотые и серебряные деньги перекочевывают в сокровищницы умных людей или в кошельки тех, кто вывозит их за границу (с. 1).

2) Банкротство точно такой же знак процветания, как и простые векселя (с. 5).

3) Расширение торговли требует увеличения массы денег... Расширение торговли предполагает, однако, возрастание массы имеющих денежную стоимость вещей, и таким образом само приводит к возрастанию массы реальных денег... *Реальные деньги* — представитель имеющих денежную стоимость вещей, *бумажные деньги* — представитель долга (с. 5). (Каким образом банкноты пускаются в обращение?) (там же). Действительный прирост средств платежа не может вызвать возрастания обязательств об уплате (там же).

4) Действительной причиной увеличения числа банкнот является рост государственного долга (с. 6).

5) Так как вместе с государственным долгом растут поквартальные дивиденды, которые выплачиваются банкнотами, то растет число этих банкнот. Одновременно выпускаются банкноты более мелкого достоинства (с. 6, 7). Количество банкнот до 1797 г. и 1810 г. и т. д. (с. 11, 12) [31]. Возросшие дивиденды — причина увеличения выпуска бумажных денег (с. 13).

6) Количество банкнот увеличилось, чтобы соответствовать повышению цен, вызванному [возросшей] массой бумажных денег, а увеличение массы бумаг усилило повышение цен. Естественный прогресс (с. 13).

7) Если в стране обращаются обесцененные бумажные деньги, то обесценивается также и количество золота и серебра, находящееся в обращении, потому что оно обладает определенной номинальной стоимостью до тех пор, пока дело не доходит до открытого дисконта между бумагами и металлом (с. 14).

8) Банковские бумаги возникли из национального долга; банк был создан вскоре после того, как возник долг,— увеличение бумаг шло в ногу с увеличением долга (с. 15).

9) Если допущено существование двух различных цен между металлом и бумагами, то снова будут обращаться металлы; однако никакая их доля не поступит в банк, потому что никто не захочет платить свои налоги в золоте и серебре. Следовательно, государственные кредиторы и правительство платят бумагами, в то время как золото и серебро обращаются среди прочей части общества. Как только возникают 2 цены, бумаги должны значительно обесцениться. И так как правительство должно платить своим контрагентам и рассчитываться по другим обязательствам, оплата которых не была зафиксирована, этими обесцененными бумагами, то оно должно иметь большое количество этих бумаг. Они должны поступить из банка. Таким образом, бумаги обесцениваются еще больше и т. д. (с. 15).

XXIII. Гюлих [32]

1) Перед французской революционной войной [33] бумажных денег мало, кроме Швеции, Шотландии, Соединенных Штатов. Эта война (как и — в гораздо меньшей мере — войны предшествующих 1799 г. 40 лет) повлекла за собой выпуск все большего коли-

чества бумажных денег[34]. Еще примерно в конце 18-го века усилился приток золота и серебра из испанской и португальской Америки, однако не в той мере, в какой возрос обмен товаров. Большинство государств увеличили [запасы благородного металла] или ввезли его (Австрия, Франция, Россия, Англия, Соединенные Штаты, Португалия и Испания). Отток звонкой монеты в Азию продолжался, куплено больше товаров в Индии и т. д. (с. 112).

2) В 1806—10 гг. повсюду в Европе обесценение бумажных денег. В России, Австрии, Дании, Португалии — с 1806 г. все больше с каждым годом[35]; *в Англии* бумажные деньги, после того как они значительно обесценились в последние годы континентальной блокады[36], почти никогда не теряли более 30% [своей стоимости], в России с 1810 г.— по большей мере свыше 70%, в Дании и Австрии зачастую и того больше. Ввоз из испанской Америки и из Португалии прекратился. Бразилия вывозила имевшиеся в наличии для экспорта благородные металлы главным образом в Азию, то же и Соединенные Штаты, торговля которых с Китаем и Ост-Индией сильно расширилась (с. 113).

3) *Торговля деньгами.*

a) 13 и 14-й вв. Италия — основной центр. (Ломбардцы и евреи) (с. 114). *b)* 15 в. Важнейший денежный рынок в Нидерландах, сначала *Брюгге,* затем *Антверпен* (там же). *c) 16-й век.* Венецианцы и генуэзцы ссужают другие народы (там же). К концу 16 в. из-за подрыва торговли Антверпена торговля деньгами переместилась в Лондон, но особенно в *Амстердам* (там же). *d) 17-й в. Голландцы* — главные торговцы деньгами. Ссуды и государственные долги в самой Голландии и предоставляемые ею другим странам. С государственными долгами, особенно в Голландии и Англии, выдвинулись *торговцы ценными бумагами* (там же). *e) 18-й в.* Особенно велико влияние войн на денежную торговлю. Банкиры и поставщики играют значительную роль (с. 115). *f) 1789—1815 гг.* Значение банкиров и поставщиков возрастает в особенности из-за французской революционной войны. Большие займы почти во всех странах из-за сильно увеличившихся военных потребностей. Шире всего эти сделки в Англии и странах, поддерживающих с ней отношения. Выплата крупных субсидий. Повсеместно большое развитие банкирского дела. Крупные торговые дома часто полностью предоставляют банкирам ведение своих денежных дел. Спрос на капитал больше, нежели предложение. Денежные ссуды прибыльны. [15] *g) После 1815 г.* Государственные бумаги после 1816 г. сильно подорожали. Отсюда снова большой выигрыш для тех, кто занят торговлей деньгами. Обеспеченность деньгами у капиталистов и торговцев ценными бумагами улучшилась по сравнению с низшими классами и земельными собственниками, в противоположность которым они были мало отягчены налогами, и их доходы росли, в то время как доходы промышленников снижались, начиная с 1819 г. Большие денежные сделки между Лондоном и Парижем. Улучшенный транс-

порт, исключительно тесная связь банкиров в различных городах. С 1819 г. во всех крупных торговых городах редко в течение длительного срока ощущалась нехватка денег, все меньше различается ставка процента в различных странах. Часто банкиры господствуют на денежном рынке целой страны, и часто в их силах лишить ее звонкой монеты, что особенно проявляется в 1824, 1825, 1829 гг. *Банкиры* стали главнейшими лицами государств. Банкирское дело увеличивается за счет того, что капиталисты вкладывают деньги также и в бумаги иностранных государств (с. 115).

XXIV. Ожье [37]

1) После крушения Римской империи *доходы государства* основываются на личных и бесплатных услугах; никакой возможности *общественного кредита,* долги как личные доходы maître *. В раннем средневековье единственное прибежище королей, например азиатских деспотов,— собирание сокровищ. *В 14-м в.* возникла система *делания долгов* путем банкротства, т. е. фальсификации денег князьями (ср. с. 114 и 117). В 15-м в. уже окончательное введение *налогообложения* (с. 117). Первый в собственном смысле слова налог возник из *самообложения налогом общин* для их защиты и т. д. В Иль-де-Франс, королевском домене, началось превращение феодальных повинностей и натурального оброка в денежное обложение... *Генуя* и *Венеция* сначала [ввели] *общественные займы* для ведения *морской торговли* (с. 117). *Венецианский* банк — 1157 г., *Генуэзский* банк — 1334 г. (депозитные банки).

2) Наибольшая часть dépenses ** в средние века — коммунальные, затем сеньориальные, затем провинциальные и т. д. Налог платится также и в натуре (с. 117). При Людовиках XIV, XV, XVI крестьяне еще выполняли натуральные повинности в качестве государственных налогов. Короли ни в коем случае не хотели налогов в деньгах; они были вынуждены обстоятельствами перейти к этому (с. 118).

3) Ренты с домена короля или его частной собственности являются началом общественной ипотеки (с. 117).

4) Торговля — великий уравнитель: перед ней исчезает важность титулов и званий. Деньги не имеют другого эквивалента, кроме самих себя или того, что является товаром. Если короли становятся банкирами, то королевская честь оценивается лишь в деньгах или финансовых состояниях (с. 117). Священники сами закладывают евреям священные сосуды (там же). Генрих III торговал реликвиями (мощами), которые он воровал в церквах (с. 118).

5) Дефицит всего лишь в 82 млн. франков повлек за собой французскую революцию (там же).

---

* — господина. *Ред.*
** — податей. *Ред.*

6) Амстердамский банк вызвал [возникновение] banque d'escompte ou de circulation *. Между депозитными и учетными банками [прошла] еще *époque des viremens* ** (там же).

7) Ссуды в реальных деньгах являются *ипотекой государству*. Бумажные деньги, выпускаемые правительством, являются *представителем общественного кредита,* обеспечены налогом, представляют звонкую монету, векселя и банковские билеты. Деньги представляют вещи, но одновременно залог, векселя (торговые бумаги) представляют деньги, банковские билеты представляют звонкую монету, векселя и благородные металлы (с. 119).

8) Как *реакция* против ростовщичества, так и потребности промышленно-торговой эры в совокупности способствовали образованию банков (с. 119). Между ломбардами, депозитными банками и учетными банками [есть] аналогия и шаг вперед (там же).

9) В 16-м в. при неразберихе в монетах *менялы* взымали чудовищное ажио; беспорядочность в денежном обращении дала повод [к созданию] депозитного банка в Амстердаме (1609 г.) и в Гамбурге (1619 г.) (с. 119). Об Амстердамском банке ср. с. 119 и след. Одновременно реакция против подделок и подлогов со стороны князей (там же). Собственно говоря, депозитные банки — лишь генерализация занятия менял (там же).

10) Дисконт является тем же самым для учетных банков, что ажио за обмен [денежного] материала представляет собой для депозитных банков (там же). Английский банк (1694 г.) требовал от государства не больше того, что и компании Венеции и Генуи, а именно разрешения на взимание налогов или на монопольную продажу с торгов при 8% комиссионных (там же).

[16] 11) *Банк Ло* [38] (с. 119, 120).

12) Кредит — величайший разрушитель абсолютистских правительств... При деспотическом режиме каждая ипотека, которая берет свое начало с ссуды, является отчуждением суверенитета. При контакте с деньгами они отмирают. При демократии деньги (банки) пытаются восстановить монополию (с. 120). В Венеции господство финансовых компаний имело законченный вид (там же).

XXV. Пеккьо [39]

1) О фальсификации денег князьями и республиками (с. 1).

2) Приводит всю итальянскую политэкономию о деньгах (там же).

XXVI. Мак-Куллох. (Рассуждение о политической экономии) [40]

Монетарная система и система торговли (с. 8). Только в 1663 г. в Англии был отменен запрет на вывоз иностранных монет, а также золота и серебра (там же).

---

* — учетного банка. *Ред.*

** — *эпоха перечислений, переводов. Ред.*

XXVII. Ганиль [41]

1) Деньги — всеобщий товар (Верри) [42] (с. 13).

2) Очень сложно понять, как народ, не развращенный деньгами и не выведенный с помощью железа из состояния варварства, может войти в эпоху цивилизации (Гиббон) [43] (с. 13).

3) Избыток золота и серебра (продукты внешней торговли) — самое главное средство для ускорения прогресса труда и промышленности (с. 13b).

4) Благотворные действия кредита (там же).

5) Банковские деньги являются лишь инструментом оплаты коммерческих долговых требований (с. 14). (Смотри там же о различных банках.)

Залог, на котором покоятся банковские деньги, в меньшей степени основывается на первоначальном капитале банка, нежели на коммерческих стоимостях и эквивалентах, оплату которых он осуществляет (с. 14). 6) Только в обеих крайних точках обращения — в производстве и в потреблении — деньги необходимы и не могут быть заменены (с. 14b).

XXVIII. Адам Смит. (Большая тетрадь, т. II и далее) [44]

Смотри рассмотрение монетарной и меркантилистской системы.

Из всех товаров, покупаемых в одной стране с единственной целью их перепродажи или обмена на другие товары в другой стране, золото и серебро являются самыми удобными (с. 33).

XXIX. Гюлих. III [45]

1) В Европе в 860—1500 гг. добывалось примерно столько золота и серебра, сколько требовалось, чтобы заменить изношенный и пропадающий вследствие иных причин металл. В северо-западной Европе — огромное увеличение денежных масс, особенно серебра, примерно в конце 16-го в. В 18-м в.— увеличение ввоза золота вследствие добычи этого металла в Бразилии (с. 12).

2) В 15-м в. [отношение] стоимости золота к стоимости серебра = 1 : 10, в 18-м в. = 1 : 14, в самой Англии как 1 : 15, поскольку здесь золото было главной валютой, и его стоимость была по отношению к серебру выше, чем на континенте (там же). Бразильское золото текло из Португалии главным образом в Англию (там же). Относительная стоимость серебра по отношению к золоту могла бы быть еще ниже. Но стали значительно расширяться связи Европы с Азией, в начале 17-го в., когда приобрела значительные размеры *голландская,* и в последние десятилетия 17-го в., когда приобрела значение *английская* торговля с Азией. В 18-м в.— особенно благодаря *ввозу чая* в Англию. Нет *вывоза золота* в Азию, так как здесь обращается только *серебро. Отток се-*

ребра из Европы в Азию, в особенности в последней половине 18-го в., поглотил заметную часть серебра, экспортируемого в Европу из Америки. Кроме того, уже начался вывоз из Америки в Азию (в особенности из Мексики на Филиппины), в то время еще относительно незначительный (с. 12).

[17] 3) Использование в качестве *монеты* золота и серебра, импортируемых в Европу из Америки, сократилось вследствие [увеличения] производства товаров из обоих металлов. Примерно в конце 17-го и в особенности в 18-м в. в средних сословиях в большом ходу, особенно в Англии, серебряные ложки; в конце 18-го в. все больше и больше серебряных часов среди средних сословий северо-западной Европы. Еще больше в 19 в. В высшей степени важно также использование для позолоты и плакировки (с. 12).

4) *Рост количества золотых и серебряных монет* в 18-м в. несмотря на постоянно растущий ввоз из Америки происходил *медленнее,* чем рост массы *товаров, поступающих в торговлю.* Но в целом в Европе — никакого недостатка в звонкой монете, потому что улучшилось *сообщение* в Англии, Франции, Нидерландах; бумажные деньги; возрастание количества векселей, или расширение кредита (с. 12).

5) *К началу 2-го десятилетия 19 в.*— необычное *сокращение ввоза в Европу золота и серебра,* вследствие освобождения испанской Америки, приостановки разработки месторождений в Мексике, Перу и т. д., уменьшения добычи на бразильских рудниках, расширения рынка благородных металлов в самом Новом свете, в бывшей испанской Америке, в Бразилии и в особенности в Соединенных Штатах. Последние *нуждаются в серебре* вследствие расширения их торговли с Китаем; утечка серебра из Соединенных Штатов в Азию возросла в 1796—1825 гг.=1 : 4. Небольшой, но все же сохранявшийся и в последние десятилетия вывоз серебра из Бразилии, Мексики, Перу в Азию. Таким образом, *увеличение непосредственного вывоза серебра из Америки в Азию,* заметное *сокращение вывоза серебра из Европы в Азию.* Вывоз серебра из Китая в Индию вследствие торговли опиумом (с. 12).

6) *В 20-х годах 19-го в.*— сокращение количества благородных металлов в Европе приостановлено за счет эмиграции богатых испанцев из Мексики и Перу во Францию и Испанию. Зато — рост *займов в 1818—1832 гг.* у Бразилии, Буэнос-Айреса, Чили, Колумбии, Гватемалы, Перу и Мексики; затем много золота, притекающего вследствие разработки рудников в этих государствах (1824 г.)... Таким образом, ко времени освобождения южноамериканских государств — *отток* в эти государства, вероятно, еще большей суммы (чем сумма, ввезенная эмигрантами). Кроме того, такой исключительный приток далеко не компенсировал ввоз из Америки времен *испанского господства,* затем, в первые десятилетия после 1815 г.[46]— значительное использование золота и серебра для всех видов приборов, таким образом, в то время — от-

нюдь не *незначительное уменьшение количества обращающихся в виде монеты благородных металлов* (с. 12).

7) *1830—1842.* Прекращение вызванного исключительными обстоятельствами притока; снова регулярные разработки месторождений в Мексике; поэтому в конце 30-х и начале 40-х гг.— снова довольно значительный импорт из Америки, но уже нет прежнего значения (с. 12). В дальнейшем экспорт металла из Америки в Европу ограничен, так что впоследствии — еще и *американский рынок* для этих металлов; тем самым также значительный вывоз звонкой монеты из Европы в Соединенные Штаты, в особенности вследствие *североамериканских займов* в середине 30-х годов. В Соединенных Штатах используется главным образом серебро. Равным образом золото из *Европы в Америку* ввезено *эмигрантами* в последние 10—15 лет, точно так же в *Австралию,* где в это время преимущественно бумажные деньги. В *1831—41 гг. из Европы в Азию текло еще меньше золота.* Однако в этот период времени — дальнейшее *уменьшение количества обращающейся в Европе звонкой монеты.* Продолжающееся увеличение использования благородных металлов для производства других товаров. В общем в *Западной Европе* масса имеющихся здесь *золотых и серебряных товаров* по *содержанию в них металла больше по стоимости,* чем *обращающаяся здесь звонкая монета.* В Англии — наверняка (с. 13).

8) Вывоз и ввоз благородных металлов в Россию (там же).

9) *Приток и отток благородных металлов из одной части Европы в другую.* После мира 1815 г. много бумаг было выведено из обращения, хотя много и осталось в обороте (там же). *Отношение обращающейся звонкой монеты к бумажным деньгам* хуже всего в России, затем — в Англии и Австрии, не так уж мало в *Пруссии,* не очень велико во *Франции и Нидерландах.* В *Швеции* всегда еще очень большая сумма бумажных денег (там же). Больше всего звонкой монеты обращается с 20-х годов из всей Западной Европы во Франции (там же). В последнее время *увеличение или уменьшение* количества благородных металлов в одной *отдельно взятой* стране уже не так бросается в глаза, отчасти из-за быстрого *сообщения между различными государствами,* отчасти оттого, что деньги — все больше товар и существует тесная связь между банкирскими домами на различных рынках. Большая *подвижность обращения,* особенно в Англии, возросший кредит, расширенное применение векселей. Далее, много бумажных денег, особенно в странах с *очень сильно развитой торговлей* (с. 13). (Меньше — в не столь развитых.)

10) Страны, где население рассредоточено на большом пространстве, нуждаются в значительно *большем количестве денег,* чем цивилизованные и более населенные страны; Англия относительно меньше, чем Германия, Германия — чем внутренняя Россия, восточная часть Соединенных Штатов — меньше, чем западная, и т. д. (с. 13).

11) Масса обращающихся в Африке, Азии, Австралии и Америке золотых и серебряных денег гораздо меньше их массы в Европе (там же).

12) *1842—1843 гг.* Деньги стекаются в *Соединенные Штаты* для сальдирования выгодного для них торгового баланса. К этому — значительные *изменения в торговле деньгами* между *Европой и Азией.* До сих пор только золото текло из Азии в Европу, но в меньшем объеме, чем оттекающие туда серебряные деньги. В *1842 г.*— немалый импорт серебра из *Китая* в *Англию.* Большое *влияние Китая в 18-м и 19-м вв.* на денежные отношения в Европе. Сначала он привлек много серебра в качестве оплаты *чая.* Затем — в обмен на опиум большой вывоз этого металла в Индию, а оттуда в Англию. Наконец, непосредственное обеспечение Англии серебром (там же).

13) Влияние суммы звонкой монеты на товарную цену в Европе все больше отходило на задний план. Уменьшение количества денег в последние 3 десятилетия оказало незначительное влияние на цены вследствие ускорившегося оборота денег, более низкая потребность также благодаря сильно расширившейся торговле (там же).

[18] 14) Товарные цены

a) Средневековье. Большое колебание товарных цен в зависимости от избытка или недостатка. Дешевле всего товары, к которым применено меньше всего человеческих сил. Мясо дешевле зерна; зерно — чем готовые изделия, готовые изделия — чем колониальные товары, индийские ткани и т. д. Напротив, *стоимость товаров* в целом по сравнению с *благородными металлами,* особенно в 14-м и 15-м вв., довольно постоянна уже оттого, что их масса постоянна. Очень разные товарные цены в различных странах. В Англии цены были выше, чем в Германии, потому что туда притекало больше благородного металла (с. 14).

b) 16-й, 17-й и начало 18 в.

В 16-м в. весьма значительное понижение стоимости благородных металлов по сравнению со всеми товарами, и особенно с зерном, их соотношение поднималось до 2 :1 и более.

В *17-м и 18-м вв.,* несмотря на дальнейшее увеличение золота и серебра, *не было такого всеобщего повышения товарных цен,* потому что ввоз, хотя по *абсолютной величине и больше,* чем в 16-м в., все же не столь значителен по сравнению с уже имеющимися в Европе *запасами металла;* затем из-за увеличения *предметов, обмениваемых* на наличность, одновременно увеличение товаров, ранее уже пришедших в торговлю *вследствие умножения оборотных средств* и тем самым значительно ускоренного *роста капиталов;* затем увеличение числа *товаров, поступающих в торговлю* (в особенности азиатские и американские товары) (с. 14).

c) С конца 18-го в. до 1815 г.

В последние годы 18-го в. Большое влияние войн на товарные цены. Общий спрос возрастал. В особенности рост цен на хлеб и т. д. (там же).

d) 1815—1842 гг.

В *1815 г.* прекращение войны, удешевление большинства товаров, в особенности хлопчатобумажных изделий и тканей.

1818—24 гг. Падение цен почти всех товаров (по меньшей мере в Западной Европе), и особенно продуктов сельского хозяйства. Улучшение культуры [земледелия]. Уменьшение массы бумажных денег. Переход к наличным платежам в Англии в 1818—1821 гг. в особенности подействовал на немецкий рынок. *Влияние таможенных пошлин на товарные цены в различных странах.*

В *1824 г.* в Европе, особенно в Англии, повышение большинства товарных цен.

В *1825 г.* Примерно к концу — реакция. Кризис. Понижение большинства товарных цен.

Примерно в конце 1820-х годов — рост цен на сельскохозяйственные продукты по сравнению с 1819—1828 гг.; напротив, почти непрекращающееся падение цен большинства готовых изделий. Следствие возросшего производства, машин, разделения труда, облегчения добычи сырья.

1836—1842 гг. Всеобщее уменьшение потребления в Европе почти всех товаров неевропейского происхождения, уменьшение их денежной стоимости (сахар, кофе, пряности, индиго). Возделывание земель, которые ранее совсем не обрабатывались или мало обрабатывались (с. 14).

XXX. Л. Сэй [47]

Обмениваемость золота и серебра на все вещи возникла потому, что их *цена производства* исключительно мало подвержена изменениям (с. 2).

XXXI. Лодердель [48]

1) Полезность золота и серебра как денег покоится на том, что они заменяют труд (с. 11).

2) Тот же самый принцип делает полезными банки (там же). Без денег понадобилась бы масса обменов, прежде чем посредством обмена можно было получить желаемый предмет.

При каждом отдельном акте обмена приходилось бы проводить здесь исследование об относительной стоимости товаров. Первое отпадает благодаря деньгам как инструменту торговли. Второе — как измерителю стоимости и представителю всех товаров (там же).

XXXII. Петти [49]

1) Великий и конечный результат торговли — не богатство вообще, а по преимуществу изобилие серебра, золота или драгоценностей, которые *непреходящи* и не столь *изменяемы,* как другие

товары, и представляют собой богатство во все времена и повсеместно. Изобилие вина, зерна, птицы, мяса и т. д. есть богатство, но богатство только hic et nunc *... Поэтому производство таких товаров и результаты такой торговли, которые обеспечивают страну золотом, серебром и т. д., выгоднее чего-либо иного (с. 3).

[19] 2) Если деньги путем налога отнимаются у того, кто их проедает или пропивает, и передаются тому, кто употребляет их на улучшение земель, рыболовство, горное дело, на мануфактуры или даже на одежду, то для общества это всегда представляет выгоду; ибо даже одежда имеет не столь преходящий характер, как еда и напитки; если на украшение жилья, то выгода несколько бóльшая; при постройке домов — еще значительнее; если на улучшение земель, разработку рудников, рыболовство — еще значительнее; всего выгоднее, когда деньги пускают в ход с целью привлечь в страну золото и серебро, так как эти вещи *непреходящи, но ценятся всегда и всюду как богатство* (с. 5).

Во временном отношении — продолжительность, а в пространственном — вездесущность. Деньги — непреходящий товар, все товары — лишь преходящие деньги. Деньги вездесущий товар; товар — лишь местные деньги.

Так пишет автор 17-го в. В золоте и серебре они нашли сокровище, которое не ест ни тля, ни ржа. Культ денег порождает свой аскетизм, свое самопожертвование, свою самоотверженность — бережливость и скупость, презрение мирских, скоротечных и преходящих наслаждений, погоню за сокровищем на небесах.

XXXIII. Свободная торговля. (Лондон, 1622 г.)[50]

1) *Естественным* предметом торговли является *товар*, а *искусственным — деньги*. Хотя деньги и по природе вещей и по времени появляются после товара, но в настоящее время они на практике получили первенствующее значение. Он сравнивает товар и деньги с двумя сыновьями древнего Иакова, который правую руку возлагает на младшего сына, а левую — на старшего[51] (с. 24).

2) Мы потребляем у себя в слишком большом изобилии вина из Испании, Франции, Рейнской провинции, Леванта, с островов, изюм из Испании, коринку из Леванта, линобатист из Геннегау[52] и Нидерландов, шелковые изделия из Италии, сахар и табак из Вест-Индии, пряности из Ост-Индии; все это нам не так уж необходимо, и тем не менее покупается за звонкую монету... Если бы поменьше продавалось иностранных и побольше отечественных продуктов, то излишек в форме *золота* и *серебра* (в качестве сокровища) с необходимостью притекал бы к нам (с. 24). Сетования на то, что серебро уходит в Азию и не возвращается оттуда.

---

* — в данном месте и в данный момент. *Ред.*

3) Когда *недвижимые* и *неизменяющиеся* вещи стали объектом торговли среди людей в такой же степени, как вещи подвижные и созданные для обмена, вошли в употребление деньги, в качестве правила и меры, благодаря чему эти вещи получили оценку и стоимость (с. 25).

Он всегда противопоставляет *товары сокровищу*. (Товары как marchandise denrées * вступают в потребление, а деньги нет.) (Чем больше, утверждает он, например, торговля с Ост-Индией увеличивает число товаров, тем больше она уменьшает сокровища.) (Там же.)

Последнее замечание в известном смысле правильно: все общество только тогда становится действительно торговым обществом, когда так называемое недвижимое имущество стало обмениваемым; следовательно, *титул собственности*. Земельная собственность, дом и т. д. раньше образовывали материальный базис своего рода общности и не могли быть предметом отчуждения со стороны отдельных индивидов. Движимые товары по своей природе склонны к обмену, к обращению и к мене. [Нужен] только излишек. В случае с недвижимой собственностью меновая стоимость должна при ее отчуждении получать уже самостоятельный образ в виде денег, и дом и т. д. должен быть оценен посредством денег как представителя той или иной меновой стоимости.

XXXIV. Буагильбер [53]

1) У него есть уже целиком *конституированная стоимость* Прудона: «Если бы все необходимые для жизни товары имели *определенную цену... если бы они имели всегда prix courant* **, до тех пор пока в них нуждались, то к золоту и серебру больше не обращались бы иначе, как к самым обычным металлам, так как для других жизненных целей они менее годны. Обмен производился бы непосредственно, как в начале истории... и как он еще совершается в отношении некоторых оптовых товаров, после того как они *оценены*» (с. 3).

[20] 2) Благородные металлы должны были служить залогом при обмене; их превратили в *божества* (idoles, divinités), которым приносят в жертву все больше благ, потребностей и даже людей... Вместо того, чтобы сделать из них слуг, рабов торговли, их сделали ее тиранами. Таким образом, *переворачивание* естественного порядка вследствие денег (с. 5, 6). Они должны быть лишь *средством* (с. 6).

3) Можно было бы совсем избавиться от благородного металла (с. 6).

4) Для расточителя деньги гораздо удобнее, нежели накопление товаров, когда он должен был бы заниматься регулярной торговлей и т. д. Так золото и серебро из раба становятся господином, и уничтожается равновесие между деньгами и товарами, послед-

* — блага, предназначенные для потребления. *Ред.*

** — обычную цену. *Ред.*

ние обесцениваются, первые переоцениваются... Деньги — «экстракт всех вещей». Только благодаря им возможно *неравенство в налогах*. В них выражена лишь «путаная в деталях идея», и посему они служат прикрытием всех подлостей (с. 7).

5) При изобилии деньги — последний из товаров, в нужде — не только первый, но почти единственный (с. 8).

6) Из-за денег наступило нарушение пропорции цен (с. 9).

7) Деньги сделались палачом всех вещей (с. 10). Это направлено, главным образом, против фискальной системы, которая уничтожила больше товаров, чем превратила в форме денег в сокровище. «Поражаешься,— говорит он там же,— средствам, которые уничтожают в 20 раз больше вещей, чем с пользой употребляют» [там же]. Чтобы получить деньги, уничтожается всякий товар, который может быть продан с убытком (с. 11). Так отказываются от производства. Это — результат действий жрецов божества, *серебра* (там же).

Имеются деньги преступные, ибо они хотели быть не рабом, а богом, объявляющим войну всему человеческому роду (там же). Сравнивает финансистов с алхимиками, которые, чтобы добыть золото, превращают в пар все применяемые вещества (там же).

8) После обесценения благородных металлов сами товары будут восстановлены в их справедливой стоимости (с. 12).

Вследствие этой верховной власти денег возникает недостаток при избытке, нарушается обмен, производство становится бесприбыльным, а потому прекращается (с. 13). Фиктивная стоимость разрушает действительную.

XXXV. Т. Пейн [54]

Банкноты изменили *местопребывание власти*. Они создали 2-й класс кредиторов — наряду с первым, который одолжил государству деньги,— то есть *владельцев банкнот*. Каждый, кто ими обладает, контролирует правительство просто путем лишения его кредита, когда он в индивидуальном порядке устремляется в банк, для получения наличными за каждую банкноту, находящуюся в его руках. (Проявилось в Англии в 1830 г.? или в 1831 г.)

XXXVI. Лондонская энциклопедия [55]

Ссуды и займы старше денежной системы.

XXXVII. Рикардо. (Предложения) [56]

Количество банкнот, находящихся в обращении, зависит вовсе не от капитала, благодаря которому владельцы ими располагают, а от суммы, требующейся для обращения страны, а эта сумма регулируется стоимостью стандарта, суммой платежей и экономией, примененной при производстве платежей (с. 17, 18).

XXXIX. Сен-симонисты [57]

1) Так как все индивиды изолированы как в труде, так и в потреблении, происходит *обмен* между 2 производителями. Из обмена вытекает необходимость определения *относительной стоимости* вещей (отсюда — *деньги*)... оба [производителя] руководствуются индивидуализмом и антагонизмом, антагонизмом покупателя и продавца (с. I).

[21] 2) 3 формы обращения: *Непосредственно меновая торговля* (товар на товар), *купля и продажа* (товар на деньги и деньги на товар) и *кредит* (деньги заменены обещанием заплатить к определенному времени)... Банкиры установили истинное промышленное правительство... (с. II).

3) Использование *денег* — знак недоверия людей друг к другу, так как от продукта стремятся избавляться лишь под материальный залог... Все кредиты, векселя и т. д. основаны на денежной гарантии (там же).

4) Кризис вынуждает к непредвиденным погашениям долгов, отсюда — вынужденная продажа товаров, но *невозможно перевести в деньги все кредитные титулы,* так как сумма звонкой монеты в общем очень мала по сравнению с массой всех других продуктов, которые существуют в обществе и которые действительно представляют одолженные суммы, неизбежны банкроты (с. II, III).

5) Банкиры стали (уже при абсолютной монархии Людовика XIV) всеобщими кассирами промышленности и дворянства (с. V). Подобно тому, как сен-симонисты рассматривают *банки* (наряду с векселями, бумажными деньгами, общественными ссудами) в качестве *орудия,* посредством которого капитал, инструменты производства были переданы от ленивых земельных собственников и капиталистов к буржуазным промышленникам, так новая организация банкового дела должна опосредствовать передачу инструментов производства рабочим (с. VII). Ломбарды они также рассматривают в качестве предшественников банков, и те и другие — как реакцию против ростовщичества евреев и т. д., которые монополизировали владение благородными металлами.

XL. Блейк. (Вексельный курс) [58]

1) *Вексельный курс вообще.* Вексель на заграницу — указание иностранцу заплатить другому лицу *определенную сумму иностранных монет.* Неопределено и постоянно варьируется количество отечественных монет, которое должно быть отдано при покупке векселя. Вексельный курс неблагоприятен, если *рыночная цена векселя* высока, благоприятен, если она низка. Цена векселя зависит 1) от избытка и недостатка в отношении спроса; 2) от относительной стоимости обоих currencies *. Изменения первого рода

* — средств обращения, денег, здесь: валют. *Ред.*

зависят от платежей, которые должна совершить страна, по сравнению с теми, которые она должна принять. Операции второго рода — от изменений в стоимости валют той или другой страны. Последние — безотносительно к долгу и обязательствам страны, первые — безотносительно к валюте, последние — *номинальный*, первые — *реальный вексельный курс* (с. 26, 27).

2) *Реальный вексельный курс.* В этом исследовании предполагается, что монета остается полновесной и что средства обращения в различных странах находятся в неизменном отношении к обращающимся товарам.

Если вывоз и ввоз двух стран взаимно покрывают друг друга, то векселя экспортирующих и импортирующих торговцев, их спрос и предложение равны, погашаются путем простого перевода долга и долгового требования, и тогда реальный обмен *at par* * [с. 27].

Если страна ввозит больше, чем вывозит и, таким образом, должна производить больше платежей, чем принимать, то вексельный курс для нее неблагоприятен. Здесь меньше векселей на другую страну, чем поступивших сюда, конкуренция между покупателями иностранных векселей. Они поднимаются в цене выше номинала, или становятся премией в соответствии со спросом. Напротив, в стране кредиторов больше векселей на страну-должника, чем их может быть использовано, конкуренция среди продавцов иностранных векселей, учет векселей, по сравнению с предложением, соответствует премии в чужой стране. Избыток дебета над кредитом в стране, это несоответствие вызвано главным образом, 1) сезонными векселями, которые требуют чрезвычайного по размерам ввоза сельскохозяйственных продуктов, 2) расходами за границей, субсидиями и т. д. Избыток может быть покрыт посредством посылки монет и слитков, посредством покупки иностранных векселей, посредством поручения иностранному агенту выставить вексель на правительство, или тому, кто еще занимается инвестициями за границей (смотри об этом с. 28, 29). Если правительство скупает иностранные векселя в своей стране, то оно увеличивает конкуренцию, следовательно, их цена еще больше превышает номинальную, если оно поручает уполномоченным выставлять их на себя, то оно увеличивает число обращающихся в чужой стране векселей на свою страну, следовательно, дисконт падает еще ниже.

Спрос на иностранные векселя для погашения долгов, вызванных ранее заключенными сделками. Но каково состояние реального вексельного курса, [если] *прейскурант товаров* в обеих торгующих странах ежедневно вызывает его колебания? Если товары в чужой стране относительно дешевы, то большой спрос на иностранные векселя, в противоположном случае — нет. Так действуют *товарные цены в собственной стране* на вексельный курс, но не наоборот (с. 28, 29).

---

* — *по номинальной цене. Ред.*

[22] Теперь спрашивается: Каково *действие реального обмена на общий экспорт и импорт страны?*

Торговец экспортирует, только если цена товаров в другой стране достаточно высока по сравнению с ценой в своей, т. е. посылка туда [товаров] после вычета издержек приносит обычную прибыль. Получив накладную от своего корреспондента, он выставит на него вексель на сумму отгруженных товаров. Если вексельный курс на уровне номинала, то он получит сумму, которая указана в векселе, продав его на внутреннем рынке. Если *вексельный курс неблагоприятен,* а следовательно иностранные векселя приносят премию, то это увеличивает его прибыль соответственно этой премии, когда он продает на внутреннем рынке векселя на заграницу. Таким образом, чем неблагоприятнее вексельный курс, тем благоприятнее для экспорта; он способствует экспорту при разнице цен в различных странах, что обычно невозможно, или же продаже по более дешевой цене, или получению большей прибыли от продажи.

Каково бы ни было состояние реального вексельного курса, он оказывает *противоположное действие на экспортирующего и импортирующего купцов.*

Если вексельный курс благоприятен, то экспортер может продать свой вексель на внутреннем рынке только с убытком. Этот дисконт вычитается из его прибыли, или его агент ему платит, покупая вексель по месту жительства на страну экспортера и пересылая ему. Он может получить этот вексель только за премию. Последнюю он рассчитывает, перечисляя вексель [по цене] ниже на эту сумму. Например, если премия на внешнем рынке 5% и ему надлежит перечислить 1000 ф. ст., то он должен уплатить за них 1005 ф. ст., поэтому посылает только 995 ф. ст., которые стоят ему 1000 ф. ст. Эти 5 ф. ст. вычитаются затем из дохода экспортера. Импортер, напротив, может купить иностранный вексель на внутреннем рынке на 5% дешевле, или, если его агент выставляет на него вексель из-за границы, то он продает свой вексель с премией и, таким образом, платит за 1000 ф. ст. только 995 ф. ст.

И наоборот.

Если *вексельный курс неблагоприятен,* то импортер, если он покупает вексель на заграницу, должен заплатить премию на внутреннем рынке; если его агент выставляет вексель на него, то он продает вексель, получая дисконт, поэтому выставляет на более высокую сумму. Импортер покупает, следовательно, дороже. Продажа экспортером по более дешевой цене ведет к тому же к увеличению экспорта, потому что потребление [происходит] за границей.

Неблагоприятный вексельный курс действует поэтому как средство, форсирующее экспорт, и как средство, сокращающее импорт. *Благоприятный* вексельный курс действует противоположным образом (с. 29, 30).

При *неблагоприятном реальном вексельном курсе* премия купца-экспортера зависит, конечно, не от природы экспортируемого товара. Конечно, он выберет товар, который принесет ему, кроме его премии, еще и наивысшую прибыль вследствие разницы цен у себя в стране и за границей. Из всех товаров наименьшим *изменениям* в реальной цене подвержен слиток. Довольно постоянное производство, равномерное распределение и поэтому равная реальная стоимость в различных странах. Этот товар будет поэтому избран в последнюю очередь. Но это равенство стоимости влечет за собой то, что если неблагоприятный вексельный курс обеспечивает премию на иностранные векселя, достаточную для покрытия транспортных издержек, то торговцы слитками будут их экспортировать, чтобы посредством продажи своих векселей получить эту прибыль. Поэтому границу экспорта слитков [образуют] транспортные издержки. Но эта граница не определена. Вследствие экспорта растет цена слитка в собственной стране и падает в чужой. Следовательно, премия должна быть достаточно высока, чтобы, помимо транспортных издержек, покрыть еще и эту разницу в цене. Одновременно со слитком экспортируются товары для потребления, и так обеспечивается баланс. По указанной причине всегда только незначительная часть долга оплачивается в слитках. Если цена на слиток в чужой стране выше, чем в собственной, то он может быть экспортирован, даже при неблагоприятном вексельном курсе. Это выравнивание может быть сдержано, если правительство продолжает делать большие расходы за границей. Тогда будут экспортировать, несмотря на высокую цену слитков, не слитки, а монеты, получаемые при размене банкнот. Следовательно, наплыв [требований] в банке. Если цена слитка в стране выросла, а за границей упала, то торговцы слитками снова их реимпортируют (с. 30—33).

[23] Следовательно, то, насколько реальный вексельный курс воздействует на экспорт слитков, зависит всецело от прибыли, которую дает торговцу слитками продажа иностранных векселей при временном давлении на расчеты с заграницей; никоим образом не от средств обращения (с. 33).

3) *Номинальный вексельный курс.*

Допустим, что состояние реального вексельного курса прежнее. Следовательно, допустим, что спрос и предложение на иностранные векселя покрывают друг друга. Таким образом, в этом случае колебания в их цене могут возникнуть только из изменения в относительной стоимости средств обращения, которыми они оплачиваются и на которые они покупаются (с. 33).

На *номинальный вексельный курс* действует все, что влияет на стоимость обоих средств обращения, которые надо сравнить.

Во-первых. Изменение количества благородного металла в монетах того же самого наименования. (В этом направлении действует также более или менее значительный износ монет в различных странах.) *Во-вторых.* Изменение в качестве (чистоте) стан-

дартного металла. *В-третьих.* Если выпускается столько бумажных денег (что возможно лишь при их необратимости), что общая сумма средств обращения по сравнению с товарами, находящимися в обращении, возрастает *, как и отношение средств обращения других стран к товарам, которые они должны обслужить в обращении.

Если циркулируют только металлические средства обращения, избыток их возможен лишь в странах, имеющих рудники. Кто еще стал бы превращать слитки в монеты? Равным образом невозможно при обратимости банкнот. Они устремились бы назад. Если деньги в какой-либо стране обесценены, то, естественно, придется платить больше, чем раньше, за ту же сумму иностранных денег или за вексель на заграницу. Наоборот, за вексель, оплачиваемый в обесцененной валюте, который выставляется на данную страну за границей, будет заплачено меньше иностранных денег, чем прежде. Следовательно, при обесцененных деньгах *номинально неблагоприятный вексельный курс* для страны обесценения.

Увеличение массы средств обращения может только тогда влиять на *вексельный курс,* как только оно приведет к общему росту *товарных цен,* и только тогда можно говорить об их обесценении. Причем увеличение массы средств обращения, которое изменяет [цены] товаров, не может иметь места без соответственного изменения в вексельном курсе. Соответственно снижению стоимости средств обращения, их нужно больше, чтобы купить иностранные деньги, и нужно меньше иностранных денег, чтобы купить то же самое количество обесцененных средств обращения.

Этот *номинально* благоприятный или неблагоприятный вексельный курс, эффект обесценения средств обращения, совершенно не меняет действительный торговый баланс. Пусть *номинальный вексельный курс* по отношению к какой-либо стране [возрос на] 100%. Экспортер получит премию в 100%, но, с другой стороны, и *номинальная* цена его товара также возросла на 100%. Премия в 100% вознаграждает его как раз за те 100%, на которые **возросшая цена товара затруднила ему экспорт.** Допустим, мера сахара стоит в Гамбурге 100, в Англии 50 ф. ст. *до* обесценения денег в Англии. Таким образом, английский экспортер выигрывает 100%. Теперь, допустим, деньги обесценились на 100%. Теперь сахар номинально стоит в Англии 100 ф. ст. Следовательно, по видимости, больше никакой прибыли. Но экспортер продает свой вексель за премию в 100 ф. ст., т. е. в 100%. Таким образом, он выигрывает 100 ф. ст. в обесцененных деньгах и в необесцененных деньгах по-прежнему имеет 50 ф. ст.

Каково же теперь влияние *номинального вексельного курса* на экспорт слитков?

---

* — по-видимому, у Маркса описка: «сокращается». Исправлено в соответствии с эксцерпируемым источником. *Ред.*

Если номинальный курс по отношению к Англии 4%, то и цена слитка в Англии на 4% выше, чем в Гамбурге. Следовательно, при экспорте слитка в Гамбург обеспечен убыток на транспортных издержках. Из-за разницы в ценах, обусловленной обесценением средств обращения, он потеряет столько, сколько выиграет за счет премии, обусловленной тем же самым обесценением. Если масса средств обращения превышает должную пропорцию, то это повышает цену всех товаров, следовательно, также и слитка, его рыночную цену над его монетной ценой; тогда выгодно переплавлять монеты в слиток. Металлические деньги могут быть предметом экспорта, ибо здесь они захвачены всеобщим обесценением, а за границей обращаются как слиток. *Рикардо* и буллионисты обращают внимание лишь на *номинальные цены товаров,* не замечая *противодействующего эффекта номинального вексельного курса* (с. 33—37).

4) *Действительный вексельный курс.* Нельзя определить, изменяются ли цены векселей под влиянием действительного или номинального вексельного курса. Посему об этом нельзя сделать никакого вывода (с. 38).

[24] XLI. Фуллартон. Регулирование средств обращения [59]

1) Обратимые банкноты всегда обращаются так же, как если бы средства обращения были металлическими (с. 3).

2) Отношение 60 млн. монет и банкнот к реальным деньгам страны невелико, менее $^1/_{10}$, возможно, и менее $^1/_{20}$ (ср. с. 3).

3) Монеты и необратимые банкноты опосредствуют своего рода меновую торговлю. Новый принцип привнесен кредитом. *Банкноты* — только одна форма кредита. Необходимость конечного платежа — истинная *граница кредитной сделки,* и *кредитное обращение отделяется от денежного обращения.* Различные формы *обращающегося кредита* являются неисчерпаемым резервом *потенциальных средств обращения.* Не поддается определению распространение этой силы в какой-либо момент активной операции. Не поддается определению соотношение различных форм. Эта сила проявляется только в платежах (ср. с. 4).

4) Принцип *обратного притока* делает невозможным избыток обратимых бумажных денег (там же).

5) *Сокровища и металлические средства обращения* (с. 5). Сокровища, приведенные в движение не *уровнем цен, а уровнем процентной ставки,* которая повышается или падает в первую очередь при каждом сокращении или расширении средства, при помощи которого распределяется капитал, будь то деньги или кредит (с. 5). Смотри об ассигнатах [4] (там же).

6) Чрезмерная эмиссия — не во власти банкиров (ср. с. 5). (Доказательство — акционерные банки, шотландские банки.) (С. 6.)

7) *Спрос на денежные услуги*, т. е. на *заем капитала*, не идентичен со *спросом на дополнительные средства обращения*, первый имеет место в период процветания, второй — в момент начала кризиса. (Доказательство: обратное соотношение между эмиссией Английского банка и его ценными бумагами!) (С. 6.)

8) Цены регулируют эмиссию банкира, а не наоборот (там же).

9) *Вексельный курс* (ср. с. 6). Экспорт и импорт слитков зависит вовсе не от состояния средств обращения, а от соответствующего состояния платежей между 2 странами (с. 7). Если бумажные деньги (необратимые) обращаются наряду с монетами, то при слишком большой эмиссии монеты вытесняются (там же). Слишком большой выпуск обратимых банкнот не влечет за собой падения вексельного курса. За последние полвека каждое заметное падение вексельного курса, сопровождаемое утечкой золота, связано со сравнительно низким уровнем средств обращения и т. д. (с. 8, 9).

10) Массовый обмен банкнот на деньги, непосредственный спрос на золото как пригодный для экспорта товар, ни малейшего ослабления спроса на обращение (с. 9).

11) Утечка золота сказывается больше в виде изъятия депозитов, нежели в виде обмена банкнот (с. 10). Банк влияет на утечку не прекращением своей эмиссии, а сокращением кредита (с. 10).

12) Посланные на континент во времена утечки миллионы воздействуют там на цены. Торговля золотом (с. 10, 11).

13) Причины кризисов. Избыточный капитал. Падение процентной ставки (с. 11). Необходимо периодическое разрушение капитала (с. 11, [12]). Итак, отрицает всякое влияние обращения на цены.

XLII. Тук [60]

[...]

[LIX. Гилбарт] [61]

[33] 24) О том, как все шотландское банковское дело концентрируется в Эдинбурге (с. 6).

25) В то время как шотландские банки выплачивают проценты, все ресурсы страны сконцентрированы в руках банкиров (там же). Фунтовая банкнота (там же).

26) Кругооборот банкнот в Шотландии. Пора высшего подъема и наибольшего сокращения массы средств обращения (с. 6). Здесь как раз доказательство того, как простое обращение не оказывает воздействия на цены, а потому также и на вексельный курс (там же).

27) Шотландские банки образуют своего рода резервуар для принятия мелких сумм капитала, рассеянных по стране, откуда они поступают в каналы торговли, способствуя таким образом промышленности, торговле, земледелию страны (с. 6).

28) Если вкладчик забирает из банка свои деньги, то он получает банкноты, которые поступают таким образом в обращение (там же).

29) Передача государственных бумаг, капиталов оказывает то же самое воздействие на улучшение вексельного курса, что и передача золота (с. 6).

LX. Бюш. Обращение денег [62]

I). 1) Деньги. Рабство. Отсутствие денег в Мексике и Перу. Ленная система. Меновая торговля (с. 27). (Тетрадь IV.) Неестественное возникновение промышленности при этом состоянии (там же).

2) При меновой торговле — вторичное превращение народа в кочующее племя (там же).

3) С введением денег — накопление продукта сверх потребностей, бóльшее разнообразие производства, всеобщая полезность всего (с. 27—28). Так вместе с ними положены зачатки *торговли* (с. 28). Всеобщая независимость от непосредственной индивидуальной потребности (там же). Любой доход превращается в *денежный доход*, любое *вознаграждение* [*Lohn*] — в *денежное вознаграждение* (с. 28).

3) * Обращение = переходу денег из одних рук в другие как вознаграждения за взаимные услуги (с. 28).

4) Без денег *разделение труда* очень ограничено (там же).

5) Без денег каждый может способствовать потребностям другого только вследствие *избытка собственных естественных благ* или путем непосредственных личных услуг. Отсюда — важность [денег] для *государства* (с. 28 и 29).

6) Определенные потребности порождают определенный труд; деньги — неограниченное трудолюбие (с. 29).

II). 1) Бюш против определения цен количеством денег, или денежным запасом. (Смотри весь раздел о стоимости денег.)

2) Деньги 1) *эквивалент* в каждом отдельном обмене, но 2) не *потребляются* ни при какой покупке, а всегда могут снова служить эквивалентом (с. 29). В качестве эквивалента при отдельно взятой купле они должны находиться в определенном соотношении с товаром, но как знак при повторяющемся неопределенное количество раз употреблении они с ним не соотносятся (с. 29).

3) Деньги — не товар в обычном смысле (там же).

4) Бюш в качестве основной причины указывает на то, что нет определенного отношения денег к потребностям и vice versa **; забывает об *издержках производства* (с. 29).

5) Деньги — единственный *знак*, который сам обладает *качеством* (там же).

---

* У Маркса начиная отсюда — ошибка в нумерации. *Ред.*

** — наоборот. *Ред.*

6) Деньги становятся *покупателем,* они появляются в тех руках, в каких захотят (с. 30).

7) *Денежный запас* и *стоимость денег* не определяют друг друга именно вследствие оборота (с. 30).

8) Предъявляемая к оплате *стоимость* в 100 000 тал. может быть измерена с помощью 100 [талеров, взятых] тысячу раз, 1000 тал.— сто раз, 10 000 тал.— 10 раз, 1 тал.— 100 000 раз. Таким образом, бессмысленно спрашивать, сколько талеров серебра требуется, чтобы измерить эту денежную стоимость (с. 30). Но если, например, в стране ее можно изготовить в данный момент в 10 различных местах $10 \times 100\,000$ тал., то необходим 1 000 000 тал.— при условии, что не происходит никаких переводов денежных сумм. У каждой страны имеется определенное количество платежей, которые должны быть совершены равномерно, и, следовательно, невозможно восполнить скоростью обращения денежный запас.

[34] 9) Изложение [того], каким образом могут возрастать масса труда и цены без необходимости прибегать к увеличению [количества] денег (с. 30, 31).

10) Их уравнение с *масштабом* (с. 31, 32). Польза больших масс денег (там же, также заключительное предложение во II).

11) Деньги — всеобщий *залог* буржуазного общества (с. 32).

12) Ликург[63], введя железные деньги, усложнил спартанцам *«сравнение стоимости вещей»* (с. 32).

Макута[64] у негров, идеальная единица стоимости (там же).

III. 1) Б. разделяет *оборот денег внутри страны* на 2 части, а) поскольку он обусловлен непосредственно буржуазными производственными отношениями, б) поскольку он обусловлен влиянием политических институтов (с. 32).

2) Для ускорения оборота денег внутри страны необходимо избавить людей от труда как непосредственного *источника* существования (как при примитивном земледелии) (с. 32).

3) *Природное богатство* и *художественные промыслы* возможны без вмешательства денег. 3-й вид богатства, *продукты* самого *обращения,* возникают только вместе с деньгами (с. 32).

4) Смотри о *вексельном курсе между* Парижем и Гамбургом во времена Французской революции, как и об *ассигнатах*[4] вообще (с. 32, 33). *Мандаты*[34] (там же).

IV. 1) Разнообразие классов и денежных систем (с. 33).

2) Солдат — сильное приводное колесо потребления внутри страны (с. 34).

VI. 1) Государственные долги, приносящие проценты частные долги, как и капитал вообще — продукт обращения (с. 34).

2) Важность внутреннего денежного обращения по сравнению с обращением международным. Польша (с. 35).

3) Деньги при *ленной системе* гораздо вреднее, чем меновая торговля. Ленная система полезна только там, где деньги совсем не в ходу или обращение очень слабо... Примеры из России... Ме-

новая торговля снова сделалась необходимой благодаря ленной системе (с. 35).

4) *Кредит. Ярмарки. Ярмарочный вексель в средние века*[65] (с. 35).

5) Кредит *наряду с плодами* капитала и земельной собственности вводит в обращение совокупный капитал, часто еще *до* срока. Пример — Шведский банк[66] (с. 36).

6) Как использование денег становится масштабом стоимости всей используемой собственности (с. 36).

7) О проценте и денежной массе (с. 36).

8) Ссуда капитала на основе недвижимости = покупке с условием новой покупки с возвратным платежом. В этой форме [существовала] также в средние века (с. 36).

9) Классификация Бюша: *возникновение денег, стоимость денег. Внутренний оборот денег.* (Государственные сделки.) *Международный оборот денег.*

LXI. Бюш.

Теоретико-практическое изложение торговли[67]

I. 1) Повышение [цены] *золота* во время войны между Францией и Англией (революционная война)[68] (с. 37).

2) О различии между бумагами и деньгами, несмотря на приказания суверенов. Решает прежде всего *вексельный курс* (с. 37).

3) Различные причины того, *почему дисконт* может быть высоким и низким, на историческом примере (с. 37). *Ажио* (там же).

4) Различные формы *векселей* (с. 37, 38). Вексель не что иное, как *мена,* или *обмен* долгами (с. 38).

5) Еще 50 лет назад купец рассматривал как наносящее его кредиту вред то обстоятельство, что он дисконтировал вексель (с. 38).

6) Дисконт кроется в вексельном курсе. Влияние того, что вексельный курс для векселей на длительный срок должен быть различным в обоих местах (с. 38).

[35] 7) *Махинации с векселями* (с. 38, 39).

8) *Вексельный курс* (с. 39). (Смотри там же пример с Гамбургом и Голландией.)

9) Английские *промышленные товары* лишь вследствие курса *сто́ят* для иностранца уже длительное время на 6—8% дороже номинала. Английский промышленник ничего не выигрывает, если немец за каждый ф. ст., который он перечисляет ему, должен переплачивать 5 или более % сверх номинала (с. 40).

10) *Вексельный курс* ни в коем случае не определяется только *оборотами двух стран,* а:

Во-первых. Некоторый отдельный *торговый пункт* или *страна* оплачивает другой стране не сделку, которую она преимущественно совершает, а *всю* ее *торговлю.* Так, например, Гамбург и Швеция.

Во-вторых. Часто бывает выгодно не пользоваться прямым курсом, *арбитражный счет.* Между странами, которые имеют несложные вексельные связи, курсы не зависят от торгового баланса между 2 и 2 странами.

В-третьих. Государственные денежные сделки (с. 40).

11) Сокровища в Дании, Швеции, Франции во время заварухи с бумажными деньгами.

12) Если торговый баланс неблагоприятен для страны, то даже при постоянной отправке [товаров] вексельный курс может оставаться на 6% ниже номинала, потому что наличные деньги всегда поступают слишком медленно, чтобы приблизить курс к номинальному. Исторические примеры (с. 41).

13) Банкиры и т. д. всегда выигрывают при падении [цены] бумажных денег и связанных с этим аферах вексельного курса (с. 41).

II. 1) Стоимость денег у каждого народа определяется не только *запасом,* но и самим обращением (с. 41).

2) Конкуренция в средние века церквей и монастырей с ростовщиками. Первые занимаются ростовщичеством, потому что [существуют] законы о ростовщичестве (с. 41).

3) *Денежные операции* — привилегия *чеканщиков монет* в старейших немецких городах (с. 41).

4) Высокий дисконт в Гамбурге в 1763 и 1798 г. вследствие совершенно различных причин [69] (см. с. 42).

5) *Бумажное столетие.* С 1695 по 1795 г. (с. 42, 43). О связи вексельного курса с бумажными деньгами (там же).

6) *Спекуляция на французском вексельном курсе в период ассигнатов* [4] (с. 43, 44). Как миллионы наличных денег притекали вследствие этой спекуляции во Францию? (с. 44).

LXII. Бюш.
Собрание сочинений по вопросам банков и монетного дела [70]

1) *Жиробанк* (депозитный банк) является, собственно говоря, только *общей* кассой города для торговцев, где начисляется и списывается с одних на других. Если он связан с государством, то он может много ему ссужать, не мешая обороту, который осуществляют купцы через банк. Ему нужно только незначительное количество выплат наличными. Меньше, чем эмиссионные банки, возвращает публике. Венеция, например. Позднее — Голландский банк (с. 23).

2) Даже в Париже за банкноты Ло[38] при обмене на наличные деньги платили вначале 1%. Первые защищены от изменений монетного стандарта (там же).

3) *Ажио* в случае, когда деньги жиробанков в сравнении с обычными деньгами. Деньги банка меньше изнашиваются, чем обычные. Также и при сравнении со всеми иностранными золотыми и серебряными монетами рассчитывается ажио (там же).

4) Деньги — *товар*. Истинно для оборота любого определенного, *особого сорта денег*, в особенности в сравнении с неизменяемыми деньгами жиробанка. Отдельная монета может подняться в стоимости выше ее содержания и номинальной стоимости (там же).

5) *Банкноты* могут упасть в цене, если монетный стандарт страны установил неправильную пропорцию золота и серебра (там же). Если банк переоценивает золото, [36] например, на 4 или 5%, по сравнению с тем, что иностранец должен заплатить за него дома, то для него и банкнота сто́ит на 4 или 5% меньше, так как она оплачивается золотом (там же). *Пример*. (Естественное влияние этого на вексельный курс) (там же).

6) Средство помочь пришедшему в упадок банку — уменьшить [металлическое] содержание монет или поднять их номинальную стоимость. Пример Швеции[71] (с. 23) (с. 24). Здесь — напрасные и неоднократные попытки *законодательного* определения *вексельного курса* (с. 23, 24).

7) *Различие* и даже *противоположность* между интересами *владельцев банков* и публикой, которая владеет *банкнотами* (с. 24).

8) Генуя — единственный эмиссионный банк, однажды действительно полностью опустошенный (с. 24).

9) Жиробанк необходим для всей страны, если по всей стране отраслевые банки находятся под общим управлением (с. 24).

10) Банк *Венеции*. Банк *Амстердама*. Здесь — умышленное различение между банковскими и обычными деньгами. Расписка. Изменяемость их ажио по требованию торговли (с. 24, 25).

11) Естественное и произвольное ажио (с. 25). Пример ажио банка Венеции. Ажио банковских денег по отношению к их собственной стоимости и расчетным банковским деньгам. Первое называется суперажио (с. 25).

12) Банк Роттердама (1635 г.) (с. 25). Своеобразное *ажио Гамбургского банка*. Противоположные обстоятельства, нежели в случае с Амстердамским банком. В последнем случае хорошие деньги, которые уже имеются в наличии, [получают] уменьшенную [оценку]; там же плохие, выпущенные позже, оценены правильно. К тому же — двойное ажио в сравнении с собственными монетами, хранящимися как депозиты, причем иначе обстоит дело при вкладах, нежели при изъятиях. Банк в Гамбурге учрежден в 1619 г. Как банк дошел до отделения банко-талеров от шпецисрейхсталеров[72]. Основное намерение банка — предотвратить подделку надежных имперских денег, которые попали в его депозиты. Как изнашивание денег вследствие обращения может в определенный период времени повлиять на депозит в 2 миллиона... Как раз тогда распространение фальшивых монет сделало ненадежными деньги по всей Германии. Теперь даже рейхсталер чеканится с различным содержанием [металла], самый тяжелый — в 540, самый легкий — лишь в 516 асов[73] (с. 26). Поэтому в качест-

ве среднего курса приняли рейхсталер в 528 асов (с. 47). Наконец, [банк] додумался до серебряного слитка (там же). Этот прием — использование серебряных слитков — понадобился, чтобы поднять стоимость гамбургского банко-талера, вопреки чеканке фальшивых монет, нарушениям установленного содержания монет при чеканке, износу (там же). Почему эта система слитков возникала лишь постепенно (там же). Гамбургский банк благодаря этим штучкам сумел обезопасить все свои сокровища, но ни один талер не был гарантирован от потери своей стоимости путем износа. Так и его банко-талер упал бы в цене при расчетах (с. 47).

13) Ажио между банковскими деньгами и золотой монетой (с. 47). Это ажио весьма изменчиво (с. 47, 48). Основное намерение жиробанка — *иметь* в своих депозитах *деньги неизменного содержания,* с которыми в любое время можно сравнивать стоимость всех других видов денег, даже золотых (с. 48).

14) Банко-талер неосязаем, невидим. Он *«прячется»,* как затаившийся ростовщик, в *серебряном слитке* (с. 48). Марка банко[74] — это лишь другая форма денежного фонда, пока она значится в банковских книгах. Если этот фонд изымут, он перестанет быть банко-деньгами (там же).

15) Первоначально все жиробанки формировали свои депозиты из особо грубого сорта монет (с. 48).

16) Судьба Гамбургского банка. Многократное закрытие его кассы (с. 48, 49). Те же неопределенность и скандал, что и в эмиссионном банке (с. 49).

17) Почему эмиссионный банк получает *проценты* не только от казны, но и от тех, кому он дает взаймы свои бумаги, в то время как эти бумаги не приносят процентов. Так банк дважды получает проценты на свой капитал. Он также начисляет проценты на капитал, полученный им бесплатно. Наконец, он берет проценты с бумаг, которые совсем не обеспечены капиталом (с. 50).

18) *Банк Стокгольма* (с. 50). (1668 г.) Подражание Ло[38] (там же). Некоторое время под управлением выборных представителей от сословий (с. 54). Транспортные бумаги (там же). Попытки декретировать вексельный курс (с. 8, тетрадь V). Выдача ссуд под залог недвижимого имущества, чтобы положить конец ростовщичеству. Тем самым — задолженность и расточительство дворянства (с. 8. Тетрадь V). Контракты с иностранными банкирами, чтобы искусственно поддерживать вексельный курс (там же). (Эмиссионный банк.)

19) *Копенгагенский банк.* (Эмиссионный банк. Основан в 1737 г.) Прибыль его акционеров от махинаций с чеканкой монет (с. 9, т. V). В 1771 г. его акции имели 3-кратную стоимость вклада, хотя курс банкнот был на 5% ниже их номинальной стоимости (с. 9, т. V). Правительство стремится поддержать курс также путем покупки своих векселей на иностранных биржах (Альтона и Гамбург) (там же). Ажио между наличными деньгами и банкнотами вследствие вексельного курса (с. 10). [...][75]

[41] То, чем каждый отдельный индивид владеет в деньгах, есть всеобщая *способность обмена,* благодаря чему он по собственному усмотрению определяет свое участие в общественных продуктах. Каждый индивид обладает *общественной* властью — в своем *кармане,* в форме вещи. Лишите вещь этой общественной власти, и вы должны будете предоставить эту власть над человеком непосредственно человеку. Без денег, таким образом, невозможно промышленное развитие.

Связи должны быть организованы как политические, религиозные и т. д., пока власть денег не является nexus rerum et hominum * (с. 34).

LXIX. Альфред (и т. д.) [76]

1) Металлическое обращение не обладает естественной эластичностью, которая нужна торговому сообществу (V, 21).

2) Местные бумаги имеют мало общего с государственными монетами, в основном только представляют банкноты Английского банка (с. 21, 22, V).

3) Деньги различных *классов достоинства* регулируются поразному. *Медные деньги* обращаются в 12 раз больше, чем *серебряные деньги* на ту же сумму (потому что распределены среди гораздо большего числа людей и обращаются с целью удовлетворения повседневных потребностей). *Шиллинг* в 20 раз чаще поменяет хозяина, чем соверен. Таким образом, в *обратном отношении к их стоимости находится в повседневном обращении скорость обращения* монет. Обратный *закон господствует в более высоком мире торговцев.* Крупные ликвидации балансов производятся при помощи бумажных денег более высокого достоинства. Так, бумаги на 20 млн. могут сделать тысячу оборотов, причем не будет ни малейшей нужды в увеличении их запаса для поддержания номинальной стоимости коммерческого товарообмена. Поэтому *депозиты* не выполняют функций денег и не имеют ничего общего с количеством средств обращения (V, 22).

LXX. Бейли. (Деньги и изменения их стоимости) [77]

1) Деньги α) *всеобщий товар,* которым всякий торгует с целью добыть другие товары. β) Они — всеобщий *товар контрактов.* γ) *Мера стоимости* (V, 22). О требовании денег (там же).

2) Для *меры стоимости* безразлично, что *стоимость денег постоянно изменяется.* При помощи изменяющегося мерила два различных отношения к одному и тому же мерилу могут быть всегда выражены так же хорошо, как и при помощи неизменного (там же и с. 23).

---

* — связью вещей и людей. *Ред.*

Стоимость есть командование *количества,* поэтому как единица измерения стоимости должно быть использовано *определенное количество* однородных товаров; стоимость этого количества может меняться, оно само должно быть неизменным, например, унция золота (с. 23, там же).

3) Различные причины изменения цен. Исходя из изменения в самих деньгах или в товарах (там же).

4) *Причины изменения стоимости благородных металлов, а потому и металлических денег.*

Изменение спроса на благородные металлы. Изменение в их предложении. Спрос растет, когда требуется больше благородных металлов непосредственно для *производства или* для употребления в качестве *монеты. Причины,* которые вызывают увеличение спроса на благородные металлы для [чеканки] *монет: Возросшие запасы* (по разным причинам). *Возросшее население* (здесь не поможет просто скорость обращения, каждый индивид должен что-либо иметь). *Уменьшение спроса* вызывается противоположными причинами (с. 23). Особенно здесь важны *бумажные деньги. Предложение благородных металлов растет* или *падает* вследствие изменения *в производительности рудников, износа,* наконец, *вследствие изменения в соответственной количественной доле различных стран в* [*запасах*] *благородных металлов, относительной плотности населения стран, замены металлом бумажных денег и наоборот* (пример отмены банкнот достоинством ниже 5 ф. ст. в Англии), *вследствие изменения в относительной производительной силе страны* (с. 24). [42] Разница, увеличивается ли в стране количество денег ввиду *роста ее населения* или ввиду увеличения ее *производительной силы* (с. 25).

5) *Причины изменения стоимости бумажных денег.*

Стоимость *обратимых бумажных денег* зависит от *стоимости металлических денег. Необратимые бумажные деньги* могут сохранять паритет с металлом, если они выпущены в *количестве ранее обратимых бумажных денег* и если не возникает *чрезвычайного спроса на благородные металлы.* Англия. Северная Америка. Если выпущено слишком много бумажных денег, то возрастают цены товаров, а следовательно, также и слитка. Монета и бумажные деньги падают [в цене] относительно слитка. Поэтому их превращают в слиток. Если выпускают еще больше бумажных денег, золото исчезает. Кроме *количественных* изменений, на стоимость бумажных денег воздействует *доверие* и *недоверие.* Пример — Соединенные Штаты (с. 25, 26). Обесценение, когда оно происходит в силу последних причин, не знает границ (там же).

6) *Воздействие изменения стоимости металлических денег на промышленность страны.*

Деньги облегчают обмен. Более легкий обмен = увеличению производства. *Увеличение количества денег до известного пункта* [способствует] *легкости обмена.* При слишком малом количестве денег может быть омертвлено много капитала и труда. Так, при-

ток благородных металлов может действовать производительно, хотя капитал и число рабочих страны остаются прежними (ср. там же). Пример Пенсильвании. *Увеличение количества самих металлических денег полезно в странах, которые уже имеют достаточно опыта с металлами.* Увеличение ввоза благородных металлов = увеличению вывоза других товаров = увеличению производства. Наконец, разумеется, общее повышение *цен.* Между тем снова задерживается [производство] товаров, а потому и рост цен. Покупатель может способствовать росту производства товаров, не повышая цены на них. Во-первых, разделение труда и применение машин при повышенном спросе может увеличиваться. Во-вторых, приводится в движение не занятый капитал и труд. Во время *этого процесса вплоть до всеобщего повышения цен* стимулируется промышленность. Каждое повышение цен идет на пользу одним классам общества и наносит вред другим, изменяет *распределение богатства.* Выгода от *повышения цен* — главным образом, для *промышленных капиталистов,* в отличие от капиталистов, которые живут на *ренту, аннуитет, фиксированный доход, проценты.* Это большой стимул для промышленности. Для *рабочего класса* — вредно, до тех пор пока не возрастет, наконец, его *заработная плата.* Но опять-таки, вызывает *спекуляцию,* которая может завершиться *кризисом.* Полезна *должникам* против *кредиторов.*

Падение цен из-за уменьшения благородных металлов действует в *противоположном направлении,* но гораздо *интенсивнее.* Так как теряет в этом случае промышленный капиталист, а остальные выигрывают не столько, сколько составляет его потеря. Пример лендлорда и фермера. Безусловно, теряет также *рабочий.* Больше всего выигрывает *получатель ежегодной фиксированной ренты. Приток благородных металлов* может быть следствием процветания, а не его причиной (с. 26—29).

7) *Воздействие расширения и сокращения количества бумажных денег на промышленность страны.*

В условиях чисто *металлической денежной системы* банкиры и другие содействовали бы миру коммерции своим кредитом на *более длительный срок* и *менее значительными суммами...* Увеличение долгов, особенно государственного долга из-за возобновления наличных платежей в Англии (с. 29).

8) *Воздействие изменения стоимости денег на денежные контракты.* Это важнейшее воздействие заключается в повышении и падении стоимости денег. Во всех денежных контрактах дело идет о *количестве* одалживаемого золота и серебра, а не о *стоимости* (с. 30).

9) *Об акционерных банках.* Соотношение банкнот и наличных денег, которые авансируются местными банкирами; последних в 10, 15, 20 раз больше, чем первых. Для большинства провинциальных банков очень значительную часть их операций представляют собой платежи и прием платежей в Лондоне. Провинциаль-

ный банкир рассчитывается золотом и банкнотами Английского банка как дома, так и в Лондоне. Если в последнем золото становится редкостью, то он посылает его туда из провинции (с. 30, 31).

10) Против Английского банка. Свободная конкуренция других банков, а не случайный спрос многих индивидов, должна служить ограничением (с. 31).

[43] LXXI. Томас Джоплин. (Рассмотрение отчета комитета по исследованию акционерных банков) [78]

1) Как путем переучета векселей и операций провинциальных банков вообще могут быть распределены деньги в соответствии с потребностью между различными частями страны. Система ссуд (с. 31).

2) Обращение банкира зависит не от количества банкнот, которые он выпускает, а от того количества, которое [остается] во вне (с. 31).

3) *Кризис 1825 года.* Воздействие *притока золота и серебра на процентную ставку* [79] (с. 32).

4) *Спрос на деньги в обычное время прямо противоположен спросу на деньги во время паники,* в первом случае — привнесение их *в обращение,* во втором — *изъятие* из него и *образование запаса.* Пример кризиса 1825 года. Избыточные ценные бумаги, выпущенные в такие времена, затем сами по себе притекают обратно. Во время паники необходимо в 2 раза больше денег, чтобы осуществлять те же самые сделки и по тем же самым ценам, что и раньше. Поэтому банк определенно может удовлетворять такой чрезвычайный спрос на средства обращения. Пример — *наплыв требований в банк в 1832 году. О'Коннел. Турецкая война* [80] (с. 32, 33).

5) Английский банк проводит свою эмиссию с учетом вексельного курса, но вексельный курс задан через спрос на золото; предполагается, что если спрос на него больше, чем это нужно для обычных целей, то это [требуется] для вывоза. Но это не имеет смысла, если внутренний спрос вызван паникой, политическими причинами и т. д. (с. 33).

LXXII. Самюэл Дж. Лойд. (Размышления и т. д.) [81]

1) Операции банка как *регулятора средств обращения* должны быть отделены от его операций как *обычного банковского учреждения* (с. 34).

2) Количество средств обращения должно изменяться, как если бы оно было чисто металлическим (там же).

3) Количество средств обращения должно было бы определяться непосредственно изменениями количества слитков (с. 34).

4) Доказательство того, что сам банк действует против провозглашенных им вечных принципов, и количество слитков уменьшается, в то время как обращение и депозиты увеличиваются (с. 34, 35). (1836 г.) [82]

5) Изменение количества слитков является доказательством слишком большого повышения цен или неблагоприятного вексельного курса. Ему должно соответствовать сокращение банковского обращения... (с. 35. Смотри там же последующее).

6) Эмиссионный банк должен быть отделен от депозитного и учетного банков (там же).

7) Различные фазы торгового цикла. Отношение к этому банкиров (с. 38).

LXXIII. Уильям Клей.

(Полемика с акционерными банками; только государство должно выпускать бумажные деньги) (с. 36) [83].

LXXIV. Уильям Хэмпсон Моррисон [84]

1) Следствия *перечеканки серебряных монет* в 1699 г. при Уильяме III [85] и завышенной оценки стоимости золота по сравнению с серебром. Отток серебра до 1717 года [86]. Здесь также золото оценено еще до некоторой степени слишком высоко (с. 36).

2) *При Георге III* в 1774 г. серебро — официальное платежное средство только для *25 ф. ст.* Теперь банк выплачивал по закону уже больше золотом (с. 36).

3) *Система лорда Ливерпуля* (с. 37). Серебро и медь сделаны чисто представительными монетами (там же).

4) *Защита двойного стандарта* лордом Ашбертоном (с. 37).

5) Свидетельство *Муше,* согласно которому монеты используются только с выгодой для Английского банка, вместо того чтобы использоваться к выгоде публики (с. 37 и 42).

---

[44] LXXV. Т. Джоплин. (Рассмотрение закона сэра Р. Пиля и т. д.) [87]

[1)] Выводит регулярные кризисы из внезапной нехватки капитала на лондонском денежном рынке (с. 38). А именно, когда вексельный курс не в пользу Англии (там же).

2) По счастью, Английский банк никогда не действовал согласно своему принципу: расширять или сокращать выпуск ценных бумаг в зависимости от экспорта и импорта слитков. Если импортированный слиток куплен на его банкноты, он выкупает эти банкноты, продавая казначейские билеты или другие ценные

бумаги. Если слиток экспортируется и он получает взамен свои банкноты, он снова пускает их в оборот, покупая казначейские билеты и другие ценные бумаги. Отток слитков составил в известный период *10* млн. Банк никогда не мог сократить свою эмиссию до *2* млн., не вызвав такой паники, что он вынужден был бы вновь расширить свою эмиссию (с. 39).

3) Акт Роберта Пиля [12] (с. 39).

4) Примеры 1825, 1834, 1836—1838, 1839, 1840 гг. [88] (с. 39).

5) Господин *Лойд* доказывает свою теорию только на практическом примере 1830 и 1832 гг. Анализ и опровержение этой единственной исторической иллюстрации (с. 39, 40).

6) Подлинный уровень средств обращения должен быть таков, чтобы свести торговлю с другими странами к балансу товаров (с. 40).

7) По Туку, повышение цен, которое вызывает спрос на увеличение средств обращения, предотвратило бы удовлетворение спроса, и высокие цены можно было бы поддерживать без денег (с. 40).

8) Нехватка денег во время паники реальна. Объяснение этого. *Вклады* есть обращение. Обращение в Лондоне почти исключительно состоит из вкладов в руках банкиров (с. 41 и 38).

LXXVI. С. Д. Лойд. (Дальнейшие размышления и т. д.) [89]

1) Положение банка с июня 1836 по 14 декабря 1837 г. (с. 42). Обратное соотношение слитков и ценных бумаг (там же).

2) Самообеспечивающая гарантия при металлических деньгах. При бумажных деньгах должна быть заменена искусственной регуляцией (с. 42).

3) Об этой регуляции смотри с. 43.

LXXVII. Дэвид Саломонс [90]

Английский банк повлиял на американский кризис 1836 года [91] (с. 43).

LXXIX. Джордж Уорд Норман [92]

1) *Сводка данных о вывозе и ввозе золота* в Англию в 1819—1837 годах (с. 44).

2) *Процент* мог бы существовать без денег, даже если бы весь обмен осуществлялся путем меновой торговли. Действие средств обращения на процент является лишь преходящим (с. 44). Ставка процента очень высока в период банковских рестрикций, когда вследствие эмиссии средства обращения обесценивались, напротив, затем она быстро снижалась, когда банковская эмиссия сократилась. Смотри дальнейшие примеры (с. 45).

3) Единственным показателем достаточности или недостаточности средств обращения является обмен (там же).

4) Различные предложения по поводу средств обращения (там же).

5) Бумаги Английского банка, вследствие больших сумм, которые ему задолжало государство, являются правительственными бумагами, с точки зрения их надежности (с. 45).

6) Неблагоприятный вексельный курс может быть связан с уменьшением вкладов, благоприятный — с увеличением вкладов, а не с сокращением или увеличением обращения (с. 46).

[45] LXXX [a]. Г. Ч. Кэри[93]

1) *Кредит* основан на взаимном *доверии*. Рост доверия проявляется в принятии всех операций, которые облегчают перечисления и потому способствуют росту производительности труда (V, 46).

2) *Облегчение обмена = уменьшению доли индивидов,* занятых *осуществлением обмена, в совокупном их числе*. Различные ступени этой пропорции. *Первая ступень*. Детство общества. Каждый продавец собирает свой собственный товар, доставляет его на большой рынок, сам возвращается с выручкой назад и т. д. (Восток. *Ярмарки* более или менее еще до сих пор [не утратили своего значения].) *Вторая ступень*. Различные продавцы объединяются, чтобы вверить свою собственность третьему лицу; значительная собственность в одном караване или на одном корабле в руках лиц, которые не являются их собственниками. *Третья ступень*. Весь перевозимый груз на попечении отдельного лица и т. д. *Четвертая ступень*. Торговец одного города отдает всю свою собственность для продажи в руки торговца другого города с распоряжением купить на выручку необходимые товары. *Англо-американская система* (с. 46).

3) Так как обществу с осуществлением каждого из этих шагов можно затрачивать меньше труда на совершение обмена, оно больше занимается непосредственно земледелием или производством товаров (там же). Таким образом, труд становится производительнее (там же).

4) Чем менее развиты связи, тем *большее количество денег* необходимо для совершения *небольшого количества* обменов. Как много повозок требуется при плохих дорогах, чтобы перевезти небольшое количество товаров. Пример — 1 гинея в разных местах. С ростом населения, капитала и доверия — постоянный рост производства без соответствующего роста количества средств обращения. Постоянное уменьшение соотношения количества средств обращения и объема производства (с. 47).

5) О кредите в Индии (с. 47).

6) *Франция. а)* Средств обращения на 60% больше, чем нужно для производства[94]. Подобно тому, как одни неохотно отдают

свой товар в кредит, так другие — свой капитал для образования банков. Так, очень действенным является принцип образования запасов (с. 47). *b)* Займы только *с высокими процентами.* (Вытекает из того, что там, где обращается, в сравнении с производством, относительно много наличных денег, процент *высок,* а не низок, вопреки общественному предрассудку.) Чем ниже мы спускаемся по общественной лестнице, тем выше поднимается процент (с. 47). *c)* Так, труд требует золота и серебра, чтобы выплачивать заработную плату, верит в них (там же). *d)* Тот же самый недостаток доверия господствует в торговле. Отсюда — надувательство во внешней торговле. Отсюда — *вмешательство законодательства* и *правительства* в торговые операции. (Проверка чиновниками торговых книг, поручительство за *честность и честь* биржевых брокеров, адвокатов, нотариусов и т. д., и т. п.) Такие поручительства приводят к изъятию мелких капиталов из страны и дают *крупным капиталистам возможность обогащаться* (с. 48). *e)* Количество обменов во Франции мало, основная масса населения трудится для непосредственного обеспечения своего существования. Тем не менее весьма значительно *отношение банкротов к общему числу обменов* (с. 48).

7) *Англия.* Доверие доказано тем, что ставка процента, выплачиваемая государством общественным фондам, не очень отличается от ставки процента, оплачиваемой частными лицами капиталистам. Во Франции эта разница очень велика (с. 48, 49).

8. *Соединенные Штаты Северной Америки.*

a) Нигде кредит не является столь большим и не носит столь личного характера (с. 49).

b) Банками отдаленных западных штатов руководят банки Бостона, Нью-Йорка и Филадельфии (с. 49).

b) Разделение труда, по мере роста населения и капитала, отделяет *торговлю деньгами от других видов торговли.* Это отделение не выгодно, если оно происходит слишком рано (например, в новом поселении). Это — причина разорения большой части американских банков. *Определенное число (пропорция) заимодавцев* и *должников* является необходимой предпосылкой учреждения банка (с. 49).

c) Интересная *таблица* отношения средств обращения, а также монет к совокупному производству Франции, Англии, Соединенных Штатов, Новой Англии (с. 50).

9) *Бумажные деньги* не только сберегают *монеты, собственник* приведенного в движение капитала получает процент, а *тот, кто использует этот капитал,*— прибыль и умножает количество товаров (с. 50).

[46]10) Большой процент, получаемый *владельцами Английского банка,* тогда как их собственный капитал давно одолжен правительству. Владельцы реального капитала, вкладчики, ничего не получают. В *Новой Англии* не остается без употребления почти никакая часть капитала. В *Шотландии* — система *процентов* на

вклады. В *Новой Англии* вместо вкладов покупается капитал и система дивидендов. Примеры банков в *Портсмуте, Нью-Гемпшире и Массачусетсе* (с. 50, 51).

11) Отличная организация бывшего *банка Соединенных Штатов* (с. 51).

12) Чем совершеннее свобода в применении капитала, тем меньше последний обнаруживает тенденцию накапливаться в форме золота и серебра или в форме вкладов, которые не приносят их владельцу дохода (с. 52).

13) В то же время *рост производительности* труда [порождает] тенденцию к *уменьшению отношения средств обращения к производству,* одновременно — *уменьшение отношения наличных монет к совокупному обращению* (с. 52).

14) *Сокращение средств обращения по сравнению с обменом* сопровождается *увеличением восприимчивости к обмену* и поэтому возрастающей стабильностью действий (с. 52).

LXXX [b]. The Economist. (1847 г.) [95]

1) Сравнение 18 сентября 1846 г. и 5 апреля 1847 г. показывает, что авансы банка увеличились на 6 миллионов, напротив, его золотой запас в слитках в то же время уменьшился. Поэтому публика во время этого периода требовала от него *капитала,* т. е. *золота в слитках,* а не *средств обращения* (с. 52).

2) Количество средств обращения, необходимое для страны, зависит не от *массы товаров,* а от *скорости их обмена.* Средство обращения не может изменить внутренней стоимости товаров, его количество контролируется товарами, обмен которых оно представляет (там же).

3) Для облегчения *меновой торговли,* во-первых, один товар делается *стандартом,* в котором выражается стоимость всех других товаров, во-вторых, их *стандарт* становится средством обмена и, в-третьих, производится чеканка монет (там же).

4) Золото и серебро в качестве денег применяются как сугубо непроизводительная часть капитала, с тем чтобы остающуюся часть сделать более производительной (там же).

5) *Обращение чисто металлического средства обращения. Предполагается депозитный банк, который одновременно является ссудным банком,* это предполагается специально для Английского банка (с. 52—55). (Если не предполагают, как это имеет место здесь, существования депозитных банков, подобных Английскому банку, то остаются отдельные запасы частных лиц, в отношении которых равным образом предполагается то же, что в вышеуказанном предположении было допущено применительно к депозитам.)

В отношении данного хода изложения заметить:

Nb *a)* Вклады банка меняются в том же отношении, в каком увеличивается или уменьшается незанятый капитал общества (с. 52).

Nb *b)* Слиток ввозится только тогда, когда запасы всех других товаров велики и их относительные цены таковы, что они не компенсируют ввоз в страну, куда ввозится слиток [с. 52, 53]. (Не годится для стран, которым, как, например, Англии, ничего не требуется ввозить сверх определенного количества.)

Nb *c)* Купец, импортирующий слиток, помещает его в Английский банк, так же как купец, импортирующий шерсть, определяет ее на лондонский склад (с. 53).

Nb *d)* Увеличение вкладов в банке доказывает всеобщий избыток капитала, их уменьшение — обратное (там же).

Nb *e)* Экспорт золота доказывает острую нехватку и высокую цену всех других товаров. (Ошибочно. Доказательство — вывоз золота из Англии в 1810, 1811 гг. и т. д.) (там же).

Nb *f)* Цена золота во всех странах настолько одинакова, что оно редко становится предметом торговли между народами, применяясь лишь в качестве средства для сведения баланса обмена другими товарами (там же).

[49] Nb *g)* Вклады в банке совершенно отличны от средства обращения, монет, находящихся в обращении, над которыми банк не осуществляет непосредственного контроля. Банк не может сократить обращение сверх необходимых пределов, иначе индивиды будут трассировать на свои вклады у банкиров или в банке. Он не может расширить его сверх того количества, которое необходимо для совершения массы сделок. Тем временем, если слитки, т. е. вклады стекаются в банк, товары очень дешевы = избыточны, следовательно, растущий спрос на них. Банк снизит свой дисконт и таким образом увеличит общую массу сделок. Торговля расширяется, как и необходимое для ее ведения обращение (с. 53).

Nb *h)* Предположим *отток золота,* совпадающий с уменьшением *оборотного капитала.* Если банк понизит ставку процента и учтет больше векселей, он уменьшит *резервный запас слитков* и монет, допустим, до одной трети своих вкладов. Теперь, несмотря на отток золота, дисконт никогда не повысится, спрос на золото по-прежнему существует, например из-за импорта зерна. Но высокий процент и давление в торговле воздействуют теперь на *вклады,* которые состоят из резервных вкладов банкиров и частных лиц. Чем больше уменьшаются вклады, тем больше сокращается золотой резерв банка. Поэтому он сокращает прием дисконтируемых векселей. Дальнейшее сокращение вкладов. Дальнейшее уменьшение количества учтенных векселей. Обращение, столь сократившееся вследствие уменьшения дисконта векселей, заменяется вкладами, которые теперь дисконтируют. Но при допущенных условиях — высокие цены на сырье, снизившийся спрос на товары, уменьшение общей массы сделок, следовательно, обращения. Часть [средств] обращения, ставших свободными, исполь-

зуется для оплаты зерна и других импортируемых товаров. Таким образом, обращение затрагивается в самую последнюю очередь и только в исключительных, экстремальных случаях. При неблагоприятном вексельном курсе, который *сократил резерв банка только до самого необходимого уровня по отношению к депозитам,* а затем привел к полному прекращению [вексельных операций], мог бы иметь место заметный экспорт слитка без нарушения сделок или заметного сокращения средств обращения (с. 53, 54).

Nb *i)* Таким образом, следствие *притока слитков:* 1) увеличение вкладов и, следовательно, резервного золотого запаса. 2) Расширение выпуска ценных бумаг и, если бы не было необходимости в дисконте, ссуды капитала по низкой норме процента. 3) Низкий процент, увеличение объема сделок, расширение обращения. Следствия при *экспорте слитков:* 1) Выпуск банкнот под резерв монет и слитков, который имеется сверх необходимой суммы, путем дисконта векселей. 2) Сокращение вкладов, соответственно уменьшение числа ценных бумаг и сокращение монет на руках; 3) Как следствие этих и других мер — сужение торговли и уменьшение обращения (с. 55, ср. таблицы на с. 52, 53).

6) Плохая система *Гамбургского банка.* Более значительные, чем где-либо, изменения ставки процента (с. 55). Система *Французского банка* (там же). *Русские средства обращения* (с. 56) (там же).

7) Пресловутые сделки русского правительства при покупке французских и английских акций. *Шотландская банковская система* (там же). Экономия Англии благодаря ее системе бумаг (там же). Предложение о выпуске однофунтовых банкнот (с. 57).

8) В 1841—44 гг. много слитков в подвалах банка, никакого расширения средств обращения (с. 58).

9) *Ставка процента,* а также *вывоз и ввоз слитков* в зависимости от *ставки процента и цен.* Пример 1839—40 и 1841—43 гг. (с. 58, 59). Расширение обращения очень незначительно по сравнению с увеличением золотого запаса (с. 59).

[50] (В отношении примера из «Economist» о влиянии притока и утечки слитков в условиях чисто металлического обращения (см. Nb h и i) следует заметить: он допускает, что во 2-м периоде утечки, когда банк повышает дисконт, сокращает количество учитываемых векселей и, таким образом, возникает давление на его вклады, часть этих вкладов переводится в виде слитка за границу, другая часть заполняет вакуум во внутреннем обращении, возникший из-за недостаточности выдаваемых банком ссуд. Однако, точно так же, как журнал по праву допускает в последнем периоде высвобождение части средств обращения вследствие уменьшения числа сделок и возможность утечки их за границу в форме слитков с целью погашения имеющейся там задолженности, равным образом он должен допустить и то, что одновременно, непосредственно в период давления на вклады, возникает потребность в *большем* количестве средств обращения, потому что — вследст-

вие ограниченного кредита — те же самые деньги не обращаются больше так быстро, следовательно, их требуется больше, чтобы заключить то же самое количество сделок. Так возникает подлинная нехватка денег, или денежный кризис.)

[47] 10) Обратимые банкноты не могут выпускаться в избытке, однако векселя, по всей видимости, могут. Как же можно допустить обращение векселей (банкнот), *подлежащих оплате в отдаленном будущем,* тогда как все его банкноты *подлежат оплате по предъявлению?* (с. 59).

11) О способе обращения и быстрого возвращения от народа (рабочих) к банкиру однофунтовых банкнот. От банкира к промышленнику, от него к рабочему, от него к лавочнику, от него назад к банкиру (с. 59).

12) Вопрос заключается в том, является ли, как считает «Economist», выпуск однофунтовых банкнот *простым перемещением золота и серебра?*

13) Выпущенные банкирами банкноты не $= {}^1/_{10}$ их вкладов. 30 миллионов депозитов в Шотландии, 3 миллиона банкнот в обращении. Почему банкиры не верят в свои банкноты, если им доверены вклады? В Шотландии частные банкиры мало-помалу вытесняются акционерными банками. Нигде банкноты так быстро не возвращаются назад, как в Шотландии, потому что за вклады выплачивается процент, к тому же каждую неделю банкиры 2 раза обмениваются между собой банкнотами и оплачивают баланс золотом или банкнотами Английского банка, или векселем, подлежащим оплате по предъявлению в Лондоне (с. 60).

14) Почему, желая заменить золото бумажным обращением, не отменить, согласно плану Рикардо, монетную систему и не сделать банкноты подлежащими оплате только в золотых слитках, но для сумм, составляющих по меньшей мере 200, 300 или 500 ф. ст.? Тогда золото можно будет использовать лишь для экспорта или ювелирного дела и т. д. Таким путем стоимость банкнот поддерживалась бы столь же надежно, как и при полной обратимости. Если бы стоимость бумаг хоть в малейшей степени понизилась по сравнению с золотом, то торговцы слитками обратились бы в Английский банк и восстановили равновесие. Принцип обратимости нарушен уже тем, что банкноты Английского банка являются законным платежным средством для провинциальных банкнот, план Рикардо проведен до 1819 г.[96] Без результата. Потому что Английский банк путем сокращения выпуска своих бумаг удерживает их стоимость и торговый баланс на благоприятном уровне. Слитковый план действовал бы вообще только в условиях неблагоприятного вексельного курса (с. 60).

Этот план провинциального банкира в «Economist» обобщен для *революционного национального банка.* Золото — только для внешней торговли, а также [для выравнивания] колебаний [цены] золота и серебра. Так посредством этой концентрации национальный банк в то же время [осуществляет] непосредственно то руко-

водство внешней торговлей, которое Английский банк и крупные банки в Нью-Йорке [осуществляют] сейчас косвенно.

15) В то время как Алисон и др. выступают за расширение средств обращения, практика постоянно их лимитирует (с. 61).

16) Акт 1844 г.[12] должен дать самодействующий принцип для регулирования средств обращения. Он дает это только для сделок между эмиссионным и банковским департаментами, а не между банковским департаментом и публикой, которой это, собственно, и касается. В нем определена лишь пропорция резервного запаса слитков и выпускаемых банкнот; напротив, директора сами определяют пропорцию к вкладам.

17) В 1847 г., во время кризиса, в той же мере, в какой поднялся дисконт, денежный рынок стал испытывать дефицит, поднялся вексельный курс. Причины такого действия (с. 61, 62).

18) Только на опыте кризиса 1825 г. пришли к выводу, что в банковском деле все зависит от быстрой обратимости ценных бумаг (с. 62). Тот же самый принцип обнаружился в отношении коммерческих бумаг в 1847 г. (с. 62, 63).

19) «Economist» так высказывается против необратимых бумаг. Нам всегда нужен *стандарт,* металлический стандарт. Т. е. стандарт должен быть представлен товаром, имеющим собственную стоимость, следовательно, металлом. Теперь соответствие обоих средств обращения возможно *только* при наличии их обратимости. *Неверно.* [48] Стандартом может быть золото, при том что ни один гран золота не находится в обращении и банкноты необратимы. Соответствие [между ними] сохраняется 1) благодаря обратному притоку выпущенных банкнот, который и сейчас является главным средством поддержания их стоимости. 2) В качестве препятствия достаточно ввести слитковую обратимость для крупных сумм, действующих во внешней торговле. Если банкноты упали ниже цены золота, то падает вексельный курс, следовательно, будут поступать банкноты для обмена их на слитки и отсылки последних [за границу]. Тем самым восстанавливается правильное соотношение банкнот.

20) *Бирмингемская школа. Лига борьбы за закон против золота*[97] (с. 63). То, что «Economist» приводит против бумаг налогового обложения, правильно только тогда, когда банк не является одновременно торговым банком (там же). (А именно, не существует никакой пропорции между налогами и суммой средств обращения, которая необходима стране для торговли.)

21) *Отношение капитала и средств обращения* (с. 63, 64). Воздействие банковской рестрикции в 1797—1815 гг.[10] на положение рабочих (там же).

22) Об *основном и оборотном капитале.* (Тетрадь VI, с. 1, 2).

23) Появление вексельных брокеров (с. 2, 3). (Тетрадь VI) (перемещение капитала из одних районов страны в другие посредством Ломбард-стрит[98], как раньше от одних лиц к другим — посредством банкира.) (Новая практика авансирования под транс-

портные накладные повсеместно только в последние 25 лет) (векселя, отсроченные до времени будущего урожая в отдаленных колониях).

24) С апреля 1846 г. по 1847 г. утечка векселей и неблагоприятный вексельный курс совпали с ростом обращения. Лойд, Торренс исходят из предпосылки, что все слитки в стране используются в качестве средства обращения (с. 4) (тетрадь VI).

25) Цены и обращение всегда находятся на самом низком уровне, после того как устранена основная причина и обмен снова благоприятен. Так — в 1839 и в 1847 годах (с. 5, тетрадь VI).

26) Несоответствие между *ставкой процента* и *ссудным капиталом,* с одной стороны, и *величиной обращения,* с другой (с. 5, 6).

27) *Банкноты* составляют a) часть регулярного обращения страны; b) простые средства, посредством которых банки авансируют капитал; c) средства, посредством которых вклады переводятся из одного банка в другой. Эдинбургский банк. Платежи по всей стране по срокам приурочены к маю и к ноябрю. Периодическая выплата дивидендов в Лондоне (с. 6, 7, 8).

LXXXI. «Economist». 1844 г.

1) Необходим *один единственный* стандарт, потому что золото и серебро [не обладают] неизменной относительной стоимостью по отношению друг к другу, но золото имеет таковую лишь по отношению к самому себе и каждая отдельная золотая монета по отношению к другой (VI, с. 8). Но стандарт должен быть единообразным и неизменным (там же).

2) Фунт стерлингов есть не что иное, как счетное наименование, имеющее отношение к данному определенному количеству золота стандартного качества (с. 8).

3) Утечка *1825—1826 гг.* [обусловила] по большей части потребность в замене соверенами однофунтовых банкнот банкротов и дискредитированных провинциальных банков; утечка *1836—37 гг.* совпала с американским кризисом; утечки *1818, 1838* и *1839 гг.* были обусловлены внезапным импортом зерна, их интенсивность и продолжительность в зависимости от количества необходимого зерна (ср. VI, с. 9, 10).

[50] 3) Своеобразие состоит в том, что именно импорт *зерна* обусловливает утечку слитков и усиливает затруднения.

4) Действие принудительного *сокращения* средств обращения с июня по январь 1839 года (с. 10).

5) В *1839, 1840, 1841 и 1842 гг.* две причины вызывали постоянное снижение цен на промышленную продукцию: *дорогие продукты питания* и *сокращение средств обращения.* Первая уменьшала спрос, вторая вынуждала продавать любой ценой. С февраля 1840 г. по февраль 1843 г. увеличение слитков в банке

с 4 до более чем 11 млн., однако депрессия во всех отраслях промышленности в целом. Постоянное обесценение. В 1840 г. хлопчатобумажные товары стоимостью на 5 млн. ф. ст. были проданы на 2 млн. ф. ст. дешевле, чем в 1839 г. *Исправить неблагоприятный вексельный курс путем сокращения массы средств обращения* означает так понизить цены товаров, чтобы выгоднее было отсылать их, нежели золото; и чем быстрее это происходит, тем больше вызванный таким образом коммерческий отлив, и его длительность зависит от длительности [действия] причин, которые вызвали неблагоприятный вексельный курс. При неблагоприятном вексельном курсе или должен произойти отток золота, или же нужно сделать так, чтобы было выгоднее избавляться от других товаров (с. 10, 11).

6) Смотри признания «Economist», что мудрость и т. д. для торговцев невозможна, если все зависит от погоды в июле и августе и если, как это было в 1839 и 1840 гг., каждый корабль, прибывающий в Лондон и Ливерпуль, привозит груз товаров, на которые английский купец через своих агентов брал на себя обязательства, превышающие на 10 или 15% номинальную стоимость (с. 11).

7) Согласно Торренсу, средства обращения контролируют торговлю, по Туку, торговля контролирует средства обращения (с. 11, там же. Смотри дальше). По Торренсу, спрос и предложение регулируются покупательной силой, которую время от времени дает масса средств обращения (с. 11—12) [99].

8. *Действие денег на цены.* Во всей теории денежного обращения речь идет не об общем увеличении золота на мировом рынке из-за более высокой производительности рудников, а о нехватке или избытке денег вследствие их текущего распределения в различных странах. Здесь стоимость золота, как и стоимость других свободно ввозимых и вывозимых товаров, может меняться на величину издержек его транспортировки или пересылки из одной страны в другую. Торговец слитками и купец играют именно на этой разнице. Таким образом, недостаток или избыток золота не может оказать большего воздействия на цены, чем то, которое строго соответствует этим транспортным издержкам. Это неоспоримо при металлических, а следовательно, и при бумажных средствах обращения (с. 12—13).

9) Эмиссия бумажных денег уменьшает стоимость денег, но не в стране, которая их выпускает, а на всем мировом рынке (с. 13). Но если теперь все государства отменят золотые и серебряные деньги, не должно ли, согласно этому принципу, произойти их чудовищное обесценение?

10) Необратимые бумажные деньги не знают границ в повышении цен вследствие их чрезмерной эмиссии. Потому что они не могут превращаться в данное количество другого товара, который [51] мог бы быть отправлен на другие рынки (с. 13).

11) Доказательство того, что даже если принципы Лойда [100]

верны, сами условия Акта 1844 г.[12] не таковы, чтобы их [можно было] осуществить. Подтверждается примерами самого Лойда за *1833—37 гг.* (в течение 3-х месяцев, с марта по июнь 1837 г., дальнейшее уменьшение золотого запаса и значительное расширение банковского обращения, а тем самым также предотвращение кризиса), с *марта 1838 г. по сентябрь 1839 г.* (к неудовольствию Лойда, уменьшение золотого запаса и увеличение обращения находились здесь снова в обратном отношении, так что максимум последнего совпал с минимумом первого), наконец, излюбленный пример Лойда об истинном ходе дел в *1830—1833 годах* (с. 14, там же).

12) *Действие необратимых бумажных денег на внешнюю торговлю.* (Попутно показывается, как при обычном ходе торговли продажа товаров в одной стране непосредственно является средством покупки в других странах, и передача золота производится лишь в исключительных случаях) (с. 15). При необратимых бумажных деньгах постоянные колебания всех цен, следовательно, также и цен на золото и серебро, а потому и вексельного курса, так что внешняя торговля ненадежнее и разнообразнее. Пример Буэнос-Айреса и Бразилии (с. 15, 16). В Акте 1819 г.[96] все прежние резкие отливы отнесены на счет необратимости, и вот наступил кризис 1825 года (с. 16).

13) Взаимосвязанные цены в различных странах зависят только от *издержек производства* и *свободы обращения.* Если бы средства обращения в Англии были причиной подорожания, то *все* товары должны были бы стать дороже, чем где-либо, а между тем *все* они дешевле, за исключением продуктов сельского хозяйства (с. 17).

14) «Economist» замечает, что *обесценение имущества* совершенно отлично от *обесценения средств обращения* (с. 17). Правильно, но не в том смысле, в каком это понимает журнал. Они находятся в обратной зависимости.

15) О форме банковских счетов по закону 1844 года[12] (с. 17).

LXXXII. Давид Юм[101]

А.) Деньги. 1) Только *публика* [получает] выгоду от увеличения массы золота и серебра во время войны и торговли с иностранными государствами (с. 18). (Тетрадь VI.)

2) Постепенное увеличение [массы] золота и серебра выгодно промышленности в период между приобретением золота и серебра и всеобщим увеличением цен (с. 19). (Пример повышения цены денег при Людовике XIV, из-за фальсификации денег, и влияние этого.)

3) Цены определяются не накопленными деньгами, но исключительно деньгами, положенными в обращение, а также положенными в обращение товарами (там же).

4) При господстве домашней промышленности налоги могут быть подняты только в товарах, причем получается мало путного. Суверен может поднять денежные налоги только в немногих главных городах (там же).

В.) Процент. 1) Процент, выплачиваемый за золото, столь же велик, как и выплачиваемый за серебро, хотя последнее дешевле, чем первое. Процент в краях, богатых золотом и серебром, выше, чем в наших (с. 20).

2) *Высокий процент* проистекает из высокого спроса на займы, недостаточного предложения и из высоких торговых прибылей. *Низкий процент* — из противоположных причин. Первое обстоятельство показывает ограниченность торговли, а не недостаток золота и серебра, и наоборот (там же). Причина того, почему падает процент в стране, которая неожиданно, путем завоевания получает большие сокровища (Испания, Рим), а также у соседних народов (там же). В этих странах преобладание заимодавцев над должниками понижает процент. В других странах [это происходит] вследствие роста промышленности, который следует за повышением цен, вызванным ввозом золота и серебра (там же).

LXXXIII. Джон Локк [102]

1) Уже у Локка недовольство по поводу концентрации денег на Ломбард-стрит [98] (с. 21).

2) *Процент растет,* если мало денег по отношению к *долгам* страны или ее *торговле* (там же).

[52] 3) Богатство есть масса золота и серебра страны относительно других стран (там же).

4) Деньги выступают как *расчетные средства* и как *залог* (там же).

5) Необходимость *отношения денег к торговле* зависит от денег в их качестве залога, а не как расчетных средств. В первом качестве они могут быть заменены writings * (там же). Отношение трудно определимо, потому что оно зависит не только от *количества,* но и от *скорости их обращения.* Однако можно сделать приблизительный расчет, сколько денег должно оставаться в руках каждого, чтобы он мог вести торговлю. См. след. стр. (с. 21). (Смотри там же об оплате рабочих зерном и trucksystem ** во времена Локка.) Деньги одновременно необходимы [всем] для выплаты рент в два дня (там же). Затем еще те деньги, которые всегда должны иметь на руках те, кто не участвуют в торговле (с. 22).

6) Ставка процента не оказывает непосредственного воздействия на цены товаров, потому что не действует непосредственно на спрос и предложение (там же).

---

* — записями, здесь в переносном смысле — бумажными деньгами. *Ред.*

** — системе оплаты труда натурой. *Ред.*

7) Деньги тем отличаются от товара, что приносят по большей части пользу не в процессе использования, а в обмене (там же).

8) Связь между процентом и ценой земли (там же, с. 23).

9) Деньгам продажа всегда обеспечена. У других товаров это зависит от обстановки. Поэтому деньги всегда имеются в достаточном количестве, чтобы регулировать их стоимость без учета соотношения между их количеством и сбытом, как это имеет место в отношении других товаров (там же).

10) Стоимость денег в какой-либо стране [равна отношению] стоимости обращающихся денег к объему текущей торговли (там же).

11) Избыток торговли повышает вексельный курс страны (там же).

12) *Повышение стоимости денег* есть или *«повышение стоимости денег»,* а это невозможно, или *повышение названия нашей монеты.* Согласно этой теории, на один фартинг можно купить столько же товаров, как и на одну крону, если назвать его кроной. Это значило бы лишь присвоить меньшему количеству серебра штемпель и название большего количества (там же).

13) Если один из благородных металлов оценивается слишком высоко по сравнению с другим, то a) когда закон их уравнивает, этим пользуются иностранцы. b) Тот, что оценен слишком высоко, остается лежать в запасах и не поступает в обращение. c) Обнародуется дисконт между обоими металлами (с. 24). Деньги должны быть постоянной мерой, поэтому двойной стандарт не годится. Штемпель на монете указывает на чистоту и вес, но не определяет относительной стоимости золота к другим товарам. Путем повышения стоимости денег можно только увеличить количество денег «на словах», но не по «весу и стоимости» (с. 24).

14) Золото и серебро отличаются от других *мер.* Они могут остаться в руках покупателя, продавца или любого другого лица. Но серебро не является лишь мерой сделки, оно является предметом, по поводу которого заключается сделка, и переходит из рук покупателя в руки продавца в определенном количестве, оно является одновременно эквивалентом стоимости, данным в обмене (там же).

15) Деньги могут убывать, лишь 1) если монеты одного и того же наименования различны по весу, количество более тяжелых тогда сокращается. В особенности, когда чеканка производится молотом, 2) если неблагоприятен торговый баланс (там же).

16) Поднять стоимость денег значит дать произвольные названия кратным частям денежной единицы (там же).

Ср. Бьюкенен (тетрадь IX, с. 24 и сл.) [103]. *Связь монетного металла* (меди и т. д.) с национальным богатством. Внутренняя стоимость не является необходимой для разменных средств обра-

щения. Смотри также у *Бьюкенена* о более высокой цене золота у богатых народов, чем у бедных.

Стоимость денег зависит от стоимости земледельческого труда. Мальтус (IX, с. 29, 30) [104].

Деньги (*Годскин* IX, 44) [105]. (Несоответствие в периодах, необходимых для производства отдельных товаров, и несоответствие стоимостей неделимых товаров являются естественными обстоятельствами, вызвавшими изобретение денег.)

Семпере. (Смотри любопытную цитату об иллюзиях насчет денег; их влияние на цены. Тетрадь XIV, с. 90 и 92 [106]. Причины, которые определяют различную стоимость золота в разных странах. *Гопкинс,* тетрадь XII, с. 17 [107].)

[1] LXXXIV. Торнтон. (Генри) [108]

1) *Коммерческий кредит* — основа *бумажного кредита* (с. 24). Без кредита всегда требуется большой запас денег. Цена товаров увеличилась бы. При этом больше свободы спекуляции (с. 25).

2) *Бумаги* не образуют никакой части коммерческого капитала. То, что в книгах одной части торгового мира обозначено как кредит, то в книгах другой части значится как дебет. Единственное исключение — общественные фонды, когда нация выступает должником (там же).

3) Благородные металлы в качестве *слитков* являются товарами, в качестве монет — *просто мерой стоимости;* переводные векселя. Долговые обязательства. Первые — *первоначально* письма, на основании которых осуществляются *переводы долгов,* записи о выплате эквивалента в золоте за товары. Кроме того, они являются *предметами, годными для учета.* Посредством банкнот создан *бумажный кредит.* Против обычного различения между дружескими векселями и прочими (с. 25). Пример того, как шесть и более векселей может быть выставлено в честной сделке людьми, которые последовательно покупают и продают товары (там же). Ни тот, кто обладает *действительным векселем,* ни тот, кто его учитывает, не обладают реальной собственностью на товар, за который он дается. Дружеские векселя [даются] отчасти для того, чтобы иметь деньги, отчасти для того, чтобы извлекать выгоду из вексельного курса. Обладатели наличных денег при благоприятном для перевода денег курсе, воздерживаются от платежей, чтобы иметь возможность взять их обратно [там же].

4) *Векселя,* имеющиеся в запасе, сберегают запас наличных денег. Но они также *во многих случаях заменяют деньги,* [поскольку] их можно переводить посредством передаточной надписи. Векселя обращаются главным образом посредством кредита на [имя] последних индоссантов, а *банкноты* — на трассанта. Векселя образуют *часть средств обращения.*

5) *Величина скорости обращения.* a) Банкноты, особенно на большие суммы, обращаются быстрее векселей, потому что последние приносят проценты, и чем дольше их держат, тем большую стоимость они приобретают, а первые — нет. Векселя особенно используются торговым сословием. Деньги никогда не приносят своим владельцам процента и обратимы в золото. b) А. Смит ошибается, когда полагает, что количество обращающихся бумаг = = количеству гиней, которые обращались бы без них. Количество бумажных денег, могущих обращаться, может быть велико, а количество действительно обращающихся — мало. Одна и та же банкнота может опосредствовать то много, то мало платежей. Для уплаты одной и той же суммы может потребоваться то много, то мало банкнот. Те же самые средства имеют *в разное время различные уровни скорости обращения.* То, что увеличивает резервы банкиров (как нужда, недоверие), уменьшает скорость обращения массы банкнот. *Трудность превращения векселей в банкноты* для торговцев и банкиров имеет такие же последствия, как для потребителей — превращение банкнот в золото. Каждый держит наготове банкноты на случай платежа. Так то же самое количество вызывает меньше платежей, скорость целого уменьшается, число требуемых банкнот увеличивается. 1793 год. Казначейские векселя (с. 26). Нынешнюю торговлю Великобритании нельзя вести только с помощью золота. Если количество бумажных денег меньше необходимого, на их место выступает худший сорт кредитных денег (с. 27).

6) *Временная приостановка платежей Английского банка.* Практика перекладывания на Лондон платежей и приема денег должна вскоре распространиться. Если объем этих сделок очень велик, [то они] совершаются легче и относительно меньшим количеством банкнот в одном месте. Но тем самым одновременно добиваются платежей в массовом масштабе относительно меньшим количеством банкнот. Экономия очень велика. Поэтому очень опасна каждая большая и внезапная приостановка [в приеме] банкнот Английским банком. В таких случаях оседает как сокровище золото. Нехватка существует не в bona fide * капитале, а в средствах обращения. По мере того как пустеют лавки, наполняются склады производителей. Тогда, правда, следует временное прекращение кредита, *прекращение труда,* и таким образом уменьшается масса товарного капитала. Ограничение кредита должно действовать на экспортера, но в это время, скорее всего, происходит сокращение производства и возникает недоверие за границей (с. 27). Пытается доказать, что банк может совершенно лишиться золота, если он захочет сохранить даже самое малое количество банкнот. Золото изымается почти исключительно для замены банкнот. Не хватило Английскому банку, когда он во время последней тревоги слишком сильно сократил число своих банкнот, [действуя] по А. Смиту (с. 28).

---

* — действительном. *Ред.*

7) *Торговый баланс. Вексельный курс.* Страна, которая, подобно Англии, в счет субсидий и т. п. вывозит капитал, за который не получает прибыли, тем самым одновременно удовлетворяет часть иностранного спроса, но [2] таким образом одновременно в два раза уменьшает [количество] товаров, которые могут быть с прибылью экспортированы, и обращает *вексельный курс* против нас. На *вексельный курс* влияют только платежи, срок которых скоро истекает. Вексельный курс может держаться за счет спекуляций на нем иностранцев (с. 28, 29).

8) *Провинциальные банки.* Их рост в Великобритании со времени американской войны[109] (с. 29). Описывает происхождение провинциальных банков из мелочной торговли, превращение банкнот, приносящих процент, в банкноты, подлежащие оплате по требованию (с. 29).

9) Защита банкиров от упреков в их адрес (с. 29, 30).

10) Спустя несколько лет *после* начала нынешней войны[110] очень распространилась практика выпуска банкнот на предъявителя. Распространение банков по мере роста торговли и промышленности. Лондонские банкиры способствуют образованию провинциальных банков. Провинциальные торговцы заключают сделки только при посредничестве провинциальных банкиров, у которых находятся их вклады. Эти последние использовали лондонских банкиров. Раньше провинциальные торговцы делали это через лондонских купцов, с которыми они вели переписку. Сделки между городом и деревней получили новую гарантию, благодаря посредничеству провинциальных банков, причем дешевле, потому что в одном месте концентрировалось ведение счетов и т. п., которое прежде было распределено между многими. Организация почтовых перевозок. В той же мере, в какой было облегчено получение золота, уменьшились непроизводительные запасы последнего, которые приходилось хранить. Провинциальные банки — *следствие разделения труда. Получение выручки и производство денежных платежей* отделены от остальных сделок. Благодаря *провинциальным банкам* деньги правильно *распределены* (с. 30).

11) *Надзор банкиров за торговлей* (там же). Организованный шпионаж (там же).

12) Увеличение и уменьшение массы бумажных денег, легкость осуществления платежей приводят к повышению или падению цен. При отсутствии бумажного кредита в 1795 г. в некоторых местах цена на зерно упала на 20—30%. Спрос на средства обращения выше, чем их предложение. Их владельцы поэтому управляли рынком (с. 30). (Ср. с. 31, где обсуждается влияние чрезмерной эмиссии на цены, повышение цены монет по сравнению с ценами на слиток.)

13) Небольшое увеличение количества банкнот обусловливает относительно большое число дополнительных платежей, так как частные банкиры в Лондоне, главные владельцы бумаг Англий-

ского банка, регулируют его капитал не в полном соответствии с возросшим числом его денежных операций (с. 31).

14) Незначительная связь между колебаниями банкнот Английского банка и общими ценами (с. 31, 32).

15) *Выпуск дополнительных бумажных денег* понятен, только 1) если они сами обеспечивают создание дополнительной массы товаров, 2) при установлении *более высоких цен* на те же самые товары. Больше бумажных денег — больше промышленность, но также и более высокие цены. Новый выпуск бумажных денег никогда не создает такого количества товаров, которое могут привести в движение новые средства обращения. Следовательно, повышение товарных цен, так как значительная часть новых средств обращения служит для обращения *прежнего количества товаров* (с. 32).

16) Экспорт и импорт не только регулируют вексельный курс, но и наоборот, регулируются им (там же). Средства обращения, их количество воздействуют поэтому на ввоз и вывоз золота (там же). Далее следует целиком теория Рикардо, Торренса и т. д. (там же) (а именно, что [стоимость] средств обращения одной страны может быть понижена по сравнению со [стоимостью] средств обращения другой страны).

17) Банковские бумаги Ло[38], ввиду того что они выпущены против акций общества «Миссисипи», зависели от веры в прибыль от спекуляции, а потому больше от *кредита,* чем от *количества* средств обращения, в противоположность тому, как это имело место с ассигнатами[4] (с. 32).

18) Местное увеличение денег без значительного влияния на цены (с. 32).

19) Чрезмерная эмиссия Английского банка дает части лиц командную власть над предлагаемыми товарами, однако не приводит к немедленному увеличению их числа. Владельцы старых бумаг утрачивают долю своей командной власти над трудом и товарами. Деньги любого вида — только ордер на товары. Правда, средства обращения сами находят себе применение. Спекуляция. Некоторое расширение нового производства, которое не идет в ногу с увеличением массы бумаг (с. 33).

[3] LXXXV. Мортимер (Томас)[111]

1) Акция на annuities * правительства приносит только свой определенный процент. Ее стоимость величиной в 100 ф. ст. меняется, таким образом, в зависимости от процента, который приносят эти 100 ф. ст. в торговле. Если последний незначителен, то цена акции растет, и наоборот. Каждое движение в покупке и продаже государственных бумаг приносит брокеру его прибыль (с. 34).

---

* — ежегодные доходы. *Ред.*

2) Покупка и продажа акций на время возникла из-за большой прибыли, которую имели голландцы и другие иностранцы от английских государственных бумаг (там же). Отсюда возникли современные биржевые спекуляции. (Смотри там же.) Большой национальный долг породил всеобщую страсть к игре (там же). (Процитировать место о Голландии, с. 35.)

3) Брокеры — продукт XVIII века. Из слуг стали господами общества (с. 35). Приобрели власть над всей собственностью нации, кроме собственности, находящейся в торговле и промышленности (там же).

LXXXVI. Гамильтон [112]

1) Шутка *д-ра Прайса* о *фонде погашения*, которая лежит в основе различных финансовых законов, состоит в том, чтобы, давая деньги взаймы под простой процент, увеличивать их благодаря сложным процентам [113] (с. 36).

2) С помощью биржевых спекулянтов можно продавать на такие суммы и в такое время, которые были бы невозможны без их посредничества (там же).

LXXXVII. Коббет. (Манчестерские лекции) [114]

Люди, которые хотят повысить цену денег, предлагают поступать низко и нечестно с кредиторами государства. Что Коббет открыто и предлагает (с. 37).

LXXXVIII. Джоплин (Томас). (Денежная реформа) [115]

1) Естественное состояние вексельного курса наблюдается, когда страны обменивают товары на товары (с. 39). Непосредственно или опосредованно слитки поступают в руки банкиров и кладутся в Лондоне на их счет. С 1819 по 1822 г.— большой приток слитков, в то же время — падение цен на зерно с 90 шилл. до 40 шилл. за квартер (там же).

2) По большей части то, что изымается из одного банка, переносится в другой. Общая сумма вкладов во всех банках не очень затрагивается из-за колебаний счетов в них отдельных лиц (там же).

3) *Переводимый вклад* и *банкнота* в равной мере являются деньгами. Лондонские банкиры, хотя они и не вели выпуск банкнот, были самыми крупными банкирами обращения (с. 40). 70 банков в Лондоне переводят [вклады], как и Гамбургский банк. Однако [имеется] большое различие. Банковские деньги в Лондоне обеспечены на $^1/_5$ наличностью, на остальные $^4/_5$ — ценными бумагами. Так, вклад в золоте или банкнотах приводит к образованию банковских денег в пятикратном размере. Противоположность этой операции — когда изъятие 10 000 ф. ст. лишает банкира его

кассы. Поэтому большое воздействие [имеют] вклады и изъятия на первый взгляд небольшой суммы банкнот (с. 40, 41).

4) Как при продаже казначейских векселей банк снова лишается банкнот, которые он выпускает при покупке слитков. Так без увеличения обращения увеличиваются [запасы] слитков, уменьшается количество казначейских векселей. Если экспортируются слитки, то провинциальные банки продают свои ценные бумаги, чтобы получить банкноты Английского банка и тем самым получить слитки банка, а банк посылает тогда свои банкноты на рынок, покупая казначейские векселя. Все колебания эмиссии Английского банка оказывают непосредственное воздействие на кассы лондонских банкиров (с. 41).

LXXXIX. Джон Грей [116]

1) Нынешняя *система обмена* повинна во всех бедах. Из-за нашей денежной системы мы ограничили наши материальные средства потребления тем именно количеством, которое может быть с выгодой обменено на товар, количество которого поддается увеличению в результате человеческого труда менее всех других товаров (с. 42).

[4] 2) Производство по своей природе является *причиной* спроса, теперь оно является его *следствием*. Денежная система привела к извращению истинной взаимосвязи. Современная денежная система слишком *дорога*. Без нее *пропорциональное* производство было бы причиной спроса. Без денежной системы *продажа товаров* должна бы быть столь же легкой, как и их покупка (с. 42). Деньги должны обладать такими качествами, что, предполагая правильную пропорцию, производство само создает себе спрос. Не *перепроизводство* товаров, а *недопроизводство* денег виновно в бедственном положении (с. 43).

3) При нынешней системе *банкноты* являются лишь свидетельством существования *золотого запаса,* как титул собственности на землю (там же). Банкир ведет дела с деньгами, но он не покупает товаров (там же).

4) Деньги должны помогать каждому, если он этого хочет, покупать товары такой же стоимости, что и его собственные. Сейчас можно увеличить предложение, не увеличивая спроса. Совокупный рынок всегда должен быть переполнен до тех пор, пока *способность производить* сильнее *способности обменивать* (с. 43).

5) Его план [организации] *банка,* по которому должны быть восстановлены естественные отношения между спросом и предложением (с. 44 и 45). Стандартные банкноты, по этой системе, являются лишь переводными сертификатами, удостоверяющими существование на стандартном рынке эквивалентных продуктов с целью продажи в обмен на стандартные банкноты (там же).

6) Деньги, основывающиеся на *золоте или на земле,* всегда обусловлены последними, а не *совокупным производством,* как это

должно было бы быть (с. 45). Стандартные деньги тем отличаются от *залоговых векселей*, что представляют не один определенный, а любой предмет (там же).

7) Все те денежные схемы, которые основываются на каких-либо ценных бумагах, ложны. Впоследствии денежную систему можно изменить, но первоначально деньги выпускаются только на стоимость, *bona fide* * предлагаемую для продажи (с. 45).

8) Внешняя торговля покоится на неспособности отдельной нации поддерживать пропорциональное производство, которое только и дает возможность производить до бесконечности (с. 46).

9) *Труд — единственный измеритель стоимости.* Каждое стандартное производство должно устанавливать *минимальную цену труда,* оплачиваемого в стандартных деньгах. Если самая низкая заработная плата равна 20 шилл. в неделю, то 1 шилл.— стандартная мера недельного *минимума труда* (с. 46). За минимальную заработную плату нужно было бы взять среднюю цену (с. 47). На эти банкноты можно купить золото, серебро, медь. На *британском рынке* они являются чеками на все, что есть на этом рынке (с. 47).

10) Ничего не имеет против того, что золото и серебро являются *инструментами обмена,* но против того, что они — измерители стоимости (там же).

11) *Банк стандартов* не должен брать *процентов,* да и вообще никакой *эмиссионный банк.* Банкир дает лишь *движимый, делимый и переводимый сертификат* собственности на стоимости, процент на капитал — нечто совсем иное. Банку нужен только *основной,* а не *оборотный* капитал (с. 48). При правильной системе деньги всегда являются *спросом,* а *продаваемый* продукт — всегда *предложением* (с. 48).

XC. Стирлинг (П. Дж.) [117]

1) Количество предлагаемых товаров не только регулирует их цены, их более высокая или более низкая цена равным образом устанавливает подлежащее продаже количество (с. 49).

2) Зерно является товаром sui generis **. Оно создает себе [5] рынок в течение длительного срока. За короткие периоды времени цена зерна регулируется его относительным количеством. В течение года цена зерна регулирует количество проданного и потребленного зерна (с. 49).

3) Количество каждого товара должно быть установлено так, чтобы его предложение было меньше спроса на него, а предложение труда — спроса на труд. Разница между ценой товара и ценой труда создает *прибыль,* или *избыток,* который Рикардо не может объяснить (там же).

4) Естественной нормой прибыли является норма прибыли, которую получают в сельском хозяйстве. Ею устанавливаются все другие (с. 49).

---

* — добросовестно, здесь в смысле «действительно». *Ред.*

** — особого рода. *Ред.*

5) *Рента*. Средняя цена за квартер пшеницы в XVIII в. упала не намного больше, чем на 5 пенсов по сравнению с ее ценой в XVII в., а ставка процента на капитал упала (там же). *Рента* не является следствием *высокой цены на зерно;* всякое повышение ренты и понижение прибыли — от уменьшения доходов, получаемых с капитала, вложенного в землю. Высокая цена зерна — лишь следствие (с. 49). Земля № 1) со 100 квартеров дает доход в 160, № 2) — 150, № 3) — 140 и т. д. Население растет до тех пор, пока не войдут в оборот все лучшие земли, но не останавливается на этом. С этим увеличением предложения труда — понижение заработной платы, временный рост прибылей арендатора. Труд, который стоил ему раньше 100 квартеров, стоит ему теперь 93 или 94 квартера. При таком снижении заработной платы арендатор может ввести в обработку худшую землю. Доход в 150 квартеров (№ 2) с $93\frac{3}{4}$ квартера вложений составит по норме прибыли 60%. Поэтому возделывается № 2). Производится необходимое количество дополнительного зерна. Теперь, так как предложение зерна соответствует увеличению числа рабочих, заработная плата, выраженная в зерне, возвращается на свой прежний уровень. Денежная цена обоих упала. Но [численность] рабочих — снова на прежнем уровне. Издержки арендатора снова возрастают до 100 квартеров. Его доходы с № I и II теперь больше 50%: с № 1) вычитаются 10 квартеров в качестве ренты (с. 50).

6) *Определение цены земли через ставку процента*. Если ставка процента равна 4%, то стоимость земли = стоимости 25 годовых доходов (таким образом, если совокупный доход с земли, рента = = 20, то цена = $20 \times 25 = 500$), потому что капитал в 25 раз больший, чем годовая рента, будучи вложен в другие предприятия, дает годовой доход = этой ренте. Где годовой доход фиксирован и сам по себе не согласуется с повышением или понижением чистой прибыли, [там] *стоимость* дохода должна сокращаться или возрастать, пока отношение между стоимостью и доходом не будет приведено в соответствие с отношением, существующим в других отраслях (с. 52).

6) Если вексельный курс падает вследствие того, что бумаг слишком много, то повышение *цены на слиток* над *ценой монет* не является *мерой* обесценения, потому что его цена, как и цена любого другого товара, тогда определяется через соотношение спроса и предложения на слиток,— соотношение, которое может быть иным у других товаров (с. 52).

7) Между двумя странами, из которых одна имеет золотой, другая — серебряный стандарт, существует лишь приблизительный паритет (с. 52).

XCI. Белл
(Философия акционерного банковского дела) [118]

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В I разделе Маркс обработал эксцерпты из французского издания кн.: *Smith A.* Recherches sur la nature et les causes de la richesse des nations. Trad. nouv. par Germain Garnier. Paris, 1802.— T. 1—5. (*Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов/Новый пер. Ж. Гарнье.— Париж, 1802.— Т. 1—5.) Они были составлены весной 1844 г. в Париже. Для данного раздела Маркс использовал выписки только из I тома книги Смита (см.: MEGA. IV/2.— S. 332—355).

[2] Понятие *внутренней стоимости* было широко распространено в английской буржуазной политэкономии. Ср., например: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 2.— С. 295; Т. 23.— С. 44—45.

[3] Во II разделе Маркс резюмировал эксцерпты из кн.: *Say J.-B.* Traité d'économie politique, ou simple exposition de la manière dont se forment, se distribuent et se consomment les richesses. 3 éd. Paris, 1817.— T. 1, 2. (*Сэй Ж.-Б.* Трактат по политической экономии, или Простое изображение того, как богатства создаются, распределяются и потребляются.— Изд. 3-е.— Париж, 1817.— Т. 1, 2). Они содержались в тетради, составленной Марксом весной 1844 г. в Париже (см.: MEGA. IV/2.— S. 301—327).

[4] *Ассигнаты* — обязательства по ипотечному кредиту под залог конфискованных церковных земель, выпуск которых был санкционирован в 1790 г. Национальным собранием Франции для покрытия государственного долга; обращались до 1796 г. Необратимость в деньги и широкое их использование, особенно после 1792 г., для покрытия бюджетного дефицита привело к тому, что постепенно ассигнаты превратились в обесцененные бумаги.

[5] В III разделе Марксом обработаны эксцерпты из кн.: *Rossi P.* Cours d'économie politique.— Bruxelles, 1843 (*Россн П.* Курс политической экономии.— Брюссель, 1843). Они были записаны в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[6] Открытие и разработка в XVI—XVII вв. месторождений золота в Центральной и Южной Америке привели к снижению рыночной цены золота и соответственному удорожанию других товаров.

[7] В IV разделе Маркс обобщил эксцерпты из кн.: *Bray J. F.* Labour's wrongs and labour's remedy; or, the age of might and the age of right.— Leeds, 1839 (*Брей Дж. Ф.* Несправедливости в отношении труда и средства к их устранению, или Век силы и век справедливости.— Лидс, 1839). Эти эксцерпты содержатся в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/5).

[8] В V разделе Маркс опирался на эксцерпты из кн.: *Owen R.* Six lectures delivered in Manchester.— Manchester, 1837 (*Оуэн Р.* Шесть лекций, прочитанных в Манчестере.— Манчестер, 1837). Они были составлены в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/5).

[9] В VI разделе Маркс использовал эксцерпты из кн.: *Browning G.* The domestic and financial condition of Great Britain; preceded by a brief sketch of her foreign policy; and of the statistics and politics of France, Russia, Austria and Prussia.— London, 1834 (*Браунинг Дж.* Внутреннее и финан-

совое положение Великобритании; с предшествующим кратким очерком ее внешней политики, а также статистики и политики Франции, России, Австрии и Пруссии.— Лондон, 1834). Они были составлены в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4).

[10] *Банковская рестрикция* — речь идет о запрете правительства Англии на выдачу Английским банком наличных денег вкладчикам и фактическом отказе банка от прежнего обязательства производить в неограниченном объеме обмен банкнот на золото. Данная мера была предпринята в 1797 г. в связи с колоссальным ростом государственного долга, вызванным расходами на ведение войны против революционной Франции и субсидированием контрреволюционных сил, что повлекло за собой резкое сокращение золотых запасов Английского банка и рост цены на золото.

[11] *Открытие калифорнийского золота* произошло в 1848 г.

[12] *Акт 1844 г.*— имеется в виду принятый английским правительством по инициативе Р. Пиля закон о реформе Английского банка, по которому он был разделен на два самостоятельных отделения, банковое и эмиссионное. Последнему вменялось в обязанность производить покупку золота у населения по твердой цене 3 ф. 17 шилл. 9 пенс. за унцию.

[13] В VII разделе Маркс систематизировал эксцерпты из кн.: *Sismondi J. Ch. L., Simonde de.* Nouveaux principes d'économie politique, ou de la richesse dans ses rapports avec la population.— 2 éd.— Paris, 1827.— T. 2. (*Сисмонди Ж. Ш. Л., Симонд де.* Новые начала политической экономии, или О богатстве в его отношении к народонаселению.— 2-е изд.— Париж, 1827.— Т. 2). Они содержались в несохранившейся тетради, составленной между 1844 и 1847 гг.

[14] Маркс здесь сделал описку.

[15] В VIII разделе Маркс приводит цитату из книги: *Droz J.* Économie politique ou principes de la science des richesses.— Paris, 1829 (*Дроз Ж.* Политическая экономия, или Принципы науки о богатстве.— Париж, 1829), заимствуя ее из несохранившейся эксцерптной тетради, составленной между 1844 и 1847 гг.

[16] В IX разделе Маркс обработал эксцерпты из книги: *Ferrier F. L. A.* Du gouvernement considéré dans ses rapports avec le commerce.— Paris, 1805 (*Ферье Ф. Л. О.* О правительстве с точки зрения его взаимоотношений с торговлей.— Париж, 1805). Они были составлены в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[17] В X разделе Маркс использовал эксцерпты из книги: *Laborde A. de.* De l'esprit d'association dans tous les intérêts de la communauté.— Paris, 1818 (*Лаборд А.* О духе ассоциации во всех сферах общественной жизни.— Париж, 1818). Они содержались в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[18] В XI разделе Маркс воспользовался эксцерптами из кн.: *Storch H.* Cours d'économie politique, ou exposition des principes qui déterminent la prospérité des nations/Avec des notes explicatives et critiques par J.-B. Say.— Paris, 1823.— T. 1, 2. (*Шторх А.* Курс политической экономии, или Изложение начал, определяющих благоденствие народов/Пояснит. и критич. примеч. Ж.-Б. Сэя.— Париж, 1823.— Т. 1, 2). Они были составлены в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[19] В XII разделе суммированы некоторые высказывания о деньгах, содержавшиеся в кн.: *Ricardo D.* Des principes de l'économie politique et de l'impôt/Traduit de l'anglais par F.-S. Constancio/Avec des notes explicatives et critiques par J.-B. Say.— 2 éd.— Paris, 1835.— T. 1, 2. (*Рикардо Д.* О началах политической экономии и налогового обложения/Пер. с англ. Ф. С. Констансио/Пояснит. и критич. примеч. Ж.-Б. Сэя.— 2-е изд.— Париж, 1835.— Т. 1, 2). Это французское издание труда Рикардо было законспектировано Марксом в одной из парижских тетрадей 1844 г. (см.: MEGA. IV/2.— S. 392—427).

[20] В XIII разделе Маркс обработал эксцерпты из кн.: *Mill J.* Élémens d'économie politique.— Paris, 1823 (*Милль Дж.* Основы политической экономии/Пер. с англ. Ж. Т. Паризо.— Париж, 1823). Выписки из французского

издания работы Милля содержались в одной из парижских тетрадей 1844 г. (см.: MEGA. IV/2.— S. 428—470).

[21] В XIV разделе резюмированы некоторые положения кн.: *Senior N. W.* Principes fondamentaux de l'économie politique, tirés de leçons éd. et inéd. de Mr. N. W. Senior par le c-te Jean Arrivabene.— Paris, 1836 (*Сениор Н. У.* Основные начала политической экономии, извлеченные графом Жаном Арривабене из лекций г-на Н. У. Сениора, как изданных, так и неизданных.— Париж, 1836). Хотя в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3) Маркс законспектировал этот французский перевод книги и пользовался этими эксцерптами, заглавие работы в XIV разделе он привел по-английски.

[22] В XV разделе использованы эксцерпты из кн.: *Sismondi J. Ch. L., Simonde de.* Études sur l'economie politique.— Bruxelles, 1838.— T. 2. (*Сисмонди Ж. Ш. Л., Симонд де.* Очерки политической экономии.— Брюссель, 1838.— Т. 2). Маркс резюмировал содержание одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[23] В XVI разделе Маркс воспроизводит по одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4) смысл положения, выдвинутого в книге: *Atkinson W.* Principles of political economy; or, the laws of the formation of national wealth.— London, 1840 (*Аткинсон У.* Принципы политической экономии, или Законы образования общественного богатства.— Лондон, 1840).

[24] В XVII разделе обобщены эксцерпты из кн.: *Wade J.* History of the middle and working classes.— 3 ed.— London, 1835 (*Уэйд Дж.* История среднего и рабочего классов.— 3-е изд.— Лондон, 1835). Они содержались в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4).

[25] В XVIII разделе Маркс делает пометку, имея в виду эксцерпты из кн.: *Mill J. St.* Essays on some unsettled questions of political economy.— London, 1844 (*Милль Дж. Ст.* Опыты о некоторых нерешенных вопросах политической экономии.— Лондон, 1844). Они находились в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4).

[26] В XIX разделе использованы эксцерпты из кн.: *Cooper Th.* Lectures on the elements of political economy.— 2 ed.— London, 1831 (*Купер Т.* Лекции об основах политической экономии.— 2-е изд.— Лондон, 1831). Они входили в одну из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4).

[27] В XX разделе Маркс обратился к эксцерптам из кн.: *Gilbart J. W.* The history and principles of banking.— London, 1834 (*Гилбарт Дж. У.* История и принципы банкового дела.— Лондон, 1834). Они были составлены в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4).

[28] Гилбарт ссылается здесь на первое издание работы Д. Рикардо «On the principles of political economy, and taxation».— London, 1817.— P. 84 (Начала политической экономии и налогового обложения.— Лондон, 1817.— С. 84). Ср.: *Рикардо Д.* Соч.— М., 1955.— Т. 1.— С. 82.

[29] В XXI разделе резюмированы эксцерпты из кн.: *Edmonds Th. R.* Practical moral and political economy; or, the government, religion, and institutions, most conducive to individual happiness and to national power.— London, 1828 (*Эдмондс Т. Р.* Практическая этическая и политическая экономия; или Правительство, религия и учреждения, наиболее способствующие личному счастью и национальной мощи). Маркс составил их в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4).

[30] В XXII разделе обработаны эксцерпты из кн.: *Cobbett W.* Paper against gold.— London, 1828 (*Коббет У.* Бумажки против золота.— Лондон, 1828). Они содержались в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4).

[31] Коббет рассмотрел вопрос о количестве банкнот в связи с анализом деятельности Комитета по вопросу о слитках, созданного палатой общин английского парламента в 1810 г., с тем чтобы выяснить степень обесценения банкнот после отмены в 1797 г. их обратимости в золото и серебро и разработать предложения по стабилизации денежной системы.

[32] В XXIII разделе Маркс воспользовался эксцерптами из кн.: *Gülich G.* Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unsrer Zeit.— Jena, 1830.— Bd. 2. (*Гюлих Г.* Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени.— Йена, 1830.— Т. 2). Они были составлены в одной из трех брюссельских тетрадей 1846—1847 гг., где был законспектирован 5-томный труд Гюлиха (см.: MEGA. IV/6.— S. 921—937).

[33] Имеются в виду оборонительные войны, которые вела революционная Франция в 1793—1801 гг. против коалиции европейских государств.

[34] Имеются в виду *ассигнаты* (см. примеч. 4) и *мандаты* — выпущенные французским правительством в 1796 г. бумажные деньги с принудительным курсом, служившие как средство расчета при купле-продаже национальных имуществ, уплате налогов.

[35] Обесценение в 1806—1810 гг. бумажных денег в ряде европейских стран, в особенности в Австрии и России, было обусловлено тем, что государства, выступавшие в коалиции против наполеоновской Франции, пытались использовать чрезмерную эмиссию необратимых бумажных денег как источник финансирования войны.

[36] Континентальная блокада Англии проводилась наполеоновской Францией с 1806 по 1814 г. с целью оградить французскую промышленность от конкуренции экономически более сильной державы. В соответствии с декретом Наполеона I запрещалась всякая торговля с Англией, прекращался доступ во французские порты всех судов, ранее приставших к английским берегам.

[37] В XXIV разделе использованы эксцерпты из кн.: *Augier M.* Du crédit public et de son histoire depuis les temps anciens jusqu'à nos jours.— Paris, 1842 (*Ожье М.* Об общественном кредите и его истории с древних времен до наших дней.— Париж, 1842). Они были составлены в одной из брюссельских тетрадей 1846—1847 гг. (см.: MEGA. IV/6.— S. 930, 931, 939—944).

[38] В 1716 г. шотландец Джон Ло основал в Париже частный банк, в 1718 г. преобразованный в государственный, получивший право выпуска банкнот. Параллельно в 1717 г. Ло учредил Луизианскую и Западную компанию (Компания Миссисипи), которая фактически монополизировала всю колониальную торговлю Франции и акции которой оплачивались банкнотами банка. Спекуляция акциями привела к чрезмерному выпуску банкнот и породила инфляцию. В 1720 г. банк лопнул.

[39] В XXV разделе резюмированы эксцерпты из кн.: *Pecchio J.* Histoire de l'économie politique en Italie, ou abrégé critique des économistes Italiens.— Paris, 1830 (*Пеккьо Д.* История политической экономии в Италии, или Краткое критическое изложение итальянских экономистов.— Париж, 1830). Французский перевод работы Пеккьо Маркс законспектировал в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[40] В XXVI разделе Маркс сделал пометки на основании эксцерптов из кн.: *MacCulloch J. R.* Discours sur l'origine, les progrès, les objets particuliers, et l'importance de l'économie politique.— Geneve; Paris, 1825 (*Мак-Куллох Дж. Р.* Рассуждение о происхождении, успехах, отдельных вопросах и значении политической экономии.— Женева; Париж, 1825). Они были составлены в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[41] В XXVII разделе обобщены эксцерпты из кн.: *Ganilh Ch.* Des systèmes d'économie politique, de leurs inconvéniens, de leurs avantages, et de la doctrine la plus favourable aux progrès de la richesse des nations.— Paris, 1809.— T. 2 (*Ганиль Ш.* О системах политической экономии, о сравнительной ценности их доктрин и о той из них, которая представляется наиболее благоприятной для роста богатства.— Париж, 1809.— Т. 2). Они содержались в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[42] Ганиль цитирует на с. 76—78 своей книги работу: *Verri P.* Meditazioni sulla economia politica // Custodi P. (ed.) Scrittori classici italiani di economia politica: Parte moderna.— Milano, 1804.— T. 15 (*Верри П.* Размыш-

ления о политической экономии // Кустоди П. (издатель). Итальянские классики политической экономии: Современные экономисты.— Милан, 1804.— Т. 15).

[43] Ганиль процитировал в сносках на с. 109, 110 своей книги работу: *Gibbon E.* The history of the decline and fall of the Roman Empire.— London, 1831 (*Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи.— Лондон, 1831).

[44] В XXVIII разделе Маркс вновь вернулся к эксцерптам из кн.: *Smith A.* Recherches...— Paris, 1802.— T. 3 (*Смит А.* Исследование...— Париж, 1802.— Т. 3). Они содержались во второй парижской тетради 1844 г. с выписками из Смита (см.: MEGA. IV/2.— S. 373—386). См. также примеч. 1.

[45] В XXIX разделе широко использованы эксцерпты из кн.: *Gülich G.* Geschichtliche Darstellung des Handels, der Gewerbe und des Ackerbaus der bedeutendsten handeltreibenden Staaten unsrer Zeit.— Jena, 1845.— Bd. 5 (*Гюлих Г.* Историческое описание торговли, промышленности и земледелия важнейших торговых государств нашего времени.— Йена, 1845.— Т. 5). Они были составлены в одной из брюссельских тетрадей 1846 — 1847 гг. (см.: MEGA. IV/6.— S. 9—108) и помечены там цифрой «III».

[46] Имеется в виду Парижский мирный договор 1815 г. между странами-победительницами и Францией.

[47] В XXX разделе Маркс цитирует кн.: *Say L.* Principales causes de la richesse ou de la misère des peuples et des particuliers.— Paris, 1818 (*Сэй Л.* Основные причины богатства и нищеты народов и отдельных лиц.— Париж, 1818) по одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[48] В XXXI разделе Маркс воспользовался эксцерптами из французского перевода кн.: *Lauderdale J. M.* Recherches sur la nature et l'origine de la richesse publique.— Paris, 1808 (*Лодердель Ж. М.* Исследование о природе и происхождении общественного богатства.— Париж, 1808). Она была законспектирована в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[49] В XXXII разделе обработаны эксцерпты из работы: *Petty W.* Political arithmetick, or a discourse concerning the extent and value of lands, people, buildings... // *Petty W.* Several essays in political arithmetick.— London, 1699 (*Петти У.* Политическая арифметика, или Рассуждения, касающиеся размеров и стоимости земли, людей, строений... // *Петти У.* Очерки из области политической арифметики.— Лондон, 1699). Они были составлены в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4).

[50] В XXXIII разделе Маркс возвращается к эксцерптам из кн.: [*Misselden E.*] Free trade. Or, the means to make trade florish.— London, 1622 ([*Мисселден Э.*] Свободная торговля, или Средство сделать торговлю процветающей.— Лондон, 1622). Они содержались в одной из манчестерских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/4).

[51] Мисселден имел в виду притчу из Ветхого Завета (1-я книга Моисея, 48, 13—20), согласно которой умирающий Иаков вопреки обычаю сначала благословил младшего сына, а затем — старшего.

[52] *Геннегау* — историческая область на границе современных Бельгии и Франции.

[53] В XXXIV разделе Маркс использовал эксцерпты из кн.: *Boisguillebert P.* Le détail de la France // Économistes financiers du XVIIIe siècle: Précédés de notices historiques sur chaque auteur, et accompagnés de commentaires et de notes explicatives, par E. Daire.— Paris, 1843 (*Буагильбер П.* Подробное описание Франции // Экономисты-финансисты XVIII века: С историческими заметками о каждом авторе, коммент. и пояснит. примеч. Э. Дэра.— Париж, 1843). Они были составлены в одной из брюссельских тетрадей 1845 г. (см.: MEGA. IV/3).

[54] В XXXV разделе Маркс резюмирует свои эксцерпты из кн.: *Paine Th.* The decline and fall of the English system of finance.— 2 ed.— Paris, 1796 (*Пейн Т.* Ухудшение состояния и упадок английской финансовой систе-

мы.— 2-е изд.— Париж, 1796). Тетрадь Маркса, в которой он законспектировал работу Пейна, не сохранилась.

[55] Имеется в виду изд.: The London encyclopaedia, or universal dictionary of science, art, literature, and practical mechanics.— London, 1829.— Vol. 3 (Лондонская энциклопедия, или Универсальный словарь науки, искусства, литературы и практической механики.— Лондон, 1829.— Т. 3).

[56] В XXXVII разделе содержится краткое резюме эксцерптов из кн.: *Ricardo D.* Proposals for an economical and secure currency; with observations on the profits of the Bank of England, as they regard the public and the proprietors of bank stock.— 2 ed.— London, 1816 (*Рикардо Д.* Предложения в пользу экономного и устойчивого денежного обращения, а также замечания о прибылях Английского банка.— Лондон, 1816). Они были составлены Марксом в одной из несохранившихся тетрадей между 1845 и 1847 гг.

[57] XXXVIII раздел в рукописи отсутствует. В XXXIX разделе Маркс использовал эксцерпты из кн.: *Péreire I.* Leçons sur l'industrie et les finances, ... suivies d'un projet de banque.— Paris, 1832 (*Перейра И.* Лекции о промышленности и финансах... содержащие проект банка.— Париж, 1832). Они были взяты им частично из несохранившейся тетради с выписками, частично же — из одной из брюссельских тетрадей 1845 г., где также была законспектирована данная работа (см.: MEGA. IV/3).

[58] В XL разделе Маркс обратился к эксцерптам из кн.: *Blake W.* Observations on the principles which regulate the course of exchange; and on the present depreciated state of the currency.— London, 1810 (*Блейк У.* Замечания о принципах, которые регулируют вексельный курс, и о теперешнем обесценении средств обращения.— Лондон, 1810). Они были составлены во II лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 115—127).

[59] В XLI разделе Маркс обработал эксцерпты из кн.: *Fullarton J.* On the regulation of currencies; being an examination of the principles, on which it is proposed to restrict, within certain fixed limits, the future issues on credit of the Bank of England, and of the other banking establishments throughout the country.— London, 1844 (*Фуллартон Дж.* О регулировании средств обращения; анализ принципов, на основе которых предлагается в будущем ограничить в строго установленных пределах эмиссионную деятельность Английского банка и других банковских учреждений страны.— Лондон, 1844). Они содержались в I лондонской эксцерптной тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 42—51).

[60] Сохранилось лишь заглавие XLII раздела, поскольку с. 25—32 рукописи Маркса отсутствуют. По всей видимости, ниже были обработаны эксцерпты из кн.: *Tooke T.* A history of prices, and of the state of the circulation, from 1839 to 1847 inclusive: with a general view of the currency question.— London, 1848 (*Тук Т.* История цен и состояния обращения с 1839 по 1847 год включительно: с общим обзором проблемы денежного обращения.— Лондон, 1848). Они находились в I и II лондонских тетрадях (см.: MEGA. IV/7.— S. 62—65, 68—76, 81—82, 84—107).

[61] В данном разделе, заглавие и значительная часть которого не сохранились, Маркс воспользовался эксцерптами из кн.: *Gilbart J. W.* A practical treatise on banking.— 5 ed.— Vol. 2.— London, 1849 (*Гилбарт Дж. У.* Практический трактат о банковской системе.— 5-е изд.— Т. 2.— Лондон, 1849). Работа Гилбарта была законспектирована во II и III лондонских тетрадях (см.: MEGA. IV/7.— S. 128—145).

[62] В LX разделе Маркс опирался на эксцерпты из кн.: *Büsch J. G.* Abhandlung von dem Geldumlauf in anhaltender Rücksicht auf die Staatswirtschaft und Handlung.— 2., verm. und verb. Aufl.— T. 1, 2. Hamburg; Kiel, 1800 (*Бюш И. Г.* Трактат о денежном обращении, с учетом народного хозяйства и торговли.— 2-е изд.— Т. 1, 2.— Гамбург; Киль, 1800). Они были составлены в IV лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— С. 277—291).

[63] *Ликург* — правитель древней Спарты, осуществивший ряд крупных реформ. В частности, с целью воспрепятствовать накоплению сокровищ отдельными гражданами, он в законодательном порядке закрепил право

владения благородными металлами за государством, тогда как спартанцам разрешалось владеть лишь железными деньгами.

[64] *Макута* — особый сорт ткани для изготовления одежды, первоначально местного происхождения, а впоследствии — ввозившийся из Европы, который служил в качестве денег в бывшей португальской Западной Африке.

[65] *Ярмарочный вексель* — исторически первоначальная форма кредитных денег, возникшая на средневековых ярмарках Франции и Италии, когда купцы производили окончательные расчеты друг с другом лишь по завершении ярмарочных торгов и выдавали своим кредиторам долговые обязательства. На основе последних развились так называемые тратты, погашавшиеся на другой ярмарке присутствующим там должником.

[66] Бюш рассматривал Шведский банк как пример искусственного переполнения каналов обращения вследствие чрезмерного расширения банковского кредитования.

[67] В LXI разделе обработаны эксцерпты из кн.: *Büsch J. G.* Theoretisch-praktische Darstellung der Handlung in ihren mannichfaltigen Geschäften.— 3., verm. und verb. Ausg.— Hamburg, 1808.— Bd. 1, 2 (*Бюш И. Г.* Теоретико-практическое изложение торговли с ее разнообразными операциями.— 3-е изд.— Гамбург, 1808.— Т. 1, 2). Они содержались в IV лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 292—303).

[68] См. примеч. 10.

[69] Рост учетной ставки до 12% во время кредитного кризиса в Гамбурге в 1763 г. был вызван предшествующим ростом кредитных спекуляций в условиях общего расстройства денежной системы, обусловленного семилетней войной. В 1798 г. рост цен и учетной ставки происходил вследствие того, что в ходе войны между революционной Францией и феодальными режимами Европы Гамбург выдвинулся на роль главного центра торговли в Западной Европе. Это породило спекуляции невиданных размеров в городе.

[70] В LXII разделе Маркс обработал эксцерпты из кн.: *Büsch J. G.* Sämtliche Schriften über Banken und Münzwesen.— Hamburg, 1801 (*Бюш И. Г.* Собрание сочинений по вопросам банков и монетного дела.— Гамбург, 1801). Они были составлены в IV и V лондонских тетрадях (см.: MEGA. IV/7.— S. 329—343, 361—372).

[71] Шведский банк в 1745—1774 гг. неоднократно снижал содержание металла в своих монетах, чтобы расплатиться по своим обязательствам.

[72] *Банко-талер* — главное средство депозитов (расчетный талер) основанного в 1619 г. Гамбургского банка.

Шпецисрейхсталер — до середины XVIII в. наименование имевшего хождение в Германии рейхсталера, по стоимости равного 32 грошам. Позднее — наименование отчеканенной монеты в обращении в отличие от неотчеканенного счетного талера.

[73] *Ас* — мельчайшая мера веса благородных металлов в Германии и Голландии, равная 0,048 г.

[74] *Марка банко* — денежная единица Гамбургского банка.

[75] С. 37—40 рукописи не сохранились.

[76] Разделы LXIII—LXVIII рукописи не сохранились. В LXIX разделе использованы эксцерпты из кн.: *Alfred.* A letter to the Hon. the secret committee of the House of Commons, upon joint-stock banks.— 2 ed.— London, 1837 (*Альфред.* Письмо высокочтимой секретной комиссии палаты общин об акционерных банках.— 2-е изд.— Лондон, 1837). Они содержались в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 389/390).

[77] В LXX разделе обработаны эксцерпты из кн.: [*Bailey S.*] Money and its vicissitudes in value; as they affect national industry and pecuniary contracts: with a postscript on joint-stock banks.— London, 1837 ([*Бейли С.*] Деньги и изменения их стоимости; влияние этих изменений на национальную промышленность и денежные обязательства: с приложением об акционерных банках.— Лондон, 1837). Они были составлены в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 391—405).

[78] В LXXI разделе Маркс воспользовался эксцерптами из кн.: *Joplin Th.* An examination of the report of the Joint Stock Bank Committee.— London, 1836 (*Джоплин Т.* Рассмотрение отчета комитета по исследованию акционерных банков.— Лондон, 1836). Они входили в V лондонскую тетрадь (см.: MEGA. IV/7.— S. 407—410).

[79] Приток золота и серебра из получивших независимость стран Латинской Америки в Англию в обмен на товары британской промышленности предшествовал кризису 1825 г., когда выявилось, что рынки стран Центральной и Южной Америки переполнены английскими товарами. Внезапное затруднение с их реализацией привело к резкому снижению цен, которое сопровождалось оттоком благородных металлов из Англии. Многие банки вынуждены были прекратить платежи, в 1826 г. последовала цепная реакция банкротств торговых фирм и фабрикантов.

[80] *Наплыв требований в банк в 1832 г.*— политические осложнения английского правительства, вызванные нарастающими требованиями реформы избирательного права со стороны буржуазии, привели к панике, в результате которой в короткое время в Английский банк было предъявлено требований на 2 млн. ф. ст. золотом.

Ирландский политический деятель О'Коннел, боровшийся за обеспечение доступа в парламент для представителей ирландской католической общины, в 1829 г. добился принятия закона, в соответствии с которым католики получили возможность баллотироваться в обе палаты парламента и занимать должности в государственных учреждениях. Это привело к панике в Ирландии, выразившейся, в частности, в наплыве требований в Английский банк на сумму в 1 млн. ф. ст. золотом.

В ходе русско-турецкой войны 1828—1829 гг. царское правительство для покрытия военных расходов получило у Английского банка заем на сумму в 1 млн. ф. ст.

[81] В LXXII разделе обработаны эксцерпты из кн.: *Loyd S. J.* Reflections suggested by a perusal of Mr. J. Horsley Palmer's pamphlet on the causes and consequences of the pressure on the money market.— London, 1837 (*Лойд С. Дж.* Размышления, навеянные чтением памфлета м-ра Дж. Х. Пальмера о причинах и последствиях затруднительного положения на денежном рынке.— Лондон, 1837). Они находились в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 411—414).

[82] *(1836 год)* — Маркс имеет в виду приводимую Лойдом таблицу фактических данных за указанный год в подтверждение правильности сформулированного выше тезиса. Таблица воспроизведена в эксцерпте Маркса в V лондонской тетради.

[83] В LXXIII разделе сделана отсылка на содержащиеся в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 421—422) эксцерпты из работы: *Clay W.* Speech... on moving for the appointment of a committee to inquire into the operation of the act permitting the establishment of joint-stock banks.— 2 ed.— London, 1837 (*Клей У.* Речь... с предложением о создании комитета для исследования действия акта, разрешившего создание акционерных банков.— 2-е изд.— Лондон, 1837).

[84] В LXXIV разделе Маркс резюмировал эксцерпты из кн.: *Morrison W. H.* Observations on the system of metallic currency adopted in this country.— London, 1837 (*Моррисон У. Х.* Рассмотрение системы металлических денег, принятой в Англии.— Лондон, 1837). Они были сделаны в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 423—425).

[85] *Следствия перечеканки серебряных монет в 1699 г. при Уильяме III* заключались в том, что в результате проведения этой длившейся четыре года (1695—1699 гг.), в соответствии с Актом 1695—1696 гг., операции сложилось такое положение, при котором номинальная стоимость золотых монет оказалась завышенной в сравнении с рыночной ценой золота и серебра. Как следствие, началась массовая переплавка новых серебряных монет, так что в следующие 18 лет серебро практически исчезло из обращения.

[86] *Отток серебра до 1717 г.* происходил из Англии во Францию и Ост-Индию, где существовало ажио между серебром и золотом, вследствие завышенной номинальной стоимости золотых монет. В конце 1717 г. правительство Англии с целью воспрепятствовать ввозу золота и вывозу серебра декретировало снижение номинала серебряной гинеи с 21 шилл. 6 пенс. до 21 шилл.

[87] В LXXV разделе резюмированы эксцерпты из работы: *Joplin Th.* An examination of Sir Robert Peel's currency bill of 1844, in a letter to the bankers of the United Kingdom.— 2 ed.— London, 1845 *(Джоплин Т.* Рассмотрение закона Роберта Пиля 1844 г., в письме к банкирам Соединенного Королевства.— 2-е изд.— Лондон, 1845). Они содержались в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 415—420).

[88] Речь идет о примерах нехватки денег вследствие ограничения банкнотной эмиссии Английским банком.

[89] В LXXVI разделе Маркс подытожил содержание эксцерптов из кн.: *Loyd S. J.* Further reflections on the state of the currency and the action of the Bank of England.— London, 1837 *(Лойд С. Дж.* Дальнейшие размышления о состоянии денежного обращения и деятельности Английского банка.— Лондон, 1837). Они были сделаны в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 426—427).

[90] В LXXVII разделе упомянута работа: *Salomons D.* The monetary difficulties of America, and their probable effects on British commerce, considered.— London, 1837 (*Саломонс Д.* Денежные затруднения Америки и рассмотрение их возможного влияния на британскую торговлю.— Лондон, 1837). Выписка из нее сделана в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 428).

[91] Имеется в виду повышение в 1836 г. Английским банком ставки учетного процента, вызванное не в последнюю очередь массовой утечкой ссудного капитала в США, где наблюдался бурный подъем. Вздорожание банковского кредита привело к резкому падению деловой активности в США, в предыдущие годы в значительной степени подогревавшейся английскими кредитами.

[92] LXXVIII раздел в рукописи отсутствует. В LXXIX разделе Маркс обработал эксцерпты из кн.: *Norman G. W.* Remarks upon some prevalent errors, with respect to currency and banking, and suggestions to the legislature and the public as to the improvement of the monetary system.— London, 1838 (*Норман Дж. У.* Замечания относительно некоторых распространенных заблуждений, касающихся денежного обращения и банков, и предложения к законодательной власти и публике по улучшению денежной системы.— Лондон, 1838). Они содержались в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 429—431).

[93] Маркс — видимо, по ошибке — обозначил цифрой LXXX два следующих друг за другом самостоятельных раздела своей рукописи. В LXXX [*a*] разделе использованы эксцерпты из кн.: *Carey H. Ch.* The credit system in France, Great Britain, and the United States.— London; Philadelphia, 1838 (*Кэри Г. Ч.* Кредитная система во Франции, в Великобритании и Соединенных Штатах.— Лондон; Филадельфия, 1838). Они были сделаны Марксом в V лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 432—439).

[94] По-видимому, Маркс имел в виду расчеты Кэри, согласно которым во Франции в обращении находится на 60% больше средств, чем в совокупном обращении Великобритании (включая как благородные металлы, так и бумажные деньги).

[95] В разделе LXXX [*b*] обработаны выписки из журнала «Economist» («Экономист») за 1847 г. из V и VI лондонских тетрадей (см.: MEGA. IV/7.— S. 440—460, 467—478).

[96] По Акту 1819 г. Английский банк вновь получил право размена банкнот на золото.

[97] *Бирмингемская школа*, или *Лига борьбы за закон против золота* — сложившееся в первой половине XIX в. направление в английской буржуазной политической экономии, пропагандировавшее теорию идеальной

денежной единицы измерения и рассматривавшее деньги лишь как «счетные названия». Анализ взглядов этой школы был впоследствии дан Марксом в первом выпуске «К критике политической экономии» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 13.— С. 66—67).

[98] *Ломбард-стрит* — улица в лондонском Сити, где располагались важнейшие банковские и торговые предприятия.

[99] Маркс излагает положения статьи «М-р Тук и полковник Торренс», опубликованной в качестве передовой в «Economist» 15 июня 1844 г.

[100] Взгляды Лойда, с которыми полемизирует «Economist», были изложены в его работе: Further reflections on the state of the currency and the action of the Bank of England.— London, 1837 (Дальнейшие размышления о состоянии денежного обращения и деятельности Английского банка.— Лондон, 1837).

[101] В LXXXII разделе Маркс использовал эксцерпты из кн.: *Hume D.* Essays and treatises on several subjects.— A new ed. In 2 vols.— Vol. 1.— London, 1777 (*Юм Д.* Очерки и трактаты по разным вопросам.— Новое изд.: В 2 т.— Т. 1.— Лондон, 1777). Они были составлены в VI лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 496—499).

[102] В LXXXIII разделе обработаны эксцерпты из кн.: *Locke J.* Some considerations of the consequences of the lowering of interest, and raising the value of money. In a letter sent to a Member of Parliament, 1691 // The works of John Locke. In 4 vols.— 7 ed.— Vol. 2.— London, 1768 (*Локк Дж.* Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег. В письме к члену парламента, 1691 // Сочинения Джона Локка: В 4 т.— 7-е изд.— Лондон, 1768.— Т. 2). Они содержались в VI лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 500—505).

[103] Нижеследующие отсылки возникли в процессе заполнения или вскоре по завершении Марксом работы над IX—XIV лондонскими тетрадями, т. е. уже после того, как была в основном написана публикуемая рукопись. В IX тетради была законспектирована кн.: *Buchanan D.* Observations on the subjects treated of in Dr. Smith's inquiry into the nature and causes of the wealth of nations.— Edinburgh, 1814 (*Бьюкенен Д.* Замечания о предметах, трактуемых в «Исследовании о природе и причинах богатства народов» д-ра Смита.— Эдинбург, 1814) (см.: MEGA. IV/8.— S. 524—532).

[104] Имеется в виду законспектированная в IX лондонской тетради кн.: *Malthus Th. R.* The measure of value stated and illustrated.— London, 1823 (*Мальтус Т. Р.* Мера стоимости. Изложение вопроса и иллюстрация.— Лондон, 1823) (см.: MEGA. IV/8.— S. 533—535).

[105] Маркс ссылается на собственные эксцерпты в IX лондонской тетради из кн.: *Hodgskin Th.* Popular political economy. Four lectures delivered at the London Mechanic's Institution.— London, 1827 (*Годскин Т.* Народная политическая экономия. Четыре лекции, прочитанные в Лондонской рабочей школе.— Лондон, 1827) (см.: MEGA. IV/8.— S. 549—562).

[106] Речь идет о работе: *Sempéré* [*y Guarinos J.*] Considérations sur les causes de la grandeur et de la décadence de la monarchie espagnole.— Paris, 1826.— T. 1, 2 (*Семпере*[*-и-Гуаринос Х.*] Соображения о причинах величия и упадка испанской монархии.— Париж, 1826.— Т. 1, 2). Она была обработана в XIV лондонской тетради (см.: MEGA. IV/9).

[107] Маркс подразумевает эксцерпты в XII лондонской тетради из кн.: *Hopkins Th.* Economical enquiries relative to the laws which regulate rent, profit, wages, and the value of money.— London, 1822 (*Гопкинс Т.* Экономические исследования относительно законов, регулирующих ренту, прибыль, заработную плату и стоимость денег.— Лондон, 1822) (см.: MEGA. IV/9).

[108] Отсюда начинается новая тетрадь, в которой записано продолжение рукописи. В LXXXIV разделе Маркс резюмировал эксцерпты из кн.: *Thornton H.* An enquiry into the nature and effects of the paper credit of Great Britain.— London, 1802 (*Торнтон Г.* Исследование природы и следствий бумажного кредита Великобритании.— Лондон, 1802), составленные в VI лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 506—527).

[109] *Американская война* — имеется в виду война за независимость США (1775—1783 гг.).

[110] Торнтон имел в виду вторую коалиционную войну Англии и ряда других европейских держав против наполеоновской Франции (1798—1802 гг.).

[111] В LXXXV разделе Маркс воспользовался эксцерптами из кн.: *Mortimer Th.* Every man his own broker.— 9 ed., rev. and enl.— London, 1782 (*Мортимер Т.* Каждый человек — свой собственный маклер.— 9-е изд.— Лондон, 1782). Они находились в VI лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 528—533).

[112] В LXXXVI разделе резюмированы краткие выписки из кн.: *Hamilton R.* An inquiry concerning the rise and progress, the redemption and present state, and the management, of the national debt of Great Britain.— 2 ed.— Edinburgh, 1814 (*Гамильтон Р.* Исследование относительно роста и развития, выплаты и настоящего состояния национального долга Великобритании, а также управления им.— 2-е изд.— Эдинбург, 1814), содержавшиеся в VI лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 534—535).

[113] Фантазии Ричарда Прайса о геометрической прогрессии возрастания сложных процентов, которые лежали в основе принятого в 1786 г. по инициативе британского премьера Уильяма Питта-Младшего закона о фонде погашения, Маркс впоследствии не раз высмеивал как беспочвенные, в том числе и в «Grundrisse» (см.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч.— Т. 46, ч. 1.— С. 339—340).

[114] В LXXXVII разделе Маркс лаконично изложил суть краткой выписки из кн.: *Cobbett W.* Manchester lectures, in support of his fourteen reform propositions.— London, 1832 (*Коббет У.* Манчестерские лекции, в поддержку четырнадцати предложений его реформы.— Лондон, 1832), сделанной в VI лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 537).

[115] В LXXXVIII разделе использованы эксцерпты из кн.: *Joplin Th.* Currency reform: Improvement not depreciation.— London, 1844 (*Джоплин Т.* Денежная реформа: улучшение — не обесценение.— Лондон, 1844). Они содержались в VI лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 542—545).

[116] В LXXXIX разделе использованы эксцерпты из кн.: *Gray J.* Lectures on the nature and the use of money.— Edinburgh, 1848 (*Грей Дж.* Лекции о природе и употреблении денег.— Эдинбург, 1848). Они находятся в VI лондонской тетради Маркса (см.: MEGA. IV/7.— S. 547—556).

[117] В XC разделе обработаны эксцерпты из кн.: *Stirling P. J.* The philosophy of trade; or, outlines of a theory of profits and prices, including an examination of the principles which determine the relative value of corn, labour, and currency.— Edinburgh; London, 1846 (*Стирлинг П. Дж.* Философия торговли, или Очерки теории прибыли и цен, включая рассмотрение причин, регулирующих относительную стоимость зерна, труда и денег.— Эдинбург; Лондон, 1846). Они были составлены в VI лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 557—564).

[118] В XCI разделе Маркс, по-видимому, намеревался резюмировать содержание выписок из кн.: *Bell G. M.* The philosophy of joint stock banking.— London, 1840 (*Белл Дж. М.* Философия акционерного банковского дела.— Лондон, 1840), которые были им составлены в VI лондонской тетради (см.: MEGA. IV/7.— S. 571—574). На этом рукопись «Слиток. Завершенная денежная система» обрывается.

БИБЛИОГРАФИЯ *

Агг А. Мир человека как субъекта производства: Критика К. Марксом концепции человека в буржуазной политической экономии.— Пер. с венг.— М.: Прогресс, 1984.— 199 с.

Адоратский В. В. Работа Маркса над «Капиталом» // Адоратский В. В. Избранные произведения.— М.: Госполитиздат, 1961.— С. 248—311.

Акопов Р. Я. Вопросы методологии и экономической теории в письмах К. Маркса и Ф. Энгельса о «Капитале»: Учеб. пособие для аспирантов и студентов / Моск. ин-т нар. хоз-ва им. Г. В. Плеханова.— М., 1974.—110 с.

Андрущенко Т. П. Марксов конспект книги Д. Рикардо «Начала политической экономии и налогового обложения» // Науч.-информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— 1977.— № 29.— С. 65—70.

Анишин В. А. Генезис категории «абстрактно-всеобщий труд» в социальной теории Маркса // Проблемы теории научного коммунизма.— М., 1976.— Вып. 8.— С. 177—188.

Антонова И. К. Первый набросок учения Маркса о прибыли в рукописи 1857—1859 годов // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе.— М., 1984.— С. 22—31.

Антонова И. К. Разработка Марксом структуры I тома «Капитала» (1857—1867 гг.) // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М.: Политиздат, 1983.— С. 172—205.

Афанасьев В. С. Великое открытие Карла Маркса: Методол. роль учения о двойственном характере труда.— М.: Мысль, 1980.— 267 с.

Багатурия Г. А. Контуры грядущего: Энгельс о коммунистическом обществе.— М.: Политиздат, 1972.— 224 с.

Багатурия Г. А. Первое великое открытие Маркса: Формирование и развитие материалистического понимания истории // Маркс-историк.— М.: Наука, 1968.— С. 107—174.

Багатурия Г. А., Выгодский В. С. Экономическое наследие Карла Маркса: История. Содержание. Методология.— М.: Мысль, 1976.— 325 с.

Блюмин И. Г. Возникновение и развитие марксистской политической экономии // Блюмин И. Г. История экономических учений: (Очерки теории).— М.: Высш. шк., 1961.— С. 5—104.

Болдырев И. А. «Итак, этот том готов...»: (К истории создания окончательного варианта I тома «Капитала» К. Маркса).— М.: Мысль, 1984.— 173 с.

Болдырев И. А. К вопросу об анализе «капитала вообще» в экономической рукописи Маркса (1857—1858 гг.): (К 100-летию написания рукописи) // Науч. зап. / Одес. гос. пед. ин-т им. К. Д. Ушинского.— 1958.— Т. 21.— С. 147—168.

* В библиографию включены в основном работы марксоведческого характера, в которых рассматриваются различные аспекты становления теории и метода марксистской политической экономии в 40 — 50-е гг. XIX в., вышедшие в СССР и за рубежом. Подготовлена Чепуренко А. Ю. при участии библиографа библиотеки ИМЛ при ЦК КПСС Кцоевой Л. И.

Болдырев И. А. Развитие взглядов К. Маркса на рабочую силу как товар в экономических рукописях (1857—1858 гг.): (Страницы из творческой истории «Капитала») // Питання політичної економії: Міжвід. зб.— Київ: Вид-во Київ. ун-ту, 1969.— Вип. 47.— С. 150—156.— На укр. яз.

Бородай Ю. М., Келле В. Ж., Плимак Е. Г. Наследие К. Маркса и проблемы теории общественно-экономической формации.— М.: Политиздат, 1974.— 309 с.

Братусь С. Вопросы собственности в рукописи Маркса «Формы, предшествующие капиталистическому производству» // Сов. государство и право.— 1940.— № 11.— С. 28—39.

Бронский М. Неопубликованная рукопись Маркса о деньгах // Пробл. экономики.— 1936.— № 2.— С. 156—167.

Брушлинский В. К. Еще раз к вопросу о датировке наброска плана главы о «капитале вообще» // Страницы истории марксизма и международного рабочего движения в XIX веке.— М., 1979.— Ч. 1.— С. 121—127.

Брушлинский В. К. К вопросу о датировке наброска плана главы о «капитале вообще» // К 160-летию со дня рождения Карла Маркса: Науч. сообщения и материалы сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса.— М., 1978.— С. 180—183.

Вазюлин В. А., Макаревич Г. А. Материалистическое переосмысление К. Марксом гегелевской концепции отчуждения: (По «Экономическо-философским рукописям 1844 года») // Проблемы диалектического материализма: (Материалы науч.-теорет. конф.).— М.: Изд-во МГУ, 1971.— С. 218—229.

Вазюлин В. А. Становление метода научного исследования К. Маркса: (Логич. аспект).— М.: Изд-во МГУ, 1975.— 222 с.

Васина Л. Л. Некоторые актуальные вопросы марксоведения в свете борьбы с извращениями истории создания экономического учения К. Маркса // Учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о всемирно-исторической роли рабочего класса и критика его буржуазных фальсификаторов.— М., 1984.— С. 107—115.

Васина Л. Л. О месте эксцерптных тетрадей Маркса первой половины 50-х гг. XIX в. в истории формирования марксистской теории денег // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М.: Политиздат, 1983.— С. 18—33.

Васина Л. Л. Разработка Марксом теории денег в Лондонских эксцерптных тетрадях 1850—1851 годов // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. сообщений.— М., 1980.— С. 62—116.

Выгодский В. С. Генезис второго тома «Капитала» К. Маркса // Вопр. экономики.— 1985.— № 5.— С. 59—69.

Выгодский В. С. Из истории создания «Капитала» К. Маркса // Вопр. экономики.— 1974.— № 2.— С. 77—89.

Выгодский В. С. К вопросу о разработке К. Марксом структуры экономической теории в 1859—1861 годах // Некоторые проблемы теории и истории марксизма и международного рабочего движения XIX в.— М., 1981.— С. 4—19.

Выгодский В. С. К истории создания «Капитала».— М.: Мысль, 1970.— 296 с.

Выгодский В. С. О Марксовой рукописи «Размышления» в VII Лондонской тетради с выписками // Науч.-информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— 1977.— № 29.— С. 57—64.

Выгодский В. С., Миськевич Л. Р. Создание Марксом политической экономии рабочего класса // Науч. докл. высш. шк. Экон. науки.— 1968.— № 5.— С. 10—20.

Выгодский В. С. Экономическое обоснование теории научного коммунизма.— М.: Политиздат, 1975.— 303 с.

Гаврилов В. Наемный труд в социальной теории К. Маркса // Актуальные проблемы международного рабочего движения.— М.: Наука, 1974.— С. 5—23.

Гальчинский А. С. Карл Маркс об историзме денежных отношений: (Методол. аспект).— М.: Мысль, 1985.— 190 с.

Глыбовский Ю. И. К вопросу об историзме категорий политической экономии // Страницы истории марксизма и международного движения в XIX веке.— М., 1979.— Ч. 2.— С. 155—173.

Гуйван П. Н. Становление марксистской концепции человека: (Опыт методол. анализа).— Томск: Изд-во Том. ун-та, 1985.— 273 с.

Давыдов В. П. Разработка К. Марксом проблем коммунистического преобразования общества в работе «Экономическо-философские рукописи 1844 года» // Науч. докл. высш. шк. Науч. коммунизм.— 1974.— № 4.— С. 97—105.

Давыдов Ю. Н. Труд и свобода.— М.: Высш. шк., 1962.— 132 с.

Демихов М. А. Обоснование К. Марксом материалистического взгляда на общество в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» // Актуальные вопросы истории марксистско-ленинской философии и критика буржуазных и ревизионистских фальсификаторов.— М.: Изд-во МГУ, 1971.— С. 5—25.

Еремин А. «Манифест Коммунистической партии» и некоторые вопросы экономической теории // Науч. докл. высш. шк. Экон. науки.— 1968.— № 4.— С. 34—40.

Ермакова А. В. К. Маркс о формах подчинения наемного труда капиталу // Вестн. МГУ. Сер. 6. Экономика.— 1970.— № 6.— С. 22—28.

Загайтов И. Теория ренты К. Маркса: Процесс создания // Экон. науки.— 1976.— № 6.— С. 33—44.

Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» Маркса / АН СССР, Ин-т философии.— /М./: Изд-во АН СССР, 1960.—285 с.

Исмаилов А. А. У истоков великого учения: (К вопросу о философско-экономическом обосновании исходных принципов научного коммунизма (1844—1847 гг.) / АН АзССР, Ин-т философии и права.— Баку: Элм, 1971.— 250 с.

История марксизма-ленинизма: Формирование, развитие и распространение марксизма, утверждение его в рабочем движении, 40-е годы XIX века — 1871 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М.: Политиздат, 1986.— 734 с.

История марксистской диалектики: От возникновения марксизма до ленинского этапа / АН СССР, Ин-т философии.— М.: Мысль, 1971.— 536 с.

Калинина Л. Л. Первые буржуазные отклики на работу Маркса «К критике политической экономии» (Первый выпуск, 1859 г.)//Науч.-информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— 1977.— № 30.— С. 29—40.

Кешелава В. В. Миф о двух Марксах.— М.: Политиздат, 1963.— 119 с.

Кириллов С. Р. К вопросу о формировании взглядов Маркса и Энгельса на вульгарную буржуазную политическую экономию в 40 — 50-х годах XIX века // Из истории марксизма и международного рабочего движения: К 145-летию со дня рождения Карла Маркса.— М.: Госполитиздат, 1963.— С. 107—127.

Коган А. М. В творческой лаборатории Карла Маркса: (План экономических исследований 1857—1859 гг. и «Капитал»).— М.: Мысль, 1983.— 174 с.

Коган А. М. Некоторые вопросы методологии «Капитала» К. Маркса // Науч. докл. высш. шк. Экон. науки.— 1966.— № 2.— С. 66—73.

Коган А. М. О неизученном плане исследований К. Маркса // Вопр. философии.— 1967.— № 9.— С. 77—87.

Кон А. Ф. О книге Маркса «К критике политической экономии» // Пробл. экономики.— 1939.— № 4.— С. 96—112.

Куликов В. В. К. Маркс о месте формального подчинения труда капиталу в становлении капиталистического способа производства // Вестн. МГУ. Сер. 6. Экономика.— 1968.— № 3.— С. 23—33.

Лапидус И. Докапиталистические формы производства в свете новой рукописи Маркса // Пробл. экономики.— 1941.— № 1.— С. 132—149.

Лапин Н. И. Молодой Маркс.— 3-е изд., доп.— М.: Политиздат, 1986.— 479 с.

Леонтьев Л. А. О предварительном варианте «Капитала» Маркса / АН СССР.— М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946.— 111 с.

Леонтьев Л. А. О работе К. Маркса «К критике политической экономии» (1859—1959).— М.: Госполитиздат, 1959.— 135 с.

Леонтьев Л. А. Роль Ф. Энгельса в формировании и развитии марксистской политической экономии / АН СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений.— М.: Наука, 1972.— 527 с.

Литературное наследство К. Маркса и Ф. Энгельса: История публикации и изучения в СССР / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М.: Политиздат, 1969.— 512 с.

Малыш А. И. Формирование марксистской политической экономии.— М.: Политиздат, 1966.— 351 с.

Малыш А. И. Экономические рукописи Маркса 1857—1859 годов как важнейший этап в развитии марксистской политической экономии // Из истории марксизма и международного рабочего движения: К 145-летию со дня рождения Карла Маркса.— М.: Госполитиздат, 1963.— С. 64—106.

Малыш А. И. Ф. Энгельс и пролетарская политэкономия.— М.: Политиздат, 1970.— 159 с.

Мамалуй А. А. Методология «Капитала» К. Маркса и системное единство диалектического и исторического материализма: Опыт постановки и обсуждения вопроса.— Харьков: Вища шк., 1979.— 176 с.

Мареев С. Н. Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса / АН СССР, Филос. о-во СССР, Ин-т философии.— М.: Наука, 1984.— 158 с.

Мареев С. Н. Единство логического и исторического в экономических рукописях К. Маркса 1857—1859 гг. // Из истории марксизма и международного рабочего движения.— М.: Политиздат, 1973.— С. 112—134.

Карл Маркс: Биография / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1973.— XIV, 736 с.

Маркс — историк: /Сб. статей/.— М.: Наука, 1968.— 711 с.

Марксистская философия в XIX веке: В 2-х кн. Кн. 1. От возникновения марксистской философии до ее развития в 50—60-х годах XIX века / АН СССР, Ин-т философии, Акад. обществ. наук при ЦК КПСС.— М.: Наука, 1979.— 486 с.

Меликьян Е. А. Разработка Марксом теории денег в экономической рукописи 1857—1858 гг. // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М.: Политиздат, 1983.— С. 34—62.

Миськевич Л. Р. О характере публикации и подготовки экономических эксцерптов К. Маркса // Науч.-информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— 1976.— № 28.— С. 6—13.

Миськевич Л. Р. Разработка и пропаганда Марксом своей экономической теории в 40—50-е гг. XIX в. // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М.: Политиздат, 1983.— С. 311—341.

Миськевич Л. Р. Хроника экономических исследований К. Маркса в 1859—1861 годах // Науч. информ. бюл. сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— 1977.— № 30.— С. 1—28.

Нарский И. С. Отчуждение и труд: По страницам произведений К. Маркса.— М.: Мысль, 1983.— 144 с.

Ойзерман Т. И. Формирование философии марксизма.— 3-е изд.— М.: Мысль, 1986.— 461 с.

Очерки по истории «Капитала» К. Маркса / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М.: Политиздат, 1983.— 379 с.

Притыцкая Т. И. К. Маркс и Ф. Энгельс о всемирно-исторической роли пролетариата и его партии.— Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1970.— 131 с.

Проблема человека в «Экономических рукописях 1857—1859 годов» К. Маркса: /Сб. статей/.— Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1977.— 171 с.

Развитие метода политической экономии: /Отр. из текстов/.— М.: Экономика, 1986.— 269 с.

Режабек Е. Я. Разработка К. Марксом метода критики в процессе создания теории прибавочной стоимости // Изв. Сев.-Кавк. науч. центра высш. шк. Обществ. науки.— 1974.— № 3.— С. 3—16.

Реуэль А. Л. История экономических учений: (От древних мыслителей до К. Маркса и Ф. Энгельса): / Учеб. пособие по истории экон. учений для вузов/.— М.: Высш. шк., 1972.— 422 с.

Родригес С. Проблема человека и категория «отчужденный труд» в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия.— 1969.— № 5.— С. 69—76.

Розенберг Д. И. Очерки развития экономического учения Маркса и Энгельса в сороковые годы XIX века / АН СССР, Ин-т экономики.— М.: Изд-во АН СССР, 1954.— 327 с.

Розенберг Д. И. Формирование экономических и социалистических воззрений Энгельса до революции 1848 года // Под знаменем марксизма.— 1941.— № 1.— С. 94—109.

Румянцева Н. С. О публикации «Парижских тетрадей» К. Маркса во 2 томе IV отдела МЭГА // Новые материалы о жизни и деятельности К. Маркса и Ф. Энгельса: Сб. науч. сообщений.— М., 1980.— С. 17—46.

Сабуро Я. Философские размышления о развитии человека: К вопросу о теории отчуждения К. Маркса // Японские материалисты: Актуальные проблемы философской науки и история философской мысли в Японии. /Пер. с япон./.— М.: Наука, 1985.— С. 9—66.

Селезнев К. Л. Создание и развитие К. Марксом и Ф. Энгельсом теории научного коммунизма: (Обзор сов. литературы) // Вопр. философии.— 1968.— № 3.— С. 108—131.

Смирнов Г. Л. К. Маркс о личности, условиях ее освобождения и развития.— Коммунист.— М., 1984.— № 13.— С. 34—44.

Современная буржуазная экономическая мысль: Критика теории и методологии / Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Каф. политэкономии.— М.: Мысль, 1986.— 268 с.

Солодков М. В., Крылов Л. С. Категория производительного труда в экономическом учении К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 6. Экономика.— 1971.— № 1.— С. 19—28.

Сыров А. Г. Лондонские эксцерптные тетради Маркса 50-х годов XIX века как этап в формировании научной теории стоимости // Актуальные проблемы лениноведения и ленинского идейного наследия: Материалы науч.-теорет. конф. молодых ученых Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— М., 1981.— С. 253—275.

Сыров А. Г. О двух ступенях разработки теории трудовой стоимости Маркса в экономической рукописи 1857—1858 гг. // Научные сообщения и документы по марксоведению.— М., 1981.— С. 66—77.

Сыров А. Г. Об уровне разработки К. Марксом теории трудовой стоимости в 40-е годы XIX в. // Страницы истории марксизма и международного рабочего движения в XIX веке.— М., 1979.— Ч. 1.— С. 52—91.

Сыров А. Г. Об экономических занятиях К. Маркса в начале 50-х гг. XIX в. в связи с разработкой теории трудовой стоимости: (Обзор эксцерптных тетрадей) // Из истории марксизма-ленинизма и международного рабочего движения.— М.: Политиздат, 1982.— С. 54—89.

Сэв Л. Марксизм и теория личности. Пер. с франц.— М.: Прогресс, 1972.— 582 с.

Тер-Акопян Н. Б. Развитие взглядов К. Маркса и Ф. Энгельса на азиатский способ производства и земледельческую общину // Народы Азии и Африки.— 1965.— № 2.— С. 74—88; № 3.— С. 70—85.

Терновский М. В. Вопросы теории земельной ренты в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» К. Маркса // К 160-летию со дня рождения Карла Маркса: Науч. сообщения и материалы сектора произведений К. Маркса и Ф. Энгельса.— М., 1978.— С. 20—32.

Терновский М. В. Создание Марксом теории земельной ренты в 40—60-е гг. XIX в. // Очерки по истории «Капитала» К. Маркса.— М.: Политиздат, 1983.— С. 63—102.

Тёкеи Ф. К теории общественных формаций: Проблемы анализа общественных форм в теоретическом наследии К. Маркса.— Пер. с венг.— М.: Прогресс, 1975.— 271 с.

Тронев К. П. Вопросы товарного производства при капитализме и при социализме в свете «Экономических рукописей 1857—1859 годов» К. Маркса // Вестн. МГУ. Сер. 6. Экономика.— 1970.— № 4.— С. 34—46.

Тушунов А. В. Вопросы аграрной истории.— М.: Мысль, 1976.— 318 с.

Устиненко В. А. О конкретно-историческом содержании категории «отчуждение»: (По работе К. Маркса «Экономическо-философские рукописи 1844 года») // Некоторые методологические проблемы исследования личности и общества: (Материалы науч.-теорет. конф.).— М.: Изд-во МГУ, 1976.— С. 34—43.

Цанн-Кай-Си Ф. В. Проблема человека в работах Маркса 40-х годов XIX века: Спецкурс по марксистско-ленинской философии / Владимир. гос. пед. ин-т им. П. И. Лебедева-Полянского.— Владимир, 1973.— 230 с.

Чагин Б. А. Создание и развитие К. Марксом и Ф. Энгельсом теории научного коммунизма / АН СССР, Ленингр. каф. философии.— Л.: Наука, 1970.— 330 с.

Чайка Т. О. К. Маркс об исторических путях и перспективах формирования целостной личности: (На материалах «Экономических рукописей 1857—1859 годов») // Проблеми філософії: Міжвід. наук. зб.— Київ: Вища шк., 1976.— Вип. 37.— С. 16—23.— На укр. яз.

Чайка Т. О. О философско-социологическом содержании «Экономических рукописей 1857—1859 годов» К. Маркса // Проблеми філософії: Міжвід. наук. зб.— Київ: Вища шк., 1974.— Вип. 33.— С. 3—10.— На укр. яз.

Чепуренко А. Ю. Наброски некоторых положений второго тома «Капитала» в «Экономической рукописи К. Маркса 1857—1858 годов» // Новые материалы о К. Марксе и Ф. Энгельсе и об изданиях их произведений.— М., 1985.— С. 1—35.

Шкредов В. П. Метод исследования собственности в «Капитале» К. Маркса.— М.: Изд-во МГУ, 1973.— 262 с.

Фридрих Энгельс: Биография / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.— 2-е изд.— М.: Политиздат, 1977.— XII, 610 с.

Станковић В. Место «Основа критике политичке економије» у формирању Марксове економске мисли // Анали Правног фак. у Београду.— 1980.— № 1—2.— С. 63—82.

Abend H., Marxhausen Th. Durchschnittsprofit, Produktionspreis und Kritik der «trinitarischen Formel» im ökonomischen Werk von Karl Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1978.— N 5.— S. 41—66.

Abend H., Müller W. Zu Marx' Geldtheorie in den «Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie» // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 9.— S. 54—66.

Badaloni N. Raffronto tra il III capitolo del «Per la critica dell'economia politica» di K. Marx ed il suo «Progetto» di rielaborazione dei «Grundrisse» // Filosofia e politica: Scritti dedicati a Cesare Luporini.— Firenze, 1981.— P. 111—151.

Block K.-D. Der Außenhandel und der Weltmarkt in den Aufbauplänen von Karl Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— N 20.— S. 116—127.

Brie M. «Formelle» und «reelle» Subsumtion der Arbeit unter das Kapital in der Marxschen Untersuchung der kapitalistischen Gesellschaftsformation // Deutsche Ztschr. für Philosophie.— Berlin.— 1980.— H. 2.— S. 226—232.

Brunhoff S. de, Ewenczyk P. Introduzione generale // Marx K. La moneta e il credito: Racc. di scritti.— Milano: Feltrinelli, 1981.— P. 9—58.

Brunhoff S. de. La monnaie chez Marx.— 3 éd.— Paris: Éd. sociales, 1976.— 206 p.

Carandini G. Lavoro e capitale nella teoria di Marx.— Padova: Marsilio, 1971.— 277 p.

Carver T. A. commentary on Marx's «Introduction» (1857) to the «Grundrisse» // Marx K. Texts on method.— Oxford: Blackwell, 1975.— P. 88—158.

Carver T. Editor's preface // Marx's introduction (1857) to the «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» // Marx K. Texts on method.— Oxford: Blackwell, 1975.— P. 3—45.

Christ H. Marx'Smith-Rezeption in den Londoner Exzerpthefte (1850—1853) und den Manuskripten «Reflection» und «Bullion. Das vollendete Geldsystem» // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 8.— S. 4—17.

Cohen G. A. Thoughts on the Grundrisse // Marxism today.— London.— 1972.— N 12.— P. 372—374.

Cotten J.-P. La notion d'individue social dans les «Grundrisse» de Marx // La Pensée.— Paris.— 1982.— N 228.— P. 73—82.

Dakun Wu. The Asiatic mode of production in history as viewed by political economy in its broad sense // Marxism in China.— Nottingham: Russell, 1983.— P. 53—77.

Drohla H., Jungnickel J., Müller M. Beiträge der Sowjetwissenschaft zur Erforschung der Entstehungsgeschichte des «Kapitals» // Wirtschaftswissenschaft.— Berlin.— 1978.— H. 6.— S. 659—669.

Elliott J. Continuity and change in the evolution of Marx's theory of alienation: from the «Manuscripts» through the «Grundrisse» to «Capital» // History of polit. economy.— Durham.— 1979.— N 3.— P. 317—362.

Elliott J. E. The «Grundrisse» as social theory: Link between young Marx and mature Marx // Social science quart.— Austin.— 1978.— N 2.— P. 239—256.

Erckenbrecht U. Das Geheimnis des Fetischismus: Grundmotive der Marxschen Erkenntniskritik.— Frankfurt / M.; Köln: Europäische Verl., 1976.— 132 S.

Fay M. The influence of Adam Smith on Marx's theory of alienation // Science and society.— New York.— 1983.— N 2.— P. 131—151.

Fischer B. Zur Entwicklung der Auffassungen von Karl Marx über fixes und zirkulierendes Kapital von 1857 bis 1863 // Marx-Engels-Jahrbuch.— Berlin: Dietz, 1978.— 1.— S. 289—306.

Fischer E. Marx' Gesetzesauffassung und die theoretische Begründung ihrer Historizität in den «Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie» 1857—1858 // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 10.— S. 20—36.

Fischer N. Economy and self: Philosophy and economics from the mercantilists to Marx.— Westport; London: Greenwood press, 1979.— X, 264 p.

Focke W. Das «Citatenheft» von Karl Marx // ...unsrer Partei einen Sieg erringen: Studien zur Entstehungs- und Wirkungsgeschichte des «Kapitals» von Karl Marx: Ein Sammelband.— Berlin: Die Wirtschaft, 1978.— S. 130—137.

Fricke K., Jahn W. Marx' Londoner Exzerpthefte von 1850 bis 1853 // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1976.— N 2.— S. 60—78.

Friedrich H. Marx' Auffassung über die Dialektik von Wesen und Erscheinung in den «Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie» // Wiss. Ztschr. der Friedrich-Schiller-Univ. Jena. Ges.- u. sprachwiss. R.— 1982.— H. 6.— S. 657—662.

Fritsch B. Die Geld- und Kredittheorie von Karl Marx: Eine Darstellung und kritische Würdigung.— Frankfurt a.M.: Europäische Verl.; Wien: Europa Verl., 1968.— 186 S.

Fromm E. Das Menschenbild bei Marx.— Frankfurt a.M.: Europäische Verl., 1963.— 225 S.

Galander E. Die amerikanische bürgerliche Ökonomie vor dem Bürgerkrieg von 1861/65 in Marxscher und bürgerlicher Sicht // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1982.— N 14.— S. 153—171.

Galander E., Galander U. Karl Marx und Friedrich Engels zur historischen Stellung von Friedrich List und Henry C. Carey // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1980.— N 12.— S. 44—60.

Galander E. Marx' Kritik der bürgerlichen Ökonomie der USA als spezielle Form der Auseinandersetzung mit der Vulgärökonomie // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.— Berlin, 1982.— 11.— S. 89—96.

Galander E., Zimmermann M. Reflexionen von Marx zum Gegensatz von Henry C. Carey zu David Ricardo // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1981.— N 13.— S. 27—45.

Galander E. Die Stellung des Manuskripts «Bastiat und Carey» in der Auseinandersetzung von Marx mit Henry Charles Carey // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 9.— S. 80—89.

Galander E. Zu einigen Fragen von Marx' Beschäftigung mit Kolonien im Rahmen seines sechsgliedrigen Aufbauplanes // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— N 20.— S. 131—138.

Galander U. Methodologische Probleme des Aufbauplanes des ökonomischen Hauptwerkes von Karl Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— N 20.— S. 45—55.

Galander U. Zur Dialektik von Logischem und Historischem in Karl Marx «Ökonomische Manuskripte 1857/58» // Wiss. Ztschr. der Friedrich-Schiller-Univ. Jena. Ges.- u. sprachwiss. R.— 1982.— H. 6.— S. 663—667.

Giannantoni G. L'«Introduzione» del' 57 e il rapporto Marx — Hegel // Giannantoni G. Il marxismo di Galvano della Volpe.— Roma: Ed. riuniti, 1976.— P. 94—130.

Göhler G. Die Reduktion der Dialektik durch Marx: Strukturveränderungen der dialektischen Entwicklung in der Kritik der politischen Ökonomie.— Stuttgart: Klett — Cotta, 1980.— 231 S.

Goldberg J. Marx zum kapitalistischen Krisenzyklus // Marxistische Studien: Jb. des IMSF.— Frankfurt / M., 1982.— Sbd. 1.— S. 287—304.

«*Grundrisse* der Kritik der politischen Ökonomie» — Historischer Platz und aktuelle Bedeutung // Wiss. Ztschr. der Friedrich-Schiller-Univ. Jena. Ges.- u. sprachwiss. R.— 1982.— H. 6.— S. 629—796.

Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie: (Rohentwurf): Kommentar / Hrsg. von der Projektgruppe Entwicklung des Marxschen Systems.— Hamburg: VSA-Verl., 1978.— 333 S.

Hartsock N., Smith N. On Althusser's misreading of Marx's 1857 «Induction» // Science and society.— New York.— 1979—1980.— N 4.— P. 486—489.

Hecker R. Zur Herausgabe des Marxschen «Kapitals» und der Vorarbeiten // Deutsche Ztschr. für Philosophie.— Berlin.— 1982.— H. 4.— S. 480—491.

Hellborn R. Die Marxsche Auffassung über Entstehung und Absterben der Warenproduktion in der Periode 1850—1863 und ihre aktuelle Bedeutung // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 9.— S. 90—96.

Helmich H.-J. «Verkehrte Welt» als Grundgedanke des Marxschen Werkes: Ein Beitrag zum Problem des Zusammenhanges des Marxschen Denkens.— Frankfurt / M. etc.: Lang, 1980.— IV, 386 S.

Hirano A. On Marx's law of the falling rate of profit in «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» // Кэйдзайгаку Сэндай.— 1970.— Т. 31.— С. 1—21.— На японск. яз.

Hirata K. Conceptual evolution of «capital in process» in «Foundations of the critique of political economy» // Kyoto univ. econ. rev.— 1981.— N 1/2.— P. 1—35.

Hobsbawm E. J. Introduction // Marx K. Pre-capitalist economic formations / Transl. by J. Cohen.— London: Lawrence and Wishart, 1964.— P. 9—65.

Höfer M. Die bürgerliche Marxkritik und die Marxschen «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» // Deutsche Ztschr. für Philosophie.— Berlin.— 1968.— H. 12.— S. 1511—1516.

Howard D. On deforming Marx: the French translation of «Grundrisse» // Science and society.— New York.— 1969.— N 3.— P. 358—365.

Hunt E. K. Was Marx a utopian socialist? // Science and society.— New York.— 1984.— N 1.— P. 90—97.

Itoh M. The formation of Marx's theory of crisis // Science and society.— New York.— 1978.— N 2.— P. 129—155.

Jahn W., Leidigkeit K.-H. Eine Dokumentation der Entstehungsgeschichte des «Kapitals»: Zum Erscheinen der ersten Bände der Zweiten Abteilung der

Marx-Engels-Gesamtausgabe (MEGA) // Ztschr. für Geschichtswiss.— Berlin.— 1978.— H. 2.— S. 134—143.

Jahn W. Die Entwicklung der Ausgangskategorie der politischen Ökonomie des Kapitalismus in den Vorarbeiten von Marx' «Kapital» // ...unsrer Partei einen Sieg erringen: Studien zur Entstehungs- und Wirkungsgeschichte des «Kapitals» von Karl Marx: Ein Sammelband.— Berlin: Die Wirtschaft, 1978.— S. 66—79.

Jahn W., Noske D. Fragen der Entwicklung der Forschungsmethode von Karl Marx in den Londoner Exzerptheften von 1850—1853 // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 7.— S. 4—111.

Jahn W. Der ökonomische Inhalt des Begriffs der Entfremdung der Arbeit in den Frühschriften von Karl Marx // Wirtschaftswissenschaft.— Berlin.— 1957.— H. 6.— S. 848—865.

Jahn W., Nietzold R. Probleme der Entwicklung der Marxschen politischen Ökonomie im Zeitraum von 1850 bis 1863 // Marx-Engels-Jahrbuch.— Berlin: Dietz, 1978.— 1.— S. 145—174.

Jahn W., Noske D. Über die methodologischen Voraussetzungen der Marxschen politischen Ökonomie // Wiss. Ztschr. der Martin-Luther-Univ. Halle — Wittenberg. Ges.- u sprachwiss. R.— 1979.— N 5.— S. 5—13.

Jahn W., Noske D. Zu einigen Aspekten der Entwicklung der Marxschen Forschungsmethode der politischen Ökonomie in den Londoner Heften (1850 bis 1853) // Marx-Engels-Jahrbuch.— Berlin: Dietz, 1983.— 6.— S. 121—147.

Jahn W. Zu Marx' «Reflection» von 1851 // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1981.— N 13.— S. 4—15.

Jahn W. Zur Entwicklung der Struktur des geplanten ökonomischen Hauptwerkes von Karl Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— N 20.— S. 6—44.

Jungnickel J. Einige Bemerkungen zum Inhalt und zur Bedeutung der Marxschen Kategorien formelle und reelle Subsumtion der Arbeit unter das Kapital // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.— Berlin, 1982.— N 11.— S. 117—125.

Klages H. Technischer Humanismus: Philosophie und Soziologie der Arbeit bei Karl Marx.— Stuttgart: Enke, 1964.— 191 S.

Klette M., Marxhausen Th. Marx' Analyse des Geschichtsverständnisses der bürgerlichen politischen Ökonomie // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1980.— N 12.— S. 61—79.

Kogan A. M. Zur Frage der Methodologie des Planes der sechs Bücher von Karl Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— N 20.— S. 56—80.

Kučera M. Marxove «Grundrisse» a problém spoločensko-ekonomickej formácie // Hist. čas.— Bratislava.— 1983.— N 3.— S. 325—344.

Lefèbvre J.-P. Introduction // Marx K. Manuscrit de 1857—1858: «Grundrisse».— Paris: Éd. sociales, 1980.— Pt. 1.— P. VII—XII.

Leidigkeit K.-H. Die Bedeutung der ökonomischen Studien von Karl Marx für die Parteintwicklung (1852—1859) // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1976.— N 1.— S. 44—54.

Lemmnitz A. Die Entstehung der ökonomischen Lehre von Karl Marx // Wirschaftswissenschaft.— Berlin.— 1953.— H. 2.— S. 114—136.

Lietz B. Die kritische Verarbeitung der ökonomischen Auffassungen von Adam Smith als Impuls zur Herausbildung der Theorien über produktive und unproduktive Arbeit bei Karl Marx (1857—1863) // 200 Jahre Adam Smith' «Reichtum der Nationen»: Intern. Kolloquium.— Berlin: Akad.-Verl., 1976.— S. 119—122.

Lietz B. Zur Entwicklung der Marxschen Lehre von der produktiven und unproduktiven Arbeit in den Jahren 1857 bis 1863: Theoriegeschichtliche Untersuchung // Marx-Engels-Jahrbuch.— Berlin: Dietz, 1979.— 2.— S. 218—240.

Macchioro A. La questione del soggettivismo e dell'uso dei «Grundrisse» in Italia // Critica leninista del presente.— Milano, 1980.— P. 114—162.

Mandel E. La formation de la pensée économique de Karl Marx: De 1843 jusqu'à la rédaction du «Capital»: Étude gènétique.— Paris: Maspero, 1967.— 213 p.

Marquit E. Nicolaus and Marx's method of scientific theory in the «Grundrisse» // Science and society.— New York.— 1977—1978 (Winter).— N 4.— P. 465—476.

Marxhausen Th. Die Entwicklung der Theorie des Warenfetischismus in Marx' ökonomischen Schriften zwischen 1850 und 1863 // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1976.— N 1.— S. 75—95.

Marxhausen Th., Schattenberg O. «Klassische bürgerliche politische Ökonomie» und «Vulgärökonomie» — Entstehung, Inhalt und Einsatz der Begriffe im ökonomischen Werk von Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1978.— N 4.— S. 4—23.

Marxhausen Th., Wygodski W. S. Die Wechselbeziehung von Theorie und Theoriegeschichte im Prozeß der Erarbeitung der Marxschen Mehrwertlehre // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1982.— N 15.— S. 4—29.

Marxhausen Th. Wissenschaft und Klassenkampf: (Methodische Probleme der Marx-Engels-Forschung, dargestellt an Marx' kritischer Rezeption der «Auflösung der Ricardoschen Schule» in seinen ökonomischen Arbeiten zwischen 1850 und 1863) // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 10.— S. 47—63.

Matsubara T. Marx's view of joint-stock company: A study on «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» // Кэйдзайгаку кэнкю.— Саппоро.— 1974.— № 1.— С. 265—292.— На японск. яз.

McLellan D. Introduction // Marx's Grundrisse.— London: Macmillan, 1971.— P. 1—15.

Menzel S. Die Marxsche Konzeption von der Umwandlung der Wissenschaft in eine unmittelbare Produktivkraft // Wiss. Ztschr. Techn. Hochschule Karl-Marx-Stadt.— 1981.— H. 5.— S. 555—560.

Mepham J. From the Grundrisse to Capital // Issues in Marxist philosophy. Vol. 1. Dialectics and method.— Brighton: The Harvester press, 1979.— P. 145—173.

Müller M. Auf dem Wege zum «Kapital»: Zur Entwicklung des Kapitalbegriffs von Marx in den Jahren 1857—1863.— Berlin: Akad.-Verl., 1978.— 160 S.

Müller M. Zu einigen sowjetischen Forschungsergebnissen über die Entstehungsgeschichte des «Kapitals» // Beiträge zur Geschichte der Marx-Engels-Forschung und -Edition in der Sowjetunion und der DDR.— Berlin: Dietz, 1978.— S. 114—123.

Müller W. «The Economist» und die Ausarbeitung der revolutionären Theorie durch Marx und Engels // Beitr. zur Geschichte der Arbeiterbewegung.— Berlin.— 1982.— H. 3.— S. 387—392.

Müller W. Das Verhältnis von Marx zu den sozialistischen Ricardianern // ...unsrer Partei einen Sieg erringen: Studien zur Entstehungs- und Wirkungsgeschichte des «Kapitals» von Karl Marx: Ein Sammelband.— Berlin: Die Wirtschaft, 1978.— S. 92—98.

Müller W. Zu Marx' Auseinandersetzung mit utopischen Vorstellungen Grays und Proudhons in der ersten Hälfte der fünfziger Jahre des vorigen Jahrhunderts // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1980.— N 12.— S. 80—88.

Müller W. Zum Stand der Ausarbeitung der Marxschen Reproduktionstheorie in den «Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie» und dessen Bedeutung für die Interpretation der Marxschen Reproduktionsschemata // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.— Berlin, 1979.— N 5.— S. 53—60.

Müller W. Zur Bedeutung der Marxschen Studien des «Economist» für die Herausbildung der marfistischen Geld-, Kredit- und Krisentheorie // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1981.— N 13.— S. 57—70.

Müller W. Zur Bedeutung der Wechselkurstheorie von William Blake für die Überwindung der Quantitäts- und Wechselkurstheorie Ricardos durch Karl Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1982.— N 14.— S. 128—141.

Müller W. Zur Entwicklung der Marxschen Kredittheorie und ihrer Einordnung in die Struktur des Marxschen Hauptwerkes // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— N 20.— S. 139—147.

Negri A. Marx oltre Marx: Quaderno di lavoro sui «Grundrisse».— 3 ed.— Milano: Feltrinelli, 1979.— 197 p.

Nicolaus M. The unknown Marx // New left rev.— London.— 1968.— N 48.— P. 41—61.

Oakley A. Aspects of Marx's «Grundrisse» as intellectual foundations for a major theme of «Capital» // History of polit. economy.— Durham.— 1979.— N 2.— P. 286—302.

Oakley A. Marx's critique of political economy: Intellectual sources and evolution. Vol. 1—2: 1844—1863.— London: Routledge and Kegan Paul, 1984—1985.— 266 + X, 342 p.

O'Malley J. Marx's «Economics» and Hegel's «Philosophy of right»: An essay on Marx's Hegelianism // Polit. studies.— Oxford.— 1976.— Vol. 24.— P. 43—56.

Piccone P. Reading the Grundrisse: Beyond «orthodox» Marxism // Theory and society.— 1975.— N 2 (Summer).— P. 235—255.

Popitz H. Der entfremdete Mensch: Zeitkritik und Geschichtsphilosophie des jungen Marx.— Frankfurt / M.: Europäische Verl., 1967.— 152 S.

Postone M., Reinicke H. On Nicolaus «Introduction» to the «Grundrisse» // Telos.— St. Louis.— 1974—1975.— N 22.— P. 130—148.

Prestipino G. «L'antropologia» di Engels e la tematica filosofica dei «Grundrisse» // Critica marxista.— Roma.— 1970.— N 5 (Sett.-ott.).— P. 66—104.

Preyer G. Untersuchung zu Voraussetzungen und zur Systematik der «Kritik der politischen Ökonomie» von Karl Marx.— Frankfurt / M.: Lang, 1977.— 228 S.

Rancière J. The concept of «critique» and the «Critique of political economy» (from the 1844 Manuscripts to «Capital») // Economy and society.— 1976.— N 5.— P. 352—376.

Richter H. «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» — Schatzkammer der ökonomischen Theorie der Arbeiterklasse // Wirtschaftswissenschaft.— Berlin.— 1978.— H. 7.— S. 769—780.

Richter H. Die «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» — ein Meilenstein in der Entwicklung der ökonomischen Theorie von Karl Marx: Zum Erscheine des MEGA²-Bandes II. 1.1 // Marx-Engels-Forschungsberichte.— Leipzig, 1981.— N 1.— S. 152—173.

Rojahn J. Marxismus — Marx — Geschichtswissenschaft: der Fall der sogenannten «Ökonomisch-philosophischen Manuskripte aus dem Jahre 1844» // Intern. rev. of soc. history.— Assen.— 1983.— N 1.— P. 2—49.

Römer M.-L. William Thompson im Prokrustesbett? Über einen Versuch die sozialistischen Quellen des Marxismus zu verfälschen // Deutsche Ztschr. für Philosophie.— Berlin.— 1986.— H. 2.— S. 126—134.

Rosdolsky R. Zur Entstehungsgeschichte des Marxschen «Kapital»: Der Rohentwurf des «Kapital» 1857—58. Bd. 1—2.— Frankfurt / M.: Europäische Verl.; Wien: Europa Verl., 1968.— 688 S.

Ruch U. Die Marxschen ökonomischen Studien und die Weiterentwicklung der Theorie der sozialistischen Revolution // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 10.— S. 4—19.

Sagnol M. Diachronie et et synchronie dans la «Critique de l'économie politique»: (A propos de la problématique «historique / logique» dans les «Grundrisse» et de sa réception en Union Sovietique // 1883—1983: L'oeuvre de Marx, un siècle après.— Paris: Presses univ. de France, 1985.— P. 313—318.

Sagnol M. Des «Grundrisse» au «Capital»: Sur la modification du plan du «Capital» // La Pensée.— Paris.— 1982.— N 228.— P. 17—28.

Sakai A. Die Polemik in Japan über das Manuskript von Karl Marx: «Formen, die der kapitalistischen Produktion vorhergehn» // Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte.— Berlin: Akad.-Verl., 1970.— T. 1.— S. 39—60.

Salem J. Les rapports de Marx et Rousseau à la lumière des notes sur les économistes (1844) // 1883—1983: L'oeuvre de Marx, un siècle après.— Paris: Presses univ. de France, 1985.— P. 81—84.

Schellhardt F. Marx' Exzerpte über K. D. Hüllmanns Werke im Heft XVII der «Londoner Hefte 1850—1853» // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1983.— N 16.— S. 74—84.

Schellhardt F. Die wirtschaftshistorischen Studien von Karl Marx in den «Londoner Heften 1850—1853»: (Hefte I—VI) // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1982.— N 14.— S. 183—195.

Schiavone A. Per una rilettura delle «Formen»: teoria della storia, dominio del valore d'uso e funzione dell'ideologia // Problemi teorici del marxismo.— Roma, 1976.— P. 189—213.

Schrader F. E. Abstraktion und Geschichte: Bemerkungen zur Arbeitsweise von Karl Marx anhand einiger Motive in seinen nachgelassenen Heften // Internationale wissenschaftliche Korrespondenz zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.— Berlin (W.), 1983.— H. 4.— S. 501—517.

Schrader F. E. Restauration und Revolution: Die Vorarbeiten zum «Kapital» von Karl Marx in seinen Studienheften 1850—1858.— Hildesheim: Gerstenberg, 1980.— 285 S.

Schwarz E. Zur Entwicklung der materialistischen Widerspruchsdialektik in den Schriften von Karl Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1982.— N 14.— S. 49—65.

Schwarz W. Der «junge Marx» in der Literatur 1975—80: Bericht über veränderte Interpretationstendenzen in der Bundesrepublik // Marxistische Studien: Jb. des IMSF.— Frankfurt / M., 1980.— N 3.— S. 271—296.

Schwarz W. Vom «Rohentwurf» zum «Kapital»: Die Strukturgeschichte des Marxschen Hauptwerkes.— Berlin (W.): Europäische Buch, 1978.— 287 S.

Semprun J. Economie politique et philosophie dans les «Grundrisse» de Marx // L'homme et le société.— Paris.— 1968.— N 7.— P. 57—68.

Sieber R., Richter H. Die Herausbildung der marxistischen politischen Ökonomie.— Berlin: Dietz, 1969.— 387 S.

Sieferle R. P. Die Revolution in der Theorie von Karl Marx.— Frankfurt / M. etc.: Ullstein, 1979.— 256 S.

Situating Marx: Evaluations and departures / Ed. by P. Walton and S. Hall.— London: Human context books, 1973.— 167 p.

Skambraks H. Einführung in Marx' Schrift «Zur Kritik der politischen Ökonomie».— Berlin: Dietz, 1982.— 48 S.

Spiller G. Der Gebrauchswert als Stoff- und Formbestimmung in den «Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie» von Karl Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 9.— S. 67—79.

Stude K., Winkler G. Marx' Studien zur Bevölkerungs und Grundrententheorie in den «Londoner Heften 1850—1853»: (Hefte VII—X) // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1982.— N 14.— S. 172—182.

Stude K. Zu bevölkerungstheoretischen Problemen in den «Londoner Heften 1850—1853» von Karl Marx: (Hefte I—VI) // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1981.— N 13.— S. 81—91.

Stude K. Zur Entwicklung der Marxschen Lohntheorie in den «Londoner Exzerptheften» (1850—1853) und den «Ökonomischen Manuskripten 1857/58» // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 8.— S. 48—58.

Suchting W. Marx on the dialectics of production and consumption in the introduction to the «Grundrisse» // Social praxis.— Mouton a.o.— 1975.— N 3/4. —P. 291—306.

Takagi K. Das Reproduktionsschema und die Krise in Karl Marx' «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» // Konjunktur und Krise.— Berlin.— 1963.— H. 2.— S. 57—68.

Taubert I. Die neue Edition der «Ökonomisch-philosophischen Manuskripte» // Deutsche Ztschr. für Philosophie.— Berlin.— 1983.— H. 2.— S. 213—228.

Taubert I. Zur Interpretation der «Ökonomisch-philosophischen Manuskripte» // Marxistische Studien: Jb. des IMSF.— Frankfurt / M., 1982.— Sbd. 1.— S. 231—243.

Ternowski M. Einige Grundzüge der Weiterentwicklung der Grundrententheorie durch Karl Marx // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.— Berlin, 1982.— N 11.— S. 127—136.

Texier J. Le privilège épistémologique du présent et la nécessité du moment génétique dans les Grundrisse de K. Marx // La Pensée.— Paris.— 1982.— N 225.— P. 40—52.

Thal P. Zur Überwindung des Smith-Ricardoschen Begriffs «Wert der Arbeit» durch Karl Marx // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1976.— N 1.— S. 5—18.

Tomberg F. Der Begriff der Entfremdung in den «Grundrissen» von Karl Marx // Das Argument.— Berlin (W.) — 1969.— H. 3.— S. 187—223.

Tosel A. Un exemple du travail de la réception: A propos des interprétations de la préface (1859) à la «Contribution à la critique de l'économie politique» // 1883—1983: L'oeuvre de Marx, un siècle àpres.— Paris: Presses univ. de France, 1985.— P. 121—127.

Tribe K. Remarks on the theoretical significance of Marx's Grundrisse // Economy and society.— 1974.— N 2.

Trincia F. S. Marx lettore di Rousseau (1843) // Critica marxista.— Roma.— 1985.— N 5.— P. 97—127.

Tuchscheerer W. Bevor «Das Kapitals» entstand: Die Herausbildung und Entwicklung der ökonomischen Theorie von Karl Marx in der Zeit von 1843 bis 1858.— Berlin: Akad.-Verl., 1968.— 493 S.

Tuchscheerer W. Zur Entwicklung der ökonomischen Lehre von Marx: Die Umwälzung der gesamten ökonomischen Theorie in den «Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie» // Beitr. zur Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung.— Berlin.— 1968.— Sonderheft.— S. 75—97.

...unsrer Partei einen Sieg erringen: Studien zur Entstehungs- und Wirkungsgeschichte des «Kapitals» von Karl Marx: Ein Sammelband.— Berlin: Die Wirtschaft, 1978.— 272 S.

Vigorelli A. Continuità e rottura in Marx: su alcune recenti interpretazioni dei «Grundrisse 1857—1858» // Aut aut.— Milano,— 1975.— N 145—146 (Genn.-apr.).

Vollgraf C.-E. Karl Marx über den Wert der Ware Arbeitsvermögen in den «Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie» und einige sich daraus ergebende methodische Schlußfolgerungen // ...unsrer Partei einen Sieg erringen: Studien zur Entstehungs- und Wirkungsgeschichte des «Kapitals» von Karl Marx: Ein Sammelband.— Berlin: Die Wirtschaft, 1978.— S. 117—129.

Vollgraf C.-E. Marx' kritische Würdigung der theoretischen Leistungen von Richard Jones in «Zur Kritik der politischen Ökonomie» // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.— Berlin, 1979.— N 5.— S. 85—98.

Vörös G. Szabadság és társadalom: (Marx «Grundrisse» je nyomán) // Társadolomtud. közlem.— Budapest.— 1984.— N 2.— Old. 279—296.

Wassina L. Die Verwendung der Exzerpte der 40er Jahre bei der Ausarbeitung der Geldtheorie durch Karl Marx in den 50er Jahren des 19. Jahrhunderts // Beiträge zur Marx-Engels-Forschung.— Berlin, 1982.— N 11.— S. 81—88.

Willing G. Einige Bemerkungen zur Materialgrundlage des Buches vom Staat // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— N 20.— S. 104—115.

Willing G. Zur Genesis der Marxschen Kredittheorie (1842—1848) // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1982.— N 14.— S. 142—152.

Winkelmann R. Die Verwendungsanalyse von Exzerpten als neues Instrument der Marxforschung // 1883—1983: L'oeuvre de Marx, un siècle après.— Paris: Presses univ. de France, 1985.— P. 111—116.

Winkler G. Zu einigen Aspekten des Buches vom Grundeigentum // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— N 20.— S. 81—92.

Wygodski W. S. Die «Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie» und ihr Platz im Kampf um die ökonomische Lehre der Arbeiterklasse // Marx-Engels-Jahrbuch.— Berlin: Dietz, 1978.— 1.— S. 175—203.

Wygodski W. S. Die Verflechtung von Forschungs- und Darstellungsmethode in den «Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie» // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 9.— S. 4—18.

Yatsuyanagi R. On the «production process» discussed in Marx's «Grundrisse» // Кэйдзайгаку Сэндай.— 1979.— № 4.— С. 147—166.— На японск. яз.

Zahn L. Utopischer Sozialismus und Ökonomiekritik: Eine ökonomiegeschichtliche Untersuchung zu den theoretischen Quellen des Marxismus.— Berlin: Akad.-Verl., 1984.— 236 S.

Zengerling D. Zur Untersuchung der Ausgangskategorie in der Herausbildung der Marxschen politischen Ökonomie // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 10.— S. 64—73.

Zimmermann M. Einige Überlegungen zum Buch über Lohnarbeit // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1986.— N 20.— S. 93—103.

Zimmermann M. Marx' Ricardo — Rezeption im Heft VIII der Londoner Exzerpthefte (1850—1853) // Arbeitsblätter zur Marx-Engels-Forschung.— Halle (Saale), 1979.— N 8.— S. 18—31.

Zurawicki S. Reading the manuscripts of Karl Marx of 1857—1858 // Oekonomica polona.— Warszawa.— 1981.— N 3.— P. 257—274.

Der zweite Entwurf des «Kapitals»: Analysen, Aspekte. Argumente / Inst. für Marxismus-Leninismus beim ZK der SED, Martin-Luther-Universität Halle — Wittenberg.— Berlin: Dietz, 1983.— 360 S.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава I
ЗАНЯТИЯ МАРКСА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИЕЙ В 40-е гг. . . . 11

1. Интенсивное изучение работ буржуазных экономистов . . . . . —
1.1. Парижские эксцерптные тетради (1843—1845 гг.) . . . . . —
1.2. Манчестерские эксцерпты Маркса (1845 г.) 22
2. Экономические работы Маркса 40-х гг.: подходы к теории прибавочной стоимости 37

Глава II
НАЧАЛО НОВОГО ЭТАПА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 47

1. Лондонские эксцерптные тетради (1850—1853 гг.) как исследовательская база «Grundrisse» 49
2. Экономические проблемы в публицистике Маркса 50-х гг. 59

Глава III
ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО ВАРИАНТА «КАПИТАЛА» 73

1. Размышления над книгой Даримона . . . . . —
2. Как создавались «Grundrisse» 79
3. Работа Маркса в период между первым и вторым черновыми вариантами «Капитала» 82

Глава IV
НА ПУТИ К СОБСТВЕННОЙ ТЕОРИИ ДЕНЕГ И СТОИМОСТИ . . 88

1. Первый шаг в разработке марксистской теории денег — критика прудонистской концепции «рабочих денег» . . . . . —
2. Развитие трудовой теории стоимости в «Grundrisse» 97
3. Деньги, их сущность и функции 101

Глава V
РАСКРЫТИЕ ТАЙНЫ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЛУАТАЦИИ 110

1. Разработка теории прибавочной стоимости . . . . . —
1.1. Переход от денег к капиталу и товар «способность к труду» . . . —
1.2. Исследование процесса производства капитала 117
1.3. Научная постановка вопроса о производительном и непроизводительном труде, накоплении капитала 121
2. Революционные выводы из теории прибавочной стоимости . . . 128

Глава VI
ПРОБЛЕМАТИКА БУДУЩИХ II И III ТОМОВ «КАПИТАЛА» В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РУКОПИСИ 1857—1858 гг. 132

1. Обращение капитала (прообраз II тома «Капитала») . . . . . —
1.1. Обращение как внешний предел капиталистического производства . 133
1.2. Непосредственное единство процесса производства и процесса обращения капитала 140
2. Капитал как приносящий плоды. (В начале пути к III тому «Капитала») 152

Глава VII
ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ РАССМОТРЕНИЕ БУРЖУАЗНОЙ ПОЛИТЭКОНОМИИ 163

Глава VIII
СОЗДАНИЕ ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ «В ШИРОКОМ СМЫСЛЕ» 173

1. Методологические аспекты проблемы . . . . . —
2. Анализ форм, предшествующих капиталистическому производству, и генезиса капитализма 176
2.1. Подходы к разделу «Формы, предшествующие капиталистическому производству» в «Grundrisse» 177
2.2. Докапиталистические формы собственности: условия возникновения, этапы развития и причины разложения 181
2.3. Две стороны в генезисе капиталистической собственности 191
3. Прогнозирование коммунистической экономики в рукописи 1857—1858 гг. 195

Глава IX
ИТОГ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ МАРКСА В 50-е гг.— «К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ. ПЕРВЫЙ ВЫПУСК» (1859 г.) 201

1. Простое обращение и его моменты как непосредственный объект исследования в «Первом выпуске» . . . . . —
2. Процесс производства товаров как предпосылка простого обращения 207
3. Теоретическое доказательство двойственной природы содержащегося в товаре труда и необходимости денег 211
4. История анализа товара и денег 222

Глава X
ПРЕВРАЩЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ В ДИАЛЕКТИЧЕСКУЮ НАУКУ 228

1. Предмет политической экономии как «субъект»: объективный характер диалектики в экономической теории Маркса 229
2. Форма теоретического отображения предмета в «Grundrisse» . . 233
3. Внутренне необходимый характер переходов от абстрактного к конкретному 236
4. Отражение в политической экономии исторического процесса . . 240

Глава XI
ВЫРАБОТКА СТРУКТУРЫ БУДУЩЕГО «КАПИТАЛА» 245

1. Поиск начала теоретической системы: от «производства вообще» к товару 247
2. Общий план исследования Маркса 250
3. «Капитал вообще»: содержание и эволюция понятия 252
4. Влияние логики исследования на изложение экономической теории 261

Глава XII
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ И МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПОНИМАНИЕ ИСТОРИИ: НЕКОТОРЫЕ ПОГРАНИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ В «GRUNDRISSE» 266

1. Исследование закономерностей развития буржуазной общественно-экономической формации как отправной пункт для конкретизации материалистического понимания истории 267
   1.1. Производительные силы — способ производства — производственные отношения 268
   1.2. Экономические отношения и форма собственности 272
2. Понятие отчуждения в рукописи 1857—1858 гг. 277
   2.1. Опредмечивание, овеществление и отчуждение . . . . . —
   2.2. Отчуждение и фетишизм 281
   2.3. Воспроизводство капиталистического отношения и предпосылки преодоления отчуждения 283

Глава XIII
МЕСТО ЭКОНОМИЧЕСКИХ РУКОПИСЕЙ 1857—1859 гг. В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛЕМИКЕ ВОКРУГ ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ МАРКСА . 289

1. «Grundrisse»: вершина или промежуточный этап? . . . . . —
2. Как соотносятся с планом «шести книг» рукопись 1857—1858 гг. и «Капитал»? 294

Глава XIV
АКТУАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПЕРВОГО ЧЕРНОВОГО ВАРИАНТА «КАПИТАЛА» ДЛЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ КАПИТАЛИЗМА . . 300

1. Особенности исследования денег в «Grundrisse» и его значение для понимания эволюции денежной системы капитализма . . . . . —
2. План «шести книг»: основные направления развития политической экономии капитализма 308

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 316

ПРИМЕЧАНИЯ 319

Приложение:
КАРЛ МАРКС
СЛИТОК. ЗАВЕРШЕННАЯ ДЕНЕЖНАЯ СИСТЕМА 355

ПРИМЕЧАНИЯ 436

БИБЛИОГРАФИЯ 447

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ «КАПИТАЛА»

(Экономические рукописи К. Маркса
1857—1859 годов)

Художник *Л. Т. Рябыкина*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *Ю. А. Мухин*

ИБ № 7043

Сдано в набор 13.01.87.
Подписано в печать 06.04.87. А00061.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1.
Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.
Усл. печ. л. 29,50. Усл. кр.-отт. 30,50.
Уч.-изд. л. 34,69. Тираж 16 000 экз. Заказ 2544.
Цена 2 р. 50 к.

Политиздат.
125811, ГСП, Москва, А-47,
Миусская пл., 7.

Ордена Ленина
типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473,
Краснопролетарская, 16.-